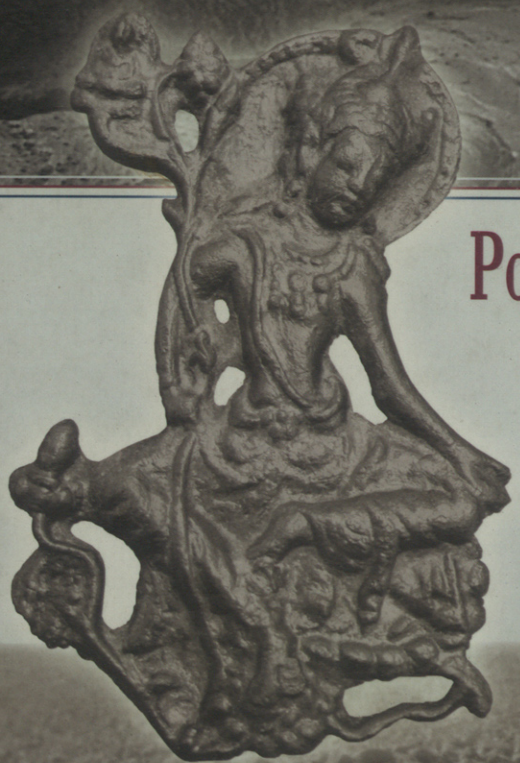


Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века

Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century

К 190-летию Азиатского музея —
Института восточных рукописей
Российской Академии наук

Dedicated to the 190th anniversary
of the Asiatic Museum — Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века

Под редакцией И.Ф. Поповой

Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century

Edited by I.F. Popova

Санкт-Петербург
2008

Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда Форда

Published with the support of the Ford Foundation

Перевод на русский язык с японского:
В.Ю. Климов (с. 176–187)
Перевод на русский язык с китайского:
И.Ф. Попова (с. 219–226)
Перевод на русский язык с английского:
И.Н. Стукалина (с. 188—218)

Translated from the Japanese into Russian
by *V.Yu. Klimov* (pp. 176–187)
Translated from the Chinese into Russian
by *I.F. Popova* (pp. 219–226)
Translated from the English into Russian
by *I.N. Stukalina* (pp. 188–218)

Перевод на английский язык:
Е.С. Петрова (с. 11—49)
Р.С. Смирнов и *С.Р. Смирнов* (с. 7, 50—187, 219—226)

Translated from the Russian into English
by *E.S. Petrova* (pp. 11–49),
R.S. Smirnov and *S.R. Smirnov* (pp. 7, 50–187, 219–226)

Фотограф: *С.Л. Шевельчинская*
Реставрация рукописей: *Л.И. Крякина*

Photographs by *S.L. Shevelchinskaya*
Manuscripts restored by *L.I. Kryakina*

Редактор: *О.А. Федосеенко*
Редактор текста на английском языке: *Е.Ю. Харькова*
Дизайн: *И.М. Далёкая*

Edited by *O.A. Fedoseyenko*
English text edited by *E.Yu. Kharkova*
Designed by *I.M. Dalyokaya*

Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века / Сборник статей. Под ред. И.Ф. Поповой. — СПб.: издательство «Славия», 2008. — 244 с., ил.

Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Collected articles. Edited by I.F. Popova. — SPb.: Slavia, 2008. 244 p., ill.

В сборник помещены статьи, освещающие историю освоения Центральной Азии российскими исследователями, а также этапы изучения археологических, рукописных и этнографических коллекций, доставленных экспедициями конца XIX — начала XX в. Издание посвящено 190-летию Института восточных рукописей (бывшего Азиатского музея) Российской Академии наук, где хранятся и изучаются уникальные рукописи на восточных языках из Центральной Азии.

The present edition includes the articles covering the history of exploration of Central Asia by Russian researchers and the stages of study of archaeological, manuscript and ethnographic collections brought by Russian expeditions at the turn of the 20th century. The book is dedicated to the 190th anniversary of the Institute of Oriental Manuscripts (the former Asiatic Museum) of the Russian Academy of Sciences, where unique manuscripts in Oriental languages are kept and studied.

НА С. 2
Институт восточных рукописей РАН (Ново-Михайловский дворец)
НА С. 8
Дуньхуан. Общий вид пещерного монастырского комплекса Могаоку. 1914
НА С. 9
Карта Средней Азии. 1863. ИВР РАН, рукописный фонд, инв. № К-1
НА С. 10
Дуньхуан. Главный вход в пещерный монастырский комплекс Могаоку. 1914

ON PAGE 2
Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (Novo-Mikhailovsky Palace)
ON PAGE 8
Dunhuang. The Mogaoku cave monastery. General view. 1914
ON PAGE 9
Map of Middle Asia. 1863. IOS RAS, Manuscript Department, inv. No K-1
ON PAGE 10
Dunhuang. The main entrance to the Mogaoku cave monastery. 1914

© Институт восточных рукописей Российской Академии наук, Санкт-Петербург, 2008
© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2008

ISBN 978-5-9501-0159-5

Содержание

И.Ф. Попова
Российские экспедиции в Центральную Азию
на рубеже XIX—XX веков 11

Л.Ю. Тугушева
Экспедиции в Центральную Азию и открытие
раннесредневековых тюркских письменных памятников 40

С.Г. Кляшторный
Древнетюркские памятники рунического письма
из Восточного Туркестана 50

М.И. Воробьева-Десятовская
Экспедиция М.М. Березовского в Кучу (1905—1908) 65

Ю.И. Елихина
Буддийские памятники из Хотана
в собрании Государственного Эрмитажа 75

В.А. Лившиц
Manichaica в Азиатском музее 82

С.В. Дмитриев, Л.Ф. Попова
Кашгарская коллекция С.М. Дудина
в Российском этнографическом музее 88

Т.И. Юсупова
Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907—1909)
и открытие Хара-Хото 112

Е.И. Кычанов
Тангутский фонд Института восточных рукописей
Российской Академии наук и его изучение 130

И.Ф. Попова
Первая Русская Туркестанская экспедиция
С.Ф. Ольденбурга (1909—1910) 148

И.Ф. Попова
Вторая Русская Туркестанская экспедиция
С.Ф. Ольденбурга (1914—1915) 158

Таката Токио
Японские исследователи российских коллекций
из Центральной Азии 176

Имре Галамбош
Участие Англии в японских исследованиях в Центральной Азии.
Роль А.О. Хоббса в третьей экспедиции Отани 188

Сьюзан Витфилд
Взаимоуважение в отношениях ученых
в период политического противостояния 203

Жун Синь-цзян
Русские экспедиции и китайские власти
в конце XIX — начале XX века 219

Именной указатель 228

Указатель географических названий 235

Принятые сокращения 242

Contents

I.F. Popova
Russian Expeditions to Central Asia
at the Turn of the 20th Century 11

L.Yu. Tugusheva
Expeditions to Central Asia and the Discovery
of Early Medieval Turkic Manuscripts 40

S.G. Klyashtorny
Old Turkic Monuments of Runic Writing
from Eastern Turkestan 50

M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya
M.M. Berezovsky's Expedition to Kucha (1905–1908) 65

Yu.I. Elikhina
Buddhist Monuments from Khotan
in the Collection of the Hermitage 75

V.A. Livshits
Manichaica in the Asiatic Museum 82

S.V. Dmitriyev, L.F. Popova
S.M. Dudin' Kashgar Collection
in the Russian Museum of Ethnography 88

T.I. Yusupova
P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907–1909):
the Discovery of Khara-Khoto 112

E.I. Kychanov
The Tangut Collection of the Institute of Oriental Manuscripts:
History and Study 130

I.F. Popova
S.F. Oldenburg's First Russian
Turkestan Expedition (1909–1910) 148

I.F. Popova
S.F. Oldenburg's Second Russian
Turkestan Expedition (1914—1915) 158

Takata Tokio
Japanese Researchers of Russian Collections
from Central Asia 176

Imre Galambos
An English Participant in the Japanese Exploration of Central Asia.
The Role of A.O. Hobbs in the Third Otani Expedition 188

Susan Whitfield
Scholarly Respect in an Age
of Political Rivalry 203

Rong Xin-jiang
Russian Expeditions and the Chinese Authorities
in the Late 19th and Early 20th Centuries 219

Index of personal names 231

Index of geographical names 238

Abbreviations 243

Наше издание посвящено знаменательной дате — 190-летию Института восточных рукописей Российской Академии наук, бывшего Азиатского музея, основанного 11 (23) ноября 1818 г., в то время, когда Россия стала превращаться в мировую державу и когда изучение письменных памятников Востока явилось основой как практического, так и академического, фундаментального востоковедения в нашей стране. Азиатский музей был призван собирать, хранить и исследовать письменные памятники, книги и рукописи на восточных языках.

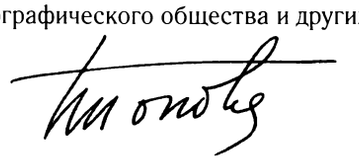
В 1930 г. Азиатский музей был реорганизован в Институт востоковедения Академии наук СССР, задачами которого стало, прежде всего, обоснование политики Советского Союза на Востоке, создание новых письменностей, составление словарей восточных языков и грамматик — в первую очередь, языков народов Советской Средней Азии, а также изучение рукописных коллекций. Блестяще справившись с исследовательскими задачами, институт не сумел решить прикладные внешнеполитические, и в 1951 г. было принято решение о его переводе в Москву в целях «обеспечения повседневного руководства» со стороны Президиума Академии наук. В Ленинграде был оставлен Сектор (первоначально его называли также музеем) восточных рукописей Института востоковедения, главной задачей которого оставалось хранение и изучение рукописной коллекции бывшего Азиатского музея. В 1956 г. Сектор был переименован в Ленинградское отделение Института востоковедения, в 1960—1969 гг. он назывался Ленинградским отделением Института народов Азии Академии наук СССР, а в 1991 г. получил статус Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук. 19 июня 2007 г. Президиум Российской Академии наук принял Постановление № 143 о реорганизации Института востоковедения с выделением Санкт-Петербургского филиала и созданием на его основе самостоятельного учреждения — Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН). Основной его задачей по-прежнему является исследование письменных памятников Востока.

В настоящее время коллекция ИВР РАН содержит около 100 тысяч рукописей и старопечатных книг на 65 живых и мертвых восточных языках. Эта крупнейшая в нашей стране и одна из немногих значимых коллекций восточных рукописей в мире является уникальным явлением в отечественной культуре. Она создавалась усилиями многих поколений граждан России — ученых, дипломатов, государственных деятелей, меценатов. В 1844 г. российское правительство вменило в обязанность всем консулам, служившим в Азии, покупать древние рукописи на восточных языках. Этот порядок неукоснительно соблюдался вплоть до начала Первой мировой войны. Целенаправленные усилия академиков-востоковедов приводили к прорывам в науке именно благодаря изучению собранных ими в Азиатском музее коллекций. С первого дня существования музей занимался не только хранительской и исследовательской, но и просветительской деятельностью, представляя свои фонды широкой публике. Желающие «без всяких формальностей» могли ознакомиться с выставленными в его залах раритетами, а востоковеды — пользоваться его рукописями.

Исследования российских экспедиций в Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. оставили выдающийся след в мировой истории и стали важным этапом в пополнении фондов Азиатского музея. Русскими учеными и путешественниками были положены на карту тысячи километров неизведанных земель, их географические работы и картографирование сыграли решающую роль в формировании границ государств региона, а результаты историко-этнографических наблюдений и по сей день оказывают влияние на научные подходы к проблемам Центральной Азии.

Экспедиции рубежа XIX—XX вв. открыли миру следы ушедших цивилизаций и народов. Обнаруженные ими памятники письменной культуры привели к сенсационному открытию мертвых языков и вернули человечеству память о давно забытых государствах и народах. Благодаря доставленным ими материалам возникли уникальные направления науки — дуньхуановедение, тангутика, уйгуроведение, тюркская руническая эпиграфика.

Восточные рукописи, доставленные российскими экспедициями в Центральную Азию, влились в собрание Азиатского музея – Института восточных рукописей РАН. Материалы естественнонаучного, археологического, этнографического и прочего содержания вошли в фонды ряда научных учреждений Санкт-Петербурга — Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Российского этнографического музея, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Архива Русского Географического общества и других.



И.Ф. Попова,
директор Института восточных рукописей
Российской Академии наук

This edition is dedicated to a significant date – the 190th anniversary of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, the former Asiatic Museum, which was founded on 11 (23) November 1818, at the time when Russia was turning into a world power and the study of written monuments became the basis of both practical and academic Oriental Studies in our country. The Asiatic Museum was supposed to collect, preserve and study written monuments, books and manuscripts in Oriental languages.

In 1930 the Asiatic Museum was reorganized into the Institute of Oriental Studies, designed primarily for providing scholarly support of the USSR's policy in the East, as well as for creating new scripts, compiling bilingual (foreign-Russian) dictionaries for Oriental languages and creating grammars, mostly for the languages of the Soviet Middle Asian peoples, plus the study of the manuscript collections. While coping brilliantly with the research objectives, the Institute failed to address the applied foreign policy tasks effectively, therefore in 1951 it was decided that the Institute of Oriental Studies should move to Moscow for the Presidium of the Academy of Sciences to carry on its "day-to-day steering". What was left in Leningrad was the Section (initially also referred to as museum) of Oriental Manuscripts of the Institute of Oriental Studies; the Section's principal objective was still the preservation and description of the manuscript collection of the former Asiatic Museum. In 1956 it was renamed the Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies; in 1960–69 its name was the Leningrad Branch of the Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences until, in 1991, it was given the status of St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Russian Federation. On 19 June 2007, the Presidium of the Russian Academy of Sciences adopted resolution No 143 on the reorganization of the Institute of Oriental Studies, with its St. Petersburg Branch becoming a separate unit called the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The main function of this centre of Oriental Studies remains the study of the written monuments of the East.

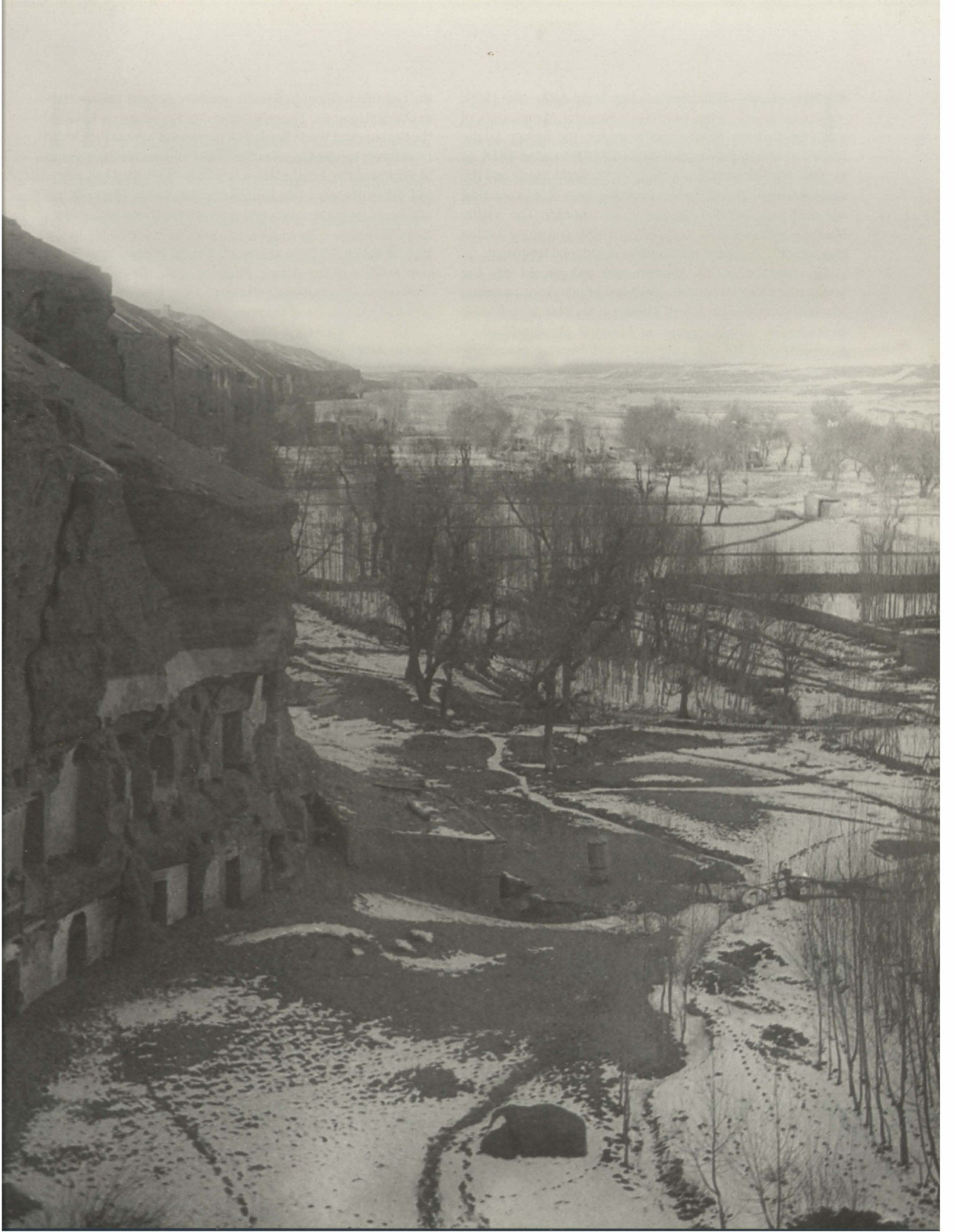
At present the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences contains about 100 thousand manuscripts and old printed books in 65 live and dead languages of the East. Largest in Russia and ranking with the world's two or three most significant collections of Oriental manuscripts, the Institute's collection is a unique phenomenon of Russian culture. It was created by the efforts of many generations of Russian citizens, such as diplomats, statesmen and art patrons. In 1844 the Russian Government ordered all the Consuls working in Asia to purchase ancient manuscripts in Oriental tongues. The order was strictly observed up to 1914, the beginning of World War I. The purposeful work of the Orient researchers resulted in scientific breakthroughs precisely owing to studies of the Asiatic Museum's collections they had amassed. Since the day of its foundation, the Asiatic Museum has combined its preservation and research functions with educational activities – by making its collections accessible to the general public. All those who wanted to get acquainted with the rare exhibits of the Asiatic Museum were allowed to do so "without any formalities"; likewise, Orient researchers were able to make full use of the manuscripts.

The late 19th–early 20th century was an important period for the Asiatic Museum's collections growth as a result of the fruitful Russian expeditions to Central Asia, which left an outstanding trace in world history. The Russian researchers and explorers mapped thousands of kilometers of unknown lands; their geographic research and cartography played a decisive role in the marking of borders for the states in the region, while the results of their historical and ethnographical observations have had a bearing on the scientific approaches to Central Asian issues.

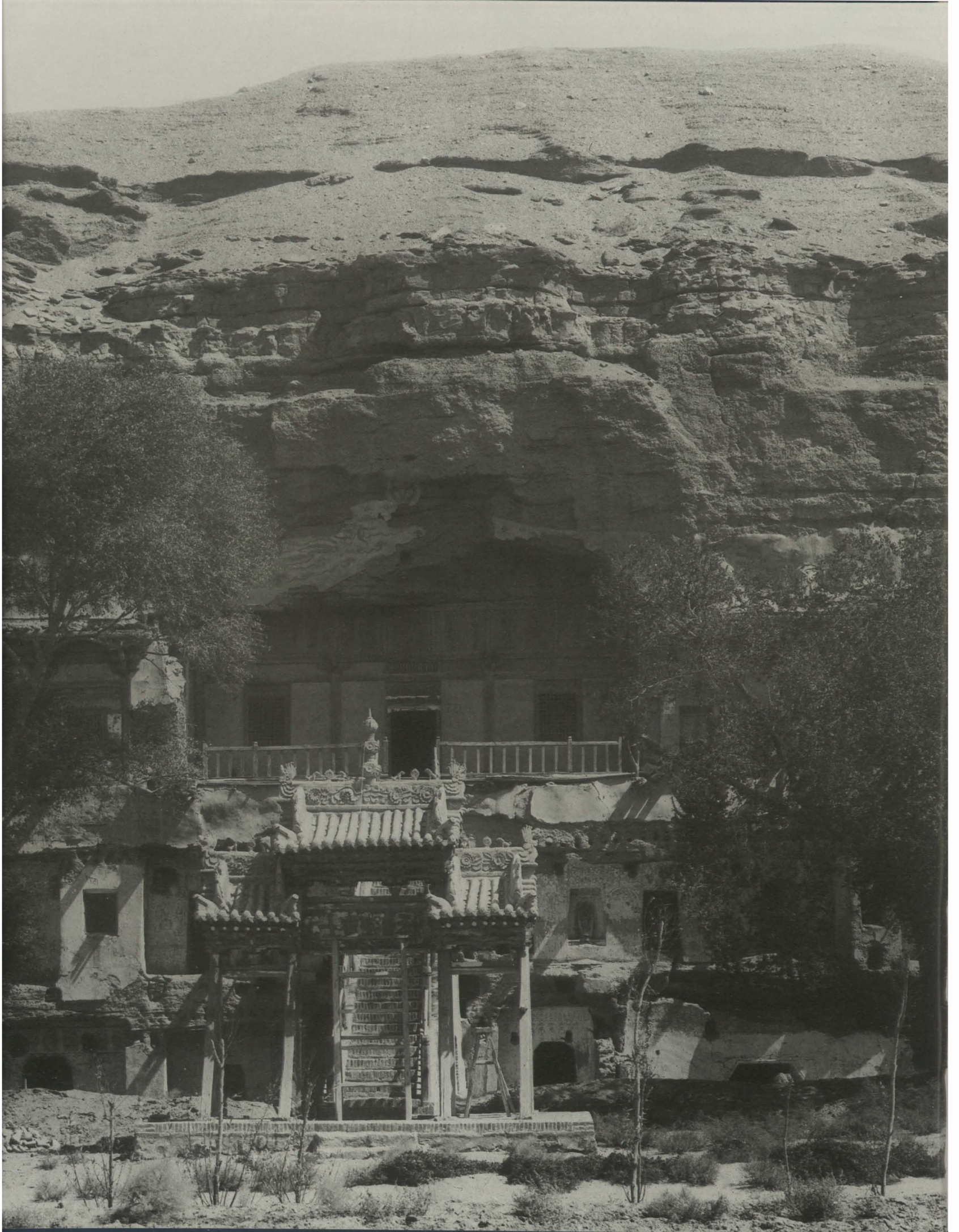
Expeditions carried out in the late 19th and early 20th centuries opened up to the world remarkable traces of bygone civilizations and nations. The monuments of written culture they had found led to the sensational discovery of their dead languages and regained for humanity the memory of long forgotten states and peoples. Thanks to the materials they brought, some unique branches of knowledge came into being, such as Dunhuang studies, Tangut studies, Uighur studies and Turkic runic epigraphy.

The Oriental manuscripts brought by the Russian expeditions from Central Asia entered the collection of the Asiatic Museum (present Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). Materials of natural science, archaeology, ethnography and other spheres entered a number of institutions of St. Petersburg, such as the State Hermitage Museum, the Peter I Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, the Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, the Archives of the Russian Geographic Society and some others.

I.F. Popova,
Director of the Institute of Oriental Manuscripts
of the Russian Academy of Sciences



ОКРУГЪ БУРЪ-БАРА-УСУ
ОКРУГЪ КУРЪ-КАРА-УСУ
ОКРУГЪ АКСУ
ОКРУГЪ КАРАШАРЪ
ОКРУГЪ ХОТАНЪ
ОКРУГЪ ЮРУМЧИ
ОКРУГЪ ТУРФАНЪ
ОКРУГЪ БАРКУЛЬ
ОКРУГЪ ЧУГУЧАКЪ
ОКРУГЪ ГУЧЖЭНЪ
ОКРУГЪ ЯРКЕНДЪ
ОКРУГЪ ЯНГИ-ГИССАРЪ
ОКРУГЪ ЯНГИ-ГИССАРЪ
ОКРУГЪ ЯНГИ-ГИССАР



Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX—XX веков

И.Ф. Попова

Обширные пространства Центральной Азии, населенные многочисленными разноязыкими народами, соединяющими в своей культуре черты буддийского, мусульманского и христианского Востока, кочевой и оседлой цивилизаций, становятся объектом систематических исследований в России с начала XIX в. Более ранние сведения купцов и путешественников, посещавших этот регион, свидетельствовали о большом экономическом и культурном значении контактной зоны между Россией и Дальним Востоком и о необходимости всестороннего ее изучения.

Центральная Азия включает пространные пустыни и полупустыни, нагорья и плоскогорья. Ее естественная граница на востоке проходит по южным цепям Большого Хингана и хребту Тайшань, на юге — по верховьям рек Инд и Брахмапутра, на западе и севере — по горным хребтам Восточного Казахстана, Алтая, Западного и Восточного Саяна. После распада Советского Союза в понятие Центральной Азии стали включать и территорию Средней Азии, на которой расположены государства Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Казахстан.

В европейской исторической традиции использовались разные названия как всего региона, так и отдельных его территорий. Территория Центральной Азии, именуемая в китайских источниках Западным краем (*Си юй*), в русской и европейской исторической литературе XVIII — начала XIX в. называлась Малой Бухарией, в отличие от Большой, где располагалось Бухарское ханство. В XVIII—XIX вв. в Европе эти районы стали именовать Туркестаном, от *Тук-истан,* или Страна тюрок, первоначального иранского названия земель кочевания тюркских племен к востоку от Ферганы и Бухары. Позже, когда тюрки заселили огромные пространства от Каспия до Лопнора, название Туркестан получило новое содержание, настолько обширное, что понадобилось разделение его на Западный, Бухарский, или Русский, Туркестан, а также Восточный, или Китайский[1]. Пространство Таримской равнины именовалась Кашгарией; обширные земли между озером Балхаш на севере и Тянь-Шанем на юге, в долине рек Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд — Семиречьем. Восточный Туркестан называли Моголистаном (Могулистаном), что было

[1] Мурзаев Э.М. Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957. С. 255.

Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century

I.F. Popova

The vast spaces of Central Asia, inhabited by numerous nomadic and sedentary peoples speaking different languages and combining features of Buddhist, Muslim and Christian East in their cultures, have been an object of systematic study in Russia since the early nineteenth century. Early evidence from merchants and travellers who visited the area proves that the contact zone between Russia and the Far East was highly important, both economically and culturally, and therefore required all-round investigation.

The vast land of Central Asia encompasses extensive deserts and semi-deserts, plateaus and highlands. Its natural boundary is formed by the southern mountain chains of the Greater Khingan Range and the Tai Shan ridge in the east, the upper reaches of the Indus and the Brahmaputra in the south, and the mountain ridges of Eastern Kazakhstan, the Altai, and the Western and Eastern Sayan in the west and north. After the disintegration of the Soviet Union the notion of Central Asia was extended to Middle Asia, where such countries as Turkmenistan, Tadjikistan, Uzbekistan, Kyrghyzstan and Kazakhstan are located.

The European historical tradition has used various names to refer to the entire region and its parts. The territory of Central Asia, described as the 'Western Regions' (*Xi yu*) in Chinese sources, was referred to in the Russian and European historiography of the 18th and early 19th century as Lesser Bukharia, in contrast to Greater Bukharia, where the Bukhara Khanate was situated. In Europe, these lands came to be referred to, in the 18th and 19th centuries, as Turkestan, or *Tuk-istan*, i.e. 'the Land of Turks', which was the original Iranian name for the territory east of Fergana and Bukhara where nomadic Turkic tribes roamed. Subsequently, when the Turkic tribes occupied the enormous territory from the Caspian Sea to Lop Nor, the name Turkestan developed a new reference, so broad that it was deemed necessary to distinguish such areas as Western — Bukhara, or Russian Turkestan — and Eastern, or Chinese Turkestan[1]. The Tarim Basin was called Kashgaria; the vast area between Lake Balkhash in the north and the Tian Shan in the south, in the valley of the Yili, the Karatal, the Bien, the Aksu, the Lepsa, the Baskan and the Sarkand, was designated as Semirechye (*Russ.* the 'Land of the Seven Rivers').

[1] Murzayev, E.M. *Middle Asia. An Outline of Physical Geography*. M., 1957, p. 255.

связано с существованием здесь в XIV—XVI вв. Моголистанского ханства. Историческая область Джунгария (Чжунгария) на Джунгарской равнине, между Монгольским Алтаем на севере и Тянь-Шанем на юге, получила название по месту обитания джунгар (ойратов). В настоящее время географические понятия Восточный Туркестан и Западный край считаются тождественными, обозначающими территорию Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики или провинции Синьцзян Цинского Китая (1644—1911), образованной в 1884 г. Топоним *Синьцзян* (Новая линия, Новая граница) вошел в употребление применительно к данному региону в конце XVIII в. после присоединения Цинами земель к востоку от Средней Азии. Сначала это название относили ко всем новым территориям Китая без исключения, и лишь со времени царствования императора Цзяцина (1796—1820) Синьцзяном стали именовать вновь присоединенные к империи земли на северо-западе.

Торговые связи Европы с Дальним Востоком установились не позднее I в. до н. э., когда в древнеримской литературе появились первые указания на потребление шелковых тканей несомненно китайского производства. Эти ранние контакты не были прямыми. В первое тысячелетие нашей эры китайские товары (главным образом шелк) проходили по так называемому Шелковому пути через руки купцов-посредников — арабов, хорезмийцев, согдийцев. Дальнейшее расширение знаний о Центральной и Восточной Азии на Западе было связано с арабскими завоеваниями VII—IX вв. В арабских и персидских исторических и географических сочинениях ал-Истахри, Ибн Хаукала, ал-Мукаддаси, Ибн ал-Факиха, Ибн Хордадбеха, Кудамы, Ибн Русте, ал-Йакуби, ал-Масуди, ал-Бируни, Гардизи, Йакута и др. содержались сведения по истории и культуре народов Центральной Азии. В XII—XIII вв. европейцы, снаряжавшие крестовые походы и направлявшие посольства к монгольским ханам (Плано Карпини, Гильом Рубрук), добыли новые сведения о Центральной Азии.

Возвышение в XII в. итальянских морских республик привело к более активному проникновению на Восток европейцев. Дипломаты, купцы, путешественники, странствующие монахи устремились в страны Азии, ставя перед собой конкретные практические и миссионерские задачи. Период накопления знаний о Востоке и создания предпосылок для его научного исследования продолжался в Европе до XV в. В это время еще не было создано работ, основанных на оригинальных источниках на восточных языках; многие сведения черпались из сирийской, византийской и древнеармянской литератур, которые служили посредниками между Востоком и Западом. Материал, собранный европейцами путем личных наблюдений и расспросов на Востоке, обобщался в самой разнообразной многожанровой литературе, к которой относились путевые заметки, дорожники, сборники

Eastern Turkestan was called Mogolistan (also Mogulistan) for the Mogolistan Khanate situated there from the 14th till the 16th century. The historical area of Jungaria, between the Mongolian Altai Mountains to the north and the Tian Shan to the south, derives its name from the local tribe of Jungar, or Oirat.

Today the geographical names 'Eastern Turkestan' and the 'Western Regions' are regarded as synonymous designations of the territory occupied by Xinjiang-Uighur Autonomous Region in the People's Republic of China, or the Xinjiang Province of China during the reign of the Qing Dynasty (1644—1911), established in 1884. The place-name Xinjiang ('New Line' or 'New Frontier') gained currency with reference to this area in the late 18th century, after the Qing Dynasty had spread its power over the lands east of Middle Asia. Initially this place-name designated all of China's new territories without exception. It was not until the reign of the emperor Jia-qing (1796—1820) that the name Xinjiang was limited to the Chinese Empire's newly annexed northwestern lands.

Trade relations between Europe and the Far East were established no later than the first century BC, when Roman sources began making references to the use of silk fabrics, undoubtedly produced in China. The early contacts, however, were indirect. During the first millennium AD Chinese goods (chiefly silk) were carried on what was known as the Silk Road by Arab, Khwarazmian and Sogdian middlemen. The West gained further knowledge of Central and Eastern Asia in connection with the Arab conquests in the 7th through the 9th centuries. Arabic and Persian historical and geographical writings by al-Istakhri, Ibn Hauqal, al-Muqaddasi, Ibn al-Faqih, Ibn Hordadbeh, Qudama, Ibn Ruste, al-Yaqubi, al-Masudi, al-Biruni, Gardizi, Yaqut, and other authors contained information on the history and culture of Central Asian peoples. More information on Central Asia came from Europeans, who launched crusades and sent their envoys (e.g., Pian del Carpini and Willem van Ruysbroeck) to the Mongol khans in the 12th and 13th centuries.

The rise of the Italian coastal republics in the 12th century further stimulated the Europeans' travels to the East. Diplomats, merchants, adventurers and wandering monks flocked to Asia pursuing their own practical and missionary goals. Accumulation of information about the Orient and creating the necessary prerequisites for research continued up to the 15th century. That period was marked by a lack of writings based on original sources in Oriental languages; most of the information came from Syriac, Byzantine and Old Armenian literatures, intermediaries, as it were, between East and West. Europeans began summing up their knowledge, accumulated by means of direct observations and inquiries, in diverse writings and genres, e.g. travel notes, itineraries, journals, road novels, chronicles, crusade projects, works by missionaries and pilgrims,

путешествий, романы-путешествия, исторические хроники, проекты крестовых походов, труды миссионеров и паломников, эпистолярная литература, повествовательные новеллы[2]. В конце XIII в. венецианец Марко Поло, проживший 17 лет в Китае, посетил и описал в своей «Книге» многие части Азии[3].

Н.Я. Бичурин
N.Ya. Bichurin

Через Центральную Азию устанавливаются первые контакты русских с Китаем. К XIII в. относятся сведения о пребывании русских в Каракоруме. Тогда же через Монголию в Китай были доставлены русские пленники, которые составили охранный русский полк при дворе монгольской династии Юань (1271—1368). В XVI в. сведения о Кашгарии пришли в Россию от казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ямышева, направленных в Китай Иваном Грозным в 1567 г. В начале XVII в. через Западную Монголию в Китай проследовали посольства Василия Тюменца (1615), Ивана Петлина (1618) и Федора Байкова (1654). В 1713 г. тобольский купец Ф. Трушников дошел до озера Кукунор и верховьев Хуанхэ. В XVIII в. в Кашгаре побывал Филипп Сергеевич Ефремов (1750—1811?), оставивший в воспоминаниях о своем путешествии сведения о Восточном Туркестане и Средней Азии, а также о населении и торговле в городах Кашгар и Яркенд[4].

Начало научного этапа в изучении Средней и Центральной Азии в России связано с именем выдающегося ученого Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинф, 1777—1853). Накопив большой материал во время пребывания в Китае в 1807—1821 гг., Н.Я. Бичурин решил при подготовке к печати своих научных трудов сначала ознакомить русскую общественность с сопредельными регионами, а потом перейти к собственно Китаю. «Порядок требовал прежде осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, — писал Н.Я. Бичурин, — т. е. те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и через которые самый Китай имеет связи с Индиею, Среднею Азиею и Россиею. Надлежало прежде обозреть географическое положение и политическое состояние помя-

epistles, and narrative literature.[2] In the late 13th century, Marco Polo, who had spent seventeen years in China and visited many parts of Asia,[3] described his experiences in his *Travels*.

It was via Central Asia that the Russians first established contacts with China. The earliest evidence of Russian presence in Karakorum dates from the 13th century. During the same period Russian prisoners were brought to China via Mongolia to serve on the Russian guard regiment at the court of the Yuan Dynasty (1271—1368). In the 16th century, Russia received some information about Kashgaria through Ivan Petrov and Burnash Yamyshev, the Cossack *atamans* dispatched to China by Ivan the Terrible in 1567. In the early 17th century, the diplomatic missions led by Vasily Tyumenets (1615), Ivan Petlin (1618) and Fyodor Baikov (1654) travelled to China via Western Mongolia. In 1713, F. Trushnikov, a Tobolsk merchant, reached Lake Koko Nor and the upper reaches of the Huang He. In the 18th century, Filipp Sergeyevich Efremov (1750—1811?) visited Kashgar and recorded his reminiscences of Eastern Turkestan and Middle Asia together with information on the population and commerce in the towns of Kashgar and Yarkend.[4]

In Russia, a scientific study of Central and Middle Asia was started by the outstanding Sinologist Nikita Yakovlevich Bichurin (Father Iakinf, 1777—1853). Having amassed a wealth of material during his stay in China in 1807—21, he determined that the Russian public should be made aware of regions bordering on China before being introduced to China itself. He wrote: "It was in the order of things that Tibet, Turkestan and Mongolia should be dealt with first, as those countries have long maintained contacts with China and given China itself access to India, Middle Asia and Russia. It deemed appropriate to begin by surveying the geographical location and political structure of the aforementioned countries and then go on to describe China's political views on those. Therefore, I decided to preface my account of China with some notions pertaining to

---

2 Горелов Н.С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов / Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. наук. СПб., 2006. С. 10—13.

3 Книга Марко Поло / Пер. старофранц. текста И.П. Минаева. Вступит. ст. И.П. Магидовича. М., 1956.

4 Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда чрез Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786.

2 Gorelov, N.S. *Orient as Reflected in European Medieval Tradition: Creating Views and Stereotypes*. Abstract of the doctoral thesis. SPb., 2006, pp. 10—13.

3 *"The Travels" of Marco Polo*. Translated from the Old French by I.P. Minayev, with an introduction by I.P. Magidovich. M., 1956.

4 *The Story of the Ten-year-long Travel and Adventure of the Russian Subaltern Efremov (Presently the Collegiate Assessor) in Bukharia, Khiva, Persia, and India, and His Return to Russia via England, Written by Himself*. SPb., 1786.

нутых стран и отсюда вывести политические виды Китая на оные. Таким образом, я имел в виду еще до вступления в Китай подать некоторые понятия о тамошнем дворе и политике его, о тамошнем правительстве и законах его, о народных нравах и обычаях. По вступлении в самый Китай уже менее встретим затруднений при обозрении полного состава китайской империи во всех политических ее изгибах»[5].

Труды по исторической географии, бесспорно, остаются самыми востребованными среди наследия Н.Я. Бичурина, как опубликованного, так и неопубликованного, хранящегося в архивах. Они не утратили своей актуальности вплоть до настоящего времени и благодаря абсолютной точности перевода и локализации географических данных остаются важнейшим источником для исследований по археологии, истории и этнографии древней и средневековой Азии. В 1828 г. Н.Я. Бичурин опубликовал работу «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», основанную на комментированном переводе китайского сочинения XVIII в. «Описание Тибета с иллюстрациями» (衛藏圖識 «Вэй цзан ту ши»). Первая книга о Тибете на русском языке получила высокую оценку в России и за рубежом. В ряде газет и журналов появились рецензии, отмечавшие ее большое научное значение, в 1829 г. она была опубликована на французском языке с примечаниями Генриха Юлиуса Клапрота (1783—1835). В 1828 г. вышел труд Н.Я. Бичурина «Записки о Монголии», представлявший полное, основанное на китайских источниках описание Монголии. Книга также была сразу переведена на французский язык. Издание работ о Тибете и Монголии стало главным основанием для избрания Н.Я. Бичурина 17 (29) декабря 1828 г. членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Книга «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии» впервые увидела свет в 1829 г. и стала третьей большой работой о. Иакинфа. В нее вошли переводы из важнейших китайских источников: «Повествования о Западном крае» («Си юй чжуань»); 96-й главы «Истории династии Ранняя Хань» («Цянь Хань шу»); «Описания виденного и слышанного о Западном крае» (西域問見錄 «Си юй вэнь цзянь лу»), изданного в 1777 г.; официального географического свода Китая XVIII в. «Полное географическое описание Великой империи Цин» (大清一統志 «Дай Цин и тун чжи»). К сожалению, труд о Восточном Туркестане не привлек к себе такого же внимания публики, как две предыдущие работы. Оценка подлинного значения «Описания Чжунгарии и Восточного Туркестана» стала возможна гораздо позже, а тогда единственным непосредственным откликом на нее была рецензия Н.А. Полевого[6].

its court and politics, government and legislation, and popular customs and traditions. In dealing with China proper, then, we would find it easier to give a full perspective on the Chinese Empire with all of its political twists."[5]

Bichurin's works on historical geography are undoubtedly the most prominent part of his writings, published or otherwise, preserved in the archives. Owing to the perfectly accurate translation and localization of geographical data, they still remain valid today, serving as a valuable resource on the archaeology, history and ethnography of ancient and medieval Asia. In 1828, Bichurin published his *Account of Tibet in Its Present State*, based on the annotated translation of the 18th-century Chinese source entitled *Account of Tibet with Illustrations* (衛藏圖識 Wei Zang tu shi). His work, the first book on Tibet to be published in the Russian language, was highly acclaimed in Russia and abroad. A number of periodicals carried reviews emphasizing its great scholarly value. The French translation with commentaries by Heinrich Julius Klaproth (1783—1835) saw the light in 1829.

In 1828 Bichurin published his *Notes on Mongolia*, a comprehensive description of Mongolia based on Chinese sources. This book, too, was soon translated into French. It was chiefly due to his publications devoted to Tibet and Mongolia that Bichurin was elected Corresponding Member of the Imperial Academy of Sciences on 17 (29) December 1828. His next book, *Account of Jungaria and Eastern Turkestan in Their Ancient and Present State* appeared in 1829, becoming Father Iakinf's third major work. It included translated excerpts from such important Chinese sources as *Narratives about the Western Regions* (Xi yu zhuan), Chapter 96 of the *History of the Former Han Dynasty* (Qian Han shu), *An Account of What Has Been Seen and Heard of the Western Regions* (西域問見錄 Xi yu wen jian lu) published in 1777, and the 18th-century Chinese official geographical compendium entitled *A Comprehensive Geographical Outline of the Great Qing Empire* (大清一統志 Da Qing yi tong zhi). Unfortunately, his book on Eastern Turkestan did not bring as much public attention as had Bichurin's two previous works. It was not until much later that the true worth of his *Account of Jungaria and Eastern Turkestan in Their Ancient and Present State* was recognized. Meanwhile, the only contemporary review was that by N.A. Polevoi. [6]

---

5 [Бичурин Н.Я.] о. Иакинф. Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти стр. В 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1842. С. 3—4.

6 Полевой Н.А. Современная библиография // Московский телеграф. Ч. 25. М., 1829. Прибавление к № 4. С. 532—543.

5 [Bichurin, N.Ya.] Father Iakinf. *A Statistical Outline of the Chinese Empire*. Complete with a five-page geographic map. Parts 1, 2. Part 1. SPb., 1842, pp. 3—4.

6 Polevoi, N.A. "Contemporary Bibliography." *Moskovsky telegraf*. Issue 25. M., 1829. Supplement to No 4, pp. 532—543.

В 1848 г. Академия наук поручает Н.Я. Бичурину написать труд по истории народов Средней Азии. В результате он создает фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованное в 1851 г.[7] Основано оно было на переводах китайских источников, которые ранее никогда не были представлены западным читателям. В этот труд вошел исправленный перевод раздела «Си юй чжуань», извлечение о соседях Китая из «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня, а также материалы из официальных историй династий Поздняя Хань (25—220), Цзинь (265—420), Вэй (386—534), Северных и Южных династий, Суй (581—617) и Тан (618—907) («Хоу Хань шу», «Цзинь шу», «Вэй шу», «Бэй ши», «Нань ши», «Суй шу», «Тан шу»).

Н.Я. Бичурин сумел выявить в китайских исторических сочинениях большое количество сведений о государствах и народах Азии и предоставить эти сведения в распоряжение исследователей, которым они были недоступны. В январе 1823 г. в письме к историку и государственному деятелю Алексею Николаевичу Оленину (1763—1845) Н.Я. Бичурин писал: «...замечания о древнем состоянии Азии, разбросанные на обширном пространстве истории китайской, имеют тесную между собою связь, подобно границам, где одна черта, разделяющая два владения, принадлежит обоим. Ибо с означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно, с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь»[8].

Труды Н.Я. Бичурина увидели свет в то время, когда Россия стала превращаться в мировую евразийскую державу. Значительно расширив свое влияние на Дальнем Востоке и в Тихом океане, она начала осознавать подлинное геополитическое значение внутренней Азии и обращать внимание на необходимость ее всестороннего изучения. 6 (18) августа 1845 г. по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге было создано Русское Географическое общество (РГО), «первой задачей» которого было заявлено собирание и распространение достоверных сведений о России, а «второй важной задачей должно было стать изучение зарубежных стран, в первую очередь сопредельных с Россией Турции, Персии, Китая и т. д.»[9]. В 1846 г. было создано Русское

In 1848, the Academy of Sciences entrusted Bichurin with compiling a history of the peoples of Middle Asia. As a result, he produced a thorough three-volume study entitled *A Collection of Information about the Peoples Living in Middle Asia in Ancient Times*, first published in 1851.[7] It was based on translations of Chinese sources previously unknown to the Western public. It included a revised translation of Chapter *Xi yu zhuan*, an excerpt about China's neighbours from the *Historical Records* (*Shi ji*) by Sima Qian, and materials from the official histories of the Later Han (25—220), Jin (265—420), Wei (386—534), the Northern and Southern Dynasties, Sui (581—617) and Tang (618—907) (*Hou Han shu, Jin shu, Wei shu, Bei shi, Nan shi, Sui shu, Tang shu*).

Drawing upon Chinese historical writings, Bichurin managed to gather a great deal of information about Asian countries and peoples, placing it at the disposal of researchers, who had previously had no access to it. In January 1823, Bichurin wrote this to the historian and statesman Aleksei Nikolayevich Olenin (1763—1845): "...scattered over the long course of Chinese history, the facts pertaining to Asia's ancient situation are inextricably interwoven, like frontiers where the dividing line between two domains belongs to both. Indeed, tracing the boundaries of one country reveals the location of its neighbours, just as an account of one nation conveys information about other nations with which it has been in contact."[8]

Bichurin's works saw the light at a time when Russia was emerging on the international scene as a powerful Eurasian state. Having established a firm foothold in the Far East and the Pacific, it became aware of the real geopolitical significance of Inner Asia and the necessity of its comprehensive investigation. On 6 (18) August 1845, the Russian Geographic Society (RGS) was established by an imperial decree for the "primary task" of collecting and propagating reliable information about Russia and the "second most important task of studying foreign countries, primarily those that border on Russia, i.e. Turkey, Persia, China, etc."[9] Furthermore, the Russian Archaeological Society comprising the Slavic-Russian, Classical-Byzantine, Western European and Eastern archaeology sections was established in 1846.

The wide readership in Russia took a keen interest in the unknown world of Asia. Many people believed it was necessary

---

7 [Бичурин Н.Я.] о. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. СПб., 1851.

8 Цит. по: Тихонов Д.И. Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4. Л., 1954. С. 282—283.

9 Цит. по: Матвеева М.Ф. Исследование Центральной Азии — одна из самых ярких страниц в истории Русского Географического общества // Санкт-Петербург — Китай: три века контактов. СПб., 2006. С. 128.

7 [Bichurin, N.Ya.] Father Iakinf. *Collection of Information about the Peoples Living in Middle Asia in Ancient Times*. Vols. 1—3. SPb., 1851.

8 Quoted in: Tikhonov, D.I. "Russian Sinologist of the First Half of the 19th Century Iakinf Bichurin." *Proceedings of Leningrad State University*. No. 179. Oriental Studies Series. Issue 4. L., 1954, pp. 282—283.

9 Quoted in: Matveyeva, M.F. "Investigating Central Asia: A Most Striking Page in the History of the Russian Geographical Society." In *St. Petersburg — China: Three Centuries of Contacts*. SPb., 2006, p. 128.

Археологическое общество, состоявшее из трех отделов: славяно-русской, классическо-византийской и западноевропейской и восточной археологии.

Широкая читающая публика в России в это время также испытывала огромный интерес к познанию неизведанных пространств Азии. Необходимость изучения и издания трудов по географии осознавалась в ту пору очень многими людьми. В 1848 г. надворный советник П.В. Голубков пожертвовал РГО 2350 рублей на издание перевода классического сочинения К. Риттера «Землеведение Азии» и дополнений к нему, а также карты Азии. В начале XIX в. основой для изображения на картах географических объектов Центральной Азии служили труды европейских географов К. Риттера и А. Гумбольдта, но их теоретические построения не были основаны на полевых наблюдениях, а поэтому страдали многими недостатками: преувеличением протяженности горных хребтов и плоскогорий, неверной локализацией некоторых горных систем. Работа по переводу труда К. Риттера, опубликованного на русском языке в пяти томах в 1856—1879 гг. под редакцией и с дополнениями П.П. Семенова, дала импульс развитию исторической географии и картографии Центральной Азии в России. В 1850 г. была предпринята первая попытка составления генеральной карты Азии. В том же году Я.В. Ханыковым и А.П. Болотовым была издана карта северо-западной части Средней Азии; в 1851 г. Я.В. Ханыков окончил составление карты окрестностей оз. Иссык-Куль. В 1856—1857 гг. первым из европейцев вершины Тянь-Шаня покорил выдающийся ученый-географ Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827—1914). Его исследования в корне изменили представления о геологическом устройстве внутренней Азии. В 1873—1914 гг. П.П. Семенов-Тян-Шанский был бессменным руководителем Русского Географического общества и вдохновителем множества интересных и плодотворных экспедиций. Первые результаты изучения региона поставили на повестку дня вопрос об организации экспедиций не только с географическими, но и с этнографическими и историческими целями.

В.П. Васильев
V.P. Vasilyev

Историко-географическая тематика занимает в этот период многих исследователей, в университетах читаются курсы по истории географических открытий и исторической топонимике. Большое внимание изучению исторической географии Китая и Центральной Азии уделял китаевед Василий Павлович Васильев (1818—1900), около четверти опубликованных работ которого составили труды по географии.

to explore and map its geography. In 1848, the Court Counsellor P.V. Golubkov donated 2,350 roubles to the RGS towards the publication of Karl Ritter's fundamental work *The Science of the Earth* (*Die Erdkunde*), with supplements, as well as a map of Asia. In fact, the mapping of Central Asian geographical features in the early 19th century was based on investigations by Karl Ritter and Alexander von Humboldt, even if their theoretical evidence was not based on field work and therefore had a number of flaws, e.g. exaggeration of the extent of mountain ridges and plateaus and inaccurate localization of some mountain systems. Nevertheless, preparation and publication, between 1856 and 1879, of the five-volume Russian translation of Karl Ritter's work, edited and supplemented by P.P. Semyonov, gave an impetus to the development of historical geography and the cartography of Central Asia in Russia.

The first attempt to draw a comprehensive map of Asia was made in 1850; later that year, Ya.V. Khanykov and A.P. Bolotov published a map of the northwestern part of Middle Asia. In 1851, Ya.V. Khanykov completed a map of the Issyk Kul area. In 1856–57, the prominent geographer Pyotr Petrovich Semyonov-Tian-Shansky (1827–1914) became the first European to conquer the peaks of the Tian Shan. His explorations radically changed the concept of the geological structure of Inner Asia. P.P. Semyonov-Tian-Shansky continuously headed the Geographic Society from 1873 till 1914, initiating large numbers of challenging and productive expeditions. The first results of these explorations highlighted the necessity of pursuing not only geographic, but also ethnographic and historic goals.

Issues of historical geography were of immediate concern to many contemporary scholars. Universities offered courses on the history of geographical discoveries and historical toponymy. A tangible contribution to a study of the historical geography of China and Central Asia was made by the Sinologist Vasily Pavlovich Vasilyev (1818–1900), a quarter of his published work dealing with geography.[10] V.P. Vasilyev was the first to suppose that in ancient times the rivers of Middle Asia were one system with the Syr Darya, being its tributaries.[11] Regrettably, many of

[10] Gorbacheva, Z.I., Petrov, N.A., Smykalov, G.F., Pankratov, B.I. "Russian Sinologist Academician Vasily Pavlovich Vasilyev (1818–1900)." In *Essays on the History of Russian Oriental Studies*. M., 1956, p. 296.

[11] Vasilyev, V.P. "Central Asia and Major Mountain Ranges on the Territory of China." *JMPE*. Vol. 73, section 2, 1852, p. 127.

фии[10]. В.П. Васильев высказал предположение, что реки Средней Азии в древние времена составляли единую водную систему Сыр-Дарьи, являясь ее притоками[11]. К сожалению, многие его статьи остались неопубликованными: «Очерк истории восточной части Средней Азии с X-го века до XII-го столетия» (23 л., 1857), «Список населенных местностей Восточного, или бывшего Китайского, Туркестана» (25 л.), «Кульджа (из путевых заметок)» (2 л.)[12].

В 1845 г. В.П. Васильев завершил перевод на русский язык сочинения Сюань-цзана «Да Тан Си юй цзи», который, к сожалению, так никогда и не вышел в свет. Текст перевода хранится в фонде В.П. Васильева в ПФА РАН (12 тетрадей, общим объемом 334 л. с примечаниями и картами)[13]. Перевод сочинения Сюань-цзана, выполненный французским синологом С. Жюльеном (1799—1873) и послуживший основой для многих исследований Центральной Азии, был опубликован, в том числе и на русском языке, в 1851 г.

Выдающийся индолог Иван Павлович Минаев (1840—1890) создал труд по географии стран, отделяющих Россию от Индии[14], и в 1880-х гг. выполнил научный перевод на русский язык «Книги» Марко Поло. Перевод был опубликован уже после смерти И.П. Минаева под редакцией В. В. Бартольда[15].

И.П. Минаев

I.P. Minayev

Важным вкладом в отечественное востоковедение явились исследования Чокана Чингисовича Валиханова (1835—1865), казахского ученого-просветителя, который участвовал в ряде экспедиций в Среднюю Азию и Китай. В 1856 г. он совершил поездку в Западный Китай и Кульджу. В октябре 1858 — марте 1859 гг. под видом купца-мусульманина он прошел через Тянь-Шань, жил в Кашгаре, где собрал ценный исторический и нумизматический материал и обратил внимание на древние буддийские памятники. По результатам поездок Ч.Ч. Валиханов написал две обширные статьи: «О Западном крае Китайской империи» и «О торго-

his articles remained unpublished, e.g. *An Outline of the History of Eastern Middle Asia from the 10th to the 12th Century* (23 p., 1857), *A Record of Inhabited Areas of Eastern, or Former Chinese Turkestan* (25 p.), and *Kuldja (From Travel Notes)* (2 p).[12]

In 1845, V.P. Vasilyev finished his translation of *Da Tang Xi yu ji* by Xuan-zang, which, unfortunately, never saw the light. The text is preserved in the V.P. Vasilyev files in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences; it includes 12 notebooks with total volume of 334 *fol.* complete with commentaries and maps.[13] Subsequent research into Central Asia, including works written in the Russian language, have relied on the French translation of Xuan-zang's work published in 1851 by the French Sinologist S. Julien (1799—1873).

Ivan Pavlovich Minayev, a prominent Indologist (1840—1890), brought out a book on the geography of the countries lying between Russia and India,[14] he also made, in the 1880s, an academic translation of Marco Polo's *Travels* into Russian. His translation, revised by W.W. Barthold,[15] was published posthumously.

Investigations by Chokan Chingisovich Valikhanov (1835—1865), a Kazakh scientist and educator who participated in a number of expeditions to Middle Asia and China, made a significant contribution to Russian Oriental studies. In 1856, he travelled to Western China and Kuldja. Between October 1858 and March 1859, disguised as a Muslim trader, he traversed the Tian Shan, stayed in Kashgar, where, apart from accumulating abundant historic and numismatic material, he made a record of ancient Buddhist monuments. Based on the results of his journey, he wrote two extensive articles, *On the Western Regions of the Chinese Empire* and *On Trade in Kuldja and Chuguchak*, which were not published until 1962.[16] Chokan Valikhanov was also interested in the history and religion of the countries he visited. He pointed

---

10 Горбачева З.И., Петров Н.А., Смыкалов Г.Ф., Панкратов Б.И. Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 296.

11 Васильев В.П. Центральная Азия и главные хребты гор в китайских владениях // ЖМНП. Т. 73, отд. 2. 1852. С. 127.

12 ПФА РАН, Ф. 775. Оп. 1, ед. хр. 91, 147, 150.

13 *Там же*. Ед. хр. 8.

14 Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год) // Известия ИРГО. 1879.

15 Минаев И.П. Путешествие Марко Поло / Пер. старофранц. текста. СПб., 1902.

12 PBA RAS. Fond 775. Inv. 1, units 91, 147, 150.

13 *Ibid.*, unit 8.

14 Minayev, I.P. "Information on the Countries by the Upper Reaches of the Amu Darya (up to 1878)." *Transactions of the IRGS*, 1879.

15 Minayev, I.P. *'The Travels' of Marco Polo*. Translated from the Old French. SPb., 1902.

16 Valikhanov, Ch.Ch. Collected Works. Vol. 2. Alma-Ata, 1962, pp. 105—164.

вле в Кульдже и Чугучаке», которые впервые были опубликованы в 1962 г.[16]. Ч.Ч. Валиханов интересовался историей и религией региона. Описывая окрестности Кучи, он указывал: «В горах этих много пещер, и летом видны огни. В одной пещере есть изсеченные буддийские кумиры. Их устройство относят к династии Тан»[17].

В.В. Григорьев
V.V. Grigoryev

Во второй половине XIX в. на основе работ Н.Я. Бичурина, а также европейских ученых А. Гумбольдта, Ж.-П. Абель-Ремюза и С. Жюльена были написаны крупные синтезирующие труды по истории, исторической географии и этнографии Центральной и Средней Азии. В 1869 и 1873 гг. как дополнение к «Землеведению Азии» К. Риттера был опубликован в двух выпусках исторический свод Василия Васильевича Григорьева (1818—1881) «Восточный, или Китайский, Туркестан»[18], в котором были учтены не только исследования европейских авторов, но и античные, и арабо-персидские источники. В 1876 и 1888 гг. публикует свои труды по исторической географии Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833—1901)[19].

Центральная Азия представляла собой важнейший объект военно-политических интересов России. С середины XIX в. на обширных просторах Евразии разыгралось соперничество двух империй — Российской и Британской, которые стремились к установлению контроля над обширными рынками сбыта и источниками сырья. Помимо России и Великобритании в «Большой игре» участвовали Китай и Афганистан, чьи государственные границы в то время не были еще четко определены. Разделяя сферы влияния, державы решали на геополитическом уровне вопрос создания условных географических границ, зон или конкретных государств. Географическая составляющая играла в этом случае ведущую роль, поскольку было очевидно, что создаваемые

out in describing the area in the vicinity of Kucha: "There are many caves in these mountains, their lights visible in the summertime. One cave has carved Buddhist idols in it. They are traced back to the Tang Dynasty"[17].

In the latter half of the 19th century, works by N.Ya. Bichurin as well as by A. von Humboldt, J.-P. Abel-Rémusat and S. Julien, inspired a number of thoroughly comprehensive resumptive treatises on the history, historical geography and ethnography of Central and Middle Asia. *Eastern, or Chinese Turkestan*,[18] a historical compendium by Vasily Vasilyevich Grigoryev (1818—1881), appeared in two volumes in 1869 and 1873 as a supplement to Karl Ritter's *Science of the Earth*; not only was it based on research by European scholars, but it also drew on antique, Arab and Persian sources. Emil Vasilyevich Bretschneider (1833—1901)[19] published his books on historical geography in 1876 and 1888.

Central Asia was an important object of Russia's military and political interests. From the mid-19th century the enormous Eurasian space became the scene of rivalry between two empires, Russian and British, which aimed to gain control over new markets and sources of raw materials. Moreover, China and Afghanistan were also parties in 'The Great Game', as their boundaries were not clearly delineated at the time. By dividing the spheres of influence, these powers were trying to solve, at the geopolitical level, the problem of establishing conventional geographical boundaries, zones or state frontiers. The geographical factor was of paramount importance, because it was obvious that the prospective boundaries were to be conveniently fixed by particular natural contours.

Therefore, Russia's government and General Staff launched expeditions on a regular basis from the mid-19th century onward in order to carry out reconnaissance in Mongolia,

---

16 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата, 1962. С. 105—144, 145—164.

17 Валиханов Ч.Ч. О Западном крае Китайской империи // Собрание сочинений. Т. 2. Алма-Ата. 1962. С. 112.

18 Риттер [К]. Землеведение. Восточный, или Китайский, Туркестан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам, изданным в течение последних тридцати пяти лет В.В. Григорьев. Вып. 1. СПб., 1869; вып. 2. СПб., 1873.

19 Bretschneider, E. *Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia*. SPb., 1876; Bretschneider, E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century*. Vols. 1—2. SPb., 1888.

17 Valikhanov, Ch.Ch. "On the Western Regions of the Chinese Empire." In Collected Works. Vol. 2. Alma-Ata, 1962, p. 112.

18 Ritter, C. *The Science of the Earth. Eastern or Chinese Turkestan*. Translated by V.V. Grigoryev, with critical commentaries and added information from the sources published over the past thirty-five years. Issue 1. SPb., 1869. Issue 2, SPb., 1873.

19 Bretschneider, E. *Notices of the Medieval Geography and History of Central and Western Asia*. SPb., 1876; Bretschneider, E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century*. Vols. 1—2. SPb., 1888.

границы должны были хорошо очерчиваться определенными природными контурами.

В связи с этим с середины XIX в. правительство России и Главный штаб регулярно организуют экспедиции с разведывательной целью в Монголию, Китай, районы Среднего Востока. Эти экспедиции были не просто продолжением политики России в регионе, но частью и движущей силой этой политики. К таким экспедициям относится миссия 1877 г. Алексея Николаевича Куропаткина (1848—1925)[20]. При определении в 1883 г. границы с Китаем Ферганской и Семиреченской областей, вошедших в состав Российской империи, было установлено, что представители китайской и русской администрации раз в три года будут патрулировать границу для ее инспектирования и обновления пограничных знаков. В первую такую поездку в 1885 г. отправился поручик Бронислав Людвигович Громбчевский (1855—1905), представивший подробный отчет[21]. Хотя задачей Б.Л. Громбчевского было составление очерка вооруженных сил и военных укреплений Кашгарии, он приложил к нему подробные описания маршрутов и несколько карт района. Позже многие путешественники пользовались картографическими и маршрутными данными этих разведывательных экспедиций, отличавшимися высокой точностью.

Присоединив к своим территориям в 1867 г. Западный Туркестан, Россия вплотную приблизилась к границам Британской Индии. Пытаясь воспрепятствовать продвижению России в Центральной Азии, Великобритания в 1869 г. выступила с инициативой о начале переговоров с Россией о разделе сфер влияния и создании буферной зоны между владениями двух держав. В соответствии с соглашением («взаимопониманием») 1872—1873 гг. граница Афганистана стала рубежом, разделяющим сферы влияния между державами. Но в 1876 г. Россия присоединила Коканд и постепенно стала утверждаться на Восточном Памире. Захват же ряда территорий, примыкающих к Бадахшану, афганским эмиром Абдуррахман-ханом в 1883 г. отражал интересы Великобритании. В дальнейшем, выдвигая свои форпосты как можно дальше, обе империи старались основательно исследовать лежавшие в сфере их интересов территории, чтобы иметь материал для будущих переговоров[22].

Ведя систематическую топографическую и картографическую работу в регионе, Главный штаб Российской империи

China and regions of the Middle East. Not only did they result from Russia's policy in the Asian region, but they determined that policy. The 1877 mission headed by Aleksei Nikolayevich Kuropatkin (1848–1925)[20] was part of the same program. When, in 1883, the border between China on the one hand and the Fergana and Semirechensk Regions, which had recently joined the Russian Empire, on the other, was being established, it was decided that the representatives of the Chinese and the Russian administrations were to inspect the border once in three years and renew the border marks. The first of these inspection trips was entrusted in 1885 to Lieutenant Bronisław Ludwigovich Grąbczewski (1855–1905), who compiled a detailed report.[21] Although his immediate task was to provide an account of armed forces and military fortifications in Kashgaria, he also submitted his detailed route survey and a few maps of the region. In subsequent years many travellers relied on the cartographic evidence and itineraries provided by those expeditions, finding them highly accurate.

Having annexed Western Turkestan in 1867, Russia came close to the frontiers of British India. In 1869, Britain tried to prevent Russia's expansion in Central Asia by proposing an initiative to start negotiations with Russia on dividing the spheres of influence and creating a buffer zone between the possessions of the two powers. The Russo-British agreement ('mutual understanding pact') of 1872–73 delineated Afghan border as the demarcation line between the two empires' spheres of influence. In 1876, however, Russia annexed Kokand and began gaining a foothold in the Eastern Pamir. Meanwhile, the Afghan emir Abdurrehman-khan took over a number of territories adjoining Badakhshan in 1883, an occupation that met the interests of Great Britain. Henceforth, both empires strove, by advancing their outposts, to explore the disputed territories still further so as to secure a basis for future negotiations.[22]

In systematically carrying out a topographic and cartographic survey in the region, the Russian Empire's General Staff did not limit its goals to military intelligence; it also ordered its commissioners to map the ruins of old temples and fortresses. Nikolai Nikolayevich Obruchev (1830–1904), Head of the General Staff, initiated the establishment of the Scientific Military Committee of the General Staff, which published *Collections of Geographic, Topographic and Statistical*

---

[20] [Куропаткин А.Н.] Очерки Кашгарии генерального штаба подполковника А. Куропаткина. СПб., 1878.

[21] Отчет о поездке в Кашгар и южную Кашгарию в 1885 году старшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области поручика Б.Л. Гронбчевского [Громбчевского]. (Печатается на правах рукописи. Секретно). [Фергана, б. г.].

[22] Лужецкая Н.Л. Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893) // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 135.

[20] [Kuropatkin, A.N.] *Essays on Kashgaria by Lieutenant Colonel A.N. Kuropatkin of the General Staff*. SPb., 1878.

[21] Report on the 1885 Trip to Kashgar and Southern Kashgaria by Lieutenant B.L. Grąbczewski (Grombchevsky), senior special commissioner under the Military Governor of the Fergana Region (Not for publication. Classified). [Fergana, s. a.].

[22] Luzhetskaya, N.L. "Materials on Pamir Delineation in the Archives of Orientalists Housed in PB IOS RAS (Fond A.E. Snesareva): *Report of Captain Vannovsky of the General Staff on Reconnoitering in Rushan (1893)*. In *Written Monuments of the Orient*. No 2 (3), 2005, p. 135.

рии выполнял не только военные и разведывательные задачи, но и вменял командированным лицам в обязанность заносить на карты развалины древних храмов и крепостей. По инициативе начальника Главного штаба Николая Николаевича Обручева (1830—1904) был организован Военно-ученый комитет Главного штаба, который издавал «Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу Первой мировой войны вышли из печати 87 выпусков этого сборника.

В 1867—1869 гг. состоялось первое путешествие в Уссурийский край Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888). В 1870—1880 гг. этот великий путешественник совершил четыре экспедиции в Центральную Азию, в общей сложности пройдя более тридцати тысяч километров. В 1870—1873 гг. Н.М. Пржевальский отправился в Монголию, Китай и Тибет, в 1876—1877 гг. — в Джунгарию и к оз. Лопнор, в 1879—1880 гг. совершает первую и в 1883—1885 гг. вторую Тибетские экспедиции. Научные результаты этих экспедиций были представлены в ряде книг, дающих подробную и яркую картину природы, климата, рельефа, животного и растительного мира изученных территорий. Сам Н.М. Пржевальский скромно называл свои путешествия «научными рекогносцировками», так как он впервые посещал те области Азии, где до него никто из исследователей не был. Он открыл для европейцев путь в Центральную Азию, возбудил интерес к этому труднодоступному региону и таким образом способствовал осуществлению больших и регулярных экспедиций.

Н.М. Пржевальский, впервые положивший на карту тысячи километров неизведанных земель и десятки горных цепей, охарактеризовал свое время как «эпический» период путешествий по Центральной Азии. В своей последней книге он изложил научное завещание, указав, в частности, что «дальнейшие исследования Центральной Азии сами собой распадаются на два отдела: научные рекогносцировки оставшихся неизвестных местностей и детальное изучение более доступных или уже разведанных быстролетными путешествиями стран»[23]. Считая наиболее перспективным в географическом и естественнонаучном отношениях изучение Тибета, он указал на необходимость специальных археологических изысканий в ряде местностей Восточного Туркестана (в особенности в Черчене), а также сделал ряд археологических наблюдений: «Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о том же уменьшении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей; некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев,

[23] Пржевальский Н.М. Четвертое путешествие в Центральную Азию. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование Северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 64.

Materials on Asia. Eighty-seven volumes were published before the beginning of World War I.

In 1867–69, Nikolai Mikhailovich Przhevalsky (1839–1888) made his first journey to the the Ussuri region. This prominent traveller undertook four expeditions to Central Asia between 1870 and 1880, covering a total of thirty thousand kilometers. In 1870–73 he went to Mongolia, China and Tibet, then in 1876–77, to Jungaria and Lop Nor Lake; in 1879–80, he led the First Tibet Expedition and, in 1883–85, the Second Tibet Expedition. He wrote a number of books giving a scholarly outline of his expeditions and containing detailed and vivid descriptions of local nature, climate, relief, as well as of animal and plant life. Przhevalsky himself modestly described his journeys as 'scientific reconnoitering'; indeed, the Asian territories he visited were previously unexplored by scientists. It was he who introduced Europeans to Central Asia, stimulated an interest in regions difficult of access and therefore contributed to launching an extensive and regular expedition activity.

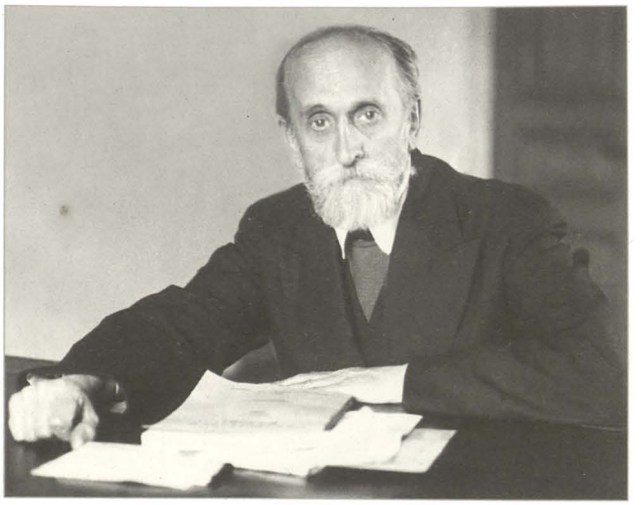
Przhevalsky, who was the first to chart thousands of kilometers of previously unexplored lands and dozens of mountain chains, described his time as an 'epic' period of Central Asian journeys. His last book contains what might be described as his scientific will; he pointed out, in particular, that further studies of Central Asia should naturally take two directions: "scientific reconnoitering of the still unexplored areas and in-depth investigation of the more accessible countries or those that have been but superficially reconnoitered by short journeys."[23] Giving top priority to a study of Tibet in terms of geography and natural science, he emphasized the necessity of specialized archaeological investigations in some areas of Eastern Turkestan, particularly in Cherchen, and made a number of comments pertaining to archaeology: "What gives the traveller even more telling evidence of the depletion of life-giving water supplies and the advance of the deadly forces of the desert is the sight of once flourishing oases and sand-buried towns. We know many of those from Chinese chronicles and saw some ourselves; in fact, we heard the natives say that in olden days the area limited by Khotan, the Aksu and Lop Nor used to have 23 towns and 360 villages, now gone. At that time one was able, legend has it, to reach Lop Nor from the town of Kucha by stepping 'on the house roofs', so densely populated was the Tarim Basin, now deserted. Even today, the residents of Khotan, Keriya, Niya and other still surviving oases venture into the sands annually, during autumn and winter, in search of the ruins of old settlements uncovered by storms. They say that gold and silver objects can be found there on occasion. One can also stumble on an old

[23] Przhevalsky, N.M. *The Fourth Journey to Central Asia. From Kiakhta to the Source of the Yellow River. Investigation of the Northern Outskirts of Tibet and the Trip via Lop Nor along the Tarim Basin*. SPb., 1888, p. 64.

которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лопнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих. В то время, по местному преданию, можно было из г. Куча пройти на Лопнор "по крышам домов" — так густо сидело население на пустынном ныне Тариме. Еще и теперь жители Хотана, Керии, Ния и других пока уцелевших оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в пески искать оголенные бурями остатки древних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро. Попадаются даже уцелевшие сакли, а в них одежда и войлоки; то и другое обыкновенно истлело до того, что от прикосновения рукой рассыпается в пыль»[24].

В 1879 г. Кульджу и Турфан посетил ботаник Арнольд Эдуардович Регель, чья экспедиция 1876—1879 гг. по Туркестанскому краю имела главным образом естественнонаучные цели[25]. Тем не менее, в своем отчете среди результатов поездки А.Э. Регель упомянул «находки древних, по-видимому, арийских развалин около Турфана, Санджи, а также Манаса»[26]. Он снял планы некоторых археологических памятников, в том числе древнего городища Идикут-шари. С.Ф. Ольденбург назвал А.Э. Регеля первым русским ученым, который обратил внимание на древности Восточного Туркестана[27].

Подлинное значение обширного региона Восточного Туркестана как древней контактной зоны между цивилизациями Востока и Запада впервые оценил И.П. Минаев. В рецензии на отчет об экспедиции Н.М. Пржевальского в южную часть Таримского бассейна он писал: «Свидетельства очевидцев, начиная с V века по Р. Х., указывают на господство здесь иноземной цивилизации; все, что было здесь до этого, пока скрыто для современного историка судеб человечества. Сохранившиеся показания древних очевидцев поражают, однако же, крайнею, как бы предвзятою односторонностью; буддийские паломники как будто хотели видеть только одно, и ни одним словом они не обмолвились о том, что рядом с господством индийской цивилизации, на что они постоянно указывают, здесь могли существовать и другие культуры, самостоятельные и заносные»[28]. И.П. Минаев высказался о необходимости снаряжения обстоятельной



С.Ф. Ольденбург
S.F. Oldenburg

saklya dwelling containing clothes and felts, both usually so decayed that they turn to dust when touched."[24]

In 1879, the botanist Arnold Eduardovich Regel visited Kuldja and Turfan, his expedition to the Turkestan region in 1876—79 organized primarily for natural history purposes.[25] However, his report mentioned, in particular, "finds of ancient, most likely Arian ruins near Turfan, Sandja and Manas."[26] He drew up plans of a few archaeological monuments, including that of the ancient Idiqutshari site. S.F. Oldenburg referred to Regel as the first Russian to take notice of Eastern Turkestan's antiquities.[27]

I.P. Minayev was the first to recognize the real significance of vast Eastern Turkestan as an ancient contact zone between Eastern and Western civilizations. He wrote in his review of N.M. Przhevalsky's report of the latter's expedition to the southern part of the Tarim Basin: "First-hand evidence ever since the 5th century AD has revealed the dominance of a foreign civilization in the area; whatever existed there previously is

---

24 *Там же*. С. 356.

25 Regel, A. Reisen in Central-Asien. 1876—1879. Mit. Bd. 25. SPb., 1879; Mit. Bd. 26. SPb., 1880; Regel A. *Meine Expedition nach Turfan*, 1879. Mit. Bd. 27. SPb., 1881.

26 Регель А.Э. Путешествие в Турфан. Читано в Отделении математической и физической географии ИРГО 10 марта 1881 г. Отд. оттиск из Известий ИРГО за 1881 г. Т. 17. Вып. 4. С. 16.

27 Ольденбург С.Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 25.

28 Минаев И.П. Забытый путь в Китай. [Рец. на:] Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима Н.М. Пржевальского. СПб., 1888 // ЖМНП. Ч. 264. 1889, № 7. Отд. II. С. 177.

24 *Ibid.*, p. 356.

25 Regel, A. *Reisen in Central-Asien. 1876—1879*. Mit. Bd. 25. SPb., 1879; Mit. Bd. 26. SPb., 1880; Regel, A. *Meine Expedition nach Turfan*, 1879. Mit. Bd. 27. SPb., 1881.

26 Regel, A.E. "Journey to Turfan: Presented at the session of the Mathematical and Physical Geography Division of the IRGS on 10 March 1881." Printed impression from *Transactions of the IRGS*. Vol. 17 (1881). Issue 4, p.16.

27 Oldenburg, S.F. "Russian Archaeological Investigations in Eastern Turkestan." *Bulletin of the Kazan Museums*. No 1—2 (1921), p. 25.

археологической экспедиции в Восточный Туркестан, подчеркнув, что «вся страна от Лопнора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении»[29].

Дело Н.М. Пржевальского продолжили его ученики и последователи: Михаил Васильевич Певцов (1843—1902), Всеволод Иванович Роборовский (1856—1910), Григорий Николаевич Потанин (1835—1920), Петр Кузьмич Козлов (1863—1935), Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936).

М.В. Певцов

M.V. Pevtsov

Тибетская экспедиция М.В. Певцова 1889—1890 гг., которая была осуществлена по плану трагически оборвавшегося путешествия Н.М. Пржевальского, «имела главную заслугу в установлении первой настоящей карты Южного Туркестана»[30], и при этом она обратила более пристальное внимание на памятники ушедших цивилизаций региона. Кроме М.В. Певцова в ней принимали участие В.И. Роборовский, П.К. Козлов, а также геолог и горный инженер Карл Иванович Богданович (1864—1947). Назначенный в декабре 1888 г. начальником экспедиции вместо Н.М. Пржевальского, М.В. Певцов обстоятельно подготовился к поездке. За три месяца он проработал все доступные источники по истории Восточного Туркестана: сочинения Н.Я. Бичурина, К. Риттера, Ч.Ч. Валиханова, Р.Б. Шоу, Т.Д. Форсайта, Г.В. Беллью, А.Н. Куропаткина, Н.М. Пржевальского, Б.Л. Громбчевского, Н.Л. Зеланда, Н.Ф. Петровского. Кроме того, М.В. Певцов воспользовался консультациями китаеведов Э.В. Бретшнейдера и В.П. Васильева. «Мне много помог, — пишет М.В. Певцов, — наш известный синолог, доктор Э.В. Бретшнейдер, скопировавший для меня из китайского атласа издания 1863 г. карты Восточного Туркестана, Чжунгарии и Северо-Западного Тибета в масштабе 26 верст в дюйме с переводом всех названий на русский язык. Кроме того, он сделал для меня извлечение из новейшей китайской географии "Си-юй-ту-чжи" о горах В[осточного] Туркестана и составил список сочинений европейских авторов об этой стране и о Тибете. <...> Что же касается Северо-Западного Тибета, то об этой стране не только в европейских, но и в китайских источниках, просмо-

still hidden from the present-day chronicler of human history. Extant ancient eyewitness accounts seem to be extremely biased and, as it were, deliberately one-sided; Buddhist pilgrims would see only one side and it seems never as much as hinted that the dominance of Indian civilization, which they often emphasize, might parallel other local cultures, indigenous or imported."[28] In speaking about the need to launch a reliable archaeological expedition to Eastern Turkestan, Minayev pointed out that "the whole area between Lop Nor and Khotan is due for a focused historic and archaeological study."[29]

N.M. Przhevalsky's pursuit was taken up by his students and followers, Mikhail Vasilyevich Pevtsov (1843—1902), Vsevolod Ivanovich Roborovsky (1856—1910), Grigory Nikolayevich Potanin (1835—1920), Pyotr Kuzmich Kozlov (1863—1935) and Grigory Efimovich Grumm-Grzhimaylo (1860—1936).

M.V. Pevtsov's Tibetan expedition of 1889—90, based on the plan of Przhevalsky's tragically terminated journey, "succeeded foremost in drawing the first real map of Southern Turkestan"[30]; moreover, it gave considerable attention to relics of lost civilizations in the area. Besides Pevtsov, the expedition included V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and Karl Ivanovich Bogdanowicz (1864—1947), a geologist and mining engineer. M.V. Pevtsov, who was appointed leader of the expedition in December 1888, after N.M. Przhevalsky's death, had prepared for the journey very thoroughly. He had taken three months to study all available sources on the history of Eastern Turkestan, e.g. writings by N.Ya. Bichurin, Karl Ritter, Ch. Valikhanov, R.B. Shaw, T.D. Forsyth, H.W. Bellew, A.N. Kuropatkin, N.M. Przhevalsky, B.L. Grąbczewski, N.L. Zeland and N.F. Petrovsky. Furthermore, he consulted the Sinologists E.V. Bretschneider and V.P. Vasilyev. M.V. Pevtsov wrote: "Of great help to me was our famous Sinologist, Doctor E.V. Bretschneider, who copied for me from a 1863 Chinese atlas the 26-versts-to-an-inch maps of Eastern Turkestan, Jungaria and Northwestern Tibet and supplied Russian translation of all place-names. Moreover, he provided me with an excerpt on E[astern] Turkestan from a recent Chinese geogra-

29 *Там же*. С. 189.

30 Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. 2. С. 384.

28 Minayev, I.P. "A Forgotten Route to China." Review of N.M. Przhevalsky's *The Fourth Journey to Central Asia*... (see note 23). *JMPE*. Part 264 (1889). No 7, section 2, p. 177.

29 *Ibid*., p. 189.

30 Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section 2, p. 384.

П.К. Козлов, Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский с участниками экспедиции 1882 г. Архив Русского Географического общества

P.K. Kozlov, N.M. Przhevalsky, V.I. Roborovsky with the participants of the 1882 expedition Archives of the Russian Geographic Society

тренных нашими синологами Э.В. Бретшнейдером и В.П. Васильевым, не нашлось никаких сведений. В рукописном географическом обозрении Тибета, составленном по тибетским источникам академиком В.П. Васильевым[31], которым он любезно разрешил мне попользоваться, я тоже не нашел никаких сведений о северо-западной части этой страны, кроме общего указания, что она очень высока и отличается суровым климатом»[32].

Во время экспедиции М.В. Певцов вел опросы местного населения, собирая сведения о древних памятниках региона: «В Яркенде я пытался также разузнать что-нибудь о развалинах пустыни Такла-Макан. Аксакал Насыр-Джан-ходжа, проживший в этом городе 18 лет, сообщил мне, что, по уверению многих знакомых ему туземцев, в 40 верстах к востоку от Яркенда, на окраине пустыни, находятся развалины, называемые Конё-татар и занимающие обширное пространство. В них ясно заметны основания домов и сохранились пни от больших деревьев, осенявших некогда поселение.

phy book called *Xi yu tu zhi* and made up a list of European books and articles on that country and on Tibet. ... As for Northwestern Tibet, no mention of it has been found in European or Chinese sources scanned through by our Sinologists E.V. Bretschneider and V.P. Vasilyev. A handwritten geographical survey compiled by Academician V.P. Vasilyev based on Tibetan sources,[31] which he kindly allowed me to use, doesn't contain any information on the northwestern part of the country either, except for the general remark that it is very elevated and distinguished by extreme climate."[32]

During his expedition M.V. Pevtsov would talk to the natives so as to elicit information about ancient monuments in the region: "In Yarkend I was also trying to find out something about the Takla Makan Desert ruins. The *aksakal* Nasyr-Dzhan-Hodjah, who had been a resident of that town for eighteen years, told me that, according to many local people of his acquaintance, 40 *versts* east of Yarkend on the edge of the desert there are sprawling ruins called Konö-Tatar. The base-

---

31 Работа была написана в 1840-х гг., опубликована в 1895 г.: Васильев В.П. География Тибета. Перевод из тибетского сочинения Миньчжул Хутухты. СПб., 1895.

32 Певцов М.В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Лунь, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг. СПб., 1895. С. 10—11.

31 The work was written in the 1840s and published in 1895: Vasilyev, V.P. *The Geography of Tibet*. Translation of extracts from the Tibetan treatise by the Mingrol Khutukhta. SPb., 1895.

32 Pevtsov, M.V. *A Journey through Eastern Turkestan, Kun Lun, the Northern Edge of the Tibetan Plateau and Jungaria in 1889 and 1890*. SPb., 1895, pp. 10–11.

В этих развалинах туземцы находят домашнюю утварь, обломки разных орудий, а иногда золотые и серебряные вещи»[33]. В своем отчете М.В. Певцов упомянул несколько древних памятников, которые он обнаружил близ Хотана, Черчена и Урумчи[34].

Большой вклад в исследование Центральной Азии, в особенности Монголии, внес Г.Н. Потанин, который в 1876—1877 и 1879—1880 гг. совершил поездки в северо-западную Монголию и Туву, в 1884—1886 и 1892—1893 гг. — в Северный Китай, Восточный Тибет и Центральную Монголию, в 1899 г. — на Большой Хинган. В деятельности Г.Н. Потанина изучение природы сочеталось с изучением этнографии. Собранные во время экспедиций обширные материалы по культуре, фольклору и народному творчеству монгольских и тюркских народов были позже обобщены Г.Н. Потаниным в ряде работ.

В 1889 г. северные районы Восточного Туркестана посетил Г.Е. Грумм-Гржимайло, который интересовался древностями края и сделал подробное описание развалин Ассашар, а также упомянул ряд древних буддийских памятников[35]. В 1890 г. в Восточном Туркестане побывал Николай Федорович Катанов (1862—1922), доставивший материалы по тюркским языкам. Были организованы исследовательские экспедиции в Тибет О.М. Норзунова в 1898—1901 и Г.Ц. Цыбикова в 1899—1902 гг. Гомбожаб Цыбикович Цыбиков (1873—1930) посетил Гумбум, Лавран, дошел до Лхасы, откуда через Ургу и Кяхту вернулся в Россию. Собранная им большая коллекция оригинальной тибетской литературы была передана в Азиатский музей Академии наук. Отчет о путешествии Г.Ц. Цыбикова был опубликован в 1919 г.[36] В 1889 г. Н.М. Ядринцев обнаружил в Северной Монголии рунические памятники, изучение которых было целью финской экспедиции (1889) И.Р. Аспелина и Орхонской экспедиции (1890) В.В. Радлова.

Главной целью экспедиции В.А. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг. было топографическое и метеорологическое обследование Люкчунской (Таримской) впадины к югу от Турфана. Наряду с обширными естественнонаучными коллекциями экспедиция доставила в Санкт-Петербург рукописи и предметы искусства из Турфана. В предисловии к изданию материалов экспедиции В.И. Роборовский отметил, что в данный отчет не вошли «сведения относительно собранных экспедицией монет, бурханов, образцов старинной местной письменности, рисунков, гонments of houses are quite prominent there; there are also stumps of the big trees that had once overshadowed the settlement. The natives find household utensils, fragments of various implements and sometimes even gold and silver coins in the ruins." [33] In his report M.V. Pevtsov mentioned a few ancient monuments he had discovered near Khotan, Cherchen and Urumqi. [34]

G.N. Potanin made a great contribution to the study of Central Asia and particularly Mongolia. He went to Northwestern Mongolia and Tuva in 1876–77 and 1879–80, to Northern China, Eastern Tibet and Central Mongolia in 1884–86 and 1892–93, and to the Greater Khingan in 1899. In his activities he combined a study of natural history and a study of ethnography. His subsequent publications outlined the wealth of material on culture, folklore and popular arts and crafts of Mongolian and Turkic peoples amassed during his expeditions.

In 1889, G.E. Grumm-Grzhimaylo, who was interested in local sites, visited the northern parts of Eastern Turkestan and provided a detailed description of the Assashar ruins while also mentioning a number of ancient Buddhist monuments.[35] Nikolai Fyodorovich Katanov (1862–1922) visited Eastern Turkestan in 1890 and delivered materials on Turkic languages. Exploratory expeditions to Tibet were led by O.M. Norzunov in 1898–1901 and G.Ts. Tsybikov in 1899–1902. Gombozhab Tsybikovich Tsybikov visited Kumbum and Labrang, reached Lhasa and returned to Russia via Urga and Kiakhta. He put together a large collection of original Tibetan literature, which entered the Asiatic Museum of the Academy of Sciences. The report on G.Ts. Tsybikov's journey was published in 1919.[36] In 1889, N.M. Yadrintsev discovered runic monuments in Northern Mongolia; their study was the objective of J.R. Aspelin's Finnish expedition in 1889 and V.V. Radloff's Orkhon expedition in 1890.

The main purpose of the 1893–95 expedition undertaken by V.A. Roborovsky and P.K. Kozlov was the topographic and meteorological investigation of the Lukchun (Tarim) Depression south of Turfan. In addition to large natural science collections, the expedition brought to St. Petersburg a number of manuscripts and art objects from Turfan. In his preface to the publication of the expedition's materials V.A. Roborovsky pointed out that the report did not include "information about the coins, *burkhan* images, samples of ancient local scripts, drawings, pottery, ornaments, etc. that the expedition gathered in ancient towns throughout the Lukchun Depression or copied

---

[33] *Там же*. С. 88.

[34] *Там же*. С. 106—107, 120—121, 225, 255, 336—337.

[35] Грумм-Гржимайло Г.Е. Вдоль южного Тянь-Шаня. Т. 1. СПб., 1896. С. 273, 294—296, 323.

[36] Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. Пг., 1919.

[33] *Ibid.*, p. 88.

[34] *Ibid.*, pp. 106–107, 120–121, 225, 255, 336–337.

[35] Grumm-Grzhimaylo, G.E. *Along the Southern Tian Shan*. Vol. 1. SPb., 1896, pp. 273, 294–296, 323.

[36] Tsybikov, G.Ts. *A Buddhist Pilgrim in Tibet's Sacred Places. On the Notes Made in 1899–1902*. Petrograd, 1919.

чарной работы, украшений и пр. из древних городов Люкчунской впадины и книг местных языков. Оказавшиеся в этом собрании обрывки уйгурских рукописей, найденных в Люкчунской котловине в развалинах города Идыгот-шари и в пещерах Туёка, представили столь значительный интерес, что побудили Императорскую Академию наук снарядить туда специальную экспедицию с Д.А. Клеменцем во главе»[37].

Н.Ф. Петровский
N.F. Petrovsky

Большой вклад в научное освоение региона внесли русские дипломаты: генеральный консул в Кашгаре Николай Федорович Петровский (1837—1908), его преемник на этом посту Сергей Александрович Колоколов (1868—1921), консул в Кашгаре Сергей Васильевич Соков, консул в Урумчи Николай Николаевич Кротков (1869—1919), Иван Петрович Лавров, секретарь консульства в Урумчи Яков Яковлевич Лютш, секретарь консульства в Кульдже Алексей Алексеевич Дьяков, консулы Борис Васильевич и Владимир Васильевич Долбежевы, врач консульства в Урумчи Александр Иванович Кохановский.

Н.Ф. Петровский, находясь на службе в Туркестане с 1867 г., занимался коллекционированием рукописей, предметов искусства, покупал их у местного населения, проводил археологические раскопки. Как писал С.Ф. Ольденбург, «блестящие находки Н.Ф. Петровского начали собою новую эру в археологическом изучении Восточного Туркестана»[38]. Кроме того, Н.Ф. Петровский собирал этнографический и фольклорный материал. В 1891 г. Восточное отделение РАО обратилось к Н.Ф. Петровскому с запросом о древностях в Кашгарии. К ответу Н.Ф. Петровского было приложено несколько фотографий и «Кашгарская рукопись» — фрагменты «Лотосовой сутры» (Саддхармапундарика сутра) — на санскрите, исследованием которой занялся Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). Позже Н.Ф. Петровский постоянно отправлял в Санкт-Петербург новые материалы. Путешественники и исследователи обращались к нему за советами и консультациями и неизменно получали содействие. Н.Ф. Петровский обратил внимание на то, что под современными мазарами скрыты древние буддийские памят-

from books in indigenous languages. At the same time, the present selection includes fragments of Uighur manuscripts found in the Lukchun Depression, in the ruined city of Idiqutshari and the Toyuq caves; these have aroused so much interest that the Imperial Academy of Sciences sent a specialized expedition headed by D.A. Klementz to that region."[37]

Russian diplomats who contributed greatly to academic research of the region included Nikolai Fyodorovich Petrovsky (1837–1908), Consul-General in Kashgar, his successor Sergei Aleksandrovich Kolokolov (1868–1921), Sergei Vasilyevich Sokov, Consul in Kashgar, Nikolai Nikolayevich Krotkov (1869–1919), Consul in Urumqi, as well as Ivan Petrovich Lavrov, Yakov Yakovlevich Lutsch, secretary of the consulate in Urumqi, Aleksei Alekseyevich D'yakov, secretary of the consulate in Kuldja, Consuls Boris Vasilyevich and Vladimir Vasilyevich Dolbezhev, and Aleksandr Ivanovich Kokhanovsky, doctor of the consulate in Urumqi.

N.F. Petrovsky, who held his post in Turkestan from 1867, collected manuscripts and art objects, buying them from the local people and carrying out archaeological excavations. According to S.F. Oldenburg, "N.F. Petrovsky's brilliant finds ushered in a new era in the archaeological study of Eastern Turkestan."[38] Furthermore, N.F. Petrovsky collected ethnographic and folklore material. In 1891, the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society (OBRAS) approached N.F. Petrovsky about Kashgarian antiquities. He enclosed with his reply a few photographs and the 'Kashgar Manuscript', fragments of the *Lotus Sutra* (*Saddharmapuṇḍarīka-sūtra*), in Sanskrit, which came to be studied by Sergei Fyodorovich Oldenburg (1863–1934). After that N.F. Petrovsky sent new materials to St. Petersburg on a regular basis. Travellers and scientists sought his advice and invariably benefited from his helpfulness. N.F. Petrovsky noticed that contemporary *mazar* tombs concealed ancient Buddhist relics; he also drew a detailed map of Eastern Turkestan marking the sites of ancient monuments known to him.

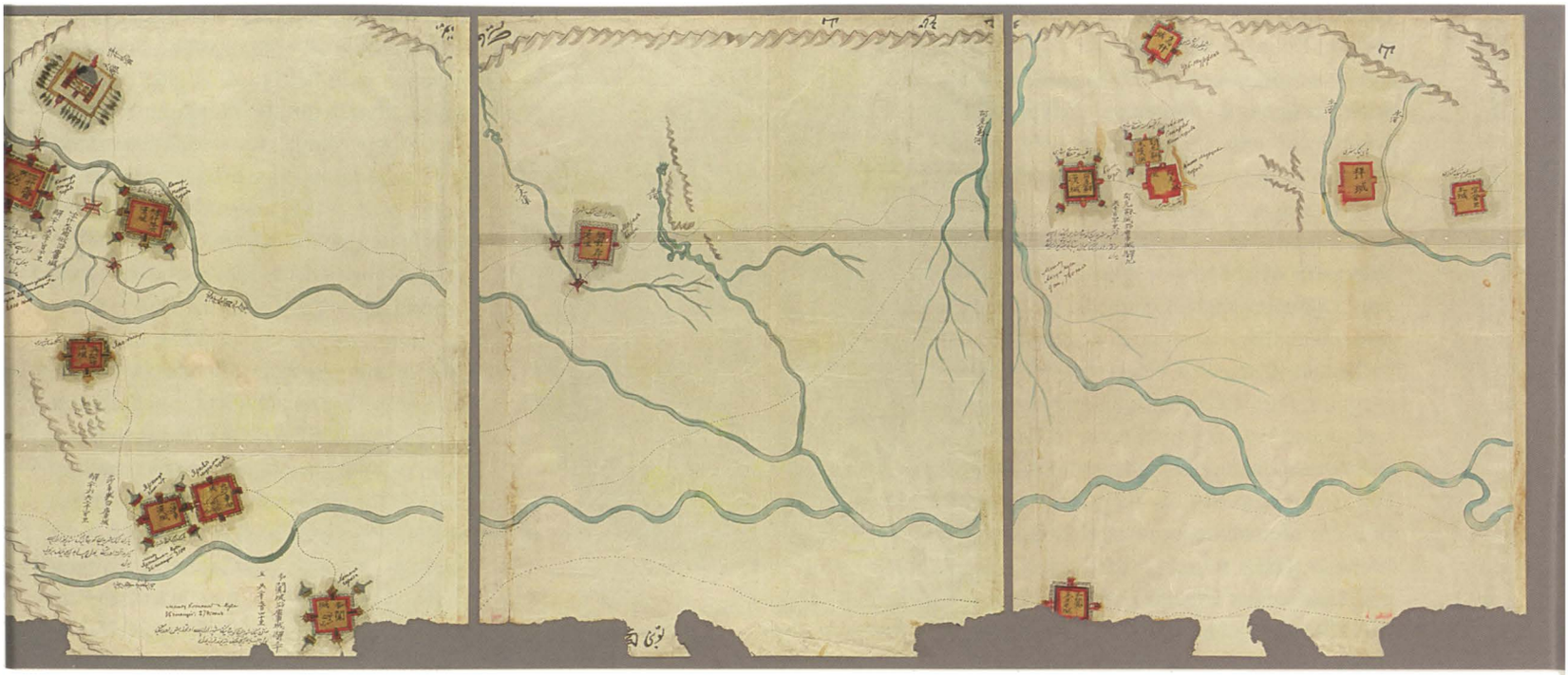
---

37 Труды экспедиции Императорского Русского Географического общества по Центральной Азии. Ч. 1. Отчет начальника экспедиции В.И. Роборовского. СПб., 1900. С. 6.

38 Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. 2. С. 373.

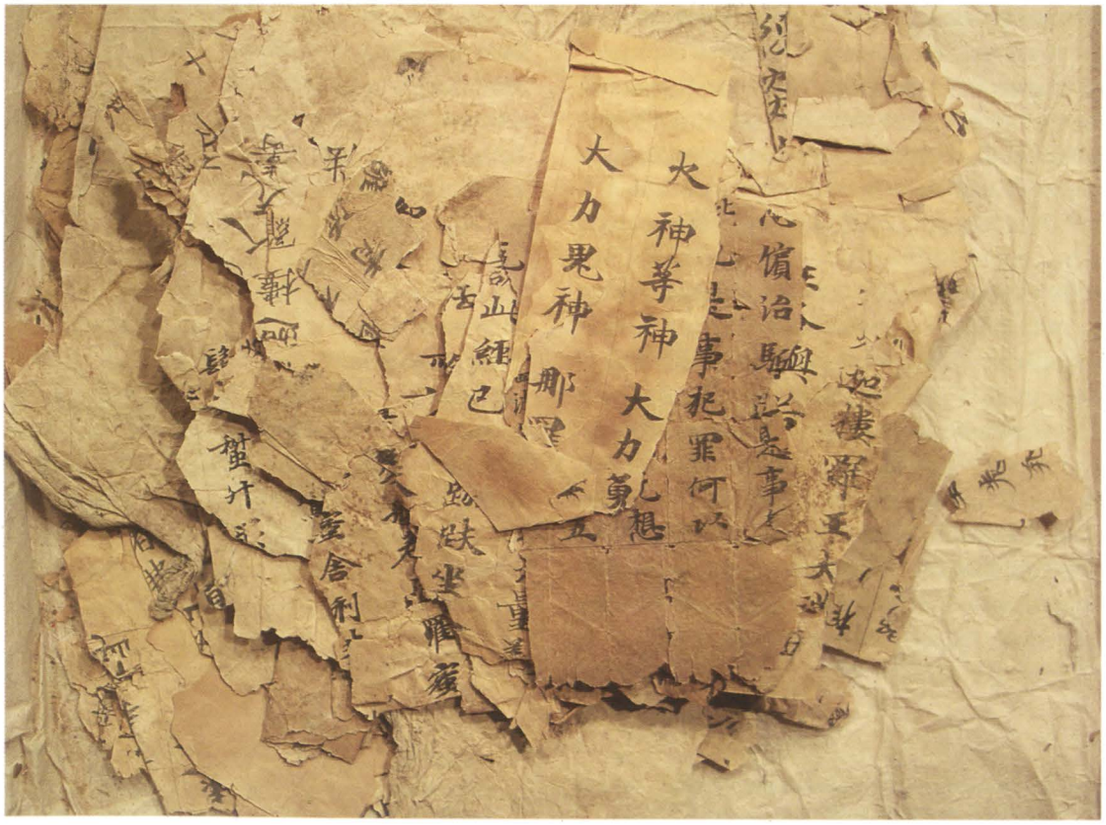
37 *Records on the Expedition to Central Asia, by the IRGS*. Part 1: Report of expedition leader V.I. Roborovsky. SPb., 1900, p. 6.

38 Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section 2, p. 373.



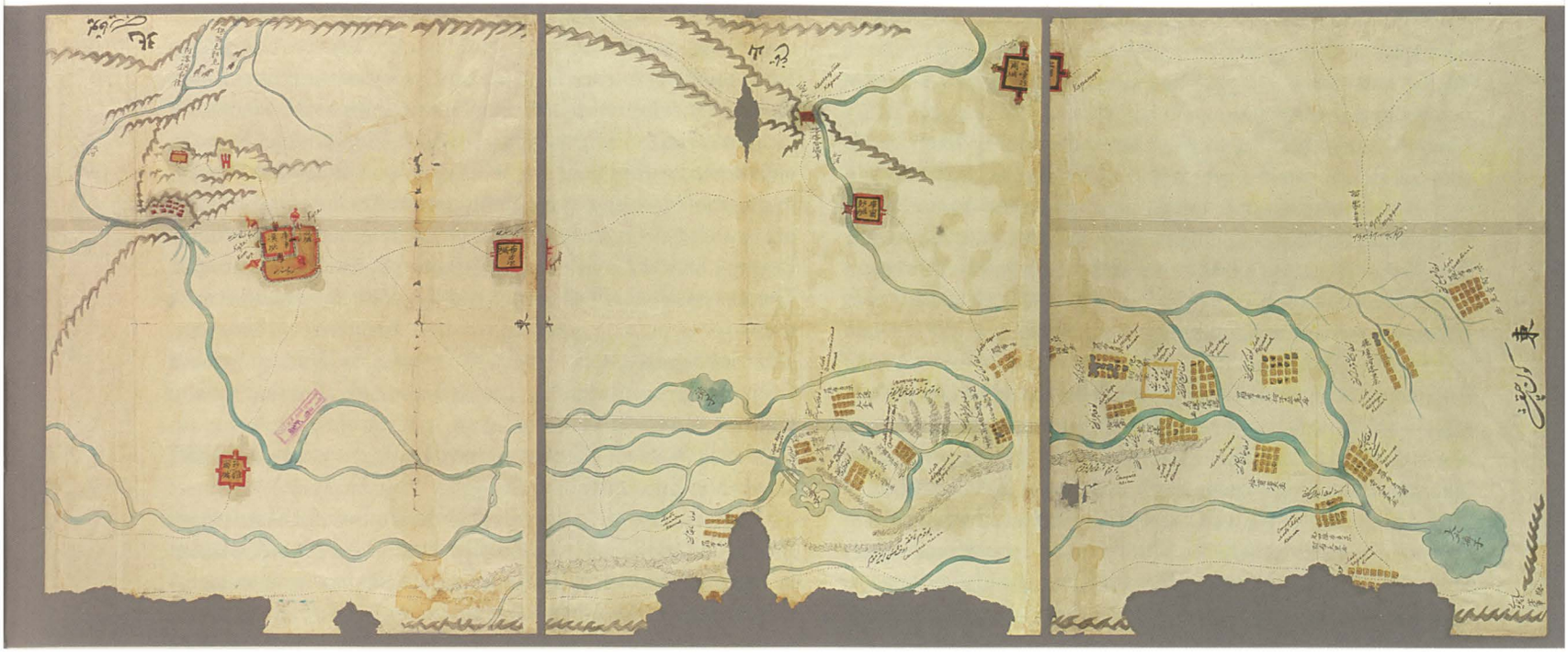
Карта Восточного Туркестана – «Карта Петровского». 1890-е гг.
Бумага, акварель, тушь. 45×208 см. ИВР РАН, Т-50

Map of Easatern Turkestan – "Petrovsky's map". 1890s
Indian ink and water-colour on paper. 45×208 cm. IOM RAS, T-50



Рукописи на китайском языке, доставленные А.И. Кохановским

Manuscripts in Chinese brought by A.I. Kokhanovsky



ники, он составил также подробную рукописную карту Восточного Туркестана, на которой указал известные ему древние памятники.

Важно отметить, что результаты изучения Центральной Азии вызывали огромный интерес в российском обществе. В конце XIX — начале XX в. не только научное сообщество, но и широкая публика с нетерпением ожидали выхода исследовательских монографий по Востоку, в частности, по буддизму, а также переводов оригинальных сочинений с восточных языков. О том, что существовал даже некоторый голод на буддологическую литературу, свидетельствуют письма Г.Н. Потанина к С.Ф. Ольденбургу. В письме от 7 декабря 1890 г. Г.Н. Потанин, приглашая С.Ф. Ольденбурга в гости, пишет: «...пригласил также к себе и Вл.В. Лесевича, который тоже интересуется легендами об Авалокитешваре. Теми, что Вы дали, я очень доволен. Для меня они тем примечательны, что будто представляются отрывками из легенды о Аю-бодисатве, которую я записал в Монголии». В письме от 30 апреля 1898 г. Г.Н. Потанин просит указать некой знакомой даме, «какие руководства нужно приобрести для первоначального изучения санскрита». В письме от 20 октября 1900 г., в частности, сообщает: «Г[оспо]жа Пантелеева намерена устроить народные чтения о Будде и просила меня указать ей рисунки из жизни учителя, чтобы воспользоваться ими для воспроизведения на экране посредством волшебного фонаря. <...> Когда это чтение будет напечатано, то его можно будет устраивать и в сибирских городах Иркут[ской] губ[ернии] и Забайк[альской]

It should be noted that the results of Central Asian studies sparkled a keen interest in Russian society. In the late 19th and early 20th century, it was not only the academic community but also the public at large that was impatiently looking forward to the publication of new monographs on Asia, particularly on Buddhism, and translations of original works from Oriental languages. There was, as it were, a thirst for literature on Buddhist studies, as is shown by G.N. Potanin's letters to S.F. Oldenburg. In his letter dated 7 December 1890, Potanin writes this in asking S.F. Oldenburg to visit his place: "... I've also invited V.V. Lesevich, who is interested in legends about Avalokiteśvara, too. I'm fascinated by those you've lent me. What I find extraordinary is that they seem to resemble extracts from the Ayu-Bodhisattva legend I recorded in Mongolia." In his letter dated 30 April 1898, he asks for a lady of his acquaintance to be advised "on what manuals of elementary Sanskrit she should buy." His letter of 20 October 1900 says among other things: "M-me Panteleyeva intends to organize a public lecture on the Buddha and asks me to point out to her some drawings from the life of the Teacher in order that they may be projected onto a screen by means of a magic lantern... When the lecture gets published, the same kinds of lectures could also be given in the Siberian towns of the Irkutsk province and Transbaikalia region, and this would be conducive to inculcating the local population with religious tolerance."[39]

---

[39] PBA RAS. Fond 208. Inv. 3, unit 480, ff. 1, 4, 5, 5v.

области, что очень желательно для внушения тамошнему населению веротерпимости»[39].

Доставленный экспедицией В.И. Роборовского мешок с обрывками рукописей, подобранных и купленных в разных местах Турфанского оазиса, поступил в РГО в 1896 г. Секретарь его А.В. Григорьев обратился за консультацией к С.Ф. Ольденбургу по поводу содержания фрагментов. С.Ф. Ольденбург и А.О. Ивановский разобрали содержимое мешка и выделили обрывки китайских, уйгурских, санскритских и двуязычных (уйгурско-санскритских) рукописей. Материалы были представлены В.В. Радлову, и он сделал о них доклад в Академии наук. Отделение исторических наук и филологии назначило специальную Комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана в составе В.В. Радлова, А.А. Куника, В.П. Васильева, К.Г. Залемана, В.Р. Розена с приглашением Д.А. Клеменца и С.Ф. Ольденбуга. По предложению Комиссии в 1898 г. в Турфан был командирован Дмитрий Александрович Клеменц (1848—1914) для исследования главным образом памятников Туюк-мазара и Идикут-шари. При подготовке экспедиции Комиссия обращалась к участникам экспедиции В.И. Роборовского. 4 (17) марта 1898 г. в открытке П.К. Козлову Д.А. Клеменц писал: «Ввиду громадного интереса, возбужденного открытиями Вашей экспедиции в Турфанском крае, Академия наук собрала особую комиссию для решения вопроса об организации экспедиции в Турфан. Академик Радлов покорнейше Вас просит по этому поводу пожаловать в [Азиатский] музей для переговоров, рассчитывая, что Вы не откажетесь указать некоторые подробности о местонахождении замеченных Вами древностей»[40].

Сроком экспедиции были назначены четыре месяца[41], кроме Д.А. Клеменца в ней принимали участие его жена, Елизавета Николаевна Клеменц, и этнограф Михаил Степанович Андреев (1873—1948). Краткость пребывания в Турфане и отсутствие средств не дали Д.А. Клеменцу возможности вести раскопки, но он описывал и фотографировал памятники, снимал планы, делал кальки и эстампажи. Экспедиция ознаменовалась сенсационными в научном отношении открытиями, ее результаты были отражены в подробных записках Д.А. Клеменца[42] и опубликованы им в кратком отчете[43].

In 1896, the Russian Geographic Society received a bag containing fragments of records picked up or bought by V.I. Roborovsky's expedition in various localities of the Turfan Oasis and delivered to St. Petersburg. Aleksandr Vasilyevich Grigoryev, Secretary of the Russian Geographic Society, approached S.F. Oldenburg about an expert assessment of the fragments. Having sorted out the contents of the bag, S.F. Oldenburg and A.O. Ivanovsky identified fragments of Chinese, Uighur, Sanskrit and bilingual Uighur-Sanskrit manuscripts. The materials were handed over to V.V. Radloff, who dealt with them in a paper presented to the Academy of Sciences. The History and Philology Department appointed an *ad hoc* Committee to investigate the archaeological collections of Chinese Turkestan; it included V.V. Radloff, A.A. Kunik, V.P. Vasilyev, C.G. Salemann and V.P. Rozen, with D.A. Klementz and S.F. Oldenburg acting as invited experts.

The Committee suggested that Dmitry Aleksandrovich Klementz (1848—1914) should be sent on a mission to Turfan in 1898 so as to specifically investigate the monuments of Toyuq-Mazar and Idiqutshari. In organizing his journey the Committee sought counsel from members of V.I. Roborovsky's expedition. Klementz wrote in a card posted to P.K. Kozlov on 4 (17) March 1898: "Considering the intense interest created by your expedition's discoveries in the Turfan area, the Academy of Sciences set up an *ad hoc* committee to take care of organizing an expedition to Turfan; therefore, Academician Radloff requests you to come to the [Asiatic] Museum for a talk, hoping that you would be kind enough to share some information about the location of the sites you had seen."[40]

The term for expedition was set up for four months.[41] Besides D.A. Klementz himself, it included his wife, Elizaveta Nikolayevna Klementz, and the ethnographer Mikhail Stepanovich Andreyev (1873—1948). The limited time in Turfan and lack of funding prevented D.A. Klementz from carrying out excavations; however, he was able to describe and photograph the monuments, draw their plans and make tracings and rubbings. The expedition yielded sensational scientific discoveries, its results presented in Klementz's detailed records[42] and published in his brief report.[43]

---

39 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3, ед. хр. 480. Л. 1, 4, 5—5 об.

40 Цит. по: Петров Н.А. Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в. // Страны и народы Востока. Вып. I. М., 1959. С. 260.

41 Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 году // Отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества». Иркутск. 1917. С. 1—2.

42 АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 121—137.

43 *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan*. Hf. 1. SPb., 1899.

40 Quoted in: Petrov, N.A. "Scientific Contacts between Orientalists and Traveller-Geographers in the Late 19th and Early 20th Centuries." *Countries and Peoples of the East*. Issue 1. M., 1959, p. 260.

41 Oldenburg, S.F. "D.A. Klementz's Expedition to Turfan in 1898." Printed Impression from vol. 45 of *Transactions of the East-Siberian Division of the IRGS*. Irkutsk, 1917, pp. 1—2.

42 AO IOM RAS. Fond 28. Inv. 1, units 121—137.

43 *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu S. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan*. Hf. 1. SPb., 1899.

27 января (9 февраля) 1900 г. Николай Иванович Веселовский (1848—1918), Д.А. Клеменц и С.Ф. Ольденбург представили на рассмотрение Восточного отделения Российского Археологического общества (РАО) «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима», в которой они поставили задачу организации систематических экспедиций в Восточный Туркестан. Авторы «Записки» предлагали организовать две экспедиции, работающие последовательно. Первая, по их мнению, могла бы исследовать районы Турфана и Кучи, вторая — обширную территорию от Турфана до Хотана, включая местность близ оз. Лопнор и оазисы Черчен и Керия[44]. Ученые отмечали: «Изучение Таримского бассейна, можно сказать даже открытие его для науки, составляет бесспорную заслугу русских исследователей. Труды Регеля, Пржевальского и его спутников, братьев Грумм-Гржимайло, Певцова и Богдановича, Обручева, Петровского, последней экспедиции Академии наук в сумме далеко превышают то, что сделано в этой области иностранцами; несмотря на то, что труды экспедиций Форсайта, графа Сечени, Янгхасбэнда и Дютрейля де Рена не таковы, чтобы с ними легко было конкурировать»[45]. Экономическое и торговое развитие региона, в частности распространение земледелия, повлечет за собой, как указывали авторы «Записки», «беспощадное истребление памятников прошлого: штукатурка стен пойдет на удобрение полей, здания будут разбираться на постройку жилищ»[46].

Экспедиции должны были состоять из пяти человек, в том числе обязательно одного художника. Срок работы первой предполагался 8—10, второй — 12—15 месяцев. Для первой экспедиции была даже рассчитана смета в размере 17 000 рублей[47]. 27 января 1900 г. «Записка» была обсуждена на заседании Восточного отделения РАО. Но соответствующий запрос, направленный в Министерство финансов, был отклонен[48], и проект организации большой экспедиции в Турфан был реализован только спустя долгих девять лет.

На XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г. академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург сделали сообщение об обнаруженных экспедицией Д.А. Клеменца в Турфане древнеуйгурских и рунических памятниках, а также предметах искусства. В результате

On 27 January (9 February) 1900, Nikolai Ivanovich Veselovsky (1848–1918), D.A. Klementz and S.F. Oldenburg submitted a *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes* for the consideration of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society. They brought up the issue of sending expeditions to Eastern Turkestan on a regular basis, suggesting that two expeditions should be organized, to work continuously. The first one, they supposed, could explore the Turfan and Kucha regions, whereas the second could explore the vast territory between Turfan and Khotan, including the area near Lop Nor Lake and the Cherchen and Keriya Oases.[44]

The scholars pointed in the 'Note': "The study of the Tarim Basin and, indeed, its very discovery as an object of scientific investigation is undoubtedly credited to Russian explorers. The sum total of works by Regel, Przhevalsky and his companions, the brothers Grumm-Grzhimaylo, Pevtsov and Bogdanowicz, Obruchev, Petrovsky and the Academy of Sciences' recent expedition far exceeds what has been done by foreign scholars, although the findings of the expeditions headed by Forsyth, Count Szécheni, Younghusband and Dutreuil de Rhins are such that they are hard to compete with."[45] The economic and commercial development of the region, especially the spread of agriculture, was likely to entail what the 'Note' described as "a merciless destruction of old monuments, with their stucco used for fertilizer and the masonry knocked down to be used in building dwellings."[46]

As has been said, the memorandum suggested organizing two expeditions. Either expedition was to be a team of five, unfailingly including one artist; the first expedition was to take eight to ten months and the second, twelve to fifteen months. Moreover, an estimate of 17,000 roubles was made for the first expedition.[47] On 27 January 1900, the 'Note' was discussed at the meeting of the Oriental Branch of the RAS. However, the Ministry of Finance rejected their request for funding,[48] and therefore the Turfan expedition project was not carried out until nine years later.

In 1899, Academicians V.V. Radloff and S.F. Oldenburg spoke at the 12th International Congress of Orientalists held in Rome on the ancient Uighur and runic monuments as well as art objects discovered by D.A. Klementz's expedition in Turfan.

---

44 Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13 (1900). Вып. 1. СПб., 1901. С. 17.

45 *Там же*. С. 11.

46 *Там же*.

47 *Там же*. С. 17.

48 См. «Докладную записку министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о невозможности финансирования археологической экспедиции в Восточный Туркестан» от 20 июня 1900 г. [ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 4].

44 Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. "Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes." *POBRAS*. Vol. 13 (1900). Issue 1. SPb., 1901, p. 17.

45 *Ibid.*, p. 11.

46 *Ibid.*

47 *Ibid.*, p. 17.

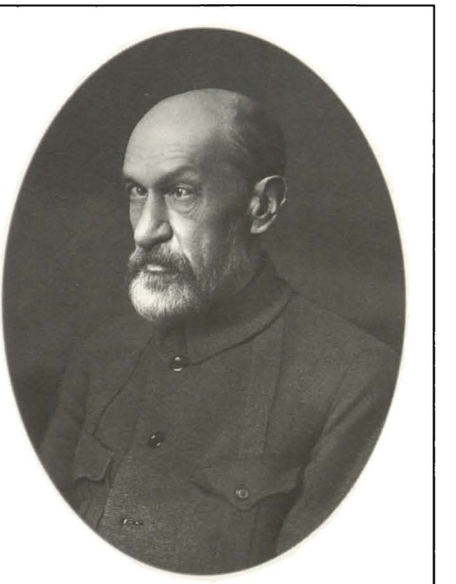
48 See *Exception Report by Finance Minister S.Yu. Witte to Nicholas II on the impossibility of sponsoring an archaeological expedition to Eastern Turkestan*, of 20 June 1900. PBA RAN. Fond 148. Inv. 1, unit 4.

2 (14) октября 1899 г. была создана Международная ассоциация для изучения Центральной и Восточной Азии, задачей которой было исследование этих регионов в географическом, этнографическом и археологическом отношении. Устав Ассоциации был утвержден 8 (21) сентября 1902 г. XIII Международным конгрессом в Гамбурге. Во многих странах были созданы комитеты по изучению региона, которые договорились о разграничении территорий для исследований европейцев в Восточном Туркестане. Но, несмотря на это, первая же после Конгресса экспедиция А. Грюнведеля нарушила соглашение.

В 1903 г. был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА), устав которого был высочайше утвержден 2 (15) февраля 1903 г. Председателем Комитета был Василий Васильевича Радлов (1837—1918), а товарищем председателя (вице-президентом) — С.Ф. Ольденбург. В состав бюро Комитета вошли Валентин Алексеевич Жуковский (1858—1918), Василий Владимирович Бартольд (1869—1930), Лев Яковлевич Штернберг (1861—1927). Комитет находился в ведении Министерства иностранных дел, имел право направлять своих представителей в места, где ведутся исследования, организовывать экспедиции, издавать бюллетени на русском и французском языках. Задача его состояла в том, чтобы «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных в соответствующих странах»[49].

Отношение властей к вновь созданному комитету первоначально было весьма благожелательным. 16 (29) января 1904 г. Николай II повелел отпустить РКСА «на производство археологических экспедиций в Восточном Туркестане в означенном году двенадцать тысяч рублей», а также предоставил Министерству иностранных дел право в течение четырех лет (начиная с 1905 г.) выделять «на тот же предмет» по семь тысяч рублей ежегодно[50]. Но уже на следующий год «отпуск означенных сумм был приостановлен в виду особых финансовых затруднений»[51], а в марте 1908 г. бюджетная комиссия Государственной думы внесла предложение о передаче РКСА в ведение Академии наук.

Это предложение принято не было, поскольку выполнение задач, поставленных перед РКСА, требовало значительной поддержки со стороны правительства. 18 (31) марта 1908 г. Предварительный временный комитет, созванный для составления проекта устава, принял единогласное решение о том, что Русский комитет должен состоять в ведении Министерства иностранных дел. По этому поводу в Думу было направлено письмо с изложением следующих обоснований этого решения: «1. Русский комитет как центральный



В.В. Бартольд
W.W. Barthold

This entailed the establishment, on 2 (14) October 1899, of the International Association for Central and East Asia Exploration, which set itself the task of geographic, ethnographic and archaeological investigation of the aforementioned regions. The Association's charter was approved on 8 (21) September 1902 by the 13th International Congress of Orientalists in Hamburg. National committees set up for similar purposes in many countries agreed on dividing Eastern Turkestan territories for investigation by Europeans. In spite of this, A. Grünwedel's expedition, organized immediately following the Congress, violated the agreement.

The Russian Committee for Middle and East Asia Exploration (RCMA) was established in 1903, its charter given imperial approval on 2 (15) February 1903. Vasily Vasilyevich Radloff (1837–1918) became the Committee's chairman, and S.F. Oldenburg, vice-chairman. The Committee's board consisted of Valentin Alekseyevich Zhukovsky (1858—1918), Vasily Vladimirovich Barthold (1869—1930), Lev Yakovlevich Sternberg (1861—1927). The Committee, affiliated to the Ministry of Foreign Affairs, had the right to send its representatives to areas under investigation, launch expeditions and publish proceedings in Russian and French. The task of the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration was "to promote in every possible way a study of extant monuments, both material and spiritual, in the countries of exploration."[49]

[49] Ольденбург С.Ф. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // ЖМНП, 1903. Ч. 349. № 9. Отд. 4. С. 45.

[50] ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 49. Л. 46.

[51] *Там же*. Л. 51.

[49] Oldenburg, S.F. "Russian Committee for Middle and East Asia Exploration." *JMPE*. Part 349 (1903). No 9, section 4, p. 45.

орган Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии, должен иметь возможность постоянно сноситься с иностранными правительствами, что удобнее всего выполнить, когда Комитет состоит при Министерстве иностранных дел. 2. Большая часть территории, подлежащей научным исследованиям Комитета, находится вне пределов Российской империи, и потому необходима постоянная непосредственная связь Комитета с соответствующими русскими посольствами и консульствами. 3. Русскому комитету приходится давать Министерству иностранных дел свои заключения по вопросам о допустимости тех или других ученых предприятий со стороны иностранцев на русской территории и русских ученых на территории иностранных держав Азии, для чего требуется непосредственная тесная связь с Министерством иностранных дел. Лица, составляющие бюро Комитета, должны пользоваться полным доверием г[осподина] министра иностранных дел, что вполне достигается при нынешней организации комитета, когда члены бюро утверждаются г[осподином] министром иностранных дел. 4. В качестве Центрального комитета Международного ученого союза Русский комитет для сохранения своего научного и международного авторитета должен в научном отношении быть совершенно независимым от каких бы то ни было других ученых учреждений»[52].

Проблема финансирования осложняла экспедиционную работу, о чем Комитет постоянно сообщал в Министерство иностранных дел. В письмах на имя министра говорилось, что изменения финансирования «печально отразились на работах Комитета в Восточном Туркестане, сначала крайне замедлив его работы, а затем вынудив и вовсе прекратить их, чем воспользовались иностранцы, немцы и французы, которые снарядили по нашим следам колоссальные экспедиции. Если немедленно работы Комитетом не будут возобновлены, притом самым энергичны образом, всем долголетним изысканиям русских ученых в Восточном Туркестане грозит полное крушение»[53].

В это время РКСА изыскивал средства лишь на небольшие экспедиции в Центральную Азию. В 1903 г. в Восточную Монголию был командирован для исследования монгольских наречий Андрей Дмитриевич Руднев (1878—1958). В 1905—1907 гг. Кучу посетила экспедиция Михаила Михайловича Березовского, в которой принял участие его родственник, «рисовальщик» Николай Матвеевич Березовский, студент Института гражданских инженеров. М.М. Березовский посетил Субаши, Долдур-Охур, Таджит, Кумтуру, Кучу, Кызыл, Кириш. Он снимал акварельные

Initially the authorities were rather benevolent to the newly established Committee. On 16 (29) January 1904, Nicholas II ordered that the Committee "be allocated twelve thousand roubles towards financing archaeological expeditions to Eastern Turkestan during the current year" and granted the Ministry of Foreign Affairs the right to allocate seven thousand roubles annually "towards the same undertaking" during four years (from 1905 onwards).[50] The following year, however, "the allocation of the aforementioned funds was suspended for reasons of serious financial difficulties,"[51] and in March 1908 the State Duma's Budget Commission proposed that the RCMA should be made accountable to the Academy of Sciences.

The proposal was declined because the challenges faced by the RCMA required substantial government support. On 18 (31) March 1908, the Preliminary Committee convened to draft the Russian Committee's charter unanimously voted for the Russian Committee to remain accountable to the Ministry of Foreign Affairs. The following rationale for this decision was sent to the State Duma: "1. The Russian Committee, being the leading agency of the International Association for Middle and East Asia Exploration, is supposed to be able to contact foreign governments as needed, which is guaranteed by the Committee's affiliation with the Ministry of Foreign Affairs. 2. Since the larger part of the area under Committee's scholarly investigation lies beyond the boundaries of the Russian Empire, it is necessary that the Committee should continuously maintain direct contacts with Russian embassies and consulates in foreign countries. 3. The Russian Committee is supposed to provide expert conclusions to the Ministry of Foreign Affairs on the permissibility of scholarly activities by foreigners on the Russian territory and those by Russian scientists on the territories of Asian countries; this requires immediate and close contacts with the Ministry of Foreign Affairs. The members of the Committee Board must have the full confidence of the Minister for Foreign Affairs, and this is ensured by the current arrangement whereby their nominations are approved by the Minister for Foreign Affairs. 4. If the Russian Committee as the central body of the International Association is to keep up its scholarly and international reputation, it must be totally independent from any other scientific institutions."[52]

Financial problems impeded expedition activity, as the Committee reported to the Ministry of Foreign Affairs time and again. Letters addressed to the minister said that funding cuts "have had an adverse effect on the Committee's projects in Eastern Turkestan, first by dramatically slowing down their progress and then by bringing them to a halt altogether, a situ-

[52] *Там же*. Л. 27—27 об.
[53] *Там же*. Л. 51—51 об.

[50] PBA RAS. Fond 148. Inv. 1, unit 49, f. 46.
[51] *Ibid.*, f. 51.
[52] *Ibid.*, ff. 27, 27v.

копии и кальки с росписей, сделал множество планов и фотографий. Позже С.Ф. Ольденбург характеризовал его работу так: «Великолепный фотограф. Отличный специалист по съемке, недостаток подготовки, медленность работы»[54]. В 1905—1907 гг. при деятельном участии комитета была организована и осуществлена командировка Бадзара Барадийновича Барадийна (1878—1939) в Лавран, давшая ценный исследовательский материал и обогатившая собрание тибетской литературы Академии наук «тщательно и умело составленной коллекцией тибетских ксилографов, изданных в Амдо»[55].

Хотя РКСА долго не удавалось найти средства для организации большой экспедиции с археологическими целями в Центральную Азию, продолжались географические и естественнонаучные исследования региона, осуществляемые РГО. В 1906—1907 гг. состоялась экспедиция Карла Густава Маннергейма (1867—1951), который был высочайше командирован в Китай с «негласной целью». Маннергейм много времени уделил осмотру, описанию, фотографированию памятников древности, особенно в Карашаре и в районе Турфана, с некоторых сняв планы[56]. Выдающиеся результаты принесли экспедиции П.К. Козлова, открывшего в 1907—1909 гг. в пустыне Гоби остатки мертвого тангутского города Хара-Хото и доставившего в Санкт-Петербург уникальные памятники тангутского искусства и письменности.

В 1908 г. для того чтобы привлечь внимание к своей деятельности, РКСА обратился с предложением к министерству двора организовать «Выставку древностей Восточного Туркестана и Самарканда» в Большом Царскосельском дворце для их обозрения императором Николаем II и особо приглашенными лицами. Среди экспонатов были представлены находки экспедиций М.М. Березовского в Кучу и Самуила Мартыновича Дудина (1863—1929) в Западный Туркестан. Выставка проходила в течение одного дня 30 ноября (13 декабря) 1908 г. с 11 до 16 часов. На нее были приглашены В.В. Радлов, С.Ф. Ольденбург, М.М. Березовский, С.М. Дудин. Осмотрев выставку, император «всемилостивейше выразил свое согласие принять РКСА под свое особое покровительство»[57].

Благодаря выставке к 1909 г. РКСА удалось привлечь государственные средства для экспедиции в Туркестан, которую возглавил С.Ф. Ольденбург. Его исследования в

ation that foreigners, i.e. the Germans and the French, were quick to benefit from: they have sent huge expeditions following in our footsteps. Unless the Committee resumes its activity vigorously and without delay, the Russian scholars' work of many years in Eastern Turkestan is likely to be completely wasted."[53]

During that period the RCMA only just managed to afford small-scale expeditions to Central Asia. In 1903, Andrei Dmitrievich Rudnev (1878–1958) was dispatched to Eastern Mongolia to study Mongolian dialects. In 1905–07, Mikhail Mikhailovich Berezovsky's expedition visited Kucha. It included a relative of his, the draughtsman Nikolai Matveyevich Berezovsky, a student of the Institute of Civil Engineering.

Mikhail Berezovsky visited Subashi, Dolgur-akur, Tadjit, Kumtura, Kucha, Kizil and Kirish. He made water-colour copies and tracings of paintings, drew a great number of plans and made a multitude of photographs. Subsequently his activity was thus described by S.F. Oldenburg: "A brilliant photographer. An excellent mapmaker, insufficient training, slow pace of work."[54]

In 1905–07, the Committee took an active part in preparing and organizing Badzar Baradiynovich Baradiyn's (1878–1939) journey to Labrang, which yielded some valuable research material and enriched the Academy of Sciences' collection of Tibetan literature with "a thoroughly and competently selected assemblage of Tibetan xylographs published in Amdo."[55]

Although the RCMA long had difficulty in getting funds for mounting a large-scale archaeological expedition to Central Asia, geographic and natural science investigation of the region continued, carried out by the Russian Geographic Society. In 1906–07, Carl Gustav Mannerheim (1867–1951) was "secretly" dispatched to China on imperial orders. He spent a long time examining, recording and photographing ancient monuments, particularly in Karashar and in the Turfan area, and drawing plans of some of them.[56] Highly effective was the expedition led by P.K. Kozlov, who in 1907–09 discovered the remnants of the dead Tangut city of Khara-Khoto in the Gobi Desert and delivered unique relics of Tangut art and written texts to St. Petersburg.

In 1908, wishing to draw august attention to its activity, the RCMA approached the Court Ministry to organize 'An Exhibition of Ancient Relics from Eastern Turkestan and Samarkand' in the Great Tsarskoselsky Palace for the benefit of Emperor Nicholas II and a select group of visitors. The exhibits included finds of M.M. Berezovsky's expedition to Kucha and Samuil

---

54 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 188. Л. 37.

55 Востриков А.И. С.Ф. Ольденбург и изучение Тибета // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 76.

56 Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. С.Л. Тихвинского и Б.А. Литвинского. М., 1988. С. 37.

57 ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 49. Л. 103—107.

53 *Ibid.*, ff. 51, 51v.

54 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 188, ff. 37.

55 Vostrikov, A.I. "S.F. Oldenburg and a Study of Tibet." *Transactions of the IOS, USSR AS*. Issue 4. M., L., 1935, p. 76.

56 *Eastern Turkestan during the Antiquity and the Early Middle Ages: Essays on History*. S.L. Tikhvinsky and B.A. Litvinsky, eds. M., 1988, p. 37.

Турфане в 1909—1910 и в Дуньхуане в 1914—1915 гг. получили название Русских Туркестанских экспедиций.

Экспедиция в Турфан 1909—1910 гг. по замыслу С.Ф. Ольденбурга носила разведочный характер, поскольку ничего из материалов предшествующих экспедиций опубликовано не было. Одним из ее результатов было глубокое разочарование следами деятельности предшественников. Ф.И. Щербатской (1866—1942) писал по этому поводу: «В результате, когда экспедиция, возглавляемая С.Ф. [Ольденбургом] двинулась в путь, страна уже была посещена целым рядом экспедиций, которые буквально опустошили край в археологическом отношении. Русской экспедиции, прибывшей на место после других, оставалось только констатировать такое положение и вернуться домой почти с пустыми руками. Между тем, в то же время в Берлине открылся великолепный, богатейший музей находок из Китайского Туркестана, музей, который составляет одно из украшений Берлина и усердно посещается как специалистами, так и иностранными туристами»[58].

Основная деятельность первой Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга протекала в северных оазисах Восточного Туркестана — Карашаре, Турфане и Куче, где были исследованы около десятка наземных и пещерных буддийских храмов.

Метод С.Ф. Ольденбурга заключался в том, чтобы при археологическом исследовании пользоваться главным образом точными и ясными фотографическими снимками и хорошо составленными планами. С этой целью в состав его экспедиций всегда входили первоклассные фотографы-художники и инженеры-топографы. В первой экспедиции работали художник и фотограф С.М. Дудин и горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов. На русском языке был опубликован лишь краткий отчет первой Русской Туркестанской экспедиции[59]. Материалы, которые С.Ф. Ольденбург приобрел во время своих экспедиций, хранятся сейчас в Институте восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН), Государственном Эрмитаже и Российском этнографическом музее. Хотелось бы особо упомянуть наличие обширного архива этих экспедиций (Эрмитаж, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН и Архив востоковедов ИВР РАН).

В 1909—1911 и 1913—1914 гг. состоялись поездки Сергея Ефимовича Малова (1880—1957) в Восточный Туркестан и Центральный Китай для изучения языка и быта тюркских народов — уйгуров, желтых уйгуров, лопнорцев и саларов. В результате языкам этих народностей было впер-

Martynovich Dudin's (1863–1929) expedition to Western Turkestan. The one-day exhibition took place on 30 November (13 December) 1908, between 11 a.m. and 4 p.m. V.V. Radloff, S.F. Oldenburg, M.M. Berezovsky and S.M. Dudin were among those invited, too. On having gone round the exhibition, the emperor "kindly agreed to give his especial patronage to the Russian Committee."[57]

The exhibition resulted in the RCMA's getting a government subsidy to organize an expedition to Turkestan. It was headed by S.F. Oldenburg, whose journeys to Turfan (1909–10) and Dunhuang (1914–15) were referred to as Russian Turkestan Expeditions.

The 1909–10 Turfan Expedition was conceived by Oldenburg as reconnoitering because no materials of previous expeditions had been published. In effect, it created a sense of profound disappointment with traces of his predecessors' activity. Th.I. Stcherbatsky (1866—1942) had this to say on the subject: "As a result, when the expedition led by S.F. [Oldenburg] set out, that country had already been visited by a large number of other expeditions that had literally plundered the area, archaeologically speaking. Having arrived in their wake, the Russian expedition could but establish the fact and return home practically empty-handed. Meanwhile, a magnificently rich museum of Chinese Turkestan finds opened in Berlin; it has become one of the city's highlights, thronged with scholars and foreign tourists."[58]

The activity of the S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition chiefly focused on the northern oases of Eastern Turkestan, i.e. Karashar, Turfan and Kucha, where about a dozen surface and cave Buddhist temples were investigated. Oldenburg's method of archaeological study mainly relied on precise, unambiguous photographs and thoroughly drawn plans. Therefore, he made a point of recruiting first-rate art photographers and topographic engineers. The artist and photographer S.M. Dudin and the mining engineer Dmitry Arsenyevich Smirnov were members of his first expedition. Only a brief account of the First Russian Turkestan Expedition was published in Russian.[59] The materials acquired by S.F. Oldenburg in the course of his expeditions have now entered the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, the State Hermitage Museum and the Russian Museum of Ethnography. Particularly worthy of note are vast archives of the Russian Turkestan Expeditions, preserved in the State Hermitage Museum, the St. Petersburg Branch of the Archives of the Academy of Sciences and the Archives of Orientalists kept in the Institute of Oriental Manuscripts.

---

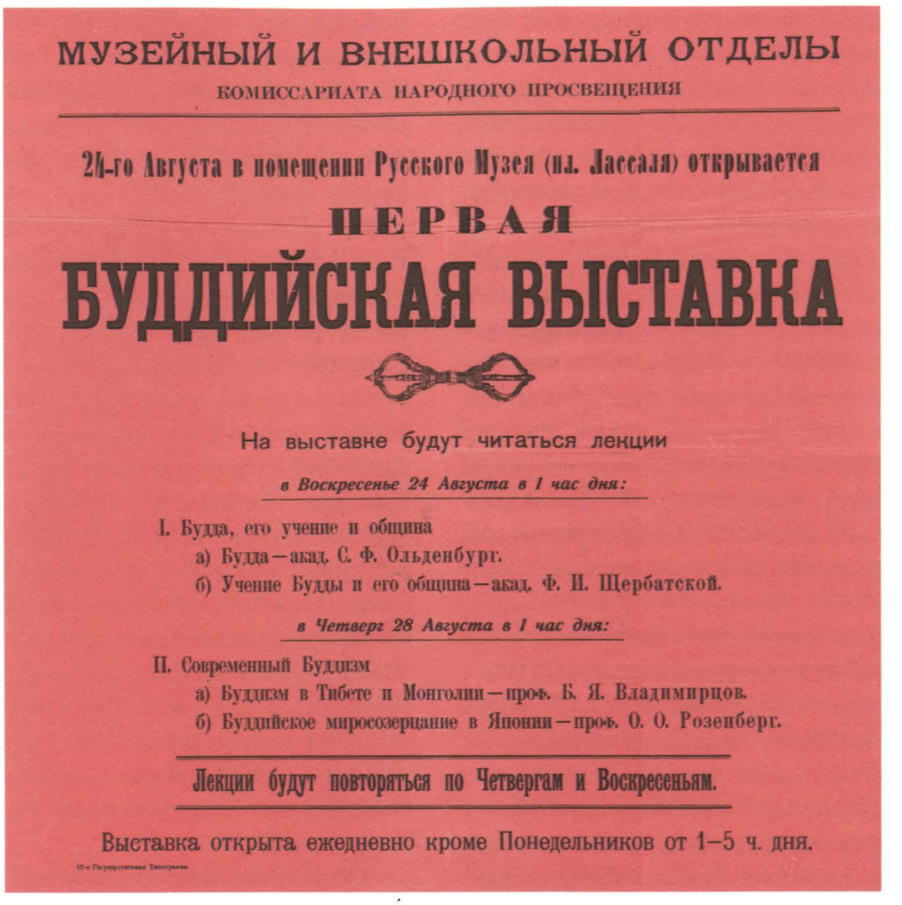
58 Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 26.

59 Ольденбург С.Ф. Русская Туркестанская экспедиция 1909 года. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

57 PBA RAS. Fond 148. Inv. 1, unit 49, ff. 103–107.

58 Stcherbatsky, F.I. "S.F. Oldenburg as Indologist." *Transactions of the IOS, USSR AS*. Issue 4. M., L., 1935, p. 26.

59 Oldenburg, S.F. *Russian Turkestan Expedition of 1909: A Concise Report*. SPb., 1914.


МУЗЕЙНЫЙ И ВНЕШКОЛЬНЫЙ ОТДЕЛЫ
КОМИССАРИАТА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

24-го Августа в помещении Русского Музея (ул. Лассаля) открывается

ПЕРВАЯ

БУДДИЙСКАЯ ВЫСТАВКА

На выставке будут читаться лекции

в Воскресенье 24 Августа в 1 час дня:

I. Будда, его учение и община
а) Будда — акад. С. Ф. Ольденбург.
б) Учение Будды и его община — акад. Ф. И. Щербатской.

в Четверг 28 Августа в 1 час дня:

II. Современный Буддизм
а) Буддизм в Тибете и Монголии — проф. Б. Я. Владимирцов.
б) Буддийское миросозерцание в Японии — проф. О. О. Розенберг.

Лекции будут повторяться по Четвергам и Воскресеньям.

Выставка открыта ежедневно кроме Понедельников от 1–5 ч. дня.

Афиша «Первой буддийской выставки». 1919
Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук

Poster of the First Buddhist Exhibition. 1919
St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences

вые дано научное описание. Важным приобретением С.Е. Малова во время первой его экспедиции стала находка уникальной уйгурской рукописи «Сутра Золотого блеска» («Алтун ярук»).

Памятники буддийского искусства были представлены на «Первой буддийской выставке» в Петрограде, которая открылась в помещениях Русского музея 24 августа 1919 г., в разгар Гражданской войны. Задачей выставки было впервые представить в России многообразие школ буддийского искусства на основе памятников, привезенных из Индии и Центральной Азии. На выставке демонстрировались кальки и фотографии росписей пещер Дуньхуана, статуи и иконы из тангутского города Хара-Хото, а также памятники буддийского прикладного искусства из Индии, Тибета, Монголии, Японии, Явы и Индокитая. Образ Будды и его трактовка разными народами был центром экспозиции. На выставке были представлены немногочисленные памятники буддийского искусства, находившиеся в хорошей сохранности и не требовавшие реставрации. Росписи, рукописи и этнографи-

In 1909–11 and 1913–14, Sergei Efimovich Malov (1880–1957) made journeys to Eastern Turkestan and Central China to study the language and everyday life of the local Turkic nationalities, i.e. the Uighur, the Yellow Uighur, the Lop Nor and the Salar peoples. As a result, their languages received the first scholarly outline. The discovery of the unique Uighur manuscript called *The Golden Light Sutra* (*Altun Yaruq'*, *Suvarṇa-prabhāsa-sūtra*) was a major achievement of S.E. Malov's first expedition.

Buddhist art relics were shown in the *First Buddhist Exhibition* held in Petrograd. It opened in the rooms of the Russian Museum on 24 August 1919, at the height of the Civil War. The exhibition aimed to introduce the Russian public to the diversity of Buddhist art schools by displaying articles brought from India and Central Asia. The exhibits included the tracings and photographs of Dunhuang murals, statues and paintings from the Tangut city of Khara-Khoto, as well as the objects of Buddhist decorative art from India, Tibet, Mongolia, Japan, Java and Indo-China. The exposition centered on the image of the

ческие коллекции не выставлялись. Экспозиция сопровождалась публичными лекциями по истории буддизма и современному его состоянию, читаемыми еженедельно крупнейшими специалистами: «Будда» (С.Ф. Ольденбург), «Учение Будды и его община» (Ф.И. Щербатской), «Буддизм в Тибете и Монголии» (Б.Я. Владимирцов), «Буддийское миросозерцание в Японии» (О.О. Розенберг) [60].

Исследования Центральной Азии продолжались уже в советское время. В 1923—1926 гг. состоялась Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова, главным достижением которой стали раскопки курганов Ноин-Улы. Выдающееся значение для изучения географии и геологии Сибири, Центральной и Средней Азии имели работы Владимира Афанасьевича Обручева (1863—1956), который описал свои путешествия в целом ряде научно-популярных книг и увлекательных научно-фантастических романов.

Одновременно с русскими исследователями Центральную Азию посещают зарубежные ученые.

Великобритания, активно присутствовавшая в регионе, как и Россия, первоначально вела здесь исследования географического и картографического характера. Вполне очевидно, что в обмене разведывательными данными не могло быть свободы и открытости, но все же, невзирая на соперничество в сфере геополитики, представители военно-топографических служб двух стран старались объединять усилия в исследовании неизвестных европейцам уголков Центральной Азии, исходя во многом из гуманистических принципов обеспечения прогресса географических знаний[61]. Среди материалов Н.М. Пржевальского и П.К. Козлова в Архиве РГО сохранилось много карт на английском языке, которыми пользовались наши путешественники. Настоящую охоту за картографическими данными русских экспедиций в Центральной Азии вели и англичане, и китайцы.

Первым из англичан на архитектурные памятники региона обратил внимание Уильям Джонсон, который в 1865 г. посетил Хотан, Керия и Черчен[62]. В 1870 и в 1873 гг. с официальными миссиями к Якуб-беку, правителю недолговечного независимого государства в Восточном Туркестане, был направлен Томас Дуглас Форсайт. В его отчете Королевскому Географическому обществу говорилось о древних городах, засыпанных песками, а также о погребенных в них предметах искусства[63]. Отчеты Форсайта вызвали большой интерес и были опубликованы в России[64].

Buddha and its interpretations by various cultures. Only a few Buddhist art relics, those that were in a good state of preservation and didn't need to be restored, had been put on show. No murals, manuscripts or ethnographic collections were displayed. The exposition was accompanied by public lectures, given weekly by the most prominent scholars, on the history of Buddhism and its current state, e.g. 'The Buddha' by S.F. Oldenburg, 'The Buddha's Teaching and the Holy Community' by Th.I. Stcherbatsky, 'Buddhism in Tibet and Mongolia' by B.Ya. Vladimirtsov, and 'Buddhist Worldview in Japan' by O.O. Rosenberg.[60]

The study of Central Asia resumed during the Soviet era. In 1923–26, the Mongolia and Tibet Expedition led by P.K. Kozlov succeeded in excavating the Noyon Uul burial mounds. Vladimir Afanasyevich Obruchev (1863–1956) made a great contribution to the study of the geography and geology of Siberia and Central and Middle Asia. He described his experiences in a large number of popular science books and fascinating science fiction novels.

Foreign scientists explored Central Asia concurrently with their Russian counterparts. Great Britain, whose presence in the region was as active as Russia's, began by carrying out geographic and cartographic surveys. It is only natural that there could be no question of free and open reconnaissance data exchange; however, despite the two nations' geopolitical rivalry, the staff of their military topographic units attempted to combine their efforts in studying the remote corners of Central Asia unknown to Europeans, guided largely by the humanistic principles of promoting advance in geography.[61] The Archives of the Russian Geographic Society preserve, among N.M. Przhevalsky's and P.K. Kozlov's materials, numerous maps in English, which were used by the Russian travellers. Both the British and the Chinese coveted cartographic materials compiled by Russian expeditions to Central Asia.

William Johnson, who visited Khotan, Keriya and Cherchen in 1865, was the first Briton to notice local architectural monuments.[62] In 1870 and 1873, Sir Thomas Douglas Forsyth was sent on official missions to Yaqub-bek, head of a short-lived independent state in Eastern Turkestan. His report to the Royal Geographic Society described sand-buried ancient cities and the treasures they concealed.[63] Sir Forsyth's reports aroused a keen interest and were published in Russia.[64]

---

60 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 233. Л. 1а.

61 Постников А.В. Схватка на «Крыше мира». Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2001. С. 343—344.

62 Johnson, W.H. Report on his Journey to Iechè, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary." *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 37 (1867).

63 Report of a Mission to Yarkand 1873 under Command of Sir T.D. Forsyth. Calcutta, 1875.

64 Белью [Х.У.]. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873—1874 гг. СПб., 1877.

60 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 233, f. 1a.

61 Postnikov, A.V. *Fight on the 'Roof of the World': Politicians, Intelligence Officers and Geographers in the Struggle for Pamir*. A documentary monograph. M., 2001, pp. 343–344.

62 Johnson, W. H. "Report on his Journey to Iechè, the Capital of Khotan, in Chinese Tartary." *Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 37 (1867).

63 Forsyth, T. D. *Report of a Mission to Yarkand in 1873*. Calcutta, 1875.

64 Bellew, [H. W.] *Kashmir and Kashgar: A Journal of the English Mission to Kashgar in 1873–1874*. SPb., 1877.

В 1889 г. лейтенант Г. Бауэр приобрел в Восточном Туркестане сочинение на бересте на неизвестном языке и отправил его в Бенгальское Азиатское общество. С рукописью ознакомился известный специалист по индоарийским языкам Август-Рудольф Хёрнле (1841—1918). Он высоко оценил рукопись, содержавшую несколько буддийских произведений на санскрите, и впоследствии написал, что с открытия именно этого текста начались археологические исследования Восточного Туркестана. После открытия Р. Хёрнле всем британским дипломатам, служившим в регионе, было предписано приобретать рукописи, которые попадали в их поле зрения, и посылать Хёрнле для дешифровки.

В 1890 г. в Кашгар прибыла миссия Фрэнсиса Янгхазбэнда. Его задачей было учреждение Британского консульства в Центральной Азии, но первоначальные переговоры с китайскими властями не дали результата, и в 1891 г. миссия Янгхазбэнда отправилась обратно, за исключением молодого переводчика Джорджа Макартни (1867–1945), который был оставлен там как представитель Великобритании до 1909 г., когда он получил официальный статус консула. Находясь на службе в Кашгаре до 1918 г., Дж. Макартни приобрел у местного населения множество рукописей и других находок. В дальнейшем британские дипломаты Д. Шериф, Ф. Уиллиямсон и К. Скрайн также покупали рукописи и предметы искусства. Интересно отметить, что научное коллекционирование русских и английских дипломатов стало своего рода продолжением большой политики. Очень часто они приобретали раритеты у одних и тех же агентов, которые использовали их соперничество с выгодой для себя.

Публикация рукописи Бауэра и отчеты Свена Гедина (1865—1952) стали основным побудительным моментом для организации в Восточный Туркестан экспедиций выдающегося исследователя Марка Аурела Стейна (1862—1943). В 1900—1930 гг. Стейн осуществил четыре экспедиции в регион, провел раскопки в Дуньхуане и Турфане, составил по ним подробные археологические, фотографические и этнографические отчеты. В течение одиннадцати месяцев своей первой экспедиции (1900—1901) он исследовал древние города Хотан, Ния, Миран и Лоулань, опубликовал подробный отчет этой экспедиции, дневник своих путешествий, а также несколько статей. Во время второй экспедиции (1906—1908) Стейн продолжил начатые раскопки и прошел на восток до Дуньхуана, где он намеревался изучить оборонительные сооружения ханьского времени. Он посетил Пещеры тысячи будд, откуда вывез рукописи знаменитой монастырской библиотеки, прошел по северной ветви Шелкового пути, сделав короткую остановку в Турфане, провел раскопки близ Хотана и завершил свою экспедицию в горах Куньлуня. Краткий отчет этой экспедиции вскоре увидел свет, но для составления полного отчета в пяти томах с картами и иллюстрациями понадобилось несколько лет. В ходе третьей экспедиции 1913—1916 гг. А. Стейн посетил

In 1889, Lieutenant Hamilton Bower bought a manuscript written on pieces of birch bark in an unknown alphabet and sent it from Eastern Turkestan to the Asiatic Society of Bengal, where it eventually made its way into the hands of Augustus Rudolf Hoernle (1841—1918), a noted expert on Indo-Arian languages. He was able to appreciate the significance of the manuscript, which contained a number of Buddhist writings in Sanskrit; subsequently he wrote that the finding of this particular manuscript initiated the archaeological study of Eastern Turkestan. Following his discovery the British diplomats based in the region were instructed to buy the manuscripts that came to their notice and forward them to Hoernle for deciphering.

In 1890, Sir Francis Younghusband's mission arrived in Kashgar. He was entrusted with establishing a British consulate in Central Asia, but the initial negotiations with the Chinese authorities were unsuccessful, so that in 1891 his expedition set out on their return journey, except for a young translator, George Macartney (1867–1945), who stayed on as the representative of Britain to China until 1909, when he was officially made Consul-General. He remained in the diplomatic service, staying in Kashgar until 1918, and acquired a great number of manuscripts and other finds from local people. Later on the British diplomats D. Sheriff, F. Williamson and C. Skrine went on purchasing manuscripts and art objects. It is worthy of note that with Russian and British diplomats scientific collecting became part of major political affair. They often bought rare objects from the same dealers, who profited handsomely from their rivalry.

The publication of Bower's Manuscript and Sven Hedin's (1865–1952) reports were conducive to mounting expeditions of an outstanding explorer Sir Marc Aurel Stein (1862–1943) to Eastern Turkestan. Between 1900 and 1930, he led four expeditions to that region, carried out excavations in Dunhuang and Turfan and compiled comprehensive archaeological, photographic and ethnographic surveys. During the eleven months of his first expedition in 1900–01 he studied the ancient cities of Khotan, Niya, Miran and Loulan. He published a detailed report of his expedition, his own travel journal and several articles. During his second expedition, in 1906–08, A. Stein continued the excavations he had started previously and advanced eastwards as far as Dunhuang, where he was going to investigate the fortifications dating from the Han dynasty. He visited the Caves of a Thousand Buddhas, whence he acquired the manuscripts from the famous monastery library, travelled on the northern branch of the Silk Road and made a short sojourn in Turfan. After carrying out excavations near Khotan, he finished his expedition in the Kunlun Mountains. A brief outline of his expedition soon saw the light, whereas compiling a comprehensive five-volume survey complete with maps and illustrations (*Serindia*) took several years. During his third expedition, between 1913 and 1916, Stein visited ancient sites along the southern route of the Silk Road east of Dunhuang, carried out

городища южной ветви Шелкового пути восточнее Дуньхуана, провел раскопки близ Турфана, в Астане и Безеклике, посетил Кашгар и отправился через Памир вдоль афганской границы в Систан, в западный Иран, где также провел археологические исследования. Он опубликовал полный академический отчет об этой экспедиции («Innermost Asia»), а спустя несколько лет — сводный отчет по трем экспедициям.

А. Стейн вновь посетил некоторые особенно интересовавшие его памятники во время своей четвертой, последней, экспедиции в Центральную Азию в 1930—1931 гг. За этим последовали четыре экспедиции в Иран и Ирак, во время которых А. Стейн выполнил аэросъемку древнеримских оборонительных сооружений на Ближнем Востоке и прошел по маршруту походов Александра Македонского. Он скончался в 1943 г. в Кабуле перед началом новой археологической экспедиции в Афганистан.

В 1877—1880 гг. состоялась австро-венгерская экспедиция в Китай под руководством Белы Сечени, в которой приняли участие Г. Крейтнер (1883—1951) и Л. Лочи (1849—1920). Путешественники прошли большой маршрут от Шанхая на запад до провинции Ганьсу, имея намерение следовать дальше в Тибет, но из-за противодействия китайских властей они были вынуждены отправиться в Бирму.

В Германии решение об организации экспедиции в Турфан было принято сразу же после сенсационного доклада В.В. Радлова и С.Ф. Ольденбурга на XII Международном конгрессе востоковедов в Риме в 1899 г., но из-за финансовых трудностей экспедиция под руководством Альберта Грюнведеля (1856—1935) отправилась в путь только в сентябре 1902 г. Необходимая сумма в 40 тысяч марок была составлена из средств Музея народоведения, денег, выделенных магнатом Круппом, попечителем музея Джеймсом Саймоном, а также Берлинским этнографическим обществом взаимопомощи. Кроме руководителя экспедиции А. Грюнведеля в нее вошли востоковед Георг Хут и технический работник музея Теодор Бартус. Экспедиция проследовала через Урумчи в Турфан, где провела исследования в Идикут-шари, Безеклике, Сенгиме, Туюке. Затем она посетила Токсун, Карашар, Кучу, Кумтуру, Кызыл, Аксу, Тумшук, Маралбаши и Кашгар. В марте 1903 г. экспедиция вернулась в Берлин. Результаты работы были опубликованы А. Грюнведелем в 1905 г.

Исключительные результаты и находки первой экспедиции получили высокую оценку научного сообщества в Германии. Кроме исследовательских, экспедиция преследовала музейные цели, и многие доставленные из Восточного Туркестана произведения искусства сразу же были помещены в экспозицию Музея народоведения. Немецкий Комитет изучения Центральной и Восточной Азии, во главе которого стояли Р. Пишель и Х. Людерс, рекомендовал продолжить

excavations near Turfan, in Astana and Beziklik, visited Kashgar, traversed the Pamir along the Afghan border and reached Sistan and western Iran, where he also carried out archaeological investigations. He published a complete academic report of the expedition, (*Innermost Asia*), and several years later brought out a consolidated report covering the three expeditions.

During his fourth (and last) expedition to Central Asia in 1930—31, Stein visited yet again some of the monuments he found especially interesting. Then followed four expeditions to Iran and Iraq, where Stein carried out an aerial photographic reconnaissance of the Roman fortifications in the Near East and traced Alexander the Great's eastern campaigns. He died in Kabul in 1943 before he could commence his new archeological expedition to Afghanistan.

The 1877—80 the joint Austrian and Hungarian expedition to China included Béla Széchenі (head) as well as G. Kreitner (1883—1951) and L. Lóczy (1849—1920). Their party made a long journey from Shanghai westwards, as far as the Gansu Province, with the intention of proceeding to Tibet; however, thwarted by the Chinese authorities, they had to make for Burma.

In Germany, the decision to mount an expedition to Turfan was made immediately following V.V. Radloff and S.F. Oldenburg's presentation of their paper at the 12th International Congress of Orientalists in Rome in 1899. However, kept back by financial difficulties, the expedition under Albert Grünwedel (1856—1935) was not launched until September 1902.

The necessary sum of forty thousand marks was raised with donations from the Museum für Völkerkunde, the industrialist Krupp, the Museum's patron James Simon and the Berlin Ethnological Aid Committee. Besides Grünwedel, the party included the Orientalist Georg Huth and the Museum's staff member Theodor Bartus. They travelled via Urumqi to Turfan, where they investigated Idiqutshari, Beziklik, Sängim and Toyuq. Then they visited Toksun, Karashar, Kucha, Kumtura, Kizil, Aksu, Tumshuk, Maralbashi and Kashgar. In March 1903 the expedition returned to Berlin. Grünwedel published the results of their work in 1905.

The first expedition's exceptionally valuable results and finds were highly appreciated by the German academic community. The expedition served not only scientific, but also museum purposes, and many treasures brought back from Eastern Turkestan were immediately put on display in the Museum für Völkerkunde. The German Committee for Central and Eastern Asian Studies headed by R. Pischel and H. Lüders recommended that the work should be continued. The next three German (or Prussian, as they were referred to at that time) expeditions to Turfan were state-financed. The second expedition was led by Albert von Le Coq (1860—1930) of the Museum für Völkerkunde. Together with Theodor Bartus he worked in Turfan, Yar-Khoto, Sängim and Beziklik between November 1904 and November 1905. Then they went to Kash-

начатую работу. Последующие три немецкие (или, как писали в начале XX в., прусские) Турфанские экспедиции уже были профинансированы государством. Вторую экспедицию возглавил Альберт фон Лекок (1860—1930), научный сотрудник Музея народоведения. Вместе с Т. Бартусом он проработал в Турфане, Яр-Хото, Сенгиме и Безеклике с ноября 1904 г. по ноябрь 1905 г. Затем экспедиция проследовала в Кашгар, куда в декабре 1905 г. прибыла третья немецкая Турфанская экспедиция под руководством А. Грюнведеля. Две экспедиции соединились и в июне 1907 г. завершили совместную работу. В середине 1906 г. Лекок из-за болезни был вынужден вернуться домой. А. Грюнведель и Т. Бартус продолжали работу, проводя раскопки западнее Турфана, в том числе в буддийских пещерных храмах Кызыла. Экспедиция обследовала многие памятники, проехав из Кашгара в Тумшук (январь 1906), затем в Кызыл, Кучу, Кумтуру (февраль 1906), Кириш (февраль—май 1906 г.). Летом 1906 г. велись работы близ города Корла в храмовом комплексе Шикшина. Затем через Турфанский оазис немецкие исследователи отправились в Туюк и Хами. По результатам второй и третьей экспедиций были опубликованы «Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan» Грюнведеля (1912) и книга Лекока «Auf Hellas Spuren in Ostturkistan» (1926). Четвертая, последняя, немецкая Турфанская экспедиция началась в июне 1913 г. и была завершена в феврале 1914 г., незадолго до начала Первой мировой войны. Возглавил экспедицию Лекок. В основном она проводила раскопки в окрестностях Кучи, продолжая работу, начатую третьей экспедицией. Отчет был опубликован Лекоком в 1928 г.

Французская экспедиция, возглавляемая выдающимся синологом Полем Пеллио (1878—1945), выехала из Парижа 15 июня 1906 г. Его спутниками были военный врач Луи Вайан, который вел топографические и естественнонаучные наблюдения, а также фотограф Шарль Нуэтт. В августе 1906 г. экспедиция прибыла в Кашгар, где за шесть недель раскопок П. Пеллио собрал коллекцию рукописей и обследовал памятники Учмерван, Искишахр, Хан-уй, Каптархона, Теджурман, Топатим и Топашахр. Затем экспедиция направилась к востоку от Кашгара до древнего монастырского комплекса Тумшук, где прежде проводил раскопки Свен Гедин. С января 1907 г. экспедиция изучала окрестности Кучи, сосредоточив особое внимание на Дулгур-Охуре, где обнаружила 200 фрагментов китайских рукописей, а также рукописи, выполненные письмом *брахми*. В районе Субаши Пеллио обнаружил новые рукописные фрагменты, включая санскритские надписи на дереве, документы, а также дощечки с текстами на мертвом кучинском языке (тохарском Б, или западном тохарском). После восьми месяцев работы в Куче экспедиция проследовала через Турфан и Хами в Дуньхуан, где работала с 12 февраля по 7 июня 1908 г.

gar, where the third German expedition under Grünwedel also arrived in December 1905. The two expeditions joined together and collaborated until June 1907. In mid-1906 Le Coq had to return home on account of poor health. Grünwedel and Bartus went on with their work, carrying out digs west of Turfan, e.g. in the Buddhist cave monasteries near Kizil. They investigated a wide range of monuments in travelling from Kashgar to Tumshuk (January 1906) and thence to Kizil, Kucha, Kumtura (February 1906) and Kirish (February—May 1906). In the summer of 1906 they worked at the monastery complex of Shikchin near Korla and then went through the Turfan Oasis to Toyuq and Hami. Based on the results of the second and third expeditions were *Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan* by Grünwedel (1912) and Le Coq's book entitled *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan* (1926). The fourth, and last, of German Turfan expeditions began in June 1913 and finished in February 1914, shortly before the outbreak of World War I. The expedition, under Albert von Le Coq, chiefly continued the work of the third expedition by carrying out excavations near Kucha. Le Coq published his report in 1928.

The French expedition under the noted Sinologist Paul Pelliot (1878—1945) set out from Paris on 15 June 1906. It included the medical officer Louis Vaillant, who was also responsible for topographic and natural science surveys, and the photographer Charles Nouette. In August 1906, the travellers arrived in Kashgar, where Pelliot amassed, as a result of six weeks' explorations, a collection of manuscripts and investigated such monuments as Uch-Mervan, Eskishahr, Khan-uy, Kaptarkhona, Tejurman, Topatim and Topashahr. Then the expedition advanced westwards of Kashgar, as far as the ancient monastery complex of Tumshuk, which had been excavated by Sven Hedin. From January 1907 they investigated the Kucha area, focusing especially on Dolgur-akur, where they discovered 200 fragments of Chinese manuscripts as well as samples of Brāhmī script. In the vicinity of Subashi, Peillot discovered more fragments of handwritten documents, including Sanskrit writing on wood, documents and wooden plaques with scripts in a dead Kuchean language (Tocharian B or Western Tocharian). After eight months' work in Kucha the expedition went via Turfan and Khami to Dunhuang, where it worked from 12 February till 7 June 1908. The Caves of a Thousand Buddhas was investigated between 27 February and 27 May.

Aurel Stein, the first European to reach Dunhuang, had concentrated on the library, without carrying out a comprehensive study of the cave complex. It is Pelliot who gets the credit for preparing thorough photographic and written surveys. While investigating the caves he discovered thousands of manuscripts in Chinese, Tibetan, Uighur and Sanskrit, as well as paintings on silk, canvas and paper. He selected a number of Buddhist and other texts, documents, statues and paintings on silk. On 28 September (11 October) 1908 his expedition arrived at Xian

С 27 февраля по 27 мая были обследованы Пещеры тысячи будд.

А. Стейн, который стал первым европейцем, побывавшим в Дуньхуане, сосредоточился на библиотеке и не провел комплексного исследования пещерного комплекса. Заслугой Пеллио была подготовка подробных фотографических и письменных отчетов. В пещерах им были обнаружены десятки тысяч рукописей на китайском, тибетском, уйгурском языках и санскрите, а также изображения на шелке, холсте и бумаге. Пеллио отобрал ряд текстов буддийского и небуддийского содержания, документы, статуи и изображения на шелке. 28 сентября (11 октября) 1908 г. экспедиция прибыла в Сиань, откуда через Пекин отправилась в обратный путь. В Пекине Пеллио передал несколько рукописей китайским ученым. В результате китайское научное сообщество в Пекине убедилось в важности открытия дуньхуанской пещерной библиотеки. Был учрежден специальный комитет, который в 1909 г. убедил правительство перевезти оставшуюся часть библиотеки в Пекин.

Одновременно с западными исследователями в Центральной Азии работали японские ученые. Первая японская экспедиция в Восточный Туркестан состоялась в 1902—1904 гг. под влиянием результатов экспедиции А. Стейна. Отани Кодзуи, Ватанабэ Тэссин и Хори Кэнью прибыли в Восточный Туркестан из Лондона через Россию. Сначала они посетили Хотан, провели там раскопки, затем проследовали в Кучу, изучили памятники Кызыла и Турфана. Затем через Урумчи они вернулись в Японию. Экспедиция доставила коллекцию рукописей и памятников искусства. Вторая японская экспедиция в Восточный Туркестан состоялась в 1908—1909 гг. Ее участниками были Татибана Дзуйтё и Номура Эйдзабуро. Они исследовали памятники Хара-Ходжо, Муртука и Яр-Хото. Кроме того, они посетили городище Лоулань, оазис Ния, Яркенд и Маралбаши. Третья японская экспедиция состоялась в 1910—1914 гг. Главой ее был Татибана Дзуйтё, который провел исследования в Турфане, Куче, Кашгаре, Хотане. После его отъезда в Японию в 1912 г. другой участник этой экспедиции, Ёсикава Коитиро, продолжал раскопки в Турфане, уделив особое внимание памятникам в Астане, а также в Куче, где обследовал Кумтуру и Субаши.

Несмотря на то, что результаты и российских, и зарубежных археологических экспедиций в то время не были опубликованы, исследователи стремились работать в тесном взаимном контакте.

Проведение масштабных исследований российскими учеными на большой территории Центральной и Средней Азии стало их крупнейшим вкладом в мировую науку, не теряющим научного значения и ныне. Связанный с российскими экспедициями значительный количественный рост научного материала вывел на новый уровень обобщения ряд важнейших исторических, археологических и лингвистических дисциплин.

before setting out on their return journey via Beijing. In Beijing Pelliot gave some of the manuscripts to Chinese scholars. As a result, the Chinese academic community realized the significance of the discovery of the cave library in Dunhuang. An *ad hoc* committee was established, which, in 1909, persuaded the government to transport the remaining part of the library to Beijing.

Japanese scholars worked in Central Asia concurrently with their Western counterparts. The First Japanese Expedition to Eastern Turkestan, instigated by the results of Aurel Stein's journey, was active between 1902 and 1904. Otani Kozui, Watanabe Tesshin and Hori Ken'yu arrived in Eastern Turkestan from London via Russia. They began by carrying out excavations in Khotan, then travelled on to Kucha and studied the monuments of Kizil and Turfan. After that they returned to Japan via Urumqi. The expedition brought back a collection of records and art relics.

The Second Japanese Expedition to Eastern Turkestan took place in 1908—09. It consisted of Tachibana Zuicho and Nomura Eizaburo. They studied the monuments of Khara-Khodja, Murtuk and Yar-Khoto, besides visiting Loulan, Niya, Yarkend and Maralbashi.

It was Tachibana Zuicho who led the Third Japanese Expedition in 1910—14. He carried out investigations in Turfan, Kucha, Kashgar and Khotan. After his departure for Japan in 1912, Yoshikawa Koichiro, a member of his expedition, continued the dig in Turfan, giving special attention to monuments in Astana and in Kucha, where he researched Kumtura and Subashi.

Despite the fact that no results of Russian or Western archaeological expeditions were published at the time, the scientists strove to work in close contact.

Russian scholars' large-scale investigations on vast territories in Central and Middle Asia made a most significant contribution to world science, still valid today. A substantial increase in the amount of scientific material due to Russian expeditions provided new points of reference for a wide range of major historical, archaeological and linguistic disciplines.

Экспедиции в Центральную Азию и открытие раннесредневековых тюркских письменных памятников

Л.Ю. Тугушева

Expeditions to Central Asia and the Discovery of Early Medieval Turkic Manuscripts

L.Yu. Tugusheva

После того, как был освоен морской путь, соединявший западные, прежде всего средиземноморские, страны с Южной Азией, значение Великого шелкового пути как главной торговой магистрали между Востоком и Западом постепенно утрачивалось. Наибольшую роль в освоении пути в Индию и Китай сыграли арабские мореплаватели, суда которых вели торговлю во всей западной части Индийского океана, от берегов Индии до восточного побережья Африки. Шелковый путь постепенно распадался на дороги местного значения, а Центральная Азия погружалась во мрак неизвестности для отдаленных от нее земель.

Интерес к Центральной Азии в странах Западной Европы вновь возник с появлением в первой четверти XIII в. у ее границ монгольских войск и с началом крестовых походов. К тому же времени относится распространение в европейских странах легенды о существовании в Центральной Азии государства, управляемого правителем-христианином, «пресвитером Иоанном». Для проверки этих сведений, а также для получения достоверных данных о монголах из Западной Европы были направлены дипломатические и религиозные миссии. Наиболее активную политику вели папа римский и французский король-крестоносец Людовик IX. Для осуществления поставленных целей они привлекли монахов доминиканского и францисканского орденов. Францисканцы во главе с Плано Карпини выступили в путь в 1245 г. Их путешествие в ставку монгольских ханов Каракорум и обратно длилось около двух лет. Подробный отчет Карпини не утратил своего значения до настоящего времени. В 1249 г. в Каракоруме побывал францисканский монах Андре Лонжюмо, но отчет о его экспедиции не сохранился. Одной из наиболее результативных была миссия францисканца Гильома Рубрука. Вместе со своими спутниками он отправился в путь зимой 1252/1253 гг. и прибыл в ставку Мунке-хана в Каракоруме в конце декабря 1254 г. В свой монастырь он вернулся в 1256 г. Отчет о путешествии, составленный Рубруком, содержит ценные, нередко уникальные сведения о религии, хозяйстве, быте, военной организации народов, среди которых он побывал.

Существенно отличается от отчетов дипломатических и религиозных миссий «Книга» Марко Поло, составленная на основе его длительного пребывания в Центральной Азии и в Китае во второй половине XIII в. В отличие от отчетов мона-

During the Middle Ages Central Asia for a long time remained a *terra incognita* for Europeans. With the discovery of the sea route linking western, chiefly Mediterranean countries with Southern Asia, the Silk Road as the main trade route between East and West became increasingly untravelled. Arab navigators, whose ships were trading all over the Western part of the Indian Ocean, from the Indian coast to the eastern coast of Africa, made the most valuable contribution to opening up the sea routes to India and China. The Silk Road gradually broke up into a number of local roads as far-off countries found Central Asia sinking into oblivion.

In the first quarter of the 13th century Western Europe, concerned about the concentration of Mongolian troops near its borders and engaged in the launching of crusades, began to devote renewed attention to Central Asia. During the same period a legend about a Central Asian country ruled by a Christian, Presbyter John, began to spread throughout the European countries. In order to verify these rumours and obtain reliable information about the Mongols, Western European countries organized a number of diplomatic and religious missions. Especially active were the Pope and Louis IX of France, himself a crusader. In pursuing their goals they recruited the services of the Dominicans and the Franciscans. Franciscan friars, led by Giovanni da Pian del Carpini, set out in 1245. Their journey to the capital of the Mongol khans in Karakorum and back lasted about two years. Carpini's detailed account has not lost its significance today. In 1249, the Franciscan friar André Longeumeau visited Karakorum, but his expedition report has not survived. One of the most fruitful missions was led by the Franciscan friar Willem van Ruysbroeck. He set out together with his companions in the winter of 1252–53 and arrived in Karakorum, Mongke Khan's capital, at the end of December 1254. It was not until 1256 that he returned to his monastery. Ruysbroeck's report contains valuable, indeed unique information about the religion, economy, customs and armed forces of diverse nations.

Marco Polo's *Travels*, vastly different from reports by diplomatic and religious missions, was based on his own experiences of many years in Central Asia and China in the second half of the 13th century, after Carpini and Ruysbroeck. Unlike the friars' accounts, his book was conceived as a sort of guide for merchants. Long before this genre emerged in Europe, it had

хов этот труд был задуман как «путеводитель» для торговцев. Задолго до появления европейских сочинений подобные руководства составлялись арабскими географами, но они по большей части представляли собой компиляции уже существовавших сочинений. Книга Марко Поло была создана, в отличие от них, на основе личных наблюдений автора и рассказов очевидцев, с которыми он встречался во время своего путешествия. Написана она была предположительно в 1296 г. и содержит наиболее подробное и обстоятельное для того времени описание всего маршрута путешествия от Константинополя до Китая через Центральную Азию.

Путешественники, посещавшие ставки правителей центральноазиатских стран в раннем средневековье, упоминали, что встречали там русских ремесленников, торговцев, дипломатов. Но первые достоверные сведения о посольствах из России в Китай относятся к началу XVII в., а в 1715 г. в Китае была основана Русская духовная православная миссия. В 1713—1716 гг. была организована первая продолжительная экспедиция в Центральную Азию из России под руководством Трушникова. Маршрут этой экспедиции пролегал через Восточный Туркестан в Северный Тибет и далее к оз. Кукунор и охватывал обширную территорию, которая до того времени не посещались европейцами. К целенаправленным исследованиям Центральной Азии русские ученые приступили в начале XIX в. По следам путешествий П.П. Семенова и при непосредственном его содействии в 1870—1885 гг. были снаряжены четыре центральноазиатских экспедиции Н.М. Пржевальского, в которых приняли участие М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов и др.

В третьей центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского (1879—1880) вторым помощником начальника был назначен В.И. Роборовский. В четвертой экспедиции (1883—1885) он уже выступал в ответственной роли старшего помощника начальника. В экспедиции М.В. Певцова 1889—1890 гг. В.И. Роборовский совершал самостоятельные разъезды на северные окраины Тибета. Разъезды В.И. Роборовского проходили в труднейших условиях высокогорного плато, нередко на высоте около 5000 м[1].

Для описания условий, в которых, начиная с древних времен, преодолевали просторы Центральной Азии путешественники и завоеватели, более всего подошли бы слова Жана-Поля Ру, сказанные им о военных походах кочевников: «Надобно, описывая все это, десять или сто раз повторять одни и те же слова: “страшный холод”, “иссушающая жара”, “разбитые дороги”, ...описать одни и те же пейзажи: “непроходимые пустыни”, “неприступные горы”, “бескрайние степи”»[2].

[1] Роборовский В.И. Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949. С. 13.

[2] Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2007. С. 12.

been practiced by Arabic writers who, creating their compilative works, relied on previous records. By contrast, *The Travels of Marco Polo* resulted from the author's first-hand observations and the eyewitness accounts he had heard from the eyewitness' mouth. Presumably written in 1296, the book contains a most detailed and thorough description of the long trek from Constantinople to China across Central Asia.

Visitors to the capital cities of Central Asian countries during the early Middle Ages mentioned that they had met Russian artisans, merchants and diplomats there. The earliest trustworthy accounts of Russian embassies to China date back to the early 17th century. A Russian Orthodox mission was not established in China until 1715. In 1713–16, Russia's first long expedition under Trushnikov travelled to Central Asia. Its members crossed Eastern Turkestan and northern Tibet and advanced towards Lake Koko Nor, traversing enormous territories where Europeans had never set foot. Russian scientists began a systematic study of Central Asia in the early 19th century. Following P.P. Semyonov's journeys and with his direct assistance, four expeditions led by N.M. Przhevalsky were sent to Central Asia between 1870 and 1885; his companions were M.V. Pevtsov, V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov, to name only a few.

V.I. Roborovsky was second assistant to the leader during N.M. Przhevalsky's third expedition to Central Asia in 1879–80. During the fourth expedition (1883–85), he was promoted to chief assistant. As a member of M.V. Pevtsov's expedition of 1889–90, Roborovsky was entrusted with making independent trips to the northern outskirts of Tibet. His sorties were made under extreme conditions, taking him to mountain plateaus at altitudes of about 5,000 metres.[1]

The difficulties that travellers and conquerors had faced in Central Asia since ancient times could best be characterized using Jean-Paul Roux's reference to the nomads' military campaigns: "In recounting all this, one has got to repeat the same words dozens or hundreds of times: 'bitter frosts', 'withering heat', 'ruined roads' ... , and describe the same landscapes time and again: 'impassable deserts', 'forbidding unassailable mountains' and 'boundless steppes'."[2]

Having become a most experienced explorer of Central Asia, Roborovsky headed an expedition in 1893–95. The travellers set out from Karakol, traversed the Tian Shan along the high plateaus of Greater and Lesser Yulduz, descended to the Turfan (Lukchun) Depression, crossed the Hami Desert, reached Dunhuang and proceeded to Lake Koko Nor. Apart from everything else, Roborovsky had set himself the task of providing a detailed description of the Turfan Depression with its towns and villages. He gave special attention to a study of the

[1] Roborovsky, V.I. *A Journey to the Eastern Tian Shan and Nan Shan*. M., 1949, p. 13.

[2] Roux, J.-P. *Tamerlan* [in Russian]. M., 2007, p. 12.

Экспедицию 1893—1895 гг. уже возглавил В.И. Роборовский, как один из опытнейших исследователей Центральной Азии. Путешественники выступили из Каракола и через хребет Тянь-Шань прошли по высокогорным плато Большой и Малый Юлдузы, спустились в Турфанскую (Люкчунскую) котловину, далее через Хамийскую пустыню прошли до Дуньхуана и оттуда проследовали до оз. Кукунор. Одной из задач, которую поставил перед собой Роборовский, было подробное описание Турфанской котловины, располагавшихся там городов и селений. Особое внимание он уделил исследованию развалин Идикут-шари, бывшей резиденции правителей княжества Кочо.

Результаты осмотра развалин, произведенного во время этой поездки, нашли отражение в записках В.И. Роборовского: «...мы вошли в южные ворота Идыгота-шари [Идикут-шари]. Нашим глазам представились обширные посевы проса среди древних развалин... Город окружен стеною около 3 сажен толщиною и до 5 вышиною, выложенной из сырцового кирпича; стена эта около шести верст длиною. Находящиеся тут здания все разрушены; дома имели сводчатые потолки. Большинство зданий были двухэтажными; на внутренних и наружных стенах всюду буддийские рисунки, у коих все лица людей испорчены и исцарапаны... Много попадалось гигантских разрушенных бурханов и развалин монастырей и храмов. Из всего можно заключить, что здесь некогда процветал буддизм. Развалины эти быстро идут к окончательному разрушению, потому что местные жители, *чанту* окрестных селений, ломают их выветрившиеся стены и разбивают и удобряют их глиною свои пашни; недалеко то время, когда все эти крайне интересные и совершенно неисследованные археологами остатки древности исчезнут с лица земли. Раскапывая эти развалины, *чанту* часто находят различные предметы обихода прежних жителей-уйгуров — старую глиняную посуду, стеклянные цветные украшения, монеты серебряные и медные, множество рукописей. Образцы этих вещей мне удалось приобрести. Добытые в свитках рукописи были до фута шириною и до четырех аршин длиной. У западной стены города близ ворот я видел большую ступообразную могилу с круговым внутри ходом, украшенным рисунками по стенам и потолку. Вне города за восточной стеной стоят две группы могил ступообразной формы; были могилы и пирамидальной формы, шестигранные с круглым отверстием вверху... Вообще вся котловина представляет очень большой интерес для археолога — всюду натыкаешься на остатки обитавших здесь в старину жителей иного культа»[3].

Участникам экспедиции удалось собрать в Турфане большую коллекцию предметов старины: монет, керамику, глиняные фигурки божеств и пр. Особую ценность представляли найденные ими образцы письменных памятников. Когда

[3] Роборовский В.И. *Указ. соч.* С. 392—393.

Idiqutshari ruins, the former residence of the Kocho kingdom rulers.

Roborovsky thus recorded the results of examining the ruins during his trip: "... we entered Idiqutshari by the southern gate. Our eyes fixed on vast crops of millet amid the ancient ruins... The town is enclosed within an adobe wall about 3 *sazhen* thick and up to five *sazhen* high; the wall is about six verst long. All the buildings are destroyed; the houses used to have vaulted ceilings. Most of the buildings were two-storied, their interior and exterior walls covered with Buddhist murals in which the people's faces are all damaged and scratched... We came across the remnants of many huge *burkhan* images as well as ruined monasteries and temples. It can be concluded, therefore, that Buddhism had once flourished in this area. The ruins are quickly falling out of existence because the natives, the Changtu population of neighbouring villages, break down the eroded walls, crush them and use its clay for fertilizer on their fields; it will not be long before all these extremely interesting and archaeologically unexplored ancient remnants get wiped off the face of the earth. While digging the ruins, the Changtu often find various household utensils used by former residents, the Uighurs, e.g. ceramic vessels, variegated glass ornaments, silver and copper coins and multitudes of manuscripts. I managed to acquire samples of these objects. The purchased scrolls were up to a foot wide and up to four *arshin* long. Near the town's west wall, not far from the gates, I saw a large *stupa* with a spiral passage inside, its walls and ceiling decorated with murals. Outside of the town, beyond its east wall are two groups of *stupa*-like tombs; there were also pyramidal tombs and hexagonal ones with a round opening on top... In fact, the entire depression is of great interest to archaeologists, for everywhere you go, you stumble upon the remnants of the ancient local culture and traces of the populace practicing an alien religion."[3]

In Turfan, the expedition succeeded in putting together a large collection of ancient objects, including coins, ceramic articles, clay figures of deities, etc. Particularly valuable were samples of manuscripts. Immediately they were delivered to St. Petersburg, they created such keen interest on the part of the academic community that a specialized expedition under D.A. Klementz was sent to Eastern Turkestan in 1898 in order to collect similar kinds of materials. The expedition brought back a priceless collection of early medieval Turkic official documents, which V.V. Radloff soon prepared for publication and subsequently included in his fundamental work.[4]

[3] Roborovsky, V.I. *Op. cit.*, pp. 392–393.

[4] Radloff, W. *Uigurische Sprachdenkmäler.* L., 1928. S. 82–112.

Будда на лотосовом троне. XIV–XV вв. (?)
Бумага, черная тушь. 17×13,5 см. ИВР РАН, SI O6
Доставлено из Восточного Туркестана экспедицией 1909–1910 гг. под руководством С.Ф. Ольденбурга.

Buddha on the lotus throne. 14th to 15th century (?)
Indian ink on paper. 17×13.5 cm. IOM RAS, SI O6
Brought from Eastern Turkestan by the 1909–10 expedition headed by S.F. Oldenburg.

они были доставлены в Петербург, уже первое знакомство с ними вызвало столь большой интерес ученых, что специально для сбора подобных материалов в 1898 г. в Восточный Туркестан была направлена экспедиция под руководством Д.А. Клеменца. Из этой поездки была доставлена ценнейшая коллекция раннесредневековых тюркских деловых документов, которые незамедлительно были подготовлены для публикации В.В. Радловым и впоследствии вошли в состав его фундаментального труда[4].

В.И. Роборовский был одним из первых, кто обратил внимание на необходимость безотлагательного изучения сохранившихся в Восточном Туркестане следов древних цивилизаций. Его записи о составе населения, хозяйстве, политическом устройстве, быте и о прочих сторонах жизни в разных частях исследуемого региона стали важнейшими для своего времени документами. Одаренный художник, он делал зарисовки, в которых были ярко отражены и природные объекты, и социальные феномены. В.И. Роборовский впервые выполнил детальное описание населенных пунктов и остатков древних развалин, находящихся в Турфанской котловине и в ее округе: Люкчун, Богар, Пичан, Лямджин, Чуванкер, Чыктым, Туюк, Сенгим, Идикут-шари и др.

Неординарные открытия в области археологии, сделанные в крае, в том числе экспедицией 1893—1895 гг. В.И. Роборовского, послужили основанием для обращения группы археологов в Восточное отделение Российского археологического общества (ВОРАО) с «Запиской» о необходимости археологического обследования Турфана[5]. После создания Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии (РКСА) в 1903 г. экспедиции, направляемые в Восточный Туркестан, регулярно сообщают о находках рукописей на тюркских языках. Экспедиции М.М. Березовского и первая Российская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга также доставили несколько раннесредневековых тюркских деловых документов, которые впоследствии были опубликованы С.Е. Маловым[6].

С самых ранних этапов изучения края у исследователей не было сомнений в том, что с древних времен жители городов и селений в Восточном Туркестане покидали обжитые места в связи с перемещением русел рек. С.Ф. Ольденбург писал: «Мы знаем теперь, что нигде здесь мы не можем ожидать того, что находят в Помпеях, жизнь здесь угасала постепенно или, вернее, постепенно передвигалась»[7]. Хотя этот факт очевиден, на месте устойчиво бытовала легенда о

Roborovsky was among the first to insist on urgent research into the extant remains of ancient civilizations in Eastern Turkestan. Meanwhile, his own accounts of the population patterns, economy, political systems, lifestyles and other aspects of culture in the region under investigation made a breakthrough in contemporary science. A gifted artist, he would make vivid sketches of natural landmarks and everyday scenes. He was the first to provide a detailed description of the settlements and ancient ruins in the Turfan Depression and surrounding areas, e.g. Lukchun, Bogar, Pichang, Lamjin, Chuvanker, Chyktym, Toyuq, Sängim, Idiqutshari, etc.

Extraordinary archeological discoveries in the area, particularly those made by Roborovsky's 1893–95 expedition, instigated a group of archaeologists to approach the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society (OBRAS) with a *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes*.[5] After the establishment in 1903 of the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration (RCMA), expeditions sent to Eastern Turkestan regularly reported their finds of manuscripts in Turkic languages. M.M. Berezovsky's expedition and the First Russian Turkestan Expedition led by S.F. Oldenburg also delivered several early medieval Turkic official documents, later published by S.E. Malov.[6]

Even at the early stages of research into the region, the scientists were convinced that since ancient times the migration of urban and rural population in Eastern Turkestan had been due to riverbed shifts. S.F. Oldenburg wrote: "Now we know that we cannot expect to find in this area anything similar to what was found in Pompeii, because life was declining gradually here, or rather, it was shifting gradually."[7] Although the fact seems to be obvious, there used to be an age-old local legend about a certain town that had been buried under the sand in an instant, so that not a soul managed to escape. This extraordinary story recorded in ancient chronicles was passed down by word of mouth in Eastern Turkestan until the 20th century.[8]

Stories of miraculous finds, however, were not always invented. For instance, Mirza Haidar, the author of the sixteenth-century chronicle entitled *Tarih-i-Rashidi*, a brilliantly educated man by contemporary standards, one of the Dughlat tribe that had controlled the larger part of Eastern Turkestan since

---

4 Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. L., 1928, S. 82–112.

5 Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13. Вып. 1. СПб., 1901. С. 9—18.

6 Малов С.Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.; Л., 1932. С. 129—149.

7 Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. II. С. 396.

5 Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. "Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes." *POBRAS*. Vol. 13. Issue 1. SPb., 1901, pp. 9–18.

6 Malov, S.E. "Uighur Handwritten Documents from S.F. Oldenburg's Expedition." *Proceedings of the IOS, USSR AS*. Vol. 1. M., L., 1932, pp. 129–149.

7 Oldenburg, S.F. "An Inquiry into the Monuments of Ancient Cultures in Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904), No 6, section II, p. 396.

8 *Ibid.*, pp. 393–396.

том, что некий город был засыпан песком столь стремительно, что вырваться из этого песчаного плена не смог никто. Эта легенда была представлена в древних письменных памятниках и пересказывалась жителями Восточного Туркестана вплоть до XX в.[8]

Сведения о чудесных находках не всегда были вымышленными. Мирза Хайдар, автор исторического сочинения «Тарих-и-Рашиди» (XVI в.), человек для своего времени прекрасно образованный, происходивший из племени *дуглат*, представители которого со времен эмира Худайдада (XIII в.) были правителями на большей части территории Восточного Туркестана, в своем сочинении приводит историю о том, что один из местных властителей, Аба Бакр мирза, для заключенных в темницу «придумал работу под названием "казик" — "раскопки": он приказывал раскапывать древние городища и промывать землю. Крупные предметы обнаруживались сразу, а мелкие — при промывке земли. Таким образом он накопил несметное количество жемчуга, золота и серебра. Я слышал от его доверенных людей, что в старой крепости Хотан нашли клад в двадцати семи глиняных кувшинах такого [размера], что если человек с колчаном входил в него, то не задевал [стен] кувшина. <...> Внутри каждого из этих кувшинов имелся медный рукомойник. <...> Высота медного рукомойника составляла более полутора *газов*[9]. <...> Внутри каждого кувшина был помещен один из этих медных рукомойников, наполненных золотым песком. Снаружи он был окружен слитками серебра — *балишами*. <...> Об этих *балишах*, кроме названия, ничего не было известно. Большая часть тех балишей, которые были положены внутри глиняных кувшинов вокруг медных рукомойников, хранились в таком виде в казне и [впоследствии] попали в руки воинов [Са'ид] хана[10]. Ко мне тоже попало несколько [*балишей*], и тогда я увидел их»[11]. Следует заметить, что такого рода бруски серебра (*балиши*), о которых говорит Мирза Хайдар, с древних времен использовались в Восточном Туркестане в качестве платежного средства высокой стоимости[12]. Сведения Мирзы Хайдара подтверждают приведенную выше бродячую легенду, поскольку жители, настигнутые стихийными бедствиями, видимо, покидали обжитые места поспешно, не имея возможности захватить с собой скарб, имущество и ценности.

При содействии РКСА в 1909—1911 и в 1913—1915 гг. состоялись поездки в Восточный Туркестан С.Е. Малова.

the time of the thirteenth-century emir Khudaydad, tells the story of a local ruler, Aba-Bakr Mirza, who set prisoners a work called *kazik*, 'digging': "He ordered the old cities to be excavated by these [prisoners], and the earth dug from them to be washed. If there were anything big, they would come upon it in digging, while anything small [such as gems] they would find when they washed [the earth]. In this way, innumerable treasures in precious stones, gold and silver were discovered. I have heard some of his confidants say that a treasure was found in the citadel of Khotan. There were twenty-seven jars of such a size that a man, with a quiver on, could get inside them, without stooping or bending [and without touching it on any side]. Inside each of these jars was a copper ewer. One of these ewers fell into my possession. It is a sort of flask with a long narrow neck, to which is fixed a rough iron handle. In the centre of the ewer is a copper spout, the nose of which is on a level with the mouth of the ewer. The height of it is, at a guess, over one and a half *gaz*.[9] When filled with water, two persons had great difficulty in lifting it, and they could not carry it from one place to another. Inside each of the jars was placed one of these ewers, filled with gold dust, and outside [the ewers] the space was filled with *balish* of silver. In historical works, such as the *Jahan-Kushai*, the *Jami-ut-Tavarikh*, and others, a *balish* is thus described: 'A *balish* is 500 *mithkal* [of silver], made into a long brick with a depression in the middle.' I had [at that time] only heard the name [and had never seen one myself, but had read the description in these books]. These *balish* had been placed outside the ewers, but inside the jars. Many of them were brought, just as they were, to the treasury, which fell into the hands of the Khan's army [when Sultan Sa'id-khan[10] conquered Yarkänd]. I myself possessed some of them. Thus I saw the *balish*."[11]

It should be noted that silver bricks referred to as *balish* by Mirza Haidar had been used in Eastern Turkestan as valued currency.[12] Therefore, Mirza Haidar's account seems to confirm the abovementioned wandering legend, for people caught in elemental calamities must have abandoned their homes in a great hurry, having no opportunity to take their belongings, property or valuables with them.

The RCMA was instrumental in organizing, in 1909–11 and 1913–15, S.E. Malov's journeys to Eastern Turkestan. His expeditions pursued ethnographic and linguistic rather than archaeological goals and set themselves the task of adding

---

8 *Там же*. С. 393—396.

9 Газ (гяз) — мера длины, составляет около 90 см.

10 Са'ид-хан — один из правителей Моголистана (ум. в 1533 г.).

11 Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / Введение и перевод с персидского А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Ташкент, 1996. Л. 163 а, б.

12 Radloff W. *Op. cit.* S. 12, 19, 114, 133; Yamada N. Sammlung uigurischer Kontrakte. Bd. 2. Osaka, 1993. S. 301.

9 *Gaz* (or *giaz*) — unit of measure equal to about 90 cm.

10 Sa'id-khan — a Mongolistan ruler (died 1533).

11 Mirza Muhammad Haidar. *Tarih-i Rashidi*. Translated from the Persian, with an introduction by A. Urunbayev, R.P. Dzhalilova, and L.M. Epifanova. Tashkent, 1966, f. 163 a, b.

12 Radloff, W. *Op. cit.* S. 12, 19, 114, 133 ff.; Yamada, N. *Sammlung uigurischer Kontrakte*. Bd. 2. Osaka, 1993. S. 301.

Его экспедиции имели целью не столько археологические, сколько этнографические и лингвистические исследования и пополнение рукописных коллекций. Добравшись до Урумчи обычным маршрутом через Среднюю Азию, С.Е. Малов проехал до Хами и оттуда, преодолев Хамийскую пустыню, до провинции Ганьсу. Главной его находкой было обнаруженное во время первой экспедиции в селении Вуншигу недалеко от г. Сучжоу в провинции Ганьсу наиболее полное из известных ныне текстов тюркской версии сутры «Суварнапрабхаса», а среди других рукописных материалов — неординарный по содержанию деловой документ, впоследствии им же опубликованный[13]. Во время поездок С.Е. Малов много внимания уделил сбору этнографического материала и изучению живых тюркских языков и наречий. Он заложил основу исследований малоизученных до того времени языков и наречий: сарыг-югурского, саларского, хамийского, лопнорского, хотанского, а также диалектов новоуйгурского языка. Отделенные друг от друга обширными пустынями, жители оазисов Восточного Туркестана сохраняли свои наречия, порой существенно отличавшиеся друг от друга и от литературного новоуйгурского языка. В своих работах С.Е. Малов впервые обратил внимание на то, что языки и наречия некоторых оазисов не могут классифицироваться как диалект новоуйгурского языка и по некоторым своим признакам должны быть отнесены к другим группам тюркских языков. К таковым, в частности, он относил лопнорский и хотанский наречия и сарыг-югурский язык. С.Е. Малов отмечал: «...язык желтых уйгуров (*id.* сарыг-югурский) трудно считать уйгурским..., он представляет собой или окиргизившийся в давнее время (какой-то) уйгурский язык, или совсем другой язык»[14]. Труды С.Е. Малова, посвященные живым диалектам и наречиям Восточного Туркестана, отражали их особенности, уже в то время стремительно утрачиваемые под нивелирующим воздействием новоуйгурского литературного языка. Выявление характерных особенностей этих языков и наречий, сохранившихся благодаря изолированному существованию их носителей, как показала исследовательская практика, имеет значение и для изучения письменных памятников.

С.Е. Маловым были собраны также обширные этнографические коллекции среди сарыг-югуров, саларов, лопнорцев, уйгуров и других народов Восточного Туркестана. Им были приобретены комплекты свадебных нарядов, женские украшения, предметы мужского и детского одеяний, музыкальные инструменты, изображения божеств и иные предметы культа, домашняя утварь, охотничьи принадлежности, инструменты сельскохозяйственного и иного назначения, медные зеркала, детали кольчуги и многое др. Кроме того, им было сделано большое количество фотоснимков.

to existing manuscript collections. Having reached Urumqi along the traditional route across Middle Asia, Malov arrived at Hami, crossed the Hami Desert and reached the Gansu Province. His major find was the most complete extant text of the Turkic version of the *Suvarṇaprabhāsa-sūtra* discovered during his first expedition in the village of Wangshigu near Suzhou, Gansu. Besides, he acquired a unique official document that he subsequently published.[13]

During his trips Malov worked hard to collect ethnographic material and study living Turkic languages and dialects. It was he who paved the way for a study of little-known languages and dialects, e.g. Saryg-Yugur, Salar, Hami, Lop Nor, Khotan as well as a few dialects of the Modern Uighur language. Separated by vast deserts, the inhabitants of oases maintained their own dialects, some of them strikingly different from one another and from Modern Uighur, a literary language. Malov was the first to point out that the languages and dialects spoken in some oases cannot be qualified as dialects of Modern Uighur and should be classed, on the basis of their features, with other groups of Turkic languages. He showed this to be true, in particular, of the Lobnor and Khotan dialects and the Saryg-Yugur language. He wrote: "... the language of the Saryg-Yugur can hardly be regarded as Uighur...; it is either a long-Kyrghyzized Uighur language or an altogether different one."[14] Malov's papers on the living dialects and language varieties indigenous to Eastern Turkestan reflected their distinguishing characteristics, then already rapidly disappearing under the unifying influence of Modern Uighur. Experience has shown that the determination of typical features peculiar to these languages and dialects, which had survived due to the isolation of the communities where they were spoken, is instrumental in studying written monuments.

Malov also acquired abundant ethnographic material from the Saryg-Yugur, the Salar, the Lobnor, the Uighur and other nationalities native to Eastern Turkestan. His collection included sets of wedding attire, women's ornaments, articles of men's and children's clothing, musical instruments, representations of deities and other cult objects, household utensils, hunting gear, farming and other implements, bronze mirrors, fragments of chain armour, etc. Moreover, he provided a large number of photographs.

The early medieval Turkic records delivered to St. Petersburg by Russian explorers are kept in the IOM RAS. They are included in the Central Asian (*Serindica*) collection and divided into ten groups on the basis of their provenance. The total number of early medieval Turkic manuscripts amounts to about 4,000 items. Discovered chiefly among abandoned ruins, under the sand and debris, they look rather like

---

[13] Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 201—204.

[14] Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. М., 1967. С. 7.

[13] Malov, S.E. *Monuments of Ancient Turkic Writing*. M., L., 1951, pp. 201–204.

[14] Malov, S.E. *The Language of the Yelllow Uighur*. M., 1967, p. 7.

Последний лист V раздела тюркской версии биографии Сюань-цзана. X–XI вв. Бумага, тушь. 42×17 см. ИВР РАН, SI 3156

Last folium of the fifth part of the Turkic version of Xuan-zang's biography. 10th to 11th century. Indian ink on paper. 42×17 cm. IOM RAS, SI 3156

Доставленные в Санкт-Петербург российскими исследователями раннесредневековые тюркские письменные памятники хранятся в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН). Они включены в состав центральноазиатского фонда (Serindica) и подразделяются на десять коллекций в зависимости от источника поступления. Общее число раннесредневековых тюркских рукописей составляет около 4000 единиц хранения. Найденные по большей части на заброшенных развалинах среди песка и мусора, они имеют вид полуистлевших фрагментов. В сравнительно полном виде до наших дней дошли лишь редкие экземпляры сочинений, сохранившиеся в качестве «священных реликвий» в тайниках монастырей или забытых библиотеках.

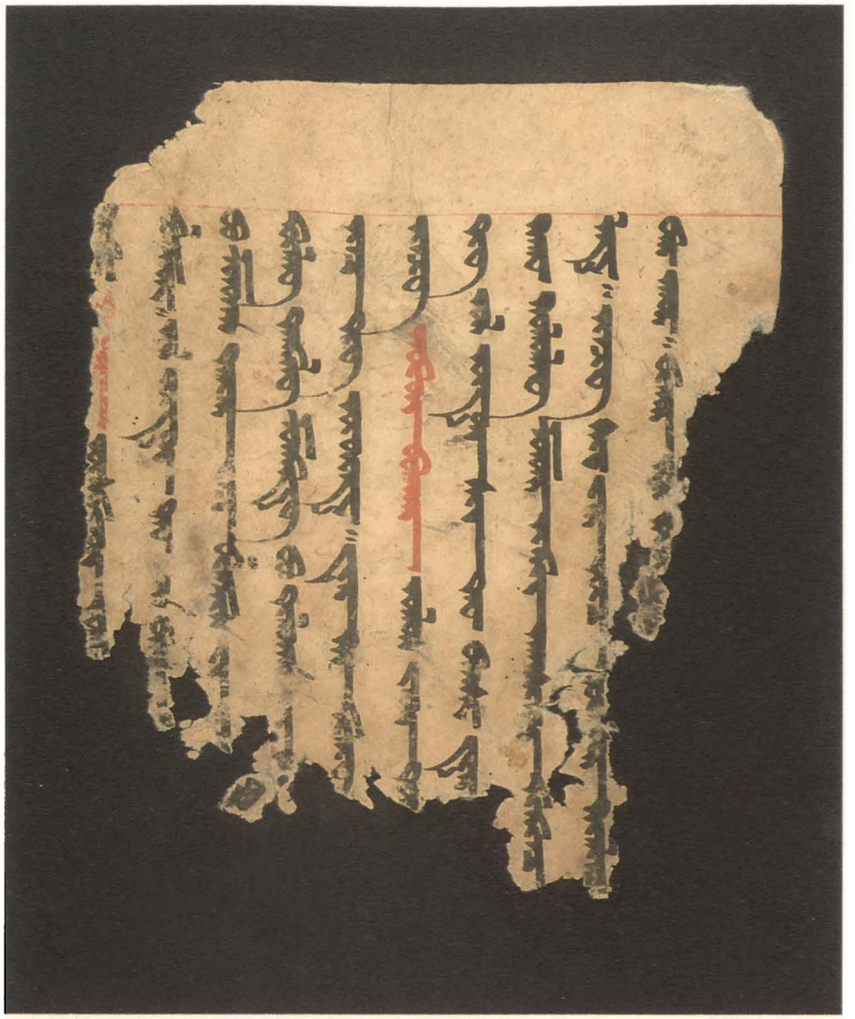
По содержанию раннесредневековые тюркские письменные памятники подразделяются на две группы. К первой относятся сочинения религиозно-философского содержания, ко второй — пособия, использовавшиеся в повседневной жизни (медицинские, астрономические, гадательные), эпистолярные сочинения и деловые документы. В количественном отношении доминируют памятники первой группы, но целые, не разрушенные, тексты среди них встречаются сравнительно редко. К числу последних может быть отнесена тюркская версия сутры «Суварнапрабхаса» — «*Altun yaruq*», созданная одним из видных литературных деятелей уйгурского княжества Кочо в Восточном Туркестане Шынгко Шели Тутунгом. Она содержит 347 листов формата 22 × 58 см, оформленных по типу пальмового листа (*pustaka*). Рукопись записана классическим книжным письмом позднего периода, но несмотря на позднее время составления списка (XVII в.), в нем нет явных следов «обновления» языка переписчиками.

Особое место занимает другое произведение, принадлежащее перу Шынгко Шели Тутунга — тюркская версия биографии Сюань-цзана. Первые пять разделов биографии Сюань-цзана, записанной его учеником Хуэй-ли, посвяще-

semi-decayed fragments. Only few of the manuscripts survive in a relatively good condition as complete works, for the most part those that were kept as sacred relics in monastic caches or forgotten libraries.

According to their contents the early medieval Turkic texts are divided into two categories. The first includes doctrinal and philosophical works and the second, diverse writings for everyday use (medical, astronomical and divination reference books), epistles and various contracts. In terms of numbers, the first group prevails, although complete, undamaged scripts are few and far between. The Turkic version of *Suvarṇaprabhāsa-sūtra*, known as *Altun yaruq*, can be classed with the latter. The IOM RAS has the most complete text of this version, compiled by Shyngko Seli Tutung, a prominent man of letters from the Uighur kingdom of Kocho in Eastern Turkestan. This book comprises 374 sheets, 22 cm by 58 cm, in the form of a palm leaf (*pustaka*). The classical book script dates from a late period, but in spite of its late origin (the 17th century), the manuscript shows no obvious signs of its language having been modernized by the scribes.

Among the works by Shyngko Seli Tutung, the Turkic version of Xuan-zang's biography stands out. The first five parts of Xuan-zang's biography, recorded by his pupil Hui-li, deal with his journey to India in the 7th century. In terms of their contents, these parts go beyond the limits of Buddhist writings marked by established turns of phrase and conventional clichés.

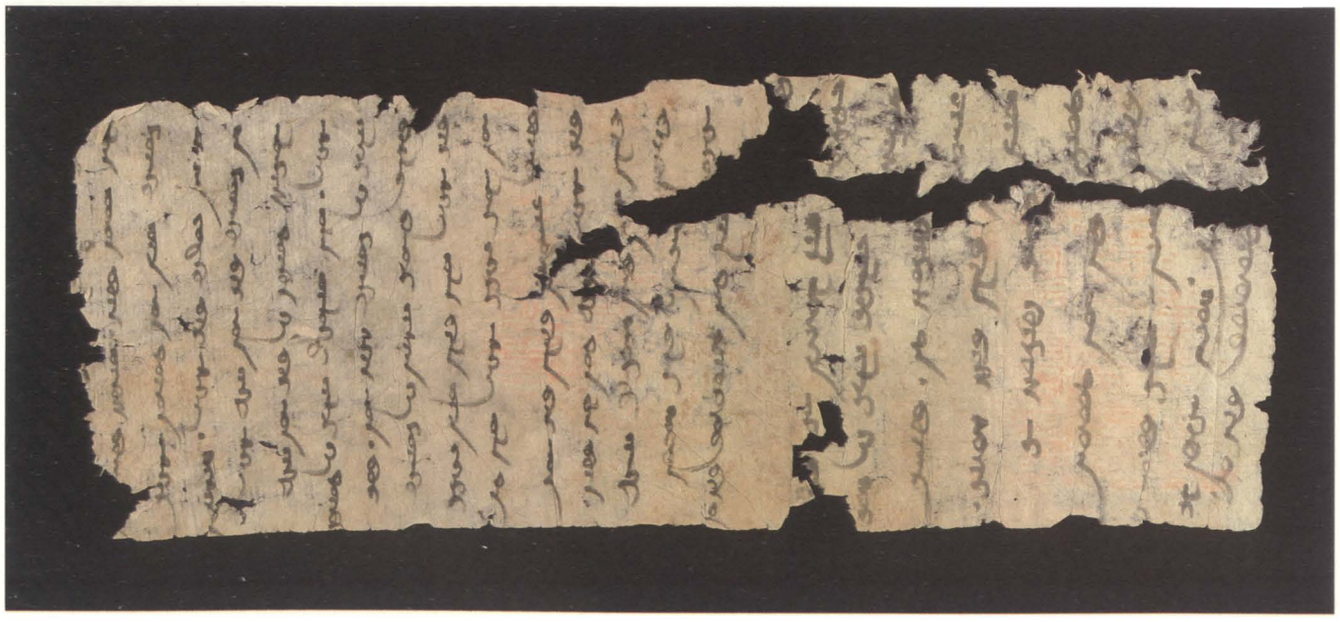


Фрагмент 20-го листа четвертого раздела тюркской версии "Сутры Общины белого лотоса". X–XI вв.
Бумага, тушь. 13×17 см
ИВР РАН, SI Uig. 4

The fourth part of the Turkic version of the "Sutra of the White Lotus Community". Fragment of folium 20. 10th to 11th century.
Indian ink on paper. 13×17 cm
IOM RAS, SI Uig. 4

Деловой документ (хозяйственные записи). XIII–XIV вв.
Бумага, тушь. 37×13 см
ИВР РАН, SI O39

Economic document (household records). 13th to 14th century.
Indian ink on paper.
37×13 cm
IOM RAS, SI O39



ны его путешествию в Индию в VII в. По своему содержанию эти разделы биографии выходят за рамки буддийских сочинений с их разработанной стандартной терминологией и трафаретными формулировками. Живой, гибкий и выразительный язык возводит его произведение в разряд выдающихся тюркских литературных произведений эпохи раннего средневековья.

К числу относительно хорошо сохранившихся памятников этого круга в рукописном собрании ИВР РАН относятся также тюркская версия сутры «Дишаствустик» (рукописная книга в 43 листа формата 14 × 13 см), перевод на тюркский язык двадцать пятого раздела сутры «Саддхармапундарика» (рукописный свиток в 236 строк), манихейская покаянная молитва «Хуастуанифт» (рукописный свиток в 160 строк). В фрагментарном виде представлены части таких произведений как *Daśakarmapathāvadanamālā*, *Amitayus*, *Sekiz yükmek*, «Сутра Общины белого лотоса» и др.

Памятники нерелигиозного содержания, основную часть которых составляют деловые документы, сосредоточены главным образом в коллекциях С.Ф. Ольденбурга, С.Е. Малова, Н.Н. Кроткова.

Коллекции раннесредневековых тюркских письменных памятников комплектовались по большей части без системы, по мере поступления, и поэтому нередки случаи, когда фрагменты одних и тех же сочинений рассредоточены по разным коллекциям.

Составители раннесредневековых тюркских текстов применяли разные письменные системы: руническую, манихейскую, эстрангело, брахми (центральноазиатского типа), тибетскую, уйгурскую и др. Судя по количеству сохранившегося материала, наибольшее распространение в Восточном Туркестане в рассматриваемый период получило уйгурское письмо. Возможно, что одной из причин его популярности была относительная компактность. Это письмо строится на основе всего лишь шестнадцати графических элементов, с помощью которых передается около трех десятков фонем тюркских языков вместе с их аллофонами. Общее число графем не превышает двадцать, поэтому некоторые графемы являются многозначными (полифонными). Эти особенности уйгурского письма, при всех прочих его достоинствах, являются причиной повышенной сложности дешифровки записанных на нем текстов.

Owing to its flexible and expressive language, this work belongs with the best of the Turkic literature of the Early Middle Ages.

Relatively well-preserved literary monuments of the same circle in the IOM collection are also the Turkic version of *Dišastvustik Sutra* (a handwritten book of 43 sheets, 14 × 13 cm), the Turkic translation of the twenty-fifth part of the *Saddharmapuṇḍarīka-sūtra* (a handwritten scroll of 236 lines), and the *Xwâstwânîft*, Manichaean confession prayer (a handwritten scroll of 160 lines). There are also fragmentary parts of such works as *Daśakarmapathāvadanamālā*, *Amitayus*, *Sekyz yükmek*, the *Sutra of the White Lotus Community* etc. secular texts, mostly commercial documents, are mainly concentrated in the Oldenburg, Malov and Krotkov collections.

The collections of early medieval Turkic manuscripts were built up unsystematically, as they came in; therefore, fragments of the same works are frequently found in different collections. The IOM RAS has samples of diverse scripts, e.g. runic, Manichaean, Estrangelo, Brāhmī (of the Central Asian variety), Tibetan, Uighur and others. Judging by the amount of extant material, the Uighur alphabet was the most common in Eastern Turkestan during the period under consideration. Its popularity might have been due to its relative compactness. It is based on just sixteen graphic elements which can convey about three dozen Turkic phonemes and their allophones. The total number of graphemes does not exceed twenty, therefore some of the graphemes are polysemantic (polyphonic). These features of the Uighur script, while having some positive aspects, sometimes make the Uighur texts extremely difficult to decipher.

Древнетюркские памятники рунического письма из Восточного Туркестана

С.Г. Кляшторный

Old Turkic Monuments of Runic Writing from Eastern Turkestan

S.G. Klyashtorny

В 1896 г. Русское Географическое общество передало Азиатскому музею (ИВР РАН) мешок с обрывками древних рукописей, собранных в Турфанском оазисе экспедицией В.И. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг.[1] Рукописные обрывки из пещерного буддийского монастыря близ Туюк-мазара и развалин Идикут-шари были первоначально разобраны А.О. Ивановским и С.Ф. Ольденбургом, а затем в декабре 1897 г. просмотрены В.В. Радловым, который выделил из коллекции четыре древнеуйгурских фрагмента[2]. Отмечая, что фрагменты слишком малы для идентификации, В.В. Радлов все же указал на наличие двух разных групп текстов — деловых записей, выполненных трудночитаемым курсивом, и буддийских сутр в каллиграфическом исполнении.

Открытие рукописей побудило В.В. Радлова совместно с В.Р. Розеном и К.Г. Залеманом ходатайствовать перед Академией наук об отправке в Турфанский оазис экспедиции «для исследования главным образом Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и древностей других мест Турфанского края»[3]. Главным объектом исследований должен был, по мнению В.В. Радлова, стать Идикут-шари, «столица уйгурско-буддийской культуры», где следовало искать «древнейшие тюркские языковые памятники»[4].

В первой половине мая 1898 г. экспедиция Д.А. Клеменца отбыла из Санкт-Петербурга, а в начале сентября прибыла в Турфан[5]. Д.А. Клеменц не случайно был выбран для выполнения сложной задачи первоначального археологического изучения обширного необследованного района, богатого памятниками древности. В начале 1880-х гг., будучи в ссылке в Минусинске, Д.А. Клеменц составил описание богатейших археологических коллекций Минусинского

In 1896 the Russian Geographic Society handed over to the Asiatic Museum (IOM RAS) a sack of shreds of ancient manuscripts collected in Turfan oasis by the 1893–95 expedition of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov.[1] The manuscript fragments from a Buddhist cave monastery near Toyuq-Mazar and from the ruins of Idiqutshari were initially sorted out by A.O. Ivanovsky and S.F. Oldenburg; afterwards, in December 1897, they were examined by V.V. Radloff, who picked out four Old Uighur fragments from the collection.[2] Pointing out that the fragments were too small to identify, V.V. Radloff nevertheless was able to classify them into two categories: documents in scarcely legible cursive writing and Buddhist sutras in calligraphic writing.

The manuscript find compelled V.V. Radloff, to ask, jointly with V.R. Rozen and C.G. Salemann, the Academy of Sciences to send an expedition to Turfan oasis "chiefly to investigate Toyuq-Mazar and Idiqutshari, as well as, if possible, other ancient sites in the region of Turfan".[3] In V.V. Radloff's opinion, the principal target of the exploration was to be Idiqutshari, "the capital of Uighur Buddhist culture", where the expedition should search for "the most ancient Turkic linguistic monuments."[4]

In the first half of May 1898, D.A. Klementz's left St. Petersburg, arriving in Turfan in early September.[5] D.A. Klementz was chosen to perform the primary archaeological survey of a large unstudied area rich in ancient monuments for a good reason. In the early 1880s, while in exile in Minusinsk, D.A. Klementz made a description of the very rich archaeological collections of the Minusinsk Museum. In 1891 he took an active part in the Orkhon expedition of V.V. Radloff, which studied the Old Turkic runic monuments of Northern Mongolia.

---

1 Роборовский В.И. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893—1895 гг. // ИРГО. Т. 34, 1898. С. 12.

2 Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. SPb., 1899. S. 55–56.

3 Ольденбург С.Ф. Экспедиция Д.А. Клеменца в Турфан в 1898 г. // Известия Восточно-Сибирского отделения РГО. Т. 45. Иркутск, 1917. С. 219—220.

4 Radloff W. *Op. cit.* S. 56.

5 Ольденбург С.Ф. *Указ. соч.* С. 220—223.

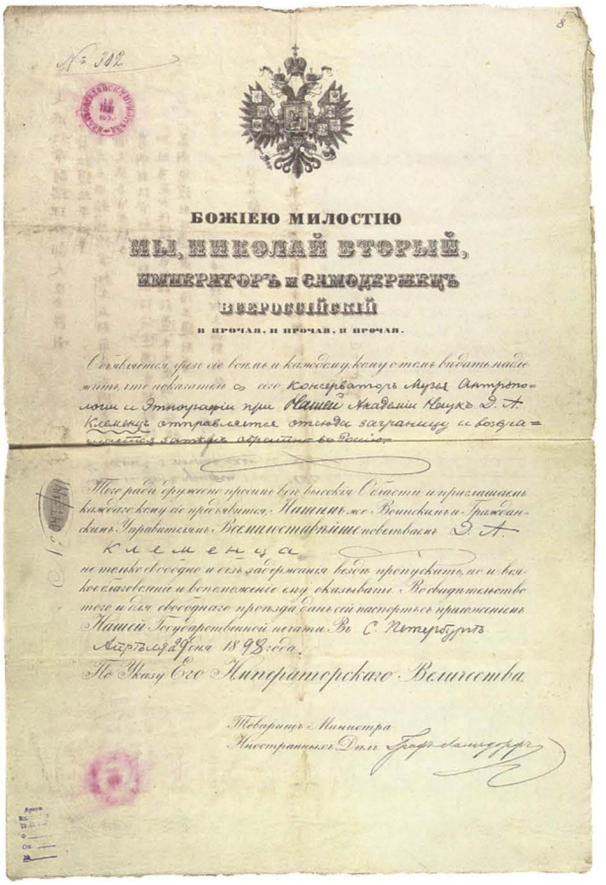
1 Roborovsky, V.I. "Preliminary Report about the 1893–95 Expedition to Central Asia." *TRGS*. Vol. 34, 1898, p. 12.

2 Radloff, W. "Altuigurische Sprachproben aus Turfan". *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.* Hf. 1. SPb., 1899. S. 55–56.

3 Oldenburg, S.F. "D.A. Klementz's Expedition to Turfan in 1898." *Proceedings of the East Siberian Branch of the RGS*. Vol. 45. Irkutsk, 1917, pp. 219–220.

4 Radloff, W. *Op. cit.* S. 56.

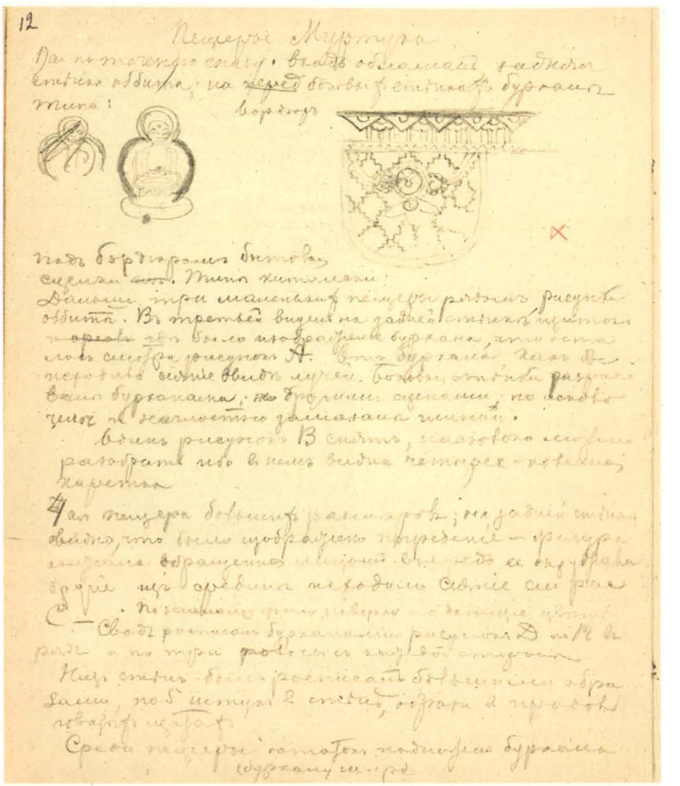
5 Oldenburg, S.F. *Op. cit.*, pp. 220–223.



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Открытый лист Д.А. Клеменца. 29 апреля 1898 г.
43,5×57 см
ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 227

Self-conduct Pass of D.A. Klementz. 29 April, 1898
43,5×57 cm
IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 227



Страница из полевого дневника Д.А. Клеменца за 1898 г.
17×11 см
ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 91

A page from D.A. Klementz's journal for 1898
17×11 cm
IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 91

Карты, составленные
Д.А. Клеменцем
во время его экспедиций:
12) 17,3×17 см;
29) 19×17 см;
35) 16,7×18 см;
14) 17×18,3 см
ИВР РАН, Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 108

Maps drawn by D.A. Klementz
during his expeditions:
12) 17,3×17 cm;
29) 19×17 cm;
35) 16,7×18 cm;
14) 17×18,3 cm
IOM RAS, Fond 28. Inv. 1, unit. 108

Д.А. Клеменц и Н.С. Гуляев. 1913

D.A. Klementz and N.S. Gulyaev. 1913

музея. В 1891 г. он принял деятельное участие в Орхонской экспедиции В.В. Радлова, исследовавшей древнетюркские рунические памятники Северной Монголии. В 1894—1896 гг. Д.А. Клеменц вместе с Е.Н. Клеменц осуществил ряд самостоятельных экспедиций в Монголии, неизменно плодотворных и богатых открытиями[6].

В Турфанском оазисе Д.А. Клеменц стал первооткрывателем древностей севера Восточного Туркестана[7]. Однако следующая русская экспедиция состоялась лишь спустя 10 лет. «Русским ученым, — писал С.Ф. Ольденбург, — и на этот раз, как бывало и бывает нередко, пришлось отойти на время от начатого ими вполне успешно дела, которое перешло в руки иностранных, в первую голову немецких ученых, получивших в своей стране средства на экспедицию. Только много лет спустя, при условиях гораздо менее благоприятных, русским ученым удалось продолжить дело Д.А. [Клеменца]»[8].

Одним из важнейших результатов экспедиции Д.А. Клеменца стало открытие эпиграфических и рукописных текстов. В.В. Радлов выделил пять категорий письменных памятников, обнаруженных экспедицией: а) древнетюркские рунические надписи, процарапанные в пещерных буд-

In 1894—96 D.A. Klementz, jointly with E.N. Klementz, carried out a number of independent expeditions in Mongolia, which were invariably fruitful and abounded in discoveries.[6]

In Turfan oasis, D.A. Klementz was a pioneer in the exploration of the archaeological sites of Eastern Turkestan.[7] It was not until ten years later, however, that the next Russian expedition materialized. "The Russian researchers again, as had often happened before, had to interrupt the work they had so successfully started, therefore the exploration was taken over by foreign researchers, mostly German ones, who had obtained means for the venture in their country. It was only many years later, under far less favourable conditions, that the Russian explorers were able to continue the work of D.A. [Klementz]."[8]

One of the most important results of D.A. Klementz's expedition was the discovery of epigraphic and manuscript texts. V.V. Radloff classified the written monuments found by the expedition into the following five categories: a) Old Turkic runic inscriptions scratched in Buddhist cave temples; b) Old Uighur inscriptions in black and red paint on slabs of plaster from palace or temple buildings; c) fragments of Old Uighur Buddhist manuscripts; d) fragments of Buddhist block-prints and e) Old Uighur economic documents. On the basis of the

---

6 О Д.А. Клеменце см.: Попов И.И. Д.А. Клеменц, его жизнь и деятельность // Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания. Л., 1925. С. 7—63.

7 Klementz D. "Turfan und seine Alterhümer". Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Hf. 1. SPb., 1899. S. 1—53.

8 Ольденбург С.Ф. *Указ. соч.* С. 231.

6 For information on D.A. Klementz, see: Popov, I.I. "D.A. Klementz, His Life and Activities." Klementz, D.A. *From the Past. Reminiscences.* L., 1925, pp. 7—63.

7 Klementz, D. "Turfan und seine Alterhümer." *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan.* Hf. 1. SPb., 1899. S. 1—53.

8 Oldenburg, S.F. *Op. cit.*, p. 231.

дийских храмах; б) древнеуйгурские надписи черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; в) фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; г) фрагменты буддийских ксилографов; д) древнеуйгурские хозяйственные документы. По результатам экспедиции В.В. Радлов осуществил первую публикацию древнетюркских письменных памятников из Восточного Туркестана: четырех рунических граффити, двух юридических (хозяйственных) документов и двух небольших фрагментов буддийских сутр[9].

С.Е. Малов

S.E. Malov

Находками В.И. Роборовского, П.К. Козлова и Д.А. Клеменца было положено начало древнеуйгурской коллекции Азиатского музея. Вплоть до 1915 г. эта коллекция непрерывно пополнялась двояким образом: в результате экспедиционных исследований и в результате передачи в Азиатский музей коллекций, собранных русскими должностными лицами в Восточном Туркестане. К настоящему времени здесь хранится 4228 древнеуйгурских рукописей и фрагментов. Наиболее крупные сборы древнеуйгурских памятников были переданы русскими дипломатами. В 1907—1909 гг. был принят фонд Н.Н. Кроткова, состоящий из 4070 единиц хранения. Сменивший в 1912 г. Н.Н. Кроткова на должности консула А.А. Дьяков передал 28 рукописей и фрагментов, собранных в Астане (Турфанский оазис). 11 уйгурских рукописей поступили в 1907 г. от врача консульства в Урумчи А.И. Кохановского. Экспедиционные фонды представлены также коллекциями С.Ф. Ольденбурга (1909—1910, 1914—1915) и С.Е. Малова (1909—1911, 1913—1914). Один уйгурский фрагмент из Хара-Хото поступил от П.К. Козлова. Основную часть коллекции составляют рукописи и фрагменты буддийских сочинений, в том числе полные тексты сутр «Алтун ярук», «Дишаствустик», «Куан-ши-им Пусар». Крайне бедно представлены манихейские тексты. Тем не менее санкт-петербургский список покаянной молитвы манихеев «Хуастуанифт» — один из самых полных в мире (известны еще два списка — лондонский и берлинский)[10].

expedition results, V.V. Radloff made the first publication of Old Turkic written documents from Eastern Turkestan: four runic graffiti, two legal (economic) documents and two small fragments of Buddhist sutras.[9]

The finds of V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and D.A. Klementz laid the foundation of the Asiatic Museum's Old Uighur collection. Up to 1915 additions to the collection were made in two ways — through expedition finds and through donations to the Asiatic Museum of collections accumulated by Russian officials in Eastern Turkestan. At present, the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS possesses 4,228 Old Uighur manuscripts and fragments. The largest collections of Old Uighur monuments were given to the Asiatic Museum by Russian diplomats. In 1907–09 the Museum received N.N. Krotkov's collection consisting of 4,070 items. A.A. D'yakov, who succeeded N.N. Krotkov as Consul in 1912, gave to the Asiatic Museum 28 manuscripts and fragments collected in Astana (Turfan Oasis). In 1907 A.I. Kokhanovsky, the medical officer of the Russian consulate in Urumqi, handled 11 Uighur manuscripts to the Asiatic Museum. The expeditions' funds are represented by the collections of S.F. Oldenburg (1909–10, 1914–15) and S.E. Malov (1909–11, 1913–14). One Uighur fragment from Khara-Khoto came from P.K. Kozlov. The main part of the collection comprises manuscripts and fragments of Buddhist writings, including complete texts of the sutras *Altun Yaruq*, *Dišastvustik* and *Kuan-ši-im Pusar*. Manichaean texts are very poorly represented. At the same time, the St. Petersburg copy of the Manichaeans' confession prayer *Xwâstwânîft* is one of the fullest in the world (two more copies are known — one in London, the other in Berlin).[10] Twenty-two legal and economic documents from Turfan[11] make an important part of the collection.

D.A. Klementz is also credited with discovering the first Turkic runes in Eastern Turkestan — in the form of graffiti on the walls of Buddhist cave monasteries. Monuments of Turkic

---

9 Radloff W. *Op. cit.* S. 57–85.

10 О санкт-петербургском древнеуйгурском фонде и его изучении см.: Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пг., 1920. С. 34—37 (раздел написан А.Н. Самойловичем); Дмитриева Л.В. Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР // Страны и народы Востока. Вып. 8, 1969. С. 222—228; Кляшторный С.Г. Об изучении древнеуйгурских памятников в СССР // Исследования по уйгурскому языку. Вып. 2. Алма-Ата, 1970. С. 54—56; Насилов Д.М. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 93—110.

9 Radloff, W. *Op. cit.*, pp. 57–85.

10 For the Old Uighur collection in St. Petersburg and its study, see: *Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences. 1818–1918.* Brief commemorative booklet. Petrograd, 1920, pp. 34–37 (section written by A.N. Samoilovich); Dmitriyeva, L.V. "Old Uighur Materials (in Uighur script) in the Institute of Oriental Studies, USSR AS." *Countries and Peoples of the East.* Issue 8 (1969), pp. 222–228; Klyashtorny, S.G. "On the Study of Old Uighur Monuments in the USSR." *Uighur Language Studies.* Issue 2. Alma-Ata, 1970, pp. 54–56; Nasilov, D.M. "Research of Old Uighur Linguistic Monuments in Russian Oriental Studies." *Turkologichesky Sbornik.* M., 1970, pp. 93–110.

11 According to R. Arat's count, about 400 Old Uighur legal and economic documents are kept in different collections in the world [Arat, R.R. "Eski

Важную часть собрания составляют двадцать два юридических и хозяйственных документа из Турфана[11].

Д.А. Клеменцу также принадлежит заслуга открытия первых тюркских рун в Восточном Туркестане — граффити на стенах буддийских пещерных монастырей. Памятники тюркского рунического письма распространены от Восточной Монголии до долины Дуная. Они имеют пяти-шестивековой хронологический диапазон и разную этнополитическую принадлежность. Даже сами значения рунических знаков не адекватны в европейском и центральноазиатском ареалах их распространения. Объем и сюжетно-жанровая специфика текстов таковы, что очевидное историографическое значение имеют только северо-монгольская (орхонская) и хакасско-тувинская (енисейская) группы текстов, созданные в Тюркском каганате, Уйгурском каганате и государстве енисейских кыргызов[12].

Первые памятники рунического письма были открыты в Сибири экспедицией Д.Г. Мессершмидта и Ф.-И. Страленберга 1721—1722 гг. Но лишь после обнаружения Н.М. Ядринцевым (1889) в Северной Монголии надписей в честь Бильге-кагана и Кюль-тегина (30-е гг. VIII в.) стала возможной дешифровка этой загадочной письменности. В течение последующих десятилетий число открытых рунических памятников значительно возросло, что позволило тюркской рунологии выделиться в отдельную отрасль древнетюркской филологии[13].

Памятники из Восточного Туркестана, среди которых нет документов историографического характера, имеют, тем не менее, первостепенное значение для изучения культуры, в особенности идеологии, древнетюркских племен и народностей.

runic writing are found over vast territories — from Eastern Mongolia to the Danube valley. They have a chronological range of 5 to 6 centuries and vary greatly in their ethno-political quality. Even the meanings of the runic signs in Europe and Central Asia differ. The volume and subject-matter, as well as the genre peculiarities of the texts suppose that only the North Mongolian (Orkhon) and Khakass-Tuva (Yenisei) groups of texts created in the Turk Qaghanate, Uighur Qaghanate and in the state of the Yenisei Kyrghyzes are of undoubted historiographic value.[12]

The first monuments of runic writing were discovered in Siberia by the expedition of D.G. Messerschmidt and F.-J. Strahlenberg in 1721–22. But it was only after the discovery in Northern Mongolia by N.M. Yadrintsev (1889) of inscriptions devoted to Bilge Qaghan and Kul-tegin (the 730s) that deciphering the mysterious script became possible. Over the next few decades the number of the runic monuments discovered grew considerably, which enabled Turkic rune studies to become an independent field of knowledge within Old Turkic philology.[13]

The monuments from Eastern Turkestan, which include no historiographic documents, are nevertheless, of prime importance for studying the culture and especially the ideology of Old Turkic tribes and peoples.

D.A. Klementz wrote this in his report article: "In Yar-Khoto, in caves used for dwelling and having no murals, we discovered lines of rune-resembling inscriptions scratched on the plaster. We copied them by rubbing and reproduced the inscriptions. In other places we had not encountered any significant inscriptions in this script; we had come across some individual characters in other caves near Yar-Khoto, in cave 28 in Murtuk and on the rocks near Sängim-ogiz, in the gorge on the right bank of the River Khara-Khodja."[14] In another reporting docu-

---

[11] По подсчетам Р. Арата, в различных коллекциях хранится около 400 древнеуйгурских юридических и хозяйственных документов [Arat R.R. Eski türk hukuk vesikalari // Türk kültürü araştirmalari. C. 1. Ankara, 1964, S. 38]. Несмотря на имеющиеся попытки датировать некоторые из них X—XI вв., по вполне обоснованному заключению Л. Кларка и П. Циме, весь фонд известных уйгурских документов относится к монгольскому времени, т. е. к XIII—XIV вв.

[12] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 44—70; А.Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. М., 1980. С. 14—22.

[13] Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии. // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37—60; Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 254—264; Кононов А.Н. *Указ. соч.* С. 7—13; Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. 1976, № 1. С. 71—81, 92—98.

türk hukuk vesikalari." *Türk kültürü araştirmalari*. C. 1. Ankara, 1964, p. 38]. Although attempts have been made to assign some of them to the 10th and 11th centuries, L. Clark and P. Zieme made the well-grounded conclusion that all the known Uighur documents belong to Mongolian time, i.e. to the period from the 13th to the 14th century.

[12] Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Middle Asia*. M., 1964, pp. 44–70; Kononov, A.N. *Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments of the 7th to 9th Centuries*. M., 1980, pp. 14–22.

[13] Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A. "Discovery and Study of the Old Turkic and Sogdian Epigraphic Monuments of Central Asia." *Archaeology and Ethnography of Mongolia*. Novosibirsk, 1978, pp. 37–60; Klyashtorny, S.G. "Old Turkic Writing and the Culture of the Peoples of Central Asia (from materials of field research work in Mongolia, 1968–1969)." *Turkologichesky Sbornik. 1972*. M., 1973, pp. 254–264; Kononov, A.N. *Op. cit.*, pp. 7–13; Vasilyev, D.D. "Monuments of Runic Writing in the Asian Area." *Soviet Turkology*. 1976, No 1, pp. 71–81, 92–98.

[14] AO IOM RAS. Fond 28. Inv. 1, unit 126. Klementz, D.A. Brief enumeration of the major data on the state of culture in Eastern Turkestan (manuscript). f. 52; Klementz, D. *Op. cit.*, p. 47.

В отчетной статье Д.А. Клеменц писал: «В Яр-Хото, в пещерах без живописи, служивших жилыми помещениями, мы нашли ряды нацарапанных по штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа. В других местах мы не встречали сколько-нибудь значительных надписей, сделанных этим шрифтом; отдельные буквы встречались нам в других пещерах около Яр-Хото, в пещере 28 в Муртуке и на скалах близ Сенгима, в ущелье, на правом берегу реки Хара-ходжай»[14]. В другом отчетном документе, описывая «развалины Яр», Д.А. Клеменц отмечает: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них, среди разной мазни, нашли мы руни-ческие надписи. Они сняты, одна из них скопирована от руки». Далее он отмечает, что в разрушенных пещерах были обнаружены обрывки «полностью испорченных рунических надписей»[15]. Тут же имеется карандашный рисунок одной из рунических надписей. По фотографиям и эстампажам Д.А. Клеменца В.В. Радлов издал четыре граффити, отмечая, что качество остальных копий не позволяет точно воспроизвести надписи.

Еще одно руническое граффити было обнаружено экспедицией П. Пеллио в восьмом пещерном храме Дуньхуана; надпись процарапана поверх росписи на левой стене и, к сожалению, мало разборчива; сама роспись относится ко второй половине VIII в.[16]

В 1914—1915 гг. находки рунической эпиграфики из Восточного Туркестана были пополнены С.Ф. Ольденбургом, доставившим из Турфана бронзовое зеркало танского времени с процарапанной на нем краткой рунической надписью: «...ač aqyqyùyz ... oγuš...» («...являй нам наши волнения! ... род...»). Судя по употреблению термина *aqyq* (течение, поток, волнение), надпись имеет буддийское содержание[17].

Следует отметить, что по своему дукту вся руническая эпиграфика из Восточного Туркестана близка енисейской, а не орхонской и совершенно отличается от дукта «рун на бумаге»[18]. По принадлежности все мелкие надписи восходят к буддийской среде. Тюркские буддийские общины в Монголии и Восточном Туркестане появились не позднее второй половины VI в. Ранее буддизм утвердился в позднегуннских

В.В. Радлов с супругой
V.V. Radloff with his wife

ment, when describing 'the ruins of Yar', D.A. Klementz remarks: "In caves 6 and 3, the walls are covered with clay and on them, among daubs of all kinds, we found runic inscriptions. We made copies, one was drawn by hand". He further observes that in the ruined caves "fragments of completely spoilt runic inscriptions"[15] were found. A pencil drawing of one of the runic inscriptions accompanies the text. From D.A. Klementz's photographs and rubbings, V.V. Radloff published 4 graffiti, observing that the quality of the other copies was insufficient to reproduce the inscriptions adequately.

One more runic graffiti was found by the P. Pelliot expedition in cave temple 8 in Dunhuang; the inscription is scratched over the mural on the left wall and is, regretfully, scarcely legible; the mural itself dates from the second half of the 8th century.[16]

---

[14] АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 126. Клеменц Д.А. Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане (рукопись). Л. 52; Klementz D. *Op. cit.* S. 47.

[15] АВ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1, ед. хр. 137. Клеменц Д.А. Описание древних городов и пещер в Турфанской земле, сделанное во время путешествия 1898 г. (рукопись). Л. 3, 5.

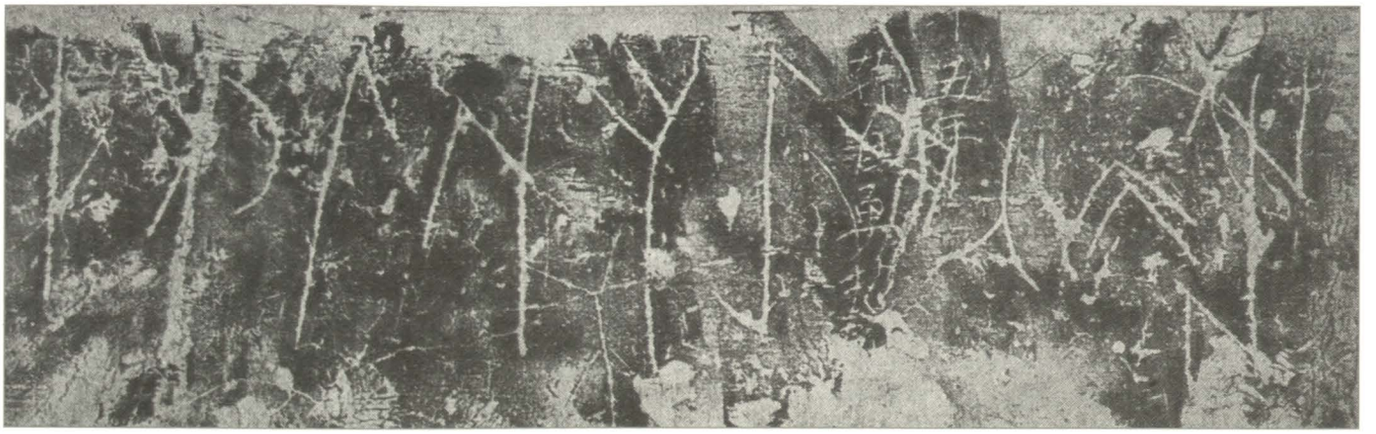
[16] Pelliot P. Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song. T. 1, Paris, 1920, pl. 18.

[17] Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. 39. Л., 1974. С. 45—48.

[18] *Там же*. С. 47.

[15] AO IOM RAS. Fond 28. Inv. 1, unit 137. Klementz, D.A. Description of ancient towns and caves made during the expedition of 1898 (manuscript). f. 3 and 5.

[16] Pelliot, P. *Les grottes de Touen-houang. Peintures et sculptures bouddhiques des époques des Wei, des T'ang et des Song.* Vol. 1, Paris, 1920, pl. 18.



Руническая надпись из пещерного буддийского храма, расположенного севернее Турфана. Фотография Д.А. Клеменца. Фрагмент

Runic inscription from a cave Buddhist temple located to the north of Turfan. Photograph by D.A.Klementz. Fragment

государствах Восточного Туркестана (IV—V вв.), с которыми генетически и исторически был связан царский род тюрков Ашина[19]. В самом раннем памятнике тюркской государственности — согдоязычной бугутской надписи (ок. 582 г.) упомянуто создание Таспар-каганом (572—581) «великой новой сангхи», т. е. буддийской общины[20].

Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой теменной союз в мощную державу, к началу 70-х гг. VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культами Неба и Земли, культом предков и шаманизмом в этот период сказалось сильное воздействие великих азиатских религий, прежде всего буддизма. Уже с самого начала существования Первого тюркского каганата (551—630) его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской и восточно-туркестанской, так и для дальневосточной сферы их влияния, тюркские каганы видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некой идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе. Лишь социально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем его распад приостановили этот процесс.

In 1914–15 the finds of runic epigraphy from Eastern Turkestan were enhanced by S.F. Oldenburg, who brought from Turfan a bronze mirror from the Tang period with a brief runic inscription scratched on it: "...ač aqyqyùyz ... oγuš..." ("always show us our confusion! ... clan"). Judging by the use of the term *aqyq* (current, flow, agitation), the inscription is Buddhist in content.[17]

It should be noted that all the runic epigraphy from Eastern Turkestan is close in terms of script to the Yenisei type rather than the Orkhon variety and is totally different from the "rune on paper" script.[18] All the short inscriptions belong to the Buddhist milieu. Turkic Buddhist communities emerged in Mongolia and Eastern Turkestan not later than the second half of the 6th century. Still earlier Buddhism had developed in the late Hun states of Eastern Turkestan (4th–5th centuries), with which the Ashina royal clan was connected genetically and historically.[19] The earliest monument of Turkic state system — the Bugut inscription (*ca.* 582) in Sogdian — mentions the creation by Taspar Qaghan (572–581) of "a great new *sangha*", i.e. a Buddhist community.[20]

---

19 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 106—114.

20 Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Т. 10. М., 1971. С. 140; Klyashtorny S.G., Livshits V.A. The Sogdian inscription of Bugut revised // Acta Orientalia, 1972. T. 26, fasc. 1, pp. 86–87.

17 Klyashtorny, S.G., Lubo-Lesnichenko E.I. "Bronze Mirror from Eastern Turkestan with a Runic Inscription." *Reports of the Hermitage Museum*. Vol. 39. L., 1974, pp. 45–48.

18 *Ibid.*, p. 47.

19 Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Middle Asia*. M., 1964, pp. 106–114.

20 Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A. "A Sogdian Inscription from Bugut." *Countries and Peoples of the East*. Vol. 10. M., 1971, p. 140; Klyashtorny, S.G., Livshits, V.A "The Sogdian Inscription from Bugut Revised." *Acta Orientalia*. Vol. 26 (1972), facs. 1, pp. 86–87.

Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюрков были сделаны Мухан-каганом (553—572). Однако лишь Таспар придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. При нем были переведены на тюркский язык и записаны некоторые сутры. А. фон Габэн справедливо предположила, что только согдийцы могли воплотить этот перевод в письме[21].

Весьма рано распространился буддизм и среди уйгурских племен. В 628—629 гг. уйгурский вождь Яоши из рода Яглакар был более известен под другим своим именем — Пуса (Бодхисаттва)[22]. Буддизм сохранял свое значение среди уйгуров наряду с традиционными культами и шаманизмом вплоть до принятия Бёгю-каганом в 762—763 гг. манихейства[23]. Попытка возрождения буддизма как государственной религии во Втором тюркском каганате (687—744) в конце первого — начале второго десятилетий VIII в. успеха не имела, но постоянное существование в каганате буддийской тюркской общины не вызывает сомнений[24]. Новым подтверждением этого вывода стала находка в Восточной Монголии монеты с рунической надписью буддийского содержания[25]. Надпись датируется с наибольшей вероятностью концом VII — первой половиной VIII в., так как для VI — первой половины VII в. отсутствуют надежные свидетельства об употреблении рунического письма, а после 763 г. в Уйгурском каганате, т. е. на всей территории Монголии, буддизм впервые подвергся преследованиям, а предметы буддийского культа — уничтожению[26].

Господствующей религией среди уйгуров, уже на территории Восточного Туркестана, буддизм становится лишь в X в., оказывая сильнейшее воздействие на северные тюркские племенные объединения[27]. Имеются свидетельства о существовании буддийской миссии среди кимаков[28] и кыргызов[29].

The religious life of the Turks, who had, over two decades, transformed their tribal union into a powerful qaghanate, became very complicated in the early '70s of the 6th century. As well as their worship of the Sun and Earth, cult of ancestors and Shamanism, they experienced a strong impact of the great Asian religions, primarily of Buddhism. From the very beginning of the First Turkic Qaghanate's existence (551—630), its rulers realized very well the role of ideological factors, in addition to the military ones, for the control over the extensive empire. In Buddhism, which was acceptable for the Middle Asian, Eastern Turkestan and Far Eastern spheres of their influence, the Turkic qaghans saw the universal form of religion that could be instrumental in creating a sort of ideological cohesion in their diversely composed empire. The process was curtailed only by the Qaghanate's social and political crisis of 581 and the state's subsequent disintegration.

The first steps for official introduction of Buddhism into the religious practice of the Turks were taken by Mukhan Qaghan (553—572). It was Taspar, however, who was able to provide for the Buddhist message most favourable conditions and for its followers high political and cultural standing in the upper echelons of the Qaghanate. In his reign some sutras were translated into Turkic and put down. A. von Gabain had good reasons to assume that only Sogdians were able to give the translation a written form.[21]

The dissemination of Buddhism among the Uighur tribes also took place fairly early. In 628—629 the Uighur chieftain Yaoshi of the Yaglakar clan was better known under his other name of Pusa (Bodhisattva).[22] Buddhism remained important for the Uighurs, alongside with their traditional cults and Shamanism, until the adoption of Manicheism by Bögü Qaghan in 762—763.[23] The attempted revival of Buddhism as a state religion in the Second Turkic Qaghanate (687—744) in the late 1st — early 2nd decade of the 8th century was unsuccessful, but the continuous existence of a Buddhist community is undoubted.[24] The find in Eastern Mongolia of a coin with a runic inscription of Buddhist content is an extra proof of this conclusion.[25] The inscription is most likely to date from the late 7th century or the first half of the 8th, for there is no reliable evidence that runic writing was in use in the 6th century or the first half of the 7th, whereas after 763 Buddhism in the Uighur Qaghanate, i.e.

---

21 Gabain A. v. Buddhistische Türkenmission // Asiatica. Leipzig, 1954. S. 196.

22 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 300—302; Gabain A. v. *Op. cit.* S. 169.

23 Gabain A. v. Der Buddhismus in Zentralasien // Handbuch der Orientalistik. Abt. I, Bd. 8, 2. Abschnitt, Leiden, 1961. S. 506—507.

24 *Там же.*

25 Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 334—338.

26 Gabain A. v. *Op. cit.* S. 169.

27 Gabain A. v. *Op. cit.* S. 506—509.

28 Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 306—315.

29 Thomas F., Clauson G. Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characrers // JRAS, 1927, pp. 282—283.

21 Gabain, A. v. "Buddhistische Türkenmission." *Asiatica*. Leipzig, 1954, p. 196.

22 Bichurin, N.Ya. *Collection of Information on the Peoples that Inhabited Middle Asia in Ancient Times*. Vol. 1, M., L., 1950, pp. 300—302; Gabain, A. v. *Op. cit.*, p. 169.

23 Gabain, A. v. "Der Buddhismus in Zentralasien." *Handbuch der Orientalistik*. Abt. I, Bd. 8, 2. Abschnitt, Leiden, 1961. S. 506—507.

24 *Ibid.*

25 Klyashtorny, S.G. "A Coin with a Runic Inscription from Mongolia." *Turkologichesky Sbornik. 1972*. M., 1973, pp. 334—338.

Военное присутствие енисейских кыргызов в Джунгарии и Таримском бассейне во второй половине IX—X вв. отмечено разными источниками, однако весьма вероятно, что оно носило эпизодический характер и не завершалось их переселением на эти земли[30]. Следует иметь в виду, впрочем, что руническое письмо в его енисейском варианте представлено в эпиграфике Западной Монголии[31] и использовалось не только кыргызами. Во всяком случае, мы можем засвидетельствовать, учитывая сравнительно позднюю датировку енисейских памятников, наличие в Турфанском оазисе в IX—XI вв., а, возможно, и в Дуньхуане, тюркоязычных буддийских общин, не идентичных уйгурской и, скорее всего, связанных с северными или северо-восточными соседями уйгуров.

Наряду с рунической эпиграфикой, в Восточном Туркестане и Дуньхуане был обнаружен небольшой фонд рунических текстов на бумаге. Первые находки такого рода были сделаны в 1902 г. во время раскопок экспедиции А. Грюнведеля на городище Идикут-шари. Все фрагменты были вскоре после находки изданы и интерпретированы А. Лекоком[32]. Находки манихейских книжных фрагментов рунического письма были сделаны экспедицией А. Лекока (1905—1906). В 15 км к востоку от Идикут-шари, на берегу речки Туюк, им было раскопано монастырское здание и обнаружены два книжных листка с рунами[33].

Небольшой фрагмент книги рунического письма (листок с шестью неполными строками) был приобретен в селении Хара-Ходжо в 1909 г. С.Ф. Ольденбургом. Местный крестьянин добыл этот оборванный бумажный листок на городище Идикут-шари. Текст, изданный В.В. Радловым, слишком отрывочен и не поддается идентификации; отчетливо читаются лишь отдельные даты по двенадцатилетнему животному циклу. Упомянут, в частности, «год змеи»[34].

Последняя по времени находка рунического текста на бумаге в Турфанском оазисе была сделана А. Стейном во время его третьей восточнотуркестанской экспедиции (1913—1916)[35]. Неполный лист, вырванный из «книги-

[30] Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 95.

[31] Кляшторный С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 154.

[32] Le Coq A. v. Köktürkisches aus Turfan. Manuskriptfragmente in köktürkischen Runen aus Toyoq und Idique-Schähri, Oase von Turfan // *SPAW*. 1909. S. 1047—1061.

[33] *Ibid.*, S. 1050.

[34] Radloff W. Alttürkische Studien. III. Ein Fragment in türkische Runenschrift // ИИАН, 1910. С. 1025—1036.

[35] Thomsen V. Fragment of a Runic Turkish Manuscript Kao. 0107 from Kara-Khoja // Stein A. Innermost Asia, Oxford, 1928. Vol. 2, pp. 1082—1083, pl. 124.

on the entire territory of Mongolia, became subject to persecution and its objects of worship — to destruction.[26]

It was not until the 10th century that Buddhism became the dominant religion among the Uighurs, now on the territory of Eastern Turkestan, and exerted a strong influence on the Turkic tribal unions of the north.[27] There is evidence that a Buddhist mission existed on the lands of the Kimaks[28] and Kyrghyzes.[29]

The military presence of the Yenisei Kyrghyzes in Jungaria and the basin of the Tarim is recorded in different sources, but it is very likely that it was sporadic and never resulted in their migrating and settling on those lands.[30] Incidentally, it should be pointed out that the Yenisei version of runic writing is found in the epigraphy of Western Mongolia[31] and its use was not confined to the Uighurs. In any case, we can assert, taking into consideration the relatively late date of the Yenisei monuments, that in the 9th to 11th centuries, in Turfan oasis and possibly in Dunhuang there existed Turkic Buddhist communities that were not identical to Uighur ones and were most likely connected with the northern or north-eastern neighbours of the Uighurs.

Besides runic epigraphy, a limited number of runic texts on paper were discovered in Eastern Turkestan and Dunhuang. The first finds of this kind were made by the expedition of A. Grünwedel in 1902 during the excavations of Idiqutshari. Soon after the excavations, all the finds were published and interpreted by A. Le Coq.[32] Finds of Manichaean book fragments in runic writing were made by the expedition of A. Le Coq of 1905—06. He excavated a monastery building on the bank of the Toyuq stream, 15 km east of Idiqutshari, and found two book sheets with runes.[33]

A small fragment of a book written in runes (a sheet with six incomplete lines) was bought by S.F. Oldenburg in Khara-Khodja, in 1909, from a local peasant who had dug the shabby sheet of paper at the site of Idiqutshari. The text, which was published by V.V. Radloff, is too fragmentary to identify it properly; clear are just a few dates according to the 12-year animal cycle. It mentions, for one, "the snake year".[34]

[26] Gabain, A. v. *Op. cit.* S. 169.

[27] Gabain, A. v. *Op. cit.* S. 506—509.

[28] Arslanova, F.H., Klyashtorny, S.G. "Runic Inscriptions on a Mirror from the Upper Reaches of Irtysh." *Turkologichesky Sbornik. 1972.* M., 1973, pp. 306—315.

[29] Thomas, F., Clauson, G. "Second Chinese Buddhist Text in Tibetan Characters." *JRAS* (1927), pp. 282—283.

[30] Kyzlasov, L.R. *History of Tyva in the Middle Ages.* M., p. 95.

[31] Klyashtorny, S.G. "Mongolian Runic Inscriptions on Rocks." *Turkologichesky Sbornik. 1975.* M., 1978, p. 154.

[32] Le Coq, A. v. "Köktürkisches aus Turfan. Manuskriptfragmente in köktürkischen Runen aus Toyoq und Idique-Schähri, Oase von Turfan." *SPAW*. 1909. S. 1047—1061.

[33] *Ibid.*, p. 1050.

[34] Radloff, W. "Alttürkische Studien. III. Ein Fragment in türkische Runenschrift." *PIAS*. 1910, pp. 1025—1036.

тетради», содержит два столбца рунического текста, написанного черными и красными чернилами. Сохранилось пятнадцать строк левого столбца и начальные знаки правого. Сохранившийся текст является отрывком из повествования об обращении в манихейство некоего принца, Алп Сынкуртегина, который назван манихейским термином *niγošaq* (слушатель), обозначающим члена манихейской религиозной общины, занимающего самую нижнюю ступень в церковной иерархии.

На нескольких согдийских и уйгурских рукописях из Турфанского оазиса обнаружены приписки руническим письмом. По сообщению А. Лекока, «краткий тюркский конечный колофон, написанный тюркскими рунами», имеет один из листков согдийской манихейской книги[36]. Вероятно, речь идет о неотождествленном согдийском манихейском фрагменте, изданном Ф.-В.-К. Мюллером. Он содержит надпись из двух сохранившихся слов в одной строке руническим письмом на оборотной стороне листа: «...er bitidim» (...[это] я, муж [по имени] ...написал)[37].

Наиболее известна руническая приписка (колофон?) на оборотной стороне так называемого «лондонского свитка» буддийской сутры «Секыз юкмак» («Восемь акциденций»)[38]. Приписка состоит из двух слов (двенадцать знаков). Поскольку начальный знак второго слова неясен, В. Банг и его соавторы, интерпретируя первое слово как *kürüg* (лазутчик, соглядатай), чтения и перевода всей фразы не дали. Наиболее удачный вариант интерпретации предложил А.Н. Бернштам: «...kürüg bitidim» ([Это] написал я, Кюрюг)[39]. Датировка списка, а, следовательно, и приписки дается В. Бангом по хронологически неточным фонетическим фактам. Предложенная им дата — XI—XII вв. — вызывает оправданные сомнения. Рукопись лондонского свитка вряд ли позднее X в.[40]

На оборотной стороне официального письма уйгурским шрифтом, обнаруженного одной из немецких экспедиций в Турфанском оазисе, оказались семь неполных строчек руни-

The latest find of a runic text on paper was made by A. Stein during his third Eastern Turkestan expedition (1913–16).[35] The incomplete sheet torn from a note-book contains two columns of a runic text written in black and red ink. Fifteen lines of the left column and the initial signs of the right one have survived. The extant text is a passage from a narrative about the conversion into Manicheism of a certain prince, Alp Synkurtegin, who is referred to as *niγošaq* (listener), which denotes a member of the Manichaean community occupying the lowest rung in the church hierarchy.

On several Sogdian and Uighur manuscripts from Turfan oasis the researchers discovered added lines in runic script. According to A. Le Coq, one of the sheets of a Sogdian Manichaean book bears "the brief Turkic colophon written in Turkic runes".[36] What is meant is probably the unidentified Sogdian Manichaean fragment published by F.-W.-K Müller. It contains an inscription consisting of two surviving words in one line on the verso of the sheet: "...er bitidim» (...[this is] I, man [named] ... wrote").[37]

Particularly famous is the runic addition (colophon?) on the verso of the so-called "London copy" of the Buddhist sutra *Sekiz yukmak* ("Eight Accidents").[38] The addition consists of two words (twelve characters). Since the first character of the second word is unclear, W. Bang and his co-writers interpreted the first word as *kürüg* (scout, spy), but gave no translation or reading of the phrase as a whole. A.N. Bernshtam suggested a version that seems to be the most suitable: "kürüg bitidim" ([This] wrote I, Kürüg).[39] The dating of the copy, and consequently of the addition, was offered by W. Bang on the basis of chronologically imprecise phonetic facts, therefore the date he determined — 11th–12th century gives rise to justified doubts. The London manuscript can hardly be from later than the 10th century.[40]

The verso of an official letter discovered by one of the German expeditions in Turfan oasis turned out to have seven incomplete lines of a runic text, which has now been published

---

35 Thomsen, V. "Fragment of a Runic Turkish Manuscript Kao. 0107 from Kara-Khoja." In Stein, A. *Innermost Asia*, Oxford, 1928. Vol. 2, pp. 1082–1083, pl. 124.

36 Le Goq, A.v. "Türkische Manichaica aus Chotscho. II." *Abhandlungen der Königliche Preussischen Akademie der Wissenschaften*. No. 3, 1919. S. 4.

37 Müller, F.W.K. "Sogdische Texte. II." *SPAW*. Bd. 21, 1934. S. 548.

38 Bang, W., Gabain, A. v., Rachmati, G.R. "Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sutra Säkiz uükmäk." *SPAW*. Bd. 10, 1934. S. 97.

39 Bernshtam, A.N. "A Runic Inscription in an Uighur Manuscript." *Transactions of the IOS of the USSR AS*. Issue 7, 1939, pp. 303–305. See also: Rabsänen, M. "Zu dem türkischen Runenschrifteintrag in der uigurischen Uebersetzung des buddhistischen Sutra Säkiz Yükmek." *Studia Orientalia*. Bd. 6. 1936, Nr. 1. S. 1–2.

40 Klyashtorny, S.G. *Old Turkic Runic Monuments*, p. 50. See also: *Old Turkic Dictionary*. L., 1969, p. 36.

36 Le Goq A. v. Türkische Manichaica aus Chotscho. II // Abhandlungen der Königliche Preussischen Akademie der Wissenschaften. Nr. 3, 1919. S. 4.

37 Müller F.W.K. Sogdische Texte. II // *SPAW*. Bd. 21, 1934. S. 548.

38 Bang W., Gabain A. v., Rachmati G.R. Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sutra Säkiz uükmäk // SPAW. Bd. 10, 1934. S. 97.

39 Бернштам А.Н. Руническая надпись в уйгурской рукописи // Записки ИВ АН СССР. Вып. 7, 1939. С. 303—305. См. также: M. Rabsänen. Zu dem türkischen Runenschrifteintrag in der uigurischen Uebersetzung des buddhistischen Sutra Säkiz Yükmek // Studia Orientalia. Bd. 6. 1936, Nr. 1. S. 1–2.

40 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. *Указ. соч.* С. 50. См. также: Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 36.

ческого текста, ныне изданного и интерпретированного П. Циме и С. Тезджаном. Им, однако, не всегда удавалось распознавание весьма небрежных и искаженных начертаний рунических знаков. Другое чтение фрагмента предположил Дж. Клосон, назвавший этот текст «руническими каракулями», демонстрировавшими позднейший пережиточный образец рунического письма.

Рукописи руническим письмом были обнаружены второй восточно-туркестанской экспедицией А. Стейна 1906—1908 гг. в двух местах — в Дуньхуане и Миране. Всего было найдено 12 фрагментированных и полных текстов. По просьбе А. Стейна все найденные им тюркские рунические тексты были изучены, дешифрованы и изданы В. Томсеном[41]. Один небольшой фрагмент рукописи рунического письма был обнаружен в Пещерах тысячи будд экспедицией П. Пеллио (инв. № PT 2132)[42].

Самой важней находкой среди «рун на бумаге» была небольшая книжка из двадцати девяти согнутых тетрадью листов, размером 13,2 × 8 см, с текстом из 104 строк. Текст содержит шестьдесят пять небольших «притч», в конце рукописи — колофон, написанный красными чернилами поверх китайского буддийского текста[43]. Заглавия книга не имела, но непосредственно перед колофоном стояли слова: «Эта книга гаданий (знамений) хороша!». Поэтому памятник стал известен под названием «Ырк битиг» («Книга гаданий»)[44].

«Ырк битиг» по праву считается одним из труднейших для понимания древнетюркских текстов. Его издание, предпринятое В. Томсеном, до настоящего времени остается единственно приемлемым для изучения памятника, так как совмещая транслитерацию с транскрипцией и фиксируя пунктуационный знак-словоразделитель, В. Томсен сохранил до некоторой степени графическую основу текста, включая все ошибки и описки автора (переписчика?), частично оговорив их. В последующих изданиях транслитерация либо недостаточно последовательна[45], либо вовсе игнорируется[46], несмотря на признанную условность многих мест транскрипционного текста. Перевод почти каждой из шестидеся-

and interpreted by P. Zieme and S. Tesčan. They, however, did not always succeed in identifying the very careless and distorted writing of the runic characters. A different reading of the text was offered by G. Clauson, who called the text "runic scribble", which was a sample of late, degenerate runic writing.

Runic manuscripts were found by the second expedition of A. Stein to East Turkestan (1906—08) in two locations — in Dunhuang and Miran. They found 12 fragments and complete texts. On A. Stein's request, all the Turkic runic texts he had found were studied, deciphered and published by W. Thomsen.[41] One small fragment of a runic manuscript was found in the Caves of a Thousand Buddhas by P. Pelliot (Inv. No PT 2132).[42]

The most important among 'runes on paper' was a small book of 29 sheets folded like a notebook, sized 13.2 × 8 cm, with a text of 104 lines. The text contains sixty-five short 'parables' and a colophon at the end, written in red ink over a Chinese Buddhist text.[43] The book had no title, but right before the colophon it had the following inscribed: "This book of fortune-telling (omens) is good!" Hence the monument became known as *Yrk bitig* ('Fortune-Telling Book').[44]

Yrk bitig is deservedly regarded as one of the most difficult Old Turkic texts to understand. Its edition undertaken by W. Thomsen has up to now remained the only acceptable aid for studying the monument, for Thomsen, by combining transliteration with transcription and fixing a special punctuation sign for separating words, retained to a certain degree the graphic foundation of the text, including all the errors and slips of the writer, partly explaining them. In subsequent editions the transliteration is either insufficiently consistent,[45] or is ignored altogether,[46] despite a certain artificiality of many places in the transcription text. Almost each of the 65 parables contained in the text is a great challenge for the translator and in some cases their translations are still regarded as tentative.

The researchers of the monument unanimously point out its closest connection with the Orkhon cultural tradition, which is manifest not only in the Shamanic subject-matter (as S.E. Malov put it), but also in the linguistic, stylistic and com-

---

41 Thomsen V. Dr. M.A. Stein's manuscripts in Turkish «Runic» script from Miran and Tun-huang // JRAS, 1912, pp. 181–227. Однако факсимильное воспроизведение текста ограничено здесь лишь пятью «страницами» книги. См. также фотографии А. Стейна [Stein A. *Serindia*. Vol. 2. Oxford, 1921, pp. 921, 924].

42 Hamilton J. Les manuscripts turcs anciens de la grotte murée de Touen-houang // Journal Asiatique. T. 269, 1981. fasc. 1–2, p. 16.

43 Hamilton J. Le colophon de l'Irq bitig // Turcica. T. 7, 1975, pp. 10–11.

44 Bang W., Gabain A.v. Türkische Turfan-Texte I // SPAW, 1929. S. 242–243; Hamilton J. Le colophon... *Op. cit.*, pp. 8–9.

45 Orkun H.N. Eski türk yazitlari. Istanbul, 1939. C. 2. S. 73–91.

46 Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 80—92.

41 Thomsen, V. "Dr. M. A. Stein's Manuscripts in Turkish 'Runic' Script from Miran and Tun-huang." *JRAS* (1912), pp. 181–227. However, the facsimile reproduction of the text is confined here to only five "pages" of the book. See also A. Stein's photographs [Stein, A. *Serindia*. Vol. 2. Oxford, 1921, pp. 921, 924].

42 Hamilton, J. "Les manuscripts turcs anciens de la grotte murée de Touen-houang." *Journal Asiatique*, T. 269, fasc. 1–2. 1981, p. 16.

43 Hamilton, J. "Le colophon de l'Irq bitig." *Turcica*. T. 7, 1975, p. 10–11.

44 Bang, W., Gabain A. v. "Türkische Turfan-Texte I". *SPAW*, 1929. S. 242–243; Hamilton, J. "Le colophon...", pp. 8–9.

45 Orkun, H.N. *Eski türk yazitlari*. Istanbul, 1939. C. 2. S. 73–91.

46 Malov, S.E. *Monuments of Old Turkic Writing*. M., L., pp. 80–92.

ти пяти притч, содержащихся в «Книге», представляет немалую сложность, а во многих случаях и до сего дня остается предположительным.

Исследователи памятника единодушно указывают на его теснейшую связь с «орхонской» культурной традицией, проявившуюся не только в «шаманском» (по выражению С.Е. Малова) содержании, но также и в языке, и в композиционно-стилистических особенностях. В то время как А. фон Габэн отмечает воздействие манихейской и даже христианской литературы лишь на формальные элементы текста[47], И.В. Стеблева видит общее влияние манихейских идей на содержание памятника, проявившееся в противопоставлении добра и зла[48]. Дж. Гамильтон, напротив, полагает, что прототипом древнетюркского текста были популярные в Восточном Туркестане той эпохи тибетские (*resp.* индийские) наставления о приметах и поверьях, содержащие оценки-противопоставления («плохо» — «хорошо») того же типа, что и «Ырк битиг»[49]. Так или иначе, в «Ырк битиг» собраны притчи, распространенные в древнетюркской среде или связанные с сюжетами, общими для этой среды, и отражающие в той или иной степени простонародные поверья.

В притчах памятника содержится своего рода повествование о «борьбе за веру» в самых высших сферах языческого мира древних тюрков, о манихейской миссии, перенесенной в Верхний, Средний и Нижний миры, населенные шаманскими духами и божествами, о подчинении и обращении к новой вере их обитателей — противников религии Мани. Известно, что манихейство охотно включало в свой пантеон «обратившиеся» местные божества, воспринимая и связанные с ними представления. В самом манихействе не существовало понятия «трех миров», упоминаемых в тексте; его теология и эсхатология базировались на других принципах, главными из которых были «две основы» и «три эпохи», нашедшие терминологическое выражение в древнетюркской лексике (*iki jyltyz*, *üč öd*).

Столь слабое отражение следов манихейства в этом скорее фольклорном, чем религиозном тексте, созданном в манихейской обители, как, впрочем, и сам выбор алфавита для его написания, говорит о явном упадке манихейства уже в первой трети X в. среди уйгурского населения Восточного Туркестана, что было отмечено Л. Базэном[50]. Наряду с positional peculiarities. Whereas A. von Gabain observes the influence of Manichaean and even Christian literature only on some formal elements of the text,[47] I.V. Stebleva sees also the general effect of the Manichaean ideas on the content of the monument, manifest in the opposition of good and evil.[48] J. Hamilton, on the contrary, believes that the prototypes of the Old Turkic text were Tibetan (*resp.* Indian) instructive stories popular in Eastern Turkestan in those days about omens and beliefs, which contained contrasting appraisal notions ('bad' *vs.* 'good') of the same type as in *Yrk bitig*.[49] Anyway, the 'Book' was a collection of parables of wide currency in the Old Turkic society or connected with subjects of common interest and reflecting to some extent the beliefs of the common people.

The parables of the monument present a narrative about "struggle for faith" in the highest spheres of the pagan world of the ancient Turks, about the Manichaean message, which had been brought into the Upper, Medium and Lower worlds inhabited by Shamanic spirits and about the conversion to the new faith of their inhabitants — enemies of the Mani religion. Manicheism is known to have willingly included in its pantheon "converted" local deities, accepting also the ideas connected with them. In Manicheism itself there was no concept of the three worlds mentioned in the text; its theology and eschatology were founded on other principles, the main of which were "two bases" and "three epochs", which found terminological expression in Old Turkic vocabulary (*iki jyltyz*, *üč öd*).

Such a weak reflection of traces of Manicheism in this text, which is of folklore rather than religious type, though created in a Manichaean monastery, testifies, no less than does the choice of alphabet for writing it, to a decline of Manicheism among the Uighur population of Eastern Turkestan by as early as the first third of the 10th century, as noted by L. Bazin.[50] Alongside with a gradual strengthening in the state of Kocho of the positions of Buddhism, which reached its apogee somewhat later, observable is also a certain awakening of ancient beliefs and outlooks, as well as certain adaptation to the new conditions of life, predominantly urban and settled and proceeding under the influence of some other massive ethnic and cultural influence.

Both of these processes are reflected in yet another Turkic runic text on paper from the Caves of a Thousand Buddhas, which is entered in A. Stein's collection under the codes

---

47 Gabain A. v. Die alttürkische Literatur // Philologia Turcica Fundamenta. Bd. 2. S. 215–216.

48 Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972. С. 222—223.

49 Hamilton J. Le colophon... *Op. cit.*, pp. 9–10; см. также: Arlotto A. Old Turkic Oracle Books // Monumenta serica. Vol. 29, 1970—1971, pp. 685–636.

50 Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievaux. Lille, 1974, p. 296.

47 Gabain, A. v. "Die alttürkische Literatur." *Philologia Turcica Fundamenta*. Bd. 2. S. 215–216.

48 Stebleva, I.V. "On the Reconstruction of the Old Turkic Religious and Mythological System." *Turkologichesky Sbornik. 1971*. M., 1972, pp. 222–223.

49 Hamilton, J. "Le colophon...", pp. 9–10; see also: Arlotto, A. "Old Turkic Oracle Books." *Monumenta serica*. Vol. 29 (1970–71), pp. 685–636.

50 Bazin, L. *Les calendriers turcs anciens et medievaux*, Lille, 1974, p. 296.

постепенным укреплением в государстве Кочо позиций буддизма, достигшего своего подъема несколько позднее, наблюдается как некоторое оживление древних верований и представлений, так и их известная адаптация к новой, по преимуществу городской или оседлой жизни, происходившая не без влияния иных этнокультурных массивов.

Оба эти процесса нашли свое отражение еще в одном тюркском тексте на бумаге руническим письмом из Пещер тысячи будд, хранящемся в коллекции А. Стейна под шифрами Or. 8212 (78) и (79)[51]. Рукопись состоит из семи фрагментов, по большей части небольших, один из которых сохранил стандартную ширину китайских официальных документов VIII—X вв. — 28—30 см[52]. Тюркский текст помещен на обратной стороне уже использованного китайским писцом листа, что не было зафиксировано первоиздателем тюркского памятника В. Томсеном, так как он имел в своем распоряжении фотографию только одной стороны каждого фрагмента. Томсен издал несколько наиболее полных отрывков и определил их как тексты религиозного содержания[53].

Повторно к изучению этого памятника обратились Дж. Гамильтон и Л. Базэн. Интерпретация китайской стороны самого крупного фрагмента позволила Дж. Гамильтону установить, что документ является копией донесений полководца Го Чэн-тао императору династии Поздняя Тан (923—936) и датирован концом декабря 925 г. В январе 926 г. Го Чэн-тао был убит, а в 936 г. пала династия Поздняя Тан. Только после этого события архив, принадлежавший императорским учреждениям в Шачжоу (Дуньхуане), был разграблен и бумаги из архива были использованы вторично. Таким образом, определяется время написания тюркского текста — середина или вторая половина IX в.[54].

Тщательное изучение тюркского текста фрагментов показало, что в пещерном храме обнаружен самый древний сборник тюркских пословиц (следующая по времени запись пословиц, принадлежавшая Махмуду Кашгарскому, относится к 1070 г.). Сохранность текста явно недостаточна для уверенных суждений о древнетюркской паремиологии, и все же легко выделяются пословицы и речения, восходящие к более древней традиции, и пословицы, созданные в условиях тогда еще нового для вчерашних кочевников городского быта.

Or. 8212 (78) and (79).[51] The monument consists of seven predominantly small fragments, one of which retained the standard width of Chinese official documents from the 8th—10th centuries: 28—30 cm.[52] The Turkic text appears on the verso of a sheet previously used by a Chinese scribe — a fact not recorded by W. Thomsen, the first publisher of the text, because he had at his disposal photographs of only recto sides of each fragment. Thomsen published several of the most complete passages and identified them as texts with a religious subject matter.[53]

J. Hamilton and L. Bazin studied the monument again. Translation and analysis of the Chinese side of the largest fragment enabled J. Hamilton to establish that the document was a copy of the dispatches of general Guo Cheng-tao to the Emperor of the Late Tang dynasty (923—936) and dates from late December 925. In January 926 Guo Cheng-tao was killed, and in 936 the Late Tang dynasty fell. Only after that event the archive of the emperor's offices in Shazhou (Dunhuang) was plundered and the papers from the archives were re-used. It follows from this that the Turkic text is datable to the middle or second half of the 9th century.[54]

A thorough study of the Turkic text fragments has shown that the find in the cave temple is the most ancient collection of Turkic proverbs (the next recording of proverbs made by Mahmud Kashgari dates from 1070). The state of preservation of the text is obviously insufficient to make any definite judgements about Old Turkic paremiology, but it is easy to note down proverbs that trace their descent from the more ancient tradition and those that were made in the conditions of urban living, which was still new for former nomads.

The social background in which such new figures appear as a scribe, a mediator soliciting for other people and a petitioner submitting a written application, was very different from the former social order of the "steppe empires". The new way of life gave rise to new words and phrases reflecting century-old and sometimes excruciating processes of the break and change of the lifestyle and cultural traditions of Eastern Turkestan experienced by many Turkic tribes.

Two official documents in runic writing, one found in Dunhuang and the other in the excavations of the fortress in Miran, evidence the existence of military quartermaster office work in the Turkic language and in Turkic milieu. The docu-

---

51 Stein A. Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China, vol. 2, pp. 294—295.

52 Fujieda A. The Tunhuang manuscripts, a general description // Zinbun. Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies. Kyoto, 1966, pt. 1, p. 28.

53 Thomsen V. Dr. M.A. Stein's manuscripts, Oxford, 1921, pp. 215—217.

54 Hamilton J., Bazin L. Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-houang // Turcica. T. 4, 1972, pp. 25—28; Bazin L. *Op. cit.*, p. 292.

51 Stein, A. *Serindia*. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 2, pp. 294—295.

52 Fujieda, A. "The Tunhuang Manuscripts, a General Description." Zinbun. *Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies*. Kyoto, 1966, pt. 1, p. 28.

53 Thomsen, V. *Dr. M. A. Stein's Manuscripts*, Oxford, 1921, pp. 215—217.

54 Hamilton, J., Bazin, L. "Un manuscrit chinois et turc runiforme de Touen-houang." *Turcica*. T. 4, 1972, pp. 25—28; Bazin, L. *Op. cit.*, p. 292.

Социальный фон, на котором появляются столь характерные фигуры как писец, ходатай по чужим делам, проситель, подающий письменное ходатайство, весьма отличен от прежнего общественного устройства «степных империй». Новый быт породил новые слова и речения, за которыми — многовековой и нередко мучительный процесс ломки и изменения многими тюркскими племенами жизненного уклада и культурных традиций Восточного Туркестана.

Два деловых документа рунического письма, один из которых обнаружен в Дуньхуане, а другой найден при раскопках в крепости Миран, свидетельствуют о наличии военно-интендантского делопроизводства на тюркском языке и в тюркской среде. Документ из Дуньхуана (IX — начало X в.) сообщает о прибытии (в Шачжоу?) отряда знатных тюркских воинов, сопровождаемых слугами, всего тридцать человек, которым полагалось от местного интенданства довольствие — ежедневно по барану и два кувшина браги каждому[55]. Документ подписан одним из воинов, Багатуром-чигши; написан он плохо выработанным неуверенным почерком; одна из особенностей письма — более частое обозначение гласных, чем в других текстах, в чем, может быть, сказывается влияние уйгурского курсива.

Очень важен другой интендантский документ из трех кусков, найденный в Миране. Крепость Миран контролировала путь из южнотаримских оазисов в Дуньхуан и была разрушена в IX в. Сам документ, по мнению А. Стейна, попал в Миран случайно, его происхождение связано с Дуньхуаном или Кучой[56]. Такое предположение представляется вполне обоснованным. Дата документа не вызывает особых сомнений — вторая половина VIII — начало IX в., т. е. эпоха существования Уйгурского каганата в Монголии и борьба этого государства за господство над северными оазисами Таримского бассейна. Поскольку в надписи упоминаются токуз-огузские племена (байарку, кюрабиры) и сообщается о доставке лошадей из родного юрта, то документ, скорее всего, свидетельствует о наличии письменного делопроизводства в армии Уйгурского каганата. Основное содержание документа — распределение между воинами военного снаряжения (доспехов, шлемов, мечей) и лошадей.

Этими открытиями и находками исчерпываются известные памятники древнетюркского рунического письма на территории Восточного Туркестана. Несомненно, они составляют лишь малую часть того, что было создано и написано

[55] Thomsen V. *Op. cit.*, pp. 218—219.

[56] Stein A. Serindia. Vol. 1, pp. 471—476. Публикацию документа см.: Thomsen V. *Op. cit.*, pp. 182—190, pl. 1, 2. К сожалению, во время подготовки документа В. Томсен еще не располагал столь важным лексическим сводом, как словарь Махмуда Кашгарского, что помешало ему раскрыть содержание документа.

ment from Dunhuang (9th or early 10th century) reports the arrival (in Shazhou?) of a detachment of Turkish noble warriors, accompanied by their attendants, thirty people in all, entitled to a daily subsistence allowance: a sheep and two jugs of beer for each.[55] The document is signed by one of the soldiers, Baghatur-chigshi; it is written in unsteady hand; one of the peculiarities of the writing is a more frequent use of vowel signs than in other texts, which might be due to the influence of Uighur cursive writing

Very important is another quartermaster document consisting of three pieces, found in Miran. The fortress of Miran controlled the road from the oases of the south Tarim to Dunhuang and was destroyed in the 9th century. In the opinion of A. Stein, the document itself found its way to Miran by chance and its origin must have been connected with Dunhuang or Kucha.[56] This supposition appears quite well grounded. There is no reasonable doubt about the dating of the document — the second half of the 8th century or the beginning of the 9th, i.e. the epoch of the existence of the Uighur Qaghanate in Mongolia and the struggle of that state for dominance over the northern oases of the Tarim Basin. As the inscription mentions Tokuz-Oguz tribes (Baiarku and Kürabirs) and reports the delivery of horses from the home yurt, the document is primarily a proof that the record-keeping in the army of the Uighur Qaghanate was done in written form. The purport of the document was the distribution of military equipment (such as armour, helmets and swords) and horses among the soldiers.

The most famous monuments of the Old Turkic runic writing on the territory of Eastern Turkestan are virtually confined to the above discoveries and finds. Undoubtedly, they account for only a fraction of what was created and written in this variety of Turkic writing. The genre diversity of the finds evidences a wide use of runic script in different spheres of life: religion, business, military affairs and even, uniquely, in the recording of folklore and literature. Uighur writing came to be used for such purposes much later, not earlier than the second half of the 11th century. It was precisely in Eastern Turkestan that Old Turkic rune writing lost its narrowly epigraphic character and joined the category of scripts used for creating manuscript books in Turkic. The acme of Turkic runic scripts, however, predetermined also their decline and disappearance — unfit for fast writing and incapable of evolution, the runic script failed in its competition with cursive writing.[57] It is unlikely that it was

[55] Thomsen, V. *Op. cit.*, pp. 218–219.

[56] Stein, A. *Serindia*. Vol. 1, pp. 471–476. For the published document see: Thomsen, V. *Op. cit.*, pp. 182–190, pl. 1, 2. Regrettably, during the preparation of the document V. Thomsen did not have at his disposal Mahmud Kashgari's dictionary, a comprehensive vocabulary corpus, which prevented him from conveying the content of the document adequately.

[57] Ralph, W.V., Elliot, M.A. *Runes*. Cambridge, 1959, p. 62.

этой разновидностью тюркской письменности. Жанровое разнообразие находок свидетельствует о широком использовании руники в разных сферах жизни — религиозной, деловой, военной, а также, что совершенно уникально для древнетюркской письменности, для записей фольклорно-литературного характера. Уйгурское письмо для таких целей стало использоваться значительно позднее, не ранее второй половины XI в. Именно в Восточном Туркестане древнетюркское руническое письмо утратило свой узко эпиграфический характер, вошло в число графических систем, используемых для создания рукописных книг на тюркском языке. Но кульминация тюркской руники обусловила и ее упадок, и исчезновение — руническая графика, неприспособленная для скорописи, неспособная к эволюции, не могла выдержать и не выдержала конкуренции с курсивной графикой[57]. Вряд ли руника использовалась в культурных центрах Восточного Туркестана после X—XI вв. Даже в сочинениях двух великих тюркских литераторов, живших в Кашгарии в XI в., Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского, нет никаких воспоминаний об этом письме. Лишь персидский историк XIII в. Ала-ад-дин Ата-Малик Джувейни, рассказывая о руинах древнеуйгурской столицы Ордубалык на р. Орхон в Северной Монголии (ныне эти развалины называются Карабалгасун), упоминает о плитах с письменами, которые никто не мог прочесть, т. е. о знаменитой трехязычной карабалгасунской надписи[58]. Эту надпись будто бы смогли, в конце концов, истолковать *камы*, т. е. шаманы, но излагаемый дальше рассказ о содержании надписи не имеет ничего общего с обычными эпиграфическими текстами.

Время существования и функционирования тюркского рунического письма в Центральной Азии вряд ли намного превышает три с половиной столетия. Однако в течение этих трех веков была заложена основа письменной культуры древнетюркских народов и в этом процессе роль древнетюркской руники трудно переоценить.

used in the cultural centres of Eastern Turkestan after the 10th—11th centuries. Even in the writings of two great Turkic men of letters, Mahmud Kashgari and Yusuf Balasaguni, who lived in Kashgaria in the 11th century, there are no mentions of the script. Only the 13th-century Persian historian Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini when writing about the ruins of the ancient Uighur capital Ordubalyk on the River Orkhon in Northern Mongolia (at present these ruins are known as Karabalgasun), did mention plates with inscriptions nobody could read — i.e. the famous tri-lingual Karabalgasun inscription.[58] Allegedly, some *kams* (shamans) eventually succeeded in interpreting the inscription, but the story told by Juvaini has nothing in common with ordinary epigraphic texts.

The period when Turkic runic script existed and functioned in Central Asia is not much longer than three centuries and a half. During those three centuries, however, the foundation was laid of the written culture of the Old Turkic peoples; therefore it is hard to overestimate the role of the Old Turkic runic script.

---

[57] Ralph W.V., Elliot M.A. Runes. Cambridge, 1959, p. 62.

[58] Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror. Translated from the Persian by J.A. Boyle. Vol. 1. London, 1958, pp. 53—61.

[58] Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Translated from the Persian by J.A. Boyle. Vol. 1. London, 1958. pp. 53—61.

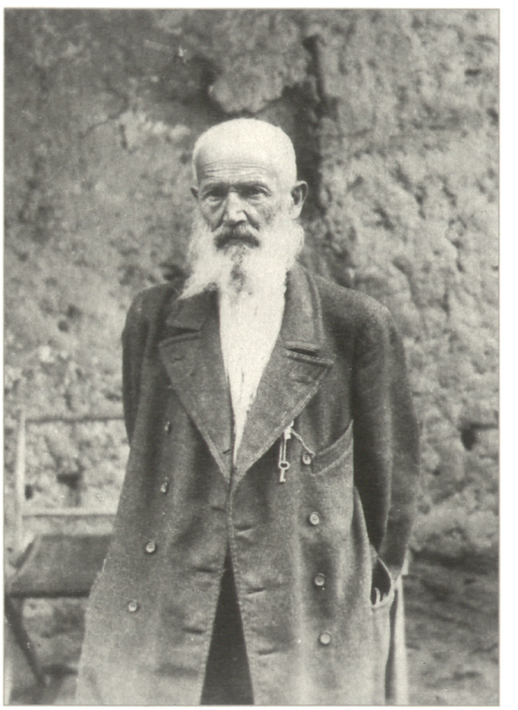
Экспедиция М.М. Березовского в Кучу (1905—1908)

М.И. Воробьева-Десятовская

M.M. Berezovsky's Expedition to Kucha (1905–1908)

M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya

Михаил Михайлович Березовский (1848—1912) окончил биологический факультет Санкт-Петербургского университета как зоолог. С 1876 г. он неоднократно принимал участие в экспедициях Г.Н. Потанина в Монголию, Северо-Западный Китай, Восточный Туркестан и Северо-Восточный Тибет. Всего Березовский участвовал в четырнадцати экспедициях, сначала — как зоолог и ботаник, а в 1902—1908 гг. руководил экспедициями в Китай и Центральную Азию как географ и этнограф.



М.М. Березовский во время своей последней экспедиции. 1908

M.M. Berezovsky on his last expedition. 1908

Самым сложным в подготовке экспедиций был сбор денег. Из писем Г.Н. Потанина М.М. Березовскому, которые хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН[1], видно, как трудно шел этот процесс. Г.Н. Потанин придерживался взглядов «сибирского областничества», много времени проводил в Иркутске, Бийске, Барнауле, Красноярске и других городах и пользовался большим авторитетом у сибирских купцов. Многие из них снабжали его деньгами на экспедиции.

Г.Н. Потанин был одним из первых русских этнографов-путешественников, кто отправился в путь с полным штатом сотрудников, которые, по его представлениям, были необходимы в экспедиции. В задачи экспедиции входил сбор не только географических и этнографических сведений, но и фиксация памятников культуры, результатов интеллектуальной деятельности людей, некогда проживавших на этих территориях. Из писем Потанина видно, что Березовского он часто не мог взять с собой из-за отсутствия денег, и только позже, если эти деньги находились, Березовский догонял экспедицию. Помимо зоолога М.М. Березовского, который обычно подъезжал позже, выполняя по дороге различные задания и делая дополнительные покупки, Г.Н. Потанин подбирал проводников и переводчиков, хорошо знавших

[1] АВ ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 2, ед. хр. 47 (50 писем за 1876—1892 гг.).

Mikhail Mikhailovich Berezovsky (1848–1912) graduated as zoologist from the Biology Faculty of St. Petersburg University. From 1876 on he repeatedly took part in G.N. Potanin's expeditions to Mongolia, Northwestern China, Eastern Turkestan and Northeastern Tibet. In all, Berezovsky participated in fourteen expeditions, initially as zoologist and botanist and in 1902–08 as head of expeditions to China and Central Asia, geographer and ethnographer.

The most difficult task in the preparation for expeditions was obtaining funds for them. From G.N. Potanin's letters to M.M. Berezovsky, which are kept in the Archive of Orientalists in the IOM RAS[1], it is clear how cumbersome the process was. G.N. Potanin favoured the approach of "local Siberian initiative" and often stayed in Irkutsk, Biysk, Barnaul, Krasnoyarsk, etc. He was respected and thought highly of by some of Siberian merchants, who would provide money for his expeditions.

G.N. Potanin was one of the first Russian travelling ethnographers who set out on his journeys with all the staff and personnel he thought necessary for the expedition. The objective of his expeditions was not only to gain geographic and ethnographic information, but also to record monuments of culture and the results of the intellectual activity of the people who had once lived on the territories he visited. It follows from Potanin's letters that he often could not afford hiring Berezovsky and only afterwards, when funds were available, Berezovsky would catch up with the expedition. Besides Berezovsky, who usually joined the expedition later, implementing various tasks on the way and making some purchases for the expedition, Potanin hired competent guides and interpreters with a good command of

[1] AO IOM RAS. Fond 59. Inv. 2, unit 47 (50 letters dated 1876–92).

бирал грамотных проводников и переводчиков, владевших монгольским, китайским и тибетским языками. В состав экспедиции обычно входил «коллектор бабочек и жуков Кашкаров», бурят Буда Рабданов и ряд других помощников, выполнявших хозяйственные функции. Заранее покупать верблюдов и лошадей Потанин Березовскому не советовал: по трудной дороге через пустыни и горные массивы к месту стоянки животные теряли силы. Потанин пояснял Березовскому, что экспедиция должна быть «не маршрутной и не линейной», ее центром должна быть постоянная стоянка, от нее ученые расходились по радиальным маршрутам и туда же возвращались с коллекционным материалом.

В дневнике своей первой экспедиции 1877 г. Березовский составил поименный список участников — всего 33 человека[2]. Там же приводится описание птиц, которые были встречены экспедицией (их названия даны на латыни), список млекопитающих и словарь названий животных и растений на языке «черных татар»[3]. Эти сведения оказались очень полезными при общении с местным населением. В дневнике имеется карта с указанием тех мест, где производился сбор материалов[4]. Одновременно М.М. Березовский занимался научной работой: в его дневнике приведено небольшое исследование о возрасте лошади и выполненный с большим мастерством рисунок лошадиной головы[5]. Постоянно производился сбор коллекций птиц, насекомых и растений. Г.Н. Потанин особенно просил М.М. Березовского проследить наличие в изучаемых местностях животных и растений, о которых писал Н.М. Пржевальский.

Во время подготовки к экспедиции в Сычуань Березовский изучал материалы, собранные его предшественниками. Его интересовали также коллекции Санкт-Петербургского ботанического сада, и в 1891 г. он составил «Каталог растений ботанического сада» с необходимыми пояснениями. Рукопись эта хранится в АВ ИВР РАН в фонде Э.В. Бретшнейдера.

О том, как трудно было доставлять собранные коллекции в Санкт-Петербург, Г.Н. Потанин рассказывал М.М. Березовскому в одном из писем: пять ящиков с птицами, собранными Березовским, несколько раз падали в воду и разбивались, подготовленные тушки приходилось сушить и проветривать. Но груз дошел до Петербурга, и в 1893 г. Березовский передал в Зоологический музей РАН тщательно описанную коллекцию редких видов животных и птиц, собранных в Сычуани и на восточных окраинах Тибета во время экспедиции в 1892—1893 гг. (всего около 4000 экспонатов)[6].

Mongolian, Chinese and Tibetan languages. His expeditions usually included Kashkarov, "collector of butterflies and beetles", Buda Rabdanov, a Buriat interpreter, and a number of other assistants for practical everyday needs. Potanin taught Berezovsky not to buy horses and camels beforehand, for the animals lost energy on the difficult road across deserts and mountain ranges. Potanin explained to him that the expedition should not follow an itinerary along straight line, but should centre round a permanent base, whence the researchers would go on radial routes and where they would bring the materials collected.

In the journal of his first expedition of 1877 Berezovsky made a nominal list of all the participants – a total of 33[2]. The journal also contains descriptions of the birds encountered by the expedition (their names are given in Latin), a list of the mammals seen and a glossary of animals and plants in the "common Tatar language"[3]. This information proved to be very useful in communicating with the local people. The journal contains a map of the localities where the materials were collected.[4] M.M. Berezovsky combined his expedition duties with research work: his journal includes a minor investigation paper of the age of a horse and a very skilful drawing of a horse head.[5] He constantly collected birds, insects and plants. G.N. Potanin specifically asked M.M. Berezovsky to trace the presence in the localities studied of the animals and plants described by N.M. Przhevalsky.

During the preparation for the expedition to Sichuan, Berezovsky studied the materials collected by his predecessors. He also took interest in the collections of St. Petersburg Botanic Gardens and in 1891 he compiled a *Catalogue of Plants in the Botanic Gardens* with appropriate comments. The manuscript is kept in the AO IOM RAS in the E.V. Bretschneider fund.

In one of his letters G.N. Potanin tells M.M. Berezovsky how difficult it was to bring his collections to St. Petersburg: five boxes with birds collected by Berezovsky several times dropped into water and broke, so the prepared bird carcasses had to be dried and aired. Nevertheless, the freight reached St. Petersburg, and in 1893 Berezovsky handed over to the RAS Zoological Museum a thoroughly described collection of rare species of animals and birds collected in Sichuan and in the outlying areas of Eastern Tibet during the expedition of 1892–93 (a total of 4,000 exhibits).[6]

---

2 Там же. Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 1. Л. 55.
3 Там же. Л. 16—38.
4 Там же. Л. 75.
5 Там же. Л. 39—44.
6 Потанин Г.Н. Очерк путешествия в Сы-Чуань и на восточные окраины Тибета в 1892—1893 гг. СПб., 1899. С. 175.

2 *Ibid.* Fond 59. Inv. 1, unit 1, f. 55.
3 *Ibid.*, ff. 16–38.
4 *Ibid.*, ff. 75.
5 *Ibid.*, ff. 39–44.
6 Potanin, G.N. *Essay on the Journey to Sichuan and the Western Outlying Parts of Tibet in 1892–1893*, SPb., 1899, p. 175.

В период подготовки к очередной экспедиции в письмах из Сибири и Пекина Г.Н. Потанин давал М.М. Березовскому указания приобретать для экспедиции различные приборы. Так, в одном из писем содержится просьба купить хорошую фотокамеру и взять у опытных фотографов уроки, как снимать с ее помощью портреты и ландшафты (фотографические портреты предполагалось дарить местным чиновникам и представителям буддийского духовенства). Из писем же ясно, что Потанин и Березовский подготовили атлас по географии Западной Монголии.

В АВ ИВР РАН хранятся четырнадцать путевых дневников экспедиций, в которых принимал участие Березовский в 1877—1908 гг. Много записей было сделано во время экспедиции в Ганьсу в 1884—1886 гг. Сообщение об этой экспедиции Потанин опубликовал в XXIII томе «Известий Русского Географического общества» и в виде отдельной брошюры[7]. В рукописном фонде ИВР РАН сохранились два паспорта за 1886 г., выданных Березовскому китайскими властями на право путешествовать по Сининскому округу и Ганьсу. После отъезда Потанина в Петербург Березовский остался еще на один год для обследования южной части провинции Ганьсу. Паспорта одновременно являлись и охранными грамотами с указаниями местной китайской администрации охранять экспедицию и не чинить ей препятствий. Перевод этих паспортов с китайского на русский язык, выполненный профессором Е.И. Кычановым, и фотографии самих паспортов приведены в приложении к статье. В Архиве востоковедов хранится записная книжка за 1885 г., в которой М.М. Березовский привел подробное описание птиц, обитавших в Ганьсу. Кроме того, сохранились его рукописные заметки «О путешествии по провинциям Сычуань и Ганьсу» (14 л.) и «О возможности поездки в Восточный Туркестан».

В АВ ИВР РАН имеется также ряд автографов М.М. Березовского: например, маленькая заметка «О путешествии в Тибет», статьи «О некоторых вопросах археографической съемки применительно к условиям Китайского Туркестана», «Материалы о фауне Китая» и «Материалы о флоре Китая»[8]. К сожалению, в АВ ИВР РАН хранится лишь часть материалов М.М. Березовского. Другая часть была передана в Музей антропологии и этнографии, а в 1934 г. — в Отдел Востока Государственного Эрмитажа. Некоторые материалы оказались среди бумаг С.Ф. Ольденбурга и поступили в Эрмитаж в 1941 г. Это были кальки, карты и планы путешествий М.М. Березовского по Тибету и Восточному Туркестану как печатные, так и рукописные, а также фотографии.

Preparing for the next expedition G.N. Potanin gave M.M. Berezovsky instructions in his letters from Siberia and Beijing regarding various instruments to be bought. Thus, one of the letters includes a request that Berezovsky should buy a good camera and take lessons from experienced photographers to learn how to photograph landscapes and people for portraits (photographic portraits were intended to be given as presents to local chiefs and Buddhist clergy). From his letters it follows also that Potanin and Berezovsky prepared an atlas on the geography of Western Mongolia.

The AO IOM RAS keeps fourteen travel journals of the expeditions in which Berezovsky took part in 1877–1908. A large number of entries were made during the expedition to Gansu in 1884–86. Potanin published an article about that expedition in volume 23 of the *Proceedings of the Russian Geographic Society* and as a separate booklet.[7] The manuscript fund of the IOM RAS possesses two original passports – issued to Berezovsky by Chinese officials in 1886 for travels in Xinying and Gansu. After Potanin's departure for St. Petersburg, Berezovsky stayed on there for another year to explore the southern part of Gansu Province. The passports served also as safe-conduct passes with instructions to the local authorities to guard the expedition and place no obstacles in its path. The photographs of the passports and their translations from the Chinese into Russian made by Professor E.I. Kychanov are given as the appendices to this article. The Archives of Orientalists keeps M.M. Berezovsky's notebook for 1885, in which the traveller made a detailed description of birds of the Gansu habitat. Besides, his handwritten notes *Travelling in the Provinces of Sichuan and Gansu* (14 f.) and *On the Possibility of a Journey to Eastern Turkestan* also survive.

The AO IOM RAS has also a number of autographs of M.M. Berezovsky, for example, his short article *On a Journey to Tibet* and the full-size articles *On some Issues of Archaeographic Surveying in the Conditions of Chinese Turkestan*, *Materials on the Fauna of China* and *Materials on the Flora of China*.[8] Unfortunately, only a part of M.M. Berezovsky's materials are kept in the AO IOM RAS. The other part was handed over to the Museum of Anthropology and Ethnography and in 1934 went to the Oriental Department of the Hermitage Museum. Some materials had strayed into S.F. Oldenburg's papers and entered the Hermitage Museum in 1941 – tracing-paper copies, maps and plans of M.M. Berezovsky's travels about Tibet and Eastern Turkestan, both printed and handwritten ones, as well as some photographs.

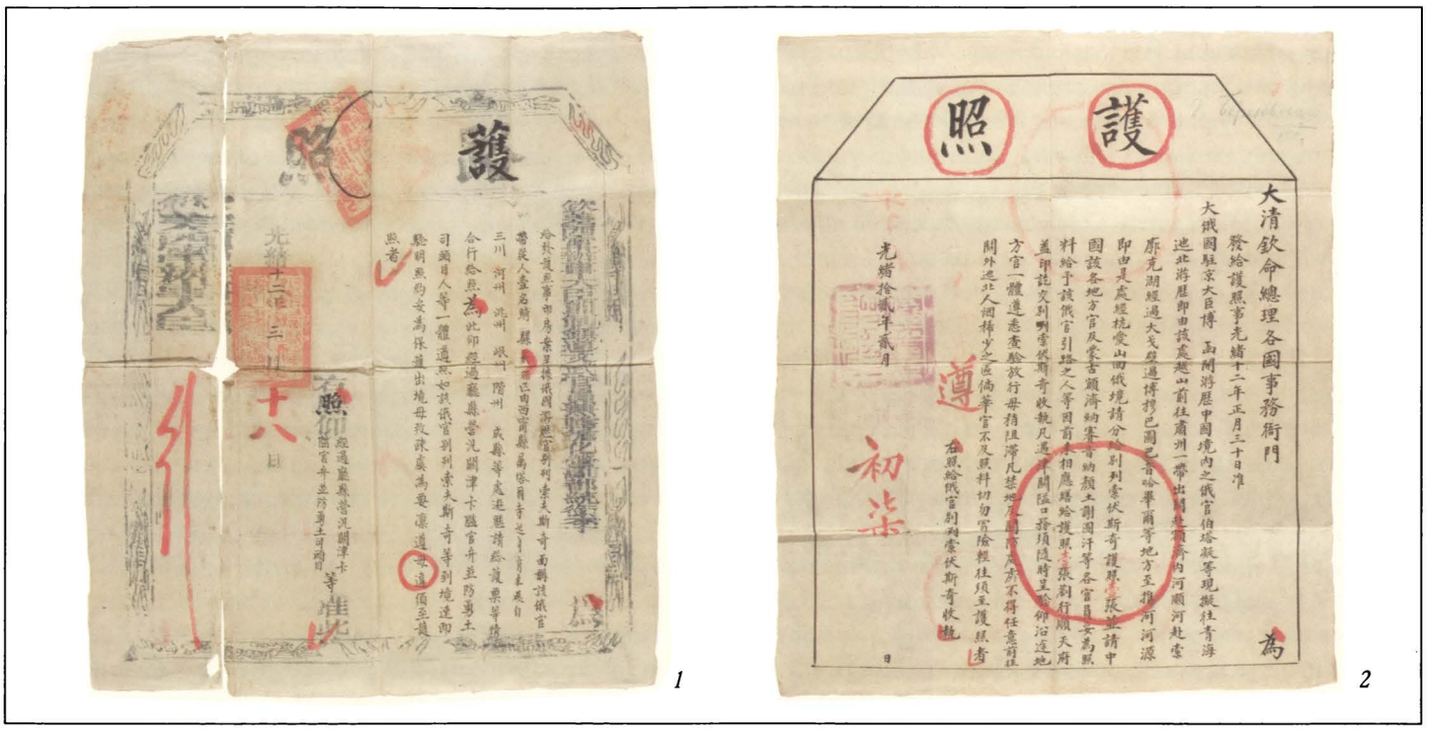
---

7 Потанин Г.Н. Предварительный отчет об экспедиции в Ганьсу Г.Н. Потанина. СПб., 1887.

8 АВ ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 17 (6 л.); 27 (19 л.); 33 (90 л.); 34 (10 л).

7 Potanin, G.N. *Preliminary Report on G.N. Potanin's Expedition to Gansu*. SPb., 1887

8 AO IOM RAS. Fond 59. Inv. 1, units 17 (6 f.), 27 (19 f.), 33 (90 f.), 34 (10 f.).



1

2

ПАСПОРТ (*Рис. 1*)

Великой Цин Высочайшим указом ведающий делами всех государств ямынь

Исполнено.

Осуществляющий выдачу паспортов в двенадцатый год правления Гуан-сюй в первый месяц 13-ый день (4 апреля 1886 г.) решил:

Великого Российского Государства находящийся в Пекине великий сановник в важном письме сообщает о пересечении китайской границы в пределы Китая русским чиновником Потаниным и другими. Сейчас они направляются к озеру Цинхай и, двигаясь на север из этого места, намереваются перевалить через горы и идти в район города Сучжоу и выйти к озеру Сококэ, пересечь великую Гоби, перейти Бомубатубаиньхабир и другие территории и исследовать истоки реки. Оттуда, пройдя через Канайшань, вернуться к русской границе.

Просят дать Березовскому паспорт, один лист. При этом просят, чтобы местные чиновники должным образом заботились о них, давали бы вышеуказанным русским чиновникам проводников.

В соответствии с вышеизложенным следует выписать и выдать паспорт, один лист, и согласно предписанию, Архивному ведомству Тяньфу скрепить его печатью и связаться с Березовским, чтобы он получил удостоверение.

Встречая заставы и важные проходы, [Березовскому] следует своевременно представлять паспорт для проверки и всю дорогу, в соответствии с указаниями местных чиновников, постоянно справляться и помнить о маршруте, не останавливаться в запрещенных местах и оборонительных пунктах. На местах не следует по своему усмотрению двигаться вперед за заставы и обходить редко населенные северными людьми районы.

Если китайские чиновники не проявят заботу, ни в коем случае не пренебрегать опасностью и, следуя осторожно, необходимо добраться до того, кто имеет паспорт.

С почтением.

Согласно сего выдано русскому чиновнику Березовскому, который получил документ.

Гуан-сюй, 12 год, 2-й месяц (мая 1886 г.)

PASSPORT (*Ill. 1*)

Yamen running the affairs of all states by the august decree of the great Qing

Order carried out.

On the 13th day of the 1st month of the twelfth year of Guang-xu rule (4 April 1886) the passport-issuing officer decided as follows:

A Beijing-based great dignitary of the Great Russian State informs us that Russian official Potanin and others crossed the border and entered the territory of China. Now they are heading for Lake Qinghai and intend, moving north from there, to cross the mountains and go towards the city of Suzhou and reach Lake Sokoke, cross the great Gobi, pass Bomubatubainhabir and other territories and explore the sources of the river. From there, after passing Kanaishan, they intend to return to the Russian border.

They request that Berezovsky be issued passport, one sheet. They also request that the local officials take appropriate care of them and provide the above Russian officials with guides.

In view of the above, a passport should be made out and issued, one sheet, and according to the ordinance, the Archive Authority should affix a seal to it and contact Berezovsky in order that he may receive the certificate.

Encountering checkpoints and important passes, Berezovsky should duly produce the passport for checks and constantly make inquiries and remember the itinerary, never stopping in restricted areas and at defence points. He should not move beyond the posts and should detour areas sparsely populated by northern people.

If any Chinese officials fail to render assistance, (Berezovsky) should cautiously, without ignoring danger, get in touch with somebody who holds a passport.

Respectfully yours.

In accordance with this, the needful was issued to the Russian official Berezovsky, who received the document.

Guan-Siui, 12th year, 2nd month (May 1886)

ОХРАННАЯ ГРАМОТА (ПАСПОРТ) (*Рис. 2*)

Выдан паспорт, заверенный печатью. Канцелярия основывалась на личном заявлении российского путешественника Березовского. Вышеназванный российский чиновник и сопровождающее его [одно] лицо, верховая лошадь и мул [2 головы] из монастыря Тарсы, относящегося к уезду Синьин, [направились] в путешествие через Саньчуань, Хэчжоу, Таочжоу, Миньчжоу, Цзечжоу, уезд Чэнсянь и другие места. Просил дать ему охранную грамоту. Сочувствуя путешествующему, дали охранную грамоту [помета сделана]. Это гарантирует, что когда он будет проезжать через уезд Тинсянь, Инцзигуань, Люйбяньцзянь, чиновники и местные управители-*тусы* единодушно станут уважать охранную грамоту.

Если вышеназванный русский чиновник Березовский достигнет границы, немедленно проверить паспорт и надлежащим образом обеспечить охрану, выезд за границу, не допускать упущений, с трепетом повиноваться, не допускать нарушений [Березовским], о чем и следует сообщить владельцу паспорта.

Паспорт на проезд через уезд Тинсянь, Иньцзигуань, Люйбяньцзянь и территории, надзираемые *тусы*.

Разрешить это. Гуан-сюй, 12-й год, 3-ий месяц, 18 день (25 марта 1886 г.).

SAFE-CONDUCT PASS (PASSPORT) (*Ill. 2*)

Seal-bearing passport issued. The office acted on Russian traveller Berezovsky's own application.

The aforementioned Russian official and the person accompanying him (one), a riding horse and a mule (two heads) from Tarsi monastery belonging to Xinying district are travelling to Sanchuan, Hezhou, Taozhou, Minzhou, Jiezhou, Chengxian district and other places. He requested that we give him a safe-conduct pass. Sympathizing with the traveller, we issued a safe conduct (marked). This guarantees that when he travels through Tingxian district, Yingjiguan and Lübianjian, officials and *tusi* administrators will respect the pass.

If the aforementioned Russian official Berezovsky reaches the border, those concerned should check his passport and provide appropriate guards, allow his departure abroad, commit no omissions, obey him with trepidation, not let him (Berezovsky) any violations, informing the bearer of the passport accordingly.

Passport is valid for passage through Tingxian district, Yingjiguan, and Lübianjian territories overseen by *tusi*.

The above permitted. Guang-xu, 12th year, 3rd month, 18th day (25 March 1886).

В 1905 г. РКСА отправил в Кучу с целью проведения археологической разведки небольшую экспедицию под руководством М.М. Березовского. В состав экспедиции вошел его родственник — художник и архитектор Николай Матвеевич Березовский. Экспедиция Березовского по времени совпала с французской экспедицией П. Пеллио, которая работала в Восточном Туркестане в 1906—1908 гг.

В окрестностях Кучи экспедиция М.М. Березовского начала работу в сентябре 1906 г. Как пишет в своем отчете П. Пеллио, он сразу же получил письмо от русского археолога М.М. Березовского, из которого заключил, что его работы в Куче продлятся в течение всей зимы[9]. Березовский посетил раскопки Пеллио в 1907 г., когда тот уже уехал. По всей вероятности, они так и не встретились. Однако М.М. Березовский подробно описал впечатления от работы французской экспедиции в письме С.Ф. Ольденбургу[10]. П. Пеллио вел раскопки в Дульдур-акур, в Субаши, в Кызыл-Карга, в Кызыле, в Кумтуре. Все, что было найдено, он отправил в Музей Гиме (Париж). Опубликованы эти материалы были значительно позже, в 1987 г. Среди них есть фотографии тохарских надписей на дереве (50 небольших, часто поврежденных кусочков дерева), точно такие же есть в коллекциях М.М. Березовского и Н.Ф. Петровского в рукописном собрании ИВР РАН. Деревянные таблички, найденные Пеллио, были определены как «караванные пропуска». Коллекция деревянных табличек, хранившаяся в

In 1905 the Russian Committee for Middle and East Asia Exploration (RCMA) sent a small expedition to Kucha headed by M.M. Berezovsky to carry out archaeological surveying. A relative of the traveller was included in the team — the artist and architect Nikolai Matveyevich Berezovsky. Berezovsky's expedition coincided in time with that of the French scholar Paul Pelliot, who worked in Eastern Turkestan in 1906–08.

M.M. Berezovsky's team began working in the vicinity of Kucha in September 1906. As P. Pelliot writes in his report, he immediately received a letter from Russian archaeologist M.M. Berezovsky, from which he concluded that his work in Kucha would continue throughout that winter.[9] Berezovsky visited Pelliot's excavation site in 1907, when the French scholar had already left. Nevertheless, M.M. Berezovsky described in detail his impressions of the French expedition's work in a letter to S.F. Oldenburg.[10] P. Pelliot conducted excavations in Dolgur-akur, Subashi, Kizil-Karga, Kizil and Kumtura. He sent all the finds to the Guimet Museum (Paris). His materials were published much later, in 1987. They include photographs of Tocharian inscriptions on wood (50 small pieces of wood, many of them damaged). Identical monuments are present in the collections of M.M. Berezovsky and N.F. Petrovsky in the manuscript collection of the IOM RAS. The wooden plates found by P. Pelliot were identified as 'caravan passes'. The collection of the wooden plates kept in the Hermitage by S.F. Oldenburg's assistant A.S. Strelkov, after the latter's arrest in 1937, came to

---

9 Huashan H., Gaulier S., Maillard M., Pinault G. Sites divers de la region de Koutcha // Epigraphie Koutchéenne. Paris, 1987, p. 1.

10 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2, ед. хр. 725. Л. 1.

9 Huashan H., Gaulier S., Maillard M., Pinault G. "Sites divers de la region de Koutcha". *Epigraphie Koutchéenne*. Paris, 1987, p. 1.

10 PBA RAS. Fond 208. Inv. 2, unit 725, f. 1.

Эрмитаже у помощника С.Ф. Ольденбурга А.С. Стрелкова, после ареста последнего в 1937 г. пополнила собрание ИВР РАН. В коллекции оказались документы на дереве, по форме и письму аналогичные собранным П. Пеллио. Поскольку точно не известно, откуда они происходят, возможно, среди них есть документы, доставленные экспедицией М.М. Березовского.

П. Пеллио обнаружил большое количество граффити в гротах и на стенах разрушенных храмов. В Кызыле, в гроте, названном «Красный купол» (грот 66/67), П. Пеллио нашел санскритские рукописи, в которых упоминались шесть имен правителей Кучи[11]. Ж.-Ж. Пино датировал годы их царствований на основе тохарских рукописей, в которых встречаются те же имена, периодом 624—646 гг.[12]; датировкой находок занималась также Э. Вальдшмидт. Все сходятся на том, что обнаруженные рукописи и граффити относятся к VII в. Таким образом, у нас есть все основания датировать находки М.М. Березовского — часть рукописей, живопись, ткани, дерево, надписи на штукатурке, обнаруженные в тех же местах Кучи, — VII в. В письме к С.Ф. Ольденбургу М.М. Березовский рассказывает, что он посетил те же развалины, в которых П. Пеллио обнаружил рукописи. Это городище Китай-Базар, остатки небольшого глинобитного сооружения, которое сам Пеллио назвал «Дом рукописей». В местности Баш-Кетчиг П. Пеллио обнаружил большое здание с медеплавильными печами. Об этой находке М.М. Березовский также упоминает в письме С.Ф. Ольденбургу.

Главной целью М.М. Березовского было составление точной карты достаточно большого масштаба, на которую он наносил название древних городищ и буддийских памятников. В дневниках за 1907—1908 гг. он указал, что в общей сложности им обнаружены остатки двадцати древних памятников, среди которых были храмы и жилые постройки. Архитектурные детали с фрагментами росписей лежали на земле. Некоторые увез П. Пеллио, и они хранятся в Музее Гиме. Березовские собрали фрагменты росписей и сделали их акварельные зарисовки. Один альбом хранится в АВ ИРВ РАН[13] и два — в Государственном Эрмитаже.

Альбом, хранящийся в Архиве востоковедов, назван М.М. Березовским «Кучар. 1906 год». Каждый рисунок имеет указание места находки; например, рисунок части свода, орнамент потолка, орнамент над входом, часть настенного рисунка. В альбоме двадцать четыре листа. Пер-

[11] Рукописи были дешифрованы Людерсом. См: Luders H. Weiterebeiträge zu Geschichte und Geographie von Ostturkistan // Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil. Hist. Klasse. Berlin, 1930. S. 22–23.

[12] Pinault G.-J. Une lettre de monastére du fonds Pelliot Koutchéen de Revue de la Bibliothèque Nationale. Vol. 2, 1984, pp. 21–30.

[13] АВ ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 23.

the IOM. It proved to contain documents on wood, which in form and writing were similar to those collected by P. Pelliot. As it is not known exactly where they come from, it can be assumed that some of them may be from the documents brought by M.M. Berezovsky's expedition.

P. Pelliot found a large number of graffiti in the grottoes and on the walls of the ruined temples. In Kizil, in the grotto he called 'the red cupola' (grotto 66/67), P. Pelliot found some Sanskrit manuscripts mentioning six names of Kucha's rulers.[11] G.-J. Pinault dated their reigns to 624–646 on the basis of the Tocharian manuscripts where the same names were found[12]. E. Waldschmidt also addressed the issue of the dates. All scholars agree that the manuscripts and graffiti found by Pelliot date from the 7th century. Therefore, we have good reasons to date to the 7th century M.M. Berezovsky's finds, including manuscripts, paintings, fabrics, wood and inscriptions on plaster from the same locations in Kucha. In his letter to S.F. Oldenburg M.M. Berezovsky writes that he visited the very ruins where P. Pelliot found the manuscripts. It is the Kitai-Bazar site, the remains of a pisé structure which Pelliot called 'The House of Manuscripts'. In Bash-Ketchig he discovered a large structure with copper-smelting furnaces. M.M. Berezovsky also mentions this find in a letter to S.F. Oldenburg.

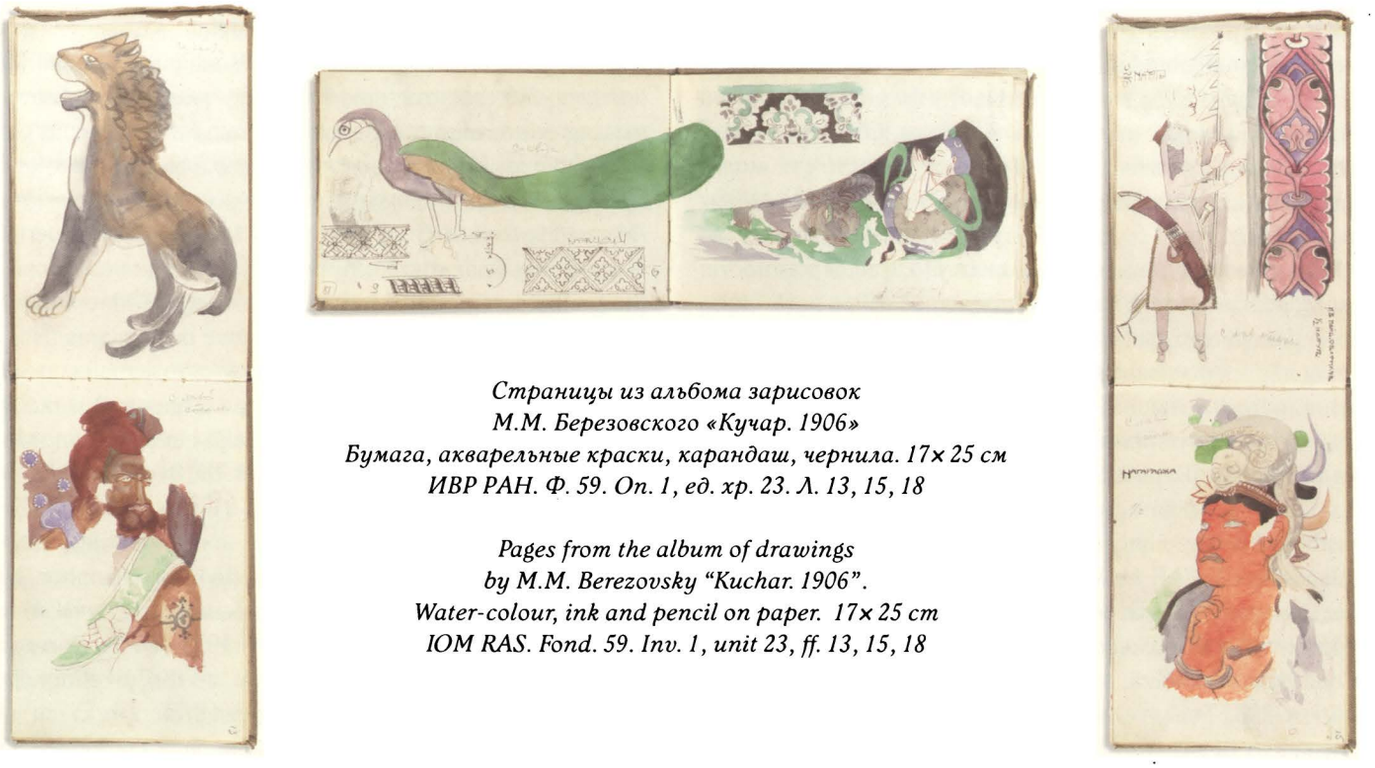
M.M. Berezovsky's main objective was to prepare an accurate map of sufficiently large scale, on which he wrote the names of the sites of ancient settlements and Buddhist monuments. In his journals for 1907–08 he mentions that in all he found the remains of twenty ancient monuments, including temples and dwellings. Architectural fragments with remaining murals were found lying about on the ground. Some of them had been taken away by Pelliot and they now reside in the Guimet Museum in Paris. The Berezovskys collected some fragments of the murals and made watercolour drawings of them. One of the albums is kept in the AO IOM RAS[13] and two are in the Hermitage Museum.

The album kept in the Archives of Orientalists was called by M.M. Berezovsky *Kuchar. 1906*. Each drawing bears the inscription indicating the original location of the object, for example, 'part of a ceiling vault', 'ornamental design of a ceiling', 'over-door ornamental design' or 'part of a mural'. The album consists of 24 sheets. The first eight are occupied by sketches of painted decorations found in the ruins of the monastery in Tadjit. M.M. Berezovsky was particularly interested in plant designs and pictures of animals. In Tadjit, however, he sketched

[11] The manuscripts were deciphered by Luders. See Luders, H. "Weiterebeiträge zu Geschichte und Geographie von Ostturkistan". *Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil. Hist. Klasse*. Berlin, 1930. S. 22–23.

[12] Pinault, G.-J. *Une lettre de monastére du fonds Pelliot Koutchéen de Revue de la Bibliothèque Nationale*. Vol. 2, 1984, pp. 21–30.

[13] AO IOM RAS. Fond 59. Inv. 1, unit 23.



Страницы из альбома зарисовок
М.М. Березовского «Кучар. 1906»
Бумага, акварельные краски, карандаш, чернила. 17×25 см
ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 23. Л. 13, 15, 18

Pages from the album of drawings
by M.M. Berezovsky "Kuchar. 1906".
Water-colour, ink and pencil on paper. 17×25 cm
IOM RAS. Fond. 59. Inv. 1, unit 23, ff. 13, 15, 18

вые восемь занимают зарисовки росписей, найденных в развалинах монастыря в Таджите. М.М. Березовского особенно занимали растительные орнаменты и изображения животных. Однако в Таджите им были сделаны зарисовки довольно любопытных портретов людей в овальных рамках (Л. 2). У левого — странный головной убор с двумя выступами-«рожками». Похожий головной убор венчает голову на портрете местного жителя (?), сделанном П. Пеллио в Кызыл-Карга[14]. Правый — без головного убора, у него большие, торчащие вверх уши и тюркские усы. На листе 4 изображен темнокожий человек в профиль в непонятном головном уборе и с ожерельем. Девять зарисовок относятся к развалинам храмового комплекса в Кумтуре. Здесь оказались, помимо орнаментов и животных, изображения *ракшаса*, *нагараджи*, воина, монаха. Особый интерес представляет зарисовка двуликого божества (Л. 16), напоминающего статуэтку Будды с двумя головами, найденную П.К. Козловым в Хара-Хото. Один рисунок вызывает недоумение: на нем изображена фигура странного человека большого роста. Он обнажен, сидит спиной к зрителям, обхватив руками колени, кожа его голубого цвета, голова наклонена вперед. Фигура напоминает титана. В комментарии к рисунку М.М. Березовский указал, что это фрагмент

quite curious portraits of people in oval frames (f. 2). The left one wears a strange headgear with two horn-like projections. A similar headgear is seen on the head of a local person (?) in the portrait drawn by Pelliot in Kizil-Karga.[14] The right one wears no headgear; he has long sticking-up ears and Turkic moustache. In *folium* 4 a dark-skinned man in a strange headgear wearing a necklace is shown in profile. Nine sketches pertain to the ruins of the temple complex in Kumtura. Here we unexpectedly find, as well as ornaments and animals, pictures of a *rākṣasa*, a *nagarāja*, a warrior and a monk. Especially interesting is the sketch of a two-faced deity (f. 16), which resembles the figure of a two-headed Buddha found by P.K. Kozlov in Khara-Khoto. One drawing is bewildering: it shows a strange figure of a tall naked man, his skin is light blue. He is seated, with his back turned to the viewer, embracing his knees, his head bent forward. The figure reminds one of a titan. Commenting on the picture M.M. Berezovsky describes it as a fragment of a painted ceiling decoration. Six drawings pertain to the Buddhist monument Minui-Krish, which Berezovsky did not describe in his journal. Nor is it found in Pelliot's notes. Judging by the sketches, it might have been a dwelling complex. The walls are decorated with representations of peacocks, monkeys, wild bores and a monkey riding an antelope.

[14] Huashan H., Gaulier S., Maillard M., Pinault G. *Op. cit.*, pl. 10.

[14] Huashan H., Gaulier S., Maillard M., Pinault G. *Op. cit.*, pl. 10.

живописи со свода. Шесть рисунков относятся к буддийскому памятнику Минуй-Криш. В своих дневниках Березовский этот памятник не описывает. Нет этого названия и в заметках П. Пеллио. Судя по зарисовкам, это мог быть жилой комплекс. На стенах нарисованы павлины, обезьяны, кабаны, обезьяна верхом на антилопе. На одной из стен — молящийся монах. Завершает альбом изображение Будды Шакьямуни.

Много ценных находок дал Кызыл. По всей вероятности, в одном из помещений находилась мастерская по изготовлению керамических фигур. Там были найдены алебастровые формы для изготовления отдельных деталей фигур и орнаментов и три больших формы для отливки человеческих голов. К постройке примыкали пещеры, о которых П. Пеллио пишет как о гротах. Очевидно, М.М. Березовский не снял копии граффити или не обнаружил их. В одном из помещений сохранились остатки зерна. Вероятно, это была кладовая.[15].

В Кумтуре М.М. Березовский видел пещерные храмы, в которых прежде находились деревянные и керамические статуи. На обломках дерева кое-где сохранились следы позолоты. В Таджите в небольшой глиняной постройке возле храма Березовский нашел обрывки шелка. Эти фрагменты хранятся в ИВР РАН (инв. № 1139, старый шифр SI B 21/5).

Работы экспедиции были закончены в декабре 1907 г. О ее результатах 9 (22) февраля 1908 г. на заседании РКСА доложил С.Ф. Ольденбург. М.М. Березовский сделал доклад о своей экспедиции на заседании Академии наук 6 (19) марта 1909 г.

Самой ценной находкой М.М. Березовского были фрагменты рукописей, которые в настоящее время хранятся в ИВР РАН. В дневниках М.М. Березовский перечислил названия мест, где он обнаружил рукописные фрагменты: Он-Баш-Минуй, Таджит-Минуй, Кызыл-Минуй, Кызыл-Карга[16]. Всего им было найдено 1876 фрагментов на санскрите, тохарском Б, уйгурском, китайском и хотанском диалекте сакского языка. М.М. Березовский очень тщательно сортировал рукописи по местам находок. Фрагменты, найденные в одном и том же месте, он помещал в отдельный конверт и надписывал его. По этим заметкам можно судить, что население в Куче было разноязыким. Большинство фрагментов — на тохарском языке Б. Хотя учеными установлено, что тохары заняли северные оазисы Восточного Туркестана — Турфан, Кучу, Карашар — во II—I тыс. до н.э., у них не было своей письменности, она была заимствована из Индии в I—II вв. н. э. По всей вероятности, первоначально тохары пользовались письмом *кхароштхи*, позднее у индийцев было заимствовано письмо *брахми*, которое было

A praying monk appears on one of the walls. The final page of the album carries an image of the Buddha.

Kizil yielded a large number of valuable finds. In all likelihood, one of the structures had once housed a workshop for making ceramic figures. Berezovsky found there remains of alabaster moulds for making details of figures and ornamental designs, as well as three large ones for casting human heads. Adjacent to the structure were caves, which P. Pelliot referred to as grottoes. Evidently, M.M. Berezovsky did not take copies of the graffiti or did not find them. In one of the rooms traces of grain were found, suggesting it had once been a larder.[15]

In Kumtura M.M. Berezovsky saw cave temples in which there had been wooden and ceramic statues and some fragments of wood had traces of gilt. In Tadjit he found some shreds of silk in a small pisé structure near the temple. Now these fragments are kept in the IOM RAS (inv. No 1139, old code SI B 21/5).

The expedition work was completed in December 1907. Its results were reported to the meeting of the RCMA by S.F. Oldenburg on 9 (22) February 1908. M.M. Berezovsky made a report about his expedition at the meeting of the Academy of Sciences on 6 (19) March 1909.

M.M. Berezovsky's most valuable find comprised fragments of manuscripts that are now kept in the IOM RAS. In his journals M.M. Berezovsky listed the names of the places where he found them: On-Bash-Minui, Tadjit-Minui, Kizil-Minui and Kizil-Karga.[16] In all, he found 1876 fragments in Sanskrit, Tocharian B, Uighur, Chinese and the Khotan dialect of the Saka language. M.M. Berezovsky thoroughly sorted out the manuscripts in accordance with the localities they were found in. He would put fragments found in the same place into an envelope and inscribe it accordingly. Judging by the inscriptions, the population of Kucha spoke different languages. The majority of the fragments are in Tocharian B. Although it has been established by researchers that the Tocharians occupied the northern oases of Eastern Turkestan – Turfan, Kucha and Karashar – in the 2nd to 1st millennium B.C., they had no writing of their own and borrowed it from India in the 1st to 2nd centuries A.D. Initially they might have used the Kharoṣṭhī script, later on (*ca* 5th century A.D.) borrowing from the Indians the Brāhmī system adapted to the Tocharian sounds by adding a few *akṣaras* and diacritical marks. The manuscripts found by M.M. Berezovsky represent a developed writing system and are therefore datable to the 7th century. Unfortunately, they are for the most part small fragments that provide no context. Only several of them were identified and published. The first fragment was published in 1910 by N.D. Mironov.

[15] АВ ИВР РАН. Ф. 59. Оп. 1, ед. хр. 21.
[16] *Там же*.

[15] AO IOM RAS. Fond 59. Inv. 1, unit 21.
[16] *Ibid.*

приспособлено к тохарской фонетике путем добавления нескольких *акшар* и диакритики. Это произошло около V в. н.э. Рукописи, найденные М.М. Березовским, обнаруживают развитый тип письма и, очевидно, должны датироваться VII в. К сожалению, в большинстве случаев это мелкие фрагменты, которые не дают контекста. Лишь несколько из них было отождествлено и опубликовано. Первый фрагмент в 1910 г. опубликовал Н.Д. Миронов. Это была санскритско-тохарская билингва: фрагмент «Дхармапады»[17]. Второй фрагмент в 1933 г. был опубликован Сильваном Леви. В его публикацию входил ряд фрагментов из других собраний, содержавших текст «Уданаварги» и комментариев на нее[18]. Наибольший интерес представляют восемь деловых документов, посвященных проблемам купли и продажи овец (инв. № 1869—1876). Четыре из них были опубликованы Ж.-Ж. Пино[19].

Санскритские рукописи, привезенные М.М. Березовским, в основном представляют собой отрывки сутр. Это рукописи типа *потхи*, написанные на бумаге. Но есть рукописи на пальмовом листе и на бересте. Некоторые из них датируются III—V вв. н. э. К таким рукописям относится один из самых интересных фрагментов № 1184 (старый шифр SI B 24/14). В нем упоминаются герои «Махабхараты» и их проступки. Вероятно, это не эпический текст, а буддийский. Фрагмент издан Э.Н. Тёмкиным[20].

Четыре фрагмента рукописи на бересте относятся к числу самых ранних санскритских рукописей в собрании ИВР РАН. В них содержится философский текст абхидармического содержания. Большая часть этой рукописи оказалась в Вене. Это знаменитая «рукопись Шпицера», в которой сохранился в письменности самый старый из известных нам философских текстов[21]. ИВР РАН предоставил Эли Франко для издания два фрагмента: № 1424 и 1425 (старые шифры SI B 31/1, 31/2).

В коллекции также оказались фрагменты «Пратимокша-сутры» Сарвастивадинов. Впервые на наличие в фонде этих фрагментов указал С.Ф. Ольденбург[22]. Они были опубликованы Н.Д. Мироновым[23]. Второй фрагмент был опубликован Сильваном Леви[24]. Его публикация включала ряд фрагментов из других собраний, содержащих текст «Уданаварги» и комментарии к нему[25]. Особый интерес представляют восемь деловых документов, касающихся покупки и продажи овец (инв. № 1869—1876). Четыре из них были опубликованы Ж.-Ж. Пино[26].

Санскритские рукописи, привезенные М.М. Березовским, в основном представляют собой отрывки сутр. Это рукописи типа *потхи*, написанные на бумаге. Но есть рукописи на пальмовом листе и на бересте. Некоторые из них датируются III—V вв. н. э. К таким рукописям относится один из самых интересных фрагментов № 1184 (старый шифр SI B 24/14). В нем упоминаются герои «Махабхараты» и их проступки. Вероятно, это не эпический текст, а буддийский. Фрагмент издан Э.Н. Тёмкиным[27].

Четыре фрагмента рукописи на бересте относятся к числу самых ранних санскритских рукописей в собрании ИВР РАН. В них содержится философский текст абхидармического содержания. Большая часть этой рукописи оказалась в Вене. Это знаменитая «рукопись Шпицера», в которой сохранился в письменности самый старый из известных нам философских текстов[28]. ИВР РАН предоставил Эли Франко для издания два фрагмента: № 1424 и 1425 (старые шифры SI B 31/1, 31/2).

В коллекции также оказались фрагменты «Пратимокша-сутры» Сарвастивадинов. Впервые на наличие в фонде этих фрагментов указал С.Ф. Ольденбург[29]. Они были опубликованы Г.М. Бонгард-Левиным и Е.М. Мелетинским[30].

It was a Sanskrit-Tocharian bilingual fragment of the *Dharmapada*.[17] The second fragment was published in 1933 by Sylvain Lévi. His publication included a number of fragments from other collections with the text of the *Udānavārga* and comments on it.[18] Of particular interest are eight business documents regarding the purchase and sale of sheep (Inv. Nos 1869–1876). Four of them were published by G.-J. Pinault.[19]

The manuscripts in Sanskrit brought by M.M. Berezovsky are mostly excerpts from *sutras*. They are manuscripts of the *poṭhī* type written on paper. But there are also manuscripts on palm leaves and birchbark. Some of them are datable to the 3rd to 5th centuries A.D. One of the most interesting fragments (Inv. No 1184, old code SI B 24/14) is of the latter type. It mentions some characters of the *Mahābhārata* and their failings. The text would seem to be Buddhist, rather than the epic. The fragment was published by E.N. Tyomkin.[20]

Berezovsky's four manuscripts on birchbark belong with the earliest Sanskrit manuscripts in the IOM RAS. They contain an early Abhidharmic text. The greater part of this manuscript found its way to Wien. It is the famous "Spitzer Manuscript", the extant record of the earliest known philosophical text.[21] The IOM RAS made available two fragments – Nos 1424 and 1425 (old codes SI B 31/1, 31/2) – to Eli Franko for his publication.

The collection happens to include as well some fragments of the Sarvāstivāda *Prātimokṣa-sūtra*. It was S.F. Oldenburg who was the first to point out the existence of these fragments in the fund.[22] They were published by G.M. Bongard-Levin and

---

17 Миронов Н.Д. Из рукописных материалов экспедиции М.М. Березовского в Кучу // Mélanges asiatiques tires du Bulletin de l'Academia Imperiale des sciences de St. Petersbourg. Vol. 14 (1909—1910). SPb., 1910, pp. 547—562.

18 Lévi S. Fragments de textes koutchéens: Udanavarga, Udanastotra, Udanalamkara et Karmavibhanga // Cahiers de la Société Asiatique. Ser. 1. No 2. Paris, 1933.

19 Pinault G.-J. Economic and Administrative Documents in Tocharian B from the Berezovsky and Petrovsky collections // Manuscripta Orientalia. Vol. 4. No. 4, December, 1998, pp. 3–20.

20 Тёмкин Э.Н. Неизвестные санскритские фрагменты из Центральной Азии // Петербургское востоковедение. Вып. 5. 1994. С. 415—448.

21 Franko E. The Spitzer Manuscript. The Oldest Philosophical Manuscript in Sanskrit. Vol. 1. Wein. 2004, pp. 331–336.

22 Ольденбург С.Ф. Индийское собрание // Азиатский музей Российской Академии наук. Краткая памятка. 1818—1918. Пг., 1920. С. 89.

17 Mironov, N.D. "From the Manuscript Materials of M.M. Berezovsky's Expedition to Kucha." *Mélanges asiatiques tires du Bulletin de l'Academia Imperiale des sciences de St. Petersbourg*. Vol. 14 (1909–1910). SPb., 1910, pp. 547–562.

18 Lévi, S. "Fragments de textes koutchéens: Udanavarga, Udanastotra, Udanalamkara et Karmavibhanga". *Cahiers de la Société Asiatique*. Ser. 1. No 2. Paris, 1933.

19 Pinault, G.-J. 'Economic and Administrative Documents in Tocharian B from the Berezovsky and Petrovsky collections'. *Manuscripta Orientalia*. Vol. 4. No. 4, December, 1998, pp. 3–20.

20 Tyomkin, E.N. "Unknown Sanskrit Fragments from Central Asia." *St. Petersburg Journal of Oriental Studies*. Issue 5 (1994), pp. 415–448.

21 Franko, E. *The Spitzer Manuscript. The Oldest Philosophical Manuscript in Sanskrit*. Vol. 1. Wien, 2004, pp. 331–336.

22 Oldenburg, S.F. "The Indian Collection". *Asiatic Museum of the Russian Academy of Sciences*. Commemorative booklet. 1818–1918. Petrograd, 1920, p. 89.

ваны Г.М. Бонгард-Левиным и М.И. Воробьевой-Десятовской[23]. Был отождествлен, но не опубликован фрагмент хинаянской версии «Махапаринирвана-сутры» (№ 1027, старый шифр SI B 16/1). Фрагмент необходим для восстановления полного текста сутры, который хранится в Берлинском собрании.

Тексты на уйгурском языке были написаны на оборотах китайских свитков. Большинство таких фрагментов имеет буддийское содержание. Они датируются V—VII вв. Среди них есть два фрагмента ксилографов (самый крупный из них — инв. № 1149, старый шифр SI B 23/5); их, очевидно, следует датировать IX—X вв. н.э. Среди китайских рукописей сохранился один хозяйственный документ. Почти все китайские рукописи написаны на бумаге центральноазиатского производства. От их датировки зависит и датировка уйгурских текстов, расположенных на обороте. На обороте одного из китайских фрагментов сохранился текст на тумшукском сакском языке (инв. № 954). Таких рукописей известно немного, в Германии и Италии создан специальный проект для их изучения. Два документа на хотаносакском (инв. № 955, 956) плохой сохранности, текст стерт, и, к сожалению, его не удается восстановить.

В архиве С.Ф. Ольденбурга хранится написанный им, но не опубликованный некролог М.М. Березовского[24]. Неутомимый труженик, Березовский почти всю свою жизнь провел в экспедициях. Коллекция тохарских рукописей ИВР РАН создана благодаря его трудам. Он преумножил также естественнонаучные коллекции санкт-петербургских музеев. Ученик Г.Н. Потанина, он шел по пути, проложенному первооткрывателями Н.М. Пржевальским и В.И. Роборовским, не забывая, что для изучения культурного наследия человечества важно все, в чем отразились его художественные, религиозные и идеологические помыслы.

M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya[23]. A fragment of the Hīnayāna version of the *Mahāparinirvāṇa-sūtra* (Inv. No 1027, old code SI B 16/1) was identified but not published. The fragment is essential for the reconstruction of the text of the sutra kept in the Berlin collection.

Texts in the Uighur language were written on the reverse sides of the Chinese scrolls. Most of such fragments are Buddhist in content. They are datable to the 5th to 7th century. There are two fragments of xylographs among them (the largest of them is Inv. No 1149, old code SI B 23/5) and they should evidently be dated to the 9th or 10th century A.D. Among the Chinese manuscripts one economic document survives. Nearly all the Chinese items were written on paper made in Central Asia. On their dating hinges the dating of the Uighur texts written on the reverse. On the back of one of the Chinese texts survives a text in the Tumxuk dialect of the Saka language (Inv. No 954). Few such manuscripts are known, and a special project for their study has been formed in Germany and Italy. There are two documents in the Khotan dialect of the Saka language (Inv. Nos 955, 956), but their state of preservation is poor, the texts are almost erased and attempts to restore them have been unsuccessful.

In the archive of S.F. Oldenburg, a draft of M.M. Berezovsky's obituary is kept – written by Oldenburg, but never published.[24] An indefatigable explorer, Berezovsky spent most of his life in expeditions. The collection of Tocharian manuscripts in the IOM of the RAS is a fruit of his labours. He also made notable contributions to natural science museums of St. Petersburg. A pupil of G.N. Potanin, he followed in the footsteps of the explorers N.M. Przhevalsky and V.I. Roborovsky, never forgetting that in the study of humanity's cultural heritage, everything that reflects its artistic, religious and ideological ideals is of paramount importance.

---

23 Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. М., 1990. С. 185—206.

24 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3, ед. хр. 280.

23 *Indian Written Monuments from Central Asia*. Issue 2. M., 1990, pp. 185–206.

24 PBA RAS. Fond 208. Inv. 3, unit 280.

Буддийские памятники из Хотана в собрании Государственного Эрмитажа

Ю.И. Елихина

В первых веках нашей эры мелкая буддийская гандхарская пластика получила широкое распространение на территории Восточного Туркестана и Средней Азии. Подтверждением этому служат находки различных археологических экспедиций и многочисленные научные публикации. Памятники гандхарской пластики, выполненные из камня и слоновой кости, находила в Хотане и экспедиция 1900—1901 гг. Аурела Стейна[1]. Одной из первых научных публикаций на эту тему была статья С.Ф. Ольденбурга[2] о гандхарских памятниках, найденных в Хотане. Большая часть памятников, описанных С.Ф. Ольденбургом, представлена на постоянной экспозиции. Примером подобной скульптуры и являются статуэтки из деревянного реликвария, относящегося к коллекции Н.Ф. Петровского. Хорошо известно, что Н.Ф. Петровский имел своих поставщиков среди местного населения и собирал только подъемный материал. Его коллекция состоит преимущественно из предметов, найденных на территории Хотанского оазиса. Коллекция была куплена Императорским Эрмитажем в 1897 г. В основном, в нее входили вещи небольшого размера. На реликварии, как и на всех памятниках из коллекции Петровского, имеется старый номер с шифром «П».

Географически Хотан располагался на южном ответвлении Шелкового пути. С первых веков н.э. Хотан становится одним из крупнейших центров буддизма, там строятся многочисленные монастыри, поэтому в Хотане, наряду с памятниками местных и привнесенных из других регионов культов, встречаются гандхарские буддийские памятники.

Пока условно будем называть реликварий «хотанским» по месту его наиболее вероятного нахождения. Он относится к предметам буддийского культа. Реликварий невелик по размеру, его высота 13 см, состоит он из двух половинок. Вырезан из палисандра[3] в форме бутона лотоса, который в буддизме символизирует святость и чистоту. В каждой из половинок вырезаны специальные углубления, в которых

1 Stein A. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 2, pl. 48.

2 Ольденбург С.Ф. и Е.Г. Гандарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа // Записки коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. 5. С. 145—186.

3 Анализ дерева реликвария (см. Приложение 1) выполнен кандидатом биологических наук М.И. Колосовой (Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа). Автор выражает ей свою искреннюю признательность.

Buddhist Monuments from Khotan in the Collection of the Hermitage

Yu.I. Elikhina

In the early centuries A.D., miniature Buddhist sculpture from Gandhara became wide spread on the territory of Eastern Turkestan and Middle Asia. This is supported by the finds of archaeological expeditions, as well as by numerous research publications. Samples of Gandharan miniature sculpture carved of stone and ivory were found in Khotan by the 1900—01expedition of Aurel Stein.[1] One of the first research publications on the subject was S.F. Oldenburg's article[2] dedicated to Gandharan art relics found in Khotan. The majority of works described by S.F. Oldenburg are displayed in the Hermitage permanent exhibition. The figurines placed in the interior of the wooden reliquary from N.F. Petrovsky's collection exemplify this type of sculpture. It is a well-known fact that N.F. Petrovsky had his own suppliers from among the local population and collected only portable materials. His collection consists predominantly of objects found on the territory of Khotan oasis. The collection was purchased by the Imperial Hermitage in 1897. It consists for the most part of small-size articles. The reliquary, like all works of art from the Petrovsky collection, bears the old inventory number and *P* mark.

Khotan was located on the southern branch of the Silk Road. In the early centuries A.D. it became one of the largest centres of Buddhism, where numerous monasteries were built; therefore, alongside with art relics of indigenous cults and those introduced from other regions, Gandharan Buddhist monuments also occur there.

We shall for the time being conventionally refer to the reliquary as a Khotan monument because of the place where it was most likely found. It is an object related to Buddhist cult, small in size, with a height of 13 cm, and consisting of two halves. It is carved of rosewood[3] in the form of a lotus bud (lotus is a Buddhist symbol of holiness and purity). In both halves of the reliquary, special cavities are carved, each to hold a miniature figurine of a Buddhist deity. The height of each figurine is 5.5 cm. The reliquary is fastened with a loop on the reverse side

1 Stein, A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907. Vol. 2, pl. 48.

2 Oldenburg, S.F. Oldenburg, E.G. "The Gandharan Sculptural Monuments from the Hermitage Collection." In *Collegiate Transactions of Orientalists*, L., 1930. Vol. 5, pp. 145—186.

3 Test of the reliquary wood (see Appendix 1) was performed by M.I. Kolosova, Ph. D. (Biology) from the Department of Expert Scientific and Technological Examination of the State Hermitage Museum. The writer greatly appreciates her contribution.

помещены два миниатюрных скульптурных изображения буддийских божеств. Высота каждой статуэтки 5,5 см. Реликварий скреплен петлей на оборотной части и закрывается на крючок на лицевой. По состоянию металла можно предположить, что крепежи изготовлены позже. В публикациях встречаются деревянные реликварии того времени, скрепленные следующим образом: в половинках проделывались отверстия и части соединялись между собой бечевкой[4].

Возвращаясь к материалу, из которого изготавливались гандхарские памятники, нужно отметить, что обычно они делались из сланца, реже из мыльного камня и слоновой кости. В данном случае статуэтки выполнены из нетрадиционного материала — сандарака (смолы можжевельника)[5].

В раннем буддизме среди памятников искусства Гандхары и в Восточном Туркестане (в частности, в Хотане) наиболее популярными изображениями были Будды и бодхисаттвы, так как в то время наиболее распространенной буддийской школой в Восточном Туркестане были сарвастивадины[6]. Они, по определению М.И. Воробьевой-Десятовской, были уже не хинаянистами, но еще не стали последователями махаяны. Поэтому изображения Будд и бодхисаттв являются самыми традиционными для начального периода распространения буддизма в Восточном Туркестане[7].

В одной части реликвария помещено изображение бодхисаттвы, восседающего на львином престоле. Его голову окружает нимб, на нем многочисленные украшения, правая рука обломана до локтя, левая лежит на колене в жесте медитации *дхьяна-мудра*. Из-за больших утрат невозможно определить, какой именно бодхисаттва представлен здесь. По форме украшений, позе и трактовке образа в целом его, без сомнения, можно отнести к памятникам гандхарской пластики III—IV вв.[8]

В другой части реликвария под тройной аркой помещен Майтрея. Он изображен как грядущий Будда, без украшений, на голове *ушниша* — один из признаков Будды. Он восседает в так называемой «европейской» позе: ноги, слегка обломанные, спущены на полукруглую лотосовую подставку в позе бхадрасана, типичной только для Майтреи.

and locked with a hook on the front. The condition of the metal suggests that the fastenings are of a later date. Relevant publications mention reliquaries of the same period that are fastened as follows: the halves are pierced and tied with the rope running through the openings.[4]

Returning to the material of which Gandharan sculptures were made, it should be noted that they were usually carved of slate, less commonly of agalmatolite and ivory. In this case the figurines were made of an untraditional material — sandarac (juniper resin).[5]

Among works of art of the early Buddhist period produced in Gandhara and Eastern Turkestan (and, particularly, in Khotan) representations of the Buddha and Bodhisattvas were especially common, as the most widespread Buddhist school in Eastern Turkestan was Sarvāstivāda.[6] Its followers, according to the definition of M.I Vorobyeva-Desyatovskaya, were no longer Hīnayānists, but had not yet become the followers of the Mahāyāna. For this reason, the images of the Buddha and Bodhisattvas were most traditional during the initial period of the dissemination of Buddhism in Eastern Turkestan.[7]

In one half of the reliquary a Bodhisattva is represented on a lion throne. He is decorated with various ornaments, his head surrounded by a halo; his right arm is broken up to the elbow and the left one rests on the knee in the gesture of meditation (*dhyānamudrā*). Considerable losses make it impossible to identify the Bodhisattva represented. At the same time, the shape of the ornaments, the posture and the overall treatment of the image unmistakably indicate that it is a Gandharan miniature of the 3rd to 4th centuries A.D.[8]

In the other half of the reliquary Maitreya is placed under a triple arch. He is shown as the future Buddha, without ornaments and with the *ushnisha* crowning his head — one of the characteristic marks of a Buddha. He is seated in the so-called 'European posture', with his slightly broken legs lowered onto a semi-circular lotus support in the *bhadrāsana* pose characteristic specifically of Maitreya. His right hand seems to be making the *abhayamudrā* gesture denoting attention, but it might as well be the *vitarkamudrā* gesture of instruction, for his iconographic canon admits of either. The left hand of the

---

4 Serinde, Terre de Bouddha. Dix siècles d'art sur la Route de la Soie, Paris, 1995, p. 396.

5 Анализ смолы (см. Приложение 2) выполнен А.А. Сушковым и К.Б. Калининой (Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа). Автор выражает им свою искреннюю признательность.

6 Воробьева-Десятовская М.И. О терминах «хинаяна» и «махаяна» в ранней буддийской литературе // Буддизм: история и культура. М., 1989. С. 74—83.

7 Williams J. The Iconography of Khotanese Painting. East and West, n. s. Vol. 23, Nos 1, 2, March—June, 1973, pp. 109—154.

8 Zwalf W. A Catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum, London, 1966. Vol. 2, pp. 37—55.

4 *Serinde, Terre de Bouddha. Dix siècles d'art sur la Route de la Soie*, Paris, 1995, p. 396.

5 Test of the resin (see Appendix 2) was performed by A.A. Sushkov and K.B. Kalinina from the Department of Expert Scientific and Technological Examination of the State Hermitage Museum. The author gratefully acknowledges their contribution.

6 Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I. "On the Terms 'Hīnayāna' and 'Mahāyāna' in Early Buddhist Literature." In *Buddhism: History and Culture*. M., 1989, pp. 74—83.

7 Williams, J. "The Iconography of Khotanese Painting." In *East and West*, n. s. Vol. 23, Nos 1, 2, March—June, 1973, pp. 109—154.

8 Zwalf, W. *A Catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum*, London, 1966. Vol. 2, pp. 37—55.

Реликварий. Хотан. III–VI вв.
Смола можжевельника, дерево, резьба. Высота 13 см
Государственный Эрмитаж, инв. № ГА-308

Reliquary. Khotan. 3th to 4th century.
Juniper resin, wood, carving. Height 13 cm
The State Hermitage Museum, inv. No ГА-308

Майтрея. Хотан. IX в.
Бронза, литье. Высота 9 см
Государственный Эрмитаж,
инв. № ГА-1031

Maitreya. Khotan. 9th century.
Cast bronze. Height 9 cm
The State Hermitage Museum,
inv. No ГА-1031

Авалокитешвара-Падмапани
Хотан. IX в.
Бронза, литье. Высота 8,8 см
Государственный Эрмитаж,
инв. № ГА-1552

Avalokiteśvara-Padmapāṇi.
Khotan. 9th century.
Cast bronze. Height 8.8 cm
The State Hermitage Museum,
inv. No ГА-1552

Авалокитешвара-Падмапани
Хотан. IX в.
Бронза, литье. Высота 7,3 см
Государственный Эрмитаж,
инв. № ГА-1080

Avalokiteśvara-Padmapāṇi.
Khotan. 9th century.
Cast bronze. Height 7.3 cm
The State Hermitage Museum,
inv. No ГА-1080

Авалокитешвара-Падмапани
Хотан. IX в.
Бронза, литье. Высота 7,5 см
Государственный Эрмитаж,
инв. № ГА-1073

Avalokiteśvara-Padmapāṇi.
Khotan. 9th century.
Cast bronze. Height 7.5 cm
The State Hermitage Museum,
inv. No ГА-1073

Правая рука расположена, скорее всего, в жесте внимания *абхая-мудра*, но может находиться и в жесте поучения *витарка-мудра*, т. к. для Майтреи по иконографическому канону характерны оба жеста. Левая рука божества оббита, возможно, в ней был атрибут Майтреи — сосуд *камандалу*. В памятниках гандхарского круга именно сосуд служит атрибутирующим признаком для Майтреи.

Иконография Майтреи в памятниках, найденных в Восточном Туркестане, бывает самой различной — он может изображаться и как Будда, и как бодхисаттва, стоящим или восседающим в разных позах: в *падмасане* и *бхадрасане* (как на дощечке из Кучи VI в., Национальная библиотека, Париж; на каменном китайском образке V в., Музей Гиме, Париж)[9]. Мудры также могут быть самыми разными. Подобные изображения Майтреи встречаются в Хотане. Он в виде бодхисаттвы представлен на деревянных дощечках из коллекций Британского музея и Музея Нью-Дели. Они опубликованы Дж. Вильямс[10]. С.Ф. Ольденбург опубликовал терракотовый образок Майтреи из Хотана[11], который, к сожалению, не сохранился. Для Майтреи на этих изображениях характерна определенная поза, когда ноги божества спущены с престола и перекрещены внизу.

А. Стейн издал фрагмент гандхарской статуэтки стоящего Будды Майтреи, сделанной из сланца. Эта статуэтка была найдена экспедицией Стейна в 1901 г. в Домоко[12].

Культ Майтреи был весьма популярен в Хотане, о чем свидетельствуют различные изображения и письменные памятники. В переводе Р.Е. Эммерика тибетского сочинения под названием «Пророчество о стране Ли» (*Li yul lung bstan pa*) отмечено, что Будда повелел восьми бодхисаттвам охранять территорию Хотана. Среди них упомянут и Майтрея[13]. Один из хотанских царей по имени Виджая Самбхава считался земным воплощением Майтреи. Он правил в течение пяти лет спустя сто шестьдесят пять лет после образования хотанского государства, и во времена его правления были возведены буддийские монастыри и ступы[14]. Кроме этого правителя называют также и второе воплощение Майтреи — Виджая Вирья, тоже прославившегося строительством буддийских сооружений[15]. С именем бодхисаттвы Майтреи связана следующая легенда. Когда-то во времена Будды Кашьяпы на территории Хотана была построена ступа. Позднее на месте Хотана образовалось озеро, а ступа была скрыта горами. Затем появился Будда Майтрея, и озеро пересохло, горы рухнули, а ступа была освобождена[16].

deity is covered with a plate, under which there might have been the *kamandalu* vessel — the main attribute of Maitreya in Gandharan monuments.

In the monuments found in Eastern Turkestan, the iconography of Maitreya varies a great deal: he may be represented either as the future Buddha or as a Bodhisattva, standing or seated in different postures — in *padmāsana* and *bhadrāsana* (as in a small 6th-century wooden panel from Kucha, in the National Library, Paris, or a small 5th-century Chinese stone icon in the Guimet Museum, Paris).[9] His *mudras* may vary greatly too. Similar representations of Maitreya were also found in Khotan. He appears as a Bodhisattva on the small wooden panels in the British Museum and in the Museum of New Delhi. They were published by J. Williams.[10] S.F. Oldenburg duly published a miniature terracotta icon of Maitreya from Khotan,[11] which, regretfully, does not survive.

In those images Maitreya is represented in a characteristic pose, with his legs lowered and crossed beneath.

A. Stein published a fragment of a slate standing figurine of the future Buddha Maitreya from Gandhara. It had been found by Stein's expedition in Domoco in 1901.[12]

The worship of Maitreya was wide spread in Khotan which is attested by his numerous representations as well as by written monuments. The Tibetan work entitled *The Prophecy about the Country of Li* (*Li yul lung bstan pa*), translated by R.E. Emmerick, says that the Buddha ordered the eight Bodhisattvas to guard the land of Khotan. Maitreya is mentioned among them.[13] One of the Khotanese kings by the name of Vijaya Saṁbhava was regarded as the earthly incarnation of Maiteya. He ruled for five years, 165 years after the formation of the Khotan State, and in his reign Buddhist monasteries and stupas were erected.[14] Besides him, another incarnation of Maiteya is known: Vijaya Vīrya, who also was famous for constructing Buddhist temples.[15] The following legend is linked with the name of Bodhisattva Maitreya. In the times of Kāśyapa Buddha, a *stupa* was built on the territory of Khotan. Later a lake was formed where Khotan had stood and the *stupa* was hidden by mountains. Then Buddha Maitreya appeared, and the lake dried up, the mountains collapsed and the *stupa* was recovered.[16] King Vijaya Siṁha built a special monastery dedicated to Maitreya and had his statue erected there. He revered

---

9 Serinde, Terre de Bouddha... *Op. cit.*, pp. 263, 265.

10 Williams J. *Op. cit.*, pp. 129–130.

11 Ольденбург С.Ф. Сборник изображений 300 бурханов (по альбому Азиатского музея) // Bibliotheca Buddhica. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1903.

12 Stein A. Ancient Khotan, Oxford, 1907, vol. 2, pl 132.

13 Emmerick R.E. Tibetan Texts Concerning Khotan. London, 1967, p. 13.

14 *Ibid.*, p. 25.

15 *Ibid.*, p. 29.

16 *Ibid.*, p. 31.

9 *Serinde, Terre de Bouddha...*, pp. 263, 265.

10 Williams, J. *Op. cit.*, pp. 129–130.

11 Oldenburg, S.F. "Collection of Representations of 300 Burkhans (according to the Album from the Asiatic Museum)." In *Bibliotheca Buddhica*. Vol. 5. Part 1. SPb., 1903.

12 Stein A. Ancient Khotan, Oxford, 1907, vol. 2, pl 132.

13 Emmerick, R.E. *Tibetan Texts Concerning Khotan*. London, 1967, p. 13.

14 *Ibid.*, p. 25.

15 *Ibid.*, p. 29.

16 *Ibid.*, p. 31.

Царь Виджая Симха построил особый монастырь, посвященный Майтрее, и возвел там его статую. Он почитал Майтрею в качестве божества-хранителя[17]. В тибетском сочинении «Летописи религии страны Ли» (*Li yul chos kyi lo rgyus*), опубликованном Ф. Томасом, Майтрея перечислен среди бодхисаттв, пребывающих в Хотане. Интересны и формы арок, под которыми восседают божества. Аналогией тройной арки, под которой восседает Майтрея, служит штуковый рельеф с изображением сцены «Великого ухода Будды», происходящий из Гандхары и датируемый III—IV вв. Он хранится в музее г. Камакура, в Японии[18].

Лотосовые престолы характерны как для Гандхары, так и для Хадды. Форма арки, под которой помещен бодхисаттва, встречается среди гандхарских памятников, датируемых III в.[19] Львиные лотосовые престолы также появляются в гандхарском искусстве, типичен для Гандхары и ромбовидный узор престола. Однако именно в Куче были найдены многочисленные деревянные статуэтки и фрагменты деревянной резьбы, хранящиеся в Британском музее, Музее Гиме и в Государственном Эрмитаже. Они датируются VI в. Особенно интересен среди этих деревянных памятников образок Будды Шакьямуни, декорированный в верхней части таким же ромбовидным орнаментом, как и наш реликварий. Он происходит из Кучи и датируется VI в.[20]

На основании всего сказанного можно предположить, что статуэтки были изготовлены в Гандхаре в III—IV вв., тогда как реликварий был сделан специально для них позднее, в VI в. в Куче. Этот реликварий со статуэтками по сохранности и материалу является одним из уникальных памятников, происходящих из Восточного Туркестана и хранящихся в Эрмитаже.

Большой интерес представляет и группа бронзовых статуэток и рельефных накладок, происходящих из Хотана. К ней относится и бронзовая статуэтка Майтреи из коллекции Государственного Эрмитажа. Она представляет прямо стоящего бодхисаттву в позе *самапада*, тогда как более характерным для стоящего Майтреи является S-образный изгиб тела (*трибханга*). Высота статуэтки 9 см. Она также происходит из Хотана и датируется VI в. В правой руке, опущенной вниз вдоль тела, бодхисаттва держит сосуд, левая рука прижата к груди.

О распространении культа Авалокитешвары в Восточном Туркестане свидетельствуют археологические находки, фрески и сочинения.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся рельефные бронзовые накладки с изображением Авалокитешвары-Падмапани, они происходят из Хотана и датируют-

Maitreya as a tutelary deity.[17] The Tibetan work entitled *The Religious Annals of the Country of Li* (*Li yul chos kyi lo rgyus*), published by F. Thomas, lists Maitreya among the Bodhisattvas residing in Khotan.

The shapes of the arches under which the deities are seated are also noteworthy. Very similar to the triple arch under which Maitreya is seated is the moulding in relief with the scene of 'The Buddha Attaining Parinirvāṇa' from Gandhara dated to the 3rd to 4th centuries kept in the Museum of Kamakura City in Japan.[18]

Lotus-shaped thrones are typical both of Gandhara and Hadda. The form of the arch under which the Bodhisattva is seated is also seen in Gandharan monuments dated to the 3rd century.[19] Lion lotus thrones also occur in Gandharan art, and the diamond-shaped decorations of the throne are equally characteristic. But it was in Kucha that numerous wooden statuettes and fragments of wood carvings were found that are now kept in the British Museum, Guimet Museum and the State Hermitage Museum. They are dated to the 6th century. Especially notable among them is a miniature wooden image of Buddha Shakyamuni, decorated in the upper part with the same diamond-shaped ornament as the Hermitage reliquary. It comes from Kucha and is assigned to the 6th century.[20]

On the grounds of the above, we can assume that the figurines were produced in Gandhara in the period from the 3rd to 4th century, whereas the reliquary was specially made for them later, in the 6th century, in Kucha. In terms of their condition and material, the reliquary with the figurines is one of the Hermitage's most unique monuments from Eastern Turkestan.

Of great interest is also the group of bronze statuettes and relief plaques from Khotan. The Hermitage figurine of Maitreya is one of them. It represents the Bodhisattva standing, in the *samapāda* posture, whereas the S-shaped curve of the body (*tribhanga*) is more characteristic of standing Maitreya. The height of the figurine is 9 cm. It also comes from Khotan and is assigned to the 6th century. The Bodhisattva holds a vessel in his right hand lowered along the body, his left hand is held close to his bosom.

As evidenced by archaeological finds, frescoes and written monuments, the cult of Avalokiteśvara was wide spread in Eastern Turkestan.

The collection of the State Hermitage Museum includes bronze plaques in relief from Khotan, of the 6th to 8th centuries, representing Avalokiteśvara-Padmapāṇi. Two types of them exist — with the Bodhisattva sitting or standing. The figurines of the seated Bodhisattva were cast in the same mould — there are seven of them in the Hermitage, measuring

[17] *Ibid.*, p. 55.
[18] Serinde, Terre de Bouddha... *Op. cit.*, p. 237.
[19] *Ibid.*, p. 108.
[20] *Ibid.*, p. 160.

[17] *Ibid.*, p. 55.
[18] *Serinde, Terre de Bouddha...*, p. 237.
[19] *Ibid.*, p. 108.
[20] *Ibid.*, p. 160.

ся VI—VIII вв. Такие накладки бывают двух типов: сидящий бодхисаттва и стоящий. Изображения сидящего бодхисаттвы отлиты в одной форме, их в коллекции Государственного Эрмитажа насчитывается семь штук. Размер такого изображения 8,8 × 6 см. Бодхисаттва восседает на лотосовом престоле в позе *лалитасана*: правая нога спущена с престола, а левая, согнутая в колене, лежит на престоле. Голова наклонена влево. В правой руке Падмапани держит стебель лотоса, на котором помещена миниатюрная фигурка Будды Амитабхи. Бодхисаттва является эманацией Будды Амитабхи, поэтому Амитабха обязательно присутствует на его изображениях. Левая рука ладонью вверх в жесте в*арада-мудра* (дающем благо) лежит на колене. На обороте сохранились следы крепления. Второй тип изображения представляет собой стоящего бодхисаттву. Его тело имеет S-образный изгиб (*трибханга*). В высокой прическе просматривается еще один нимб, характерный для иконографии Авалокитешвары, в такой нимб обычно помещается миниатюрный образок Будды Амитабхи. В данном случае он сбит. Правая его рука поднята к груди, в ней он держит стебель лотоса, в левой, опущенной вдоль тела, находится сосуд (*камандалу*). Размер этой бронзовой накладки 7,3 × 2,3 см. Еще в коллекции имеется маленькая статуэтка (размер 7,5 × 2,5 см) Авалокитешвары, тоже плохой сохранности. Ее иконография полностью аналогична второму типу. Такая иконография Авалокитешвары представлена на образке резного реликвария из Дуньхуана, хранящемся в Музее Гиме[21]. Подобные реликварии использовались в качестве украшений для буддийских храмов.

Кроме бронзовых накладок из коллекции Государственного Эрмитажа, среди всех памятников Хотана, хранящихся в разных музеях мира, известно всего семь изображений Авалокитешвары на фресках и деревянных дощечках. Он почитался как один из восьми бодхисаттв, пребывающих в Хотане. Авалокитешвара упомянут в списке восьми бодхисаттв в тибетском тексте «Пророчество о стране Ли (Хотане)»[22].

Храм Авалокитешвары находился на горе Гошринга, особо почитаемом месте Хотана. Имя бодхисаттвы присутствует в тибетских и сакских текстах, но особое распространение получили *дхарани,* посвященные Авалокитешваре[23], к которому верующие обращаются за помощью. Текст *дхарани* написан на девятнадцати листах. В сакских текстах особо подчеркнута его связь со светом[24].

Таким образом, в коллекции Государственного Эрмитажа представлена группа буддийских бронзовых накладок и миниатюрных скульптур, не имеющих аналогов в мировых коллекциях.

8.8 × 6 cm. The Bodhisattva is seated on a lotus throne in the *lalitāsana* posture: his right leg is extended beyond the throne, whereas his left leg, bent in the knee, rests on it. His head is bent to the left. Padmapāṇi holds in his right hand a stem of lotus, on which a tiny figure of Buddha Amitābha is placed. The Bodhisattva is an emanation of Buddha Amitābha, therefore the latter's presence is mandatory in his representations. His left hand, its palm upwards, in the *varadamudrā* boon-granting gesture, rests on the knee. Traces of fastenings are visible on the reverse. The other type of representation is the Bodhisattva standing. His body is in the S-shape curve (*tribhanga*). In his high coiffure one more halo can be seen, being a characteristic attribute of Avalokiteśvara; a miniature icon of Buddha Amitābha was usually placed within it. In this particular case it has got broken off. His right hand is raised to the bosom, holding a lotus stem, while his left hand lowered along the body, holds the vessel *kamandalu*. This size of this bronze plaque is 7.3 × 2.3 cm. In addition, the collection includes a small statuette (7.5 × 2.5 cm) of Avalokiteśvara, as well in a bad condition. Its iconography is fully analogous to the second type. This iconographic type of Avalokiteśvara's is represented by the figurine of the carved reliquary from Dunhuang kept in the Guimet Museum.[21] Reliquaries of this type were used as decorations in Buddhist temples.

Besides the bronze plaques from the Hermitage collection, the museums of the world possess a total of seven representations of Avalokiteśvara from Khotan on frescoes or small wood panels. He was revered as one of the eight Bodhisattvas residing in Khotan. Avalokiteśvara is mentioned among the eight Bodhisattvas in the Tibetan text entitled *Prophesy about the country of Li* (*Khotan*).[22]

A temple of Avalokiteśvara's stood on Mount Goshringa, which was a place of particular reverence in Khotan. The Bodhisattva's name is present in Tibetan and Saka texts, but especially wide-spread were the *dhāraṇī* devoted to Avalokiteśvara,[23] in which the worshippers pray for Avalokiteśvara's help. The text of the *dhāraṇī* was written on nineteen sheets. The Saka texts especially emphasize Avalokiteśvara's connection with light.[24]

To sum up, the group of Buddhist bronze plaques and miniature sculptures kept in the State Hermitage Museum has no analogues in the world's collections.

---

[21] *Ibid.*, p. 276.
[22] Emmerick R.E. *Op. cit.*, p. 13.
[23] *Id.* A Guide to the literature of Khotan, Tokyo, 1979, p. 38.
[24] Williams J. *Op. cit.*, pp. 130–131.

[21] *Ibid.*, p. 276.
[22] Emmerick, R.E. *Op. cit.*, p. 13.
[23] *Id. A Guide to the Literature of Khotan*. Tokyo, 1979, p. 38.
[24] Williams, J. *Op. cit.*, pp. 130–131.

Приложение 1

Анализ образца дерева буддийского реликвария из Хотана

М.И. Колосова

Проба древесины идентифицирована на тонком срезе микроскопическим методом по анатомическим признакам. Основные анатомические признаки, по которым определена таксономическая принадлежность пробы древесины: палисандр (*Dalbergia*) — перфорации сосудов простые; сосудистая поровость точечная; крупная; сосуды распределены рассеянно, соединяются парно и в группы; основная паренхима полостно-сливающаяся; лучи гомогенные, в большинстве своем двурядные, высотой до 10—12 клеток; контактные, в ярусном расположении.

Приложение 2

Анализ образца смолы миниатюрных скульптур из буддийского реликвария из Хотана

А.А. Сушков, К.Б. Калинина

При исследовании образца микрохимическим и ИК-спектроскопическим методами установлено, что он состоит из смолы можжевельника (сандарак) в смеси с небольшим количеством масла.

Appendix 1

Test of a wood sample from the Khotan reliquary

M.I. Kolosova

The wood sample was identified on a thin slice of the material by microscopic examination on the basis of anatomy characteristics. The main anatomy characteristics from which the taxonomic identification of the wood was made are as follows: Rosewood (*Dalbergia*) — the perforations of the vessels are simple; the vessel porosity is of dotted type, large; vessels are dispersed randomly, forming pairs and groups; the main parenchyma is of hollow-merging type; the rays are homogeneous, two-tiered mostly, with a height of 10—12 cells; of contact-type, in a tiered arrangement.

Appendix 2

Test of resin samples from Khotan reliquary miniature sculptures

A.A. Sushkov, K.B. Kalinina

As a result of the study of the sample by micro-chemical and IR spectroscopy methods, it has been established that it consists of juniper resin (sandarac) with a small admixture of oil.

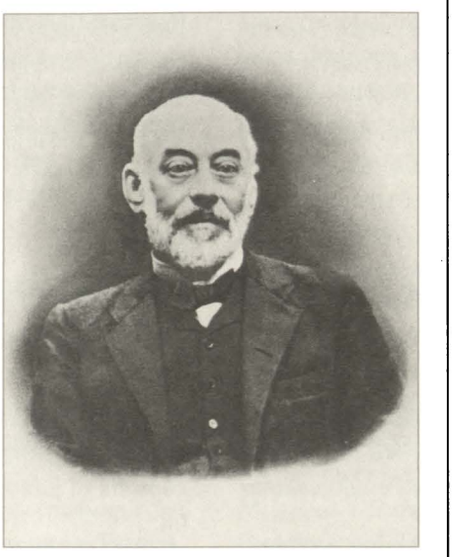
Manichaica в Азиатском музее

В.А. Лившиц

Manichaica in the Asiatic Museum

V.A. Livshits

Первым исследователем манихейских текстов, хранившихся в Азиатском музее, был его директор (с 1890 по 1916 гг.) академик Карл Германович Залеман (1849—1916)[1]. С начала XX в. и до самой смерти он занимался найденными в Восточном Туркестане манихейскими текстами на среднеиранских языках — среднеперсидском, парфянском, согдийском. Собрание Азиатского музея (ИВР РАН) содержало значительное число фрагментов манихейских текстов на этих языках, а также манихейских текстов на китайском и уйгурском[2]. Залеман ввел систему транслитерации манихейских текстов еврейским квадратным письмом[3]. Эта транслитерация (в отличие от латинской транслитерации Ф.-В.-К. Мюллера) позже была принята всеми исследователями турфанских древностей (Ф.К. Андреас, В.-Б. Хеннинг, В. Лентц, Э. Вальдшмидт и др.). К.Г. Залеман переиздал с привлечением большого сравнительного материала несколько среднеперсидских манихейских текстов, опубликованных Ф.-В.-К. Мюллером, снабдив их глоссарием и исправив его ошибки, а также составил «Индекс окончаний слов»[4]. В последней работе Залеман отметил, что в турфан-



К.Г. Залеман

C.G. Salemann

The first researcher of the Manichaean texts kept in the Asiatic Museum was its director (from 1890 to 1916) Academician Carl Germanovich Salemann (1849–1916).[1] From the beginning of the 20th century up to his demise, he studied the Manichaean texts from Eastern Turkestan in the Middle Iranian languages: Middle Persian, Parthian and Sogdian. The collection of the Asiatic Museum (IOM RAS) included a considerable number of fragments of Manichaean texts in those languages, as well as in Chinese and Uighur.[2] Salemann introduced a system of transliterating Manichaean texts in Hebrew square script.[3] Afterwards, his transliteration system (unlike the Latin transliteration of F.-W.-K. Müller) was adopted by all the researchers of the Turfan monuments (F.K. Andreas, W.-B. Henning, W. Lentz, E. Waldschmidt and others). C.G. Salemann brought out a new edition of several Middle Persian Manichaean texts published by F.-W.-K. Müller, having included extensive comparative materials, providing a glossary and correcting Müller's errors; Salemann also compiled *An Index of Inflections*.[4] In the latter work Salemann noted that in the Manichaean texts from Turfan two Middle Iranian languages are

---

1 О научных работах и административной деятельности К.Г. Залемана см.: Периханян А.Г. Карл Германович Залеман // Очерки по истории русского востоковедения. Вып. IV. М., 1959. С. 79—115; Оранский И.М. Древнеиранская филология и иранское языкознание // Азиатский музей — ЛО ИВ АН СССР. М., 1972. С. 308—315.

2 Наше собрание уступает по численности фрагментов лишь Берлинскому собранию. О нем см.: Boyce M. A Catalogue of the Iranian Manuscripts in Manichaean Script in the German Turfan Collection, together with Addition and Corrections to "Manichaean Hymn-Cycles in Parthian". Bd. 4, Hf. 2. Berlin, 1956. S. 314–322; Sundermann W. Arbeiten an den Iranischen Turfantexten seit 1970 // Journal Asiatique. T. 269, 1984, pp. 37–46.

3 Первая публикация: Salemann C. Ein Bruchatück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum // Записки ИАН. Т. 6, № 6. 1904. С. 1–26.

4 Salemann C. Manichaeische Studien. SPb., 1908. Рецензии на эту книгу см. в: Journal Asiatique. 10 sér. T. 13, 1909, pp. 312–314 (A. Meillet) и в: ЗВОРАО. Т. 19, 1909. С. 84—91 (А.А. Фрейман).

1 For research publications and administrative work of C.G. Salemann see: Perikhanian, A.G. "Carl Germanovich Salemann." *Essays on the History of Oriental Studies in Russia*. Issue IV. M., 1959, pp. 79–115; Oransky, I.M. "Ancient Iranian Philology and Iranian Linguistics." In *Asiatic Museum — LB IOS of the USSR AS*. M., 1972, pp. 308–315.

2 Where the number of fragments is concerned, our collection is second only to the Berlin collection, for which see: Boyce, M. *A Catalogue of the Iranian Manuscripts in Manichaean Script in the German Turfan Collection, together with Addition and Corrections to "Manichaean Hymn-Cycles in Parthian."* Bd. 4, Hf. 2. Berlin, 1956. S. 314–322; Sundermann, W. "Arbeiten an den Iranischen Turfantexten seit 1970." *Journal Asiatique*. Vol. 269 (1984), pp. 37–46.

3 His first publication: Salemann, C. "Ein Bruchatück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum." *Bulletin of the IAS*. Vol. 6, No 6 (1904), pp. 1–26.

4 Salemann, C. *Manichaeische Studien*. SPb, 1908. For reviews of the book see: *Journal Asiatique*. 10 sér. Vol. 13, 1909, pp. 312–314 (A. Meillet) and: *POBRAS*. Vol. 19 (1909), pp. 84–91 (A.A. Freiman).

ских манихейских текстах представлены, помимо согдийского, два среднеиранских языка — среднеперсидский и парфянский, близкородственный среднеперсидскому[5]. Он также указал на наличие в манихейских текстах поэтических отрывков и на связь их метрики с авестийской и ранненовоперсидской[6].

Начиная с 1907 г. публикация хранящихся в Азиатском музее манихейских среднеперсидских и согдийских текстов была продолжена Залеманом в серии «Manichaica»[7]. Особое место занимает работа «Manichaica V», в которой опубликованы фрагменты согдийско-христианских текстов и дано первое краткое описание грамматической структуры согдийского языка с указанием на родство согдийского и ягнобского[8]. В конце XIX в. Залеман, использовав записи ягнобских текстов, сделанные Ш. Акимбетевым, Г.А. Арандаренко, Н.Г. Веселовским, Е.Д. Калем, подготовил к изданию «Ягнобские этюды», которые не вышли в свет, но были неоднократно использованы (с согласия автора) многими учеными. «Ягнобские этюды» легли в основу грамматического очерка ягнобского языка, составленного В. Гейгером для «Grundriss der iranischen Philologie»[9]. Глоссарий «Ягнобских этюдов» был переведен на французский язык и опубликован в 1955 г. Э. Бенвенисте[10].

Фотографии фрагментов манихейских текстов, изданных Залеманом, содержатся в фотоальбоме «Iranian Manichaean Turfan Texts in Early Publications (1904—1934)», подготовленном В. Зундерманом[11]: фото фрагментов M 97 (среднеперс.), M 98 (среднеперс. и парф.), M 99 (среднеперс. и парф.), M 102 (парф.), M 132 a (парф.), M 173 (парф.), M 176 (среднеперс., парф.), M 309 a (согд.), M 311 (среднеперс., парф.), M 324 (среднеперс.), M 331 (парф.), M 388 (среднеперс.), M 473 в (среднеперс.), M 477 (среднеперс.), M 482 (среднеперс.), M 543 (среднеперс.), M 544 (парф.), M 551 (парф.), M 554 (среднеперс.), M 566+M 48 (среднеперс.), M 731 (среднеперс.), M 789 (парф.), S 1 (Kr. IX/6) (среднеперс.), S 2 (Nig 19) 4196 (среднеперс.), S 3 (K/31) 4264/2 (парф.), S 4 (K/31) 4264 (согд.), S 5 (Kr. IV/875)

represented besides Sogdian: Middle Persian and Parthian, which is closely related to Middle Persian.[5] He pointed out also the presence of poetic passages in the Manichaean texts and the connection of their metric patterns with the Avestan and Early New Persian prosody.[6]

From 1907 onwards Salemann continued publishing the Manichaean Middle Persian and Sogdian texts kept in the Asiatic Museum in the "Manichaica" series.[7] A special place in this respect belongs to "Manichaica V", in which fragments of Sogdian Christian texts were published and the first brief description was given of the grammatical structure of the Sogdian language, with an acknowledgement of close affinity between Sogdian and Yaghnobi.[8] At the end of the 19th century, Salemann using the notations of Yaghnobian texts made by Sh. Akimbetev, G.A. Arandarenko, N.G. Veselovsky and E.D. Kahl, prepared for publication the *Yaghnobi Sketches*, which remained unpublished but were repeatedly used by many scholars (with the author's consent). The *Yaghnobi Sketches* formed the basis for the grammatical essay on the Yaghnobian language prepared by W. Geiger for *Grundriss der iranischen Philologie*.[9] The glossary of the Yaghnobi Sketches was translated into French and published in 1955 by E. Benveniste.[10]

Photographs of fragments of Manichaean texts published by Salemann are contained in the album of photographs entitled *Iranian Manichaean Turfan Texts in Early Publications (1904–34)*, prepared by W. Sundermann[11] as follows: fragments M 97 (M. Pers.), M 98 (M. Pers. and Parth.), M 99 (M. Pers. and Parth.), M 102 (Parth.), M 132a (Parth.), M 173 (Parth.), M 176 (M. Pers., Parth.), M 309a (Sogd.), M 311 (M. Pers., Parth.), M 324 (M. Pers.), M 331 (Parth.), M 388 (M. Pers.), M 473в (M. Pers.), M 477 (M. Pers.), M 482 (M. Pers.), M 543 (M. Pers.), M 544 (Parth.), M 551 (Parth.), M 554 (M. Pers.), M 566+M 48 (M. Pers.), M 731 (M. Pers.), M 789 (Parth.), S 1 (Kr. IX/6) (M. Pers.), S 2 (Nig 19) 4196 (M. Pers.), S 3 (K/31) 4264/2 (Parth.), S 4 (K/31) 4264 (Sogd.), S 5 (Kr. IV/875) (Parth., Sogd.), S 7 (Kr. IV/875) + Kr.3 (M. Pers.), S 8 (Kr. IV/873) 4261+

---

5 Salemann C. Manichaeische Studien, *Op. cit.* S. 160. Аналогичный вывод был сделан немецким иранистом Д.К. Андреасом в 1908 г. в письме датскому иранисту А. Кристенсену.

6 *Ibid.*, S. 149, 153–154.

7 Salemann C. Manichaica I // ИИАН. Сер. 4. Т. 1. 1907. С. 175—184; Manichaica II // ИИАН. Сер. 4. № 14. 1907. С. 531—538; Manichaica III—IV // ИИАН. Т. 3. 1912. С. 1—50 (с глоссарием).

8 Salemann C. Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik. 1–6 // ИИАН. Сер. 4. № 18, 1913. С. 1125—1144.

9 Über das Yaghnobi. Bd. 1, Abr. 2. Strassburg, 1898–1901. S. 334–344.

10 Benveniste E. Un lexique du yagnobi // Journal Asiatique. Vol. 243, fasc. 2, 1955.

11 Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series. Vol. 3. London, 1996.

5 Salemann, C. *Manichaeische Studien*. S. 160. A similar conclusion was made by the German Iranian scholar F.K. Andreas in 1908 in his letter to Danish Iranian scholar A. Cristensen.

6 *Ibid.*, S. 149, 153–54.

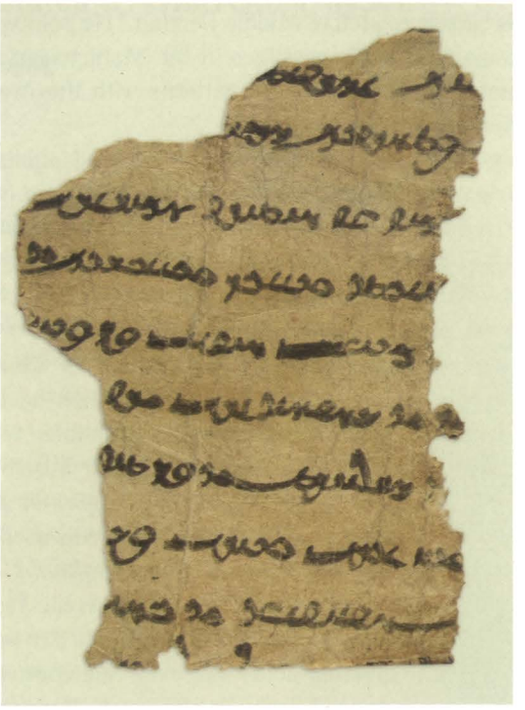
7 Salemann, C. "Manichaica I." *PIAS*. Series 4. Vol. 1 (1907), pp. 175–184; "Manichaica II." *PIAS*. Series 4. Vol. 14 (1907), pp. 531–538; "Manichaica III–IV." *PIAS*. Vol. 3 (1912), pp. 1–50 (with a glossary).

8 Salemann, C. "Beiträge zur christlich-soghdischen Grammatik. 1–6." *PIAS*. Series 4. No 18 (1913), pp. 1125–1144.

9 *Über das Yaghnobi*. Bd. 1, Abr. 2. Strassburg, 1898–1901, S. 334–344.

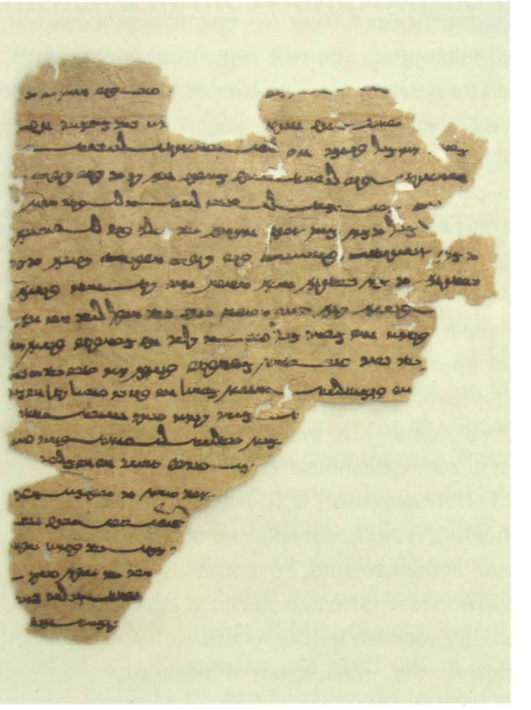
10 Benveniste, E. "Un lexique du yagnobi." *Journal Asiatique*. Vol. 243, fasc. 2 (1955).

11 *Corpus Inscriptionum Iranicarum*. Supplementary Series. Vol. 3. London, 1996.



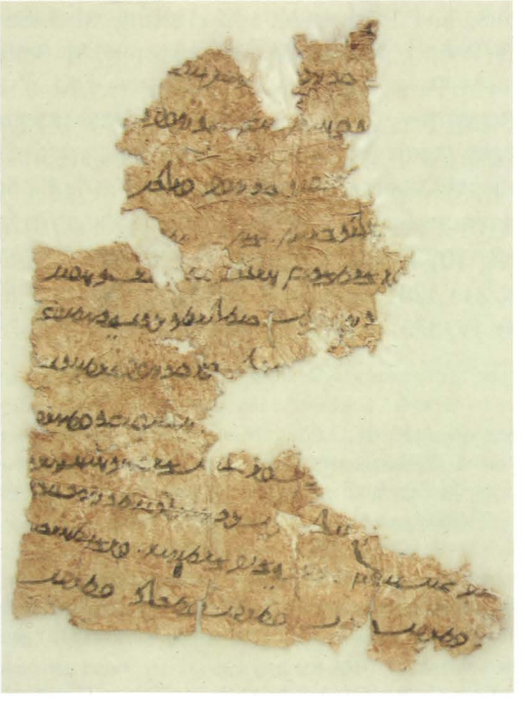
Фрагмент согдийской рукописи
Бумага. 19×12,5 см. ИВР РАН, SI 2 Kr 81

Fragment of a Sogdian manuscript.
Paper. 19×12,5 cm. IOM RAS, SI 2 Kr 81



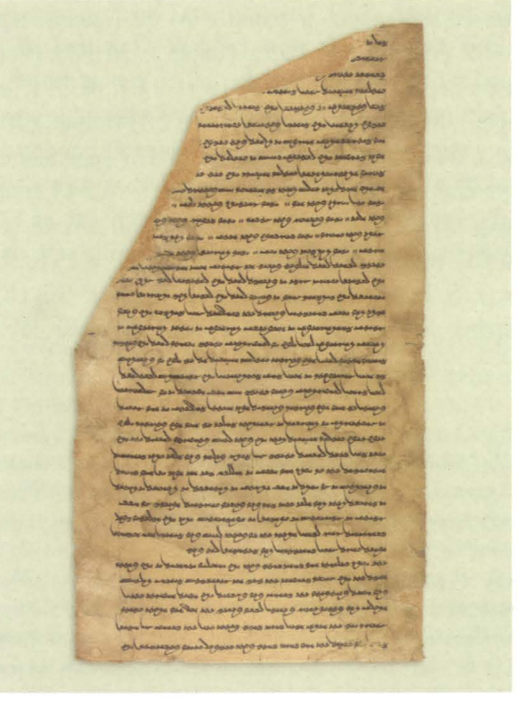
Фрагмент согдийской манихейской рукописи
Бумага. 31,5×28 см. ИВР РАН, Kr IV/812

Fragment of a Sogdian Manichaean manuscript.
Paper. 31,5×28 cm. IOM RAS, Kr IV/812



Фрагмент согдийской рукописи
Бумага. 24×18 см. ИВР РАН, SI Kr IV/809

Fragment of a Sogdian manuscript.
Paper. 24×18 cm. IOM RAS, SI Kr IV/809



Фрагмент согдийской буддийской рукописи
Бумага. 26,5×47,5 см. ИВР РАН, SI 0/106

Fragment of a Sogdian Buddhist manuscript.
Paper. 26.5×47.5 cm. IOM RAS, SI 0/106

(пафр., согд.), S 7 (Kr. IV/875) + Kr. 3 (среднеперс.), S 8 (Kr. IV/873) 4261+ Kr. 2 (среднеперс.), S 9 (Kr. IV/878) + Kr. 1911 no1 (среднеперс.), S 10 (Kr. IV/832) + Kr. 1911 no 4 (среднеперс.), S 11 (Kr. IV/834) 24 + Kr. 1911 no 2 (среднеперс.), S 12a (Kr. IV/835f) + Kr. 1911 no 3 (среднеперс.), S 12 b, c (Kr. IV 835b) + Kr. 1911 no 3 (среднеперс.), S 12 d, e (Kr. IV/847) no. 3594/7 + Kr. 1911 no. 3 (среднеперс.), S 12 f, g (Kr. IV/847) no. 3594/7 (среднеперс.), S 13 (Kr. IV/836) 23 (среднеперс.), S 14 a, b (O/71) (среднеперс.), S 14 c, d (O/72) 6 (среднеперс.), S 15 (Kr. IV/858) (среднеперс.), S 16 (Kr. IV/858) 14 (среднеперс.), S 17 (Kr. IV/833) 31 (среднеперс.), S 18 (Kr. IV/858) 24 (среднеперс.), S 19[a] (Kr. IV/839) 32 (среднеперс.), S 19[b] (Kr. IV/839) 32 (среднеперс.), S 20 (Kr. IV/833) 31 (среднеперс.), S 21 (Kr. IV/858) 11 f (среднеперс.), S 22 (Kr. IV/833) 31 (парф.), S 23 (Kr. IV/833) 31 (среднеперс.), S 24 (Kr. IV/858) 13 (среднеперс.), S 25 (Kr. IV/858) 9 (среднеперс., парф.), S 26 (Kr. IV/833) 31 (парф.), S 27 (Kr. IV/858) 15 (среднеперс.), S 28 (Kr. IV/858) 11 (среднеперс.), S 29 (Kr. IV/839) 32 (среднеперс.), S 30 (Kr. IV/839) 29 (среднеперс.), S 31 (Kr. IV/843) 27 (парф.), S 32 (Kr. IV/841) 30 (парф.), S 33 (Kr. IV/858) 10 (парф.), S 34 (Kr. IV/858) 21 (среднеперс.), S 35 (Kr. IV/839) 32 (парф.), S 36 (Kr. IV/858) 12 (среднеперс.), S 37 (Kr. IV/833) 31 (парф.), S 38[a] (Kr. IV/840) 22 (согд.), S 38[b] (Kr. IV/840) 22 (согд.), S 39 (Kr. IV/840) инв. 3587 (согд.), S 40 (Kr. IV/838) 28 (согд.), S 41 (Kr. IV/842) 26 (парф.), S 42 (Kr. 6) 3647/36 (среднеперс.).

Детальный анализ письменных согдийских, среднеперсидских, парфянских, бактрийских и новоперсидских[12] памятников, найденных в Восточном Туркестане, из собрания ИВР РАН — Азиатского музея был выполнен в 1980—1990 гг.[13]

Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Азиатского музея РАН издавали Ф.А. Розенберг, А.Н. Рагоза и В.А. Лившиц. Ф.А. Розенберг (1867—1934), ученик Залемана, опубликовал три фрагмента согдийско-буддийских текстов — два из них были добыты экспедицией С.Ф. Ольденбурга 1914—1915 гг. в Дуньхуане (в Пещерах тысячи будд), один происходит из коллекции Н.Н. Кроткова[14]. Kr. 2 (M. Pers.), S 9 (Kr. IV/878) + Kr. 1911 no1 (M. Pers.), S 10 (Kr. IV/832) + Kr. 1911 no 4 (M. Pers.), S 11 (Kr. IV/834) 24+ Kr. 1911 no 2 (M. Pers.), S 12a (Kr. IV/835f) + Kr. 1911 no 3 (M. Pers.), S 12 b, c (Kr. IV 835b) + Kr. 1911 no 3 (M. Pers.), S 12 d, e (Kr. IV/847) no 3594/7 + Kr. 1911 no. 3 (M. Pers.), S 12 f, g (Kr. IV/847) no 3594/7 (M. Pers.), S 13 (Kr. IV/836) 23 (M. Pers.), S 14 a, b (O/71) (M. Pers.), S 14 c, d (O/72) 6 (M. Pers.), S 15 (Kr. IV/858) (M. Pers.), S 16 (Kr. IV/858) 14 (M. Pers.), S 17 (Kr. IV/833) 31 (M. Pers.), S 18 (Kr. IV/858) 24 (M. Pers.), S 19[a] (Kr. IV/839) 32 (M. Pers.), S 19[b] (Kr. IV/839) 32 (M. Pers.), S 20 (Kr. IV/833) 31 (M. Pers.), S 21 (Kr. IV/858) 11f (M. Pers.), S 22 (Kr. IV/833) 31 (Parth.), S 23 (Kr. IV/833) 31 (M. Pers.), S 24 (Kr. IV/858) 13 (M. Pers.), S 25 (Kr. IV/858) 9 (M. Pers., Parth.), S 26 (Kr. IV/833) 31 (Parth.), S 27 (Kr. IV/858) 15 (M. Pers.), S 28 (Kr. IV/858) 11 (M. Pers.), S 29 (Kr. IV/839) 32 (M. Pers.), S 30 (Kr. IV/839) 29 (M. Pers.), S 31 (Kr. IV/843) 27 (Parth.), S 32 (Kr. IV/841) 30 (Parth.), S 33 (Kr. IV/858) 10 (Parth.), S 34 (Kr. IV/858) 21 (M. Pers.), S 35 (Kr. IV/839) 32 (Parth.), S 36 (Kr. IV/858) 12 (M. Pers.), S 37 (Kr. IV/833) 31 (Parth.), S 38[a] (Kr. IV/840) 22 (Sogd.), S 38[b] (Kr. IV/840) 22 (Sogd.), S 39 (Kr. IV/840) inv. 3587 (Sogd.), S 40 (Kr. IV/838) 28 (Sogd.), S 41 (Kr. IV/842) 26 (Parth.), S 42 (Kr. 6) 3647/36 (M. Pers.).

A detailed description of the written monuments in Sogdian, Middle Persian, Parthian, Bactrian and Modern Persian[12] found in Eastern Turkestan and now in the collection of the IOM RAS (Asiatic Museum) was performed in the 1980s—90s.[13]

The Sogdian fragments from the Central Asian collection of the Asiatic Museum of the RAS were published by F.A. Rosenberg, A.N. Ragoza and V.A. Livshits. Salemann's student F.A. Rosenberg (1867—1934) published three fragments of Sogdian Buddhist texts — two of them had been found by S.F. Oldenburg's expedition of 1914—15 to Dunhuang (in the Caves of a Thousand Buddhas) and one came from the collection of N.N. Krotkov.[14] A.A. Freiman's student V.A. Livshits

---

[12] Бактрийский текст (манихейским письмом) и новоперсидские тексты (тем же письмом) имеются лишь в Берлинском собрании.

[13] Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 347—514; Расторгуева В.С., Молчанова Е.К. Среднеперсидский язык // *Там же*. С. 6—146; *Они же*. Парфянский язык // *Там же*. С. 147—232; Хромов А.Л. Памятники согдийской, среднеперсидской, парфянской, бактрийской, новоперсидской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. Под. ред. Б.А. Литвинского. М., 1992. С. 271—306.

[14] Rosenberg F. Deux fragments sogdien-bouddhique du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915). I. Fragment d'un conte // ИИАН. Т. 12, 1918. С. 817—842; Rosenberg F.

[12] A Bactrian text (in Manichaean script) and Modern Persian texts (in the same script) are found in the Berlin collection only.

[13] Livshits, V.A., Khromov, A.L. "The Sogdian Language." In *Foundations of Iranian Linguistics. Middle Iranian Languages*. M., 1981, pp. 347—514; Rastorguyeva, V.S., Molchanova, E.K. "The Middle Persian Language." *Ibid.*, pp. 6—146; *Id.* "The Parthian Language." *Ibid.*, pp. 147—232; Khromov, A.L. "Written Monuments in Sogdian, Middle Persian, Parthian, Bactrian and Modern Persian." In *Eastern Turkestan in Ancient Times and Early Middle Ages. Ethnos, Languages and Religions*. Ed. by B.A. Litvinsky. M., 1992, pp. 271—306.

[14] Rosenberg, F. "Deux fragments sogdien-bouddhique du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—15). I. Fragment d'un conte." *PIAS*. Vol. 12 (1918), pp. 817—842; Rosenberg, F. "Fragment d'un sutra." *PIAS*. Vol. 14 (1920), pp. 399—420; 455—474; *Id.* "Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV Sogd. 4)." *PIAS*. Series 4. Vol. 21. (1927), pp. 1375—1398.

В.А. Лившиц, ученик А.А. Фреймана, издал согдийско-буддийский фрагмент Кг. IV/879 № 4263[15]. А.Н. Рагоза, ученица М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой, опубликовала сто девятнадцать фрагментов согдийско-буддийских и согдийско-манихейских текстов, включая отрывок письма «аркской (= карашарской) государыни», из коллекций А.И. Кохановского, Н.Н. Кроткова, С.Ф. Ольденбурга и В.И. Роборовского, в том числе четыре фрагмента манихейских текстов, ранее изданных К.Г. Залеманом, и один фрагмент буддийского текста, изданный Ф.А. Розенбергом[16].

Японский иранист Ю. Ёсида, побывавший в Санкт-Петербурге и работавший в рукописном фонде ИВР РАН, опубликовал в 2001 г. статью, в которой суммировал результаты своей работы по изучению среднеиранских манихейских и буддийских текстов нашего собрания[17]. Ёсида отметил следующие неопубликованные согдийские, среднеперсидские и парфянские фрагменты из коллекции дуньхуанских текстов (среднеиранские тексты начертаны на лицевой или оборотной стороне китайских или уйгурских текстов): 1) Дх. 3198 (согд., 3 строки, на verso — китайский буддийский текст); 2) Дх. 9514 (согд., 4 строки на verso — китайский буддийский текст); 3) Дх. 12934 (согд., фрагмент листа *потхи*, 3 строки на recto и verso); 4) Дх. 12955 (согд., 2 строки на recto); 5) Дх. 12954 (согд., 9 строк на recto); 6) Дх. 14038 (согд., 1 строка на recto, на verso — китайский буддийский текст и 1 строка согдийского текста); 7) Дх. 14066 (согд., 2 строки на recto, на verso — уйгурский текст);

published the Sogdian Buddhist fragment Kr.IV/879 no 4263.[15] A.N. Ragoza, a student of M.N. Bogolyubov and O.I. Smirnova, published 119 fragments of Sogdian Buddhist and Sogdian Manichaean texts, including a fragment of the "Ark (= Karashar) queen", from the collection of A.I. Kokhanovsky, N.N. Krotkov, S.F. Oldenburg and V.I. Roborovsky, including the four texts that had earlier been published by C.G. Salemann, and one fragment of a Buddhist text published by F.A. Rosenberg.[16]

The Japanese scholar Yu. Yoshida, who had visited St. Petersburg to work with the manuscript collection of the IOM RAS published, in 2001, an article in which he summed up the results of his study of Middle Iranian and Buddhist texts of our collection.[17] Yoshida took note of the following unpublished Sogdian, Middle Persian and Parthian fragments from the Dunhuang collection (the Middle Iranian texts are written on the recto or verso side of the Chinese or Uighur texts): 1) Дх. 3198 (Sogd., 3 lines, with a Chinese Buddhist text on the verso); 2) Дх. 9514 (Sogd., 4 lines with a Chinese Buddhist text on the verso); 3) Дх. 12934 (Sogd., fragment of a *poṭhī* sheet, 3 lines on the recto and verso sides); 4) Дх. 12955 (Sogd., 2 lines on the recto side); 5) Дх. 12954 (Sogd., 9 lines on the recto); 6) Дх. 14038 (Sogd., 1 line on the recto side; a Chinese Buddhist text and 1 line of a Sogd. text on the verso side); 7) Дх. 14066 (2 Sogd. lines on the recto side and an Uighur text on the reverse); 8) Дх. 14139 (2 lines of a Sogd. Manichaean text on the recto side); 9) Дх. 14140 (5 lines in

Fragment d'un sutra // ИИАН. Т. 14, 1920. С. 399—420; 455—474; *Id.* Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr. IV Sogd. 4) // ИИАН. Сер. 4. Т. 21. 1927. С. 1375—1398.

15 Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб., 2007. С. 335—340. См. также: Livshits V.A. Sogdian Buddhist fragment Kr. IV/879 No. 4263 from the manuscript collection of the PB IOS // Manuscripta Orientalia. 2/2, Helsinki—St. Petersburg, 1996, pp. 3—8.

16 Рагоза А.Н. Согдийские фрагменты центральноазиатского собрания Института востоковедения. Факсимиле. Издание текстов, чтение, перевод, предисловие, примечания и глоссарий. М., 1980. См. также: Рагоза А.Н. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР // Письменные памятники Востока. 1969. М., 1972. С. 244—261. Коррективы к идентификациям фрагментов, чтениям и переводам Рагозы см.: Sims-Williams N. The Sogdian fragments of Leningrad. [I] // BSOAS, vol. 44, 1981, pp. 231—240; *Id.* The Sogdian fragments of Leningrad. II: Mani at the Court of Shahanshah // Bulletin of the Asia Institute. N.S. Vol. 4. In Honour of R.N. Frye. Aspects of Iranian Culture. Bloomfield Hills, 1990, pp. 281—288; *Id.* The Sogdian fragments of Leningrad. III: Fragments of Xwâstwânîît // Manichaean Studies I. Manichaica Selecta. Studies presented to Prof. J. Ries. on the occasion of his seventieth birth day Ed. by A. von. Tongreloo and S. Giversen. Louvani, 1991, pp. 323—328.

17 Yoshida Yu. On the Sogdian fragments of the St. Petersburg Collection // Contribution to the Studies of the Eurasian Language. Series 3. Issues in Eurasian Languages. (I). Kyoto, 2001, pp. 105—117.

15 Livshits, V.A. *Sogdian Epigraphy of Middle Asia and Semirechye*. SPb., 2007, pp. 335—340. See also: Livshits, V.A. "Sogdian Buddhist fragment Kr. IV/879 No. 4263 from the manuscript collection of the PB IOS." *Manuscripta Orientalia*. 2/2. Helsinki, St. Petersburg, 1996, pp. 3—8.

16 Ragoza, A.N. *Sogdian Fragments from the Central Asian Collection of the IOS*. Facsimile. Text publication, reading, translation, foreword, notes and glossary. M., 1980. See also: Ragoza, A.N. "On the History of the Collection of Manuscripts in Middle Iranian Languages from Eastern Turkestan Kept in the Manuscript Department of the LB IOS of the USSR AS." In *Written Monuments of the Orient. 1969*, M., 1972, pp. 244—261. For corrections to the fragment identification, reading and translation by Ragoza, see: Sims-Williams, N. "The Sogdian fragments of Leningrad. [I]." *BSOAS*. Vol. 44 (1981), pp. 231—240; *Id.* "The Sogdian fragments of Leningrad. II: Mani at the Court of Shahanshah." *Bulletin of the Asia Institute*. N.S. Vol. 4. In Honour of R.N. Frye. Aspects of Iranian Culture. Bloomfield Hills, 1990, pp. 281—288; *Id.* "The Sogdian fragments of Leningrad. III: Fragments of Xwâstwânîît." *Manichaean Studies I. Manichaica Selecta*. Studies presented to Prof. J. Ries on the occasion of his seventieth birthday. Ed. by A. von. Tongreloo and S. Giversen. Louvani, 1991, pp. 323—328.

17 Yoshida, Yu. "On the Sogdian fragments of the St. Petersburg Collection." *Contribution to the Studies of the Eurasian Language*. Series 3: Issues in Eurasian Languages. (I). Kyoto, 2001, pp. 105—117.

8) Дх. 14139 (на recto — 2 строки согдийско-манихейского текста); 9) Дх. 14140 (согд., фрагмент листа *nomxu*, на recto — 5 строк, на verso — 4); 10) Дх. 14145 (согд., 2 строки на recto, на verso — уйгурский текст); 11) Дх. 14228 (согд., 3 строки на recto, на verso — китайский буддийский текст).

Неопубликованные фрагменты из коллекции Н.Н. Кроткова: 1) SIKr IV/705 (согд., 2 строки на recto и verso); 2) SIKr IV/801 (парф. текст согдийским письмом на recto, 4 строки; на verso — китайский буддийский текст; 3) SIKr IV/862 (согд.; 5 строк на recto, на verso — китайский буддийский текст); 4) SI 2Kr 83 (согд., 8 строк на recto, очень небрежно начертанные 3 строки на verso рядом с китайским буддийским текстом).

Неопубликованные фрагменты из коллекции А.И. Кохановского: 1) SIK/21 (согд., 26 строк на recto, 1 строка на verso рядом с китайским буддийским текстом); 2) SIK/25 (на verso — 10 строк парфянского манихейского текста согдийским письмом, на recto — китайский буддийский текст и 7 строк среднеперсидского манихейского гимна, начертанного согдийским письмом).

К одному из текстов, содержащему фрагменты из собрания Н.Н. Кроткова (Kr IV), приложены заметки К.Г. Залемана по поводу нескольких среднеиранских текстов из Турфана. Эти заметки опубликованы в статье «Manichaica III». Исключение составляют две фотографии (обозначены шифром N 8) двух сторон двойного листа с хорошо сохранившимся согдийским текстом, 23 строки на recto, столько же на verso. Этот текст не публиковался, местонахождение оригинала неизвестно.

Sogd. from a fragment of *poṭhī* on the recto side and 4 lines on the reverse); 10) Дх. 14145 (Sogd., 2 lines on the recto side and an Uighur text on the verso side); 11) Дх. 14228 (Sogd., 3 lines on the recto side and a Chinese Buddhist text on the verso side).

The following are the unpublished fragments from N.N. Krotkov's collection: 1) SIKr IV/705 (Sogd., 2 lines on the recto and verso sides); 2) SIKr IV/801 (Parth. Text in Sogdian script on the recto side — 4 lines; the verso side carries a Chinese Buddhist text; 3) SIKr IV/862 (Sogd., 5 lines on the verso side; a Chinese Buddhist text on the verso); 4) SI 2Kr 83 (Sogd., 8 lines on the recto side; the verso side carrying 3 carelessly written lines on the verso next to a Chinese Buddhist text).

The unpublished fragments from A.I. Kokhanovsky's collection: 1) SIK/21 (Sogd., 26 lines on the recto side, 1 line on the verso side next to a Chinese Buddhist text); 2) SIK/25 (the verso side carries 10 lines of Parthian Manichaean text in Sogdian script and the recto has a Chinese Buddhist text and 7 lines of Middle Persian Manichaean hymn written in Sogdian script).

Attached to one of the texts that contains fragments from the collection of N.N. Krotkov (Kr IV) were C.G. Salemann's notes on several Middle Iranian texts from Turfan. Those notes had been published in his *Manichaica III* article. An exception is two photographs (designated with N 8 code) of the two sides of a double sheet with a well preserved Sogdian text, with 23 lines on the recto side and the same number of lines on the reverse. The text was never published and the location of the original is unknown.

Кашгарская коллекция С.М. Дудина в Российском этнографическом музее

С.В. Дмитриев, Л.Ф. Попова

S.M. Dudin' Kashgar Collection in the Russian Museum of Ethnography

S.V. Dmitriyev, L.F. Popova

В богатейшем собрании Российского этнографического музея (РЭМ) находятся уникальные коллекции вещевых и фотографических памятников по этнографии населения Восточного Туркестана. История этих коллекций неразрывно связана с историей музея, а имена их собирателей — А.В. Адрианова, М.М. Березовского, С.М. Дудина, Д.А. Клеменца, С.Ф. Ольденбурга — составляют славу отечественной науки и музейного дела.

Главной задачей Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ЭО РМ), открывшегося 10 (23) января 1902 г., было отражение этнической картины Российской империи и сопредельных стран. Приоритетным направлением деятельности нового музея в первое десятилетие стало интенсивное формирование собственного собрания. В связи с этим в различные регионы страны были направлены многочисленные экспедиции, в ходе которых сотрудниками и корреспондентами музея приобретались первые коллекции ЭО РМ.

Начало комплектования коллекций из Средней Азии и Восточного Туркестана связано с именем Самуила Мартыновича Дудина (1863—1929). В то время это был, пожалуй, самый известный и авторитетный «коллектор», который высоко зарекомендовал себя, в частности, сбором среднеазиатских коллекций для Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук (МАЭ РАН). Личность и жизненный путь С.М. Дудина давно привлекли внимание историков науки и музейного дела[1]. Краткий биографический очерк собирателя, приводимый нами в качестве необходимой справки, составлен на основе работ этих авторов.

С.М. Дудин родился 19 августа 1863 г. в местечке Ровное Херсонской губернии. Еще будучи учеником седьмого класса С.М. Дудин стал активным участником Харьковской группы революционно-демократической организации

The enormously rich collection of the Russian Museum of Ethnography (RME) includes unique arrays of monuments of material culture and photographs of subjects related to the ethnography of the population of Eastern Turkestan. The history of the collections is inextricably linked with the Museum, whereas the illustrious names of those who amassed them — A.V. Adrianov, M.M. Berezovsky, S.M. Dudin, D.A. Klementz and S.F. Oldenburg — belong to the glorious page in the history of Russian science and museum work.

The main objective of the Ethnography Department of the Alexander III Russian Museum (ED RM), which opened on 10 (23) January 1902, was to reflect the ethnic pattern of the Russian Empire and its neighbouring countries. The priority direction in the work of the new museum in its first decade was an intensive building of its own collection. For that purpose numerous expeditions were sent to different parts of the country; in the course of the expeditions the staff of the Museum and its local representatives were purchasing the first collections of the ED RM.

The beginnings of the collections from Middle Asia and Eastern Turkestan are connected with Samuil Martynovich Dudin (1863–1929). At that time he was probably the most famous and esteemed collector, who had built a splendid reputation for himself by gathering Middle Asian collections for the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (MAE RAS). S.M. Dudin's personality and life have long attracted the attention of historians of science and museum work.[1] The brief biographic outline below providing the most essential background information was written on the basis of those writers' works.

S.M. Dudin was born on 19 August 1863 in the small town of Rovnoye of Kherson *gubernia* (province). While still in the seventh year at school, he took an active part in the revolution-

---

[1] Никитин В.А. Рассказы о фотографах и фотографиях. Л., 1991. С. 33—46. Вишневецкая В.А. Из жизни и деятельности С.М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX—XX вв.). СПб., 1992; Tsareva E. Thirty Rug Masterpieces from the Collection of S.M. Dudin // Oriental Rug Review: October/November 1990. Vol. 11. 1, p. 65—97; Menshikov L.N. Samuil Martynovich Dudin (1863—1929) // IDP News. 14. Autumn, 1999; Дмитриев С.В. Штрихи к собирательской деятельности С.М. Дудина // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 52. СПб., 2006. С. 96—106.

[1] Nikitin, V.A. *Stories about Photographers and Photographs*. L., 1991, pp. 33–46; Vishnevetskaya, V.A. "Life and Work of S.M. Dudin — Artist, Collector, Explorer." In *From the History of the Formation of Ethnographic Collections in Russian Museums (19th–20th Centuries)*. SPb., 1992; Tsareva, E. "Thirty Rug Masterpieces from the Collection of S.M. Dudin." *Oriental Rug Review*: October/November 1990. Vol. 11 (1), pp. 65–97; Menshikov, L.N. "Samuil Martynovich Dudin (1863–1929)." *IDP News*. 14. Autumn, 1999; Dmitriyev, S.V. "Some Features of S.M. Dudin's Collecting Work." *Cultural Heritage of the Peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus. Collected Works of the Institute of Anthropology and Ethnography*. Vol. 52. SPb., 2006, pp. 96–106.

«Народная воля». В 1884 г. он был арестован и в 1887 г. в административном порядке сослан в г. Селенгинск Забайкальской области. Там он познакомился с известным путешественником Г.Н. Потаниным, по просьбе которого сделал этнографические зарисовки из жизни бурят. Чуть позже он был переведен в Троицкославск, где поступил на службу в фотографическое ателье Н.А. Чарушина. Именно по совету последнего С.М. Дудин принял участие в знаменитой впоследствии Орхонской экспедиции, руководимой академиком В.В. Радловым, и позднее выполнил все графические работы в издании ее «Трудов». Эта работа помогла ему войти в круг самых знаменитых исследователей Азии, что во многом определило дальнейшую судьбу С.М. Дудина, которая навсегда оказалась связанной с изучением культуры Средней Азии. Перебравшись в Санкт-Петербург, он знакомится с В.В. Бартольдом и в начале 1890-х гг. совершает вместе с ним поездку в Туркестанский край. В экспедиции С.М. Дудин делал этнографические зарисовки, а также свои первые фотографические снимки, которые впоследствии вошли во многие научные издания. Кроме того, С.М. Дудин предпринимал и самостоятельные выезды, в ходе которых вел записки, использованные В.В. Бартольдом, по собственному упоминанию академика, при составлении отчета о поездке 1892 г.

По поручению Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в 1894 г. он совершает поездку на Украину, где собирает этнографические вещевые и фотографические коллекции. В следующем году по заданию Археологической комиссии им было сделано около 200 снимков архитектурных памятников Самарканда. В 1897 г. Дудин заканчивает обучение в Академии художеств, где его педагогом был И.Е. Репин, высоко ценивший его работы. В 1898 г. за казенный счет, как это было положено для выпускников Академии, он совершает поездку в Европу — через Вену и Мюнхен в Париж. В 1899 г. по поручению Этнографического бюро В.Н. Тенишева для Парижской выставки он делает более 600 фотографий, на которых запечатлен быт казахов Акмолинской и Семипалатинской областей (ныне негативы фотографий хранятся в Гамбургском этнографическом музее, а отпечатки имеются в собрании МАЭ).

В 1900 г., когда решался вопрос о создании Этнографического отдела Русского музея, по инициативе В.В. Радлова С.М. Дудин вновь отправляется в Среднюю Азию для сбора экспонатов для нового музея. Так было положено начало уникального собрания Российского этнографического музея по этнографии народов Средней Азии и Казахстана. Эта работа была продолжена в ходе второй командировки С.М. Дудина в этот регион (1901). С.М. Дудин стал участником первой (1909—1910) и второй (1914—1915) Российских Туркестанских экспедиций С.Ф. Ольденбурга. Основной обязанностью С.М. Дудина в этих экспедициях было выполнение фотоснимков и графических работ.

ary activities of the Kharkov group of *Narodnaya Volya* (People's Will) organization. In 1884 he was arrested and, in 1887, exiled to the town of Selenginsk of the Transbaikalia region. There he made the acquaintance of the famous traveller G.N. Potanin, at whose request he made some ethnographic sketches from the Buriat life. Shortly afterwards he was transferred to Troitskoslavsk, where he took a job with the photographic studio of N.A. Charushin. It was on the latter's advice that S.M. Dudin took part in the famous Orkhon expedition headed by Academician V.V. Radloff and then did all the drawings for the publication of the expedition's *Transactions*. The work brought him into contact with the most famous explorers of Asia, which largely predetermined S.M. Dudin's future, connected for good with the study of Middle Asia's culture. After moving to St. Petersburg, he met W.W. Barthold and in the early 1890s journeyed with him to Turkestan district. In the expedition he drew his ethnographic sketches and took his first photographs, which afterwards were included in many scientific publications. Besides, he made trips on his own, keeping journals of them, which W.W. Barthold made use of in the preparation of the report on the 1892 journey, as the Academician himself mentioned.

Commissioned by the MAE, in 1894, S.M. Dudin made a journey to the Ukraine, where he purchased ethnographic objects and photographs. In the following year he took about 200 photographs of the architectural monuments of Samarkand for the Archaeology Committee. In 1897, Dudin graduated from the Academy of Fine Arts in St. Petersburg, where he studied under the tutelage of Ilya Repin, who highly appreciated his works. In 1898 he travelled to Europe, at public cost, as graduates of the Academy were entitled to in those days, — via Wien and Munich to Paris. In 1899, at the request of V.N. Tenishev's ethnography bureau, Dudin took more than 600 photographs recording the life of the Kazakhs of the Akmolinsk and Semipalatinsk regions (at present their negatives are kept in the Ethnography Museum in Hamburg and their prints are in the collection of the MAE).

In 1900, when the issue of creating the Ethnography Department in the Russian Museum was under consideration, S.M. Dudin went to Middle Asia again, on the initiative of V.V. Radloff, to collect materials for the new museum. That was how the RME's unique ethnographic collection dedicated to the peoples of Middle Asia and Kazakhstan took its beginnings. The work was continued in the course of Dudin's second trip to the area in 1901. S.M. Dudin participated in S.F. Oldenburg's First and Second Russian Turkestan Expeditions in 1909—10 and 1914—15. S.M. Dudin's main duty in the expedition was work as a photographer and graphic artist.

S.M. Dudin remained devoted to museum work for a long time. He was on the staff of the MAE, where he headed the Photography Department and the Department of Middle Asian Antiquities. After the revolution he was also a staff member of

Музейному делу С.М. Дудин продолжал служить долгое время, являясь сотрудником МАЭ, где возглавлял фотографический отдел, а также отдел Среднеазиатских древностей. После революции С.М. Дудин также был штатным сотрудником Государственной академии материальной культуры (ГАИМК). Будучи крупнейшим специалистом в области коврового дела и других отраслей художественной промышленности, он привлекался в качестве консультанта по учету ценностей Внешторга при отборе экспонатов для Эрмитажа, Русского музея и других учреждений культуры. В Ленинградском университете он преподавал основы фотографии студентам Географического факультета. Умер С.М. Дудин летом 1929 г. в поселке Саблино под Ленинградом, где проводил студенческую практику.

Наша статья посвящена коллекции, собранной С.М. Дудиным в ходе его второй командировки в Среднюю Азию, которую он совершил по заданию Этнографического отдела Русского музея в 1901 г. Началась она в конце апреля и продолжалась семь месяцев. Маршрут этой поездки начался в Закаспийской области, где Дудин собрал богатейшие коллекции по традиционной культуре туркмен. Затем он посетил Самарканд, Ташкент, откуда через Аулие-Ата, Пишпек, Токмак и долину р. Арпа путь его пролег в Кашгар, где он провел две недели. Из Кашгара через российское укрепление Иркештам, Алайскую долину, через города Нагорной Бухары он прибыл сначала в Бухару, затем в Самарканд. В ходе этой поездки, кроме материалов по этнографии туркмен, им были собраны коллекции по казахам, киргизам, сартам (оседлым узбекам), таджикам, уйгурам. Сбор вещевого материала сопровождался фотографированием населения, городов и селений, мазаров и т. д. О своей работе в экспедициях 1900—1902 гг. С.М. Дудин составил подробный рукописный отчет, хранящийся в архиве РЭМ[2].

Коллекция С.М. Дудина (№ 16) составила 209 предметов (26 из них утрачены в годы Второй мировой войны). Тематика коллекции весьма широка, она позволяет всесторонне охарактеризовать культуру и быт жителей Кашгара. Столь информативный историко-этнографический источник еще практически не был востребован исследователями, за исключением Л.А. Чвырь, которая обращалась к материалам коллекции для анализа уйгурского костюма, в том числе и его украшений[3]. Цель настоящей статьи составляет аналитический обзор коллекции, не претендующий, впрочем, на исчерпывающую глубину ввиду лишь первого приближения к ее материалам.

[2] Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247: Дудин С.М. Отчет о поездках в Среднюю Азию в 1900—1902 годах. Поездка в Кашгар. 1901 г.

[3] Чвырь Л.А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней Азии (XIX — начало XX в.) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур народов древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 211—250; Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX в. М., 1990.

the State Academy of the History of Material Culture (SAHMC). As a very eminent expert on carpet making and other art industries, he was invited as consultant for value assessment by the Foreign Trade Ministry for selecting exhibits for the Hermitage Museum, the Russian Museum and other institutions of culture. In Leningrad University he taught the basics of photography to students of the Geography Faculty. S.M. Dudin died in the summer of 1929 in the village of Sablino in the vicinity of Leningrad, where he was supervising students' practice.

This article is devoted to the collection S.M. Dudin brought from his second journey to Middle Asia in 1901, which had been commissioned by the Ethnography Department of the Russian Museum. His journey began in late April and lasted for seven months. The starting point of the itinerary was the Transcaspian region, where Dudin gathered very rich collections of traditional Turkmenian culture. Then he visited Samarkand and Tashkent, whence he travelled via Auliye-Ata, Pishpek, Tokmak and the Arpa River valley to Kashgar, spending a fortnight there. From Kashgar he travelled first to Bukhara — through the Russian fort of Irkeshtam, the Alai valley and the towns of Nagornaya (mountainous) Bukhara— and later to Samarkand. During the journey, Dudin gathered, besides materials on the ethnography of the Turkmenians, important collections dealing with the Kazakhs, Kyrghyzes, Sarts (settled Uzbeks), Tadjiks and Uighurs. His collecting of ethnographic materials was accompanied by photographing the local people, towns and settlements, *mazars*, etc. S.M. Dudin submitted a detailed report on his work in the expeditions of 1900—1902, which is now kept in the archives of the RME.[2]

S.M. Dudin's collection (No 16) numbered 209 items (26 of them were lost during World War II). Thematically, the collection is very comprehensive, making it possible to thoroughly describe and analyse the culture and life of the population of Kashgar. This highly informative historical and ethnographic source has so far remained unused by researchers, except for L.A. Chvyr, who addressed the collection materials in order to analyse the Uighur costume, including its adornments.[3] The objective of this article is to make an analytical survey of the collection, claiming no exhaustive profundity because it is but the first treatment of the collection materials.

[2] RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247. Dudin, S.M. Report on the Journeys to Middle Asia in 1900–02. The Kashgar Journey. 1901.

[3] Chvyr, L.A. "Comparative Survey of Traditional Decorations of the Uighur and Neighbouring Peoples of Central and Middle Asia (19th–Early 20th Centuries)." In *Eastern Turkestan and Central Asia in the System of Cultures of the Peoples of the Ancient and Medieval East*, M. 1986, pp. 211—250; Chvyr, L.A. *The Uighurs of Eastern Turkestan and the Peoples Neighbouring on Them in the Late 19th–Early 20th Centuries*. M., 1990.

Как следует из материалов отчета С.М. Дудина, для удобства следования в Кашгар и решения различных организационных вопросов, которые возникали в пути, по приказу эмира Бухарского ему был выделен специальный чиновник-проводник, что в значительной степени способствовало успешному проходу через горные перевалы. Путь от укрепления Иркештам до Кашгара занял пять дней. Дорога была очень опасной и тяжелой, но чрезвычайно интересной из-за богатых впечатлений, полученных от оживленного караванного движения. Кроме того, на пути часто встречались летние стоянки киргизов, поэтому сбор информации и вещевого материала осуществлялся и здесь. В Кашгаре большую помощь С.М. Дудину оказал российский консул Н.Ф. Петровский.

По прибытии в Кашгар С.М. Дудин сразу же приступил к формированию коллекции. В отчете он неоднократно отмечает большое сходство культуры кашгарцев с культурой среднеазиатских сартов, но в то же время тщательно выделяет отличия между ними, поскольку именно их старается документировать при отборе материалов для коллекции.

По первому общему впечатлению Кашгар показался С.М. Дудину типичным сартовским городом, очень похожим на Коканд или Ош — города Ферганской долины. Практически такими же были его общая планировка, базары и улицы, отличавшиеся только «большей неряшливостью построек», а толпы снующих по городу — «меньшим количеством чалм»[4], вместо которых у мужчин здесь чаще встречались тюбетейки и войлочные колпаки. Также автор отметил, что на улицах было больше женщин, многие из которых находились на улице без паранджи, отчего их костюмы казались ярче и разнообразнее.

Закономерно, что именно предметы костюма, яркого маркера этнических особенностей, заняли в кашгарской коллекции С.М. Дудина самое видное место. Большой заслугой С.М. Дудина явилось формирование полного комплекса кашгарского женского костюма, который составляли нательная рубаха-платье и штаны, верхняя одежда — безрукавка и халат, уборы для улицы — головная накидка и лицевая занавеска, а также головные уборы, обувь, украшения. Крайне важно, что собиратель многие предметы костюма представил в нескольких экземплярах, что позволяет судить об их типичных и вариативных чертах. Фактором, повышающим ценность собрания, явилось и приобретение вещей, характеризующих костюм разных возрастных категорий — девушек, молодых женщин, замужних женщин среднего возраста. Касаясь кашгарского женского костюма в целом, С.М. Дудин отметил его сходство с сартовским в покрое одежды, а в качестве отличия назвал китайское влияние, не определив, впрочем, в чем оно выражается. Возможно, собиратель полагал, что материалы коллекции

As follows from the materials of S.M. Dudin's expedition report, the Emir of Bukhara, wishing to make Dudin's trip to Kashgar less strenuous and to facilitate a faster settlement of various organisational problems arising on the journey, ordered that a special official-cum-guide should be attached to him, which considerably helped Dudin, especially in crossing mountain passes. It took the expedition five days to travel from the Irkeshtam fort to Kashgar. The road was very dangerous and hard, but very thrilling because of rich impressions from the lively caravan traffic. Besides, Dudin often met summer camps of the Kyrghyzes, so the gathering of information and stuff was done there as well. In Kashgar S.M. Dudin was given considerable assistance by the Russian Consul N.F. Petrovsky.

On arrival at Kashgar, Dudin set to work on building his collection. In his report he repeatedly pointed out the considerable affinity of the culture of Kashgar with that of the Sarts of Middle Asia, carefully drawing distinctions between them, however, because he tried to document precisely them in the selection of materials for the collection. Judging by Dudin's first general impressions of Kashgar, it appeared to him a typical Sart town, resembling very much Kokand or Osh — the towns of the Fergana valley. Its general layout, *bazaars* and streets were practically the same — different only in a "greater slovenliness of its buildings", as well as in "fewer turbans"[4] seen in the milling crowds — instead, men more often wore embroidered *tiubeteyka* skull-caps or felt caps. The collector noted also that there were more women in the streets, many of whom did not wear *yashmaks*, for which reason their costume seemed brighter and more varied.

It is natural that it was the costume and its articles — the brightest marker of ethnic differences — that occupied the most prominent place in S.M. Dudin's collection. S.M. Dudin's very creditable achievement was that he brought a whole complex of the Kashgar women costume, which consisted of underwear items — a shirt-like dress and trousers; and outer garments — a sleeveless jacket and a robe — plus, for outdoor wear, a head covering and a face veil, as well as headgears, ornaments and footwear. Importantly, the collector obtained many articles of clothing in several versions, which gives grounds for judging about their typical and variant features. Another factor enhancing the value of the collection was his purchase of costume characteristic of different age groups — maidens, young women, middle-aged married women. Speaking of the Kashgar women's costume in general, S.M. Dudin noted its affinity with the Sart dress in its cut; as a difference, he pointed out the Chinese influence, without specifying what he meant. The researcher might have assumed that the materials of the collection showed that influence clearly enough. Indeed, the Chinese influence is noticeable at a glance at the articles of the costume, for it is obvious in the style of

[4] Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 73.

[4] RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247, f. 73.

говорят об этом достаточно определенно. Действительно, даже при первом взгляде на предметы женского костюма можно заметить влияние Китая в стиле вышивки, широком использовании китайских тканей, включении в комплекс украшений китайских изделий.

Все пять женских нательных рубах коллекции, независимо от возрастной категории, имеют архаичный туникообразный покрой — их стан представляет собой единое полотнище, перегнутое пополам, к которому под прямым углом пришиты рукава. Для придания платьям значительной ширины к стану также пришиты раскошенные боковины. Единство покроя кашгарских и сартовских рубах проявлялось и в одинаковом оформлении их ворота: девичьи рубахи имели горизонтальный ворот, а женские — вертикальный. С.М. Дудин констатировал, что «покрой рубах с разрезом на груди, стоячим воротом и обшивкой по пазухе пришел в Русский Туркестан именно отсюда, т. к. здесь он был чрезвычайно распространен, тогда как в Туркестане он встречался лишь как нововведение, мода»[5]. Л.А. Чвырь справедливо заметила по этому поводу, что данная мысль Дудина не получила поддержки у исследователей среднеазиатского костюма[6].

Женские рубахи коллекции имеют такую яркую особенность декора, как нашитые с правой стороны грудной части полоски дугообразной формы из индийской парчи. Асимметрия в системе украшения одежды является очень редкой чертой, к которой даже сложно подобрать параллели в культурах Средней и Центральной Азии. В цветовом отношении все рубахи разные, что не позволяет сделать однозначного заключения о возрастной символике цвета в культуре Кашгара. Так, одна из девичьих рубах сшита из белого китайского шелка *дурдун*, другая — из бордового. Женские рубахи сшиты из хлопчатобумажной или шелковой ткани белого и желтого цвета. Интересно, что в Средней Азии одежда желтого цвета практически не бытует, за исключением туркмен-текинцев, у которых женщины среднего возраста носили желтые головные накидки.

Ведущим приемом декора девичьих и женских рубах в Кашгаре являлась вышивка. Вышитые рубахи являются подлинными художественными шедеврами, настолько изящен рисунок вышивки, богат ее орнамент, виртуозна техника исполнения гладью, гармоничны цветовые сочетания. Вышивка девичьего платья (№ 16-20) из бордового шелка выполнена по всей его поверхности спереди и сзади, в орнаменте лидируют растительные мотивы, круглые концентрические розетки, бабочки. В расположении основных сюжетных блоков орнамента симметрия отсутствует, что усиливает интригующее впечатление при рассмотрении

embroidery, wide use of Chinese fabrics and in complementing the complex with China-made ornaments.

All the five women's underwear shirts, regardless of the wearer's age category, have the same archaic tunic-like cut — their bosom is a single length of fabric folded in the middle lengthways, to which sleeves are stitched at right angles. To add width to the dress, they also added slanting sewed-on side panels. The similarity of cuts of the Sart and Kashgar undershirts could also be seen in their identical treatment of collars: young girls' shirts had horizontal collars and women's were vertical ones. S.M. Dudin concluded that "the cut of undershirts with a slit on the bosom, a stand-up collar and embroidered bosom came to Russian Turkestan precisely from here, for it was very widespread in these parts, while in Turkestan it could be seen only occasionally as something new and fashionable."[5] L.A. Chvyr justly pointed out on this score that Dudin's observation was not supported by researchers of Middle Asian dress.[6]

The women's undershirts in the collection have such a conspicuous peculiarity of adornment as arch-shaped sewn-on stripes of Indian brocade on the right side of the bosom. Asymmetry in dress adornment is a very rare feature with parallels hard to find in the cultures of Middle and Central Asia. Colour-wise, all the shirts are different, which allows no unequivocal conclusion regarding the colour symbolism of age in the culture of Kashgar. For example, one of the maiden's shirts is made of white Chinese *durdun* silk, while the other is claret-coloured. Women's shirts are made of cotton or silk in white or yellow. Interestingly, in Middle Asia yellow garments have had practically no currency, except for Tekin Turkmenians, whose middle-aged women wore yellow head covers.

The main adornment of Kashgar young girls' and women's shirts was embroidery. Their embroidered shirts are genuine masterpieces, for the embroidered designs are exceedingly delicate, the ornaments extremely rich, the satin stitch needlework technique superb and the colour combinations incredibly harmonious. The entire surface of the young girl's claret-coloured silk dress (No 16-20), both the front and back, is embroidered with a beautiful design in which plant motifs, butterflies and concentric rosettes dominate. There is no symmetry in the placement of the chief blocks of ornamentation, which enhances the intrigued impression one gets when scrutinising the design. Salient in the embroidery of women's dress (No 16-21) are the motifs of triangular amulets, placed, like real ornaments, on the shoulder and the end of the bosom slit of the dress. Dress No 16-23 made of white *mata* cotton is embroidered in a different style based on a concise solution, with one large expressive almond, often nicknamed 'Oriental cucumber', dominating.

---

5 *Там же*. С. 77.

6 Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана... *Указ. соч*. С. 97.

5 *Ibid.*, f. 77.

6 Chvyr, L.A. *The Uighurs of Eastern Turkestan...*, p. 97

Платье девичье
Кашгар. Конец XIX в. Шелк
РЭМ № 16-20

Young girl's dress.
Kashgar. Late 19th century. Silk
RME No 16-20

Сапоги женские
Кашгар. Конец XIX в. Кожа, шелк
РЭМ № 16-34/1, 2

Woman's high boots
Kashgar. Late 19th century. Leather, silk
RME No 16-34/1, 2

Безрукавка женская
Кашгар. Конец XIX в. Шелк, хлопок
РЭМ № 16-28

Woman's sleeveless djadjaza jacket
Kashgar. Late 19th century. Silk, cotton
RME No 16-28

узора. В вышивке женского платья № 16-21 обращают на себя внимание мотивы треугольных амулетов, расположенные, подобно реальным украшениям, на плече и на конце грудного разреза платья. Платье № 16-23 из хлопчатобумажной белой *маты* вышито в другой стилистике, которую отличает лаконичное решение с доминантой одного крупного выразительного миндалевидного мотива, условно называемого «восточный огурец».

Представленные в коллекции девичьи штаны *штан*, сшитые из красной хлопчатобумажной ткани, относятся к типу штанов «с широким шагом», то есть имеющими между штанинами клин значительной величины. По замечанию С.М. Дудина, по покрою кашгарские *штан* похожи на среднеазиатские. Добавим, что некоторое отличие составляет лишь бóльшая ширина штанин у кашгарских *штан*, а также довольно широкая полоса вышивки по их нижней части, выполненная цветными шелковыми и хлопчатобумажными нитками тамбурным швом (№ 16-80). В орнаменте вышивки заметна китайская стилистика, особенно в облаковидных мотивах.

Верхнюю одежду кашгарских женщин С.М. Дудин представил наплечной одеждой двух типов — короткой (до талии) и длинной (ниже колен). Короткая одежда, надевавшаяся поверх рубахи, вошла в коллекцию в двух ее видах — это безрукавки *джаджаза* (№ 16-28, 30) и стеганая на вате кофта *чажмак* с длинными рукавами (№ 16-27). *Джаджаза* и *чажмак*, сшитые из шелковой или полушелковой китайской ткани, очень нарядны. По краю грудного разреза, пол и подола эта одежда богато расшивалась цветными шелковыми нитками или обшивалась полосами индийской парчи. Полосы обшивки, контрастно подчеркивая силуэт безрукавок, придавали их форме особую выразительность. Хорошо понимая, насколько важна для научных заключений фиксация разных вариантов покроя одежды, С.М. Дудин приобрел одну безрукавку *джаджаза* с симметричными полами встык, другую — с большой левой полой, значительно накрывающей правую полу. Последний вариант прямых аналогов в Западном Туркестане не имел, но глубокий запах на правую сторону был характерен для приталенных бешметов обоих полов у казахов и киргизов. Застегивалась *джаджаза* с помощью нескольких шарообразных пуговиц *тугма*, изготовлявшихся из меди или серебра в технике филиграни. В Янгишаре С.М. Дудин приобрел пуговицы как самостоятельный образец ювелирных изделий (№ 16-71). Л.А. Чвырь полагает, что кашгарская короткая одежда имеет относительно позднее происхождение[7], что справедливо и в отношении среднеазиатских камзолов. Главным доводом в пользу этого заключения является тот факт, что короткая одежда не туникообразная и имеет шов в плечах. В обоих регионах это была одежда девушек и молодых жен-

The young girls' trousers in the collection, called *shtan*, which are made of red cotton, belong to the type of trousers with a loose seat due to a wide panel between the trouser-legs. The cut of the Kashgar *shtan* trousers, according to S.M. Dudin's observation, looks like its Middle Asian counterparts. We can add, however, that some difference consists in their wider legs and a fairly broad embroidered border in their lower part in tambour stitch of silk and cotton threads (No 16-80). Chinese style is evident in the ornament of the embroidery, especially in the cloudlike motifs.

S.M. Dudin represented the outdoor clothes of Kashgar's women by shoulder clothes of two kinds — short garments (reaching to the waist) and long ones (below the knee). Short clothes — worn over the shirt — are represented in the collection by two of their types: the sleeveless *djadjaza* jackets (Nos 16-28, 30) and the long-sleeved *chadjmak* coats lined with quilted cotton-wool (No 16-27). *Djadjazas* and *chadjmaks* made of silk or demi-silk Chinese fabric are very decorative. The edges of the slit, the breasts and the lap of these garments were richly embroidered with coloured silk threads or patched with strips of Indian brocade, which stressed the silhouettes of the sleeveless jackets, investing their shapes with a special quality of expressiveness. Realizing very well how important it was for scientific research to record different versions of clothing cuts, S.M. Dudin purchased one *djadjaza* jacket with symmetrical sides abutting, and another with a large left side, overlapping the right side considerably. The latter version had no direct analogies in Western Turkestan, but the custom of wrapping the right side over was characteristic of the Kazakhs and Kyrghyzes of both genders in wearing their narrow-wasted *beshmet* quilted coats. The *djadjaza* had several globular *tugma* buttons in copper or silver filigree. In Yanghishar Dudin bought some buttons as specimens of a special type of jewellery (No 16-71). L.A. Chvyr believes that the short clothes of Kashgar are of a relatively later origin,[7] which is also the case with Middle Asian camisoles. The main argument in favour of this conclusion is the fact that the short garments are not tunic-like and are stitched across the shoulders. In both areas they were worn by young girls and women and were adorned with different decorative elements, including fancy buttons.

[7] *Там же*. С. 114.

[7] *Ibid.*, p. 114.

щин, которую отличали разного рода декоративные элементы, в том числе и оригинальные пуговицы.

Рубаха, *штан* и *джаджаза*, как замечает С.М. Дудин, составляли домашний костюм жительницы Кашгара. Выходя на улицу, она надевала *чапан* — длинный, иногда до щиколоток, просторный халат с зауженными книзу рукавами. *Чапан* шился из шелковой ткани *дурдун* или из хлопчатобумажной *алачи* и для тепла мог быть стеганым на вате. *Чапан* из темно-зеленого *дурдуна* (№ 16-3), включенный С.М. Дудиным в коллекцию, является образцом нового для того времени покроя со вшивным рукавом и сшитым плечом, который к тому времени получил довольно широкое распространение в Средней Азии. Два других халата коллекции называются *биджа* и характеризуются собирателем как нарядные. Один из них сшит из бежевого китайского атласа и украшен изящной вышивкой гладью с ведущим мотивом птицы (№ 16-24), другой — из *дурдуна* желтого цвета имеет на груди контрастные дугообразные нашивки из индийской парчи и обшивку из китайской тесьмы (№ 16-25). Нашивки на халате, в отличие от платьев, расположены с обеих сторон.

Поверх халата при выходе на улицу женщины накидывали на голову широкое покрывало *айбедже* с длинными ложными рукавами, напоминающее *паранджу* сартянок Русского Туркестана (№ 16-6, 9). *Паранджа* шилась из цветных тканей и имела свою систему декора, *айбедже* в Кашгаре изготовляли только из белой тонкой хлопчатобумажной ткани без каких-либо украшений.

Лицо женщины закрывали занавеской *чимбель*, плетеной из белых шелковых ниток, к верхним углам которой были пришиты длинные завязки из шелковой тесьмы с кистями на концах. В коллекцию вошли две занавески, изготовленные в Хотане, считавшимся лучшим центром их производства[8]. Верхний и нижний края занавесок были обшиты плетеной либо вышитой шелком или золотом узорной тесьмой (№ 16-4). Один из экземпляров, принадлежавший богатой женщине, имеет серебряные подвески и бляшки со вставками цветного стекла (№ 16-5). Как сообщает собиратель, девушки пользовались *чимбель* сравнительно редко, ее носили только замужние женщины, и то не всегда и не с такой щепетильностью, как сартянки Русского Туркестана[9]. Аналогом *чимбель* в Средней Азии являлась занавеска *чачван* из черного конского волоса, но более всего *чимбель* походит на лицевые занавески южных киргизок, также изготовлявшихся из светлых тканей.

Головные уборы в традиционном костюме несут большую знаковую нагрузку, информируя о поле, возрасте, месте проживания владельца, его социальном статусе. Можно не сомневаться, что С.М. Дудин включил в коллекцию все виды

The shirt, *shtan* and *djadjaza* made the home costume of a woman in Kashgar, according to S.M. Dudin. When going out into the street, she would put on a *chapan*, a long loose robe, often reaching the ankles, with tapered sleeves. *Chapans* were usually made of durdun silk or *alachi* cotton and could be quilted with wool cotton for warmth. The dark-green *durdun chapan* (No 16-3) S.M. Dudin included in the collection is a specimen of the then new cut with a sewn-in sleeve and a sewn-on shoulder, which had by then become fairly widespread in Middle Asia. Two of the robes in the collection are called *bidja* and described by the collector as smart. One is made of beige Chinese satin and is decorated with dainty satin stitch embroidery with a bird motif predominant (No 16-24), the other is of yellow *durdun* silk, with contrasting sewn-on arch-like strips of Indian brocade and bordered with Chinese cord (No 16-25). Unlike the shirts, the robe is decorated with sewn-on strips on both sides.

When leaving home the woman would put on over the robe a wide *aibedje* cover with long false sleeves, which resembles the *yashmak* of the Sart women of Russian Turkestan (Nos 16-6, 9). The *yashmak*, however, was made of coloured fabrics and relied on its own system of adornment, while the Kashgar *aibedje* was exclusively made of white thin cotton fabric without any ornamentation.

Kashgar women covered their faces with *chimbel* veils woven of white silk thread; long silk laces with tassels at the ends were sewn on to the upper ends of the veil. The collection includes two *chimbel* veils made in Khotan, which was regarded as the leading centre of their production.[8] The top and bottom edges of the veils were bordered with patterned braiding, woven or embroidered with silk or gold (No 16-4). One of the veils, which belonged to a wealthy woman, is decorated with silver pendants and plaques with coloured glass inserts (No 16-5). As Dudin reported, young girls used *chimbels* relatively seldom, they were worn by married women mostly, and not always with such punctiliousness as by the Sart women of Russian Turkestan.[9] The Middle Asian counterpart of *chimbel* was the *chachvan* veil of black horse hair, but it is closest to the face covers, also of light-coloured fabrics, worn by the women of Southern Kyrghyzia.

---

[8] Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 78.

[9] *Там же*.

[8] RME Archives. Fond 1. Inv. 2, unit 247, f. 78.

[9] *Ibid*.

головных уборов, которые были ему доступны при сборе вещей. Женские головные уборы Кашгара, помимо головных накидок, собиратель представил двумя основными видами: меховыми шапками *тумак* и шапочками из ткани. *Тумак* имеет невысокую тулью из овчины, покрытую бархатом или индийской парчой. Своеобразие этому головному убору придают поля, которые настолько значительно расширяются и поднимаются кверху над тульей, что шапка своей формой напоминает гнездо (№ 16-7, 10, 11, исключено в 1965 г., 56). Величина таких шапок была чрезвычайно разнообразна: «Наибольшие из них в верхнем диаметре достигали 10 вершков (1 вершок — 4,4 см) при высоте в 3 вершка и именно такие считались особенно красивыми»[10]. Носили их преимущественно девушки, а женщины предпочитали шапки меньших размеров. По форме *тумак*, по мнению С.М. Дудина, сильно напоминали шапки казахских и киргизских девушек Семипалатинской области и Семиречья. Следует добавить, что это сходство проявлялось и в использовании материалов — бархата и меха бобра или выдры. Отличие состояло в том, что к кашгарским шапкам прикалывали украшение *каш*, которое представляло собой «букет» серебряных эмалированных цветов на тонких серебряных стеблях (№ 16-73, 74). Это украшение на момент его приобретения уже выходило из употребления, так что собирателю удалось зафиксировать реликтовый элемент культуры. С.М. Дудин был хорошо знаком с традицией среднеазиатских сартов и в своем отчете отметил, что «у кашгарлычек платки встречались нечасто, но повязывались в сходной манере, принятой и у других сартянок»[11].

Шапочки-тюбетейки *допа* из ткани шились из четырех клиньев, образующих весьма высокую тулью, «похожую на кокошник»[12]. Тулья имела плотную простежку, между рядами которой вставлялись фитильки из ваты, что придавало поверхности шапочки ребристость. Околыш *допа* представлял собой широкую тесьму черного цвета или полосу из индийской парчи. Указанные материалы, а также конструктивные и декоративные особенности очень сближают кашгарские тюбетейки с ферганскими. Украшением коллекции можно считать *кадак-допа* — тюбетейки из красного или фиолетового бархата с нашитыми на тулью и околыш серебряными пластинками с просечным и тисненым узором и вставками из бирюзы, стекла и кораллов (№ 16-39, 198).

Женскую обувь собиратель охарактеризовал наиболее типичным ее видом, который широко бытовал и у сартов, а именно мягкими без каблуков сапогами *массы* (№ 16-36) из козьей кожи, имеющими инкрустированный зеленым сафьяном задник. *Массы* носили вместе с кожаными галошами *кауш* (№ 16-35). Другой вид женской обуви — сапоги

In the traditional costume, the headdress is like a coded signal carrying data on the wearer's gender, age, place of residence and social status. We need not doubt it that S.M. Dudin included in the collection all the accessible and affordable varieties of headdress. Apart from head covers, the collector represented Kashgar's headdress by two main types: *tumak* fur hats and cloth hats. The *tumak* has a low crown of sheepskin covered with velvet or Indian brocade. The hat owes its peculiar appearance to the brims which flare up so much above the crown that the shape of the hat resembles a nest (Nos 16-7, 10, 11, excluded in 1965, 56). The height of such hats was extremely diverse: "the largest of them, which were regarded as the most beautiful, had a diameter of 10 *vershoks* (1 *vershok* is 4.4 cm) with a height of 3 *vershoks*."[10] Those were worn by young girls for the most part, while women preferred hats of smaller sizes. The shape of the *tumak*, in S.M. Dudin's opinion, showed close affinity with the hats of young Kazakh and Kyrghyz girls in the Semipalatinsk region and in Semirechye. The affinity was also manifest in the materials used — velvet and beaver or otter fur. The difference was that women pinned *kash* decorations to Kashgar hats — bunches of enamelled silver flowers on thin silver stalks (Nos 16-73, 74). At the moment of its purchase the ornament was already going out of use, therefore the collector preserved a disappearing element of culture. S.M. Dudin was well familiar with the traditions of the Middle Asian Sarts and he remarked in his report: "Kashgar women seldom wore kerchiefs, but they tied them in the same manner as other Sart women."[11]

Dopa tiubeteyka-type textile caps were typically made of four wedge-shaped pieces forming a tall crown, resembling a Russian *kokoshnik*.[12] The crown was densely quilted, with wicks of cotton wool inserted between the rows of stitches, which made the surface of the cap ribbed. The cap-band of the *dopa* was a black broad tape or a strip of Indian brocade. The above materials, as well as some tailoring and ornamentation peculiarities, are signs of kinship of Kashgar and Fergana *tiubeteyka* caps. The gem of the collection are *kadak-tapa* caps made of red or violet velvet with silver plaques sewn on the crown and cap-bands; the plaques are decorated with a pierced or stamped design and with inserts of turquoise, glass and corals (Nos 16-39, 198).

S.M. Dudin selected for the collection the most typical footwear that was also widely used by the Sarts — namely, the soft heelless *massy* high boots (No 16-36) made of goat skin, which had a counter inlaid with green morocco. *Massy* high boots were worn together with *kaush* leather galoshes (No 16-35). For another type of women's footwear S.M. Dudin provided as specimens four pairs of *cheken-ityk* high boots with heels and

10 *Там же.*
11 *Там же.* Л. 79.
12 *Там же.* Л. 78.

10 *Ibid.*
11 *Ibid.*, f. 79.
12 *Ibid.*, f. 78.

чекен-итык на каблуке и жесткой подошве С.М. Дудин представил четырьмя парами, декорированными сплошной вышивкой цветным шелком (№ 16-31, 32, 33, 34). Интересно его замечание, что такие же сапоги можно было встретить и в Бухаре, но этот факт остается малоизвестным, так как слабо подкреплен источниками. Сапоги имеют интересную конструктивную деталь — расположенную между каблуком и подошвой фигурную железную пластинку, загнутый конец которой служит подковкой каблука. Такая деталь предназначена для придания каблуку устойчивости и предохранению его от износа. Сапоги носили вместе с чулками *пайпак* из белого тонкого войлока, специально скатанного для этой цели. Образец такого войлока С.М. Дудин включил в коллекцию (№ 16-18). Помимо войлочных чулок кашгарлыки носили также шерстяные вязаные чулки[13]. Покрой женских и мужских чулок различий не имел.

Украшения в коллекции, по большей части женские, составили небольшую группу, подобранную так умело, что в ней представлены все их основные классы — головные, нагрудные, ручные, накосные. Почти все украшения были приобретены в Янгишаре. По наблюдениям собирателя, эти вещи «во многом были похожи на украшения других среднеазиатских сартянок, разница была лишь в орнаментах, а для некоторых украшений и в общей форме»[14]. Головные украшения представлены кольцевыми серьгами *зара* без подвесок, с ажурным заполнением внутренней части кольца, изготовленным в технике филиграни с зернью и таким же окаймлением его внешнего края (№ 16-68). В Средней Азии аналогичные серьги также получили распространение, но под названием *кашгари*, что, несомненно, указывает на регион их происхождения. Если кольцевые серьги *зара* являлись наиболее типичными для Кашгара, то крючковые с пышной подвеской в виде цветов с листьями были сравнительно редким типом, что и могло обусловить их включение в коллекцию (№ 16-69). Носили такие серьги только публичные женщины[15].

К головным украшениям примыкают накосные, ношение которых являлось устойчивой традицией в связи с особыми представлениями о магии волос. В коллекции представлены прикрепляемые к концам кос подвески *чашпупак* из серебряных пластинок и коралловых ниток (№ 16-59), а также «побрякушки из зубочисток, ухочисток, щипчиков для волос и т. п., составлявших непременную принадлежность сартовских женщин»[16]. Такие наборы для личной гигиены представлены тремя экземплярами, два из которых кашгарской работы (№ 16-60, 61) и один — китайской (№ 16-62). Первые отличаются большими размерами, наличием декоративных элементов, китайское же украшение намного проще по

hard soles (Nos 16-31, 32, 33, 34), adorned with continuous embroidery in coloured silk. Worthy of note is his remark that the same kind of footwear was also found in Bukhara, but this fact remains little known because sources give it feeble support. The boots have an interesting design detail — between the heel and sole is placed a figured iron plate, the bent end of which serves as a kind of shoe-iron. The detail is designed to give the heel extra strength and protection from wear. High boots were worn together with *paipak* stockings of white felt rolled specially for the purpose.

Dudin included a sample of such felt (No 16-18) in the collection. Besides felt stockings, the inhabitants of Kashgar wore knitted wool stockings.[13] There was no difference in the fashion of stockings for men and women.

Personal ornaments, mostly for women, make a small group in the collection, but their choice is so clever that they represent all their main types — for the head, breast, hands and plaits. Almost all of them were bought in Yanghishar. According to S.M. Dudin's observation, "these decorations are in many respects like the ornaments of other Middle Asian Sart women, differing from them in ornamentation and, in a few instances, in general shape."[14] Head decorations are represented by *zara* circular ear-rings without pendants; the inside of the ring is filled with filigree and granulation patterns, the same adorning the outer edge (No 16-68). This type of ear-rings was also known in Middle Asia, under the name of *kashgari*, which clearly indicates the area of their origin. While circular *zara* ear-rings were the most typical of Kashgar, hook-like ear-rings with gorgeous pendants in the shape of flowers and leaves were a relatively rare type, which might have accounted for their inclusion in the collection (No 16-69). They were worn only by prostitutes.[15]

Bordering on head ornaments were plait decorations, the wearing of which was a stable tradition because of beliefs in the magic of hair. The collection includes *chashpupak* pendants of silver plates and coral threads (No 16-59), attached to the ends of plaits, as well as various "trinkets such as toothpicks, ear-cleaners, hair tweezers, etc., which are indispensable belongings of Sart women."[16] Such sets for personal hygiene are represented in the collection by three items, two of which are of Kashgar workmanship (Nos 16-60, 61) and one is Chinese (No 16-62). The former ones are of large sizes and have decorative elements, whereas the Chinese set is of much simpler shape and has fewer articles. The *tuzhun-dzhelte* pendant, which figures in Dudun's inventory as a head ornament, should probably be assigned to plait decorations, for the report points, albeit somewhat ambiguously, to its being complement to the

[13] *Там же*. Л. 79.
[14] *Там же*. Л. 79.
[15] *Там же*. Л. 80.
[16] *Там же*. Л. 79.

[13] *Ibid.*, f. 79.
[14] *Ibid.*, f. 79.
[15] *Ibid.*, f. 80.
[16] *Ibid.*, f. 79.

форме и числу составляющих деталей. По всей видимости, к накосным украшениям можно отнести и подвеску *тужунджельте*, которую собиратель в описи общо квалифицирует как головную, а в отчете проскальзывает не вполне ясное указание на ее комплектность с шапкой *тумак*. Эта подвеска состоит из коралловых нитей и серебряных фигурных пластинок, украшенных филигранью (№ 16-57).

Кашгарлычки заплетали волосы в мелкие косички и носили их частью на спине, частью же на плечах спереди, приплетая сзади еще добавочные косички *чач*, изготовленные из конского волоса (№ 16-72). Стараясь отразить даже тонкости бытования вещей, С.М. Дудин приобрел для коллекции особый клей (№ 16-148, исключено в 1952 г.), раствором которого смачивали волосы, чтобы придать плетению кос большую прочность. Эти сведения позволяют включить Кашгар в широкий ареал бытования женских искусственных кос, включающий Среднюю Азию, многие регионы Сибири и Монголию.

Нагрудные украшения в коллекции представлены амулетом *тумар* в виде двух квадратных подушечек из парчи, с подвесками из коралловых ниток, серебряных колечек и шелковых кисточек (№ 16-58). Конструкция амулетов в Туркестане в целом могла быть очень разной, поэтому сложно сказать что-либо о типичности данного украшения для Кашгара. Внутрь подушечек, возможно, зашиты листики бумаги с написанными молитвами — наиболее распространенное «средство» от всевозможных напастей.

Украшения для рук в коллекции составляют кольца и браслеты. Интересно, что кольца С.М. Дудин приобрел как женские, так и мужские. Женское кольцо изготовлено из серебра, имеет вставку из камня и коралла (№ 16-132). Оба мужских кольца *узюк* также серебряные, китайского изготовления. Одно из них имеет массивную верхушку прямоугольной формы со штампованным изображением свернувшегося льва (№ 16-64). Интересна конструкция шинки этого украшения, состоящая из двух полуколец, один из концов которых, у одного левый, у другого правый, не припаян к верхушке, что позволяет кольцу быть безразмерным. Второе мужское кольцо (№ 16-70) также имеет оригинальную шинку из четырех узких лент глади, переплетающихся наподобие «узла бесконечности». Литая верхушка кольца в центре имеет гравированный узор *инь-ян*, фланкированный изображениями летучих мышей.

Серебряные браслеты *биляр-узюк* (№ 16-66, 67) относятся к типу дротовых — они изготовлены из литого круглого в сечении стержня, согнутого в форме кольца с разъемом. Ближе к их концам пуансоном нанесен простой рисунок в виде полукружий. С.М. Дудин указывал, что такие браслеты изготовлялись по китайскому образцу. Эти ценные данные проливают свет на происхождение аналогичных браслетов, бытовавших у казахов племени найман, и в специальной литературе известных как найманские. На остальной терри-

tumak hat. The pendant consists of coral threads and silver figured plates decorated with filigree (No 16-57).

Kashgar women wove their hair in thin plaits, wearing them partly on the back and partly on the shoulders and bosom, weaving in them extra plaits called *chach* made of horse hair (No 16-72). Striving to reflect even the subtle details of object use, Dudin purchased for the collection the special paste (No 16-148, excluded in 1952) with a solution of which they moistened their hair for greater strength. This information gives grounds for including Kashgar in the wide zone where women used artificial plaits, which covers Middle Asia, many parts of Siberia and Mongolia.

Breast ornaments are represented in the collection by a *tumar* amulet consisting of two small square cushions made of brocade, with pendants of coral threads, silver rings and silk tassels (No 16-58). Designs of amulets in Turkestan as a whole varied a great deal, therefore it is hard to say how typical this decoration was of Kashgar. Sheets of paper are probably sewn inside with prayers written on them — as the most popular 'cure' for all sorts of complaints.

Hand ornaments in the collection comprise rings and bracelets. Interestingly, S.M. Dudin bought both women's and men's rings. The women's ring (No 16-132) is made of silver and is adorned with insets of stone and coral. Both of the men's Chinese-made *uziuk* rings are also made of silver. One has a massive square top with a stamped crouched lion (No 16-64). The design of the ring is curious: it consists of two semi-circles; the right end of one semi-circle and the left end of the other are not welded to the top, which lets the ring fit fingers of any size. The other men's ring (No 16-70) also has an unusual design formed by four bands interwoven in the manner of 'the endless knot'. The cast top of the ring is engraved in the centre with an *yin-yang* design flanked by representations of bats.

The silver *biliar-uziuk* bracelets (Nos 16-66, 67) are of bangle type — they are made of a cast rod round in section, bent in the form of a broken circle. Near the ends, simple designs in the form of semi-circles are punched. S.M. Dudin wrote that such bracelets were made on the Chinese model. This valuable remark sheds light on the origins of similar bracelets used by the Kazakh Naiman tribe, and hence known in special literature as Naiman rings. On the other territory of Middle Asia they had no currency. Bracelets No 16-65 can also be regarded as their variety as they are also based on a bent metal rod tightly wound with entwined threads of corals. The ends of the bracelet are decorated with stamped designs in *basma* technique. Also included in the collection are Chinese jade bracelets of similar shapes (No 16-63), worn chiefly by prostitutes.

The *kalyp* dies for making various relief plates (Nos 16-134, 135) and the horse brass, characteristic of the Omsk, Andijan, Margelan and Kashgar Kyrghyzes, as well as of the Kashgar Sarts, were purchased by S.M. Dudin to characterize the

тории Средней Азии браслеты такой формы распространения не получили. Браслеты № 16-65 можно считать разновидностью вышеописанных, так как в основе они также имеют согнутый металлический стержень, но плотно обмотанный переплетающимися нитками кораллов. Наконечники браслета изготовлены в технике басменного тиснения. Также собиратель включил в коллекцию китайские нефритовые браслеты аналогичной формы (№ 16-63), которые носились, главным образом, публичными женщинами.

О характере орнамента кашгарских украшений, несколько отличавшегося от среднеазиатского, позволяют судить приобретенные С.М. Дудиным штампы *калып* для изготовления разного рода бляшек (№ 16-134-135), а также бляхи конской сбруи, характерные для кашгарских, омских, андижанских, маргеланских киргизов и кашгарских сартов (№ 16-84-95).

К комплексу женского костюма примыкают принадлежности женского туалета — веер из перьев *батвезак* (№ 16-83), длинный мешочек-карман *калта* из белой *маты* с вышивкой (№ 16-77), белое коленкоровое полотенце — *чакан лута* (№ 16-79), *моши* — железные щипчики для выдергивания волос (№ 16-147; исключены в 1955 г.), *сурмаданы* — маленький бронзовый флакончик для хранения сурьмы (№ 16-202), который имеет специальную палочку для окрашивания век, прикрепленную к крышке. Веер *батвезак* уникален: он изготовлен из перьев крупной птицы, искусно подобранных по цвету, изогнутых и склеенных в форме круга. Основания перьев вставлены в паз деревянного кружка, который и является ручкой веера.

Предметы мужского костюма из коллекции № 16 наглядно подтверждают тезис собирателя, что кашгарский мужской костюм «вполне сходен с костюмами сартов Ферганской области»[17]. Это сходство основывается на бытовании в обоих регионах распашных нательных рубах *койнек* (№ 16-81), которые были известны также казахам и киргизам. Штаны *штан* (№ 16-82) с широким клином имеют покрой, типичный для всего Туркестана. Мужская нательная одежда из коллекции изготовлена из довольно грубой белой кустарной маты *хом*, которая в Средней Азии в начале XX в. была достоянием только бедных людей. Белый же цвет мужской нательной одежды был традиционным и универсальным для большинства культур Казахстана и Средней Азии.

Верхнюю мужскую одежду Кашгара собиратель представил халатом *чакман* из коричневой хлопчатобумажной *маты* (№ 16-22) и нарядным халатом *чапан* (№ 16-26) из фиолетовой парчи, на подкладке из ситца русских фабрик. Оба халата имеют туникообразный покрой, но с определенными особенностями. Халаты имеют на спине шов, поскольку их стан сшит не из одного, а из двух полотнищ ткани. Кроме того, особенностью покроя *чакмана* является широ-

Kashgar style of ornamentation, which differs somewhat from the general Middle Asian type (Nos 16-84, 95).

Almost as important for women as their costume was their personal toilet, which included such articles as the batwezak feather fan (No 16-83), the long *kalta* pocket-bag of white *mata* fabric adorned with embroidery (No 16-77), the white *chakan luta* calico towel (No 16-79), the *moshi* iron pair of tweezers for pulling out hairs (No 16-147; excluded in 1955), the small *surmadany* flask to keep antimony in (No 16-202), which comes with a special spatula fastened to the cover, for dying eyelids. The *batwezak* fan is unique: it is made of a big bird's feathers, skilfully matched by colour, bent and glued together in the form of a ring. The feather ends are inserted in a groove in the wooden ring that serves as the handle.

The articles of men's costume from collection No 16 illustrate the collector's words that the men's costume of Kashgar "resembles a great deal the clothing of the Sart males in the Fergana region."[17] The resemblance is based on the existence in both regions of *koinek* body linen unfastened shirts (No 16-81), which were known also to the Kazakhs and Kyrghyzes. The cut of the *shtan* trousers (No 16-82) with a wide seat is characteristic of the whole of Turkestan. The men's underwear garments in the collection are made of rather course primitive white *khom* cotton fabric worn only by the poor in Middle Asia in the early 20th century. As for the colour, white was traditional and ubiquitous in most cultures of Kazakhstan and Middle Asia in those days.

Men's outer garments from Kashgar are represented by the chakman gown of brown *mata* cotton fabric (No 16-22) and the smart *chapan* gown (No 16-26) made of violet brocade and lined with cotton prints from Russian textile factories. Both garments have the same tunic-like cut, but with certain peculiarities. They have seams on the backs as they are made of two lengths of cloth, not one. Besides, the specificity of the *chakman* is its broad left side, considerably overlapping the right one and held by means of ties. The *chakman* usually performed the function of a cloak, the outermost garment protecting the wearer from wind, dust, mud, etc., therefore it was quite loose and had kimono sleeves, characteristic of this type of apparel in Middle Asia as well. The simplicity of its cloth also points to its designation, although, for comparison, the Kazakhs, Kyrghyzes and Uzbeks preferred, as more prestigious, *chekmen* jackets made of thick worsted in the second half of the 19th century.

[17] *Там же*. Л. 76.

[17] *Ibid.*, f. 76.

кая левая пола, далеко заходящая на правую и фиксирующаяся с помощью завязок. *Чакман* обычно выполнял функцию плаща, то есть самого верхнего элемента костюма, защищающего от ветра, загрязнения и т. п., поэтому он и имел довольно просторные формы и рукав кимоно, характерный для данной категории верхней одежды и в Средней Азии. Простота ткани этого предмета одежды также указывает на его предназначение, хотя, для сравнения, казахи, киргизы, узбеки во второй половине XIX в. предпочитали чекмени из сукна, считавшегося престижным материалом.

Мужская одежда в Кашгаре подпоясывалась, как и повсюду в Средней и Центральной Азии. Пояса С.М. Дудин представил кушаками из хлопчатобумажной ткани с клетчатым рисунком (№ 16-40, 41), возможно, как наиболее широко бытовавшим типом поясов. В комплекте с поясами находится кожаный мешочек для денег *колва* (№ 16-201), который имеет петлю для подвешивания на поясе. Также для ношения на поясе предназначался нож в ножнах (№ 16-117), являвшийся важной принадлежностью мужского костюма.

Мужские головные уборы в коллекции довольно разнообразны, как и женские, и охарактеризованы тремя видами: меховыми шапками, тюбетейками и войлочным колпаком с разрезными полями. Меховые шапки *тумак* (№ 16-12, 13) и *тельпек* (№ 16-197) изготовлены из овчины мехом внутрь, две последние крыты тканью. Мужские тюбетейки *колпак* (№ 16-14—17), как и женские, аналогичны ферганским тюбетейкам по конструкции и стилю вышивки: они имеют четыре клина, выкроенных из ткани черного цвета, каждый из которых украшен одной вышитой фигурой (пальметтой или миндалевидным плодом). В коллекцию вошел деревянный резной штамп (№ 16-200) для нанесения на тюбетейку рисунка для ее дальнейшего вышивания. Штамп очень похож на набойный, и, по всей видимости, имел двойное использование.

Мужская обувь в коллекции представлена зимними сапогами *маси* с высоким голенищем, жесткой подошвой и весьма высокими каблуками (№ 16-37). Термин *маси* в отношении жестких сапог несколько неожидан, поскольку обычно он прилагается к мягким сапогам.

Предметов детской одежды С.М. Дудин не приобрел, но в дневнике отметил, что «костюмы детей повторяли костюмы взрослых, однако чаще, чем где-нибудь, можно было встретить детей, и довольно уже больших, в теплое время года щеголяющих и вовсе без всякого костюма»[18].

Следующую довольно крупную тематическую группу памятников коллекции составили предметы утвари. В своем отчете собиратель отметил, что у кашгарцев и среднеазиатских сартов имеется много общих черт в системе питания, ассортименте излюбленных блюд, предметах сервировки

As elsewhere in Middle and Central Asia, men's garments were worn belted in Kashgar. S.M. Dudin exemplified their belts by cotton sashes with chequered designs (Nos 16-40, 41) — probably as the most widespread type of belts. The belt is complete with a *kolva* leather bag for money (No 16-201) fitted with a loop to suspend it from the belt. The sheathed knife (No 16-117), which was an important attribute of men's dress, also hung from the belt.

Men's hats in the collection are fairly diverse, as is women's headdress, and they fall into three types: fur hats, *tiubeteyka* caps and felt *kolpak* caps with slit brims. The *tumak* (Nos 16-12, 13) and *telpek* (№ 16-197) fur hats are made of sheepskin, with fur inside, covered with cloth. The men's *kolpak tiubeteika* caps (Nos 16-14—17), like women's, are similar to Fergana tiubeteikas in design and embroidery style: they are made up of four wedge-shaped pieces of black fabric, each piece decorated with one embroidered figure (a palmetto or an almond-shaped fruit). The collection also includes a wooden stamp (№ 16-200) for printing designs on *tiubeteika* caps and their subsequent embroidering. The stamp resembles those used in printing patterns on textiles and might have been dual-purposed.

Kashgar men's footwear is represented in the collection by the *masi* winter boots with high tops, hard sole and rather high heels (No 16-37). The term 'masi', which is normally used for soft high boots, is somewhat unexpected with reference to the above hard boots.

S.M. Dudin did not purchase any children's clothes, but in his journal he remarked that "children's dress replicated the adults' garments, but in the warm season one could come across here, more often than elsewhere, children, including fairly big ones, strutting around with no clothes on."[18]

The next thematic group of monuments in the collection is its fairly sizeable cluster of utensils. In his report S.M. Dudin points out that the people of Kashgar have a great deal in common with the Middle Asian Sarts in their food habits, cuisine, tableware, etc. For this reason he left out a considerable part of objects that the Sarts have as well, purchasing only locally specific objects.

[18] *Там же*. Л. 79.

[18] *Ibid.*, f. 79.

стола и т. п. Поэтому при закупке им была опущена значительная часть тех предметов, которые можно было встретить и у сартов, а приобретены лишь вещи с местной спецификой.

Керамическая посуда в Кашгаре, по свидетельству С.М. Дудина, в целом походила по форме изделий и краскам поливы на дешевые сорта посуды, производимые в Коканде и Фергане, но только ее качество было более низким в отношении черепка, глазури и росписи. Кувшины для хранения воды *кун* (*хум*) отличались от среднеазиатских *хумов* более узким горлом и настолько выпуклым дном, что стоять они не могли, поэтому их закапывали в землю. На сосудах можно было встретить тисненый орнамент в виде розеток и т. п. (№ 16-145)[19].

Среди металлической утвари Кашгара собиратель выделил чугунные котелки для варки пищи *данкон* (№ 16-104, 105), похожие на старые узбекские, но иной формы, чем сартовский *лагант*. Форма триподов *данкон* с четырьмя ушками по краям, по всей видимости, восходит к китайской традиции. Интересно устройство *джиль-казан* — котелка, похожего на низенький широкий самовар с трубой и камерой для углей с поддувалом и с тремя перегородочками внутри (№ 16-108). Употреблялся такой котелок для варки особой похлебки из трех видов мяса и разных овощей.

Сосуды из красной меди в Кашгаре бытовали широко, особенно такие их популярные виды, как *кумганы* для воды и *офтаба* для омовений, имеющие много сходства с аналогичной продукцией Коканда. Однако по полученным С.М. Дудиным сведениям эти сосуды обычно привозили из Аксу, по крайней мере, самые качественные вещи, образцы которых и были приобретены — *чугун* (№ 16-109) и *оптуба* (№ 16-110, 111). Медная посуда, украшенная резьбой, встречалась сравнительно редко. Особое внимание собирателя заслуженно привлекли сосуды с изящным прорезным орнаментом в центральной части, имевшие резервуар в виде кольца. Два экземпляра сосудов такого устройства были включены в коллекцию — ваза *сюкашкурале* (№ 16-189, исключена в 1955 г.) и *оптуба* хотанской работы (№ 16-191).

Кожаная утварь представлена в коллекции *таловы чова* — кувшинами для масла (№ 16-157, 159, исключен в 1955 г.) и *тариза чова* — кожаным сосудом, употреблявшимся при продаже масла, который также мог служить одной из чашек весов (№ 16-158).

Наряду с глиняной, металлической, кожаной утварью свое место в коллекции занимают и предметы из дерева. Это два футляра *чина-кап* для чайных чашек, один из которых сплетен из прутьев (№ 16-106), а другой, индийской работы, вырезан из цельного куска дерева и украшен изящной

According to Dudin, on the whole Kashgar pottery resembled in form and glaze colours the cheap ceramic wares produced in Kokand and Fergana, but the quality of its clay, glaze and painted decorations was lower. Their *kun* (*khum*) water containers differed from Middle Asian *khums* by a narrower neck and a bottom bulging so much that they could not stand and had to be dug in the ground. The vessels can carry a stamped ornament of rosettes, etc. (No 16-145).[19]

From among Kashgar metal utensils, S.M. Dudin picked out the *dankon* cast iron pot for cooking (Nos 16-104, 105), which resembles an old Uzbek one, but its shape differs from the Sart lagant pot. The form of the *dankon* tripod, with four lugs on the edges, is probably of Chinese cultural descent. Unusual is the design of the *djil-kazan* pot, resembling a squatty samovar; it has a pipe and a chamber for coals with an ash-pit, with three partitions inside (No 16-108). The pot was used for cooking a special stew with three kinds of meet and various vegetables.

Red copper vessels were widespread in Kashgar, especially such popular types of them as *kumgans* for water and *oftaba* for washing, which had a great deal in common with similar wares from Kokand. However, as S.M. Dudin found out, vessels of this type usually came from Aksu, at least the best of them, specimens of which was what Dudin purchased: *chugun* (No 16-109) and *optuba* (Nos 16-110, 111). Copper vessels decorated with cut designs were relatively rare, so the collector's attention was deservedly attracted by two vessels with dainty pierced ornaments in the middle, which had a reservoir in the shape of a circle. Two vessels of this design were included in the collection: the *siukashkurale* vase (No 16-189, excluded in 1955) and the *optuba* of Khotan make (No 16-191).

Leather utensils are represented in the collection by the *talovy chova* jugs for oil (Nos 16-157, 159, excluded in 1955) and the small *tariza chova* leather vessel used for selling oil; it could be used also as one of the pans of the scale (No 16-158).

Alongside with clay, metal, and leather utensils, wooden objects are also present in the collection. They are two *china-kap* cases for tea cups, one of which is wickerwork (No 16-106) and the other, produced in India, is cut from one lump of wood

[19] *Там же*. Л. 74.

[19] *Ibid.*, f. 74.

Сосуд дервиша для сбора подаяний
Кашгар. Конец XIX в. Тыква, кожа, резьба
РЭМ № 16-176

Dervish's alms vessel
Kashgar. Late 19th century. Gourd, leather, carving
RME No 16-176

Сосуд для омовений
Кашгар. Конец XIX в. Медь
РЭМ № 16-110

Washing vessel
Kashgar. Late 19th century. Copper
RME No 16-110

Сосуд для варки пищи
Кашгар. Конец XIX в. Чугун
РЭМ № 16-105

Pot for cooking
Kashgar. Late 19th century. Cast iron
RME No 16-105

резьбой (№ 16-107). Такие футляры для хранения и транспортировки дорогих фарфоровых чашек обычно использовали кочевники, но они нашли свое применение и в быту кашгарцев. Также для чайных чашек предназначалась и деревянная резная подставка *хош* в виде небольшого подноса с четырьмя ячейками. С.М. Дудин отметил, что такая вещь уже была большой редкостью, вышедшей к тому времени из употребления (№ 16-112). Помимо плетеного *чина-капа*, образцом плетения из тальника в коллекции явились корзины *сават* для лепешек (№ 16-113, 114, исключены в 1955 г.).

Группу кухонного инструментария в коллекции составили железная лопатка для углей *бель* с длинной резной рукояткой (№ 16-103), *чомыш* — деревянный уполовник (№ 16-122), *чомыш-крыксоки* — железный уполовник (№ 16-120, исключен в 1955 г.), *сых* — железные прутья для жарения шашлыка (№ 16-123, исключены в 1955 г.), *пчак* — кухонный нож (№ 16-162). В Янгишаре были приобретены *кашык* — деревянные ложки (№ 16-199), *кынграк* — железные сечки для мяса с массивной рабочей частью прямоугольной формы, одна из которых имеет легкую резьбу (№ 16-118, 119).

Пищевые продукты по понятным причинам редко попадают в музейные коллекции, однако С.М. Дудин решил приобрести дрожжи (№ 16-155, исключены в 1955 г.), полученные из корней растения, оставшегося собирателю неизвестным, и мелкую прессованную в виде небольших четырехугольных плиточек соль (№ 16-156, исключена в 1952 г.).

Как сообщает собиратель в отчете, домашняя обстановка кашгарлыков также была похожа на обстановку среднеазиатских сартов, с той лишь разницей, что здесь не существовало строгого деления двора и дома на женскую и мужскую половины. Такое разделение наблюдалось только изредка, в первую очередь, у богатых людей, хотя и в этом случае этот принцип не выдерживался строго, так как женщины в Кашгаре пользовались значительно большей свободой, чем в остальном Туркестане, и имели равный с мужчинами доступ в мужскую половину[20].

Роль мужской комнаты обычно исполняла небольшая ближайшая к входу комната, которая и обставлялась несколько богаче других. «От других помещений, где царили женщины, она отделялась либо дверью, либо просто занавеской. Под влиянием китайцев на стенах здесь чаще можно было встретить картины, писанные на бумаге и подклеенные к двум палкам — *когаз-гуль* (№ 16-190, исключена в 1955 г.), иногда неплохой работы, но общая уборка стен, подобная той, которую можно было встретить не только в богатых, но даже и в домах среднего достатка в таких горо-

and decorated with dainty carving (№ 16-107). Cases of this kind, for keeping and transporting expensive *china tea cups*, were usually favoured by the nomads, but they found a niche also in the life of the Kashgar people. The khosh carved wooden stand was also designed for tea cups — it had the form of a small tray with four cavities. S.M. Dudin remarked that the object had already gone out of use and was very rare (No 16-112). Besides the wickerwork china-kap, the collection included *savat* baskets for flat cakes woven of willow branches (Nos 16-113, 114, excluded in 1955).

Kashgar kitchen tools and utensils are represented in the collection by the small bel iron shovel for coals with a long carved handle (No 16-103), the *chomysh* wooden ladle (No 16-122), the *chomysh-kryksoki* iron ladle (No 16-120, excluded in 1955), the *sykh* iron skewers for roasting meat (No 16-123, excluded in 1955) and the *pchak* kitchen knife (No 16-162). In Yanghishar, S.M. Dudin bought the *kashyk* wooden spoons (No 16-199) and the *kyngrak* iron choppers for meat with massive rectangular cutting parts, one of which is superficially engraved (No 16-118, 119).

For obvious reasons food stuffs seldom find their way into museums, but Dudin brought a specimen of yeast (No 16-155, excluded in 1955), made of the root of an unidentified plant and small quadrangle tablets of pressed finely ground salt (No 16-156, excluded in 1952).

As the collector observed in his report, the homes of the inhabitants of Kashgar also looked very much like those of the Middle Asian Sarts, the only exception being that there was no strict division of the court and house into women's and men's halves. Separation of this kind was uncommon, observed mainly by the rich, and even by them not very strictly, for women in Kashgar enjoyed a much greater freedom than in the rest of Turkestan and had equal access with men to the men's part of the house.[20]

The function of the men's half was usually performed by the small room nearest the entrance, which was furnished more richly than the others. S.M. Dudin described it as follows: "It was separated from the other rooms where women reigned either with a door or simply with a curtain. Under the influence of the Chinese, the walls in this room were more often decorated with pictures painted on paper and glued on to two sticks — *kogaz-gul* (No 16-190, excluded in 1955), sometimes fairly good; but even in wealthier homes the general decoration of the walls was no match even to average-income homes, let alone rich ones, in such cities as Samarkand, Bukhara or Tashkent. Generally speaking, the dwellings of the

[20] *Там же*. Л. 75.

[20] *Ibid.*, f. 75.

дах, как Самарканд, Бухара или Ташкент, здесь не встречалась даже в довольно богатых домах. Вообще, обстановка жилищ здесь была значительно беднее и проще»[21]. То же самое С.М. Дудин отмечает и относительно наружного убранства жилищ: «Ни вычурно составленных из мелких палочек окон, ни резных дверей здесь не было. Окна были с самыми простыми решетками, обтянутыми бумагой, двери зачастую даже не филенчатые»[22]. Единственным украшением дверей являлись гвозди с декоративными шляпками, крупные и мелкие, образцы которых собиратель приобрел в Янгишаре (№ 16-140, 141).

Конструктивные элементы жилища С.М. Дудин представил замками, которые, по его свидетельству, несколько отличались от среднеазиатских. Медные и железные замки *калун* были более или менее одинакового устройства — четырехугольные, плоские, с выдвижной дужкой и плоским ключом (№ 16-142-145, куплены в Янгишаре, исключены в 1955 г.). Деревянные замки *лук* представляли собой тип запора, который имел широкое распространение в Туркестане, в том числе и в зимовках омских, андижанских, маргеланских казахов и киргизов, а также в Каратегинских бекствах (№ 16-137, 138)[23]. Принцип работы этих замков заключался в том, что засов удерживался при закрывании специальным штырем, который при отмыкании посредством ключа подбрасывался вверх. Подобрать ключ к такому замку было не так легко.

Интересный тематический блок в коллекции составили предметы освещения жилища, также имеющие некоторые отличия от тех, которые находились в обиходе среднеазиатских сартов. Кроме обычных свечей из бараньего сала жители Кашгара использовали для освещения кунжутное масло. Его наливали в чугунные или глиняные светильники *чарак*, которые могли иметь роспись (№ 16-98, исключен в 1955 г., № 16-99). *Чарак* устанавливали на специальной деревянной подставке *чаракпее* (№ 16-97), состоящей из массивного донца с тремя вставленными в него столбиками разной высоты, имеющими сверху полочку. Огонь добывали с помощью огнива *чакмак*, обычно прикрепленного к кожаному мешочку (для трута) с украшениями из железных или медных бляшек (№ 16-100). С.М. Дудин приобрел спички-серянки, изготовлявшиеся из широких или тонких щепочек, один конец которых покрывался серой. Продавались они пачками по семь штук — *тараша-гогут* (№ 16-102). По поводу приобретения одного из экспонатов собиратель пишет, что «в лавках часто можно было встретить складные деревянные фонари с расписными бумажными или матерчатыми стенками — *поныk* (№ 16-101). Бумажные стенки сминались в них так же, как мех в гармонике»[24].

[21] *Там же*. Л. 75.
[22] *Там же*. Л. 75.
[23] *Там же*. Л. 76.
[24] *Там же*. Л. 75.

inhabitants of Kashgar were furnished much more poorly and simply."[21] S.M. Dudin noted almost the same about the exteriors of the dwellings, which had "no carved doors or fanciful windows intricately composed of small sticks. Doors even had not panels and the windows were simple gratings covered with paper."[22] The only adornments of the doors were nails with decorative tops of large and small sizes, which the collector bought in Yanghishar (Nos 16-140, 141).

S.M. Dudin brought also some locks used in Kashgar, for they differed, according to him, from the Middle Asian types. The *kalun* copper and iron padlocks were of more or less the same design — flat, quadrangular, with a sliding shackle and a flat key (Nos 16-142—145, purchased in Yanghishar, excluded in 1955). The *luk* wooden lock was a special type of wide currency in Turkestan, including the winter huts of the Omsk, Andijan and Marghelan Kazakhs and Kyrghyzes, as well as on the lands of Karateghin Beks (Nos 16-137, 138).[23] The principle of these locks is that the latch is held by a special rod, which is raised at the turn of the key. It was not very easy to get a key to this kind of lock.

An interesting section in the collection contains lighting devices for home, which were also different from those used by the Middle Asian Sarts. The inhabitants of Kashgar used sesame oil to light their homes, in addition to the usual candles of sheep suet. They poured the oil into cast iron or clay *charak* lamps, which could be adorned with painted designs (No 16-98 excluded in 1955, No 16-99). They would put the *charak* on a special wooden stand called *charakpeye* (No 16-97), which consisted of a massive base with three poles of different height stuck in it; each pole was topped by a lamp shelf. To light the lamp they used the *chakmak* flint and steel, which were usually attached to the small leather bag (for tinder) decorated with iron or copper plaques (No 16-100). S.M. Dudin also bought some sulphur matches made of thin or broad splinters, one end of which was covered with sulphur. They were sold in packets of seven — *tarasha-gogut* (No 16-102). When writing about the purchase of one of the exhibits, S.M. Dudin marked that "in shops one could often see *ponyk*, folding wooden lanterns, with painted paper or fabric walls (No 16-101). Their paper walls folded like the bellows of a concertina."[24]

[21] *Ibid.*
[22] *Ibid.*
[23] *Ibid.*, f. 76.
[24] *Ibid.*, f. 75.

Из предметов внутренней обстановки жилища в коллекцию была включена деревянная раскрашенная вешалка для шапок, состоящая из рамки с точеными гвоздями — *казык* (№ 16-133), а также сами деревянные точеные гвозди, также служившие в качестве вешалки (№ 16-136).

Принадлежности для курения табака С.М. Дудин старался включить во все свои сборы. Не стала исключением и кашгарская коллекция. Приобретенные *чилимы* из тыквы-горлянки и меди аксуйской работы (№ 16-150, 151, 152), по его мнению, не отличались существенно от среднеазиатских. Кроме них, в коллекцию вошел *чилим* из рога с резным орнаментом, своим устройством напоминающий китайские кальяны (№ 16-153). Табакерки для хранения жевательного табака в Кашгаре бытовали в двух основных вариантах — одни из тыквянок, во многом похожие на самаркандские, а другие из рога (№ 16-154), подобные киргизским или казахским.

Останавливаясь на ремесленных промыслах, С.М. Дудин отмечает, что в Кашгаре существовали все те их виды, которые были характерны и для Русского Туркестана. Одинаковыми или же несущественно разнящимися были инструменты ремесленников и технологические приемы, хотя уровень некоторых ремесленных отраслей в Кашгаре С.М. Дудин признавал более низким. Как пишет собиратель, «лучшее, что делают кашгарлыки, это *мата* белая и цветная (*хом*), которая вывозится из Кашгара и в Русский Туркестан, также как и бумажные *капы* (мешки. — *Прим. С.Д., Л.П.*), которые здесь также отличаются и дешевизной, и добротой (№ 16-196)»[25]. Для характеристики ручного текстильного производства С.М. Дудин приобрел образцы следующих сортов ткани: *хом* — белой бумажной материи (№ 16-55); *сары-хом* — желтой бумажной материи (№ 16-48); *яшиль-астар* — голубой бумажной материи (№ 16-49); *зангарои-хом* — серо-синей бумажной материи, которая шла на подкладку для халатов, одеял и т. д., а в продажу поступала кусками по 18 и более аршин (один аршин — 0, 71 см) (№ 16-50); *кок-хом* — синей бумажной материи более высокого сорта, чем предыдущие, употреблявшейся бедняками сартами и киргизами для шитья рубах, штанов, халатов и т. п. (№ 16-51); *кизыл-хом* — красной бумажной материи плотной выделки для халатов (№ 16-52); *кара-хом* — черной плотной бумажной материи того же назначения, что и *кизыл-хом* (№ 16-53); *уштыхом* — белой лощеной бумажной материи, употреблявшейся для шитья рубах и штанов (№ 16-54).

Также С.М. Дудин включил в коллекцию образцы метражной набойки *сагас*, употреблявшейся на подкладку для халатов, одеял и т. д. (№ 16-42—47). Собиратель отметил ее сходство с набойкой Коканда, хотя не пояснил, в чем

The objects of home interior are represented in the collection by the wooden rack for hats painted in different colours, which consists of a frame with *kazyk* turned nails (No 16-133), as well as the turned wooden nails themselves, which served as pegs (No 16-136).

In all of his collections S.M. Dudin tried to include tobacco smoking accessories. His Kashgar collection is no exception. In his opinion, the *chilim* smoking vessels he purchased, produced in Aksu of gourd and copper (Nos 16-150, 151, 152), did not substantially differ from the Middle Asian standard. Apart from them, the collection includes a *chilim* made of horn with carved ornamentation, whose design resembles Chinese hookahs (No 16-153). In Kashgar they favoured two types of boxes for chewing tobacco — one was made of gourds, in many respects resembling Samarkand wares, and the other of horn (No 16-154), very similar to their Kyrghyz or Kazakh counterparts.

Dwelling on Kashgar's cottage industries, S.M. Dudin notes that their entire range was characteristic also of Russian Turkestan. The craftsmen's tools were either identical or insignificantly different, as were their techniques and methods, although he regarded Kashgar's standards in some industries as inferior. As the collector wrote, "the best of what Kashgar makes is its white *mata* and coloured cotton fabric (*khom*), which are exported to Russian Turkestan, as well as cotton *kapy* (sacks — *S.D. and L.P.*), notable both for their cheapness and good quality (No 16-196)."[25] To characterize the local hand-loom textile production, S.M. Dudin bought specimens of the following fabrics: white *khom* cotton fabric (No 16-55); yellow *sary-khom* cotton fabric (No 16-48); light blue *yashil-astar* cotton fabric (No 16-49); grey-blue *zangaroi-khom* cotton textile (No 16-50), which was used for the linings of gowns, blankets, etc. — sold in lengths of 18 and more *arshins* (one Russian *arshin* is 0.71 cm); blue *kok-khom* cotton fabric of a higher quality than those above — used by poor Sarts and Kyrghyzes to make shirts, trousers, gowns, etc. (No 16-51); red *kyzyl-khom* dense cotton fabric for gowns (No 16-52); black *kara-khom* dense cotton fabric of the same designation as *kyzyl-khom* (No 16-53); white *ushty-khom* glossy cotton fabric used for making shirts and trousers (No 16-54).

Besides, S.M. Dudin included in his collection some specimens of *sagas* prints, sold by the meter, for gown, blankets linings, etc. (No 16-42—47). He noted its similarity with Kokand prints, without explaining what exactly the points of similarity were. Some prints in his collection have a white ground and smallish brown-green circular patterns, while others have a red-brown ground with black floral designs. The latter colour version has numerous parallels in Middle Asian prints.

[25] *Там же*. Л. 81.

[25] *Ibid.*, f. 81.

именно оно состоит. Набойка коллекции частью имеет белый фон и мелкий рисунок в виде коричнево-зеленых кружков, частью красно-коричневый фон с черным цветочным рисунком. Последний вариант цветового решения находит много параллелей со среднеазиатской набойкой.

К числу высокоразвитых ремесел Кашгара С.М. Дудин отнес кожевенное, закупив восемь образцов кожи разного сорта. Лошадиная кожа (*к н*) (№ 16-188) шла на мужские зимние сапоги и туфли *кауш*; коровья (*колынын-чоме*) (№ 16-182) и верблюжья (*тугунын-чоме*) (№ 16-183) предназначалась для изготовления подошв; баранья (*кийнун-миши*) (№ 16-184, 185) разных цветов (белая, желтая, черная, красная) низкого сорта использовалась для летней и детской дешевой обуви и т. п.; из козьей (*джакрын*) (№ 16-186) шили мягкие сапоги *маси* и вообще обувь лучшего качества, окрашивая ее в красный или черный цвета; зеленый сафьян (*сагры-кок*) (№ 16-187), похожий на бухарский, шел, главным образом, на туфли *кауш*. Инструментов для выделки кож С.М. Дудину увидеть и приобрести не удалось.

Ремесленные инструменты и орудия труда, которые не встречались у сартов Средней Азии или несколько отличались по конструкции, С.М. Дудин представил следующими экспонатами: *ямарогыч* — длинная железная пластина с рядом мелких отверстий, употреблявшаяся для сучения ниток (№ 16-126, исключена в 1955 г.); *камон* — лук для разбивания шерсти и хлопка (№ 16-127); *кетмень* — железная мотыга для земляных работ, несколько меньших размеров и более узкая, чем в Средней Азии (№ 16-130); *ирчак* — серп (№ 16-129); *бель* — железная полукруглая лопатка на длинной деревянной рукоятке, употреблявшаяся для размешивания глины (№ 16-128, исключена в 1955 г.); глиняный «болван» в виде опрокинутого цилиндрического горшка с выпуклым дном, на котором шили шапки (№ 16-139). Как предмет повседневного быта вошли в коллекцию мухогонки (№ 16-96, 97) из хвоста яка, прикрепленного к костяной точеной рукоятке. Употребляли такие приспособления на кухнях и в лавках со сластями.

Имея особый интерес к ковровым изделиям, С.М. Дудин уделил им много внимания, зафиксировав, что шерстяные паласы, кошмы и ковры в самом Кашгаре не производили, а привозили их из Хотана и Аксу для широкого вывоза в пределы Русского Туркестана. Войлочным кошмам собиратель дал самую высокую оценку из-за хорошего качества шерсти и самой валки, особенно отметив белые кошмы, а также те, которые были окрашены в синий и алый цвета. Войлоки Восточного Туркестана отличает очень интересная техника образования вкатанного узора, позволяющая выделить их в особую группу в азиатской традиции валяния войлока. На почти готовую белую основу накладывали тонкие прядки цветной шерсти, создавая мелкий изящный и сложный рисунок, а затем продолжали катать, только приваливая узор.

S.M. Dudin regarded Kashgar's leather processing crafts as highly developed and purchased eight specimens of leather of different grades. They used the *k n* horse leather (No 16-188) for men's winter high boots and *kaush* shoes; the *kolynyn-chome* cow leather (No 16-182) and *tugunyn-chome* camel leather (No 16-183) were used in the making of soles; *kiynun-mishi* sheep leather (Nos 16-184, 185) was a low-grade product in different colours (white, yellow, black and red) used in the making of summer and cheap children's footwear, etc.; *djakryn* goat leather (No 16-186), died black or red, went into the making of *masi* soft high boots and quality footwear in general; green *sagry-kok* morocco (No 16-187), which resembled the same product of Bukhara, was chiefly used in the making of *kaush* shoes. S.M. Dudin was not able to see or buy any tools for leather processing.

The following are craftsmen's tools and implements that S.M. Dudin included in the collection either because the Middle Asian Sarts did not have them at all or because their design was not quite the same as in Kashgar: their *yamaroghych* (No 16-126, excluded in 1955) was a long iron plate with small openings for twisting threads; the *kamon* was a bow for beating wool and cotton (No 16-127); the *ketmen* was an iron mattock, somewhat smaller and narrower than in Middle Asia (No 16-130); the *irchak* sickle has its usual function (No 16-129); the *bel* iron trowel on a long handle was used for mixing clay (No 16-128, excluded in 1955); the clay block in the shape of an upturned pot with a bulging bottom was used for making hats (No 16-139). The fly swatter (No 16-96, 97) for keeping flies away, made from the yak tail attached to a carved bone handle, was included in the collection as an object of everyday life. They were used in kitchens and confectionary shops.

As a connoisseur of carpets, S.M. Dudin paid great attention to them, establishing that there was no production of woollen carpets and rugs, as well as felt carpets, in Kashgar, but they were brought there from Khotan and Aksu for large-scale exports into Russian Turkestan. The collector gave full marks to felt pieces for the good quality of their wool and the rolling, particularly praising white felt carpets and those in dark blue and scarlet. Felts from Eastern Turkestan are distinguished for a very interesting technique of forming a rolled design, which gives grounds to place them in a special group in the Asian tradition of felt rolling. They would place thin wisps of coloured wool on the almost ready white warp, creating a dainty and complicated design and then they would continue the rolling, concentrating on the design. In consequence, the pattern did not lose its own texture and relief, although, as S.M. Dudin justly observed, the bond between the warp and the design was weak (Nos 16-208, 209). In Middle Asia this technique of rolling has been practised by the Western Kazakhs and Karakalpaks in the areas adjoining the Sea of Aral, but the ornament in those areas is much simpler.

Ковер постилочный
Кашгар. Конец XIX в. Шерсть, войлок
РЭМ № 16-206

Floor carpet
Kashgar. Late 19th century. Wool, felt
RME No 16-206

Ковер постилочный ворсовый
Кашгар. Конец XIX в. Шерсть, шелк
РЭМ № 16-203

Floor pile carpet
Kashgar. Late 19th century. Wool, silk
RME No 16-203

Вследствие этого орнамент не терял своей собственной фактуры и рельефа, однако, как справедливо замечает С.М. Дудин, связь между основой и рисунком при этом оказывалась непрочной (№ 16-208, 209). Подобная техника валяния в Средней Азии отмечена в районах Приаралья у западных казахов и каракалпаков, но орнамент их изделий гораздо проще.

Качество паласов и ковров показалось собирателю крайне невысоким из-за неискусной техники тканья, грубости рисунка и красок (№ 16-193). Ковры ткались «чаще всего на бумажной основе, ткань их получалась рыхлая, отчасти от плохого качества ворсовых ниток, отчасти же потому, что между нитками утка, к которым прикрепляются ворсовые нитки, пропускались, кроме нитки, прижимающей и разграничивающей ворсовые нитки, — толстые уточные нитки, назначение которых сводится лишь к увеличению длины тканья за счет его плотности, и, наконец, потому еще, что и остальные нитки утка отличались значительной толщиной при большой неровности прядения. В силу последнего обстоятельства, да еще при условии небольшой длины нитей — стрижка ковров не отличается ровностью, ковер кажется как бы потрепанным и «зажеванным». Неровность стрижки сообщает рисункам несколько неряшливый вид. Орнамент представляет странную смесь элементов китайского и узбекского или киргизского орнаментов. Особенно часто встречаются мотив облаков (на каймах) и свастика простая и сложная. Из узбекских мотивов — цветы с листьями и стеблями, посаженные в горшки разных форм и т. п. Узор сильно выделяется из фона, а не связывается с ним в одно целое; краски грубы, ярки и плохо гармонируют между собой. Все они минеральные, а не растительные и очень не прочны, выгорание их происходит лет в 5—6, не больше, причем гармонии их, и без того плохие, нарушаются в еще большей степени (№ 16-203)»[26].

В поездку следующего 1902 г. собирателю удалось приобрести в Фергане два или три старых кашгарских ковра, качество работы которых, по его мнению, указывало, что ковровое дело раньше в этих местах стояло гораздо выше: «По простоте и изяществу рисунков эти коврики близко подходили к хорошим киргизским коврам, а по богатому золотистому общему тону, получившемуся, правда, в результате выщипывания, можно было все-таки догадаться, что их краски были теплее и гармоничнее красок на коврах более позднего времени. Китайского влияния в орнаменте на них было меньше, чем в поздних коврах»[27]. Таким образом, небольшое число приобретенных собирателем ковров и паласов объясняется их однообразием и не удовлетворявшим его качеством.

S.M. Dudin found the quality of carpets and rugs made in Kashgar extremely low because of their poor workmanship and crude designs and colours (No 16-193). Kashgar carpets were "for the most part woven on a cotton warp, their weave was loose — partly because of the low quality of the pile threads and partly because the weavers passed between the weft threads to which pile threads are attached thick weft threads, whose function was to increase the length of the product at the expense of its density; and finally also because the other threads of the weft were rather too thick, while the weaving was uneven. In consequence of the latter circumstance and the shortness of the pile threads, the clipping is non-uniform and the carpet looks tattered and crumpled. The uneven clipping gives the design a somewhat untidy appearance. The ornament is a queer mixture of Chinese elements with Uzbek or Kyrghyz ones. The most frequent motif is clouds, mostly on the borders, and the simple or involved swastika. The Uzbek motifs employed are flowers with leaves and stalks growing in pots of different shapes, etc. The design stands out sharply from the ground, instead of integrating with it into one whole; the colours are loud, bright, clashing. The pigments are all mineral rather than vegetable and not durable, fading away in five to six years, not more — their harmonies, imperfect as they are, getting even more disbalanced (No 16-203).[26]

During his journey in the following year, 1902, the researcher was able to buy in Fergana two or three old Kashgar carpets, the craftsmanship of which, in his opinion, indicated that Kashgar carpet weaving used to be far better developed: "the simplicity and refinement of their patterns made these rugs similar to good Kyrghyz carpets, whereas from their rich golden background, which admittedly resulted from plucking out, one could still guess that their colours were warmer and more harmonious than in later-day output. Also, they displayed less Chinese influence than later products."[27] Thus, the small number of rugs and carpets purchased by the explorer can be explained by their monotony and dissatisfying quality.

[26] *Там же*. Л. 82.
[27] *Там же*. Л. 83.

[26] *Ibid.*, 82.
[27] *Ibid.*, 83.

Кроме шерстяных ковров, как пишет С.М. Дудин, в Хотане ткали и шелковые ковры на бумажной основе (№ 16-192). По рисунку и краскам они не отличались от шерстяных ковров, но работа их была несколько лучше, они были плотнее и стрижка их ровнее. В Кашгаре собиратель иногда встречал ковры с изображениями животных, но, по его мнению, эти изделия представляли скорее «плод выдумки одного какого-нибудь ткача, а не явление, с которым необходимо было считаться как с типичным»[28].

В своей статье, посвященной коврам Средней Азии, С.М. Дудин выделяет ковры Восточного Туркестана в отдельный тип с характерными признаками: основа и уток всегда хлопчатобумажные, ворсовые нитки либо шерстяные, либо шелковые; структура более рыхлая, чем даже у киргизских ковров (плотность вязки ворса — от 400 до 800 петель на 100 см²); «вполне определенное доминирование фона над орнаментом, стремление давать одну орнаментальную тему для середины ковра, как в некоторых персидских и других коврах. Краски их богаче и разнообразнее, чем у собственно киргизских ковров: кроме основных простых тонов здесь встречаются и довольно разнообразные нюансы их, особенно в шелковых коврах и шерстяных хорошей работы. В среднем, однако, они ярки, пестры и достаточно безвкусны»[29]. При этом С.М. Дудин отмечает очень широкую географию сбыта кашгарских ковров — он встречал их и в Монголии, и на среднеазиатских рынках[30].

Не была оставлена С.М. Дудиным без внимания и музыкальная культура Кашгара. Здешняя музыка показалась ему гораздо приятнее среднеазиатской, а в манере пения он заметил много общего с напевами киргизов. Разнообразнее были и виды музыкальных инструментов кашгарцев, которые собиратель представил группами духовых, щипковых и ударных. В первую группу вошли свирель из камыша *най* (№ 16-169) и деревянный *сурнай* с соломенным пищиком (№ 16-168). Группу щипковых инструментов составили двухструнный *дутар* с гораздо более длинным грифом, нежели в Средней Азии (№ 16-166, исключен в 1979 г.), *тамбур* со столь же длинным грифом и пятью струнами вместо трех (№ 16-163, исключен в 1955 г.; № 16-167), пятиструнный *рабоб* с грифом средней длины и с кожаной декой, на котором играли «ноготком» (плектором) из тростника или роговой пластины (№ 16-164, приобретен в Янгишаре), *калын* — цимбалы с металлическими струнами, по форме сходные с русским гуслями, только большего размера (№ 16-174). Ударные инструменты представлены барабанчиками с глиняным корпусом, отличающиеся от среднеазиатских только несколько иной формой горшков и способом натяжки на них кожи (№ 16-170—173).

Besides woollen carpets, as S.M. Dudin writes, silk ones on cotton warp were also woven in Khotan (No 16-192). In colour and design they did not differ from woollen carpets, but the workmanship they displayed was somewhat better, they were denser and their clipping was smoother. In Kashgar the collector occasionally came across carpets with animal representations, but those were "fruit of the fantasy of an individual weaver rather than a phenomenon to take into account as typical."[28]

In his article dealing with the carpets of Middle Asia, S.M. Dudin assigns the carpets of Eastern Turkestan to a separate type with its specific features, as follows: the warp and weft are always cotton; the pile threads are either wool or silk; the structure is even looser than in Kyrghyz carpets (the weave density of pile is from 400 to 800 knots per 100 cm²); "quite a definite domination of the ground over the design and a desire to give only one ornamental theme to the centre of the carpet, as seen also in some Persian and other carpets. Their colours are richer and more varied than in carpets made in Kyrghyzia itself: in addition to the basic simple tones one can also see here fairly diverse hues of them, especially in silk carpets and quality woollen ones. On an average, however, they are bright, loud and rather tasteless."[29] At the same time, S.M. Dudin mentions the wide geography of Kashgar carpet markets — he came across them both in Mongolia and in Middle Asia.[30]

The musical culture of Kashgar did not escape S.M. Dudin's attention either. He found local music more pleasing than that of Middle Asia, noting in its singing style a great deal in common with Kyrghyz songs. A greater diversity was shown also by Kashgar musical instruments, which the collector represented by the wind, pluck string and percussion groups. The first group included the nai reed-pipe (No 16-169) and the wooden *surnai* with a straw reed (No 16-168). The group of stringed instruments played by plucking consists of the two-string *dutar* with a much longer finger-board than in Middle Asia (No 16-166, excluded in 1979), the *tambur* with as long a finger-board and five strings instead of three (No 16-163, excluded in 1955; No 16-167), the five-string *rabob* with a medium-size finger-board and a leather sounding-board, played with plectrum made of reed or horn (No 16-164, purchased in Yanghishar), the *kalyn* cymbals with metal strings, similar in shape to the Russian gusli psaltery, but bigger in size (No 16-174). Percussion instruments are represented in the collection by small drums with clay bodies, differing from their Middle Asian counterparts only in the shape of the pots and the method of stretching leather over them (Nos 16-170—173).

---

28 *Там же*. Л. 83.

29 Дудин С.М. Ковровые изделия Средней Азии // Сборник МАЭ. Т. 7. Л., 1928. С. 144—145.

30 *Там же*. С. 149.

28 *Ibid.*

29 Dudin, S.M. "Carpets of Middle Asia." *Collected articles of MAE*. Vol. 7. L., 1928, pp. 144—145.

30 *Ibid.*, p. 149.

Интереснейшую группу вещей коллекции составили атрибуты дервиша, хотя о них в отчете почему-то нет никакой информации. Костюм дервиша представлен вышитым колпаком из красного сукна с шерстяной бахромой по краю. Подобные колпаки наряду с халатами из лоскутов, символизировавшими презрение к мирским благам, были характерны для членов нищенствующего братства *каландарийя*. Два сосуда для подаяний характеризуют непременные атрибуты дервишей-*каландаров*. Один из сосудов, предназначавшийся для жидкой пищи, изготовлен из тыквы-горлянки и украшен интересным орнаментом, который включает изображения холодного и огнестрельного оружия, музыкальных инструментов, специальных шумящих инструментов дервишей, предметов утвари. Любопытно, что в коллекции фотографий, сделанных С.М. Дудиным в Кашгаре, имеется снимок дервиша именно с этим сосудом. Данный штрих собирательского почерка исследователя еще раз характеризует его стремление не только приобрести вещь, но и документировать ее живое бытование в культуре. Второй сосуд деревянный, он имеет форму ладьи и декорирован геометрической выемчатой резьбой. Большую ценность имеет уникальный посох *сапаи*, единственный в собрании РЭМ (№ 16-175). Посох изготовлен из ствола или толстой ветки дерева причудливо изогнутой формы с развилкой на верхнем конце. К одному из концов развилки прикреплен висящий на металлической цепочке хвост яка и длинные полоски тканей разного сорта. Каждый из элементов посоха имеет глубокий символический смысл, научная интерпретация которого в комплексе еще не предпринималась.

Собирателю удалось включить в коллекцию шумящие инструменты (№ 16-178—180), использовавшиеся как дервишами, так и юродивыми *дюана*. Эти инструменты носят то же название, что и посох — *сапаи*. Учитывая, что термином *сапы* (каз.) или *шоп* (узб.) в Средней Азии назывался один из видов длинноклинкового холодного оружия[31], можно предположить, что тот или иной вид *сапаи* был символическим оружием дервишей, направленным против злых сил. Один из инструментов изготовлен из рога архара, на который нанизаны металлические колечки, два других состоят из парных палочек с аналогичными колечками.

Два предмета в коллекции представляют культуру письма Восточного Туркестана. Это стаканчик для перьев (№ 16-160) и баранья лопатка с написанным тушью арабским алфавитом (№ 16-161). Последний экспонат ждет своего исследователя, поскольку не вполне ясно использо-

A most interesting part of the collection comprises the dervish outfit, although for some reason there is no mention of it in the report. The dervish costume is represented by an embroidered *kolpak* cap of red heavy worsted with woollen fringes along the edges. Such caps, together with gowns made of scraps, symbolizing disdain of worldly comforts, were characteristic of the members of the *kalandaria* fraternity of pauper dervishes. Two vessels for alms are the indispensable belongings of *kalandar* dervishes. One of the vessels designated for liquid food is made of gourd and decorated with an interesting ornamental design including representations of cold steel and firearms, musical instruments, special noise-making dervish instruments and utensils. Curiously, S.M. Dudin's collection of photographs from Kashgar includes a picture of a dervish holding this very vessel. This feature of the collector's style stresses once again S.M. Dudin's desire not only to purchase a cultural monument but also document its live functioning. The other vessel is made of wood in the form of a boat and is decorated with a geometric notched design. Very valuable is the unique *sapaï* staff, the only one in the collection of the RME (No 16-175). The staff is made of the trunk or thick branch of a tree, in a whimsically curved shape, forking at the top end. Attached to one of the ends of the bifurcation is a yak's tail and long strips of fabrics of different kinds. Each of the elements of the staff has a profound symbolic meaning, no scientific interpretation of which has been attempted as yet.

S.M. Dudin succeeded in finding for the collection some noise-making instruments (Nos 16-178—180), used both by dervishes and *diuana* holy feeble-minded paupers. The name of the instrument is the same as that of the staff — *sapaï*. Considering that the term *sapy* (Kaz.), *shop* (Uzb.) was used in Middle Asia to denote one of the types of swords,[31] it can be surmised that the former or the latter kind of *sapaï* was a symbolic dervish weapon against evil forces. One of the instruments is made of horn on which small metal rings are strung, while the two others consist of companion sticks strung with similar rings.

Two objects in the collection represent Eastern Turkestan's culture of writing. They are a tumbler for writing nibs (No 16-160) and a sheep's blade with Arabic alphabet written on it in Indian ink (No 16-161). The latter artefact still awaits its researcher since the use here of the bone, primarily connected with fortune telling, for the above purpose is rather unclear.

[31] Авторы выражают благодарность Д.А. Шереметьеву за данные сведения.

[31] The writers convey their gratitude to D.A. Sheremetyev for this information.

вание в указанных целях именно лопатки — кости, связанной в первую очередь с гадательными функциями.

По прошествии двух недель, закончив покупку вещей, С.М. Дудин покидает Кашгар, двигаясь по той же дороге, которой прибыл в город. В августе 1901 г. из крепости Иркештам через Терек-Даванский перевал, в это время уже проходимый, он направился к городу Ош. Этот путь был очень труден и в другое время года мог представлять большую опасность. «О последнем обстоятельстве, — пишет С.М. Дудин в отчете, — помимо других соображений, говорит и то поле верблюжьих, лошадиных и других костей, которые проезжаешь, не доходя двух-трех верст (1 верста — 1,06 км) до наивысшей точки перевала. Кости сметены сюда в одну небольшую долину снежными отвалами. На фоне склонов перевала, сплошь засыпанных острыми обломками как уголь черного кремнистого сланца, с блестящими пятнами снега там и сям, эти вымытые снегом и выбеленные солнцем остатки массы жертв, погибших здесь в разное время, среди которых были и люди, много людей, производят тяжелое, гнетущее впечатление. Спуск с перевала еще более труден по причине крутизны склонов, осыпей, отсутствия дороги, еще более угрюм, чем подъем на перевал, и поражает своеобразной красотой»[32]. Из Оша Дудин выехал в Самарканд, где его ждала работа по окончанию фотографического альбома[33].

Так завершились две недели кашгарского этапа масштабного семимесячного путешествия, предпринятого в 1901 г. выдающимся собирателем, исследователем, подвижником музейного дела. За этот в сущности ничтожный отрезок времени С.М. Дудин сумел запечатлеть в одной коллекции характерные черты культуры населения Кашгара, которая в то время еще оставалась *terra incognita* для европейцев. В большой мере, как ни странно, она остается таковой и сейчас, поэтому обращение к сохраненному культурному наследию Восточного Туркестана будет служить все новому его «открытию».

After a fortnight-long stay and completion of the purchase of the objects, S.M. Dudin left Kashgar, retracing the way he had arrived in the city. In August 1901 he went from fort Irkeshtam to Osh by way of the Terek-Davan pass, which was already hard to cross. The route was very difficult and might be dangerous in a different season. "The latter circumstance," wrote S.M. Dudin in his report, "apart from other things, is illustrated by the field of camel, horse and other bones one passes at a distance of two or three *verstas* (1 *versta* is 1.06 km) from the highest point of the pass. The bones have been swept here into a small valley by avalanches of snow. Seen against the background of the slopes of the pass covered with coal black fragments of stony slate, with brilliant patches of snow here and there, these snow-washed and sun-whitened remains of numerous victims, including people that perished here in different periods, produce a gloomy, depressing impact. Descent from the pass is even more difficult because of the steep slopes, screes, and absence of a road. It is even more melancholy than climbing — and strikes you at the same time with its peculiar beauty.[32] From Osh Dudin left for Samarkand where he was to finish work on his album of photographs.[33]

That was the close of the fortnight-long Kashgar leg of the large-scale seven-month journey undertaken, in 1901, by the outstanding traveller, researcher and collector wholeheartedly devoted to museum work. Over that short, virtually negligible period of time, S.M. Dudin succeeded in recording in just one collection the most characteristic features of Kashgar culture, which at that time still was a *terra incognita* for the Europeans. Strange as it is, to a large extent it remains one even today, therefore addressing the preserved cultural heritage of Eastern Turkestan is to facilitate its 're-discovery'.

[32] Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2, ед. хр. 247. Л. 85.
[33] *Там же*. Л. 87.

[32] RME Archives. Fond 1, Inv. 2, unit 247, f. 85.
[33] *Ibid.*, p. 87.

Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907—1909) и открытие Хара-Хото[1]

Т.И. Юсупова

Кому охота
Шагать без счета,
Когда выдуман самолет?
Кому охота
Искать Хара-Хото —
Город, который мертв?

В. Инбер, 1926

Странно иногда распоряжается судьба археологическими открытиями. Один человек может полжизни потратить на изучение научной проблемы, на поиски следов исчезнувших цивилизаций, но все его усилия окажутся тщетными: долгий и кропотливый труд не будет достойно вознагражден. Другой, даже не помышляя об этом, решая совершенно иные задачи, совершает неожиданное открытие. Так случилось с П.К. Козловым, который, не будучи археологом, внес выдающийся вклад в археологическую науку. Мировую славу путешественнику-географу принесли раскопки, проведенные в 1908—1909 гг. в засыпанном гобийскими песками Хара-Хото и в 1924—1925 гг. в гуннских (*xiongnu*) захоронениях, в горах Ноин-Ула в Монголии. Что это? Слепой случай или запланированная удача? Попробуем разобраться.

О П.К. Козлове (1863—1935) и его путешествиях существует довольно обширная литература[2]. В данном очерке мы более подробно остановимся на обстоятельствах подготовки и проведения Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907—1909)[3], во время которой были сделаны уникальные археологические находки в Хара-Хото. Эти материалы позволили

1 Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00443а).

2 См., напр.: Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923—1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001, № 2. С. 51—74; Кравклис Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006 и др.

3 См.: Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923; Андреев А.И. О том, как был дважды открыт мертвый город Хара-Хото // От Байкала до священной Лхасы. СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 61—87; Кычанов Е.И. Соблазн славы // Восточная коллекция. Осень 2001. С. 76—80 и др.

P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907–1909): the Discovery of Khara-Khoto[1]

T.I. Yusupova

Who's going
To walk endless miles
If a plane is a common thing?
Who's going
To search for Khara-Khoto –
A dead city that will never swing?

V. Inber, 1926

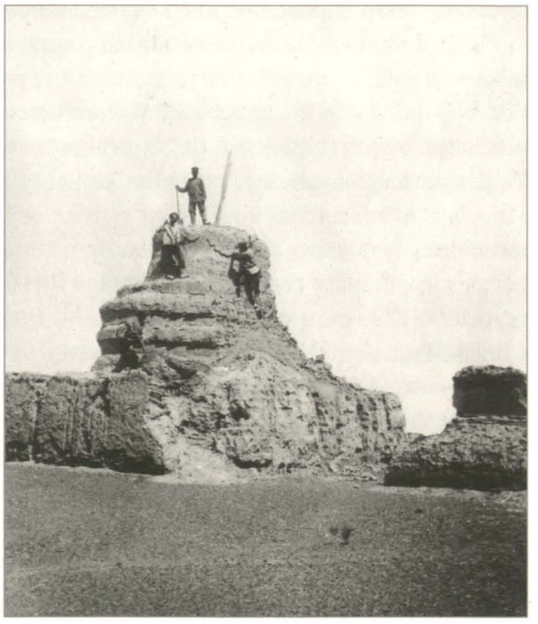
Destiny can play strange games with archaeological discoveries. One can spend half his life studying a scientific problem or looking for traces of vanished civilizations, but all the efforts prove futile: the long and arduous labours remain unrewarded, whereas somebody else makes an unexpected discovery without ever thinking of it – while addressing entirely different tasks. This was the case with P.K. Kozlov, who made an outstanding contribution to archaeology without being a qualified archaeologist. The traveller and geographer gained world renown for his excavations carried out in 1908–09 in Khara-Khoto buried in the Gobi sands, and in 1924–25 in the Hun (*xiongnu*) burials in the Noyon Uul Mountains in Mongolia. Was it a sheer chance or 'planned' luck? Let us try to sort this out.

Fairly comprehensive literature exists about P.K. Kozlov (1863–1935) and his travels.[2] In this essay we will dwell in greater detail on the circumstances of the preparation and conduct of the Mongolia and Sichuan Expedition of 1907–09,[3] in the course of which unique archaeological finds were made in Khara-Khoto. Those materials made it possible to reconstruct the history of the forgotten Xi-Xia state of the Tanguts, which

1 Research supported by Russian Foundation for Humanities (project No 08-03-00443a).

2 See for example: Ovchinnikova, T.N. *P.K. Kozlov as Explorer of Central Asia*. M., 1964; Zhitomirsky, S.V. *P.K. Kozlov, Explorer of Mongolia and Tibet*. M., 1989; Andreyev, A.I., Yusupova, T.I. "History of One Travel that Was not Quite Usual: P.K. Kozlov's Mongolia and Tibet Expedition (1923–1926)." *Issues of the History of Science and Technology*. 2001 (No 2), pp. 51–74; Kravklis, N. *Life and Travels of Pyotr Kuzmich Kozlov*. Smolensk, 2006.

3 See Kozlov, P.K. *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*. Petrograd, 1923; Andreyev, A.I. "On How the Dead City of Khara-Khoto Was Discovered Twice." In *From Baikal to Holy Lhasa*. SPb., Samara, Prague, 1997, pp. 61–87; Kychanov, E.I. "Temptation of Glory." *Oriental Collection*. Autumn 2000, pp. 76–80 ff.



Знаменитый субурган в Хара-Хото до раскопок. 1909
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург

The famous suburgan in Khara-Khoto before excavations. 1909
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg

Статуя и голова Будды из находок в Хара-Хото. 1926
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург

Statue and the Buddha's head from the Khara-Khoto finds. 1926
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg

Знаменитый субурган в Хара-Хото после окончания раскопок. 1909
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург

The famous suburgan in Khara-Khoto after excavations. 1909
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg

восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892—1227) на территории современного северного Китая[4], и положили начало развитию научного тангутоведения. Дополним ставшие уже широко известными факты более развернутыми цитатами из неопубликованных документов и редко цитируемых работ, изданных в период деятельности экспедиции[5], чтобы глубже понять мотивацию поступков людей уже достаточно далекого от нас времени.

Особую роль в изучении центральноазиатского региона сыграли экспедиции Русского Географического общества (РГО), прежде всего Н.М. Пржевальского и блестящей плеяды его учеников и последователей. До сих пор вызывают восхищение необыкновенные количественные результаты этих путешествий: тысячи километров, пройденных по труднодоступным местам с ведением маршрутной съемки и огромное количество привезенных естественно-исторических коллекций, по сей день имеющих важное научное значение. Издававшиеся по завершению экспедиций отчеты их руководителей пользовались большой популярностью среди широких слоев населения. Экспедиции Русского Географического общества решали также геополитическую задачу: способствовали увеличению влияния России в регионе, что было важным аргументом в «Большой игре»[6].

Но главной целью РГО являлось, прежде всего, получение новых знаний об азиатском материке, многие внутренние регионы которого в то время совершенно не имели научного освещения. С этой целью, начиная с первой экспедиции Н.М. Пржевальского, русские путешественники строили свои маршруты так, чтобы пройти как можно дальше в глубь материка. Их экспедиции охватили Алашань, Ганьсу, Джунгарию, Кашгарию, Монголию, Ордос, Сычуань, Цайдам, Северный Тибет и др. районы. Как отмечалось в письме Совета РГО к П.А. Столыпину (1862—1911),

had existed for about 250 years (892–1227) on the territory of the present-day Northen China;[4] and laid the foundations for academic Tangut studies. Below we will try to complement the facts that are already common knowledge with more prolonged quotes from unpublished documents and from seldom cited works published during the work of the expedition[5], in order to provide a deeper insight into the motivation of the people who lived in the days rather remote from us.

A particularly important role in the study of the Central Asian region was played by the expeditions of the Russian Geographic Society (RGS), especially those by N.M. Przhevalsky and the brilliant galaxy of his pupils and followers. The extraordinary quantitative results of those travels still cause great admiration, for they involve thousands of miles over formidable terrain with itinerary surveying, as well as the huge volume of natural science collections the travellers brought, which are still of great scientific significance. Reports of expedition heads published after the completion of the mission were highly popular with wide public from different walks of life. The Russian Geographic Society's expeditions addressed also a geopolitical task as they facilitated the growth of Russia's influence in the region, which was an important consideration in 'The Great Game'.[6]

Nevertheless, the main objective of the Russian Geographic Society was gaining more knowledge about the Asian continent, the inner areas of which often lacked scientific descriptions. For this purpose, the Russian travellers, beginning with the first expedition of N.M. Przhevalsky, made itineraries that enabled them to reach as far inland, into the depth of the continent, as possible. Their expeditions encompassed Alashan, Gansu, Jungaria, Kashgaria, Mongolia, Ordos, Sichuan, Tsaidam, Northern Tibet and other areas. As pointed out in a letter from the Council of the Russian Geographic Society to P.A. Stolypin (1862–1911), "these expeditions brought rich

---

4 См.: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. М., 1965; 2-е изд.: Рыбинск, 2002; *Он же*. Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же*. Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

5 Большинство публикаций об этой экспедиции основывается на книге П.К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (Пг., 1923), подготовленной по дневниковым записям. Работу над этой книгой Козлов начал спустя более 10 лет после окончания Монголо-Сычуаньской экспедиции, поэтому некоторые события были опущены или несколько переосмыслены. Кроме того, Козлову в подготовке книги помогала его жена Е.В. Козлова (1892—1975), которая в стремлении придать публикации более научный, академический характер значительно откорректировала своеобразный авторский стиль, что, на наш взгляд, также сказалось на восприятии описываемых событий.

6 «Большая игра» нашла достаточно полное отражение в российской и зарубежной историографии. Из работ последних лет см., напр.: Постников А.В. Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005, в которой приведен подробный анализ литературы на эту тему.

4 See Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. M., 1965; 2nd ed.: Rybinsk, 2002; *Id. Essay on the History of the Tangut State*. M., 1968; *Id. Emperor of the Great Xia*. Novosibirsk, 1991; Lubo-Lesnichenko, E.I., Shafranovskaya, T.K. *Dead City of Khara-Khoto*. M., 1968.

5 Most publications about the expedition are based on P.K. Kozlov's book *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto* (Petrograd, 1923), prepared from diary entries. Kozlov began writing the book 10 years after the expedition was over, therefore some events were left out or reinterpreted. Besides, the traveller's wife E.V. Kozlova (1892—1975), who was helping him with the preparation of the book, wishing to give the book a more academic tone, considerably edited his peculiar style, which, in our opinion, affected also the perception of the events described.

6 'The Great Game' has been fully enough reflected in Russian and foreign historiography. Notable among the recent works is this: Postnikov, A.V. *Politicians, Spies and Geographers in the Struggle for the Pamir in the 19th Century*. M., 2005, in which detailed analysis of literature on the subject is given.

«экспедиции эти доставили богатый материал для географической науки, а русские путешественники заняли первое место в ряду исследователей Азии»[7].

К концу XIX в. в основном закончилось экстенсивно-описательное изучение Центральной Азии. В 1888 г., подводя его первые итоги, Н.М. Пржевальский указал для крупных рекогносцировок несколько районов, среди них все Северо-Тибетское плато, Восточный Тибет и Амдо, горную окраину всей юго-восточной Монголии с включением Алашаньских гор, а также северной части Монголии [8].

Намеченную великим путешественником программу наиболее последовательно воплощал в жизнь его самый выдающийся ученик — П.К. Козлов. К моменту организации Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлов — известный и уже авторитетный путешественник. За его плечами — участие в четвертой Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883—1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889—1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893—1895 гг. Особенно ярко талант Козлова как путешественника-натуралиста проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съемкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете: хребет Русского Географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.[9] И хотя ее маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям, научные результаты превзошли все ожидания — П.К. Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей. За этот вклад в изучение Центральной Азии РГО наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Подготовка нового путешествия началась сразу же по окончании написания отчета о Монголо-Камской экспедиции, вышедшего в двух томах в 1905—1906 гг.[10] Первоначально планировалось, что новый маршрут пройдет по Южной Монголии и той части Кама, который на западе граничил с обратным маршрутом Козлова в предыдущей экспе-

materials for geographic studies, Russian travellers occupying the first ranks among the explorers of Asia."[7]

By the end of the 19th century, the exploration of Central Asia by extensive and descriptive methods had been completed on the whole. In 1888, summing up its first results, N.M. Przhevalsky pointed out several areas for further major studies, which included the North-Tibetan Plateau, Eastern Tibet and Amdo, the mountainous borders of the entire south-east of Mongolia including the Alashan Mountains and the northern part of Mongolia.[8]

The program outlined by the great traveller was most consistently implemented by his foremost follower – P.K. Kozlov. By the time his Mongolia and Sichuan Expedition was organized, Kozlov had already become a famous and authoritative traveller. His experience included participation in N.M. Przhevalsky's Fourth Central Asian Expedition of 1883–85, in M.V. Pevtsov's Tibetan expedition of 1889–90 and in V.I. Roborovsky's Tibetan expedition of 1893–95. Kozlov's talent as natural scientist and traveller brightly manifested itself in his first independent Mongolia and Kham Expedition (1899–1901), as a result of which over 10,000 km were surveyed and the largest mountain ridges in Eastern and Central Tibet were mapped (the Russian Geographic Society Ridge, the Watershed Ridge – of the Huang He and Yangzi basins – and the Rockhill Ridge).[9] Although the expedition's itinerary passed through unexplored areas difficult of access, its results exceeded every expectation, for Kozlov brought to St. Petersburg a huge and extremely diverse natural collection, a wealth of interesting ethnographic information about the nomadic tribes of Eastern Tibet, as well as invaluable data on the zoological geography of totally unstudied regions. For this contribution to the study of Central Asia, the Russian Geographic Society awarded the traveller its highest decoration – the Constantine Gold Medal.

P.K. Kozlov began preparing his new travel immediately upon writing his report on the Mongolia and Kham Expedition, which appeared in two volumes in 1905–06.[10] Initially it was planned that the new itinerary would pass through Southern Mongolia and the part of Kham bordering in the west on the return itinerary of Kozlov's preceding expedition and in the east

---

7 АРГО. Ф. 1-1907. Оп.1, ед. хр. 5. Л. 9 (16 июня 1907 г.).

8 Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лопнор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 65.

9 К сожалению, русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

10 Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь. СПб., 1906.

7 ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 9 (16 June 1907).

8 Przhevalsky, N.M. *From Kiakhta to the Sources of the Yellow River. Exploration of the Northern Borders of Tibet and the Road through Lop Nor along the Tarim Basin*. SPb., 1888. p. 65.

9 Regretfully, nowadays the Russian names of the ridges are not used in international cartography.

10 *Mongolia and Kham. Transactions of the IRGS Expedition of 1899–1901 Headed by P.K. Kozlov*. Vol. 1, part I ("Across Mongolia to the Borders of Tibet"), SPb., 1905; Vol. 1. Part II ("Kham and the Return Journey"), SPb., 1906.

диции, а на востоке — с маршрутом экспедиции Г.Н. Потанина 1884—1886 г. в Ганьсу[11]. Но в силу обострившихся российско-английских отношений по Тибету[12] Министерство иностранных дел нашло «неудобным» отправить экспедицию в эти районы.

Весной 1907 г. Козлов вновь поднял вопрос об экспедиции, изменив ее маршрут с Кама на северную часть провинции Ганьсу. После разговора с П.П. Семеновым-Тян-Шанским и получения предварительного согласия вице-председателя Русского Географического общества Козлов, как офицер Генерального штаба, доложил своему непосредственному начальству о «желании Императорского Русского Географического общества организовать экспедицию исключительно для научного исследования малоизвестных до сего времени областей Монголии и северо-западной части провинции Ганьсу и поручить ведение названной экспедиции ему, Козлову»[13].

На этот раз Министерство иностранных дел уведомило начальника Главного штаба «что с точки зрения политической, в частности, наших отношений к Англии, проект Географического общества, маршрут исследования, обнимая лишь северную часть провинции Ганьсу и Кукунорскую области, никаких неудобств и возражений» с их стороны «встретить не может, конечно, при условии, что подполковник Козлов будет придерживаться намеченного маршрута, не вдаваясь в области, связанные с Тибетом»[14]. Об этом заместитель начальника Главного штаба сообщил в своем письме в Русское Географическое общество от 16 мая 1907 г.

24 мая 1907 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский представил проект новой экспедиции Козлова на рассмотрение Совета Императорского Русского Географического общества. В докладной записке Козлов, поясняя свое желание вновь отправиться в путешествие, писал: «Продолжая раз принятую на себя задачу — исследование Центральной Азии, я считаю своим долгом, помимо страстного к тому желания, вновь отправиться "туда" и поработать там насколько хватит сил и уменья для пользы географической и естественно-исторической науки»[15].

Говоря о финансировании экспедиции, П.П. Семенов-Тян-Шанский предложил Совету рассмотреть вопрос об использовании для этой цели капитал несостоявшейся Месопотамской экспедиции[16], выделенный по «высочайшему повелению» еще в 1903 г.

[11] См.: Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. СПб., 1893.

[12] Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

[13] АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1, ед. хр. 5. Л. 3.

[14] *Там же.*

[15] Известия ИРГО. Т. 43. СПб., 1907. С. 44.

[16] Экспедиция для исследования Месопотамии и Курдистана была инициирована членом РГО, штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского

on G.N. Potanin's expedition route of 1884–86 to Gansu.[11] But in view of the straining Russo-British relations over Tibet,[12] the Russian Ministry of Foreign Affairs though it 'improper' to send an expedition into those areas.

In the spring of 1907 Kozlov again raised the question of the expedition, having changed its itinerary from Kham to the northern part of Gansu Province. After talking with P.P. Semyonov-Tian-Shansky and obtaining a preliminary approval from the Vice-Chairman of the Geographic Society, Kozlov reported, in the capacity of an officer of the General Staff, to his direct superiors "of the desire of the Russian Imperial Geographic Society to organize an expedition purely for a scientific study of hitherto little known areas in the north-west of Gansu, entrusting the expedition leadership to him, Kozlov."[13]

This time the Ministry for Foreign Affairs intimated to the Chief of the General Staff that "from political viewpoint, in particular with regard to our relations with Britain, the Geographic Society project and the itinerary embracing as it does only the northern part of Gansu Province and Koko Nor area, can cause", on their part, "no qualifications or objections, provided, of course, that Lieutenant-Colonel Kozlov follows the itinerary planned without straying into areas connected with Tibet."[14] The Deputy Chief of the General Staff accordingly informed the Russian Geographic Society by his letter sent there on 16 May 1907.

On 24 May 1907 P.P. Semyonov-Tian-Shansky submitted Kozlov's new expedition project to the Council of the Russian Imperial Geographic Society for deliberation. In his dispatch Kozlov wrote, explaining his desire to embark on a new journey: "Continuing the once assumed task of studying Central Asia, I regard it as my duty, apart from an enthusiastic desire, to go 'there' again and work for the benefit of the sciences of geography and natural history as far as my proficiency and health permit me."[15]

When speaking about the funding for the expedition, P.P. Semyonov-Tian-Shansky proposed that the Council should consider the use for the purpose of the capital for the unrealized expedition to Mesopotamia,[16] assigned by 'the august order' as early as 1903.

[11] See Potanin, G.N. *The Tangut and Tibetan Outlying Areas of China and Central Mongolia*. SPb., 1983.

[12] Andreyev, A.I. *Tibet in the Policies of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia*. SPb., 2006.

[13] ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 3.

[14] *Ibid.*

[15] *PIRGS*. Vol. 43 (1907), p. 44.

[16] The expedition for the study of Mesopotamia and Kurdistan was initiated by P.A. Rittich, member of the RGS, Staff-Captain of the Imperial Life-Guard Chasseur Regiment. The Emperor's order assigned 25,000 roubles for the organization and conduct of the expedition, which was planned for the autumn of 1903, but never took place because of various political and organizational problems. ARGS. Fond 1-1903. Inv. 1, file 1.

Однако не все участники заседания[17] были единодушно настроены поддержать новую инициативу Козлова. Из протокола видно, что Совет вообще сомневался, нужно ли расходовать такие большие средства на «исследование отдаленных стран, хотя и сопредельных с Россией», и если испрашивать разрешение на изменение цели выданного Обществу капитала, то, «может быть, деньги эти могли бы быть употреблены на несколько экспедиций в Западной Азии, в странах, более близких к России»[18]. Кроме того, Совет попросил Козлова представить более подробный маршрут предполагаемой экспедиции.

Повторное рассмотрение вопроса об экспедиции состоялось на заседании Совета Русского Географического общества 29 мая 1907 г., на которое был приглашен Козлов для более обстоятельного доклада. В своем выступлении путешественник отметил, что его прежде всего интересует территория Кама и Сычуани, но «проект этот встретил затруднения и препятствия со стороны Министерства иностранных дел, стоящего, конечно, в непосредственной близости с международной политикой, с политикой англичан; с этим обстоятельством приходится считаться». Поэтому, оставляя в стороне Кам, он решил подробнее изучить те районы, которые рекомендовало Министерство иностранных дел, «существенным заботам» которого он, «как и всякий русский путешественник, невольно попадает, преступив отечественную границу»[19]. Окончательно маршрут был выбран следующий: из Урги — меридиональное пересечение Гоби (новым маршрутом) до Дэньюаньина, где при содействии Алаша-вана и помощи бывшего спутника Козлова, а теперь представителя торгового дома «Собейников и бр. Молчановы» Цокто Гармаевича Бадмажапова (1879—1937), планировалось устроить базу экспедиции. В Дэньюаньине в январе 1908 г. экспедиция разделится на две партии: западную и восточную.

Первая, с геологом во главе, должна была «обстоятельно поработать при изучении исторической дороги Ганьчжоу—Хара-морит—Пекин..., затем из Ганьчжоу сделает петлю до монастыря (в области песков) Таги-чойлин и долины Эдзин-Гола и направится далее или в сторону базы,

Not all the council members, however, were willing to support Kozlov's initiative unanimously.[17] It is seen from the minutes that the Council was not at all certain that those large funds "should be spent on the study of such far-away countries, even though they border on Russia," and if permission was to be sought to change the designation of the money given to the Society, then "the same funds might be used on expeditions into Western Asia, in countries located closer to Russia."[18] Besides, the Council requested Kozlov to submit a more detailed itinerary of the proposed expedition.

The issue of the expedition was again deliberated by the Council of the Russian Geographic Society on 29 May 1907, where Kozlov had been invited for a more detailed report. In his speech the traveller pointed out that his primary interest was the area of Kham and Sichuan, but "the project had posed objections and obstacles on the part of the Ministry of Foreign Affairs, which was, of course, involved with the international policies – the British policies, a circumstance to be reckoned with." For this reason leaving the exploration of Kham over he decided to focus on the areas recommended by the Ministry of Foreign Affairs, in whose cares he, "like any other Russian traveller, involuntarily found himself the moment he stepped over his country's border."[19] Finally, the following itinerary was chosen: from Urga the Gobi was to be crossed along the meridian (via a new route) down to Denyuanying, where it was planned, with the assistance of the Alasha-wang and Kozlov's former co-traveller Tsokto Garmayevich Badmazhapov (1879–1937) (who had become a representative of the Sobeynikov and the Molchanov Bros. trading house) to set up the expedition base. There the expedition was to split in January 1908 into two teams: the western and eastern groups.

The first one, led by a geologist, was supposed "to work extensively on the study of the historical road Ganzhou–Khara-Morit–Beijing.., then it was to turn from Ganzhou to Tagichoiling monastery and the Ejin-Gol valley and from there to move further or in the direction of the base or southwards, through Nan Shan to the shores of Lake Koko Nor." The other team, headed by P.K. Kozlov, was to do an all-round study of the Alashan Ridge and the other mountains adjoining the Huang He Valley. It was planned also to pay as much attention as possible to the study of the life, religion and outlook of the local people. By the autumn the entire expedition was to gather on the shores of Lake Koko Nor, and in 1909 to study Sichuan.

полка П.А. Риттихом. На ее организацию и проведение по императорскому указу было отпущено 25 000 руб. Начало экспедиции планировалось на осень 1903 г., но она, в силу разных политических и организационных проблем, так и не состоялась. АРГО. Ф. 1-1903. Оп. 1. Д. 1.

17 На заседании присутствовали: П.П. Семенов-Тян-Шанский (вице-председатель РГО), М.А. Рыкачев, Ю.М. Шокальский, Д.П. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, А.В. Григорьев (помощник председателя РГО), П.В. Охочинский, Н.Д. Артамонов, С.Ф. Ольденбург, А.И. Воейков, С.Н. Никитин, князь В.И. Масальский, А.А. Достоевский (секретарь РГО), М.Е. Огородников (казначей РГО).

18 Известия ИРГО. 1907. Т. 18. СПб., 1907. С. 43.

19 *Там же*. С. 49.

17 The meeting was attended by: P.P. Semyonov-Tian-Shansky (RGS Vice-Chairman), M.A. Rykachev, Yu.M. Shokalsky, D.P. Semyonov-Tian-Shansky, V.P. Semyonov-Tian-Shansky, A.V. Grigoryev (Assistant to RGS Chairman), P.V. Okhochinsky, N.D. Artamonov, S.F. Oldenburg, A.I. Voyeykov, S.N. Nikitin, Prince V.I. Masalsky, A.A. Dostoyevsky (RGS Secretary), M.E. Ogorodnikov (RGS Treasurer).

18 *PIRGS*. Vol. 18 (1907), p. 43.

19 *Ibid.*, p. 49.

или же в южном направлении, через Нань-шань до берегов Куку-нора». Вторая партия, во главе с Козловым, планировала заняться всесторонним обследованием Алашаньского хребта и других, прилежащих к долине Хуанхэ гор. По мере возможности предполагалось уделить внимание изучению быта, религии, «мировоззрения» местных жителей. К осени экспедиция в полном составе соберется на берегах озера Кукунор, а в 1909 г. займется изучением Сычуани.

Таким образом, Козлов условно разделил работу экспедиции на три периода: монгольский, кукунорский и сычуаньский. Кроме того, он очень надеялся, что ему представится случай встретиться с Далай-ламой, пребывающим в монастыре Гумбум[20].

В этот раз Совет одобрил проект и признал намеченный маршрут «совершенно правильным для выяснения тех серьезных и в высшей степени интересных задач, которые ставятся Козловым целью экспедиции»[21] и отметил, что «экспедиция тем более желательна, что Министерство иностранных дел ныне не встречает препятствий к ее осуществлению», а во главе ее «становится такой опытный путешественник, как Козлов, пока еще полный сил и энергии и страстно желающий работать для науки»[22].

С финансированием также особых проблем не было. Кроме 25 000 руб., оставшихся от несостоявшейся экспедиции в Месопотамию, Николай II дополнительно даровал Козлову для снаряжения экспедиции 5000 руб. на «непредусмотренные сметами надобности»[23]. На этом монаршее внимание не закончилось. Во время аудиенции, состоявшейся 5 июля 1907 г., Козлов обратился к императору с просьбой «по примеру прежней Тибетской экспедиции, окончившейся столь благополучно», получить благословение и на этот раз. Николай II заметил: «Ныне я не прощаюсь. Я хочу Вас видеть перед самым отъездом в Ваше далекое путешествие, ведь еще предстоит масса хлопот и времени на снаряжение»[24].

Так и оказалось. Выступление экспедиции затянулось из-за разных организационно-бюрократических проволочек до октября. Окончательно официальное «высочайшее соизволение на осуществление экспедиции в Южную Монголию под начальством подполковника Козлова» было получено 2 октября 1907 г. Правда, задержка оправдывалась еще одним добавлением финансирования, на этот раз из сумм Военного министерства 12 894 руб. и из средств Государственного казначейства 10 657 руб. 62 коп.[25] Данное реше-

Thus, Kozlov divided the expedition work into three stages: Mongolia, Koko Nor and Sichuan. Besides, he hoped very much that he would have a chance to see the Dalai Lama, who was living in the monastery of Kumbum[20] at that time.

The Council now approved the project and recognized the proposed itinerary as "absolutely correct for the serious and most interesting objectives Kozlov set for the expedition"[21] and observed that "the expedition is all the more desirable since the Ministry of Foreign Affairs currently sees no obstacles to its conduct," whereas "it is headed by such an experienced traveller as Kozlov, who is still full of strength, energy and zeal to work for science."[22]

The expedition funding did not prove difficult either. In addition to the 25,000 roubles left from the unrealized Mesopotamian project, Nicholas II made a present of 5,000 roubles to equip Kozlov's expedition, "for needs unforeseen by the estimate."[23] The august attention did not cease at that. During the audience, which took place on 5 July 1907, Kozlov asked the Emperor to give his blessings again, "as in the case of the preceding Tibetan expedition, which had ended so happily." Nicholas II replied, "I am not saying goodbye now. I want to see you right on the eve of your distant journey, for there are still a lot of time-consuming preparations and trouble ahead."[24]

The tsar was right. The expedition start was delayed by organizational and red tape procrastination until October. The ultimate official "august endorsement of Lieutenant-Colonel Kozlov's expedition to Southern Mongolia" was received on 2 October 1907. Admittedly, the delay was partly justified by the addition of yet other sources of financing as 12,894 roubles came this time from the War Ministry and 10,657 roubles 62 kopecks from the State Treasury.[25] The decision had satisfied the Geographic Society's appeal to the General Staff to assume, "in order to save the expedition's means for scientific research," the responsibility for catering for the officer participants in the expedition "in the highest degree deemed possible."[26] The Council of the Russian Geographic Society explained its request by a prospect of broadening the range of tasks to be tackled by the expedition – in addition to geographic studies and gathering of natural science materials, ethnographic and other collections, it would be advisable in the opinion of the Geographic Society, "to gather economic

---

20 *Там же*. С. 48–51.

21 *Там же*. С. 46.

22 Известия ИРГО. 1907. Т. 43. С. 46.

23 АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

24 *Там же*. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр.154. Л. 2. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

25 АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1, ед. хр. 5. Л. 35. Письмо начальника Главного штаба к П.П. Семенову. 4 октября 1907 г.

20 *Ibid.*, pp. 48–51.

21 *Ibid.*, p. 46.

22 *PIRGS*. Vol. 43 (1907), p. 46.

23 ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 12.

24 *Ibid.* Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 2. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

25 *Ibid.* Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 35. Letter of the Chief of General Staff to P.P. Semyonov. 4 October 1907.

26 *Ibid.*, f. 34. 24 August 1907.

ние явилось удовлетворением просьбы РГО к Главному штабу «в целях экономии экспедиционных средств на научные изыскания» взять на себя содержание всеми видами довольствия офицерский состав экспедиции, причем «в той высшей мере, как только это представляется возможным»[26]. Свою просьбу Совет РГО аргументировал также возможностью расширения задач, стоящих перед экспедицией: кроме географического изучения и сбора естественно-исторических, этнографических и др. коллекций с точки зрения РГО было бы целесообразно включить в программу также «сбор сведений по вопросам экономическим, польза и необходимость которых доказана на деле прошлой экспедиции Козлова в Тибет»[27]. По-видимому, именно для этой цели были выделены суммы Государственного казначейства.

17 октября 1907 г. состоялась очередная аудиенция и, «откланившись государю императору и наследнику-цесаревичу»[28], на следующий день, 18 октября, Козлов выехал из Санкт-Петербурга. Завершив в течение двухнедельного пребывания в Кяхте последние приготовления к далекому путешествию, 9 января 1908 г. экспедиция прибыла в столицу Монголии Ургу.

Перед экспедицией ставились исключительно задачи географического познания региона и сбор естественно-научных коллекций. Однако неожиданное обстоятельство внесло коррективы в планы Козлова. Предположительно в конце июня Козлов получил письмо от Ц.Г. Бадмажапова (отправленное 15 мая 1907 г. из Алашани), который являлся постоянным информатором Козлова[29], источником разнообразных сведений о Китае, так необходимых для организации путешествия в малоизученный регион. В этом письме Бадмажапов сообщал об интересной находке, сделанной им во время коммивояжерской поездки на Эдзин-Гол: «Около песков между долинами Гойцзо и Эдзин-Гол наткнулся на развалины Хара-Хото или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать <...> Здесь прилагаю четыре снимка развалин, которые покажите П.П. Семенову-Тян-Шанскому и сообщите ему, что думаю написать маленькую брошюру о своей поездке и развалинах и почтой послать П.П. Семенову-Тян-Шанскому. Не знаю, что-нибудь выйдет ли?»[30].

information as well, the usefulness and essentiality of which was proven in practice by Kozlov's preceding expedition to Tibet."[27] It was evidently for this purpose that the State Treasury allocated its money.

On 17 October 1907 the next august audience was granted, and "after saying goodbye to His Majesty the Emperor and the heir to the throne,"[28] Kozlov left St. Petersburg the following day, 18 October. After completing the last preparations for the distant journey during a fortnight-long stay in Kiakhta, the expedition arrived in Urga, the capital of Mongolia, on 9 January 1908.

The expedition's tasks were confined exclusively to geographic studies of the region and gathering natural-science collections. An unexpected circumstance, however, introduced a change into Kozlov's plans. Supposedly at the end of June Kozlov received a letter (posted in Alashan on 15 May 1907) from T.G. Badmazhapov, who was Kozlov's regular informant on various things Chinese, so essential for organizing an expedition into an unfamiliar region.[29] Badmazhapov informed him of an interesting find he had made travelling as a salesman to Ejin-Gol: "Near the sands between the valleys of Guizuo and Ejin-Gol I stumbled on the ruins of Khara-Khoto or Khara-Baishin, where I stayed for a day to take pictures and make some notes... I am enclosing four photographs of the ruins; show them to P.P. Semyonov-Tian-Shansky and tell him I intend to write a booklet about my trip and the ruins and mail it to him. I do not know whether anything will come of it."[30]

The oasis in the lower reaches of the Ejin-Gol constantly attracted the attention of expeditions travelling in those parts. Thus, G.N. Potanin's expedition stopped there for a day in 1886. The traveller wrote in his report: "Talking of ancient monuments, they (the Torgouts) mention the ruins of Erkhe-Khara-buryuk, i.e. near the easternmost arm of the Ejin; they say, a small *kerim*, i.e. the wall of a small city, is seen there, with many houses buried in the sand around. Digging in the sand, they find silver objects. The *kerim* is surrounded by masses of quicksand, and there is no water nearby."[31]

---

26 *Там же*. Л. 34. 24 августа 1907 г.

27 *Там же*. Л. 33 об. Речь идет о работе, проделанной В.Ф. Ладыгиным во время Монголо-Камской экспедиции Козлова 1899—1901 гг. См.: Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899—1901 гг., снаряженной Имп[ераторским] Русским Географическим обществом в Центральную Азию // Известия ИРГО. 1902. Т. 38. Вып. 4. С. 341—465.

28 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 2 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

29 См.: Юсупова Т.И. Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым (публикация писем) // Известия РГО. 2004. Вып. 2 С. 75—96.

30 *Там же*. С. 83.

27 *Ibid.*, f. 33v. What is meant is the work done by V.F. Ladygin during Kozlov's Mongolia and Kham expedition of 1899–1901. See Ladygin, V.F. "Some Data on the State of Trade in Gansu, Tibet and Mongolia Gathered during the Expedition of 1899–1901 Arranged by the Imp. Geographic Society to Central Asia." *PIRGS*. Vol. 38. Issue 4 (1902), pp. 341–465.

28 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 2v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

29 See Yusupova, T.I. "Correspondence of T.G. Badmazhapov with P.K. Kozlov (letters publication)." *Proceedings of the RGS*. Issue 2 (2004), pp. 75–96.

30 *Ibid.*, p. 83.

31 Potanin, G.N. *The Tangut and Tibetan Outlying Areas of China and Central Mongolia*. Vol. 1. SPb., 1893, p. 464.

Оазис в низовьях Эдзин-Гола постоянно привлекал внимание экспедиций, проходивших по этим местам. В 1886 г. здесь останавливалась на дневку экспедиция Г.Н. Потанина. В своем отчете путешественник писал: «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины Эрхэ-харабурюк, то есть от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой *кэрим*, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях *кэрима* большие сыпучие пески, и воды близко нет»[31].

В 1893 г. эти же места посетил В.А. Обручев[32], а в 1900 г. сюда для проведения исследований низовьев Эдзин-Гола Козлов направил своего помощника А.Н. Казнакова[33]. Но дополнительных сведений о развалинах древнего города получить никому из них не удалось.

Сообщение Бадмажапова о посещении Хара-Хото вызвало большой интерес Козлова. Незадолго до отъезда экспедиции он обсуждал этот вопрос с В.А. Обручевым, от которого, как пишет Козлов, «торгоуты скрыли существование Хара-Хото и возможность проникновения в Алаша по кратчайшей дороге, принудив его сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения Алаша-цинь-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как того желал наш талантливый геолог»[34]. Если посмотреть на карту пути, пройденного А.Н. Казнаковым, можно увидеть, что он также совсем немного не дошел до Хара-Хото: проводники провели его, обогнув древний город. Возможно, это объясняется особым отношением торгоутов к этому месту, как к своеобразному пантеону духов их предков.

В начале XX в. в центральноазиатском регионе западные исследователи проводили в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах активные археологические раскопки в обнаруженных ими развалинах древних городов, которые дали ценный научный материал. Как отмечает Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с подобными богато обставленными экспедициями англичан, немцев и др.»[35]. Российская археология явно проигрывала в этом своего рода соревновании, хотя в распоряжении ученых имелись материалы, собранные в конце XIX — начале XX в. в Турфане и Китайском Туркестане Н.Ф. Петровским, Д.И. Клеменцем, М.М. Березовским и др., но, «не имея в своем распоряже-

In 1893 the same places were visited by V.A. Obruchev,[32] and in 1900 Kozlov sent there his assistant A.N. Kaznakov to investigate the low reaches of the Ejin-Gol.[33] Yet none of them was able to get any extra information on the ruins of the ancient city.

Badmazhapov's letter about a visit to Khara-Khoto interested Kozlov immensely. Shortly before his expedition's departure, he discussed the matter with V.A. Obruchev, from whom, as Kozlov writes, "the Torgouts concealed the existence of Khara-Khoto and the possibility of reaching Alasha by the shortest route; they induced him to make a very long detour – for him to cross the Alasha-qin-wang's lands in the north-east instead of the north-west as the talented geologist wanted to."[34] It is clear from the map of A.N. Kaznakov itinerary that he was also very near Khara-Khoto when his guides simply by-passed the ancient city. That was probably due to the special reverential attitude of the Torgouts to the place as a kind of pantheon of their ancestors' spirits.

In the early 20th century Western archaeologists actively carried out excavations in the ruined ancient cities they found in Eastern Turkestan, in the Tarim Basin, in Turfan depression and elsewhere, obtaining valuable research materials. As D.N. Anuchin points out, "it was hard for the Russian explorers to compete with the richly equipped expeditions of the Britons, Germans and others."[35] The Russian archaeologists were clearly losing in this competition, although they had at their disposal materials collected in the late 19th and early 20th century in Turfan and Chinese Turkestan by N.F. Petrovsky, D.A. Klementz, M.M. Berezovsky and others; "as they did not have considerable means at their disposal, they could not collect much and were unable to conduct prolonged systematic excavations."[36] For that reason the attention Kozlov showed to the information provided by the former participant in his expedition is not surprising.

The search for Khara-Khoto did not entail any special changes either in the itinerary of the expedition or its schedule. On 25 January 1908, after directing the main caravan of the expedition to Denyuanying, Kozlov made way through the mountain-mass Gurban Saikhan to the natural boundary of Ugaljin-Tologoi, to the headquarters of Baldyn-*jasak*, for making a trip to the lower reaches of the Ejin-Gol and Khara-Khoto to verify the information about the ancient city.

---

31 Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

32 Обручев В.А. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. Т. 2. СПб., 1901. С. 399—400.

33 Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 2. Вып. I. СПб., 1907. С. 47—53.

34 Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 101.

35 Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2. «Из экспедиции Козлова».

32 Obruchev, V.A. *Central Asia, Northern China and Nan Shan. Travel Report*. Vol. 2. SPb., 1901, pp. 399–400.

33 Kaznakov, A.N. "My Roads about Mongolia and Kham." *Mongolia and Kham. transactions of the IRGS Expedition of 1899–1901 Headed by P.K. Kozlov*. Vol. 2. Issue I (1907), pp. 47–53.

34 Kozlov, P.K. *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*. Petrograd, 1923, p. 101.

35 "From Kozlov's Expedition." *Russian Gazette*. 1909. 20 September, p. 2.

36 *Ibid.*

нии значительных средств, они не могли собрать многого и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки»[36]. Поэтому не удивительно то внимание, с которым Козлов отнесся к информации бывшего участника его экспедиции.

Поиск Хара-Хото не вносил особых изменений ни в маршрут экспедиции, ни во временной график ее следования. 25 января 1908 г., отправив основной караван экспедиции в Дэньюаньин, Козлов направился через массив Гурбун-Сайхан в урочище Угольцзин-тологой, в ставку Балдын-*дзасака*, чтобы совершить поездку в низовья Эдзин-Гола, к Хара-Хото, и самому проверить полученную информацию о древнем городе.

В экспедиционном дневнике П.К. Козлов записывает: «Мы все одинаково стремимся к югу, к теплу, к природе, к новизне. Нас манят горы — звенья Монгольского Алтая, нас манит таинственный засыпанный песками город Хара-Хото»[37]. Это стремление предопределило темп движения экспедиции: «Мы не засиживаемся в недрах Монгольской пустыни, — сообщает Козлов в Русское Географическое общество, — как и прежде, так и теперь экспедиция идет по Монголии большими переходами, устраивая дневки лишь в самых крайних случаях»[38].

В ставке Балдын-*дзасака* состоялся «деловой разговор» о дальнейшем пути на Эдзин-Гол. «В конце концов, — отмечает Козлов, — я был рад результатам переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании о Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поскупились содрать с нас высокую плату — 1 1/2 лан»[39]. Чуть позже в письме в РГО Козлов напишет, что он убедился в том, «что как название Хара-Хото, так и сами развалины ведомы некоторым из обитателей балдын-цзасаковских владений. Сам Балдын-*дзасак* рассказывал <...> про Хара-Хото немало интересного»[40]. Например, что «там торгоуты втихомолку копают, ища скрытых богатств»[41].

1 марта 1908 г. в сопровождении Балдын-дзасака экспедиция направилась на юго-юго-запад, в низовье Эдзин-Гола, к оз. Сого-нор. Из урочища Бага-мото Козлов решил следовать новой, еще не изученной дорогой, «в надежде скорее прибыть к Сого-нору и лишний день провести в теперь уже

In the expedition journal Kozlov makes this entry: "We all are equally attracted by the south, by the warmth, nature and novelty. The mountains beckon to us – the chains of the Mongolian Altai, and so does the mysterious sand-covered city Khara-Khoto."[37] This desire pre-determined the rate of movement. "We do not stay long in the depth of the Mongolian desert," wrote Kozlov to the Russian Geographic Society. "As before, the expedition moves across Mongolia in long marches, making day stops only in emergencies."[38]

In Baldyn-*jasak*'s office Kozlov had "a serious discussion" of his further way to the Ejin-Gol. "In the end," Kozlov notes, "I was pleased with the results of the negotiations. There were prospects of our cherished plans coming true: they did not deny the knowledge of Khara-Khoto, nor did they refuse to find camels and a guide for us, but they did not hesitate to charge us an extortionist's amount – one and a half *langs*."[39] A little later, in his letter to the Russian Geographic Society, Kozlov writes that "both the name Khara-Khoto and its ruins are familiar to some of the inhabitants of Baldyn-*jasak*'s lands. Baldyn-*jasak* himself told quite a few interesting things ... about Khara-Khoto. "[40] He says, for example, that "the Torgouts are digging by stealth, looking for hidden riches."[41]

On 1 March 1908, accompanied by Baldyn-*jasak*, the expedition set out going south-south-west to Lake Sogo Nor in the low reaches of Ejin-Gol. From Baga-Moto Kozlov decided to follow a new route, not yet familiar, in the hope of reaching Sogo Nor and spend an extra day in the already close... mysterious Khara-Khoto city."[42] Nearly two weeks later they reached the shore of the lake into the territory of the Torgout-*beile*, who at first "assumed a haughty expression," but then "softened" and after receiving gifts, became "human" – sent for the expedition a yurta, a tent and people "for service."[43] For 19 March the first "light trip" was appointed to Khara-Khoto, of which so much "had been said back in St. Petersburg, in Moscow and on the way to the border in conversations with each other." Later, "from Gurban Saikhan, talks with the local people of Baldyn-*jasak*, became almost daily."[44]

The following expedition members went to Khara-Khoto together with Kozlov: geologist A.A. Chernov, topographer

---

36 *Там же.*

37 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 67. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1. 5 февраля 1908 г.

38 Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 5. С. 304.

39 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 52 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

40 Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 453.

41 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 81. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

37 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 67. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1. 5 February 1908

38 "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 5 (1908), p. 304.

39 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 52v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

40 "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), p. 453.

41 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 81. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

42 *Ibid.*, f. 64.

43 *Ibid.*, f. 74; 78v.

44 *Ibid.*, f. 81.

близком <...> таинственном городе Хара-Хото»[42]. Почти через две недели прибыли на берега озера, во владения *торгоут-бэйле*, который «вначале принял вид надменный», но затем «отошел» и после получения подарков «стал человеком», послал для экспедиции юрту, палатку и людей «для услуг»[43]. На 19 марта наметили первую, «легкую поездку» в Хара-Хото, о котором «так много говорилось еще в Петербурге, в Москве и по дороге к границе». Затем «от Гурбун-Сайхан стали говорить с местными, балдын-цзасаковскими обитателями, чуть не ежедневно»[44].

Вместе с Козловым в Хара-Хото выехали члены экспедиции: геолог А.А. Чернов, топограф капитан П.Я. Напалков, гренадеры Г. Иванов и А. Мадаев. Их сопровождали проводники от *торгоут-бэйле*. Козлов, Напалков и Иванов пробыли в Хара-Хото три дня, а Чернов и Мадаев пять. В первое посещение мертвого города были определены его географические координаты (41°45′40″ с. ш. и 101°5′15″ в. д.), абсолютная высота местности (810 м), снят план, тщательно обследованы развалины, произведены пробные раскопки, которые дали большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, три книги, тридцать оригинальных рукописей на неизвестном тогда тангутском языке, предметы культа и др.[45]

Судьба научных открытий зависит от множества факторов. Не последнюю роль играют удачное стечение обстоятельств (фактор удачи) и стиль преподнесения открытия (фактор стиля)[46]. И если удача зачастую ассоциируется со случайностью, то продвижение достижения в той или иной отрасли знаний во многом зависит от личностных качеств исследователя. Козлов умел сделать, как сказали бы сегодня, *promotion* своим успехам, предопределяя этим общественный и научный интерес к своей деятельности. Так, по результатам посещения Хара-Хото Козлов сразу же составил донесение в Русское Географическое общество, в котором привел описание местности, краткую историческую справку о городе, составленную по расспросным сведениям, перечень произведенных работ и находок, приложил несколько фотографий[47]. Информацию о посещении Хара-Хото он послал также С.Ф. Ольденбургу[48]. После этого экспедиция направилась к Алашаньскому хребту. Причем

Captain P.Ya. Napalkov, grenadiers G. Ivanov and A. Madayev. They ware accompanied by guides from the Torgout-*beile*. Kozlov, Napalkov and Ivanov stayed in Khara-Khoto for three days, Chernov and Madayev for five days. During the first visit to the dead city, its geographic bearings were determined (41°45′40″ N. and 101°5′15″ E.), as well as absolute height of the locality (810 m), a plan was drawn, the ruins were thoroughly investigated, trail digging was done, yielding a large number of pottery shards, fragments of utensils, money notes, coins, three books, thirty original manuscripts in the then unknown Tangut language, cult objects, etc.[45]

The future of a scientific discovery depends on numerous factors. The fortunate circumstances (the luck factor) are far from unimportant; no less important is the style of presenting a discovery (the style factor).[46] While luck is often associated with chance, publicity surrounding an achievement in any field of knowledge largely depends on the researcher's personality. Kozlov was able, to use an expression of today, to promote his achievements, thus pre-determining public and scholarly interest in his work. Thus, Kozlov immediately prepared a dispatch to the Geographic Society, in which he gave a description of the locality, a brief historical note on the city based on interviews, a list of work performed and finds made, attaching a few photographs.[47] He sent some information on their visit to Khara-Khoto also to S.F. Oldenburg.[48] After that the expedition made its way to the Alashan Ridge, Kozlov proposing to make the first stop for the night in Khara-Khoto, where he intended to spend all day long, for the whole team had by then "absorbed the importance of the task assigned by the Imperial Russian Geographic Society."[49]

Anticipating the sensational character of the discovery made, Kozlov wrote the following in the journal with his somewhat pathetic emotionality: "Well, then, goodbye, Khara-Khoto! You have given me lots of wonderful moments of raptures; you have inadvertently opened a new province of knowledge to me and a new inquisitiveness in me. And who knows what great joy may still lie ahead... Goodbye, my deceased friend coming from the dead before others – the memory of you will now fly across the entire learned world."[50]

---

42 *Там же*. Л. 64.

43 *Там же*. Л. 74, 78 об.

44 *Там же*. Л. 81.

45 Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964. С. 123.

46 Бажанов В.А. Научные открытия и специфика их оценки и ассимиляций // Вестник института естествознания и техники. 2007, № 3. С. 179—185.

47 Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 453—458.

48 Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии: избранные труды. М., 1963. С. 446—447.

45 Ovchinnikova, T.N. *P.K. Kozlov, Explorer of Central Asia*. M., 1964, p. 123.

46 Bazhanov, V.A. "Scientific Discoveries and the Specifics of Their Appreciation and Assimilation." *Bulletin of the Institute of the History of Science and Technology*. No 3 (2007), pp. 179–185.

47 "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (28 March 1908)." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), pp. 453–458.

48 Kozlov, P.K. *Russian Traveller in Central Asia: Selected Works*. M., 1963, pp. 446–447.

49 "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (28 March 1908)." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), p. 458.

50 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 96v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

первый ночлег Козлов предполагал устроить в Хара-Хото, где намеревался провести целые сутки, поскольку весь отряд «уже успел проникнуться важностью задачи, порученной <...> Императорским Русским Географическим обществом»[49].

Предчувствуя сенсационность сделанного открытия, Козлов со свойственной ему несколько патетичной эмоциональностью записал в дневнике: «Итак, прощай, Хара-Хото! Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут, ты, невольно, открыл мне новую отрасль знаний, новую пытливость. А кто знает, какая быть может еще великая радость впереди. <...> Прощай, отживший приятель, ты, раньше других воскресший, и память о тебе побежит по всему ученому миру»[50].

Даже краткий осмотр поступившего в Петербург археологического материала позволил сделать вывод о его уникальности и высокой исторической ценности. В письме от 9 сентября 1908 г. помощник председателя Русского Географического общества А.В. Григорьев (1848—1908) сообщил Козлову о первых результатах изучения находок: «Я рассказал П.П. Семенову о Ваших открытиях в Хара-Хото, и он очень интересовался тем, что Вы там нашли, а нашли Вы, во-первых, <...> Си Ся (Hsi-hsia)[51], столицу[52] тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век. 2) Рукописи помимо китайского — на неведомом языке (по крайней мере прочитать <...> никто еще не умеет, хотя образцы письма и известны). 3) Ассигнации Минской династии, которых известно было до сих пор лишь 4 штуки, в том числе в Азиатском музее Академии наук». А.В. Григорьев, которого связывали с Козловым дружеские отношения, посоветовал ему посетить Хара-Хото и на обратном пути: «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки — такое мнение не одного только меня, питающего к Вам некоторую слабость, но и других, более компетентных, чем я, лиц». Чтобы усилить личную заинтересованность путешественника, А.В. Григорьев сыграл на самолюбии Козлова: «Вы первый. Биологическими сборами не удивить, а когда узнают про Си Ся и о том, что Вы там нашли, прямо ахнут и остолбенеют»[53].

Это письмо путешественник получил только 7 декабря 1908 г., и оно стало поворотным пунктом в истории Хара-Хото. Козлов послушался совета А.В. Григорьева, изменил маршрут экспедиции, свернув исследование Сычуани, и через Амдоское нагорье направился в Хара-Хото.

Even a summary inspection of the archaeological materials received by St. Petersburg made it possible to arrive at the conclusion that they were unique and historically valuable. In his letter of 9 September 1908, A.V. Grigoryev (1848–1908), Assistant Chairman of the Russian Geographic Society, informed Kozlov of the first results of the study of his finds: "I have told P.P. Semyonov of your discoveries in Khara-Khoto and he wanted to know what you had found. What you have found is: firstly, ... Xi-Xia (Hsi-hsia),[51] the capital[52] of the Tangut Kingdom, which existed from the 11th to 14th century. 2) Manuscripts – besides those in Chinese – in an unknown language, nobody can read yet, although specimens of the writing are known. 3) Banknotes from the Ming dynasty, of which only four have been known so far, including what the Asiatic Museum of the Academy of Sciences has." A.V. Grigoryev, who was on warm, friendly terms with Kozlov, advised the traveller to visit Khara-Khoto on his way back: "Spare no time or expenses for further excavations – this is the opinion not only of yours truly, who sympathises with you, but of other persons more competent than me." To stimulate the traveller's personal interest, Grigoryev played also on Kozlov's ambition: "You are the first there. Biological collections won't surprise anybody, but when people hear of Xi-Xia and what you found there, everybody will gasp, dumbfounded."[53]

It was not until 7 December that the traveller received the letter, which became the turning point in the history of Khara-Khoto. Kozlov followed A.V. Grigoryev's advice, folded up the studies of Sichuan and headed for Khara-Khoto through the Amdo tableland.

D.N. Anuchin's letter of 20 September 1908 must have also influenced Kozlov. The eminent geographer wrote that he had Kozlov's article published in *Russian Gazette* with his introduction, in which he pointed out the importance of excavating ancient cities, "in which respect the Britons and Germans had surpassed us in Chinese Turkestan and Turfan."[54] Regretting that from Kozlov's brief description it was not clear how thoroughly the city had been studied, he had no doubt that "the material collected would enrich science with new information or would provide additional materials for getting familiarized with the epoch made known by the excavations of Stein and Grünwedel or would introduce the antiques of a later epoch, already Buddhist or Mongolian."[55]

---

[49] Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 458.

[50] АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр.154. Л. 96 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

[51] Так в тексте.

[52] На самом деле Хара-Хото не являлся столицей тангутского государства. Однако эта ошибка еще до сих пор периодически появляется в публикациях о Хара-Хото.

[53] АРГО. Ф. 18. Оп. 3, ед. хр. 184. Л. 54. Письмо от 9 сентября 1908 г.

[51] The text puts it so.

[52] In fact, Khara-Khoto never was the capital of the Tangut State. This error, however, has periodically re-appeared in publications on Khara-Khoto.

[53] ARGS. Fond 18. Inv. 3, unit 184, f. 54. Letter of 9 September 1908.

[54] *Ibid.*, unit 14, f. 5. Letter of 20 September 1908.

[55] *Russian Gazette*. 1908. 20 September, p. 2.

Этому решению, по-видимому, способствовало и письмо Д.Н. Анучина от 20 сентября 1908 г. Авторитетный географ сообщал Козлову, что его статью он поместил в «Русских ведомостях» и предварил своим вступлением, в котором указал на важность раскопок «мертвых городов», в которых «англичане и немцы нас предвосхитили в Китайском Туркестане и Турфане»[54]. Д.Н. Анучин, сожалея, что из краткого описания Козлова нельзя видеть, насколько подробно исследован город, тем не менее не сомневался, что «собранный материал обогатит науку новыми данными и либо даст добавочные материалы для ознакомления с той эпохой, какая стала известна из раскопок Стейна и Грюнведеля, либо познакомит с древностями более поздней эпохи, исключительно уже буддийской и монгольской»[55].

П.К. Козлов на выставке находок из Хара-Хото. Архив Русского Географического общества

P.K. Kozlov at the exhibition of the Khara-Khoto finds. Archives of the Russian Geographic Society

Новые раскопки начали 23 мая 1909 г., причем без всякого плана и системы. Козлов, как и ранее, не давал своим спутникам указаний, «находя это совершенно излишним», предоставив им полную свободу действий. Участники экспедиции работали «по собственному чутью». Козлов полагал, что так они «и работают веселее, и самая работа их занимает больше»[56]. С первого дня стали находить части рукописей, монеты, ассигнации, обломки посуды и проч. Но все находки являлись незначительным дополнением к материалам, добытым в первое посещение Хара-Хото. Энтузиазм сотрудников экспедиции заметно падал. Тогда Козлов предложил перенести работы за стены Хара-Хото[57], где находилось несколько субурганов. 30 мая приступили к исследованию самого крупного из них, «отстоящего на запад от города в 200-х саженях»[58]. Решение оказалось счастливым, а этот субурган стал знаменитым. Во время раскопок, продолжавшихся девять дней (с 30 мая по 7 июня), была обнаружена целая библиотека прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском и уйгурском языках, сотни буддийских икон и скульптур, святыни из буддийских храмов.

The new excavation began on 23 May 1909. The digging went on without any plan or system. As during his first visit, Kozlov gave the team no directions as to where to dig, "regarding this as entirely superfluous" and allowing them complete freedom of action. The participants in the expedition "followed their intuition." Kozlov believed that "working that way was more fun and its very process was more thrilling."[56] From the very first day the expedition began to find parts of manuscripts, coins, banknotes, shards of pottery, etc. All the finds, however, were but insignificant additions to the materials collected during the first visit to Khara-Khoto. The enthusiasm of the team was flagging visibly. In order to diversify the work somehow, Kozlov suggested digging beyond the walls of Khara-Khoto,[57] where there were several *suburgans*. On 30 May the expedition set to investigate the largest of them, "200 *sazhens* west of the city" (1 *sazhen* = 2.13 m).[58] The decision proved fortunate and the *suburgan* became celebrated. In the course of the excavation, which lasted for nine days (from 30 May to 7 June), an entire library was found comprising perfectly preserved scrolls, manuscripts and books in the Tangut, Chinese and Uighur languages, as well as hundreds of Buddhist icons, sculptures and sacred objects paintings Buddhist temples.

Simultaneously with the joy of unexpected success, a serious problem arose regarding the storage of the materials collected and their transportation to Russia. Packing new finds, Kozlov confessed: "Now, I repeat, my greatest wish is not to collect, but to preserve what has been collected."[59] The caravan loaded to capacity was unable to take all the archaeological materials and Kozlov resolved to leave some of the objects, mainly large-size statues, expecting to return and continue the excavations.[60]

---

54 АРГО. Ф.18. Оп.3, ед. хр. 14. Л.5. Письмо от 20 сентября 1908 г.

55 Русские ведомости. 1908. 20 сентября. С. 2.

56 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 437 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

57 *Там же*. Л. 442 об. Запись от 27 мая: «Моим же молодцам предложено на завтра перенести работы за стены Хара-Хото».

58 *Там же*.

56 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 437v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

57 *Ibid.*, f. 442v. Entry of 27 May: "As to my great boys, I've suggested that tomorrow they should begin work outside the walls of Khara-Khoto."

58 *Ibid.*

59 *Ibid.*, f. 460.

60 P.K. Kozlov was able to continue the excavations as late as 1926. Despite the detailed description of the place where the statues had been left in 1909, he failed to find anything. See Kozlov, P.K. *Journals of the Mongolia and Tibet Expedition (1923–26)*. SPb., 2003.

Общий вид выставки находок из Хара-Хото в Русском Географическом обществе. 1910
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург

View of the the exhibition of the Khara-Khoto finds held at the Russian Geographic Society. 1910
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg

Витрина с рукописями из Хара-Хото в Русском Географическом обществе. 1910
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург

Show-case with the manuscripts from Khara-Khoto at the Russian Geographic Society. 1910
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg

Одновременно с радостью от неожиданного успеха возникла серьезная проблема сохранения собранного археологического материала и его транспортировки в Россию. Козлов признавался: «У меня, повторяю, теперь остается одно величайшее желание: не собирать, а лишь сберечь все то, что собрано»[59]. Перегруженный караван не мог увезти весь археологический материал, и Козлов принял решение оставить часть вещей — главным образом, крупную скульптуру, предполагая вернуться для продолжения раскопок[60].

Прощаясь 16 июня 1909 г. с Хара-Хото, Козлов сделал проникновенную запись: «Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой загробной жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта. Счастье вручило мне дорогой субурган!»[61] Но он прекрасно осознавал, что во многом этот успех был предопределен А.В. Григорьевым: «Сколько раз я с глубоким чувством, — писал Козлов, — здесь, на развалинах, вспоминал и еще вспомню несравненного Александра Васильевича», после смерти которого, «один Ольденбург своим словом, своим увлечением о результатах Хара-Хото еще поддерживает во мне любовь к Азии, к моей этой поездке и исследованиям»[62].

Пройдя в течение полутора лет по маршруту Урга—Эдзин-Гол—Хара-Хото—Алашаньский хребет и прилегающая к нему часть долины Хуанхэ—Восточный Нань-шань—Синьин—озеро Кукунор—оазис Гуйдуй—юго-западная часть провинции Ганьсу—восточная часть Амдо—монастыри Лавран и Гумбум—Ланьчжоу—Алаша—Хара-Хото—Урга, в августе 1909 г. Монголо-Сычуаньская экспедиция вернулась в Петербург. Географическое общество отмечало, что «эта экспедиция явилась как бы завершением сорокалетнего систематического изучения Центральной Азии, начавшегося в 1870 г. под руководством Н.М. Пржевальского и продолжившими его исследователями Певцовым, Роборовским и Козловым»[63]. Экспедиция привезла многочисленные естественно-исторические коллекции, но самыми ценными результатами ее деятельности явились археологические находки. Дальнейшая их судьба зависела от ученых. Козлов это понимал и искренне надеялся, «что и Географическое общество, и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и уменье, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото»[64].

Saying farewell to Khara-Khoto on 16 June 1909, Kozlov made a heart-felt entry in the journal: "I am destined to link my name with yours, for I have been fortunate to bring you back to a new, posthumous life. Soon your history and mystery will be revealed. Fortune has awarded me a valuable *suburgan*!"[61] But he realized very well that his success had been largely predetermined by A.V. Grigoryev. "How many times," wrote Kozlov, "have I recalled with deep feeling, here, on the ruins, and how many times will I remember again my incomparable Aleksandr Vasilyevich," after whose death "Oldenburg alone, by his words and by his keen interest in the results of Khara-Khoto, still supports my love for Asia, for that journey of mine and for my research."[62]

Having traversed, over a year and a half, a long itinerary: Urga–Ejin-Gol–Khara-Khoto–the Alashan Ridge and part of the Huang He valley adjoining it–Eastern Nan Shan–Xinying–Lake Koko Nor–Guidui oasis–the south-west of Gansu Province–the east of Amdo–Labrang and Kumbum monasteries– Lanzhou–Alasha–Khara-Khoto–Urga — the Mongolia and Sichuan Expedition returned to St. Petersburg in August 1909. The Geographic Society pointed out that "the expedition crowned as it were the 40-years-long systematic study of Central Asia, which had started in 1870 under the guidance of N.M. Przhevalsky and continued by the explorers Pevtsov, Roborovsky and Kozlov."[63] Kozlov's expedition brought a wealth of natural history collections, but the most valuable result of its work were the archaeological finds. Now their future depended on the scholars. Kozlov understood that and sincerely hoped "that both the Geographic Society and the Academy of Sciences would spare no effort, means or ability in order to describe and publish properly the Khara-Khoto materials and papers."[64]

In early 1910, an exhibition of collections from Khara-Khoto was mounted in the newly constructed building of the Russian Geographic Society (at No 8, Demidov Lane – now No 8, Grivtsov Lane). Then the books and manuscripts were given for storage and study to the Asiatic Museum (now the IOM RAS) and the other objects were handed over to the Ethnography Department of the Russian Museum, where they were kept up to 1934, whereupon they were transferred to the Hermitage Museum.The finds from Khara-Khoto stirred a lively interest in

---

59 *Там же*. Л. 460.

60 Продолжить раскопки в Хара-Хото П.К. Козлов смог лишь в 1926 г. Но несмотря на подробное описание места, где в 1909 г. были оставлены скульптуры, ничего найти не удалось. См.: Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. СПб., 2003.

61 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

62 *Там же*. Л. 448. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

63 АРГО. Ф. 1-1907. Оп.1, ед. хр. 5. Л. 65.

64 АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

61 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 465. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

62 *Ibid.*, f. 448. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

63 ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 65.

64 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 465. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

Витрины с материалами Монголо-Сычуаньской экспедиции в Русском Географическом обществе. 1910 Архив Русского Географического общества

Show-cases with the materials of the Mongolia and Sichuan expedition at the Russian Geographic Society. 1910 Archives of the Russian Geographic Society

В начале 1910 г. в только что построенном новом здании Русского Географического общества (Демидов пер., 8; ныне — пер. Гривцова, 10) была развернута выставка коллекций из Хара-Хото. Затем книги и рукописи были переданы на хранение и изучение в Азиатский музей (ИВР РАН), остальные предметы — в Этнографический отдел Русского музея, где они хранились до 1934 г., после чего поступили в Государственный Эрмитаж. Хара-хотинские находки вызвали живой интерес в научной среде и привлекали пристальное внимание исследователей. Коллекция книг, живописи, предметов быта и др. вещи из «знаменитого» субургана дали возможность многое узнать о культуре, искусстве, этнографии государства Си Ся, его связях с соседями.

Особое значение найденные Козловым материалы имели для расшифровки тангутской письменности. Первые исследования по материалам рукописной коллекции П.К. Козлова были опубликованы А.И. Ивановым[65]. Выдающийся вклад в тангутоведение внес Н.А. Невский. С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают

[65] Иванов А.И. К изучению языка Си Ся. СПб., 1909; *он же*. Страница из истории Си Ся // ИИАН. СПб., 1911; Документы из города Хара-

the scientific circles and attracted researchers' close attention. The collection of books, paintings, household objects and other articles from the renowned *suburgan* enabled the scholars to learn a great deal about the culture, art and ethnography of the Xi-xia state and its links with other countries.

The materials found by P.K. Kozlov were particularly important for the deciphering of the Tangut script. The first research into the materials from P.K. Kozlov's collection of manuscripts was published by A.I. Ivanov.[65] An outstanding contribution to Tangut studies was made by N.A. Nevsky. Russian Orientalists have been working with the collection of books and manuscripts

[65] Ivanov, A.I. *On the Study of the Xi-Xia Language*. SPb., 1909; *Id.* "A Page from the History of Xi-Xia." *PIAS*, SPb., 1911; *Id.* "Documents from the City of Khara-Khoto. I. A Chinese Private Letter of the 14th Century." *PIAS*. Series 4. No 14 (1913), pp. 817–913; *Id.* "Monuments of Tangut Writing." PIAS. Ser. 6. No 8 (1918); "Paper Banknotes in China Prior to the 15th Century." In *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2. SPb., 1914, pp. 159–174; Ivanov, A.I., Oldenburg S.F., Kotwicz, W. *From P.K. Kozlov's Finds in Khara-Khoto*. SPb., 1909; Volkov, F. "Human Bones from the Suburgan in Khara-Khoto." In *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2. SPb., 1914, pp. 179–182.

до сих пор. Подробно описаны китайская[66] и тангутская части коллекции[67]. Как отметил Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах тангутского фонда ИВР РАН. Совместно с шанхайским издательством «Древняя книга» («Гуцзи») была опубликована в одиннадцати томах светская часть коллекции и примерно одна пятая — одна шестая часть буддийских текстов на тангутском языке, все тексты на китайском языке[68]. Результатом многолетней работы Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря[69].

Но не только филологические вопросы помогла решить хара-хотинская коллекция Козлова. Ее изучение позволило выявить новые факты в истории книгопечатания. Библиотека, обнаруженная в Хара-Хото, — собрание печатных книг, ксилографов и рукописей XI—XIII вв.[70] Материалы этой коллекции позволяют проследить все этапы, технические достижения и особенности развития книжного дела в странах Востока. В книгах сохранилось много гравюр. Большой исторический интерес представляют разнообразные приспособления для книгопечатания, а также резные деревянные доски как для тангутских книг, так и для отдельных книжных иллюстраций.

Не менее значимы предметы буддийского культа из Хара-Хото, в частности иконы и статуэтки. Их предварительное описание, «не откладывая дела до подробного и тщательного изучения», дал уже в 1914 г. С.Ф. Ольденбург[71]. В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники

from Khara-Khoto to date. Both the Chinese[66] and the Tangut[67] parts of the collection have been described in detail. As E.I. Kychanov has pointed out, today's achievements of the Russian and the world Tangut scholars are based precisely on the materials of the Tangut collection of the IOM RAS. The secular part of the collection in eleven volumes has been brought out jointly with the Shanghai Chinese Classics (*Guji*) Publishing House, as well as a fifth or a sixth part of the Buddhist texts in Tangut and all the texts in Chinese[68]. E.I. Kychanov's unique Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary published in Japan was the fruit of the scholar's work of many a year.[69]

Kozlov's collection from Khara-Khoto was instrumental, however, not only in solving linguistic problems. Its study revealed new facts in the history of book printing. The library discovered in Khara-Khoto comprises printed books, blockprints and manuscripts from the 11th to the 13th century.[70] The materials of the collection enable the researcher to trace every stage, technological achievement and peculiarity in the development of book publishing in the countries of the East. A large number of engravings have survived in the books. Of great historical interest are various devices used in book printing, as well as carved printing boards both for Tangut books and certain individual book illustrations.

No less significant are the objects of Buddhist worship from Khara-Khoto, especially the paintings and statuettes. Their preliminary description was given, "without putting off the task till a thorough, detailed study," by S.F. Oldenburg as early as 1914.[71] Afterwards, the study of the collection became the duty

---

Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // ИИАН. 1913. Сер. 4. № 14. С. 817—913; Памятники тангутского письма. ИИАН. 1918. Сер. 6. № 8; Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 159—174; Иванов А.И., Ольденбург С.Ф., Котвич В. Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб., 1909; Волков Ф. Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 179—182.

66 Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

67 Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов Азии АН СССР / Составители З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. 170 с.

68 俄藏黑水城文獻 Э цан Хэйшуйчэн вэньсянь (Рукописи из Хэйшучэна в российских собраниях). В 11-ти томах. Шанхай, 1996—1999; Кычанов Е.И. Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН как основа развития мирового тангутоведения // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы 23-й годичной конференции СПб. Отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники. СПб., 2002. С. 19.

69 Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь. Составитель Е.И. Кычанов. Сосоставитель С. Аракава. Киото, 2006.

70 См. Терентьев-Катанский А.П. Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М., 1981.

71 Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

---

66 Menshikov, L.N. *Description of the Chinese Part of the Collection from Khara-Khoto (Fond P.K. Kozlova)*. M., 1984.

67 *Tangut Manuscripts and Xylographs. List of Identified and Recognized Tangut Manuscripts and Xylographs from the Collection of the Institute of Peoples of Asia of the USSR AS*. Compiled by Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov. M., 1963.

68 俄藏黑水城文獻 E cang Heishuicheng wenxian (*Heishuicheng Manucripts in Russian Collections*). Vols. 1–11. Shanghai, 1996–99; Kychanov, E.I. "The Tangut Collection of the St. Petersburg Branch of the IOS RAS as the Basis for the Development of the World's Tangut Studies." *Science and Technology: Issues of History and Theory*. Theses of the 23rd Annual Conference of the SPb. Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology. SPb., 2002, p.19.

69 *Dictionary of the Tangut (Xi-Xia) Language. Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary*. Compiled by E.I. Kychanov. Co-compiler: S. Arakawa. Kyoto, 2006.

70 See Terentyev-Katansky, A.P. *Book Publishing in the Tangut State (from the Materials of P.K. Kozlov's Collection)*. M., 1981.

71 Oldenburg, S.F. "Materials on Buddhist Iconography from Khara-Khoto." *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2, SPb., 1914.

Государственного Эрмитажа[72]. Предметы из хара-хотинской коллекции много и часто выставляются. В 1993 г. по инициативе Фонда барона фон Тиссена большая выставка буддийского искусства из Хара-Хото прошла в Швейцарии[73].

Большой популярностью пользовалась книга Козлова об этой экспедиции «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Уже в 1925 г. по инициативе путешественника В. Фильхнера она была переведена на немецкий язык[74]. Предисловие к ней написал С. Гедин. Второй перевод на немецкий язык был осуществлен в 1955 г.[75] Книга также была переведена на японский и китайский языки.

Сообщения о результатах раскопок в Хара-Хото заинтересовали западных исследователей. В 1914 г. в оазисе Эдзина работал А. Стейн[76], в 1923 г. там побывала американская экспедиция Л. Уорнера[77], а в 1927—1928 гг. этот район обследовал С. Гедин[78]. Все экспедиции собрали большое количество интересных находок, но повторить успех Козлова никому не удалось. Предполагая такой интерес своих зарубежных коллег, Козлов уже в июле 1909 г., получив от П.Я. Напалкова информацию о французской экспедиции, записал в дневнике: «Вот мое предсказание и сбылось. Я говорил моим спутникам: "Смотрите, еще мы не окончили наше путешествие, как узнаем, что иностранцы уже идут в нами открытую столицу тангутского царства". Невольно вспоминаю с великой благодарностью моего искреннего друга Александра Василевича Григорьева, вовремя подсказавшего мне променять Сычуань на мое детище Хара-Хото»[79].

Этот очерк, преднамеренно изобилующий цитатами, хочется закончить еще одним высказыванием, которое принадлежит С.Ф. Ольденбургу. Нам кажется, что в нем содержится ответ, поставленный в начале нашего повествования: «Часто приходится слышать, что находки, делаемые путешественниками, являются результатом "удачи". Такое утверждение несправедливо, ибо, если путешественник что-нибудь находит, то почти всегда только потому, что он искал и умел искать. Так было и с П.К. Козловым, и потому его находки должны быть поставлены ему в большую заслугу...»[80]

of the staff of the State Hermitage Museum.[72] Works from the Khara-Khoto collection have been frequently and in large numbers put on display. In 1993, on the initiative of Baron von Tissen's Foundation, a large exhibition of Buddhist art from Khara-Khoto was held in Switzerland.[73]

Kozlov's book about his expedition, *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*, has enjoyed great popularity. As early as 1925 it was translated into German on the initiative of the traveller Wilhelm Filchner.[74] Sven Hedin wrote an introduction to it. Another translation of the book into German was done in 1955.[75] The book was also translated into the Japanese and Chinese languages.

Researchers in the West took an interest in the reported results of the excavations in Khara-Khoto. In 1914 Aurel Stein worked in the oasis of Ejina,[76] in 1923 it was visited by Langdon Warner's American expedition,[77] and in 1927–28 the area was investigated by Sven Hedin.[78] All the expeditions collected large numbers of interesting finds, although none of them was able to repeat Kozlov's success. Anticipating this interest on the part of his foreign colleagues, Kozlov, after receiving from P.Ya. Napalkov the news of a French expedition, wrote in his journal as early as July 1909: "So now my prediction comes true. I often told my co-travellers: 'Look, before we have finished our journey, we'll find foreigners arriving in the capital of the Tangut Kingdom we discovered.' I gratefully recall my sincere friend Aleksandr Vasilyevich Grigoryev and his timely tip for me to change Sichuan for my child, Khara-Khoto."[79]

I would like to finish this essay, deliberately abundant in quotations, with one more citation, which belongs to S.F. Oldenburg. It seems to contain the answer to the question asked at the beginning of this narrative: "One often hears that finds made by travellers result from 'luck'. This assertion is unjust, for if a traveller does find something, it is almost always only because he was searching for it and knew how to search. That was the case with Kozlov, therefore he should be given full credit for his finds..."[80]

---

72 Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII—XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006.

73 Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara-Khoto. 10th–13th Century. Milano, 1993.

74 Kozlov P.K. Zur Toten Stadt / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin. 1925.

75 Kozlov P.K. Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto / Übers. von H. Sträubig. Leipzig, 1955.

76 Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford, Clarendon Press, 1928.

77 Warner L. The Long Old Road in China. London, 1927.

78 Hedin S. Across the Gobi Desert. London, 1931.

79 АРГО. Ф.18. Оп.1, ед. хр. 157. Л. 500. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

80 ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 11. Л. 50 об. 1928.

72 Samosyuk, K.F. *Buddhist Paintings (12th–14th century) from Khara-Khoto: Between China and Tibet. P.K. Kozlov's Collection*. SPb., 2006.

73 *Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara-Khoto. 10th–13th Century*. Milan, 1993.

74 Kozlov, P.K. *Zur Toten Stadt*. Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin. 1925.

75 Kozlov, P.K. *Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto*. Übers. von H. Sträubig. Leipzig, 1955.

76 Stein, A. *Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran*. 5 vols. Oxford: Clarendon Press, 1928.

77 Warner, L. *The Long Old Road in China*. London, 1927.

78 Hedin, S. *Across the Gobi Desert*. London, 1931.

79 ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 500. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

80 SARF. Fond P-5446. Inv. 37, unit 11, f. 50v., 1928.

Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение

Е.И. Кычанов

Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук происходит из мертвого города, который монголы называли Хара-Хото, китайцы — Хэйшуйчэн, а сами тангуты — Эдзина. Развалины Хара-Хото находятся в приблизительно 40 км от аймака Эдзина Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Русские путешественники по Монголии, по южным окраинам Гоби и северным районам Алашаня не раз слышали о якобы затерянном в песках пустыни мертвом городе. Г.Н. Потанин, экспедиция которого в 1886 г. двигалась вниз по течению реки Эдзин-Гол, прошел мимо Хара-Хото. Жившие в этих местах ойраты-торгоуты скрыли от него его местонахождение, хотя некоторые говорили, что есть такой город, совсем пустой, мертвый, что люди ездят туда, роют песок, находят вещи, даже серебряные, но там воды и близко нет, одни пески.

Сведения о мертвом городе, поступавшие в РГО, заинтересовали многих. Особенно они взволновали уже известного к тому времени путешественника П.К. Козлова, который позже вспоминал, что уже в то время мечтал посетить Хара-Хото и увидеть его таинственные недра. Не без труда он добился разрешения и получил средства на организацию Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг., одной из задач которой РГО поставило поиски таинственного мертвого города.

Пока П.К. Козлов собирался в экспедицию, мертвый город был найден в мае 1907 г. участником предыдущих экспедиций П.К. Козлова бурятом-казаком Ц.Г. Бадмажаповым, который служил в русской торговой миссии в Китае, в провинции Ганьсу, и был послан собирать долги с монгольских князей на южную окраину Гоби. Знал ли он от монголов о местонахождении Хара-Хото? Таких сведений у нас нет. В своем отчете РГО Ц.Г. Бадмажапов об этом не пишет. Но он понял, что открыл тот самый мертвый город, о котором столько говорили. Мы не можем документально подтвердить, что руководство РГО решило скрыть доклад Бадмажапова и даже не обнародовало сделанные им фотографии мертвого города. Но можно с уверенностью предположить что, когда в конце 1907 г. П.К. Козлов покидал Кяхту и пересекал границу Российской и Цинской империй, он наверняка знал, что Хара-Хото уже найден. Косвенным доказательством этому служит его встреча с Бадмажаповым в Урге

The Tangut Collection of the Institute of Oriental Manuscripts: History and Study

E.I. Kychanov

The Tangut Collection of the IOM RAS originated from the dead city called Khara-Khoto by the Mongols, Heishuicheng by the Chinese and Ejina by the Tanguts themselves. The ruins of Khara-Khoto are located at a distance of about 40 km from the *aimag* (district) Ejina of the Autonomous Province of Inner Mongolia in the People's Republic of China.

During their travels about Mongolia, southern stretches of the Gobi and the northern areas of Alashan, Russian explorers now and again heard stories of a dead city lost in the desert sands. In 1886 G.N. Potanin, whose expedition went down the stream of the River Ejin-Gol, passed by Khara-Khoto. The local population of the Oirats and Torgouts concealed from him the location of the city, though some of them did mention the existence of an ancient city, dead and desolate, adding that some people went there to dig and unearthed various objects, even silver ones, and that there was not a trace of water in the locality — just sands all over.

Information about the dead city received by the RGS stirred considerable interest. It particularly excited P.K. Kozlov, by then a famous traveller. Later he recollected that at that time he had already been dreaming of going to Khara-Khoto and seeing its mysterious sand-buried monuments. It was not without difficulty that he managed to obtain permission and funds to prepare and equip the Mongolia and Sichuan Expedition of 1907—09. One of its objectives, set by the RGS, was to search for the mysterious dead city.

While P.K. Kozlov was getting ready for the expedition, the dead city was found in May 1907 by the Buriat Cossack Ts.G. Badmazhapov, a participant in P.K. Kozlov's previous expeditions, who was working for the Russian trade mission in Gansu Province of China. At the time he was sent to the southern edges of the Gobi to collect debts from Mongolian princes. Did he come to know the location of Khara-Khoto from the Mongols? We have no such information. In his report to the Geographic Society Ts.G. Badmazhapov made no mention of this. But he realized he had found the dead city that had been so much talked about. We possess no documentary evidence to confirm that the Geographic Society decided to suppress Badmazhapov's report and did not even publish his photographs of the dead city. Yet we can confidently assume that when P.K. Kozlov was leaving Kiakhta late in 1907 and was crossing the border between Russia and the Qing Empire, he definitely

(Улан-Батор). Содержание их переговоров остается тайной и по сей день, однако Ц.Г. Бадмажапов сопровождал экспедицию, и именно он договорился с местными монголами о содействии экспедиции в исследовании развалин Хара-Хото[1].

Итак, 19 марта (1 апреля н. с.) экспедиция отправилась в Хара-Хото. П.К. Козлов, у которого определенно был литературный дар, записал в дневнике: «Наше желание попасть в Хара-Хото дошло до крайней степени. Над песками показались крепостные шпицы субурганов..., а вот и уголок самой крепости. Еще томительных полчаса и мы, миновав бугры-холмы из песка и тамариска, вышли на каменную равнину с запада, где мертвый город весь на виду, вблизи и еще больше манит к своим сокровищам...»[2]. Так усилиями российской науки был открыт Хара-Хото.

Это было действительно одно из знаменательных научных открытий начала XX века!

Мечта русского путешественника исполнилась: он ступил на улицы Хара-Хото — «азиатской Помпеи», погребенной песками пустыни Гоби. Одни здания были совсем разрушены и сровнялись с землей, другие еще держались. Когда-то здесь жили люди, работали, молились, страдали, веселились; теперь здесь не было ни одного человека, и даже имя города было забыто, ведь «Хара-Хото» означает «черный город», а это не название.

Город-крепость представлял собой прямоугольник площадью 380 × 450 метров, длинной стороной ориентированный (как многие китайские крепости) в направлении «запад—восток». Высота глинобитных стен достигала 6—8 метров при толщине у основания 4—6 метров. Вся внутренняя часть крепости была разбита на правильные кварталы; от ворот, устроенных в западной и восточной стенах и несколько смещенных относительно друг друга, к центру шли две большие улицы. На них стояли ряды небольших глинобитных домишек, прикрытых соломой, а сверху— сплошной твердой коркой глины. Следы бойниц были заметны только в очень немногих местах, зато повсюду стояли субурганы — памятные буддийские знаки (надгробные или отмечающие место каких-либо событий). Свой лагерь П.К. Козлов решил разбить прямо внутри крепости — возле развалин храма, разрушенного почти до основания. И начались раскопки, результаты которых прославили русских географов на весь мир.

Первые книги и рукописи были найдены П.К. Козловым в субургане, обозначенном как «субурган А», в юго-западном углу крепости. Была налажена неплохая связь от владений монгольских князей до Санкт-Петербурга, и первые находки были отправлены в РГО. Груз сопровождала

knew that Khara-Khoto had been found. This is evidenced indirectly by his meeting with Badmazhapov in Urga (Ulan Bator). Nothing is known to this day about the subject of their talks, but it was Badmazhapov who accompanied the expedition and made arrangements with the local Mongols on cooperation with the expedition in the exploration of the Khara-Khoto ruins.[1]

Thus on 19 March 1908 (1 April new style), the expedition approached Khara-Khoto. P.K. Kozlov, who definitely had a literary gift, made this entry in his diary: "Our desire to get to Khara-Khoto reached its climax. Over the sands we could first see the fortress spires of the *suburgans* ..., and then a corner of the fortress itself. Another stressful half an hour, and after passing mounds of sand and tamarisk, we came on to a stone plain from the west, where the dead city was in full view in front of us at close quarters, attracting us even more strongly with its riches..."[2] Thus, through the efforts of Russian science, Khara-Khoto was discovered.

It was really one of the most significant scientific discoveries of the early 20th century!

The dream of the Russian explorer did come true: he stepped on the streets of Khara-Khoto — the 'Asian Pompeii' buried by the Gobi Desert. Some of the buildings were quite ruined, level with the ground, while others were still erect. People had once lived here, working, praying, suffering, and merrymaking; now there was not a single person here and even the name of the city was forgotten, for Khara-Khoto means 'a black city', which is not a name.

The fortified city is a rectangle of 380 × 450 m, its long side turned in the east-west direction (as many Chinese fortresses are). The height of the adobe walls was 6 to 8 meters, their thickness at the base being 4 to 6 meters. Inside the city was divided into regular blocks; in the eastern and western walls gates were made, somewhat misaligned, from which ran two large streets, consisting of small clay cottages with roofs of thatch covered with layers of hard clay. Traces of openings for weapons could be seen in a few places, but *suburgans*, Buddhist memorial signs, or tombs, were found everywhere. P.K. Kozlov decided to make his bivouac in the fortress itself — beside the ruins of a temple almost razed to the ground. Then he began the excavations, which gave the Russian geographers world renown.

The first finds of books and manuscripts were made by P.K. Kozlov in the south-west corner of the citadel inside a *suburgan* designated as 'Suburgan A'. A fairly good communication link was established between the lands of the Mongolian princes and St. Petersburg, and the first finds were dispatched to the Geographic Society. The freight was accompanied by a letter asking the recipient to bring the collection to the notice of

---

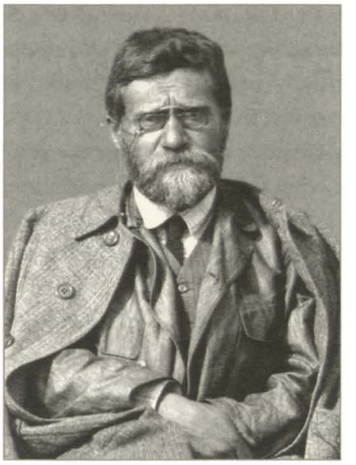
[1] См. Цокто Бадмажапов — первооткрыватель «мертвого» города Хара-Хото // Библиотека журнала «Тайна Бурятии». Улан-Удэ, 2006.

[1] See "Tsokto Badmazhapov, the Discoverer of the 'Dead' City of Khara-Khoto." In *Library of 'The Secret of Buriatia' Magazine*. Ulan Ude, 2006.

просьба ознакомить с находками академика С.Ф. Ольденбурга и профессора П.С. Попова.

15 (28) октября 1908 г. на заседании РГО с докладами о находках в Хара-Хото выступили С.Ф. Ольденбург, китаевед А.И. Иванов и монголовед В.Л. Котвич. Они высоко оценили находки П.К. Козлова, определили, что Хара-Хото принадлежал «тангутскому царству Си Ся», а извлеченные из развалин рукописи, помимо китайских, написаны «на языке неведомом, по крайней мере, прочесть их никто не умеет, хотя образцы письма и известны»[3].

А.И. Иванов
AI. Ivanov



В.Л. Котвич
W.L. Kotwicz

П.К. Козлову было предписано возвратиться в Хара-Хото из Гуйдуй, в северо-восточном Тибете, где он зимовал, и произвести дополнительные исследования. Он выполнил предписание в конце мая 1909 г., возвратившись в Хара-Хото. Однако новые раскопки внутри стен города не принесли принципиально новых результатов. Тогда было решено раскопать субурган, который стоял в 400 м от западной стены города. Субурган оказался богат «бурханами и письменами». В дневнике П.К. Козлов писал: «Надо полагать, что крыша часовни обрушилась и повалила бурханы или же они с самого начала и были так брошены, куда бросали и книги, и свитки, и иконопись...»[4].

2 (15) июня он записал: «В верхней части ступы все очищено, кругом сложены, сидя, круглые, деревянные, глиняные бурханы, а в середине — книги, письмена, письмена, книги — большие, малые, в переплетах или папках, тетрадями или свитками и проч.»[5] В основании, в центре субургана был воткнут шест, вокруг которого восседали статуи буддийских божеств, «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение перед большими рукописными листами письма Си Ся, сотнями наложенными один на другой»[6].

7 (20) июня 1909 г. раскопки субургана были закончены. Так сборами материалов и раскопками марта 1908 и конца

Academician S.F. Oldenburg and Professor P.S. Popov.

On 15 (28) October 1908 reports on the Khara-Khoto finds were made by S.F. Oldenburg, as well as the Sinologist A.I. Ivanov and the Mongolist W.L. Kotwicz. They highly appreciated P.K. Kozlov's finds and determined that Khara-Khoto belonged to the Tangut kingdom of Xi-Xia, concluding that the manuscripts from the ruins, except for some Chinese samples, were "written in an unknown language — at least nobody could read them, although some instances of the script were known."[3]

P.K. Kozlov was instructed to return to Khara-Khoto from Guidui in the Northeastern Tibet, where he was spending the winter, in order to conduct extra studies. He followed the instruction and returned to Khara-Khoto in May 1909. However, the new excavation within the city walls gave no essentially new results. It was then decided to excavate a *suburgan* 400 m off the western wall of the city. The *suburgan* proved to be rich in "*burkhans* and written monuments." P.K. Kozlov wrote in his diary: "The roof of the chapel presumably collapsed and overturned the *burkhans* — or else they had been left like that in the first place — where books, scrolls, and paintings were used to be thrown..."[4]

On 2 (15) June he made the following entry: "In the upper part of the *stupa* everything has been cleaned, round *burkhans* in wood and clay have been put, in seated positions, in a circular arrangement, whereas in the middle books and manuscripts, in covers or folders, notebooks or scrolls, etc have been placed."[5] At the base in the centre of the *suburgan*, a pole was stuck, round which sat the figures of Buddhist deities, "facing the middle, like lamas in prayer, with large sheets of handwritten texts in Xi-Xia, superimposed in hundreds one on to another, in front of them."[6]

On 7 (20) June 1909 the excavation of the *suburgan* was completed. Thus, as a result of excavations and archaeological research of March 1908 and of late May — beginning of June

---

2 Из дневника П.К. Козлова. Цит. по: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. Рыбинск, 2002. С. 26.
3 *Там же*. С. 31.
4 *Там же*. С. 34.
5 *Там же*. С. 35.
6 *Там же*.

2 From P.K. Kozlov's Diary, quoted in: Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. 2nd ed. Rybinsk. 2002, p. 26.
3 *Ibid.*, p. 31.
4 *Ibid.*, p. 34.
5 *Ibid.*, p. 35.
6 *Ibid.*

мая — начала июня 1909 гг. была обнаружена и собрана коллекция ксилографов и рукописей из Хара-Хото. Письменные памятники были на тангутском (Си Ся), китайском, тибетском и монгольском языках. Подавляющее большинство текстов было написано на языке и письмом Си Ся. Письменные памятники коллекции П.К. Козлова были переданы на хранение и для изучения в Азиатский музей в июне 1910 г. Именно эти материалы и составляют ныне тангутский фонд ИВР РАН.

Памятниками письменности из Хара-Хото занялись в свободное от университетских и других занятий время профессора А.И. Иванов и В.Л. Котвич. Оказалось, что письмена не столь уж неизвестны. Имелись две надписи на камне – на стеле в г. Лянчжоу (пров. Ганьсу, современный г. Увэй) и на воротах Цзюйюнгуань под Пекином. Тайну этих текстов пытались разгадать исследователи А. Уайли, Г. Деверия и С. Бушель. Более того, при подавлении объединенными силами держав восстания ихэтуаней в Пекине французами был найден текст «Лотосовой сутры», в котором анонимный китайский дешифровщик подставил к некоторым тангутским знакам их китайские значения или чтения. Ж. Морис, сравнивая китайский и тангутский тексты, расшифровал некоторое количество знаков тангутского письма, о чем в 1904 г. опубликовал статью «Предварительный вклад в изучение письменности и языка Си Ся»[7]. Таким образом, в принадлежности неизвестного письма и языка к народу тангутов сомнений не было, более того, оказалось, что история тангутского государства Ся (982—1227) по китайским источникам довольно подробно изложена Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) в его труде 1833 г. «История Тибета и Хухунора».

А.И. Иванов и В.Л. Котвич (неизвестно, кто именно и когда) обнаружили среди материалов, доставленных экспедицией Козлова, отпечатанную способом ксилографии в 1190 г. книгу под названием «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени» (番漢合時掌中珠 Фань-хань хэши чжан чжун чжу). Это был удивительно составленный тангутско-китайский в чтении слева-направо и китайско-тангутский в чтении справа-налево словарь примерно на тысячу знаков. Он открывал путь к постепенной дешифровке тангутских текстов.

А.И. Иванов опубликовал ряд статей по тангутскому фонду, в том числе обобщающую статью «Памятники тангутского письма» (1918), в которой подводил итоги своей работы с фондом и приводил сведения о тангутских толковых словарях «Омофоны» (同音 Тун инь), «Море письмен» (文海 Вень хай) и «Смешанные категории» (字雜 Цзы цза)»[8].

1909, the collection of the Khara-Khoto xylographs and manuscripts was discovered and amassed. The written monuments were in Tangut, Chinese, Tibetan and Mongolian. The overwhelming majority of the texts were in the language and script of the Tanguts (Xi-Xia). In June 1910 the written monuments from the P.K. Kozlov collection were handed over to the Asiatic Museum of the RAS for keeping and study. It is these monuments that constitute the Tangut Collection of the IOM RAS.

Professors A.I. Ivanov and W.L. Kotwicz devoted much of their spare time to the Khara-Khoto written monuments. It turned out that the writing was not altogether unknown. There were two inscriptions on stone — on a stele in the town of Liangzhou (today's Wuwei in Gansu Province) and on the Juyongguan Gate in the vicinity of Beijing. Deciphering them was attempted by A. Wylie, J.G. Devéria and S.W. Bushell. Moreover, when the allied forces were suppressing the Boxer Rebellion in Beijing, the French found the text of the *Lotus Sutra*, in which an anonymous Chinese decipherer supplied certain Tangut signs with their Chinese equivalents or pronunciations. G. Morisse compared some Chinese and Tangut texts and identified a certain number of Tangut notation symbols, publishing an article in 1904 entitled *A Preliminary Contribution to the Study of the Xi-Xia Language and Notation*.[7] Therefore no doubt remained regarding the fact that the unknown language and writing belonged to the language and script of the Tanguts. Moreover, it turned out that the history of the Tangut state of Xia (982–1227) had been presented in considerable detail by N.Ya. Bichurin (Father Iakinf) in his *History of Tibet and Koko Nor*, published in 1833.

A.I. Ivanov and W.L. Kotwicz (it is not known which of them or when) found among the materials brought by P.K. Kozlov's expedition a book printed by the method of xylography in 1190: *A Timely Pearl in the Hand* (番漢合時掌中珠 Fan-han heshi zhang zhong zhu). It was an ingeniously compiled dictionary, Tangut to Chinese, if read from left to right, and Chinese to Tangut, if read from right to left; it contained about a thousand symbols. It opened a path to a gradual decoding of Tangut texts.

A.I. Ivanov published a number of articles devoted to the Tangut Collection, including a resumptive article *Monuments of Tangut Writing* (1918), in which he summed up the results of his investigation of the collection and provided information on the Tangut monolingual explanatory dictionaries called *Homophones* (同音 Tong yin), *Sea of Writings* (文海 Wen hai) and *Mixed Categories* (字雜 Zi za).[8] As a result of his studies, A.I. Ivanov compiled a *Dictionary of Tangut Writing*. However, the dictionary gathered dust on the shelves of the publishing

---

[7] Morisse M.G. Contribution préliminaire à l'êtude de l'ecriture de la lang Si-Hia //Memoires presentés par divers savants a l'Academie des Inscriptions. 1 serie, vol. XI. Paris, 1904.

[8] Иванов А.И. Памятники тангутского письма // Известия Академии наук, 1918. С. 799—800.

[7] Morisse M.G. "Contribution préliminaire à l'êtude de l'ecriture de la lang Si-Hia." *Memoires presentés par divers savants a l'Academie des Inscriptions*. 1 serie, vol. XI. Paris, 1904.

[8] Ivanov, A.I. "Monuments of Tangut Writing." *PAS*, 1918, pp. 799–800.

Тангутский ксилограф
«Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени»
23×15,5 см
ИВР РАН, Танг 13

The Tangut xylograph
“A Timely Pearl in the Hand”
23×15.5 cm
IOM RAS, Танг 13

Тангутский ксилограф «Омофоны»
23×15,5 см
ИВР РАН, Танг 18

The Tangut xylograph “Homophones”
23×15.5 cm
IOM RAS, Танг 18

Тангутский ксилограф «Большие оды»
23×16,5 см
ИВР РАН, Танг 25

The Tangut xylograph “The Big Odes”
23×16.5 cm
IOM RAS, Танг 25

Н.А. Невский на Тайване с представителями народа атаял. 1927

N.A. Nevsky in Taiwan with a group of the Atayal natives. 1927

В результате своих исследований А.И. Иванов составил «Словарь тангутского письма». Однако словарь пролежал в издательстве Академии наук с 1919 по1922 г. и так и не был опубликован. В 1935 г. А.И. Иванов писал академику В.М. Алексееву: «Жаль, что Невский не знаком с моей рукописью, которая пролежала в Академии с 1919 по 1922 год, когда я, взяв ее, решил ничего больше не писать. Рукопись у меня с пометками о приеме и возврате»[9]. Совершенно очевидно, что эта рукопись пропала во время ареста Иванова летом 1937 г.

Как известно, А.И. Иванов и В.М. Алексеев были в ссоре после того, как А.И. Иванов дал отрицательный отзыв о диссертации В.М. Алексеева «Стансы Сыкун Ту». Покинув дипломатическую службу в Китае во второй половине 1920-х гг., А.И. Иванов при полном господстве Алексеева в ленинградском китаеведении не мог возвратиться не только к тангутоведению, но и в Ленинград. В конце 1920-х гг. тангутским фондом какое-то время занимался А.А. Драгунов, но и он оставил эти занятия с возвращением в Ленинград в 1929 г. из Японии Н.А. Невского.

А.И. Иванов был университетским учителем Н.А. Невского. Именно он курировал практику Н.А. Невского в Японии по изучению хэйанской литературы. Когда в 1925 г. они встретились в Пекине, то именно А.И. Иванов посоветовал Н.А. Невскому заняться тангутоведением. И Невский последовал его совету. Возвращение Н.А. Невского в

house of the Academy of Sciences from 1919 to 1922 and was never published. In 1935 A.I. Ivanov wrote to Academician V.M. Alekseev: "It is a pity that Nevsky is not familiar with my manuscript that remained in the Academy from 1919 to 1922, when I withdrew it and decided to write nothing again. My manuscript bears marks of registration and withdrawal."[9] Obviously, the manuscript was lost altogether during Ivanov's arrest in the summer of 1937.

It is a well-known fact that A.I. Ivanov and V.M. Alekseev were at odds after Ivanov's negative assessment of Alekseev's thesis entitled *Stances of Sikong Tu*. After resigning from diplomatic service in China in the second half of the 1920s, when V.M. Alekseev fully controlled Sinology in Leningrad, A.I. Ivanov was unable to return to Tangut studies, and, what is more, he could not even come back to Leningrad. In the late 1920s the Tangut Collection was addressed for some time by A.A. Dragunov, but he also abandoned these pursuits after the return to Leningrad from Japan of N.A. Nevsky.

A.I. Ivanov had been N.A. Nevsky's university teacher. It was he who supervised N.A. Nevsky's studies in the Heian literature during his probation in Japan. When they met in Beijing in 1925, it was A.I. Ivanov who advised Nevsky to take up Tangut studies, and the latter followed his advice. Nevsky's return to Leningrad under the umbrella of V.M. Alekseev, who was also his former university teacher, made him a monopolist

[9] Цит. по: Кычанов Е.И. *Указ. соч.* С. 78.

[9] Quoted in: Kychanov, E.I. *Op. cit.*, p. 78.

Ленинград под покровительство В.М. Алексеева, также его университетского учителя, сделало его монополистом в изучении тангутского фонда, монополистом в хорошем смысле, ибо Н.А. Невский весь свой талант и все свои основные силы отдал фонду. За короткий срок работы над ним — всего семь лет — Н.А. Невский подытожил все, что было сделано до него, и приступил к составлению инвентаря тангутского фонда, делу для Азиатского музея новому. До этого сводного инвентаря фонда не существовало. Книги, причем далеко не все, были только разделены по форматам, на книгу ставился штамп музея с указанием формата и того, что эта книга на языке Си Ся. Н.А. Невский, естественно, отобрал все то, что было в хорошей сохранности, выделил буддийские и небуддийские сочинения, среди небуддийских — словари. Используя достижения в России А.И. Иванова и А.А. Драгунова, в Китае братьев Ло Фу-чана 羅福萇 и Ло Фу-чэна 羅福成, Ван Цзин-жу 王靜如, начавшего как раз в это время издавать сборники «Изучение Си Ся» (西夏研究 *Си Ся яньцзю*), Исихама Дзюнтаро в Японии, с которым он ряд лет работал рука об руку, он приступил к выполнению этой сложной и кропотливой работы.

20 марта 1935 г. Н.А. Невский выступил на сессии Академии наук с докладом «Тангутская письменность и ее фонды». Это был первый общий и достаточно полный обзор тех памятников тангутской письменности, которые П.К. Козлов привез из развалин Хара-Хото, сохранивший свою научную значимость и до сего времени. В своем докладе Н.А. Невский поставил задачи и на последующие годы работы с фондом. Решение группы востоковедов Академии наук в этом плане обнадеживало: «Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик. Выписка из Протокола заседания Группы востоковедов от 21 марта 1935 г. ... 2. Слушали доклад Н.А. Невского "Тангутская письменность и ее фонды". Постановили: 1. Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всего вновь открываемого Н.А. Невским материала, ходатайствовать перед Президиумом АН о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению. 2. Считать целесообразным полное переключение Н.А. Невского на изучение тангутского фонда ИВ (Института востоковедения)»[10].

Это была победа, фактически «карт-бланш» на занятие исключительно любимой работой. Коллектив Института востоковедения выдвинул его в члены-корреспонденты Академии наук. Но тут прозвучал первый звонок из страшного будущего — его не избрали. В октябре 1937 г. он был арестован.

Н.А. Невский был не только и не столько тангутовед. Он был блестящим японистом, преподавал в университете японский язык, в институте был ведущим специалистом в составлении японско-русского словаря. Он был молод, и

[10] *Там же*. С. 110.

in the study of the Tangut Collection — a monopolist in a positive sense, for N.A. Nevsky gave his entire talent and all his main energies to the Collection. During his short term of work with the collection — a total of 7 years — N.A. Nevsky summed up everything that had been done before him and embarked on the compilation of the Tangut Collection inventory, which was a new kind of activity for the Asiatic Museum. No overall inventory of the Collection had been taken before. The books — and not all of them for that matter — had been only sorted by size and marked with a stamp stating the book size and the fact that it was in the Xi-Xia language. Naturally, Nevsky set aside everything that was in a good condition, separated Buddhist writings from non-Buddhist ones, and picked out dictionaries from the latter category. He began this complicated and time-consuming work basing oneself on the achievements, in Russia, of A.I. Ivanov and A.A. Dragunov, in China, of the brothers Luo Fu-chang 羅福萇 and Luo Fu-cheng 羅福成, as well as of Wang Jing-ru 王靜如, who had just begun publishing his collections called *Study of Xi-Xia* (西夏研究 *Xi-Xia yanjiu*) and, in Japan, of Ishihama Juntarō 石濱純太郎, who had worked side by side with him for a few years.

On 20 March 1935 N.A. Nevsky presented his report entitled *Tangut Writing and Its Collections* to the Academy session. It was the first general and fairly comprehensive survey of the written monuments P.K. Kozlov had brought from the ruins of Khara-Khoto, which has retained its scholarly significance to this day. In his report N.A. Nevsky also set forth tasks for future work with the Collection. In this respect the decision of the group of the Orientalists of the Academy sounded encouraging: "The USSR AS. Extract from the Minutes of the Orientalists' meeting of 21 March 1935 has it as follows: ... 2. Gave heed to N.A. Nevsky's report *Tangut Writing and Its Collections*. Resolved: 1. In view of the extreme importance, for Middle Asian studies, of the materials re-addressed by N.A. Nevsky, it is imperative to ask the Academy Presidium to have his Tangut study articles published promptly as first priority. 2. We deem it necessary that N.A. Nevsky be appointed to focus completely on the study the Tangut Collection of the IOS (Institute of Oriental Studies)."[10]

It was a victory, a real carte blanche permitting the scholar to devote himself entirely to his favourite work. The IOS' staff meeting nominated him for election as Corresponding Member of the Academy of Sciences. It was then that an ominous alarm of frightful future sounded: he was voted down. In October 1937 N.A. Nevsky was arrested.

N.A. Nevsky was not only a researcher engaged in Tangut studies. He was even better known as a brilliant specialist on Japan; he taught Japanese at the University of Leningrad and at his Institute he was engaged in the preparation of Japanese-

[10] *Ibid.*, p. 110.

пока его на все хватало. В 1937 г. он по плану должен был закончить «Исследование произношения тангутских идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц». Как тангутовед, Лауреат Ленинской премии 1962 г. (посмертно), он известен прежде всего в России. В Японии его, пожалуй, больше знают как лингвиста и фольклориста, специалиста по диалектам японского языка и фольклору айнов. Он внес существенный вклад в изучение южного диалекта японского языка — языка мияко. В городе Хирара на острове Миякодзима есть улица, носящая имя Невского, и установлена памятная стела в его честь.

Здание Библиотеки Академии наук, где в 1927–1950 гг. размещался Институт востоковедения

Building of the Library of the Academy of Sciences, where in 1927–50 the Institute of Oriental Studies was located

После исчезновения Н.А. Невского в недрах Большого дома тангутский фонд осиротел. Перед войной продолжить инвентаризацию фонда было предложено А.А. Драгунову. В войну и блокаду Ленинграда фонд пролежал вместе со всеми рукописными богатствами Института востоковедения в здании Библиотеки Академии наук, где он тогда размещался. К счастью, здание не пострадало от бомбежек и артобстрелов, книги и рукописи остались целы.

После войны и возвращения из эвакуации сотрудников института А.А. Драгунов продолжил инвентаризацию фонда. Для внесения в инвентарь он также использовал книги относительно хорошей сохранности, имеющие названия. В частности, он внес в инвентарь практически все книги «Махапраджняпарамита-сутры». Некоторые книги были занесены им в инвентарь повторно. К сожалению, выдающийся лингвист А.А. Драгунов не занимался научной работой с фондом, во всяком случае, следов этого не сохранилось. В 1950 г. Институт востоковедения был переведен в Москву, в Ленинграде осталось его отделение. А.А. Драгунов вместе с частью сотрудников переехал в столицу. В 1955 г. он скончался.

В Секторе восточных рукописей в Ленинградском отделении Института востоковедения тангутский фонд был закреплен за З.И. Горбачевой. Она продолжала вести инвентарь фонда, опубликовала несколько статей о Н.А. Невском, разбирала его архив. Руководство Сектора решило привлечь к тангутоведению молодых востоковедов. В 1954 г. Сектор получил два места в аспирантуру, на которые претендовали И.Т. Зограф (китайский язык) и С.А. Школяр (тангутоведение). Они успешно сдали экзаме-

Russian dictionary as one of the leading authorities on the subject. He was young, so his energies permitted him to cope with everything. In 1937 he was planning to complete his *Study of the Pronunciation of the Tangut Hieroglyphs on the Basis of Tangut Dictionaries and Concise Phonetic Tables*. As a Tangut researcher, Lenin State Prize Winner (posthumous) of 1962, Nevsky is known primarily in Russia. In Japan he is probably better known as a linguist and folklore specialist, who studied Japanese dialects and the Ainu folklore. He made a significant contribution to the study of Miyako, a southern dialect of Japanese. The town of Hirara on Miyakojima Island has a street named after the scholar and a stele commemorating him.

After the disappearance of N.A. Nevsky in the vaults of the 'Bolshoi Dom' (nickname for the Leningrad KGB headquarters), the Tangut Collection was orphaned as it were. Shortly before the war A.A. Dragunov was offered to continue its inventory-taking. During the war and the siege of Leningrad the Collection was kept, as well as all the other valuable manuscripts from the IOS, in the Library of the Academy of Sciences, where the Institute was housed then. Fortunately, the Library was not damaged by the heavy bombings and artillery fire the city was subjected to, so all the books and manuscripts survived intact.

After the war and the return of the Institute staff from the evacuation, A.A. Dragunov continued work on the Collection inventory. He, too, chose books that had titles and were in a relatively good condition for the inclusion in the inventory. Specifically, he entered in the inventory practically all the books of the *Mahāprajñāparamitā-sūtra*. Some of the books were entered twice. Unfortunately, the outstanding linguist Dragunov did not research the Collection — at any rate, there are no signs of such studies. In 1950 the IOS was moved to Moscow, its branch remaining in Leningrad. A.A. Dragunov, as well as some other staff members, also moved to the capital, where he died in 1955.

In the Section of Oriental Manuscripts of the LB of the IOS, Z.I. Gorbacheva assumed charge of the Tangut Collection. She continued work on the inventory of the Collection, published several articles about N.A. Nevsky and sorted out his archive. The supervisors of the Section decided to recruit young Orientalists to pursue Tangut studies. In 1954 the Section was given two post-graduate student positions, which were sought by

ны, но из Москвы на эти места были направлены свои аспиранты. И.Т. Зограф стала готовиться к повторному поступлению, сдавала зимой 1954—1955 гг. экзамены кандидатского минимума. С.А. Школяр от повторного поступления в аспирантуру отказался. Весной 1955 г. Восточный факультет рекомендовал к поступлению на место по тангутоведению четырех выпускников. Повезло Е.И. Кычанову. В конце 1959 г. ему было поручено завершить инвентаризацию тангутского фонда. Работа была завершена к концу 1962 г., а в 1963 г. под патронажем и при поддержке академика Н.И. Конрада (1891—1970) был опубликован первый сводный каталог фонда «Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР». Составителями (не на титульном листе) списка, указаны З.И. Горбачева и Е.И. Кычанов.

В предисловии к списку академик Н.И. Конрад справедливо отметил, что опубликование в 1960 г. двухтомника работ Н.А. Невского «Тангутская филология» было «первым актом нашей деятельности по созданию основного условия возможности дальнейшей работы по описанию тангутского фонда с привлечением к ней новых участников...» и «издание этого списка будет способствовать следующему шагу — развитию танутоведения как действительно новой научной отрасли востоковедения»[11].

В списке 1963 г. буддийские памятники на тангутском языке были только перечислены. «Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии Наук» был издан в 1999 г. Киотоским университетом[12]. Таким образом, научной общественности представлено достаточно полное содержание тангутского фонда, за исключением коллекции административных и хозяйственных документов. Все они написаны тангутской скорописью и плохо или почти совсем не читаются.

В настоящее время тангутский фонд Института восточный рукописей представляет собой на 90 с лишним процентов рукописные и отпечатанные способом ксилографии книги. Печатные книги относятся ко второй половине XI—XII и первой четверти XIII в. Тангутский фонд — одно из наиболее полных собраний печатной книги этого периода, включая книги не только на тангутском, но и на китайском и тибетском языках. Часть книг, бесспорно, была отпечатана набором, в некоторых случаях на это имеются прямые указания в колофонах. В тангутском государстве производилась

I.T. Zograf (the Chinese language) and S.A. Shkolyar (Tangut studies). The candidates passed the entrance exams, but the Moscow Institute filled the positions with their own candidates. I.T. Zograf began preparing for seeking entrance again and in the winter of 1954–55 she passed the requisite degree examinations ahead of time. S.A. Shkolyar decided not to seek entrance to post-graduate studies any longer. In the spring of 1955, the Oriental Faculty of Leningrad University recommended four of that year's graduates to seek admission to the position of a post-graduate student in Tangut studies. E.I. Kychanov was the lucky winner. In late 1959 he was instructed to complete the cataloguing of the Tangut Collection, which he had done by the end of 1962; consequently, 1963 saw the publication of the first general catalogue of the Collection, with support and patronage of Academician N.I. Konrad (1891–1970): *Tangut Manuscripts and Xylographs*. Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov were in the credits as compilers (not on the title sheet) of the list.

In his introduction to the catalogue Academician N.I. Konrad justly observed that the publication in 1960 of N.A. Nevsky's two-volume *Tangut Philology* was the "first phase of our activity aimed at creating the principal condition opening possibilities of further work on the description of the Tangut Collection and involving new participants in it... The publication of the list will facilitate the next step — the development of Tangut studies as a new research branch of Oriental Studies."[11]

The list of 1963 merely enumerated the Buddhist monuments in the Tangut language. In 1999 Kyoto University published Kychanov's *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments in the IOS RAS*.[12] In that way the international scholarly community was introduced to almost the entire Tangut Collection, except for its administrative and economy documents, all of which are written in Tangut cursive and are therefore scarcely legible or illegible.

At present more than ninety percent of the Tangut Collection of the IOM comprise handwritten or xylograph printed books. The printed books date from the late 11th and 12th centuries, as well as from the first quarter of the 13th century. The Tangut Collection is one of the most ample collections of the period's printed books, including those in the Chinese and Tibetan languages. Some of the books were definitely produced by means of movable type-set printing, for in some cases this is directly stated in the colophons. Quality paper of different varieties was made in the Tangut state (we can only wonder why its

---

[11] Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. Составители З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. С. 5.

[12] Каталог тангутских буддийских памятников Института востоковедения Российской Академии наук. Составитель Е.И. Кычанов. Вступительная статья Т. Нисиды. Издание подготовлено С. Аракавой. Киото, 1999.

[11] *Tangut Manuscripts and Xylographs. List of Identified and Recognized Tangut Manuscripts and Xylographs from the Collection of the Institute of Peoples of Asia of the USSR AS*. Compiled by Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov. M., 1963, p. 5

[12] *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments in the IOS RAS*. Compiled by E.I. Kychanov. Introduction by T. Nishida. The edition prepared by S. Arakawa. Kyoto, 1999.

хорошая бумага многих сортов (остается только удивляться, почему сохранность ее до сих пор не привлекла внимания современных бумагопроизводителей!). Великолепной и стойкой ко всем перипетиям времени оказалась тушь (которая, видимо, также должна стать предметов отдельного исследования). Фонд ждет еще тщательного обследования специалистами как памятника книгопечатания.

Тиражи книг были потрясающими и для нашего времени: в предисловиях к изданию сутр императорами указываются тиражи в 10 и даже 20 тыс. экземпляров. Издание сутр было благим делом. Оно осуществлялось на индивидуальные пожертвования и в складчину. Сутры раздавали даром чиновникам и народу.

По своей форме тангутские книги копировали современные им китайские: книги-кодексы (тетради), книги-бабочки, книги-свитки, книги-гармоники и заимствованные из индо-тибетской буддийской практики книги-потхи.

По содержанию материалы тангутского фонда подразделяются на шесть групп:

1. Оригинальные тангутские сочинения;
2. Словари и фонетические таблицы тангутского языка;
3. Календари и медицинские тексты;
4. Памятники законодательства и документы;
5. Переводы с китайского языка;
6. Сочинения буддийского канона. Среди последних можно выделить переводы с китайского и переводы с тибетского языков, а также предполагаемые оригинальные сочинения тангутских буддистов.

В числе оригинальных тангутских сочинений следует назвать «Большие оды» — ксилография, казенное издание 1185—1186 гг. Памятник труден для перевода и осмысления, в нем много мифологии и, очевидно, есть отклики на современность. Переводы отрывков сделаны Е.И. Кычановым и К.Б. Кепинг (1937—2002), однако стопроцентная правильность их не гарантируется[13].

«Вновь собранные драгоценные парные изречения» — ксилография без даты. Сборник представляет собой образец тангутского паремического речетворчества, включающий подлинные пословицы и то, что можно отнести к китайским *ляньцзюй* 聯句. Книга переиздана в Китае, Чэнь Бин-ин 陳炳應 дал собственный перевод изречений на китайский язык, не столь значительно отличающийся от русского перевода Е.И. Кычанова. Предисловие к русскому изданию Е.И. Кычанова полностью переведено на китайский язык[14].

[13] Море значений, установленных святыми. Факсимиле ксилографа. Издание текста, предисловие, перевод с тангутского, комментарии и приложения Е.И. Кычанова. СПб., 1997. С. 217—225; Кеппинг К.Б. Последние статьи и документы. СПб., 2003. С. 97—110, 116—136, 196—201.

[14] Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарии Е.И. Кычанова. М., 1974; 陳炳應 Чэнь Бин-ин.

good condition has not attracted the attention of today's manufacturers of paper). The Indian ink (which probably also deserves to be studied by specialists) proved to be exceptionally excellent and durable to every vicissitude of time. In view of this, the books in the Collection still await a specialist's scrutiny as remarkable monuments of book printing.

The number of copies of the editions were amazing, even by today's standards: the emperors stated the number of copies for the sutra editions as ten and even twenty thousand. The publishing of the sutras was reckoned among virtuous deeds carried out through individual donations and public subscription. The sutras were given gratis to officials and common people.

In outer appearance and shape, Tangut books were modelled on their Chinese contemporaries: codices (notebooks), butterfly-books, scrolls, accordion-books and *poṭhī* books, the latter borrowed from the Indo-Tibetan Buddhist practice.

According to their content, the materials of the Tangut Collection fall into these six groups:

1. Original Tangut writings;
2. Dictionaries and phonetic tables of the Tangut language;
3. Calendars and medical texts;
4. Legislative acts and legal documents;
5. Translations from the Chinese;
6. Buddhist Canon writings. Among the latter, there are translations from the Chinese and the Tibetan languages, as well as supposedly original writings by Tangut Buddhists.

Among the original works in Tangut, worthy of note is *The Big Odes*, a xylographic official publication of 1185—86. The monument scarcely lends itself to translation and is hard to understand, containing as it does plenty of mythology and allusions to its contemporary events. Some passages were translated by E.I. Kychanov and K.B. Kepping (1937—2002), but their correctness cannot be completely warranted.[13]

Another noteworthy publication is *The Newly Collected Precious Companion Sayings*, the xylograph bearing no date. The collection is an example of Tangut paremic speech production, which includes original proverbs and those that could be ascribed to Chinese *lianju* 聯句. The book was published in China, with Chen Bing-ying's 陳炳應 translations of the aphorisms, which do not differ significantly from E.I. Kychanov's versions. E.I. Kychanov's entire introduction to the Russian edition was translated into Chinese.[14]

[13] *Sea of Meanings Determined by Saints*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, introduction, translation from the Tangut, comments and supplements by E.I. Kychanov. SPb., 1997, pp. 217—225; Kepping, K.B. *Last Articles and Documents*, SPb., 2003, pp. 97—110, 116—136, 196—201.

[14] *The Newly Collected Precious Companion Sayings*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, translation from the Tangut, introductory article and commentary by E.I. Kychanov. M., 1974.; 陳炳應 Chen Bing-ying. 西夏諺語新集錦成對諺語 Xi Xia yanyu. Xin ji jin cheng dui yanyu (*Proverbs of Xi-Xia. The newly Collected Precious Companion Sayings*). Tayuan, 1993.

Тангутская филологическая наука, базировавшаяся на достижениях китайской филологии, в частности, лексикографии, оставила для нас бесценные памятники, разного рода словари родного языка. Мы уже упоминали тангутско-китайский словарь «Жемчужина в руке, отвечающая запросам времени». Составитель этого уникального ксилографа 1190 г. — тангут Гулэ Мао-цай 骨勒茂才. Не будь этого словаря, тангутоведение еще долго не могло бы развиваться. Словарь издавался в Китае и на Тайване, он вошел составной частью во все современные словари тангутского языка[15].

Расшифровка тангутских словарей была первостепенной задачей для пополнения лексики и переходу от прочтения отрывков тангутских текстов к большим кускам или полным текстам. Надо сказать, что тангутская словесно-слоговая письменность, созданная в начале 1030-х гг. Ели Жэньюном 野利仁榮 и официально введенная в употребление в тангутском государстве в 1036 г., претерпевала незначительные изменения по набору знаков до начала XIII в. Поэтому и сейчас в текстах иногда встречаются совершенно незнакомые знаки.

Основными были (из того, что дошло до нас) словарь «Море письмен», датируемый от 1124—1131 гг. Словарь составлен по образцу китайского словаря «Гуан юнь» 廣韻, лексика размещена по рифмам, словарная статья включает объяснение состава (структуры) знака, его значение и чтение по китайскому методу «рассечения» (*фаньце* 反切). Словарь «Море письмен, смешанные категории» (文海雜類 Вэнь хай цза лэй) содержал лексику, которая не укладывалась в рифмы, слова в нем расположены по начальным согласным. Памятник переведен и издан в России[16] и в Китае[17].

Словарь омонимов «Омофоны» (同音 Тун инь), составленный по девяти начальным фонемам, с пояснением каждого знака или его синонимом, или знаком из бинома, в который входит поясняемый знак, или антонимом. Словарь издан в Китае Ли Фань-вэнем 李范文[18].

Tangut philologists, who profited from the achievements of Chinese philology, in particular, Chinese lexicography, left us a legacy of priceless monuments in the form of various dictionaries of their native tongue. We have already mentioned the Tangut-Chinese dictionary entitled *A Timely Pearl in the Hand*. The compiler of this unique xylograph of 1190 was a Tangut named Gule Mao-cai 骨勒茂才. If it had not been for this dictionary, Tangut studies would have taken far longer to develop. It was published in China and Taiwan and entered as a component all today's dictionaries of the Tangut language.[15]

The deciphering of the Tangut dictionaries was a priority task for expanding the researcher's vocabulary and transition from reading excerpts of Tangut texts to perusal of long passages or even entire texts. It should be noted that the Tangut word-syllable writing system, created by Yeli Ren-rong 野利仁榮 in the early 1030s and introduced in the Tangut state in 1036, went on undergoing minor changes in the choice of symbols until the beginning of the 13th century. This is the reason why even today the researcher occasionally comes across completely unknown symbols.

The main dictionaries (of what has come down to us) are *The Sea of Writings*, datable to 1124–31, which was modelled on the Chinese *Guang-yun* 廣韻 Dictionary, with vocabulary items arranged by rhyme and definitions including the structure of the symbol, its meaning and reading with the help of the Chinese 'dissection' (*fan-qie* 反切) method — and *The Sea of Writings, Mixed Categories* (文海雜類 Wen hai za lei), which contained vocabulary items that could not be arranged by rhymes, so the words in it were grouped by their initial consonants. The monument was translated and published in Russia[16] and in China.[17]

Another dictionary entitled *Homophones* (同音 Tong-yin), contains homonyms listed in accordance with the nine initial phonemes, with each symbol explained with its synonym, or with a sign from the binomial where the defined symbol belongs, or with an antonym. The dictionary was published in China by Li Fan-wen 李范文.[18]

西夏諺語新集錦成對諺語 Си Ся яньюй. Синь цзи цзин чэн дуй яньюй (Пословицы Си Ся. Вновь собранные изысканные парные изречения). Тайюань. 1993.

15 黃振華，聶鴻音，史金波. Хуан Чжэнь-хуа, Не Хун-инь, Ши Цзинь-бо. 番漢合時掌中珠 Фань-хань хэши чжан чжун чжу (Тангутско-китайская жемчужина в руке, отвечающая запросам времени). Иньчуань. 1989; Luc Kwanten. The Timely Pearl. A 12th century Tangut Chinese Glossary. Vol. 1. The Chinese glosses // A Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 142, Bloomington, Indiana, 1982.

16 Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительная статья и примечания К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. 1—2. М., 1969.

17 史金波，白濱，黃振華 Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэнь-хуа. 文海研究 Вэнь-хай яньцзю (Исследование [словаря] «Море письмен»). Пекин, 1983.

18 李范文 Ли Фань-вэнь. 同音研究. Тун инь яньцзю. (Исследование словаря «Омофоны»). Иньчуань. 1986.

15 黃振華，聶鴻音，史金波. Huang Zhen-hua, Nie Hong-yin, Shi Jin-bo. 番漢合時掌中珠 Fan-han heshi zhang zhong zhu (*Tangut-Chinese Timely Pearl in the Hand*). Yinchuan, 1989; Luc Kwanten. *The Timely Pearl. A 12th-Century Tangut-Chinese Glossary*. Vol. 1. *The Chinese Glosses*. In Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 142. Bloomington, Indiana, 1982.

16 *Sea of Writings*. Facsimile of Tangut xylographs. Translation from the Tangut, introductory article and notes by K.B. Kepping, V.S. Kolokolov, E.I. Kychanov and A.P. Terentyev-Katansky. Parts 1–2. M., 1969.

17 史金波，白濱，黃振華 Shi Jin-bo, Bai Bin, Huang Zhen-hua. 文海研究 Wen hai yanjiu (*Study of 'The Sea of Writings'*). Beijing, 1983.

18 李范文 Li Fan-wen. 同音研究. Tong yin yanjiu (*Study of Homophones*). Yinchuan, 1986.

«Смешанные знаки [трех частей мироздания]» (文海雜類三才字雜 Вэнь хай цза лэй сань цай цзы цза) — словарь лексики по традиционному делению «небо, земля, человек» и в пределах этих трех разделов — по более частным «материям». Предисловие датировано 1223—1227 гг. Словарь издан А.П. Терентьевым-Катанским и М.В. Софроновым[19]. «Словарь слов одной категории» (同義 Тун и), отчасти словарь синонимов, датирован 1189 г. Содержит любопытное деление лексики на «чистую» и «нечистую». Перечень имеющихся в словаре слов издан Ли Фань-вэнем[20].

«Фонетические таблицы пяти тонов». В первой части таблиц классификация согласных по девяти классам, как в китайской традиции. Во второй части сверху слоги без медиалей и под ними слоги с медиалями, специфическими для тангутского языка. Таблицы датированы 1173 г. Описаны и исследованы Н.А. Невским и М.В. Софроновым[21].

На основании вышеназванных словарей и фонетических таблиц, китайских и тибетских транскрипций были сделаны первые фонетические реконструкции тангутского языка: Нисида Тацуо 西田龍雄, М.В. Софронова, Ши Цзинь-бо 史金波, Бай Биня 白濱, Хуан Чжэнь-хуа 黃振華, Гун Хуан-чэна 龔煌城[22]. Все они отличаются друг от друга и сложны в воспроизведении.

Календари имеются в нескольких фрагментах, они, как правило, пока не исследовались. Тангутский календарь совпадал с китайским, сунским, что было нормой: признающее старшинство Китая государство должно было пользоваться китайским календарем. Оригинален печатный фрагмент буддийского календаря-справочника, указывающего, когда и какие грехи отпускаются.

Медицинские тексты и заклинания не часты, но они встречаются, например, «Поучение об избавлении от злокачественных язв» или моления о дожде. Есть чертежи и таблицы. Любопытны фрагменты чертежа струнного инструмента, таблицы должностей и титулов тангутского государства[23].

Mixed Symbols [*of the Three Parts of the Universe*] (文海雜類三才字雜 Wen hai za lei san cai zi za) is a dictionary with a traditional grouping of the vocabulary into 'heaven, earth and man' and narrower divisions within the three. The introduction is dated 1223–27. The dictionary was published by A.P. Terentyev-Katansky and M.V. Sofronov.[19] *Dictionary of One-Category Words* (同義 Tong yi) is partly a dictionary of synonyms; it is dated 1189. It contains a curious division of vocabulary items into 'clear' and 'unclear'. A list of the words in the dictionary was published by Li Fan-wen.[20]

Phonetic Tables of Five Tones contain in the first part a nine-class division of consonants, as in the Chinese tradition. The second part from the top contains syllables without a medial; below them are found syllables with medial specific to the Tangut language. The tables are dated 1173. They were described and studied by N.A. Nevsky and M.V. Sofronov.[21]

On the basis of the above dictionaries and phonetic tables, as well as Chinese and Tibetan transcripts, the first phonetic reconstructions of the Tangut language have been made — by Nishida Tatsuo 西田龍雄, M.V. Sofronov, Shi Jin-bo 史金波, Bai Bin 白濱, Huang Zhen-hua 黃振華 and Gong Huang-cheng 龔煌城.[22] All of them differ from one another and are difficult to reproduce.

There are several fragments of calendars — as a rule unexplored for the time being. The Tangut calendar coincided with the Chinese, Song one, which was the norm then: any state recognizing suzerainty of China was expected to use the Chinese calendar. Of great interest is the printed fragment of a Buddhist reference calendar indicating when and what sins were forgiven.

Medical texts and charms are not numerous, but they still occur, such as, for example, *Instructions for Riddance from Malignant Ulcers* or incantations for rain. Drawings and tables are also represented: for example, fragments of a drawing for a string instrument or tables of posts and titles in the Tangut state administration.[23]

---

19 Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П. Терентьева-Катанского под редакцией М.В. Софронова. Реконструкция текста, предисловие, исследование и комментарий М.В. Софронова. М., 2002.

20 李范文 Ли Фань-вэнь. 同義譯釋 Тун и и ши (Перевод и комментарии к «Словарю слов одной категории»). Пекин, 2005.

21 Невский Н.А. Тангутские фонетические таблицы (штудии в области тангутской фонетики) // Невский Н.А. Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 132—139; Софронов М.В. Грамматика тангутского языка. Кн. 1. М., 1968. С. 82—84.

22 См. сноски 16, 17, 21.

23 Кычанов Е.И. Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. Выпуск 19. М., 1965. С. 180—196.

19 *Mixed symbols* [*of the Three Parts of the Universe*]. Introductory article, translation from Tangut by A.P. Terentyev-Katansky, ed. by M.V. Sofronov. Reconstruction of the text, forward, studies and comments by M.V. Sofronov. M., 2002.

20 李范文 Li Fan-wen. 同義譯釋 Tong-yi yi shi (*Translation and Comments for 'Dictionary of One-Category Words'*). Beijing, 2005.

21 Nevsky, N.A. "Tangut Phonetic Tables (Studies in the field of Tangut Phonetics)." In Nevsky, N.A. *Tangut Philology*. Book 1. M., 1960, pp. 132–139; Sofronov, M.V. *Grammar of the Tangut Language*. Book 1. M., 1968, pp. 82–84.

22 See footnotes 16, 17, 21.

23 Kychanov, E.I. "Tangut Sources on the Administrative Apparatus in the State of Xi-Xia." *Brief Reports of the Institute of Peoples of Asia, the USSR AS*. Issue 19. M., 1965, pp. 180–196.

Безусловно, важнейшую часть фонда составляют памятники законодательства и документы. В последних строках своего доклада «Тангутская письменность и ее фонды» Н.А. Невский указал: «В дальнейшем <...> работа должна пойти <...> по линии изучения политико-экономических сторон Тангутского государства, для чего в первую очередь должны быть привлечены для исследования своды тангутских законов»[24].

В тангутском фонде ИВР имеются:

1. «Яшмовое зеркало командования войсками годов царствования Чжэнь-гуаня (1101—1113), (真觀玉鏡統 Чжэнь-гуань юй цзин тун). Текст и перевод опубликованы на немецком[25], русском[26] и китайском языках[27].

2. «Измененный и заново утвержденный кодекс годов царствования Тянь-шэна (1149—1169)» (天盛年改新定禁令 Тянь-шэн нянь гай синь дин цзинь лин), в 20 главах. Сохранился с лакунами, полностью отсутствует текст главы 15. Составлен сводный текст и сделан перевод на русский язык Е.И. Кычановым[28]. Переведен на китайский язык[29]. В 2003 г. на основании китайского перевода японский правовед Симада Масао 島田正郎 написал исследование «Введение в изучение кодекса Си Ся»[30].

3. «Новые законы» или «Новые законы года свиньи» (豬年新法 Чжу нянь синь фа) представляют собой разновременные дополнения к основному кодексу Ся конца XII — первой четверти XIII в. В настоящее время Е.И. Кычановым готовится перевод и публикация памятника.

Коллекция тангутских документов ждет своей реставрации и изучения, освоения исследователями тангутской ско-

The most important part of the Collection undoubtedly consists of laws and legal documents. In the final lines of his report *Tangut Writing and Its Collections*, N.A. Nevsky pointed out this: "In the future ... work should centre round ... studying the political and economic aspects of the Tangut state, for which purpose the codes of the Tangut laws should be addressed in the first place."[24]

The Tangut Collection of the IOM also includes these:

1. *Jasper Mirror for Commanding Troops from the Reign of Zhen-guan (1101—13)*, (真觀玉鏡統 Zhen-guan yu jing tong). The text and translation were published in German,[25] Russian[26] and Chinese.[27]

2. *Amended and Re-approved Code of the Tian-sheng Reign (1149—69)* (天盛年改新定禁令 Tian-sheng nian gai xin ding jin ling), in 20 chapters. Preserved with lacunae, the text of chapter 15 missing altogether. A summary of the text was prepared and translated into Russian by E.I. Kychanov.[28] Translated into Chinese.[29] In 2003, Shimada Masao 島田正郎, a Japanese lawyer, wrote, on the basis of the Chinese translation, a research paper called *Introduction to Studies of the Xi-Xia Code*.[30]

3. *New Laws,* or *New Laws of the Pig Year* (豬年新法 Zhu nian xin fa), are additions made at different dates to the main code of Xia in the late 12th and the first quarter of the 13th century. E.I. Kychanov is currently preparing a translation and publication of the monument.

The collection of the Tangut documents still awaits its restoration and study, especially by researchers who master the

---

24 Невский Н.А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Книга 1. М.; Л. 1960. С. 94.

25 Kychanov E.I. und Franke H. Tangutische und Chinesische Quellen zur Militärgezetzgebung des 11 bis 13 Jahrhunderts. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophosch-historisch Klasse Abhandulgen. M.F.H. 104. München, 1990.

26 Кычанов Е.И. Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуаня (1101—1103) // Памятники письменности Востока 1 (2). М., 2005. С. 5—34.

27 陳炳應 Чэнь Бин-ин. 真觀玉鏡統將研究 Чжэнь-гуань юй цзинь цзян яньцзю (Исследование «Яшмового зеркала командования войсками»). Иньчуань, 1985.

28 Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169). Издание текста, перевод с тангутского, исследования и примечания Е.И. Кычанова. В 4-х книгах. М., 1988—1989.

29 史金波, 聶鴻音, 白濱 Ши Цзинь-бо, Не Хун-инь, Бай Бинь. 西夏天盛律令譯文 Си Ся. Тянь-шэн люйлин и вэнь («Кодекс девиза царствования Небесное процветание». Перевод) // 中國珍稀法律典籍集成甲編第五冊 Чжунго шаньси фалюй дянь цзи цзи чэн. Цзя бянь, ди у цэ (Собрание лучших памятников китайского законодательства. Изд. 1. Кн. 5). Пекин. 1994.

30 島田正郎 Симада Масао. 西夏法典初探 Sēika hoten syo tan huo teng shō tang (Предварительный анализ тангутского кодекса). Киото, 2006.

---

24 Nevsky, N.A. *Tangut Philology*. Research and dictionary. Books 1-2. M., L., 1960. Book 1, p. 94.

25 Kychanov, E.I. und Franke, H. *Tangutische und Chinesische Quellen zur Militärgezetzgebung des 11 bis 13 Jahrhunderts*. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophosch-historisch Klasse Abhandulgen. M.F.H. 104. München, 1990.

26 Kychanov, E.I. *The Jasper Mirror for Troop Commanding from the Reign of Zhen-guan (1101—1103)*. M., 2005, pp. 5—34.

27 陳炳應 Cheng Bing-ying. 真觀玉鏡統將研究 Zhen-guan yu jin jiang yanjiu (*Study of 'The Jasper Mirror for Commanding (Troops) from the Reign of Zhen-guan'*). Yinchuan, 1985.

28 *Amended and Re-approved Code of the Tian-sheng Reign (1149—1169)*. Publication of the text, translation from the Tangut, study and comments by E.I. Kychanov. Books 1—4. M., 1988—89.

29 史金波, 聶鴻音, 白濱 Shi Jin-bo, Ne Hong-yin, Bai Bin. 西夏天盛律令譯文 "Xi-xia Tian-sheng lüling yi wen" (*Translation of the Code of the Tian-sheng Reign*) // 中國珍稀法律典籍集成甲編第五冊 Zhongguo shanxi falü dian ji ji cheng. Jia bian, di wu ce (*Collection of the Best Monuments of Chinese Law*. 1st ed. Vol. 5). Beijing, 1994.

30 島田正郎 Shimada Masao. 西夏法典初探 Seika hoten syo tan huo teng shō tang (*Preliminary Study of Tangut Code*). Kyoto, 2006.

рописи. Отдельные документы переведены и опубликованы Е.И. Кычановым и Ши Цзинь-бо[31].

Переводы с китайского сразу же привлекли пристальное внимание исследователей тангутского фонда как хорошее средство сравнения текстов и пополнения запаса тангутской лексики. Китайская классика представлена переводами «Сяо цзин», «Лунь юя» и «Мэн-цзы».

1. Перевод «Сяо цзин» с комментариями Люй Хуэй-цина. Предисловие датировано 1095 г. Публикации: «Китайская классика в тангутском переводе» (В.С. Колоколов и Е.И. Кычанов) и Э.Д. Гринстеда в монографии «Анализ тангутской письменности»[32].

2. «Лунь юй», фрагменты глав 5, 11, 15, 19. С редкими комментариями. Публикация: «Китайская классика в тангутском переводе»[33]. Позже в статье профессора У Ци-юя появилось сообщение, что текст «Лунь юй» с похожими комментариями якобы был найден в пров. Фуцзянь[34].

3. «Мэн-цзы», перевод в двух рукописях, главы 4—6, 8. К главе 8 есть комментарии неустановленного комментатора. Публикация «Китайская классика в тангутском переводе»[35].

4. Без названия. Книга переведенных на тангутский язык цитат из китайских классических книг. Не публиковалась[36].

В тангутском фонде представлены следующие военные трактаты, переведенные с китайского языка:

1. «Военный трактат Сунь-цзы с тремя комментариями» Цао Цао 曹操, Лю Цюаня 李荃 и Ду Му 杜牧. Сохранились части 2 и 3. Текст переведен и опубликован К.Б. Кепинг с приложением очерка грамматики тангутского языка[37].

2. «Шесть секретов» (六韜 Лю тао), книги 1 и 2, без комментариев, не опубликованы.

deciphering of Tangut cursive. Only a few documents have been translated by E.I. Kychanov and Shi Jin-bo.[31]

The translations from the Chinese immediately attracted the closest attention of the Tangut Collection researchers as an effective means of comparing the structures and expanding their Tangut vocabulary. The Chinese classics are represented by the translations of *Xiao jing*, *Lun yu* and *Meng-zi*.

1. Translation of *Xiao-jing* with comments by Lü Hui-qing. The introduction is dated 1095. Publications: *Chinese Classics Translated into Tangut* (V.S. Kolokolov and E.I. Kychanov) and E.D. Grinstead in his monograph *Analysis of Tangut Script.*[32]

2. *Lun-yu* — fragments of chapters 5, 11, 15, and 19, with occasional comments. Published in: *Chinese Classics Translated into Tangut.*[33] As Prof. Wu Qi-yu 吳其昱 later reports in his article, a text of *Lun-yu* with similar comments had allegedly been found in Fujian Province.[34]

3. *Meng-zi*, translation, in two manuscripts, chapters 4—6 and 8. Chapter 8 contains comments by an unidentified writer. Published in: *Chinese Classics Translated into Tangut.*[35]

4. No title. Book of quotations from famous classics translated into Tangut. Unpublished.[36]

The Tangut Collection includes the following military treatises translated from the Chinese:

1. *Military Treatise of 'Sun-zi' with Three Commentaries* — by Cao Cao 曹操, Li Quan 李荃 and Du Mu 杜牧. Parts 2 and 3 survive. The text was prepared and published by K.B. Kepping, supplemented by her essay on Tangut grammar.[37]

2. *Six Secrets* (六韜 Liu tao), books 1 and 2, without comments, unpublished.

---

31 Кычанов Е.И. Тангутский документ 1170 г. о продаже земли // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования — 1971. М., 1974. С. 193—203; 史金波 Ши Цзинь-бо. 西夏時期的黑水城社會 Си Ся шици дэ Хэйшуйчэн шэхуэй (Общественный строй в Хара-Хото в период Си Ся) // 黑水城人文與環境研究 Хэйшуйчэн жэньвэнь юй хуаньцзин яньцзю (Исследование культуры и окружающей среды Хара-Хото). Пекин, 2007. С. 406—445.

32 Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн-цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов. Предисловие, словарь и указатели В.С. Колоколова и Е.И. Кычанова. М., 1966. С. 135—211; Grinstead E. Analysis of the Tangut Script // Scandinavian Institute of Asian Studies. Monograph Series No 10. Lund, 1972, pp. 300—376.

33 См. сноску 32.

34 Устная информация проф. У Ци-юя.

35 Китайская классика в тангутском переводе. *Указ. соч.* С. 3—49.

36 Тангутские рукописи и ксилографы. *Указ. соч.* С. 35.

37 Сунь-цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод, введение, комментарии, грамматический очерк, словарь и приложение К.Б. Кепинг. М., 1979; 林英津 Линь Ин-цзинь 夏譯"孫子兵法"研究 Ся и «Сунь-цзы бин фа» янь цзю (Тангутский перевод трактата «Сунь-цзы о военном искусстве»). Тайбэй, 1994.

31 Kychanov, E.I. "Tangut Document of 1170 on Land Sale." In *Written Monuments of the Orient. Historical and Philological Studies 1971.* M., 1974, pp.193—203; 史金波 Shi Jin-bo. 西夏時期的黑水城社會 Xi-Xia shiqi de Heishuicheng shehui (*Society of Khara-Khoto in the Xi-Xia Period*) // 黑水城人文與環境研究 Heishuicheng renwen yu huanjing yanjiu (*Studies on Human Culture and Environment of Khara-Khoto*). Beijing, 2007, pp. 406—446.

32 *Chinese Classics Translated into Tangut (Lun gu, Meng-zi, Xiao-jing)*. Texts facsimile. Introduction, glossary and indices by V.S. Kolokolov and E.I. Kychanov). M., 1966, pp. 135—211; Grinstead, E. "Analysis of the Tangut Script." In *Scandinavian Institute of Asian Studies*. Monograph Series No 10. Lund, 1972, pp. 300—376.

33 See note 32.

34 Oral information from Prof. Wu Qi-yu.

35 *Chinese Classics Translated into Tangut...*, pp. 3—49.

36 *Tangut Manuscripts and Xylographs...*, p. 35.

37 *Sun-zi Translated into Tangut*. Facsimile of the xylograph. Publication of the text, translation, introduction, comments, grammar outline, glossary and supplements by K.B. Kepping. M., 1979; 林英津 Lin Ying-jin. 夏譯"孫子兵法"研究 Xia yi "Sun-zi bing fa" yanjiu (Tangut Translation of Sun-zi Military Treatise). Taibei, 1994.

3. «Три тактики Хуан Ши-гуна» (黃石公三略 Хуан Ши-гун сань люе). Книга 1, с комментариями. Текст не публиковался.

Прочие переводы с китайского:

1. «Лес категорий» (類林 Лэй линь), книги 3—10. Публикация и частичный перевод текста К.Б. Кепинг[38].

2. «Вновь собранные записи о сыновней любви и почтительности» (新集慈孝記 Синь цзи цы сяо цзи). Перевод из сочинения Сыма Гуана «Правила для семьи» (Цзя Фань). Перевод на русский язык и исследование К.Б. Кепинг[39].

3. «Двенадцать царств» (十二國 Ши эр го). Книги 1 и 2. Собрание различных исторических эпизодов из истории двенадцати удельных княжеств эпохи Чунь-цю. Публикация текста и перевод на русский язык К.Ю. Солонина[40].

4. «Чжэнь-гуань чжэн яо» (真觀正要 Zhen-guan zheng yao), автор У Цзин 吳競, династия Тан. Книги 4—5. Текст не опубликован, есть специально об этом тексте статья Е.И. Кычанова.

5. «О достойном поведении» (德行集 Дэ син цзи). Собрание переводов. Составитель Цао Дао-ань. Текст опубликован с переводом на китайский язык Не Хун-инь[41].

О некоторых текстах трудно сказать определенно, перевод ли это с китайского, или некая компиляция из разных китайских сочинений. К числу таковых можно отнести текст «Моря значений, установленных святыми» (книги 1, 2, 5. Публикация и русский перевод Е.И. Кычанова. Публикация и китайский перевод Ло Моу-куня[42]).

Таким образом, тангутский фонд сохранил образцы влияния китайской конфуцианской идеологии на некитайскую периферию не только в виде переводов конфуцианских канонов, но и живых конкретных, примеров из китайской жизни прохождения службы и поведения на службе, примеров из жизни семьи. Безусловно, это был круг изучения и чтения придворной элиты и чиновников, которые служили в Эдзине (Хара-Хото). Предположительно к концу XII в. на тангутский язык мог быть переведен весь буддийский канон. В Японии, Китае и некоторых других зарубежных странах есть образцы изданий буддийских текстов на тангутском

3. *Three Tactics of Huang Shi-gong* (黃石公三略 Huang Shi-gong san lüe). Book 1, with comments. Text unpublished.

Other translations from the Chinese:

1. *Forest of Categories* (類林 Lei lin), books 3–10. The publication and translation of excerpts from the text by K.B. Kepping.[38]

2. *Newly Collected Records of Filial Love and Respect* (新集慈孝記 Xin ji ci xiao ji)— translation of passages from Sima Guang's *Rules for the Family* book (Jia Fan). Translated into Russian and researched into by K.B. Kepping.[39]

3. *Twelve Kingdoms* (十二國 Shi er guo). Books 1 and 2. Collection of various episodes from the history of twelve Principalities of the Chun-qiu epoch. The publication of the text and its translation into Russian by K.Yu. Solonin.[40]

4. *Essentials of the Policy during the Zhen-guan Period* (真觀正要 Zhen-guan zheng yao) by Wu Jing 吳競, Tang dynasty. Books 4 and 5. Text unpublished. There is an article by E.I. Kychanov dealing specifically with the text.

5. *On Worthy Behaviour* (德行集 De xing ji). Collected translations. Compiled by Cao Dao-an. Published in Chinese and translated by Nie Hong-yin.[41]

Some of the texts are hard to identify as translations from the Chinese, as they would rather seem to be a kind of compilation of Chinese writings. This may be exemplified by the *Sea of Meanings Determined by Saints*, books 1, 2 and 5, published and translated into Russian by E.I. Kychanov; published and translated into Chinese by Luo Mou-kun.[42]

Thus, the Tangut Collection has preserved samples of the influence of the Chinese Confucian ideology on the non-Chinese peripheral lands not only in the form of translated Confucian Canons, but also in the form of live, tangible instances of Chinese life, and appropriate behaviour at the state service, as well as examples from family life. Undoubtedly, that was the range of learning and reading favoured by the court elite and by officials in Ejina (Khara-Khoto). Presumably by the end of the 12th century the entire Buddhist Canon had been translated into the Tangut language. In Japan, China and some other

---

38 «Лес категорий». Утраченная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, вступительная статья, перевод, комментарии и указатели К.Б. Кепинг. М., 1983. С. 38—74, 147—572.

39 Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Последняя цзюань. Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод и комментарий К.Б. Кепинг. М., 1990. С. 20—35, 154—186.

40 Солонин К.Ю. Двенадцать царств. СПб., 1995.

41 聶鴻音 Не Хун-инь. 西夏文德行集研究 Си Ся вэнь «Дэ син цзи» яньцзю (Исследование сборника «О достойном поведении» на тангутском языке). Ланьчжоу, 2002

42 Море значений, установленных святыми. *Указ. соч.* С. 228—329; 羅矛昆 Ло Моу-кунь. 聖立義海研究 Шэн ли и хай яньцзю (Исследование «Моря значений, установленных святыми»). Иньчуань, 2002. С. 46—94.

38 *Forest of Categories. A Lost Chinese Lei-shu in Tangut Translation.* Facsimile of the xylograph. Publication of the text, introduction, translation, comments and indices by K.B. Kepping. M., 1983, pp. 38–74, 147–572.

39 *Newly Collected Records about Love for the Juniors and Respect for the Seniors.* (Last *juan*). Facsimile of the manuscript. Publication of the text, preface, translation and comments by K.B. Kepping. M., 1990, pp. 20–35, 154–186.

40 Solonin, K.Yu. *Twelve Kingdoms*. SPb., 1995.

41 聶鴻音 Nie Hong-yin. 西夏文德行集研究 Xi-Xia wen 'De xing ji' yanjiu (*Study of 'On Worthy Behavious' Collection in Tangut Language*). Lanzhou, 2002.

42 *Sea of Meanings Determined by Saints...*, pp. 228–329; 羅矛昆 Luo Mou-kun. 聖立義海研究 Sheng li yi hai yanjiu (*Study of the 'Sea of Meanings Determined by Saints'*). Yinchuan, 2002, pp. 46–94.

языке, относящиеся к периоду монгольской династии Юань, второй половины XIII в., в правление Хубилая, но у нас таких текстов нет. Можно утверждать, что все буддийские тексты тангутского фонда Института восточных рукописей — это тексты времени существования государства Ся. В упоминавшийся выше «Каталог тангутских буддийских памятников» включено около 370 наименований буддийских текстов. Анализируя буддийские тексты на тангутском языке, Ши Цзинь-бо, автор «Краткой истории буддизма в Си Ся», выделяет сутры циклов «бао цзин» 寶經, «бо жо» 般若, «хуа-янь» 華嚴, «небань» 涅槃, относящиеся к Махаяне, сутры Хинаяна «А хань» 阿含, тексты винайя и «явных» «сянь цзяо» 顯教 и «тайных» «ми цзяо» 密教 учений[43].

К.Ю. Солонин выделил и исследовал тексты круга Хуаянь—Чань 華嚴禪. Он полагает, что пусть в очень ограниченном числе, но в фонде есть сочинения, написанные в тангутском государстве тангутскими буддистами[44].

Основное место в буддийской части фонда занимают большие по объемам сутры, типа «Махапраджняпарамита», «Махапаринирвана», «Буддхаавтамсакамахавайпулья». «Махаратнакута», «Ваджрачхедикапраджняпарамита», «Суварнапрабхасоттамараджя» и др. Они часто есть в нескольких списках, и если буддийские тексты составляют около 75—80% тангутского фонда, то эти сутры по объему также приближаются к 75% от всех буддийских текстов. Есть сведения, что какой-то список «Махапраджняпарамита» был в конце 1950-х гг. передан Китаю, но документов о такой передаче пока не обнаружено, хотя об этом пишут китайские авторы (Бай Бинь) и, как будто, некоторые тексты были изданы в последние годы Национальной библиотекой Китая и центрами изучения Си Ся в Ланьчжоу и Иньчуани.

Восстановлены и изучены колофоны большинства буддийских текстов (см. об этом «Каталог буддийских памятников»)[45]. Установлено, что часть памятников не привозная, а происходит из Эдзины (Хара-Хото) и региона ее административного влияния.

Некоторые буддийские тексты сопровождаются гравюрами. Есть даже уникальный пример использования иллюстраций, встречающийся только один раз: серия рисунков, размещенная на одном листе и развивающая определенный сюжет. Герой этого иллюстрированного рассказа лишил жизни большое количество скота для свадьбы дочери, умер, предстал перед судом Янло-вана 煬羅王, но был прощен и возвращен на землю при условии, что он будет размножать и раздавать верующим текст «Суварнапрабхаса». По пред-

[43] 史金波 Ши Цзинь-бо. 西夏佛教史略 Си Ся фоцзяо шилюэ. Иньчуань, 1988

[44] Солонин К.Ю. Обретение учения. Традиция Хуань-Чань в буддизме тангутского государства Си Ся. СПб., 2007.

[45] См. сноску 12.

countries there are examples of the Tangut editions of Buddhist texts dating from the Yuan Mongol dynasty, particularly, from the reign of Hubilai (second half of the 13th century), but we possess no texts of this time. We can assert that all the Buddhist texts of the Tangut Collection in the IOM date from the time when the Xia state actually existed. The *Catalogue of the Tangut Buddhist Monuments* mentioned above lists a total of about 370 titles of Buddhist texts. In his analysis of the Buddhist texts in the Tangut language, Shi Jin-bo, the author of *A Concise History of Buddhism in Xi-Xia*, distinguishes sutras of the *baojing* 寶經, *boruo* 般若, *huayan* 華嚴, and *neban* 涅槃 class, that belong to Mahāyāna, as well as Hīnayāna (阿含 *A-han*) sutras and *vinaya* texts, and overt *xian jiao* 顯教 and covert *mi jiao* 密教 teachings.[43]

K.Yu. Solonin distinguished and studied texts of the Huayan—Chan 華嚴禪 circle. He believes the Collection does include some works, albeit very limited in number, written in the Tangut state by Tangut Buddhists.[44]

The bulk of the Buddhist part of the Collection comprises sizable sutras of the type exemplified by *Mahāprajñāparamitā*, *Mahāparinirvāṇa*, *Buddhāvataṁsaka-mahāvaypulya*, *Mahāratnakūṭa*, *Vajracchedikāprajñāparamitā*, *Suvarṇaprabhāsottamarāja* and others. Often there are several copies written in different hands. While the Buddhist texts account for about 75 or 80% of the Tangut Collection, these sutras also make up about 75% of all the Buddhist texts. There is information that a copy of *Mahāprajñāparamitā* was given to China in the late 1950s, but no documents regarding this hand-over have been discovered so far, although some Chinese scholars (Bai Bin) have mentioned it. It appears also that some of the Tangut texts have been published by the National Library of China and the Centres of Xi-Xia Studies in Lanzhou and Yinchuan.

The colophons of the majority of the Buddhist texts have been restored and studied (see *The Catalogue of the Buddhist Monuments* on this score).[45] It has been determined that part of the monuments were not imported but come from Ejina (Khara-Khoto) and the area of its administrative influence.

Some of the Buddhist texts are accompanied by engravings. There is even a unique example of the use of illustrations, encountered just once: a series of drawings on one sheet developing a story. The hero of the illustrated story slaughtered a lot of cattle for the marriage feast of his daughter and after death faced the judgment of Yangluo-wang 煬羅王, but was forgiven and returned to earth on the condition that he would multiply and hand out to the believers copies of the *Suvarṇa-*

[43] 史金波 Shi Jin-bo. 西夏佛教史略 Xi-Xia fojiao shilüe. Yinchuan, 1988.

[44] Solonin, K.Yu. *Finding the Teaching. The Huayan-Chan Tradition in the Buddhism of Tangut Xi-Xia State*. SPb., 2007

[45] See footnote 12.

варительным данным, гравюры были китайской школы, индийской школы Наланда и др. Их исследование еще впереди.

Таким образом, если исключить документы и другие немногочисленные рукописи, написанные скорописью, общий состав фонда известен. Фонд нуждается в реставрации, в дальнейшем усовершенствовании условий его хранения. Помимо отождествленных текстов, имеется значительное число не отождествленных фрагментов, в большинстве своем это страницы объемных и иных сутр, оторвавшиеся или выпавшие из общего текста еще во время переноса их в субурган, при раскопках субургана, перевозке книг в Санкт-Петербург и перемещениях фонда уже в Санкт-Петербурге. Большую часть этих фрагментов сейчас можно отождествить с помощью современных технологий. Так, совсем недавно китайцы отождествили фрагменты буддийских текстов Национальной библиотеки Франции.

Что касается памятников скорописи, то и в данном случае ситуация небезнадежна. Сокращения стандартных знаков производились по определенным правилам, нужно их по возможности полно выявить и с помощью компьютера скорописные знаки превращать в знаки стандартного написания.

Сулит ли фонд исследователю новые открытия?

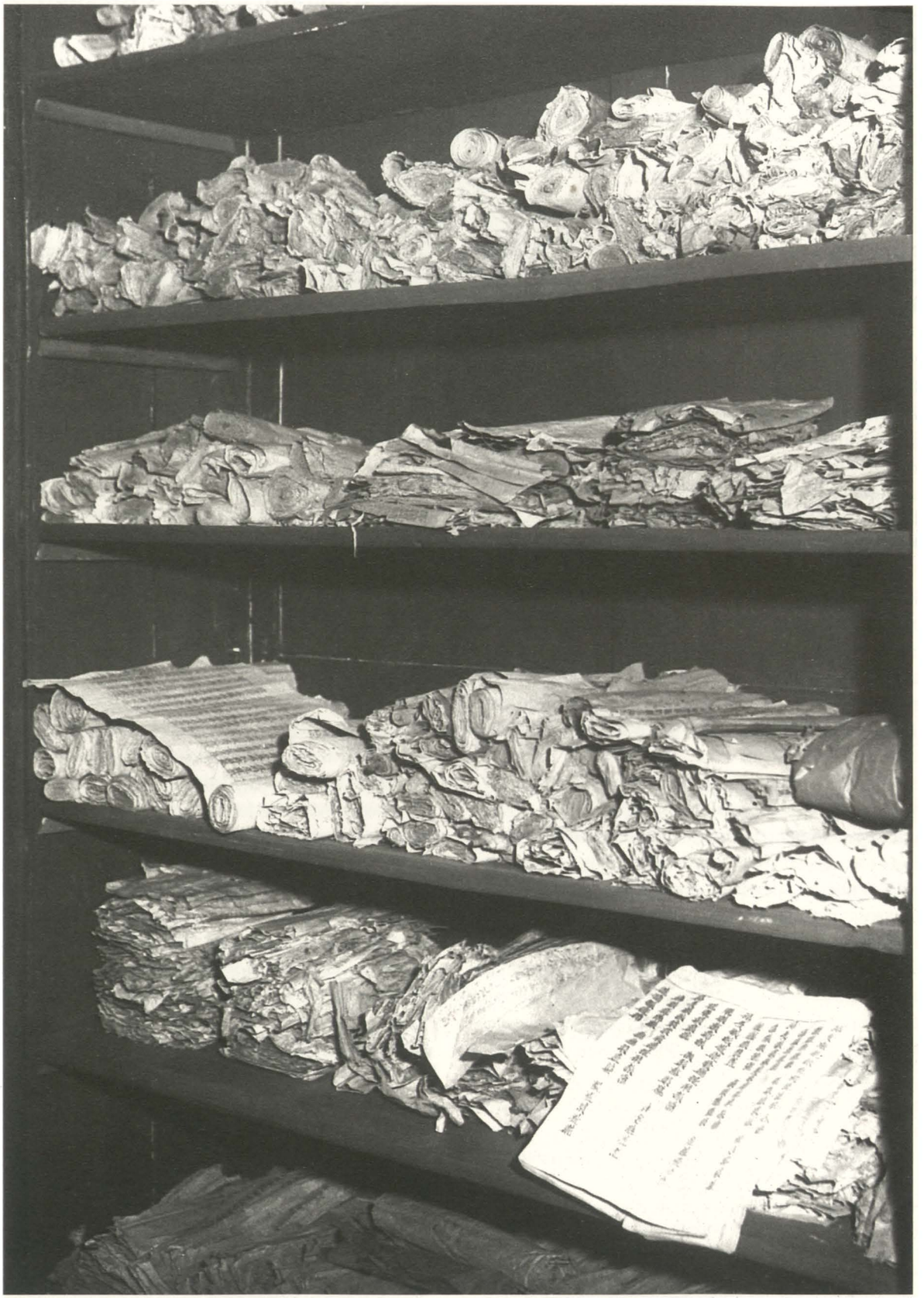
Безусловно!

prabhāsa-sūtra. According to some preliminary findings, the engravings were of Chinese school, of Nālandā Indian school, etc. Their thorough study is still ahead.

Thus, the general content of the Collection is known, with the exception of the documents and a few manuscripts in cursive script. The Collection needs restoration and further improvement of its conditions of storage. In addition to the identified texts, there are a considerable number of unidentified fragments — most of them are the pages of voluminous and shorter sutras that got detached or dropped off the master text at the time they were originally placed into the *suburgan*, during the excavation of the *suburgan*, on the way of the books to St. Petersburg or their movements when already there. Most of these fragments can now be identified by means of advanced information technologies. Thus, the Chinese scholars have recently identified some fragments of Buddhist texts in the National Library of France.

As for the monuments in cursive, their further investigation will undoubtedly bring valuable results. The reduction of the original standard symbols followed certain rules, therefore the underlying principles should be found out as far as possible to enable the computer to convert cursive signs into symbols of the standard script.

Does the Collection promise the researcher any new discoveries? It certainly does.



Тангутские рукописи в Институте востоковедения. 1934

The Tangut manuscripts in the Institute of Oriental Studies. 1934

Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909—1910)

И.Ф. Попова

Инициатором и вдохновителем экспедиции был выдающийся индолог Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). Он окончил Петербургский университет в 1885 г., с 1889 г. начал преподавательскую работу на факультете восточных языков, в 1894 г. получил звание профессора. В 1900 г. он был избран академиком, исполнял должности непременного секретаря Академии наук в 1904—1929 гг. и директора Азиатского музея — Института востоковедения в 1916—1934 гг. Предметом исследований С.Ф. Ольденбурга была история культуры и религии Индии и Центральной Азии, история буддийского искусства, фольклор и искусство народов Востока. Получив в 1891 г. от Н.Ф. Петровского фрагменты рукописей, С.Ф. Ольденбург сразу же занялся их изучением и в 1892 г. ходатайствовал перед Петербургским университетом и Академией наук о командировке в Восточный Туркестан. По сообщению Е.Г. Ольденбург, «факультет восточных языков просил Правление Университета возбудить ходатайство о командировании приват-доцента С.Ф. Ольденбурга в Китайский Туркестан на срок с 1-го мая по 1-ое ноября 1893 г. В свою очередь акад[емик] В.Р. Розен просил Академию наук оказать содействие в виде субсидии командированному в Кашгар летом 1893 г. приват-доценту С.Ф. Ольденбургу. <...> Экспедиция эта не состоялась, так как Н.Ф. Петровский находил, что лучше ее временно отложить»[1]. С.Ф. Ольденбург продолжил работу над рукописями, опубликовав в «Записках Восточного отделения Русского Археологического общества» в 1893—1894 гг. ряд статей[2]. В дальнейшем ни одна находка рукописных памятников в Восточном Туркестане не оставалась вне его поля зрения, регулярно выходили его работы по исследованию древних языков.

[1] ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 2.

[2] Ольденбург С.Ф. Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. 7 (1892). 1893. С. 81—82; Ольденбург С.Ф. Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894). 1894. С. 349—351; Ольденбург С.Ф. К кашгарским буддийским текстам // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894). 1894. С. 151—153; Ольденбург С.Ф. Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. Т. 8 (1893—1894). 1894. С. 47—67.

S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition (1909–1910)

I.F. Popova

The expedition was inspired and initiated by the outstanding Indologist Sergei Fyodorovich Oldenburg (1863–1934). A graduate of St. Petersburg University (1885), he began teaching at the Faculty of Oriental Languages of the same university in 1889, gaining the title of Professor in 1894. In 1900 he was elected Member of the Russian Academy of Sciences, held the posts of the Academy's Permanent Secretary (1904–29) and of the Director of the Asiatic Museum, later the Institute of Oriental Studies (1916–34). S.F. Oldenburg's field of research ranged from the history and religion of India and Central Asia and the history of Buddhist art to the folklore and arts of the peoples of the East. When, in 1891, he received from N.F. Petrovsky some fragments of manuscripts, S.F. Oldenburg immediately set to work studying them and in 1892 he submitted an application to St. Petersburg University and the Academy of Sciences asking to be sent to Eastern Turkestan for field research. As reported by E.G. Oldenburg, "the Faculty of Oriental Languages requested the University Board to initiate a secondment for Private-Docent S.F. Oldenburg to work in Chinese Turkestan from 1 May to 1 November 1893. Academician V.R. Rozen also asked the Academy of Sciences to give assistance in the form of a subsidy to Private-Docent S.F. Oldenburg sent to work in Kashgar in the summer of 1893... The expedition never took place because N.F. Petrovsky was of the opinion that it had better be postponed"[1]. S.F. Oldenburg continued his work with the manuscripts, publishing a number of articles on them in *Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society*.[2] Subsequently, not a single new find of written monuments in Eastern Turkestan ever escaped his field of vision, and S.F. Oldenburg regularly published works investigating the ancient tongues.

[1] PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 2.

[2] Oldenburg, S.F. "N.F. Petrovsky's Kashgar Manuscript." *POBRAS*. Vol. 7 (1892), 1893, pp. 81–82; Oldenburg, S.F. "More about the Kashgar Buddhist Texts." *POBRAS*. Vol. 8 (1893–94), 1894. pp. 349–351; Oldenburg, S.F. "On the Kashgar Buddhist Texts." *POBRAS*. Vol. 8 (1893–94), 1894, pp. 151–153; Oldenburg, S.F. "Extracts from the Kashgar Manuscripts in Sanskrit from the Collection of N.F. Petrovsky." *POBRAS*. Vol. 8 (1893–94), 1894, pp. 47–67.

Говоря о своих предшественниках в исследовании Восточного Туркестана, С.Ф. Ольденбург особенно выделял Н.Ф. Петровского и А.Э. Регеля. О значении деятельности Н.Ф. Петровского С.Ф. Ольденбург написал так: «Имя Н.Ф. Петровского будет чтиться в науке как имя человека, впервые сделавшего доступным для науки памятники этого любопытнейшего культурного прошлого, где сошлись в самом тесном взаимодействии три культуры: греческая, индийская и китайская, где мы, вероятно, со временем найдем следы взаимодействия миров христианского и буддийского и где есть несомненные следы иранского влияния»[3]. Ботаник А.Э. Регель был первым, кто в 1879 г. доставил в Россию сведения о памятниках Идикут-шари и Туюк-мазара и дал их схематическое описание, хотя, по признанию С.М. Дудина, на сообщение Регеля в свое время «не было обращено почти никакого внимания»[4].

А.О. Ивановский

A.O. Ivanovsky

Когда в 1895 г. В.И. Роборовский и П.К. Козлов доставили в РГО рукописи из своего путешествия в Восточный Туркестан, С.Ф. Ольденбург вместе с китаистом Алексеем Осиповичем Ивановским (1863—1903) приступил к их обработке. Академия наук создала особую Комиссию для разработки археологических коллекций Китайского Туркестана, которую возглавил академик В.В. Радлов, а С.Ф. Ольденбург состоял ее приглашенным членом. В 1898 г. Комиссия направила в Турфан экспедицию под руководством хранителя Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Д.А. Клеменца: «С.Ф. Ольденбург принимал самое горячее участие в разработке плана экспедиции Д.А. Клеменца и даже предполагал сам принять в ней участие, но болезнь его сына помешала осуществлению этого желания»[5].

При всей значимости результатов экспедиция Д.А. Клеменца была краткосрочной и носила разведочный характер, и РАО стало хлопотать об организации новой, долговременной экспедиции в Восточный Туркестан.

27 января 1900 г. на заседании Восточного отделения РАО была обсуждена составленная Н.И. Веселовским, Д.А. Клеменцем и С.Ф. Ольденбургом «Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима». Авторы указывали, что случайные находки всех недав-

As for his predecessors in the study of Eastern Turkestan, S.F. Oldenburg appreciated especially highly N.F. Petrovsky and A.E. Regel. This is what he wrote about the significance of N.F. Petrovsky's work: "The name of N.F. Petrovsky will be revered in science as the name of the first one who made available to scholarship the relics of the most interesting cultural past that entwined in very close interrelations three great cultures: those of Greece, India and China; with time, we are likely to discover there traces of interaction between the Christian and Buddhist worlds, as well as undoubted signs of Iranian influence."[3] The botanist A.E. Regel was the first to bring to Russia, in 1879, some information about the monuments of Idiqutshari and Toyuq-Mazar and provide their rough description. However, as S.M. Dudin admits, "at that time practically no notice was taken of Regel's report."[4]

In 1895, when V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov brought to the Geographic Society the manuscripts from their journey to Eastern Turkestan, S.F. Oldenburg, together with the Sinologist Aleksei Osipovich Ivanovsky (1863—1903), began their preliminary study. The Academy of Sciences set up a special Committee to work on the archaeological collections from Chinese Turkestan; the Committee was headed by Academician V.V. Radloff and included S.F. Oldenburg as an associate member.

In 1898 the Committee sent to Turfan an expedition headed by D.A. Klementz, curator in the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera): "S.F. Oldenburg enthusiastically participated in the planning of D.A. Klementz's expedition and even intended to take his own part in it, but his son's illness prevented him from realizing his wish."[5]

For all its significant results, D.A. Klementz's expedition was a short-term one and was a kind of reconnaissance; therefore the Russian Archaeological Society began rallying support for a new, long-term expedition to Turkestan.

On 27 January 1900 the session of the Oriental Branch of the RAS discussed a proposal entitled *Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes*, written by N.I. Veselovsky, D.A. Klementz and S.F. Oldenburg. The proposers pointed out that the haphazard

---

3 Ольденбург С.Ф. Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана // ЖМНП. Ч. 353. 1904, № 6. Отд. II. С. 369.

4 Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916, № 6. С. 75.

5 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 3.

3 Oldenburg, S.F. "Study of Monuments of Ancient Cultures of Chinese Turkestan." *JMPE*. Part 353 (1904). No 6, section II, p. 369.

4 Dudin, S.M. "Architecural Monuments of Chinese Turkestan." *Architecture-&-Art Weekly*, No 6 (1916), p. 75.

5 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 3.

них экспедиций в регион свидетельствуют «не только о древней высокой культуре края, но и о разнообразии культурных влияний, некогда господствовавших здесь». Между тем активное хозяйственное освоение Восточного Туркестана уже привело к гибели многих памятников. Разъясняя эту ситуацию, авторы писали: «И теперь мы видим уже, что целый ряд памятников исчез для науки безвозвратно. В Турфане местные обитатели познали опытом, что штукатурка древних пещер в истолченном виде представляет прекрасное удобрение. Целый ряд пещер и храмов теперь уже ободраны. Отдельные лоскутки сохранившейся штукатурки дают понять, что здесь погибли целые сокровища древней живописи и письменности»[6].

Весь Восточный Тянь-Шань и весь бассейн Тарима представлял значительный археологический интерес, однако авторы «Записки...» в связи с «громадностью задачи» предложили исключить из круга предстоящих работ некоторые территории. Из списка обследуемых в первую очередь территорий предлагалось исключить обширный район к западу от Кучи и Хотана, вплоть до Кашгара, а также «треугольник, лежащий между Кашгаром, Хотаном и Лехом», поскольку здесь уже вел активную собирательскую работу Н.Ф. Петровский[7]. В местности от Хотана до Дуньхуана также пока не предполагалось вести крупномасштабных экспедиций. Все внимание предлагалось сосредоточить на Турфанском округе от города Токсуна на западе до Пичана на востоке, от склонов Тянь-Шаня на севере до гор Чолтага и Куруктага на юге, а также на Кучинском округе до его западных границ от предгорий Тянь-Шаня на севере до оз. Бабакуль и местечка Шахьяр на юге.

По плану РАО предполагалось организовать две последовательно работающие в Восточном Туркестане экспедиции. Первая могла бы обследовать районы Турфана и Кучи, вторая — обширную территорию от Турфана до Хотана, включая местность близ оз. Лопнор и оазисы Черчен и Керия. Экспедиции должны были состоять из пяти человек, в том числе обязательно одного художника. Срок работы первой предполагался 8—10 месяцев, второй — 12—15 месяцев. Для первой экспедиции была даже рассчитана смета в размере 17 тысяч рублей[8].

В связи с тем, что средства для экспедиции изысканы не были, она состоялась только в 1909—1910 гг. За этот период в крае побывал целый ряд иностранных экспедиций, и первым, кто воспользовался результатами работы

findings of all the recent expeditions to the region proved "not only the area's ancient highly developed culture, but also the diversity of cultural influences once dominant here". Meanwhile, the active economic development of Eastern Turkestan had already resulted in the loss of numerous monuments. Explaining the situation, the scholars remarked: "And now we can see that a large number of monuments have been lost for science irrevocably. In Turfan the local people discovered from experience that the stucco of the caves, crushed into powder, is an excellent fertilizer. A number of caves and temples have been stripped of it. The remaining patches of murals indicate that whole treasures of ancient paintings and manuscripts have perished there."[6]

Archaeologically, the whole of the Eastern Tian Shan and the entire basin of the River Tarim were of considerable interest, yet the writers of the "Note" proposed that in view of the "vastness of the task", certain areas should be omitted from the project. It was suggested to exclude in the first place the large area west of Kucha and Khotan up to Kashgar and the "triangle between Kashgar, Khotan and Leh" because N.F. Petrovsky had already carried out extensive collection work there.[7] Nor was any large-scale expedition work proposed for the time being for the area between Khotan and Dunhuang. It was proposed to concentrate all the attention on the Turfan district, from the city of Toksun in the west up to Pichang in the east and from the slopes of the Tian Shan in the north up to the Chol-Tag and Kuruk-Tag Mountains in the south, as well as in the Kucha district up to its western borders from the feet of the Tian Shan in the north to Lake Baba-Kul and the settlement of Shakhyar in the south.

In accordance with the Archaeological Society's plan two expeditions should be consecutively working in Eastern Turkestan. The first one would explore the districts of Turfan and Kucha, the second expedition would cover the large territory between Turfan and Khotan, including the area adjoining Lake Lop Nor and the oases Cherchen and Keriya. The expeditions were supposed to consist of five members each, including an artist as a prerequisite.

The duration of the first expedition was to be 8 to 10 months, the second was supposed to work for 12 to 15 months. For the first expedition even an estimate was calculated — in the amount of 17 thousand roubles.[8]

As no funding for the expedition was secured, it did not take place until 1909–1910. Several foreign expeditions had visited

---

6 Веселовский Н.И., Клеменц Д.А., Ольденбург С.Ф. Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима // ЗВОРАО. Т. 13 (1900). Вып. 1. СПб., 1901. С. 10.

7 *Там же*. С. 12.

8 *Там же*. С. 17.

6 Veselovsky, N.I., Klementz, D.A., Oldenburg, S.F. "Note on the Organization of an Expedition to the Tarim Basin for Archaeological Purposes." *POBRAS*. Vol. 13 (1900). Issue. 1. SPb., 1901, p. 10.

7 *Ibid.*, p. 12.

8 *Ibid.*, p. 17.

Д.А. Клеменца, был немецкий индолог и специалист по буддийскому искусству А. Грюнведель. Маршрут его экспедиции в Турфан в 1902—1903 гг. был разработан после консультаций с В.В. Радловым, К.Г. Залеманом и Д.А. Клеменцем. Немецкая экспедиция обследовала ряд памятников в Турфане и Куче, уделив основное внимание изучению крепости Идикут-шари. Экспедицией был снят общий план городища, сделаны описания ряда строений, фотографии и кальки росписей. Кроме того, было добыто много рукописей и произведений искусства. Руководитель второй немецкой экспедиции Альберт фон Лекок также накануне отправки консультировался с русскими учеными в Санкт-Петербурге[9]. В течение года, с ноября 1904 г. по ноябрь 1905 г., А. Лекок вместе с Т. Бартусом работал в Турфане, продолжив, прежде всего, исследование Идикут-шари, где они обнаружили памятники манихейской культуры. Затем работы велись в храмовом комплексе Сенгима, где было найдено множество уйгурских рукописей, и в Безеклике. После этого А. Лекок и Т. Бартус проследовали в Кашгар, куда в декабре 1905 г. прибыла третья немецкая Турфанская экспедиция в составе А. Грюнведеля и китаиста Г. Порта. Ученые обследовали буддийские памятники в Тумшуке, Кумтуре, Кызыле, Безеклике, побывали в Шикшине, Туюке, Хара-Ходжо, Карашаре. В июне 1907 г. работа второй и третьей немецких экспедиций была завершена.

Состоявшаяся 30 ноября (13 декабря) 1908 г. в Большом Царскосельском дворце выставка результатов экспедиций М.М. Березовского и других убедила правительство в необходимости снарядить большую экспедицию в Восточный Туркестан[10].

К 1909 г., когда был решен вопрос о финансировании первой Русской Туркестанской экспедиции, был опубликован отчет только первой немецкой турфанской экспедиции А. Грюнведеля. Результаты работы А. Стейна, А. Лекока и П. Пеллио еще не были известны мировому научному сообществу. Поэтому С.Ф. Ольденбург считал, что его экспедиция носит разведывательный характер, ввиду того, что «в Санкт-Петербурге совершенно нельзя было решить вопрос о том, где именно вести систематическую работу»[11]. При этом С.Ф. Ольденбург провел серьезную научную подготовку к поездке, собрал доступный ему иллюстративный и картографический материал. В его архиве сохранились фотографии, прорисовки, карты Кучинского уезда и Турфана, снятые его предшественниками в 1880—1890-е гг., в том

the area in the meantime and the first to make use of D.A. Klementz's work results was the German Indologist and specialist in the field of Buddhist art A. Grünwedel. The route of his expedition to Turfan in 1902–03 was worked out after consultations with V.V. Radloff, C.G. Salemann and D.A. Klementz. The German expedition studied several monuments in Turfan and Kucha, paying most of their attention to the Idiqutshari fortress. The expedition made a general plan of the site, provided descriptions of a number of structures and produced photographs and tracing-paper copies of the painted decorations. Besides, the exhibition obtained a large number of manuscripts and art works. The head of the second German expedition Albert von Le Coq also consulted the Russian scholars in St. Petersburg before departure.[9] For a year, from November 1904 to November 1905, A. Le Coq and T. Bartus worked in Turfan. To begin with, he continued exploring Idiqutshari, where he discovered monuments of Manichaean culture. Then they worked in the temple complex of Sängim, where they found a great many Uighur manuscripts, and in Beziklik, whence they travelled to Kashgar, where the third German Turfan expedition consisting of A. Grünwedel and the Sinologist H. Pohrt arrived in December 1905. The scholars explored Buddhist monuments in Tumshuk, Kumtura, Kizil and Beziklik, visiting also Shikchin, Toyuq, Khara-Khodja and Karashar. In June 1907 the work of the second and third German expeditions was completed.

On 30 November (13 December) 1908 an exhibition displaying the results of the expeditions of M.M. Berezovsky and other explorers was held in the Great Palace of Tsarskoye Selo; its success convinced the government that it was necessary to prepare a large expedition to Eastern Turkestan.[10]

By 1909, when the issue of funding the First Russian Turkestan Expedition was resolved, only the results of A. Grünwedel's first expedition to Turfan had been published, whereas the work of A. Stein, A. Le Coq and P. Pelliot was still unknown to the world scholarly community. For that reason S.F. Oldenburg believed that his expedition would be of exploratory nature, for it was "absolutely impossible to decide from St. Petersburg where exactly systematic work should be carried out."[11] At the same time, S.F. Oldenburg made serious preparations for the journey, collecting all the available cartographic and illustrative materials. His archive contains some photographs, sketches and maps of the Kucha district and Turfan made by his predecessors in the 1880s–1890s, including a map of "Turfan's pre-

---

9 Le Coq A. Auf Hellas Spuren in Ostturkistan: Berichte und Abanteuer der II und III Deutschen Turfan-expedition. Leipzig, 1926. S. 30.

10 Ольденбург С.Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921, № 1—2. С. 27.

11 Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. / Краткий предварительный отчет. СПб., 1914. С. 5.

9 Le Coq, A. *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan: Berichte und Abanteuer der II und III Deutschen Turfan-expedition*. Leipzig, 1926, p. 30.

10 Oldenburg, S.F. "Russian Archaeological Research in Eastern Turkestan." *Kazan Museum Herald*, Nos 1–2 (1921), p. 27.

11 *Russian Turkestan Expedition of 1909–10. Concise Preliminary Report*. SPb., 1914, p. 5.

Безеклик. 1909
Beziklik. 1909

Туюк. 1909
Toyuq. 1909

числе карта «Турфанского приставства», составленная, очевидно, для нужд первой Русской Туркестанской экспедиции по материалам Г.Е. Грумм-Гржимайло, В.И. Роборовского, П.К. Козлова, Д.А. Клеменца[12]. С.Ф. Ольденбург лично обратился за консультациями к А. Грюнведелю и П. Пеллио. Очевидно, ему удалось составить общее впечатление о результатах работы предшественников, о чем свидетельствуют архивные материалы: «Собрав богатейший индийский, уйгурский, китайский, иранский материал, обнимающий время примерно с VI—XV вв., экспедиция проф[ессора] А. Грюнведеля все же имела в своей работе ряд пробелов: было снято мало планов, совершенно отсутствует цельное описание пещер, и вследствие недоделанности согласованность отсутствовала, и ряд вопросов оставался открытым»[13].

В результате был разработан следующий маршрут экспедиции: Карашар—Турфан—Карашар—Корла—Куча—Бай—Аксу—Учтурфан—Калпын—Маралбаши—Кашгар[14]. В состав экспедиции, помимо С.Ф. Ольденбурга, вошли этнограф, фотограф, специалист по искусству Средней Азии С.М. Дудин, горный инженер Дмитрий Арсеньевич Смирнов, археолог Владимир Иванович Каменский и его помощник, сотрудник Керченского музея Самсон Петрович Петренко. Поскольку в пути оба археолога заболели и были вынуждены вернуться домой, участия в экспедиции они не принимали.

fecture" evidently drawn for the needs of the First Russian Turkestan Expedition on the basis of the materials of G.E. Grumm-Grzhimaylo, V.I. Roborovsky, P.K. Kozlov and D.A. Klementz.[12] S.F. Oldenburg personally consulted A. Grünwedel and P. Pelliot. Obviously, he was able to form a general impression of his predecessors' work, as evidenced by this note in his archive: "Prof[essor] A. Grünwedel's expedition, which collected profuse and valuable Indian, Uighur, Chinese and Iranian materials covering the period from about the 6th to 15th century, had, however, a few weak points in its work: for example, few building plans were drawn, no overall description of the caves was made and as a result of incompleteness, there was lack of consistency, so a number of issues remained unresolved."[13]

Eventually the following itinerary was worked out for the expedition: Karashar—Turfan—Karashar—Korla—Kucha—Bai—Aksu—Uch-Turfan—Kalpin—Maralbashi—Kashgar.[14] Besides S.F. Oldenburg, the team consisted of S.M. Dudin, who was an ethnographer, photographer and Middle Asian art expert; Dmitry Arsenyevich Smirnov, mining engineer; archaeologist Vladimir Ivanovich Kamensky and his assistant Samson Petrovich Petrenko, a staff member of the Kerch Museum. As both archaeologists fell ill on the way to Turkestan and had to return to Russia, they did not actually participate in the expedition.

[12] ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 178.
[13] ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 3—4.
[14] Протоколы РКСА: СПб., 1909. Протокол № 3. 22 сентября, § 49. С. 4.

[12] PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 178.
[13] PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, ff. 3—4.
[14] Minutes of the RCMA. SPb., 1909. Minute No 3. 22 September, § 49, p. 4.

Экспедиция выехала из Санкт-Петербурга 6 (19) июня 1909 г. До Омска доехали по железной дороге. После плыли пароходом до Семипалатинска, где получили заранее отправленное посылками снаряжение. В Чугучак прибыли 22 июня на тарантасах, там закупили лошадей и дополнительное снаряжение, а также наняли переводчика Босука Темировича Хохо. 29 июня (12 июля) экспедиция прибыла в Урумчи, где встретила радушный прием консула Н.Н. Кроткова, который был знатоком древностей края и сам проводил раскопки в Турфане (Туюк-мазар) и в окрестностях Урумчи (Уланбай)[15]. 4 (17) августа С.Ф. Ольденбург, С.М. Дудин и Д.А. Смирнов в сопровождении Б.Т. Хохо, двух казаков из консульского конвоя, Романова и Силантьева, повара Захари и конюха Бисамбая отправились из Урумчи в Карашар по дороге через Токсун[16]. Сначала экспедиция обследовала городище Уланбай, был снят его общий план и сделаны фотографии. Кратко были осмотрены городище и буддийские храмы в Ушактале, а также ступы и постройки неизвестного назначения за местечком Тибельгу. Из Карашара экспедиция направилась в селение Дензиль, где С.Ф. Ольденбург впервые столкнулся с последствиями работы экспедиции Лекока. В письме Н.Н. Кроткову от 22 августа (4 сентября) 1909 г. он написал: «Это грабительство, очень ловкое, очень умное, но не научная работа, а грабительство»[17].

Затем экспедиция проследовала в Карашар, в окрестностях которого около Шикшина подробно изучила два памятника: развалины буддийского монастыря Минуй и пещерный храмовый комплекс. Работа в Шикшине продолжалась с 28 августа (10 сентября) по 20 сентября (3 октября). Д.А. Смирнов снял общие планы обоих памятников, планы и разрезы зданий и отдельных пещер, С.М. Дудин выполнил множество фотографий, С.Ф. Ольденбург руководил работой и проводил археологические раскопки. В Шикшине были найдены произведения живописи и скульптуры, формы для изготовления скульптур. Скульптура буддийских храмов Восточного Туркестана изготовлялась по единой технологии штампования фигур из глины: грубо слепленный торс, основой которого были крестообразно связанные палки, обмотанные жгутами из соломы и камыша, помещался в форму, состоящую из двух разъемных частей. В Шикшине экспедицией были обнаружены две каменные статуи и куски статуй из известковой массы[18]. В одном из помещений они обнаружили остатки статуи лежащего Будды. Обнаруженные Д.А. Смирновым (в здании К 9е) фрески «удивительной свежести, крайне интересные по письму» были сняты из-за

The expedition left St. Petersburg on 6 (19) June 1909. They travelled up to Omsk by train. Then they went by steamboat to Semipalatinsk, where they received the equipment they had mailed there. The expedition arrived in Chuguchak on 22 June, in carts; they bought horses and additional equipment there and hired an interpreter, Bosuk Temirovich Khokho. On 29 June (12 July), the expedition arrived in Urumqi, where it was hospitably received by the Consul N.N. Krotkov, who was a connoisseur of the region's antiquities and had himself conducted some digging in Turfan (Toyuq-Mazar) and in the vicinity of Urumqi (Ulanbai).[15] On 4 (17) August, S.F. Oldenburg, S.M. Dudin and D.A. Smirnov, accompanied by B.T. Khokho, two Cossacks from the consular convoy (Romanov and Silantyev), cook Zakhari and carter Bisambai, made way from Urumqi to Karashar via Toksun.[16] At first the expedition studied the Ulanbai site, by drawing its plan and taking pictures of it. Then they made a brief survey of the ancient settlement and Buddhist temples in Uch-Aktala, as well as the *stupas* and structures for unclear purposes beyond Tibelgu. From Karashar the expedition moved on to Denzil, the settlement, where S.F. Oldenburg first saw the consequences of the work done by Le Coq's expedition. In his letter to N.N. Krotkov dated 22 August (4 September) 1909, he wrote this: "It is sheer robbery, clever, ingenious, but robbery all the same — not scholarly research."[17]

After that the expedition proceeded to Karashar and in its vicinities, near Shikchin, they thoroughly studied two monuments: the ruins of the Buddhist monastery Minui and the cave temple complex. Works in Shikchin continued from 28 August (10 September) to 20 September (3 October). D.A. Smirnov produced general plans of both monuments, as well as plans and sections of the buildings and some of the caves; S.M. Dudin took numerous photographs; S.F. Oldenburg supervised the work and carried out archaeological excavations. Finds from Shikchin comprised paintings, sculptures and moulds used for casting sculpture. Statues in the Buddhist temples of Eastern Turkestan were made by a uniform method of stamping figures out of clay: the roughly modelled clay effigy, with the armature of crossed tied sticks wound with strips of straw and reed, would be placed into a mould consisting of two detachable parts. In Shikchin the expedition found two stone statues and fragments of figures made of limestone mass.[18] In one of the buildings they found fragments of a statue representing the reclining Buddha. D.A. Smirnov found (in building K 9e) some frescoes notable for their "extraordinary freshness and unusual painterly manner"; they were dismounted because

---

[15] ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 186. Л. 30—31.

[16] Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 2.

[17] АВ ИВР РАН. Ф.32. Оп. 2, ед. хр. 9. Л. 8.

[18] Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 8.

[15] PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 186, ff. 30–31.

[16] *Russian Turkestan Expedition of 1909–1910...*, p. 2.

[17] AO IOM RAS. Fond 32. Inv. 2, unit 9, f. 8.

[18] *Russian Turkestan Expedition of 1909–1910...*, p. 8.

Яр-Хото. 1909

Yar-Khoto. 1909

ненадежного состояния раскрытых раскопкой стен и затем доставлены в Санкт-Петербург[19].

Экспедиция обследовала также храмовый комплекс, лежащий к северо-западу от Минуя. В одиннадцати пещерах были проведены раскопки. Особое внимание С.Ф. Ольденбург обратил на санскритские надписи черным по белому на *харошти*, а также на изображения донаторов.

29 сентября (12 октября) 1909 г. экспедиция прибыла в Турфан и начала работу в Яр-Хото (Конешари). Здесь был расчищен небольшой храм, обнаружено много обрывков китайских и уйгурских рукописей, памятников живописи на холсте, пьедестал статуи с росписью по бокам, а также «любопытное сооружение 101 *чайтья* на общем постаменте»[20]. За три дня работы было отснято 105 фотографий, выполнены планы и описание некоторых сооружений[21]. Затем экспедиция осмотрела памятники Учтурфана и отправ-

of the unreliable condition of the walls uncovered by the digging and later brought to St. Petersburg.[19]

The expedition studied also the temple complex lying north-west of Minui. Excavations took place in eleven caves there. S.F. Oldenburg paid particular attention to the discovered inscriptions in black over white written in Sanskrit in the Kharoṣṭhī script, as well as to the representations of the donors.

On 29 September (12 October) 1909, the expedition arrived in Turfan and started work in Yar-Khoto (Koneshari). A small temple was unearthed there, and many manuscripts in Chinese and Uighur were found, as well as paintings on canvas, a statue pedestal with inscriptions on its sides and "a curious structure made of 101 *chaitya* on a common pedestal."[20] Over three workdays, 105 photographs were taken, plans of some structures were drawn and their descriptions written.[21]

Там же. С. 9.

Там же. С. 23.

Туманова О.А. Городище Яр-Хото (Цзяохэ) // Труды Государственного Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1989. С. 15—56.

[19] *Ibid.*, p. 9.

[20] *Ibid.*, p. 23.

[21] Tumanova, O.A. "The Yar-Khoto (Jiaohe) Site." *Transactions of the State Hermitage Museum*. Issue 27. L., 1989, pp.15–56.

Фрагменты рукописей из Сенгима.
Бумага, тушь.
1) 8,5×5,5 см; 2) 6,8×5 см;
3) 2,5×6,5 см; 4) 10×12,7 см
ИВР РАН, SI O5

Fragments of manuscripts from Säng̈im.
Indian ink on paper.
1) 8.5×5.5 cm; 2) 6.8×5 cm;
3) 2.5×6.5 cm; 4) 10×12.7 cm
IOM RAS, SI O5

Конверты с рукописями,
доставленными
первой Русской Туркестанской
экспедицией
Бумага, чернила.
ИВР РАН, SI 02, SI 05,
SI 06, SI 012

Envelopes with the manuscripts
brought by the First Russian
Turkestan Expedition
Ink on paper.
IOM RAS, SI 02, SI 05,
SI 06, SI 012

вилась в Идикут-шари, где была произведена расчистка некоторых зданий. Экспедиция обследовала здесь постройки, аналогичные по стилю с памятниками Яр-Хото: группу чайтья и монастырь в юго-западной части города. С.М. Дудиным были сняты кальки уцелевших орнаментов. Не имея достаточно времени для подробного обследования памятника, С.Ф. Ольденбург пришел к выводу о необходимости проведения здесь в будущем планомерных комплексных раскопок и снятия полного плана городища[22]. О работе экспедиции Лекока он так написал в своих заметках: «Специально музейные цели, отсутствие специальной подготовки. Нет съемки, ограниченная фотография. Кучар, Турфан, Хами, Тумшук. Характерно при том, что он не знает, что именно сделано французами»[23]. Работу П. Пеллио С.Ф. Ольденбург оценивал иначе: «Топограф, фотограф. Планы и карты. Раскопки планомерные. Тумшук, Кучарский округ. К сожалению, еще ничего из этого не опубликовано, не ушло на литературную часть. Дуньхуанская находка»[24].

Первой Русской Туркестанской экспедицией была осмотрена также ступа Тайзан близ Астаны, затем ряд памятников Турфана — Сенгим-огыз, Безеклик, Муртук и Туюк-мазар. Затем экспедиция прибыла в Кучу, в окрестностях которой были проведены работы в Минг-тен-ата, Субаши, Сымсыме, Кызыле и Кумтуре.

Вернувшись в Санкт-Петербург, С.Ф. Ольденбург доложил о результатах экспедиции в РКСА и Восточном отделении РАО. Касаясь дальнейших задач исследования Восточного Туркестана, «докладчик указал на настоятельную необходимость окончательного исследования отдельных мест вместо имевшего до сих пор место экстенсивного исследования»[25].

По результатам первой Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбургом в 1914 г. был опубликован «Краткий отчет». Кроме того, в 1916 г. С.М. Дудин опубликовал несколько статей, посвященных архитектуре древних памятников Турфана, главным образом Шикшина, Яр-Хото и Идикут-шари[26]. В 1916 г. эти статьи вышли отдельной книжкой[27]. Подробный отчет о трудах экспедиции 1909—1910 гг. так и не был подготовлен (общий объем его составил шесть тетрадей, приблизительно около 30 печатных

After that the expedition examined the monuments of Uch-Turfan and went to Idiqutshari, where they cleared some buildings of the soil. The expedition mainly studied there structures stylistically similar to the monuments of Yar-Khoto: the group of *chaityas* and the monastery in the south-west of the town. S.M. Dudin made tracing-paper copies of the extant ornamentation. As Oldenburg did not have enough time for a detailed study of the monument, he came to the conclusion that it was necessary to conduct a systematic all-round excavation here and produce a plan of the entire ancient city.[22] Commenting on Le Coq's expedition, Oldenburg wrote this in his notes: "Museum-targeted work, lack of special training. No surveying, photography scarce. Kuchar, Turfan, Hami, Tumshuk. Characteristic, too, that he does not know what exactly has been done by the French."[23] As for P. Pelliot's work, S.F. Oldenburg assessed it differently: "Topographer, photographer. Plans and maps. Digging strictly planned. Tumshuk, the Kuchar district. Unfortunately, none of this has been published yet, taken a literary form. The Dunhuang find."[24]

The First Russian Turkestan Expedition examined also the Taizan *stupa* near Astana and then a number of Turfan's monuments, including Sängim-ogiz, Beziklik, Murtuk and Toyuq-Mazar. After that the expedition arrived in Kucha, in the vicinity of which they carried out work at Ming-ten-ata, Subashi, Simsim, Kizil and Kumtura.

On his return to St. Petersburg, S.F. Oldenburg made a report about the results of the expedition in the RCMA and in the Oriental Department of the Russian Archaeological Society. Touching upon further objectives of the studies of Eastern Turkestan, "the speaker pointed out an urgent need for a concentrated study of selected particular sites instead of the hitherto predominant extensive research."[25]

The results of the First Turkestan Expedition were summed up by S.F. Oldenburg in 1914 in the then published *Concise Report*. Also, in 1916, S.M. Dudin published several articles devoted to the architectural monuments of Turfan, mainly to Shikchin, Yar-Khoto and Idiqutshari.[26] In 1916 the articles were printed as one book.[27] No detailed report about the work of the expedition of 1909–10 (its total volume made 6 notebooks,

---

22 Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. *Указ. соч.* С. 29.

23 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 186. Л. 38.

24 *Там же*. Л. 36.

25 Ольденбург С.Ф. Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг. // ЗВОРАО. Т. 21. 1913. С. 21.

26 Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана. (Из путевых записок) // Архитектурно-художественный еженедельник. 1916, № 6, 10, 12, 22, 31.

27 Дудин С.М. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (Из путевых записок). Пг., 1916. Перевод на китайский: 杜丁 Дудин С.М. 中國新彊的建築遺址 Чжунго Синьцзян дэ цзяньчжу ичжи. (何文津, 方久忠 譯 Пер. Хэ Вэнь-цзиня, Фан Цзю-чжун). Пекин, 2006.

22 *Russian Turkestan expedition of 1909–1910...*, p. 29.

23 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 186, f. 38.

24 *Ibid.*, f. 36.

25 Oldenburg, S.F. "Exploratory Archaeological Expedition to Chinese Turkestan in 1909–1910." *POBRAS*. Vol. 21 (1913), p. 21.

26 Dudin, S.M. "Architectural Monuments of Chinese Turkestan (from Travel Notes)." *Architecture-&-Art Weekly*. Nos 6, 10, 12, 22, 31 (1916).

27 Dudin, S.M. *Architectural Monuments of Chinese Turkestan (from Travel Notes)*. Petrograd, 1916. Transl. into Chinese: 杜丁 Dudin,S.M. 中國新彊的建築遺址 Zhongguo Xinjiang de jianzhu yizhi. 何文津, 方久忠 譯 Transl. by He Wen-jin, Fang Jiu-zhong. Beijing, 2006).

листов»[28]). В 1995 г. материалы первой Русской Туркестанской экспедиции по Шикшину были опубликованы Н.В. Дьяконовой[29].

Коллекции первой Русской Туркестанской экспедиции, доставленные в Россию, были невелики, поскольку С.Ф. Ольденбург был верен принципу «не трогать на месте памятников, если им не угрожает непосредственное разрушение»[30]. Первоначально материалы экспедиции были переданы в МАЭ, где они прошли первичную обработку. В 1923 г. Государственный Эрмитаж обратился в Академию наук с просьбой о передаче на хранение этих материалов. Российская Академия наук ответила положительно и постановила для решения этого вопроса избрать комиссию в составе С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, С.М. Дудина и одного представителя МАЭ[31]. По итогам работы комиссии археологические находки первой Русской Туркестанской экспедиции в 1931—1932 гг. были переданы в Эрмитаж, где часть их в 1935 г. была помещена в экспозицию.

Среди материалов первой Русской Туркестанской экспедиции было около ста рукописей. В основном это фрагменты, обнаруженные при раскопках, поэтому они представляют собой небольшие обрывки документов. Некоторые рукописи были приобретены С.Ф. Ольденбургом в Турфане и его окрестностях. Около пятидесяти из них написаны уйгурским письмом на обороте китайских свитков. Есть несколько документов на китайском языке, а также согдийские и санскритские материалы. В основном в коллекции представлены памятники доисламской культуры уйгуров, датируемые IX—X вв. Наибольший интерес вызывают юридические документы — долговые квитанции, записи о купле-продаже земли и виноградников, завещания, записи о податях и налогах и пр. Многие документы содержат печати и *тамги*. В собрании Института восточных рукописей Российской Академии наук в фонде «Вещи, слепки, камни» хранятся продолговатые таблички с текстом на санскрите и несколько на уйгурском языке. Они происходят из Безеклика и представляют собой куски штукатурки с подписями к сценам *пранидхи*. Подписи располагались по вертикали, сверху вниз, в верхней части росписей. Некоторые из этих росписей были увезены немецкими экспедициями в Берлин. Куски штукатурки с подписями были доставлены первой Русской Туркестанской экспедицией в Санкт-Петербург.

approximately 30 printer's sheets"[28]). In 1995 the materials that concerned Shikchin were published by N.V. Dyakonova.[29]

The collections of the First Russian Turkestan Expedition brought to Russia were not large because S.F. Oldenburg faithfully observed the principle of "not touching local monuments unless they are in danger of actual destruction."[30] Initially the materials were handed over to the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE), where they were preliminarily described. In 1923 the Hermitage Museum asked the Academy of Sciences for the materials to be transferred and kept there. The Academy granted the request and resolved to form a committee to deal with the issue, consisting of S.F. Oldenburg, W.W. Barthold, I.Yu. Kratschkovsky, S.M. Dudin and one representative of the MAE.[31] In accordance with the committee's recommendations the archaeological finds of the First Russian Turkestan Expedition were handed over, in 1931–32, to the Hermitage, where they were partly included in the permanent displays in 1935.

The materials of the First Russian Turkestan Expedition included about a hundred manuscripts. They are for the most part fragments discovered during the excavations, therefore they are scraps of documents. Some of the manuscripts were purchased by S.F. Oldenburg in Turfan or its vicinities. About fifty of them are written in Uighur script on the reverse of scrolls in Chinese. There are a few documents in Chinese, as well as materials in Sogdian and Sanskrit. The main part of the collection comprises manuscripts of pre-Islamic Uighur culture dating from the 9th to 10th century. Legal documents are particularly interesting; they include bills of debt, records of sale and purchase of land and vineyards, wills, records of duties and taxes, etc. Many of the documents bear seals and *tamga*-stamps. The collection of "Objects, casts and stones" in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences includes elongated tablets with texts in Sanskrit and a few with legends in Uighur. They come from Beziklik and are pieces of plaster with inscriptions for scenes from *praṇidhi*. The inscriptions ran vertically, from top to bottom, in the upper part of the painted scenes. Some of those murals had been taken by the German expedition to Berlin. The pieces of plaster with inscriptions on them were brought by the First Russian Turkestan Expedition to St. Petersburg.

---

28 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 4.

29 Дьяконова Н.В. Шикшин. Материалы первой Русской Туркестанской экспедиции академика С.Ф. Ольденбурга. 1909—1910. М., 1995.

30 Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки ИВ АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 27.

31 ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-1925, ед. хр. 247. Протокол Отделения исторических наук и филологии от 11 марта 1923 г. Л. 110.

28 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 167, f. 4.

29 Dyakonova, N.V. *Shikshin. Materials of the First Russian Turkestan Expedition of Academician S.F. Oldenburg 1909–1910*. M., 1995.

30 Stcherbatsky, Th.I. "S.F. Oldenburg as Indologist." *Proceedings of the IOS USSR AS*. Issue 4, M., L., 1935, p. 27.

31 PBA RAS. Fond 1. Inv. 1-1925, unit 247. Minute of the Department of History and Philology, 11 March, 1923, f. 110.

Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1914—1915)

И.Ф. Попова

Вторая Русская Туркестанская экспедиция (РТЭ) С.Ф. Ольденбурга была организована со специальной целью: исследование пещерного буддийского монастырского комплекса в Могаоку 莫高窟, в Пещерах тысячи будд к юго-востоку от города Дуньхуан в китайской провинции Ганьсу.

Маленький городок Дуньхуан в древности и средневековье был опорным пунктом Китайской империи на ее дальних западных рубежах, а затем стал важным транзитным городом на Шелковом пути, который шел через заставы коридора Хэси и Западный край (Си юй) Китая далее на Запад. По этой торговой трассе осуществлялся не только основной товарообмен между Китаем и Ближним Востоком, но и шло культурное влияние Китая на Запад и обратно; по тому же пути осуществлялось западное влияние на Китай. Начиная с II—III вв. через Кашмир и Среднюю Азию, а затем через Хотан и Дуньхуан в Северный Китай стал стремительно проникать буддизм. С течением времени в культурном, этниче-

S.F. Oldenburg's Second Russian Turkestan Expedition (1914—1915)

I.F. Popova

Oldenburg's Second Russian Turkestan Expedition (RTE) was organized for the special purpose of studying the Buddhist monastery complex in Mogaoku 莫高窟, in the Caves of a Thousand Buddhas — south-east of the town of Dunhuang in the Chinese Province of Gansu.

In ancient and medieval times, the small town of Dunhuang was an outpost of the Chinese Empire on its far-away western borders, later on becoming an important transit point on the Silk Road, which passed through the frontier check-points in the Hexi Corridor and the Western Regions (*Xi yu*) of China further on to the West. The trade route was not only China's main artery for the exchange of merchandise with the Middle East, but it was also a way for China's cultural influence on the West — and, conversely, for the cultural influence of the West on China. From the 2nd to 3rd century on, Buddhism began to penetrate Northern China with tempestuous rapidity via Kashmir and Middle Asia and further through Khotan and Dunhuang. As time passed, the Western Regions came to pre-

Дуньхуан. Общий вид пещерного монастырского комплекса Могаоку. 1914

Dunhuang. The Mogaoku cave monastery. General view. 1914

ском и религиозном отношении Западный край представлял собой все более пеструю картину. Заметную роль в хозяйственной жизни городов стали играть монастыри, которые имели обширные поместья с прикрепленными к ним крестьянами, содержали мельничные, маслодельные и другие подсобные хозяйства. Со времени династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) здесь создаются вырубленные в песчаных скалах храмы, которые разрастаются в большие комплексы с богослужебными, жилыми, учебными и хозяйственными помещениями. На храмы жертвовались большие средства, их украшали лучшие художники, а в храмовых скрипториях развивались традиции перевода на китайский язык и переписки сутр, привезенных паломниками из Индии.

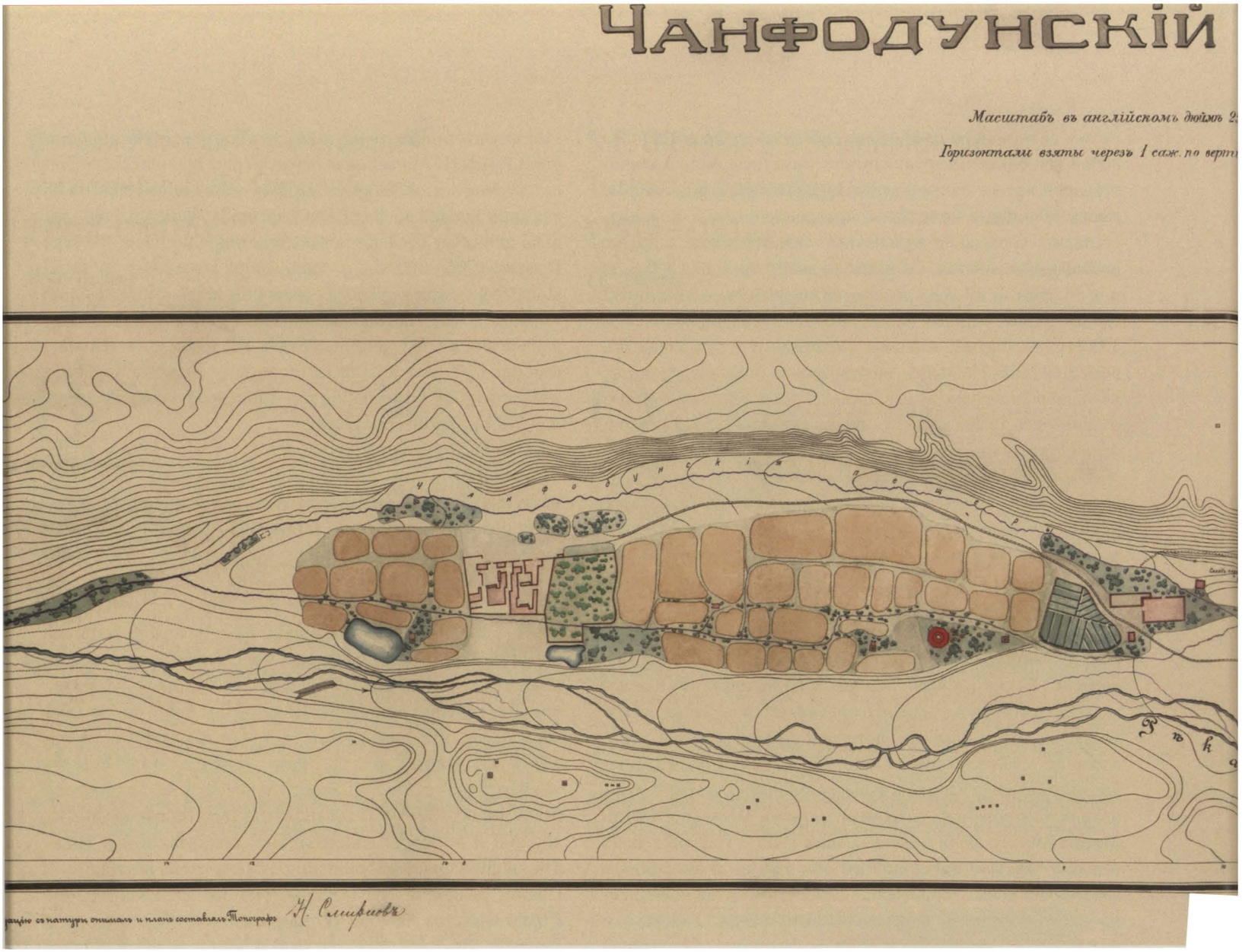
Наибольший расцвет торговых городов Западного края приходится на правление династии Тан (618—907), которое стало периодом экономического расцвета, политического могущества и блеска культуры императорского Китая. В середине VII в. контроль Китая номинально и фактически распространялся на всю территорию Западного края. Но уже с VIII в. восточные тюрки начинают успешно соперничать с китайцами за военное и политическое господство в регионе. После распада Тюргешского каганата (740-е гг.) китайские войска попытались продвинуться на запад, выйдя на рубеж Сыр-Дарьи, но, потерпев сокрушительное поражение от арабов на реке Талас в 751 г., они были отброшены, продвижение Китая на запад остановлено, а арабы установили контроль над западными ветвями Шелкового пути. Мятеж Ань Лу-шаня и Ши Сы-мина (755—763) настолько ослабил танскую империю, что она уже не помышляла о завоевании новых территорий. Слабостью Китая немедленно воспользовались недружелюбные соседи. Тибетцы, с конца VII в. воевавшие с Китаем, захватили территории Лунъю, Хэси и Аньси и удерживали их в течение почти ста лет. В 791 г. уйгуры одержали победу над тибетцами в Восточном Туркестане, и китайская администрация покинула этот край почти на тысячу лет. Оазисные государства Таримского бассейна перешли под контроль Уйгурского (745—840) и Карлукского (766—940) каганатов. Сложившееся в X в. государство Караханидов с центром в Кашгаре первым приняло в регионе ислам. В последующий период полной исламизации Восточного Туркестана в XV—XVI вв. периодическое объединение территорий нынешнего Синьцзяна и Средней Азии в пределах единых государств привело к формированию здесь самобытной культурной традиции.

К началу XX в. храмовый комплекс Дуньхуана находился в полузаброшенном состоянии. В южной его части проживало несколько монахов, один из которых, Ван Юань-лу 王圓籙 (1849—1931), 22 июня 1900 г., очищая от песка покрытые росписями стены одной из пещер, случайно обнаружил замурованный вход в заполненное рукописями помещение. Это была скрытая в XI в. перед нашествием тангутов библиотека буддийского храма. Китайские власти

sent an increasingly motley picture in cultural, ethnic and religious respects. Monasteries began to play an appreciable part in economic life of the oases, for they owned large estates with peasants bonded to them and kept mills, butter-dairies, oil-mills and other ancillary businesses. Beginning with the Han Dynasty (206–220 B.C.), monasteries were hewn in sandstone rocks, which gradually grew into large complexes with worship, living, educational and utility cave premises. Large amounts of money were donated to the temples, which were decorated by best artists; in monastery scriptoria traditions were emerging of translating into Chinese and copying *sutras* brought by pilgrims from India.

The most booming period for the trade centres of the Western Regions was the reign of the Tang dynasty (618–907), when the Chinese Empire enjoyed economic prosperity, political might and cultural acme. In the mid-7th century, the entire territory of the Western Regions was nominally and actually under the sway of China. As early as the 8th century, however, the Eastern Turks began to rival the Chinese for military and political domination over the region. After the disintegration in the 740s of the Türgiś Qaghanate, the Chinese troops made an attempt to advance westwards, reaching the Syr Darya Basin, but after suffering a crushing defeat by the Arabs on the Talas River in 751, they were thrown back, China's movement westwards was stopped, and the Arabs assumed control over the western routes of the Silk Road. The revolt of An Lu-shan and Shi Si-ming (755–763) weakened the Tang Empire so drastically that it no longer conceived any conquests of new lands. The unfriendly neighbours immediately took advantage of China's weakness. The Tibetans, who had been warring with China since the late 7th century, captured the territories of Longyou, Hexi and Anxi and held them for nearly a hundred years. As a result of the Uighurs' victory over the Tibetans in Eastern Turkestan (791) the Chinese administration had to stay out of the region for almost a thousand years. The oasis states of the Tarim Basin came under the control of the Uighur (745–840) and the Qarluq (766–940) Qaghanates. The Karakhanids' state with a centre in Kashgar, which consolidated in the 10th century, was the first in the region to adopt Islam. In the subsequent period of Eastern Turkestan's complete conversion to Islam in the 15th and 16th centuries, the territories of Xinjiang and Middle Asia would be periodically united into a single states, which resulted in the formation here of an original cultural tradition.

By the early 20th century, the cave monastery complex of Dunhuang had fallen into a semi-neglected condition. In its southern part a few monks lived, one of whom, Wang Yuan-lu 王圓籙 (1849–1931) stumbled — when, on 22 June 1900, he was clearing sand off mural-covered walls in one of the caves, — on a mured entrance into a room filled with manuscripts. It was the Buddhist monastery's library concealed in the 11th century at the time of the Tangut invasion.



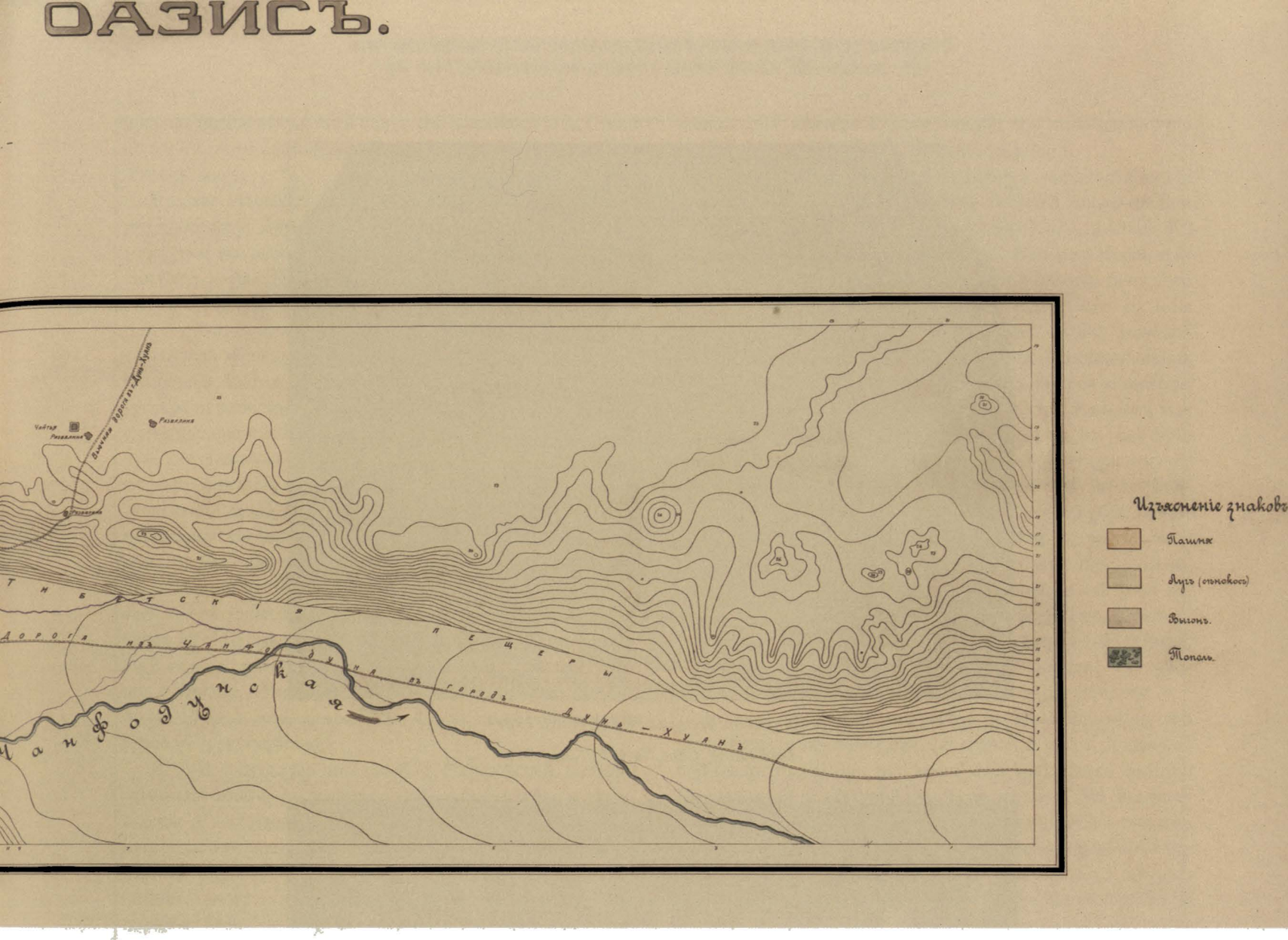
Карта оазиса Цяньфодун. 1914. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 186. Л. 47
Map of the Qianfodong oasis. 1914. PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit. 186, f. 47

не проявили к открытию никакого интереса и вынесли решение вновь замуровать вход и оставить рукописи на том же месте, где они находились в течение тысячелетия. Однако известие о находке быстро распространилось не только среди местного населения, но и среди европейских исследователей, которые занимались изучением древностей северо-запада Китая.

Первым европейцем, обследовавшим дуньхуанскую библиотеку, был Аурел Стейн, который в 1907 г. во время своей второй экспедиции в Центральную Азию посетил Дуньхуан и вывез оттуда около 7 тысяч достаточно крупных свитков и фрагментов. Затем в Дуньхуане побывала французская экспедиция 1906—1908 гг., возглавляемая Полем Пеллио. Он работал в Пещерах тысячи будд с 27 февраля по 27 мая 1908 г. Будучи хорошим знатоком китайского буддизма, П. Пеллио отобрал около 4 тысяч крупных сутр и фраг-

The Chinese authorities took no interest in the find and adopted a decision that the entrance should be bricked up again and the manuscripts remain where they had been for a thousand years. The news of the find, however, spread quickly not only among the local population, but also among the European researchers who were studying the antiquities of the Northwestern China.

The first European to examine the library was Aurel Stein, who visited Dunhuang during his second expedition to Central Asia in 1907 and acquired about seven thousand sufficiently large scrolls and fragments. Then Dunhuang was visited by the French expedition of 1906–08 headed by Paul Pelliot. He worked in the Caves of a Thousand Buddhas from 27 February to 27 May 1908. Pelliot, who was very well versed in Chinese Buddhism, selected about 4,000 large sutras and fragments. In June 1908 his expedition went back via Xi'an and Beijing,



ментов. В июне 1908 г. его экспедиция отправилась в обратный путь через Сиань и Пекин. В Пекине П. Пеллио передал несколько рукописей китайским ученым, в результате чего научное сообщество в Пекине убедилось в важности открытия дуньхуанской библиотеки. При активном участии Ло Чжэнь-юя 羅振玉 (1886—1940) был создан специальный комитет, который убедил китайское правительство перевезти оставшуюся часть библиотеки в Пекин.

В 1910 г. китайские власти организовали вывоз библиотеки в столицу. И хотя таким образом была сохранена значительная часть рукописей (дуньхуанский фонд Национальной библиотеки Китая составляет в настоящее время около 16 тыс. единиц хранения), экспедиция не занималась поисками манускриптов, разошедшихся среди местного населения, и не проводила раскопок в самих пещерах. И поэтому японская экспедиция Отани 1912 г. сумела собрать коллек-

where P. Pelliot gave several manuscripts to Chinese scholars, and thus the scholarly community in Beijing became aware of the importance of the discovery of the Dunhuang library. Owing to the active participation of Luo Zhen-yu 羅振玉 (1886–1940), a special committee was formed, which persuaded the Chinese government to move the remaining part of the library to Beijing.

In 1910 the Chinese authorities arranged the transportation of the library to the capital. Although that saved a considerable part of the manuscripts (the Dunhuang collection of the National Library of China at present encounters 16,000 items), the expedition did not search for those manuscripts that had come into the hands of the local population, nor did it carry out any excavations in the caves themselves.

It was for this reason that Otani's Japanese expedition of 1912 was able to find an assortment of art objects and over 400

Дуньхуан. Пещера № 414 (136). 1914
Dunhuang. Cave No 414 (136). 1914

Дуньхуан. Пещера № 332 (146). 1914
Dunhuang. Cave No 332 (146). 1914

цию предметов искусства и более 400 рукописей, а А. Стейн во время своей второй экспедиции вывез из Дуньхуана еще 500 свитков[1].

Русские путешественники во второй половине XIX в. не раз проезжали Дуньхуан. В 1879 г. во время своей первой тибетской экспедиции (третье центрально-азиатское путешествие, 1879—1880) Н.М. Пржевальский посетил Пещеры тысячи будд близ Дуньхуана, которые он называл Чэн-фу-дун. За два месяца до него здесь побывала австро-венгерская экспедиция Белы Сечени, путешествовавшая по Восточной Азии в 1877—1880 гг., но сведений об этом у русских путешественников не было. «До сих пор нам никто единым словом не намекнул об этой замечательности, которую, как оказалось, впоследствии посетил из Са-чжеу также и граф Сечени»[2], — писал Н.М. Пржевальский. В отчете экспедиции было дано краткое описание пещер, а также приведены сведения о двух главных образах храмового комплекса — Да-фо-сян 大佛像 и Чжун-фо-сян 中佛像: «В особом помещении находятся два самых больших идола всех пещер. Один из них, называемый Да-фу-ян, <...> имеет около 12—13 сажень вышины и 6—7 толщины; длина ступни 3 сажени; расстояние между большими пальцами обеих ног 6 сажень. Этот идол обезображен дунганами. Другой большой идол, называемый Джо-фу-ян, по величине почти вдвое меньше первого»[3].

В 1894 г. Дуньхуан посетил В.И. Роборовский, который отметил в отчете, что древние храмы, которые «были разрушаемы и восстанавливаемы не один раз», последний раз пострадали во время дунганского восстания 1862—1863 гг. «В настоящее же время, — отмечал В.И. Роборовский, — китайцы вновь стали понемногу приводить эти пещеры в порядок. Живущие там хэшаны (4 человека) жалуются, что правительство не принимает мер к исправлению пещер, а частных приношений для этой цели почти нет. Пока исправлено только 5—6 пещер; поправлены входы в них, сделаны деревянные пристройки и исправлены фанзы для хэшанов. Богомольцы собираются сюда в 4-ой луне с 1-го числа по 8-е. За это время здесь перебывает до 10 тысяч богомольцев»[4].

Задачей второй РТЭ С.Ф. Ольденбурга было обследование Пещер тысячи будд как памятника буддийского искусства. Результатами Первой РТЭ С.Ф. Ольденбург остался

1 Меньшиков Л.Н. К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. // Петербургское востоковедение. Вып. 4. 1993. С. 329.

2 Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883. С. 100.

3 *Там же*. С. 101.

4 Труды экспедиции ИРГО по Центральной Азии. Ч. 1. Отчет начальника экспедиции В.И. Роборовского. СПб., 1900. Отдел 1. С. 218.

manuscripts, whereas A. Stein brought 500 more scrolls from Dunhuang as a result of his second expedition.[1]

In the second half of the 19th century a number of Russian travellers passed through Dunhuang. In 1879, during his first Tibetan expedition (his third Central Asian Travel, of 1879–80) N.M. Przhevalsky visited the Caves of a Thousand Buddhas in the vicinity of Dunhuang, which he called Cheng-fu-dong. Two months earlier the same place had been visited by Béla Széchenyi's Austro-Hungarian expedition, which travelled about Eastern Asia in 1877–80, of which the Russian explorers had no knowledge. "Up to now nobody has given us as much as a hint about this remarkable place, which, as it turns out, was afterwards visited also by Count Széchenyi on his way from Shazhou"[2], wrote N.M. Przhevalsky. The report of his expedition includes a brief description of the caves and the information about the two main images of the temple complex, Da-fo-xiang 大佛像 and Zhong-fo-xiang 中佛像: "A special room contains the two largest idols of all the caves. One of them, Da-fu-yang by name, ... is 12 to 13 *sazhens* tall (one old Russian *sazhen* is 2.13 m) and 6 to 7 *sazhens* wide; his foot is 3 *sazhens* long; the distance between the two toes of his feet is 6 *sazhens*. This idol was disfigured by the Dungans. The other idol, Jo-fu-yang, is almost twice as small as the other one."[3]

In 1894 Dunhuang was visited by V.I. Roborovsky, who noted down in his report that the ancient temples, "destroyed and reconstructed time and again" had last suffered from the Dungan revolt of 1862–63. "As for the present", V.I. Roborovsky remarked, "the Chinese are gradually putting the caves into order. The *heshangs* living there (4 persons) complain that the government is taking no measures to repair the caves, whereas private donations for the purpose are scarce. So far only 5 or 6 caves have been put right; entrances to them have been mended, wooden annexes built and *fanzas* for *heshangs* repaired. Pilgrims gather here from the 1st to the 8th day of the 4th moon. Up to ten thousand worshippers visit this place over that period."[4]

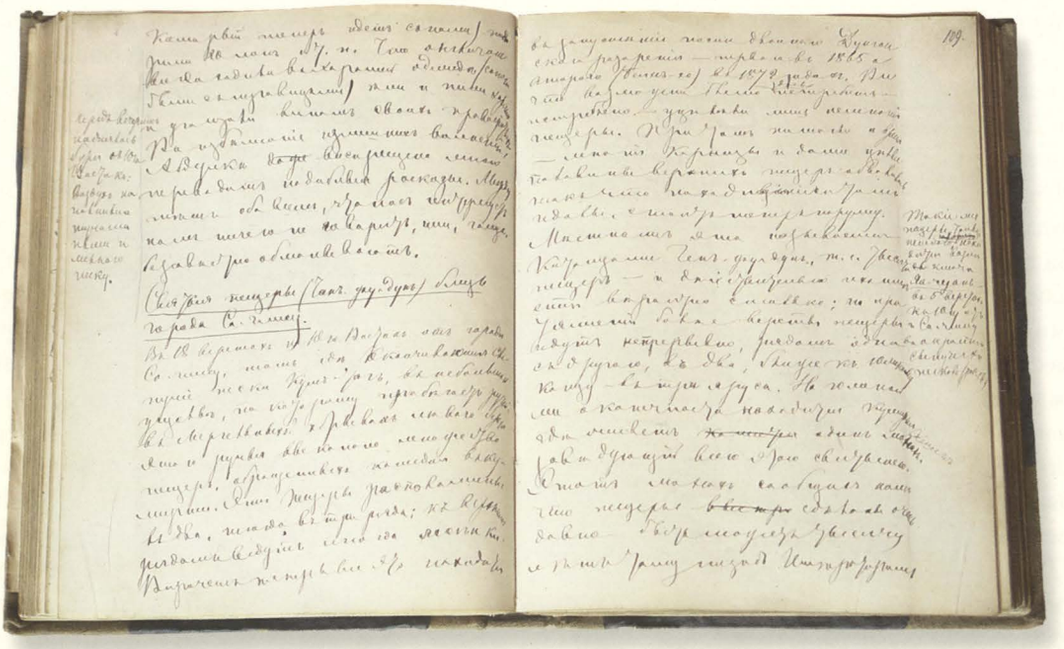
The objective of the S.F. Oldenburg's Second RTE was to investigate the Caves of a Thousand Buddhas as a monument of Buddhist art. S.F. Oldenburg was not satisfied with the results of the first RTE because his idea of organizing international cooperation in the field of studying the monuments of Eastern Turkestan had failed. For this reason he singled out as

1 Menshikov, L.N. "On the Study of the Materials of the Russian Turkestan Expedition of 1914–15." *St. Petersburg Journal of Oriental Studies*. Issue 4 (1993), p. 329.

2 Przhevalsky, N.M. *From Zaisan through Hami into Tibet and to the Sources of the Yellow River*. SPb., 1883, p. 100.

3 *Ibid.*, p. 101.

4 *Works of the IRGS Expedition to Central Asia*. Part 1. Report of the Expedition Head V.I. Roborovsky. SPb., 1900. Section 1. p. 218.



Дневник третьего центрально-азиатского путешествия Н.М. Пржевальского с упоминанием посещения Дуньхуана.
Архив Русского Географического общества. Ф. 13. Оп. 1, ед. хр. 67. Л. 108 об.–109

Journal of the third Central Asian travel of N.M. Przhevalsky with a mention of the visit to Dunhuang
Archives of the Russian Geographic Society. Fond 13. Inv. 1, unit. 67, f. 108v–109

недоволен, поскольку его идея организации международного сотрудничества в области исследования памятников Восточного Туркестана потерпела крушение. В связи с этим для своей второй экспедиции он наметил один определенный памятник, «местонахождение и выдающееся значение которого было заранее хорошо известно»[5]. Кроме С.Ф. Ольденбурга в экспедиции 1914—1915 гг. приняли участие С.М. Дудин, который участвовал в Первой РТЭ, художник и фотограф Борис Федорович Ромберг, топограф-землемер Николай Арсеньевич Смирнов и архитектор Виктор Сергеевич Биркенберг (1890—1938).

29 марта 1914 г. на заседании РКСА С.Ф. Ольденбург доложил проект своей экспедиции, который был одобрен Комиссией по археологическому изучению Китайского Туркестана. В докладе С.Ф. Ольденбург указал: «Основная цель экспедиции — *исчерпывающее исследование старейших пещер Дун-хуана*, а затем уже только в случае, если намеченная цель будет достигнута или если отсутствие фотографа-специалиста и архитектора, которые уедут в ноябре, помешает правильному ведению работы, я имею в

the objective of his second expedition one particular monument, "the location and outstanding significance of which was very well known beforehand."[5] Besides S.F. Oldenburg, the following were the participants in the expedition of 1914–15: S.M. Dudin, who had participated in the First RTE; the artist and photographer Boris Fyodorovich Romberg; the topographer and land-surveyor Nikolai Arsenyevich Smirnov and the architect Viktor Sergeyevich Birkenberg (1890–1938).

On 29 March 1914 S.F. Oldenburg presented the profile of his expedition, which had been approved by the Committee for the Archaeological Study of Chinese Turkestan, to the RCMA. In his report S.F. Oldenburg pointed out the following: "The principal objective of the expedition is *an exhaustive investigation of the oldest caves of Dunhuang*, after which, if the task set has been implemented or if the absence of the professional photographer and the architect who are due to leave in November upsets the normal conduct of work, I plan to make way to Turfan oasis and work there till spring". The duration of the expedition was to be one year, the total cost was estimated at 34,500 roubles, with a very large sum of money, 8,000 rou-

[5] Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки ИВ АН СССР. Вып. 4. М.; Л., 1935. С. 27.

[5] Stcherbatsky, Th.I. "S.F. Oldenburg as Indologist." *Proceedings of the IOS of the USSR AS*. Issue 4. M., L., 1935, p. 27.

виду направиться в Турфанский оазис и работать там до весны». Время работы экспедиции должно было составить один год, общая смета — 34 500 рублей, причем очень большая сумма в 8000 рублей была заложена на закупку снаряжения (включая до 60 пудов [1 пуд = 16,38 кг] фотографических пластинок)[6]. Выдано на экспедицию было 23 982 рубля[7].

Из Санкт-Петербурга экспедиция выезжала, разделившись на два отряда. 20 мая поездом до Омска в 8 часов 35 минут вечера выехали С.М. Дудин и В.С. Биркенберг. 30 мая тем же поездом отправились С.Ф. Ольденбург, Б.Ф. Ромберг и Н.А. Смирнов. В Омск С.Ф. Ольденбург со спутниками прибыл 2 июня. 3 июня они отправились пароходом до Семипалатинска, куда добрались утром 9 июня, а вечером того же дня отправились в Чугучак. В Чугучак прибыли в 10 часов 30 минут вечера 13 июня. На следующий день нанесли визит консулу Владимиру Васильевичу Долбежеву (1873—1958). 14 июня в Чугучаке к экспедиции присоединился конвой из семи казаков в следующем составе: урядник Матвей Горшков, Клементий Веревкин, Захар Гомонов, Яков Михин, Константин Горбунов, Иван Манохин, Тимофей Черников[8]. Кроме конвоя здесь же были наняты переводчик и хлебопек.

15 июня С.Ф. Ольденбург отправил в РКСА из Чугучака письмо с приложением двух отрывков уйгурских рукописей. Отъезд из Чугучака состоялся 17 июня в 12 часов 15 минут дня. 10 июля экспедиция прибыла в Урумчи, откуда 12 июля выехала в Гучэн. Дорога оказалась весьма трудной, о чем С.Ф. Ольденбург написал своему брату Федору Федоровичу Ольденбургу (1861—1914) 20 июля: «Дорога много труднее и, главное, сложнее при большом караване (27 лошадей, 4 фургона, 13 человек). Здесь дневка из-за перековки лошадей и решения вопроса о корме для ряда станций, где нет ничего. Настроение бодрое и все вообще, к счастью, молодцами, но с лошадьми постоянная мелкая хворь. Временами бывает трудно, особенно трудно, что всегда надо быть на нравственной вытяжке. Двое спутников очаровательны: Ромберг и Смирнов — оба с большой выдержкой, но и Дудин, и Биркенберг тоже хороши, хотя Дудин иногда (несравненно меньше прежнего) нервничает»[9]. 4 августа экспедиция прибыла в Хами, а 18 августа в Дуньхуан. Весь путь от Санкт-Петербурга занял 80 дней.

19—21 августа 1914 г. члены экспедиции выполнили предварительный беглый осмотр пещер Цяньфодуна для

bles, to be allotted for the purchase of equipment (including up to 60 *puds* [1 *pud* = 16.38 kg] of photography plates).[6] The actual amount issued for the expedition was 23,982 roubles.[7]

The expedition left St. Petersburg in two groups: S.M. Dudin and V.S. Birkenberg went by the 8.35 p.m. train to Omsk on 20 May 1914; S.F. Oldenburg, B.F. Romberg and N.A. Smirnov took the same train to the same destination on 30 May. S.F. Oldenburg arrived in Omsk with his companions on 2 June 1914. On 3 June they went by steamboat to Semipalatinsk, arriving there on 9 June morning and leaving for Chuguchak the same day in the evening. They arrived in Chuguchak at 10.30 p.m. on 13 June. On the following day they paid a visit to Consul Vladimir Vasilyevich Dolbezhev (1873–1958). On 14 June an escort of seven Cossacks joined the expedition in Chuguchak, as follows: Cossack sergeant Matvei Gorshkov, Clementy Veryovkin, Zakhar Gomonov, Yakov Mikhin, Konstantin Gorbunov, Ivan Manokhin and Timofei Chernikov.[8] In the same place they also hired a baker and an interpreter.

On 15 June S.F. Oldenburg sent a letter to the RCMA from Chuguchak, enclosing two fragments of Uighur manuscripts. The expedition departed from Chuguchak at 12.15 p.m. on 17 June 1914. On 10 July the expedition arrived in Urumqi, from where it started out for Gucheng on 12 June. The journey proved very difficult, as S.F. Oldenburg wrote to his brother Fyodor Fyodorovich Oldenburg (1861–1914) on 20 July: "The going is harder and, above all, more complicated with the large caravan (27 horses, 4 covered carts and 13 people). We have a day stop here for shoeing the horses and arranging for fodder for a number of stations ahead, where there is none. We are in good cheers and are all fine, fortunately, but the horses keep having minor disorders. At times things are tough, and what is especially onerous is the constant moral strain. Two of the companions, Romberg and Smirnov, are delightful, both with plenty of self-possession, but Dudin and Birkenberg are nice too, although Dudin is moody at times (far less so than before)."[9]

On 4 August the expedition came to Hami and finally reached Dunhuang on 18 August 1914. The whole journey from St. Petersburg had taken 80 days.

On 19–21 August 1914 the members of the expedition carried out a preliminary summary examination of the caves of Qianfodong to ascertain the work to be done.[10] S.F. Oldenburg decided to follow P. Pelliot's numeration, only designating with the capital letters A, B and C the three later discovered caves at

---

6 Протоколы заседаний РКСА в историческом, археологическом и этнографическом отношении. 1914 год. Протокол № 2. Заседание 29 марта. § 27. С. 19—20.

7 ПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 12.

8 *Там же*. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 179. Л. 2 об.

9 *Там же*. Оп. 2, ед. хр. 47. Л. 25.

10 *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 173.

6 Minutes of the RCMA Meetings in Historical, Archaeological and Ethnographic Respects. 1914, Minutes No 2. Meeting of 29 March, section 27, pp. 19–20.

7 PBA RAS. Fond 148. Inv. 1, unit 12.

8 *Ibid*. Fond 208. Inv. 1, unit 179, f. 2v.

9 *Ibid*. Inv. 2, unit 47, f. 25.

10 *Ibid*. Inv. 1, unit 173.

Участники второй РТЭ в гостях у Российского консула в Чугучаке В.В. Долбежева 14 июня 1914 г.: С.М. Дудин, Б.Ф. Ромберг, Н.А. Смирнов, В.С. Биркенберг, С.Ф. Ольденбург, Е.А. Долбежева, В.В. Долбежев. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 184.

Participants of the Second RTE visiting V.V. Dolbezhev, Russian Consul in Chuguchak, on 14 June 1914: S.M. Dudin, B.F. Romberg, N.A. Smirnov, V.S. Birkenberg, S.F. Oldenburg, E.A.Dolbezheva and V.V. Dolbezhev PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 184.

определения последующего хода работ[10]. С.Ф. Ольденбург принял решение оставить нумерацию П. Пеллио, и только три пещеры в начале, открытые позже, обозначил прописными буквами A, B, C[11]. После этого он сразу же приступили к работам в соответствии с планом, намеченным в Санкт-Петербурге. В задачи экспедиции входило детальное описание пещер и составление их точных планов, включая поэтажные разрезы, фотографирование, снятие копий с наиболее важных объектов. С.Ф. Ольденбург собирал в первую очередь то, чему грозило уничтожение, и этим объясняется почти полное отсутствие среди коллекций экспедиции целых вещей. «Цель экспедиции, — отмечал С.Ф. Ольденбург, — найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства в Китае и Китайском Туркестане и собрать достаточно полный материал для характеристики разных стилей этого искусства»[12]. Разрезы и планы пещер выполнялись Н.А. Смирновым и В.С. Биркенбергом.

Одновременно с полевыми исследованиями С.Ф. Ольденбург выполнял научную обработку материалов, составлял общий очерк о композициях росписей и статуй Цяньфодуна. К 25 ноября 1914 г. относится следующая его запись: «Чан-фо-дун близ Дуньхуана справедливо может быть назван музеем китайского буддийского искусства, начиная, по-видимому, с Вэйской династии и до наших дней, так как и мы еще застали работу реставрации, а частью и замены старого новым в полном ходу. Синологи, может

[11] *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 167. Л. 8.
[12] *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 188. Л. 9.

the beginning.[11] After that the expedition immediately set to work in accordance with the plan prepared in St. Petersburg. The objectives of the expedition included a detailed description of the caves and drawing of their accurate plans, with sections for each floor, as well as photographing them and taking copies of the key objects. S.F. Oldenburg primarily collected everything threatened with ruination, which accounts for the almost total absence of whole objects in the collection brought by the expedition. "The expedition aims at finding a reliable base for dating the monuments of Buddhist art in China and in Chinese Turkestan and to collect sufficiently complete material for characterizing the different styles of that art", S.F. Oldenburg pointed out.[12] The plans and sections of the caves were drawn by N.A. Smirnov and V.S. Birkenberg.

Concurrently with field work, S.F. Oldenburg performed a scientific processing of the materials and wrote an overview essay on the painted compositions and statues of Qianfodong. This is what he wrote on 25 November, 1914: "Chang-fo-dong near Dunhuang can be justly called a museum of Chinese Buddhist art dating evidently from the Wei dynasty to the present, for even we still witnessed restoration work going on, with active replacement of old elements with new ones. Sinologists may find documents that will enable them to tell [the story] of this interesting Buddhist architectural monument uniting in one little oasis in a desert hundreds of caves with murals and statues. What we aimed at was to describe the caves and assign them to consecutive epochs."[13]

[11] *Ibid*. Inv. 1, unit 167, f. 8.
[12] *Ibid*. Inv. 1, unit 188, f. 9.
[13] *Ibid*. Inv. 1, unit 176. f. 2.

быть, найдут документы, которые позволят им рассказать [историю] этого любопытного буддийского сооружения, объединяющего в маленьком оазисе среди песчаной пустыни сотни пещер с росписями и статуями. Мы же своей задачей считали описание пещер и распределение их по последовательным эпохам»[13].

1 ноября 1914 г. С.М. Дудин, В.С. Биркенберг и Н.А. Смирнов покинули Дуньхуан, как это было запланировано ранее. 6 ноября они прибыли в Хами, откуда отправились через Урумчи в Россию. С.Ф. Ольденбург и Б.Ф. Ромберг остались для завершения исследований экспедиции. Сильные морозы значительно затрудняли работу, путешественники не раз отмечали, что у них «замерзают чернила» и что из-за природных условий приходится преодолевать многие трудности. 20 декабря 1914 г. в письме своей знакомой Е.П. Свешниковой С.Ф. Ольденбург писал: «Работаем мы с Борисом Федоровичем усердно, хотя иногда и подмерзаем. Он, как я писал, драгоценный работник и деликатный, прекрасный товарищ. Казаки — совершенные молодцы. <...> Жить в пещере худо»[14]. Кроме того, новости о начавшейся войне доходили редко, и путешественников очень беспокоили события в России.

Запись в дневнике С.Ф. Ольденбурга от 27 декабря 1914 г. дает представление о каждодневной работе экспедиции и об ее уникальных находках. «Чтобы Б.Ф. Ромберг мог удобнее снимать, я отправился с Горшковым и Гомоновым расчистить пещеру, заваленную кирпичами, обломками свалившегося плафона, который был в маленьких буддах, и полную мусора, костей животных, следов ночевок приезжих (следы дыма, обугленные куски дерева); мусор этот, видимо, был перерыт, нигде не слежался слоями, и потому о раскопке и речи быть не могло, надо было просто расчистить пещеру. При этом нами найдены были, кроме уже указанного отрывка, по большей части [обрывки] совсем маленьких рукописей: санскритских, кучарских, уйгурских, тибетских (обыкновенное письмо и курсив, рукопись синяя с золотом), *си ся* (золотом по синему, клочки), китайских и ксилографов — уйгурских, китайских и *си ся*. К сожалению, куски оказались совершенно ничтожных размеров, так что вряд ли их прочтение даст что-либо. Интересны разве клочки *си ся* и санскритский. Все важно для палеографии. Кроме того, была сделана очень любопытная находка: 103[15] деревяшки с вырезанными на них уйгурскими письменами. 29.XII мною и Горшковым еще было найдено 25, теперь всех деревяшек 130. Они приспособлены совершенно по тому же принципу, как наш типографский шрифт, и способ напечатания некоторых отрывков уйгурских ксилографов показывает, что печатали не с досок, а при помощи передвижного шрифта.

On 1 November 1914, S.M. Dudin, V.S. Birkenberg and N.A. Smirnov left Dunhuang, as originally scheduled. On 6 November they reached Hami, whence they travelled via Urumqi to Russia. S.F. Oldenburg and B.F. Romberg stayed in Dunhuang to complete the mission of the expedition. Heavy frosts considerably hampered their work, the travellers often noting that their "ink was freezing" among the numerous difficulties they had to overcome because of the severe weather conditions. On 20 December 1914, S.F. Oldenburg wrote in a letter to his acquaintance E.P. Sveshnikova: "Boris Fyodorovich and I are working diligently, despite feeling cold sometimes. He is an invaluable workmate, as I have written before, and a gentle, considerate companion. The Cossacks are great ... Living in the cave is hard."[14] Moreover, news of the war that had started came very seldom and the travellers worried a great deal about the events in Russia.

The following entry of 27 December 1914 in S.F. Oldenburg's journal gives some impression of the expedition's everyday work and of its unique finds: "To make it more convenient for B.F. Romberg to take pictures there, I went to the cave with Gorshkov and Gomonov to clean it of the cluttered bricks, shards of the fallen plafond decorated with small Buddha figures, of rubbish, animal bones and traces of nights spent there (smoke spots and scorched or burnt pieces of wood); the debris and litter must have already been dug, for they were not compressed into layers — therefore digging was pointless and it was only necessary to clean the cave. In doing so, we found, in addition to the above excerpt, some torn pieces of small manuscripts: in Sanskrit, Kuchean, Uighur and Tibetan (in normal hand or cursive and in gold over blue ground), Xi-Xia (in gold over blue, some shreds), and Chinese, as well as Uighur, Chinese and Xi-Xia block-prints. Unfortunately, the pieces were of almost negligible sizes, so reading them is unlikely to yield anything. Perhaps the bits of Xi-Xia and Sanskrit are of interest. Paleographically, all of them are important. Besides, a very unusual find was made: 103[15] bits of wood with Uighur scripts carved on them were found. On 29.XII Gorshkov and I found 25 more of them, now their number totals 130. They work on exactly the same principle as our printing types, and the way the printing of some of the Uighur block-prints was done indicates that it was performed with movable types rather than with boards — the fact hitherto unreported, as far as I know. Some of the signs stand for individual letters, others denote syllables, words and symbols; some of them are double-sided. The majority of the wooden pieces were found by Gorshkov, the others were found by Gomonov and me."[16]

---

[13] *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 176. Л. 2.

[14] *Там же*. Оп. 2, ед. хр. 47. Л. 26.

[15] Очевидно, механическая описка в тексте: должно быть 105.

[14] *Ibid*. Inv. 2, unit 47, f. 26.

[15] Evidently, a slip of the pen; ought to be 105.

[16] PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 172, f. 110.

Факт, насколько мне известно, до сих пор не отмеченный. Некоторые знаки — отдельные буквы, другие — слоги, слова, знаки; некоторые двусторонние. Большинство деревяшек найдено Горшковым, часть мною и Гомоновым»[16].

31 декабря 1914 г. работы были завершены, и началась упаковка статуй и фрагментов росписей. Сборы продолжались до конца января, и 28 января 1915 г. караван из 11 человек, 8 лошадей, 9 верблюдов, 11 ослов отправился из Дуньхуана в обратный путь. С.Ф. Ольденбург и Б.Ф. Ромберг вернулись в Петроград 23 апреля 1915 г.[17] Коллекции экспедиции из-за условий военного времени достаточно долго оставались в Омске, но благодаря ходатайствам РКСА и лично С.Ф. Ольденбурга, они были доставлены в Петроград к концу лета 1915 г.

2 мая 1915 г. С.Ф. Ольденбург доложил РКСА о ходе и результатах экспедиции, а 20 мая сделал сообщение Историко-филологическому отделению Академии наук (протокол № 9 от 20 мая 1915 г.). В личном архиве С.Ф. Ольденбурга сохранился план-конспект его выступления на заседании РКСА. Этот документ представляет большой интерес, поскольку дает наиболее точный перечень предметов искусства и рукописей, доставленных второй РТЭ. Краткое описание этой коллекции и исследовательских итогов экспедиции имеет следующий вид: «Картины Ву-дао-дцы. Сцены из жизни Будды и плафоны. 121 ин[вентарный] н[омер]. «Тибетские пещеры». Уйгурский подвижный шрифт. Итоги. Описание. Материалы для монографий. Орнамент. Свыше 200, часть в красках. Копии образов в красках. Вся стена Ву-дао-дзы в кальке. Около 1300 фотографий, 24 × 30 и 18 × 24 [см], и 300 полископом. Планы на 2 листах масштабом 25 с[антиметров] в дюйме. Планы пещер нанесены разными красками, четыре этажа один на другой. Фасад пещер. Предметы: 2 льва, свыше 20 статуэток и голов. Отрывки образов на холсте и шелке (часть XI в.). Свыше 200 китайских свитков. Ящик с отрывками рукописей и ксилографов китайских и (немного) тибетских. Незначительные обрывки уйгурских ксилографов. 2 согдийских отрывка. 130 деревяшек уйгурского шрифта. Современные копии с китайских надписей на образах, 4 тетради. Вещи, купленные в Чикточмене Турфана. Отрывки уйгурских рукописей и ксилографов. Кит[айская] миниатюра минская. Манихейская миниатюра. Статуэтка из Туюк-мазара»[18].

Во время выступления 2 мая 1915 г. С.Ф. Ольденбург продемонстрировал фотографии пещер, часть черновых планов и уйгурский шрифт для печатания. Результаты экспедиции были одобрены РКСА, было решено также от лица Комитета направить в министерство иностранных дел письма с признательностью за содействие экспедиции консулу

On 31 December 1914 the work was finished, and the packing of statues and fragments of murals started. The preparation for departure continued till late in January, when the caravan of 11 people, 8 horses, 9 camels and 11 donkeys set out on a return journey from Dunhuang on 28 January 1915. S.F. Oldenburg and B.F. Romberg returned to Petrograd on 23 April 1915.[17] The expedition's collections remained in Omsk rather long because of the wartime conditions, but owing to the RCMA's petitioning and S.F. Oldenburg's personal pleadings, they were delivered to Petrograd in the late summer of 1915.

On 2 May 1915 S.F. Oldenburg reported to the RCMA about the work of the expedition and its results; on 20 May he gave a talk at the Department of History and Philology of the AS (minutes No 9 of 20 May 1915). S.F. Oldenburg's personal archive keeps a summary of his presentation at the session of the RCMA. The document is of particular interest as it includes the most accurate list of art works and manuscripts brought by the Second RTE. The concise description of the collection and the expedition's research results are as follows: "Wu-dao-zi murals. Scenes from the Buddha's life plus plafonds. 121 in[ventory] n[umbers]. 'Tibetan caves.' Uighur movable types. Summary. Description. Materials for monographs. Ornaments. Over 200, some in colour. Copies of images in colour. The whole Wu-dao-zi wall on tracing paper. About 1,300 photographs, 24 × 30 and 18 × 24 [centimetres] and 300 in polyscope. Plans on 2 sheets with a scale of 25 c[entimeters] to an inch. The plans of the caves are given in different colours, four floors one on the other. The façades of the caves. Objects: 2 lions, over 20 statuettes and heads. Fragments of images on canvas and silk (some of the 11th century). Over 200 Chinese scrolls. A box with fragments of manuscripts and block-prints, Chinese and Tibetan (few of the latter). Negligible fragments of Uighur xylographs. Two Sogdian excerpts. 130 wooden plates with Uighur print type. Present-day copies of Chinese inscriptions on the images, 4 notebooks. Articles purchased in Turfan's Chiktochmen. Fragments of Uighur manuscripts and block-prints. Chin[ese] miniature of the Ming dynasty. A Manichaean miniature. A statuette from Toyuq-Mazar."[18]

During his presentation on 2 May 1915, S.F. Oldenburg displayed the photographs of the caves, some of the draft plans and the Uighur printing types. The results of the expedition were approved by the RCMA, and it was also decided that the Committee should send letters of appreciation to the Ministry of Foreign Affairs to thank Consul in Urumqi Aleksei Alekseyevich D'yakov and Consular Secretary in Chuguchak Ivan Mikhailovich Gerasimov for their support of the expedition. The Committee decided that the manuscripts and the Uighur print types should be handed over to the Asiatic

[16] ПФА РАН. Ф 208. Оп. 1, ед. хр. 172. Л. 110.
[17] *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 179. Л. 25; ед. хр.181. Л. 31.
[18] *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 188. Л. 9—10.

[17] *Ibid*. Inv. 1, unit 179, f. 25; unit 181, f. 31.
[18] *Ibid*. Inv. 1, unit 188, ff. 9–10.

в Урумчи Алексею Алексеевичу Дьякову и секретарю консульства в Чугучаке Ивану Михайловичу Герасимову. Рукописи и уйгурский шрифт Комитет решил передать в Азиатский музей; статуи, фрагменты росписи и другие предметы — в МАЭ. Для ознакомления с результатами экспедиции членов Комитета и всех заинтересованных лиц было решено устроить осенью 1915 г. выставку, а также было рекомендовано напечатать дорожник маршрута, пройденного экспедицией, в изданиях РГО[19]. С.Ф. Ольденбург ходатайствовал о дополнительном вознаграждении Б.Ф. Ромберга за его неутомимую работу в экспедиции, а также поставил вопрос о выделении средств на обработку материалов экспедиции, в частности, планов фасада и разрезов, сделанных на месте Н.А. Смирновым и В.С. Биркенбергом, на перенесение на бумагу калек Б.Ф. Ромберга и перепечатку фотографий[20]. Рукописи из дуньхуанской библиотеки 1 сентября 1915 г. поступили в Азиатский музей[21].Произведения искусства из Дуньхуана, прошедшие первичную обработку в Кунсткамере, в 1931—1932 гг. вместе с находками первой РТЭ были переданы в Эрмитаж.

Помимо коллекций рукописей и предметов искусства, материалы экспедиции состояли из обширного архива — документов, описаний, зарисовок, калек, фотографий, планов и чертежей. В настоящее время они находятся в Государственном Эрмитаже, ПФА РАН, ИВР РАН. Важной частью материалов экспедиции были описания пещер Дуньхуана, составленные С.Ф. Ольденбургом во время экспедиции[22]. Кроме того, все члены экспедиции вели путевые дневники[23].

С.Ф. Ольденбург наметил большой план издания материалов второй РТЭ. По возвращении из экспедиции он представил Отделению историко-филологических наук РАН план книги «Характеристика росписи и статуй Пещер тысячи будд близ Дуньхуана». В этой работе он намеревался в

Museum, while the statues, fragments of the murals and other objects should enter the collection of the MAE. In order to familiarize the Committee and any of those interested with the materials, it was decided to arrange a public display in the autumn of 1915; the Committee recommended that the itinerary covered by the expedition should be published by the RGS in one of its periodicals.[19] S.F. Oldenburg lodged a request for an extra remuneration to be given to B.F. Romberg for his indefatigable work in the expedition; he also applied for funds to be allotted for the processing of the expedition materials, in particular of the plans and sections drawn in situ by N.A. Smirnov and V.S. Birkenberg and of transfer on paper of the tracing-paper copies made by B.F. Romberg and of re-printing the photographs.[20] The manuscripts from Dunhuang library entered the Asiatic Museum on 1 September 1915.[21] In 1931–32 the objects of art from Dunhuang, which had been preliminarily examined in the Kunstkamera, were handed over to the Hermitage Museum, together with the finds of the First RTE.

In addition to the collection of the manuscripts and artefacts, the expedition materials included an extensive archive — documents, descriptions, sketches, tracing-paper copies, photographs, plans and technical drawings. At present they are kept in the Hermitage Museum, PBA RAS, and the IOM RAS. An important part of the expedition materials were the descriptions of Dunhuang's caves written by S.F. Oldenburg during the expedition.[22] Besides, all the members of the expedition kept diaries of their own.[23]

S.F. Oldenburg had in mind an extensive plan of publishing the materials of the Second RTE. On his return from the expedition he submitted to the Department of History and Philology of the RAS his plan of a book to be called *Description of the Paintings and Statues of the Caves of a Thousand Buddhas in the Vicinity of Dunhuang*. The scholar intended to charac-

---

19 Протоколы заседаний РКСА в историческом, археологическом и этнографическом отношении. 1915 год. Протокол № 3. Заседание 2 мая. § 52. С. 27.

20 *Там же*. § 53. С. 27—28.

21 В материалах фонда С.Ф. Ольденбурга ПФА РАН имеется расписка следующего содержания: «Сто три пакета кит[айских] рукописей коллекции С. Ольденбурга доставлены в Азиатский музей 1-го сентября 1915 г. В. Алексеев» [ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 188. Л. 67].

22 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 174 («Описание пещер Чан-фодуна». 6 тетрадей, 544 л., автограф С.Ф. Ольденбурга).

23 *Там же*. Оп. 2, ед. хр. 179. Русская Туркестанская экспедиция (1914—1915 гг.). Дневник С.Ф. Ольденбурга; *Там же*. Оп. 2, ед. хр. 183. Путевой дневник участника экспедиции в Дунь-хуан художника С.М. Дудина; *Там же*. Оп. 2, ед. хр. 181. Путевой дневник участника Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. Б.Ф. Ромберга; *Там же*. Ф. 142. Оп. 2, ед. хр. 106. Смирнов Н.А. 1914—1915 гг. Туркестанская экспедиция.

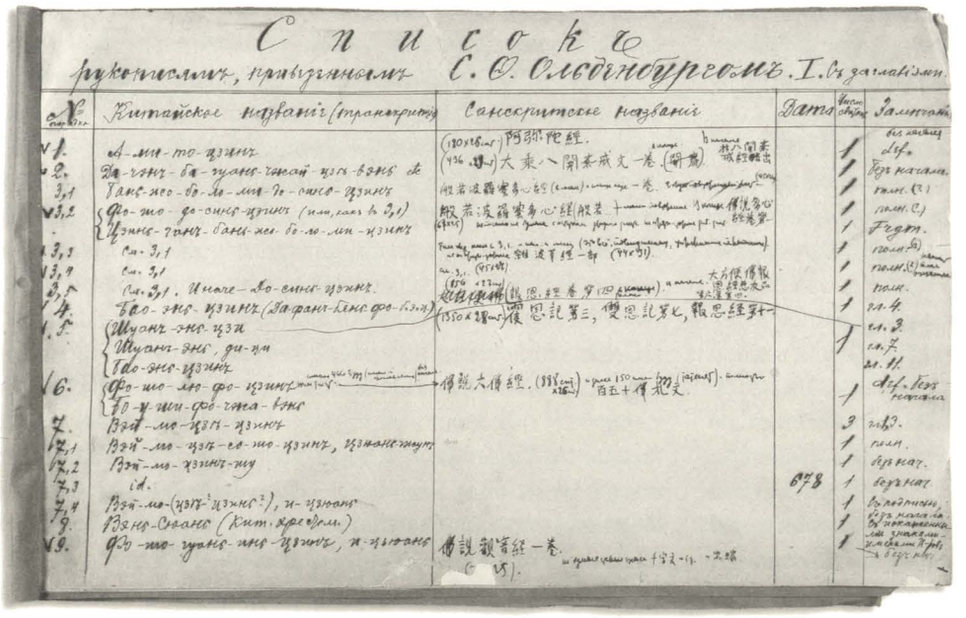
19 Minutes of the RCMA Meetings in Historical, Archaeological and Ethnographic Respects. 1915. Minutes No 3. Meeting of 2 May, section 52, p. 27

20 *Ibid.*, section 53, pp. 27–28.

21 The PBA RAS possesses, among S.F. Oldenburg's materials (Fond Oldenburga), this receipt: "One hundred and three packets of Chin[ese] manuscripts of the collection of S. Oldenburg have been delivered to the Asiatic Museum on 1 September 1915. V. Alekseev." See PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 188, f. 67.

22 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 174. Description of Chang-fo-dong caves. (6 notebooks, 544 f., S.F. Oldenburg's autograph).

23 *Ibid.* Inv. 2, unit 179. Russian Turkestan Expedition (1914–15). Journal of S.F. Oldenburg; *Ibid.* Inv. 2, unit 183. Travel notes of the artist S.M. Dudin, participant in the Expedition to Dunhuang; *Ibid.* Inv. 2, unit 181. Travel notes of B.F. Romberg, participant in the Russian Turkestan Expedition of 1914–15; *Ibid.* Fond 142. Inv. 2, unit 106. Smirnov N.A. 1914–15. Turkestan Expedition.



Инвентарный список рукописей, доставленных второй РТЭ. Составлен В.М. Алексеевым. 22,5×35 см ИВР РАН, Арх. 71

Inventory of the manuscripts brought by the Second RTE. Compiled by V.M. Alekseev 22.5×35 cm IOM RAS, Арх. 71

хронологической последовательности дать характеристику стилей китайской буддийской живописи и скульптуры, начиная с V—VI вв. вплоть до XX в. В книгу он хотел включить множество фотографий[24]. Кроме того, С.Ф. Ольденбург предполагал заняться подготовкой к печати труда «Научная опись материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг.»[25]. В 1922 г. он опубликовал очерк об искусстве Дуньхуана, сопроводив его несколькими фотографиями росписей пещер[26].

Постоянная занятость С.Ф. Ольденбурга административной работой в качестве непременного ученого секретаря РАН, директора Азиатского музея — Института востоковедения, а также председателя и члена многих советов, редколлегий и комиссий не давала ему возможности завершить издание материалов экспедиции. Кроме того, как писал с некоторой обидой Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбургу мешала одна черта, от которой свободны очень немногие ученые, и от которой «С.Ф. вовсе не был свободен. Это — необыкновенная ревность к результатам своей работы. Он желал и надеялся все сделать сам. Даже незадолго до смерти он относился к этому своему достоянию и к своим будущим работам крайне ревниво, никого к ним не подпуская»[27].

terize the styles of Chinese Buddhist painting and sculpture in chronological sequence from the 5th and 6th centuries up to the 20th century, wishing to include in it a large number of photographs.[24] Besides, S.F. Oldenburg proposed to prepare for publication a work to be called *Scientific Inventory of the Materials of the Russian Turkestan Expedition of 1914–1915*.[25] In 1922 he published an essay on the art monuments of Dunhuang, supplementing it with several photographs of the murals in the caves.[26]

S.F. Oldenburg's administrative duties as Permanent Secretary of the RAS, Director of the Asiatic Museum — Institute of Oriental Studies, — as well as chairman and member of a large number of councils, editorial boards and committees, prevented him from achieving tangible results in the publication of the expedition materials. Moreover, as Th.I. Stcherbatsky wrote with some bitterness, S.F. Oldenburg was hampered by one trait few scholars are free of — "of which S.F. was not free at all. It was an extraordinary jealousy regarding the results of his work. He wanted and hoped to do everything by himself. Even shortly before his death he kept a very jealous eye on this treasure of his and on his future work, holding everybody else at bay."[27] After S.F. Oldenburg's death, the

24 Извлечения из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение. // Известия АН. Сер. 6. Т. 9. Пг., 1915. С. 1438—1439.

25 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 2, ед. хр. 47. Л. 71.

26 Ольденбург С.Ф. Пещеры тысячи будд // Восток. № 1. 1922. С. 57—66.

27 Щербатской Ф.И. С.Ф. Ольденбург как индианист // Записки ИВ АН СССР. Вып. IV. М.;Л., 1935. С. 27.

24 "Excerpts from Minutes of the Academy Meetings. Department of History and Philology." *PAS*. Series 6, vol. 9 (1915), Petrograd, pp. 1438–1439.

25 PBA RAS. Fond 208. Inv. 2, unit 47, f. 71.

26 Oldenburg, S.F. "Caves of a Thousand Buddhas." *Orient*. No 1 (1922), pp. 57–66.

27 Stcherbatsky, Th.I. "Oldenburg as Indologist." *Proceedings of the IOS of the USSR AS*. Issue IV. M., L., 1935, p. 27.

После смерти С.Ф. Ольденбурга подготовкой к публикации памятников искусства некоторое время занимался безвременно погибший сотрудник Эрмитажа Александр Семенович Стрелков (1896—1938). Описание рукописей, доставленных второй РТЭ, проводил В.М. Алексеев, который составил инвентарь 177 наиболее крупных свитков под 62 наименованиями[28].

Китаисты ИВ АН: Г.К. Папаян, В.М. Алексеев, А.А. Драгунов, Ю.К. Шуцкий, Б.А. Васильев. Январь 1931

Sinologists of the IOS AS: G.K. Papayan, V.M. Alekseev, A.A. Dragunov, Yu.K. Shutsky, B.A. Vasilyev. January 1931

Весной 1938 г. к обработке материалов второй РТЭ приступила вдова С.Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна Ольденбург, урожденная Клеменц (1875—1955). Президиум Академии наук СССР выделил средства на расшифровку и переписку записей С.Ф. Ольденбурга по экспедиции 1914—1915 гг. Ф.И. Щербатскому было поручено наблюдение за этой работой. Расшифровка и перепечатка материалов — О.А. Крауш. Выполнение копий чертежей, планов и рисунков текста в масштабе оригинала — М.С. Халтуриной. К ноябрю 1938 г. была подготовлена первая тетрадь описания пятидесяти пещер Цяньфодуна, а к 26 ноября 1940 г. работа по подготовке к печати описания дуньхуанских пещер была полностью завершена. Все шесть тетрадей были прочтены и переписаны О.А. Крауш, сверены Е.Г. Ольденбург и Ф.И. Щербатским, который расшифровал и внес красными чернилами всю специальную буддологическую терминологию. В конце каждой тетради были отмечены номера негативов, относящихся к данной пещере. Каждая тетрадь была снабжена оглавлением. Описания пещер Дуньхуана были перепечатаны в трех экземплярах, два были сброшюрованы и переданы: один в Эрмитаж, второй — в Институт востоковедения. Третий, черновой экземпляр с пометами Ф.И. Щербатского, а также оригиналы записей С.Ф. Ольденбурга были переданы Е.Г. Ольденбург в Архив Академии наук СССР[29]. В 1949 г. ИВ АН свой экземпляр передал в Архив Академии наук[30].

preparation of the expedition materials for publication was handled for some time until his untimely death by the Hermitage curator Aleksandr Semyonovich Strelkov (1896–1938). The description of the manuscripts brought by the Second RTE was carried out by V.M. Alekseev, who made an inventory list of 177 larger scrolls under 62 titles.[28]

In the spring of 1938, S.F. Oldenburg's widow, Elena Grigoryevna Oldenburg, née Klementz (1875–1955) began her work on the preliminary examination of the expedition's materials. The Presidium of the USSR Academy of Sciences allocated funds for transcribing and copying of S.F. Oldenburg's notes regarding the expedition of 1914–15. Th.I. Stcherbatsky was appointed to supervise the work. The transcribing and typing was done by O.A. Kraush. Copying the technical drawings, plans and sketches in the scale of the original was entrusted to M.S. Khalturina. By November 1938, the first notebook with descriptions of fifty caves of Qianfodong had been prepared for publication, whereas by 26 November 1940 the entire work on the preparation of the descriptions of Dunhuang's caves had been accomplished. All the six notebooks were read and typed out by O.A. Kraush, checked by E.G. Oldenburg and Th.I. Stcherbatsky — the latter transcribed and added in red ink all the special Buddhist terms. At the end of each notebook the numbers of photographic negatives pertaining to the given cave were noted down. Each notebook was supplied with its table of contents. The descriptions of the Dunhuang caves were typed out in three copies; two copies were book-stitched and submitted to the Hermitage and the Institute of Oriental Studies. The third, draft copy with Th.I. Stcherbatsky notes, and the originals of S.F. Oldenburg, was handed over by E.G. Oldenburg to the Archives of the USSR AS.[29] In 1949 the IOS handed over its copy to the Archives of the Academy of Sciences.[30]

---

28 ИВР РАН. Отдел рукописей и документов. Картотека архивных материалов. Арх. 71. Список рукописей, привезенных С.Ф. Ольденбургом. I. Л. 1—3.

29 ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 1, ед. хр. 172. Л. 111.

30 *Там же*. Оп. 1, ед. хр. 167—172: Русская Туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. под руководством С.Ф. Ольденбурга. Машинопись. Тетрадь 1 (186 л.); тетрадь 2 (182 л.); тетрадь 3 (119 л.); тетрадь 4 (121 л.); тетрадь 5 (85 л.); тетрадь 6 (141 л.).

28 IOM RAS. Department of manuscripts and documents. Card index of the archives. Arch. 71. List of manuscripts brought by S.F. Oldenburg. I, ff. 1–3.

29 PBA RAS. Fond 208. Inv. 1, unit 172, f. 111.

30 *Ibid.* Inv. 1, units 167—172: Russian Turkestan Expedition of 1914–15 headed by S.F. Oldenburg. Typewritten. Notebooks 1 (186 f.), 2 (182 f.), 3 (119 f.), 4 (121 f.), 5 (85 f.) and 6 (141 f.).

Начало изучению рукописей, доставленных второй РТЭ, было положено в 1918 г., когда Федор Александрович Розенберг (1867—1934) опубликовал исследование двух согдийских фрагментов буддийского содержания из Дуньхуана[31]. Через два года появилась еще одна его публикация[32]. Статьи японского ученого Кано Наоки 狩野直喜 (1868—1947) были первыми материалами научной печати, посвященными китайской части коллекции второй РТЭ[33]. В 1932 г. С.Е. Малов опубликовал исследования четырех документов коллекции на уйгурском языке юридического содержания[34]. В 1930-е гг. к работе по разбору дуньхуанского фонда приступил Константин Константинович Флуг (1893—1942), который составил описание 307 наиболее значительных рукописей. Результатом его труда стали также статьи о наиболее важных произведениях буддийской и небуддийской частей фонда[35].

В 1953 г. инвентаризацию дуньхуанских рукописей продолжила М.П. Волкова (1927—2006). С февраля 1957 г. к разбору фонда приступила небольшая исследовательская группа в составе В.С. Колоколова (1896—1979), Л.Н. Меньшикова (1926—2005), В.С. Спирина (1929—2002) и С.А. Школяра (1931—2007). К этому моменту в фонде числилось по инвентаризационной описи 3640 единиц хранения, из которых 2000 (в т. ч. 247 свитков) были обработаны К.К. Флугом, а 1640 — М.П. Волковой. Остальная часть дуньхуанских рукописей оставалась в неразобранном состоянии и хранилась в 5 пакетах, 1 коробке и 1 мешке[36]. Перед ЛО ИВ АН стояли сложные комплексные задачи по

The study of the manuscripts brought by the Second RTE began in 1918, when Fyodor Aleksandrovich Rosenberg (1867–1934) published his analysis of two Sogdian fragments of Buddhist content from Dunhuang.[31] Two years later another publication of his appeared.[32] Articles by Japanese scholar Kano Naoki 狩野直喜 (1868–1947) were the first scholarly publications dealing with the Chinese part of the Second RTE collection.[33] In 1932 S.E. Malov published his study of four Uighur documents of legal content from the collection.[34] In the 1930s Konstantin Konstantinovich Flug (1893–1942) set to work sorting out the Dunhuang collection; he made a description of 307 most significant manuscripts. His work resulted also in articles on the most important works in the Buddhist and non-Buddhist parts of the collection.[35]

In 1953 M.P. Volkova (1927–2006) continued work on the inventory of the Dunhuang manuscripts. In February 1957 a small research group consisting of V.S. Kolokolov (1896–1979), L.N. Menshikov (1926–2005), V.S. Spirin (1929–2002) and S.A. Shkolyar (1931–2007) began sorting out the manuscripts. At that time the collection contained, according to the list, 3,640 items, 2,000 of which (including 247 scrolls) had been processed by K.K. Flug and 1,640 by M.P. Volkova. The rest of the manuscripts still remained unsorted, kept in 5 packets, 1 box and 1 bag.[36] The Leningrad Branch of the IOS of the AS set a number of complex tasks of scientific treatment and subsequent study of the remaining larger part of the collection, such as the removal of dust (loess), restoration, inventory-taking, cataloguing and description. The research part of the

---

31 Rosenberg F. Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ein-fo-tong de Touen-houang (Mission S d'Oldenburg, 1914—1915). I. Fragment d'un conte // ИРАН. Сер. 6. Т. 12. 1918. С. 817—842.

32 Rosenberg F. Fragment d'un sutra // ИРАН. Сер. 6. Т. 14. 1920. С. 399—420, 455—474.

33 狩野直喜 Кано Наоки. 唐鈔本文選殘篇跋 Тан чаобэнь Вэнь сюань цаньпянь ба (Послесловие к фрагменту танской рукописи «Литературного изборника») // 支那学 Синагаку (Синология). Т. 5, № 1. 1929, март. С. 153—159. Кано Наоки. О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника» 文選, хранящегося в Азиатском музее Академии наук» // Известия АН СССР. 1930. Отделение гуманитарных наук. Сер. 6. С. 135—144.

34 Малов С.Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Записки ИВ АН. Вып. 1. Л., 1932. С. 129—149.

35 Флуг К.К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда ИВ АН СССР // Библиография Востока. Вып. 7. 1934. С. 87—92; Флуг К.К. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания ИВ АН СССР // Библиография Востока. Вып. 8—9. 1936. С. 96—115.

36 Протокол № 3 производственного собрания Дальневосточного кабинета [ЛО ИВ АН СССР] от 19 апреля 1957 г. // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 1а, ед. хр. 1236, индекс 241. Л. 9.

31 Rosenberg, F. "Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ein-fo-tong de Touen-houang (Mission S d'Oldenburg, 1914–15). I. Fragment d'un conte." *PRAS*. Series 6. Vol. 12 (1918), pp. 817–842.

32 Rosenberg, F. "Fragment d'un sutra." *PRAS*. Series 6. Vol. 14 (1920), pp. 399–420, 455–474.

33 狩野直喜 Kano Naoki. 唐鈔本文選殘篇跋 Tang chaoben Wen xuan canpian ba (Postface to a fragment of a Tang manuscript of *Literary Selections*) // 支那学 Shinagaku (*Sinology*). Vol. 5, No 1 (1929), March, pp. 153–159; Kano, Naoki. "On the Fragment of an Old Manuscript of the *Literary Selections* 文選 Kept in the Asiatic Museum of the Academy of Sciences." *Proceedings of the USSR AS*. Department of Humanities. Series 6, (1930), pp. 135–144.

34 Malov S.E. "Uighur Handwritten Documents from S.F. Oldenburg's Expedition." *Proceedings of the IOS AS*. Issue 1. L., 1932, pp. 129–149.

35 Flug, K.K. "Brief Survey of Non-Buddhist Part of the Chinese Manuscript Collection of the IOS of the USSR AS." *Bibliography of the Orient*. Issue. 7. 1934, pp. 87–92; Flug K.K. Brief Inventory of the Ancient Buddhist Manuscripts in the Chinese Language from the Collection of the IOS of the USSR AS." *Bibliography of the Orient*. Issues 8–9. 1936, pp. 96–115.

36 AO IOM RAS. Fond 152. Inv. 1a, unit 1236, index 241, f. 9. Minutes No 3 of the staff meeting of the Far East Section, LB IOS of the USSR AS, of 19 April 1957.

К.К. Флуг
K.K. Flug

Л.Н. Меньшиков. Начало 1970-х гг.
L.N. Menshikov. Early 1970s

научной обработке оставшейся большей части фонда: обеспыливанию (очистке от лесса), реставрации, инвентаризации, каталогизации и описанию. Научная часть этой программы выполнялась группой Л.Н. Меньшикова, в которую, помимо В.С. Спирина и С.А. Школяра, позже были приняты И.С. Гуревич и М.И. Воробьева-Десятовская. В этом составе группа подготовила первый том «Описания рукописей из Дуньхуана», включивший 1707 номеров и изданный в 1963 г.[37] Работа по реставрации фонда выполнялась Р.В. Кандинской и Г.С. Макарихиной, о которых позже Л.Н. Меньшиков написал: «Усилиями наших реставраторов груды измятой, порванной бумаги превращены во вполне читаемые рукописи и ксилографы»[38]. Второй том каталога дуньхуанского фонда, составленный М.И. Воробьевой-Десятовской, И.Т. Зограф, А.С. Мартыновым, Л.Н. Меньшиковым и Б.Л. Смирновым, довел описание до 2954 единиц[39].

При описании коллекции составители пользовались консультациями китайских коллег, посещавших Ленинград в 1950-х гг., Чжэн Чжэнь-до 鄭振鐸 (1898–1958), Жэнь Цзи-юя 任繼愈, Ху Хоу-сюаня 胡厚宣 (1911) и др. Эта помощь значительно способствовала работе, поскольку

programme was carried out by L.N. Menshikov's group, where I.S. Gurevich and M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya were later included in addition to V.S. Spirin and S.A. Shkolyar. This staff of the group compiled the first volume of the *Description of Manuscripts from Dunhuang* (1963), including 1,707 items.[37] The restoration work was performed by P.V. Kandinskaya and G.S. Makarikhina, of whom L.N. Menshikov wrote afterwards: "Owing to the efforts of our restorers, heaps of crumpled, creased and torn paper were turned into quite legible manuscripts and xylographs."[38] The second volume of the catalogue of the Dunhuang collection compiled by M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya, I.T. Zograf, A.S. Martynov, L.N. Menshikov and B.L. Smirnov brought the number of processed items to 2,954.[39]

When describing the collection, the scholars made use of consultations by their Chinese colleagues Zheng Zhen-duo 鄭振鐸 (1898–1958), Ren Ji-yu 任繼愈, Hu Hou-xuan 胡厚宣 (1911), and others who visited Leningrad in the 1950s. Their assistance greatly facilitated the work, for after the visits of Wu Qi-yu 吳其昱 (1919), Wang Zhong-min 王重民 (1903–1975) and Pan Chong-gui 潘重規 (1908–2003) to Europe and their familiarization with the European collections, the Dunhuang studies in China made a big leap

[37] Воробьева-Десятовская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спирин В.С., Школяр С.А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. I. М., 1963.

[38] Меньшиков Л.Н. Изучение древнекитайских письменных памятников // Вестник АН СССР. 1967, май. С. 62.

[39] Воробьева-Десятовская М.И., Зограф И.Т., Мартынов А.С., Меньшиков Л.Н., Смирнов Б.Л. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2. М., 1967.

[37] Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Gurevich, I.S., Menshikov, L.N., Spirin, V.S., Shkolyar, S.A. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue I. M., 1963.

[38] Menshikov, L.N. "Study of the Old Chinese Written Monuments." Bulletin of the USSR AS. 1967, May, p. 62.

[39] Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Zograf, I.T., Martynov, A.S., Menshikov, L.N., Smirnov, B.L. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue 2. M., 1967.

Сотрудники ИВ АН: М.П. Волкова, Л.И. Чугуевский, М.И. Воробьева-Десятовская, А.П. Терентьев-Катанский. Начало 1970-х гг.

Researchers of the IOS AS: M.P. Volkova, L.I. Chuguyevsky, M.I. Vorobyeva-Desyatovskaya, A.P. Terentyev-Katansky. Early 1970s

после поездок У Ци-юя 吴其昱 (1919), Ван Чжун-миня 王重民 (1903–1975) и Пань Чэн-гуя 潘重規 (1908–2003) в Европу и ознакомления их с европейскими коллекциями китайское дуньхуановедение сделало мощный рывок вперед, но далеко не все опубликованные работы доходили до Ленинграда. С выходом 2-го тома «Описания рукописей из Дуньхуана» группа в расширенном составе прекратила свое существование. В 1960—1980-х гг. работу по разборке и каталогизации фонда продолжали Л.Н. Меньшиков, Л.И. Чугуевский (1926—2000) и Ирэна Квонг Лай Ю 鄺麗幼, которые довели описание до почти пяти тысяч единиц. В 1999 г. двухтомное «Описания рукописей из Дуньхуана» было переиздано на китайском языке шанхайским издательством «Древняя книга» («Гуцзи»), а в 1994—2002 гг. рукописи дуньхуанского фонда ИВР РАН были изданы факсимиле в 17 томах в том же издательстве[40].

В начале 1970-х гг. семьдесят одна единица из дуньхуанской коллекции ИВР АН (произведения живописи на шелке и бумаге, шифр Дх жив.) была передана для реставрации и экспозиции в Эрмитаж. В 1970—1980-х гг. Мария Леонидовна Рудова-Пчелина выполняла восстановление трудно поддающихся иконографическому прочтению фрагментов, которые в настоящее время выставлены в Эрмитаже. Реставрационную работу в Эрмитаже выполняла Н.Н. Максимова.

Коллекция китайских рукописей и фрагментов VI—X вв., доставленная в Петроград (Санкт-Петербург) из

forward, but many of the published works did not reach Leningrad. With the publication of the second volume of the *Description of Manuscripts from Dunhuang*, the expanded group ceased to exist. In the 1960s—80s the work on sorting out and cataloguing the collection of manuscripts was continued by L.N. Menshikov, L.I. Chuguyevsky (1926—2000) and Irena Kwong Lai You 鄺麗幼, who brought the number of described items to about 5,000. In 1999 the two-volume *Descriptions of Manuscripts from Dunhuang* was issued in Chinese by the Shanghai Chinese Classics (*Guji*) Publishing House, and in 1994–2002 the manuscripts of the Dunhuang collection of the IOM RAS were published in facsimile by the same Publishing House.[40]

In the early 1970s the IOM RAS handed over 71 items from its Dunhuang collection (paintings on silk and paper, with the press-mark *Дх жив.* — 'Dunhuang painting') to the Hermitage for restoration and display. In the 1970s—80s Maria Leonidovna Rudova-Pchelina carried out the reconstruction of barely intelligible iconographic fragments, which are at present on display in the Hermitage. N.N. Maksimova performed their further restoration in the Hermitage.

At present the collection of Chinese manuscripts and fragments dating from the 6th to 10th century, brought to Petrograd (St. Petersburg) from Dunhuang, totals about 19,000 items, including tiny fragments. The earliest of the manuscripts is dated 516, the latest — 1002. In addition to the manuscripts brought by S.F. Oldenburg from the Second RTE,

40 俄藏敦煌文獻 Э цан Дунхуаң вэ̀ньсянь (Дуньхуанские рукописи, хранящиеся в России). Шанхай. Т. 1—17, 1994—2000.

40 俄藏敦煌文獻 E cang Dunhuang wenxian (*Dunhuag Manucripts in Russian Collections*). Shanghai. Vols. 1–17, 1994–2000.

Дуньхуана, насчитывает сейчас около 19 тыс. единиц хранения, включая мельчайшие фрагменты. Самая ранняя рукопись датирована 516 г., самая поздняя — 1002 г. Кроме рукописей, привезенных С.Ф. Ольденбургом из второй РТЭ, позже, при инвентаризации, в дуньхуанский фонд (под шифрами Ф и Дх) были включены некоторые находки Хотанской экспедиции С.Е. Малова и ряд рукописей, собранных Н.Н. Кротковым.

Большую часть дуньхуанской коллекции ИВР РАН составляют тексты буддийского содержания, которые подразделяются на две основные группы: переводные сочинения, входящие в канон, и оригинальные сочинения китайского буддизма, примыкающие к канону. Сутры были переписаны, как правило, на «золотой бумаге» высокого качества, умелым, красивым почерком и предназначались для монастырских богослужений. По-другому выглядят сочинения простонародной литературы 俗文學 *сувэньсюэ*, окрытие многих жанров которой было связано с обнаружением дуньхуанской библиотеки. Небуддийская часть дуньхуанского фонда ИВР РАН очень разнообразна по своему составу и включает документы, произведения художественной литературы, традиционной китайской философской мысли, исторические, конфуцианские, даосские сочинения, словари, учебники, письмовники, пособия по иероглифике, медицинские и гадательные тексты, календари и каллиграфические упражнения[41]. Официальные, экономические и библиотечные документы из Дуньхуана, как правило, очень фрагментарны. Среди документов сохранились прошения и контракты, подворные списки, финансовые записи-отчеты, налоговые реестры и пр. Эти документы проливают свет и на жизнь самой общины, и на ее отношения с мирянами, и на взаимоотношения мирян друг с другом[42]. В 1960—1990-е гг. исследование письменных памятников из Дуньхуана выполнялось Л.Н. Меньшиковым и Л.И. Чугуевским.

afterwards, during the inventory-taking, certain finds of S.E. Malov's expedition to Khotan and a number of manuscripts collected by N.N. Krotkov were also included in the Dunhuang collection (press-mark *Ф* and *Дх*).

The greater part of the Dunhuang collection of the IOM RAS consists of Buddhist texts, which fall into two major groups: translated works that are part of the Canon and original writings of Chinese Buddhism commenting the Canon. The *sutras* were as a rule copied on quality "gold paper" in a beautiful professional handwriting and were designed for monastery religious services. Very different are writings of vernacular literature 俗文學 *suwenxue*, many genres of which were discovered in connection with the discovery of Dunhuang's library. The non-Buddhist part of the Dunhuang collection of the IOM RAS is very diverse in its composition and contains documents, works of fiction, traditional Chinese philosophy writings, historical, Confucian and Taoist works, dictionaries, manuals of letter-writing, hieroglyph writing aids, medical and divination texts, calendars and calligraphy exercise books.[41] The official, economic and library documents from Dunhuang are as a rule very fragmentary. Their types include petitions and contract agreements, household records, financial records and statements, taxation registers, etc. These documents shed some light on the life of the monastery community itself, its relations with the laity and the inter-relations of laymen with one another.[42] In the 1960s–90s the study of written monuments from Dunhuang was carried out by L.N. Menshikov and L.I. Chuguyevsky.

---

41 Меньшиков Л.Н. Дуньхуанский фонд // Петербургское востоковедение. Вып. 4. 1993. С. 334—337.

42 Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. Факсимиле. Издание текстов, пер. с кит., исслед. и прилож. Л.И. Чугуевского. М., 1983.

41 Menshikov, L.N. "Dunhuang Collection." *St. Petersburg Journal of Oriental Studies*. Issue 4 (1993), pp. 334–337.

42 *Chinese Documents from Dunhuang*. Issue 1. Facsimile. Edition of texts, translation from the Chinese, study and appendices by L.I. Chuguyevsky. M, 1983.

Японские исследователи российских коллекций из Центральной Азии

Таката Токио (高田時雄)

В 1960 г. участникам Международного конгресса востоковедов в Москве была предложена экскурсия в Ленинград. Во время этой поездки два китаиста (один был из западной страны, другой из восточной) посетили Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР (ныне ИВР РАН) и открыли для себя коллекцию рукописей из Дуньхуана, о которой прежде за рубежом почти ничего не было известно. Гостям сообщили, что общее число дуньхуанских рукописей, хранящихся в Институте, достигает десяти тысяч единиц хранения. О составе коллекций рукописей из Дуньхуана в Париже и Лондоне им было хорошо известно, но они не могли предположить, что такое их количество хранится в России. Этот визит состоялся 14 августа 1960 г., а китаистами, посетившими ЛО ИНА, были Поль Демьевиль (1894—1979) из Франции и Ёсикава Кōдзирō 吉川幸次郎 (1904—1980) из Японии, участвовавшие в работе секции китайской филологии Международного конгресса востоковедов в Москве. Так впервые после Второй мировой войны зарубежные ученые получили информацию о российской дуньхуанской коллекции[1]. Кроме них профессор Миядзаки Итисада 宮崎市定 (1901—1995) из Киотоского университета и профессор Ямамото Тацурō 山本達郎 (1910—2001) из Токийского университета, работавшие на Конгрессе в секции истории Китая, также

[1] П. Демьевиль впервые привел краткие сведения о коллекции российских дуньхуанских рукописей в своем сообщении о Международном конгрессе востоковедов (Demiéville, P. Chronique: Le XXVe congrès international des orientalistes // T'oung Pao. Vol. 47. Livr, 3—5. 1959. P. 426—429). После выхода в свет «Описания китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии» (Вып. 1—2. М., 1963, 1967), он опубликовал рецензию с более подробной информацией (Demiéville, P. Manuscrits Chinouis de Touen-houang à Leningrad // T'oung Pao. Vol. 51. Livr. 4—5. 1964. P. 355—376). Ёсикава также опубликовал заметку о Конгрессе и о своем посещении Ленинграда (Ёсикава Кōдзирō. 東洋學者會議出席報告 Тōё гакуся кайги сюссэки хōкоку (Сообщение о Конгрессе востоковедов) // 東方學會報 Тōхō гаккайхō (Известия общества востоковедов). 1961, январь; *Он же*. 泰西風物：レニングラード Тайсэй фӯбуцу: Рэнингурāдо (Картины Запада: Ленинград) // 新潮 Синтё (Новый прилив). 1961, май. Обе эти статьи были переизданы в сборнике: 西方からの關心 Сэйхō-кара-но кансин (Интерес, идущий с Запада). Токио, 1961. Затем они были включены в 19 том «Полного собрания сочинений Ёсикавы Кодзиро» (吉川幸次郎全集 Ёсикава Кōдзирō дзэнсю). Токио, 1969. С. 376, 396—397.

Japanese Researchers of Russian Collections from Central Asia

Takata Tokio (高田時雄)

In 1960 the participants in the International Congress of Orientalists in Moscow were offered an excursion to Leningrad. During the trip, two Sinologists (one of them from a western country, the other from the East) visited the Leningrad Branch of the Institute of the Peoples of Asia of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences) and discovered for themselves the collection of manuscripts from Dunhuang, of which nearly nothing had been previously known abroad. The guests were told that the total number of manuscripts from Dunhuang reached ten thousand inventory items. The scholars were well aware of the content of the Dunhuang manuscripts collections in Paris and London, but they could hardly conceive that such a large number of them were kept in Russia. The above visit took place on 14 August 1960, and the visiting Sinologists were Paul Demiéville (1894—1979) from France and Yoshikawa Kōjirō 吉川幸次郎 (1904—1980) from Japan, who took part in the work of the Chinese Philology section of the International Congress of Orientalists in Moscow. That was how, for the first time after World War II, foreign scholars received information about the Russian Dunhuang collection[1]. Besides the two scholars, an opportunity to see the Dunhuang manuscripts in Leningrad was given to Professor Miyazaki Ichisada 宮崎市定 (1901—1995) from Kyoto University and Professor Yamamoto Tatsurō 山本達郎 (1910—

[1] P. Demiéville first gave a brief information about the Russian collection of Dunhuang manuscripts in his note about the International Congress of Orientalists. See Demiéville, P. "Chronique: Le XXVe congrès international des orientalistes." *T'oung Pao*. Vol. 47 (1959), livr. 3—5, pp. 426—429. After the appearance of the *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia* (Issues 1—2, M., 1963; 1967), he published a review with more detailed information: Demiéville, P. "Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad." *T'oung Pao*. Vol. 51 (1964), livr. 4—5, pp. 355—376. Yoshikawa also published an article about the Congress and his visit to Leningrad. See Yoshikawa Kōjirō. 東洋學者會議出席報告 Tōyō gakusha kaigi shusseki hōkoku (*News about the Congress of Orientalists*) // 東方學會報 Tōhō gakkaihō (*News of Orientalists' Society*). 1961, January; Yoshikawa Kōjirō. 泰西風物：レニングラード Taisei fūbutsu: Reningurādo (*Pictures of the West: Leningrad*) // 新潮 Shinchō (*New Tide*). 1961, May. Both articles were reprinted in the collection: Seihō-kara-no kanshin 西方からの關心 (*Interest Coming from the West*. Tokyo, 1961), and were later included in vol. 19 of Yoshikawa Kōjirō *Complete Works* (吉川幸次郎全集 Yoshikawa Kōjirō zenshū. Tokyo, 1969, pp. 376, 396—397).

получили возможность увидеть дуньхуанские рукописи в Ленинграде. Ямамото сразу же после возвращения на родину на конференции Японского исторического общества (史學會 Сигаккай) сделал сообщение «Десять учетных документов, обнаруженных в Дуньхуане Ольденбургом и Пеллио»[2].

Известие о российской дуньхуанской коллекции мгновенно распространилось в научном сообществе Японии, где дуньхуановедение было одной из ведущих отраслей науки. Как раз тогда были приобретены фотографии коллекции рукописей Стейна из Лондона, и со второй половины 1950-х гг. исследования в данной сфере стали еще более активными. Информация о российской дуньхуанской коллекции, привезенной С.Ф. Ольденбургом, вызвала интерес всех японских ученых без исключения. Фудзиэда Акира 藤枝晃 (1911—1998) из Киотоского университета был в то время ведущим дуньхуановедом Японии. Он сразу же внес в план своих научных командировок на осень 1964 г. Ленинград, помимо Лондона и Парижа. Весной того же года Фудзиэда установил контакт с Л.Н. Меньшиковым, главой дуньхуанской группы в ЛО ИНА, и получил от него любезное приглашение. Фудзиэда прибыл в Ленинград 12 сентября и на десять с лишним дней полностью погрузился в изучение дуньхуанских материалов[3].

За месяц до визита Фудзиэды еще один японский ученый, Огава Тамаки 小川環樹 (1910—1993) из Киотоского университета, участвовавший в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических исследований (Москва, 3—10 августа 1964 г.), также побывал в Ленинграде и ознакомился с коллекцией дуньхуанских рукописей Ольденбурга и тангутской коллекцией Козлова благодаря содействию Л.Н. Меньшикова[4]. За короткий срок, проведенный в Ленинграде, Огава скопировал в свою тетрадь несколько дуньхуанских документов, в т. ч. фрагмент свитка «Глоссы Шицзин» (毛詩音 «Мао ши инь»), который позже был использован Хираямой Хисао 平山久雄 в его фундаментальном исследовании по фонологии[5].

2001) from Tokyo University. Immediately upon his return to Japan, Professor Yamamoto made a report *Ten Household and Landholding Records Discovered in Dunhuang by Oldenburg and Pelliot* at the meeting of the Historical Society of Japan (史學會 Shigakkai)[2].

The news of the Russian Dunhuang collection instantly spread across the scholarly community of Japan, where the study of the Dunhuang heritage was one of the leading branches of Oriental studies in general. It was then that the photographs of Stein's manuscript collection were bought in London, and consequently research in this field became particularly active in the second half of the 1950s. The information of the Dunhuang collection brought to Russia by S.F. Oldenburg stirred the interest of all the Japanese scholars without exception. Fujieda Akira 藤枝晃 (1911–1998) from Kyoto University was the leading scholar in the field of Dunhuang studies in Japan. He immediately put Leningrad on the list of his academic visits scheduled for the autumn of 1964 in addition to London and Paris. In the spring of the same year he got in touch with L.N. Menshikov, Head of the Dunhuang group in the Leningrad Branch of the Institute of the Peoples of Asia, and received a warm invitation from him. Fujieda arrived in Leningrad on 12 September 1964, immersing himself for over ten days in the study of the Dunhuang materials[3].

A month before Fujieda's visit, another Japanese scholar, Ogawa Tamaki 小川環樹 (1910–1993) from Kyoto University, who had participated in the 7th International Congress of Anthropology and Ethnography (Moscow, 3–10 August, 1964), also arrived in Leningrad and familiarized himself, owing to L.N. Menshikov's assistance, with the collection of Oldenburg's Dunhuang manuscripts and Kozlov's Tangut collection[4]. During the short period spent by Ogawa in Leningrad, he copied into his notebook several Dunhuang documents, including a fragment of the *Phonetic Glosses to the Shijing* scroll (毛詩音 Maoshiyin), which was subsequently used by Hirayama Hisao 平山久雄 in his detailed research on phonology[5].

---

2 Основные положения доклада были опубликованы, см.: 史學雜誌 Сигаку дзасси (Исторический журнал). 1960, № 12. С. 90—91.

3 Фудзиэда Акира. レニングラードの東洋學アルヒーフ Рэнингурадо-но тоёгаку арухйву (Архив востоковедения в Ленинграде) // 圖書 Тосё (Книга). 1966, январь. С. 37—40.

4 Огава Тамаки. レニングラードのこと Рэнингурадо-но кото (О Ленинграде) // Тосё 圖書 (Книга). 1965, январь. Позже эта работа была включена в сборник: 談往閑語 Данъо канго (Непринужденные беседы о древности). Токио, 1987, см. также: 小川環樹著作集 Огава Тамаки тёсакусю (Собрание сочинений Огавы Тамаки). Т. 5. Токио, 1997. С. 453—458.

5 Хираяма Хисао. 敦煌毛詩音殘卷反切の研究 Тонкō Мōсион дзанкан хансэцу-но кэнкю (Изучение *фаньце* по сохранившемуся свитку «Глоссы Шицзин» из Дуньхуана). Ч. I // 北海道大學文學部紀要 Хоккайдō дайгаку бунгакубу киё (Ученые записки филологического факультета университета Хоккайдо). Т. 14, № 3 (1966).

2 The main points of the report were published, see: 史學雜誌 Shigaku Zasshi (*The Historical Journal*). 1960, No 12, pp. 90–91.

3 Fujieda Akira. レニングラードの東洋學アルヒーフ Reningurādo-no tōyōgaku aruhīfu (*Oriental Archives in Leningrad*) // 圖書 Tosho (*Book*). 1966, January, pp. 37–40.

4 Ogawa Tamaki. レニングラードのこと Reningurādo-no koto (*About Leningrad*) // 圖書 Tosho (*Book*). 1965, January. Later this article was included in the collection: 談往閑語 Dan'ō kango (*Personal Talks on the Past*). Tokyo, 1987; see also: 小川環樹著作集 Ogawa Tamaki chosakushū (*Collected Works of Ogawa Tamaki*). Vol. 5. Tokyo, 1997, pp. 453–458.

5 Hirayama Hisao. 敦煌毛詩音殘卷反切の研究 Tonkō Mōshion zankan hansetsu-no kenkyū (*Studies of 'fanqie' contained in the Dunhuang fragments of Maoshiyin*), Part I // 北海道大學文學部紀要 Hokkaidō daigaku bungakubu kiyō (*The Annual Report on Literature, Philological Faculty, Hokkaido University*). Vol. 14, No 3 (1966).

Кано Наоки
Kano Naoki

За год до этого вышел первый том «Описания китайских рукописей дуньханского фонда ИНА»[6], и некоторые документы были опубликованы факсимиле[7]. Благодаря этому российская коллекция дуньхуанских рукописей стала известна специалистам во всем мире, и в 1970—1980-х гг. многие зарубежные исследователи посетили Ленинград. Общее количество японских ученых, знакомившихся с коллекцией, в это время также стало возрастать. Фудзиэда в 1970 г. вновь отправился в Ленинград. В 1992 г. Шаньхайское издательство «Древняя книга» («Гуцзи») приступило к изданию «Дуньхуанских рукописей, хранящихся в России» (俄藏敦煌文獻 Э цан Дуньхуан вэньсянь. Т. 1—17, Шанхай. 1994—2000), и острая необходимость специально ездить в Россию для знакомства с дуньхуанскими документами отпала. Однако вплоть до настоящего времени японские ученые продолжают посещать Санкт-Петербург с целью знакомства с подлинниками рукописей.

Дуньхуановедение является важнейшей частью китаеведения и востоковедения Японии, оно всегда привлекало здесь особое внимание ученых. И поэтому вполне закономерно, что «повторное открытие» коллекции дуньхуанских рукописей в российских собраниях в 1960 г. произвело в Японии сенсацию. При этом нельзя считать, что японским ученым раньше ничего не было известно о рукописях, привезенных в Россию экспедицией С.Ф. Ольденбурга. Даже наоборот, роль японских ученых в ее изучении до Второй мировой войны была довольно значительной. Ниже мы вкратце расскажем, в чем она состояла.

Прежде всего следует упомянуть Кано Наоки 狩野直喜 (1867—1947), который в конце периода Мэйдзи (1867—1912) во вновь созданном Киотоском университете преподавал китайскую литературу и философию. Он и его коллега, историк Найтō Торадзирō 内藤虎次郎 (1866—1934) в это время поддерживали тесный контакт с китайскими учеными Ло Чжэнь-юем (1866—1940) и Ван Го-вэем (1877—1927),

A year earlier, the first volume of the *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*[6], and some documents were published in facsimile[7]. Due to this fact, the Russian collection of the Dunhuang manuscripts became familiar to specialists the world over, and, consequently, in the 1970s—1980s quite a few foreign scholars paid visits to Leningrad. The number of Japanese scholars studying the collection was going large at that time. In 1970 Fujieda made another trip to Leningrad. In 1992 the Shanghai Chinese Classics (*Guji*) Publishing House began work on the project *The Dunhuang Manuscripts in Russian Collections* (俄藏敦煌文獻 E cang Dunhuang wenxian. Vols. 1—17. Shanghai, 1994—2000), so there was not any longer a dire need to go to Russia to get acquainted with the Dunhuang documents. Nevertheless, to this day Japanese scholars continue to visit St. Petersburg expressly to see the originals of the manuscripts.

In Japan Dunhuang studies are the most important field of Chinese and Asian studies in general, so they have always attracted a special attention on the part of the scholars. It is therefore but natural that the "re-discovery", in 1960, of the Dunhuang manuscripts in the Russian collections made a stir in Japan. At the same time, it should not be assumed that Japanese scholars had no knowledge about the manuscripts brought to Russia by S.F. Oldenburg's expedition. In fact, Japanese scholars had played a fairly significant role in studying them before World War II. Below we are giving a brief description of this role.

We should first mention Kano Naoki 狩野直喜 (1867—1947), who taught Chinese literature and philosophy in Kyoto

---

6 Воробьева-Десятовская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спирин В.С., Школяр С.А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963; Воробьева-Десятовская М.И., Зограф И.Т., Мартынов А.С., Меньшиков Л.Н., Смирнов Б.Л. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2. М., 1967.

7 Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы *сувэньсюэ*. Издание текстов и предисловие Л.Н. Меньшикова. М. 1963; Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений». (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии). Издание текста, предисл., пер. и коммент. Л.Н. Меньшикова. М., 1963.

6 Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Gurevich, I.S., Menshikov, L.N., Spirin, V.S., Shkolyar, S.A. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue I. M., 1963; Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Zograf, I.T., Martynov, A.S., Menshikov, L.N., Smirnov, B.L. *Description of the Chinese Manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia*. Issue 2, M., 1967.

7 *Chinese Manuscripts from Dunhuang. Monuments of 'suwenxue' Buddhist Literature*. Publication of the texts and introduction by L.N. Menshikov. M., 1963; *The 'Bianwen' about Weimojie. The Bianwen 'Ten Auspicious Signs'*. Unknown *bianwen* manuscripts from the Dunhuang Collection of the Institute of the Peoples of Asia. Publication of the text, introduction, translation and comments by L.N. Menshikov. M., 1963.

которые, скрываясь от лихолетья революции, нашли приют в Киото. Все они внесли большой вклад в развитие и распространение дуньхуановедения. Осенью 1912 г. Кано отправился в Европу для исследования дуньхуанских рукописей в европейских собраниях и по пути посетил Санкт-Петербург. Он воспользовался этим визитом, чтобы ознакомиться с коллекцией, доставленной П.К. Козловым из Хара-Хото. В открытом письме коллегам в Киото Кано сообщил, что помимо рукописей на тангутском языке, в коллекции из Хара-Хото имеются китайские материалы. Он дал им высокую оценку, отметив, что их «научная ценность может быть сопоставима с дуньхуанскими рукописями». В частности, он упоминал такие сунские ксилографические издания, как «Ле-цзы», «Чжуан-цзы» с комментарием Люй Хуэй-цина, «Лю Чжи-юань чжугундяо» (劉知遠諸宮調)[8]. Кроме того, Кано сообщал о множестве замечательных буддийских изображений, а о напечатанной в Пинъяне гравюре, изображающей четырех красавиц древности («Пинъян цзицзя дяоинь» 平陽姬家彫印) написал, что она «имеет высочайшую ценность»[9]. Он привез в Японию фотографии этих материалов. В России Кано много общался с А.И. Ивановым и В.М. Алексеевым, а также познакомился с В.В. Радловым и Л.Я. Штернбергом.

В 1928 г. по случаю юбилея Кано В.М. Алексеев передал ему фотокопии «Лю Чжи-юань чжугундяо» и «Литературные памятники Хара-Хото» (Тангутская коллекция Академии наук СССР. Вып. 1. Л., 1932. С. 1—2). Кано Наоки перевел на японский язык предисловие Алексеева к этой публикации[10]. Кано Наоки и Алексеев обменивались письмами, в которых обсуждали вопросы, связанные с коллекциями Хара-Хото. Кано Наоки также перевел на японский язык статью Алексеева «Китайская ксилография в Хара-Хото»[11]. Алексеев, в свою очередь, перевел на русский язык статью Кано Наоки «Ксилографы Хара-Хото»[12].

Кано Наоки был не единственным японским ученым, с которым Алексеев поддерживал научные контакты. Он переписывался с Такэути Рёдзи, Такэда Юкити, Такэда Ёсимаро, Такэда Ёсиро, Такэда Ёсиюки, Такэда Ёсиэ, Такэда Ёсиаки

Ханэда Тōру

Haneda Tōru

ного изборника» (文選) из российской дуньхуанской коллекции. По-видимому, это произошло при активном посредничестве Н.А. Невского, который в то время работал в Институте иностранных языков в Осаке и по совместительству преподавал в Киотоском университете[10]. О «Литературном изборнике» из Дуньхуана Кано опубликовал статью на китайском языке в журнале «Синагаку»[11]. Эта статья была переведена на русский язык Ю.К. Шуцким, который посетил Японию с коротким визитом. Затем по представлению В.М. Алексеева эта статья была опубликована в «Известиях АН СССР»[12]. Статья Кано Наоки имеет большое значение как самое первое фундаментальное исследование китайской части дуньхуанской коллекции, хранящейся в России, а также как пример сотрудничества, украсивший первую страницу истории научных контактов между Японией и Россией в области востоковедения. Спустя некоторое время, в 1932 г. Аоки Масару 青木正兒 (1887—1964), талантливый ученик Кано, опубликовал в «Синагаку» исследование рукописи «Лю Чжи-юань чжугундяо»[13], которое имело неоспоримую филологическую и историческую значимость и привлекло внимание специалистов в научном мире.

Через два года после визита Кано Россию посетил Ханэда Тōру 羽田亨 (1882—1955), который оставался в Петрограде в течение некоторого времени. Основной его целью была стажировка по уйгурскому языку у В.В. Радлова. Ханэда хотел получить консультации Радлова по поводу уйгурского перевода сутры «Секыз яруг» (天地八陽神呪經),

A.I. Ivanov and V.M. Alekseev and made the acquaintance of V.V. Radloff and L.Ya. Sternberg.

On the occasion of Kano's jubilee in 1928, V.M. Alekseev sent him photo copies of *Liu Zhi-yuan zhugongdiao* and the *Literary Selections* (文選) from the Russian Dunhuang collection. Presumably, that was done through active mediation of N.A. Nevsky, who was at that time working at the College of Foreign Languages in Osaka and teaching part-time at Kyoto University[10]. Kano published an article in Chinese about *Literary Selections* from Dunhuang in *Shinagaku* magazine[11]. The article was translated into Russian by Yu.K. Shutsky, who had paid a brief visit to Japan. Then, on the recommendation by V.M. Alekseev it was published in the *Proceedings of the USSR AS*[12]. Kano Naoki's article is important as the very first fundamental study of the Chinese part of the Dunhuang collection in Russia and as a fine example of cooperation that decorated the first page of Russo-Japanese scholarly contacts in the field of Oriental studies. Some time later, in 1932, Aoki Masaru 青木正兒 (1887–1964), Kano's talented student, published in *Shinagaku* a study of the manuscript *Liu Zhi-yuan zhugongdiao*[13], which was of indubitable philological and historical value and attracted the attention of specialists across the world's scholarly community.

Two years after Kano's visit, Haneda Tōru 羽田亨 (1882–1955) came to Russia and stayed in Petrograd for some time.

---

10 神田喜一郎 Канда Киитиро. 狩野先生と敦煌古書 Кано-сэнсэй-то тонкō косё (Учитель Кано и дуньхуанские рукописи) // 東光 Тōкō (Свет Востока), № 5. 1948. С. 46.

11 См. 支那學 Синагаку (Синология). Т. 5, № 1. 1929, март. С.153—159. Эта статья также была включена в сборник 東洋學叢編 Тōёгаку сōхэн (Востоковедная серия. Т. 1. Токио, 1934), а также издана в собрании сочинений автора (Киото, 1947 и Токио, 1980) и в книге 君山文«Кундзанбун» (Киото, 1959). В сборнике «Тōёгаку сōхэн» рукопись была воспроизведена факсимиле. В «Синагаку» было опубликовано также подробное исследование Набы Тосисады, посвященное вышеуказанным «изображениям четырех красавиц»: 那波利貞 Наба Тосисада. コヅロフ氏發見南宋時代版畫美人圖攷 Кодзурофу-си хаккэн нансō: дзидай ханга бидзин дзукō (Изображение красавиц периода Южной Сун, обнаруженное Козловым) // Синология. Т. 5, № 1. 1929, март. С. 95—136.

12 Кано Н. О фрагменте старой рукописи «Литературного изборника», хранящегося в Азиатском музее Академии наук // Известия АН СССР. ОГН, 1930. Сер. 7. № 2. С. 135—144. П. Пеллио откликнулся на эту публикацию заметкой, см. T'oung Pao. 28, livr. 2. 1931. P. 165—166.

13 Аоки Масару. 劉知遠諸宮調考 Рю Тиэн сёкютё кō (Заметки о Лю Чжи-юане Чжугундяо) // Синология. Т. 6, № 2, 1932, февраль. С. 21—56.

10 神田喜一郎 Kanda Kiichirō. 狩野先生と敦煌古書 Kano-sensei-to tonkō kosho (Professor Kano and Dunhuang manuscripts) // 東光 Tōkō (*Light from the East*), No 5, 1948, p. 46.

11 See. 支那學 Shinagaku (*Sinology*). Vol. 5. No 1 (1929), March, pp. 153–159. This article was also included in the collection 東洋學叢編 Tōyōgaku sōhen (*Oriental Studies Series*. Vol. 1. Tokyo, 1934), and in the writer's collected works (Kyoto, 1947, and Tokyo, 1980), as well as in the book 君山文 *Kunzanbun* (Kyoto, 1959). In the *Tōyōgaku sōhen* collection the manuscript was reproduced in facsimile. *Shinagaku* also published a detailed study by Naba Toshisada devoted to the above mentioned picture of the four beauties: 那波利貞 Naba Toshisada. コヅロフ氏發見南宋時代版畫美人圖攷 Kodzurofu-shi hakken nansō jidai hanga bijin zukō (*Picture of the Beauties of the Southern Song Dynasty, Discovered by Kozlov*) // *Sinology*. Vol. 5. No 1 (1929), March, pp. 95–136.

12 Kano, N. "About a fragment of an old manuscript of 'Literary Selections' kept in the Asiatic Museum of the Academy of Sciences." *Proceedings of the USSR AS*, 1930, ser. 7, No 2, pp. 135–144. P. Pelliot wrote a short notice on this article published in Russian. See *T'oung Pao*. No 28 (1931), livr. 2, pp. 165–166.

13 Aoki Masaru. 劉知遠諸宮調考 Ryū Chien shokyūchō kō (*Notes on 'Liu Zhi-yuan zhugongdiao'*) // *Sinology*. Vol. 6. No 2 (1932), February, pp. 21–56.

привезенного недавней японской экспедицией Отани. После отъезда Ханэды на родину В.В. Радлов выслал ему копии нескольких фрагментов этой сутры, чем способствовал продвижению его исследования. Эти фрагменты были приобретены первой РТЭ С.Ф. Ольденбурга и Н.Н. Кротковым. Один фрагмент был началом свитка рукописи из коллекции Отани. Ханэда сразу же опубликовал исследование этой недостающей части, выразив В.В. Радлову свою признательность[14]. После кончины Радлова Ханэда написал некролог «Доктор Радлов», в котором рассказал о своем общении с ним и привел подробные сведения о его жизни и научных достижениях[15]. От Кано Ханэда узнал о коллекции П.К. Козлова, и во время посещения Петрограда он с помощью А.И. Иванова ознакомился с некоторыми документами из Хара-Хото, хотя и не занимался их исследованием.

Ябуки Кэйки
Yabuki Keiki

Когда Кано и Ханэда находились в российской столице, дуньхуанские рукописи второй РТЭ еще не были доставлены, поэтому они, естественно, не могли их видеть. Первым из японских исследователей с ними ознакомился Ябуки Кэйки 矢吹慶輝 (1879—1939), плодотворно занимавшийся изучением буддийской части коллекции А. Стейна, а также написавший крупные работы «Мэйса Ёин» (鳴沙餘韻) и «Сангайкё-но кэнкю» (三階教の研究). В декабре 1916 г. он, второй раз направляясь в Лондон, заехал в Петроград, где поработал с дуньхуанскими рукописями. Через Сильвана Леви Ябуки Кэйки познакомился с С.Ф. Ольденбургом, который в свою очередь представил его В.М. Алексееву. Благодаря помощи последнего Ябуки смог просмотреть несколько сотен дуньхуанских рукописей. Колофоны около двадцати из них он воспроизвел в своей небольшой заметке[16]. Следует обратить внимание на то, что самая поздняя из дуньхуанских рукописей «Запись о пожертвовании Цао Цзун-шоу» (燉煌王曹宗壽編造帙子入報恩寺記, Ф 32a), датированная пятым годом правления династии Сун под девизом «Всеобщий мир» (Сянь-пин), т. е. 1002 г., также упомянута в его статье. Опасаясь, что его

His main objective was to learn the Uighur language from V.V. Radloff and consult him about the Uighur translation of the *Sekiz jaruq sutra* (天地八陽神呪經), which had been brought by Otani's Japanese expedition not long before. After Haneda left for Japan, V.V. Radloff sent him copies of several fragments of the sutra, which facilitated the progress of Haneda's study. The fragments had been obtained by S.F. Oldenburg's First Russian Turkestan Expedition and by N.N. Krotkov. One of them was the beginning of the scroll manuscript from Otani's collection. Haneda immediately published a study of this missing part and expressed his gratitude to V.V Radloff[14]. After the Russian scholar's death, Haneda wrote an obituary, *Dr. Radloff*, in which he told the reader of his meetings with Radloff and provided detailed information about his life and scholarly achievements[15]. From Kano, Haneda learned about P.K. Kozlov's collection, and during his visit to Petrograd he familiarized himself, with the assistance of A.I. Ivanov, with some documents from Khara-Khoto, without investigating them.

When Kano and Haneda were in the Russian capital, the Dunhuang manuscripts from the Second Russian Turkestan Expedition had not yet been brought, so they naturally could not have seen them. The first of the Japanese scholars to get acquainted with the manuscripts brought by the Second RTE was Yabuki Keiki 矢吹慶輝 (1879—1939), who had fruitfully studied the Buddhist part of the A. Stein collection and written such major works as *Meisa Yoin* (鳴沙餘韻) and *Sangai kyō no kenkyū* (三階教の研究). In December 1916, on the way back to Japan after his second visit to London, Yabuki made a stop in Petrograd to work on the Dunhuang manuscripts. Through mediation of Sylvain Lévi, Yabuki Keiki met S.F. Oldenburg, who introduced him to V.M. Alekseev. With the latter's help, Yabuki was able to look through several hundred Dunhuang manuscripts. The colophons of about twenty of them he reproduced in his short article[16]. It is worth attention that the "donation notice of Cao Zong-shou" (燉煌王曹宗壽編

---

[14] Ханэда Тōру. 回鶻文の天地八陽神呪經補遺 Кайкоцубун-но тэнти-хатиё-синдзюкё хои (Приложение к "yirli t(ä)ngrili säkiz yükümäk bükülük arvïš nom bitig") // 東洋學報 Тōёгакухō (Записки Общества востоковедов). Т. 5, № 3. 1915, март. С. 401—407. Основная часть статьи была опубликована: Записки Общества востоковедов. Т. 5, № 1. С. 41—78; № 2. С. 189—228.

[15] Ханэда Тōру. ラードロフ博士 Рādорофу хакасэ (Доктор Радлов) // 藝文 Гэйбун (Искусство и литература). № 7, 1919, июль. С. 407—409.

[16] Ябуки Кэйки. 露都ペトログラードに於ける古經跋及疏讚類 Рото Пэторогурādо-ни окэру кокёбацу оёби сосанруй (Рукописная коллекция в Петрограде, столице России) // 宗教界 Сюкёкай (Мир религии). Т. 13, № 5. 1917. С. 407—409.

[14] Haneda Tōru. 回鶻文の天地八陽神呪經補遺 Kaikotsubun no tenchi-hachiyō-shinjukyō hoi (*A Supplement to the 'yirli t(ä)ngrili säkiz yükümäk bükülük arvïš nom bitig'*) // 東洋學報 Tōyō-gakuhō (*Reports of the investigations of the Oriental Society*). Vol. 5, No 3, 1915, March, pp. 401—407. The main part of the article was published in: *Reports of the investigations of the Oriental Societȳ*. Vol. 5, No 1, pp. 41—78; No 2, pp. 189—228.

[15] Haneda Tōru. ラードロフ博士 Rādorofu hakase (*Doctor Radloff*) // 藝文 Geibun (*Art and Literature*), No 7, 1919, pp. 407—409.

[16] Yabuki Keiki. 露都ペトログラード に於ける古經跋及疏讚類 Roto Petorogurādo-ni okeru kokyō-batsu oyobi sosanrui (*Manuscript collection in Petrograd, capital of Russia*) // 宗教界 Shūkyōkai (*World of Religion*). Vol. 13, No 5, 1917, pp. 407—409.

записи могут быть конфискованы на границе, Ябуки сделал две их копии: одну выслал по почте письмом, другую взял с собой. Несмотря на все немыслимые усилия Ябуки, его сообщение не привлекло большого внимания в Японии. Не было оно оценено и за пределами Японии. Зарубежные исследователи в то время не знали о дуньхуанских рукописях, хранящихся в России. Возможно, заметка Ябуки стала единственным научным сообщением, написанным иностранцем, увидевшим своими глазами коллекцию С.Ф. Ольденбурга. Фактически, как мы уже отмечали, до 1960 г. мировое научное сообщество почти ничего не знало о российской коллекции дуньхуанских рукописей. И, по-видимому, в самой послереволюционной, политически нестабильной России также мало занимались ее изучением. В середине 1930-х гг. к разбору коллекции приступил К.К. Флуг, но его преждевременная смерть в 1942 г. прервала изучение дуньхуанского фонда в России до начала 1950-х гг.[17] Зарубежным ученым было чрезвычайно трудно приехать в Советский Союз для исследовательской работы, и все их сведения ограничивались ознакомительной статьей Ябуки[18].

Исихама Дзюнтарō
Ishihama Juntarō

До начала Второй мировой войны сведениями о российской дуньхуанской коллекции располагал еще один японский ученый, Исихама Дзюнтарō 石濱純太郎 (1888—1968). Ему так и не довелось побывать в России, но он интересовался результатами изучения материалов, доставленных российскими экспедициями. Первоначально Исихама совершенствовал свои познания в китайской литературе в Токийском университете. В связи с ранней кончиной отца он был вынужден после окончания университета в 1901 г. вернуться на родину в Осаку, чтобы заняться семейным бизнесом в фармацевтической компании. Идя по стопам Найтō Торадзирō (Конана) 内藤虎次郎 (湖南), он позже, занимаясь научной работой неофициально, проявил себя как талантливый исследователь в самых разных обла-

造帙子入報恩寺記, Φ 32a), dated 5th year of Xian-ping of the Song dynasty, i.e. the year 1002, the latest among the Dunhuang manuscripts, appears in it. Fearing lest his notes might get confiscated on the border, Yabuki duplicated them, sending one copy by mail and taking the other with him. Despite Yabuki's tremendous efforts, his article did not attract much attention in Japan. Nor outside Japan. At that time foreign scholars were mainly unaware of the Dunhuang manuscripts kept in Russia. Yabuki's article would seem to be the only report by a foreign scholar who had seen S.F. Oldenburg's collection personally . As we have pointed out above, until 1960 the world scholarly community knew virtually nothing about the Russian collection of the Dunhuang manuscripts. Nor, it appears, was it much studied in politically unstable post-revolutionary Russia itself. In the mid-1930s, K.K. Flug began sorting it out, but his untimely death, in 1942, interrupted the study of the Dunhuang material in Russia until the early 1950s[17]. Foreign scholars willing to visit the USSR for research work faced enormous difficulties, and their information was confined to Yabuki's introductory article[18].

Before the beginning of World War II, one more Japanese scholar, Ishihama Juntarō 石濱純太郎 (1888–1968), possessed information about the Russian Dunhuang collection. He never chanced to visit Russia, but took interest in the results of the studies of the materials brought by the Russian expeditions. Initially he studied Chinese literature in Tokyo University. His father's untimely death obliged Ishihama to return to his home town of Osaka, after graduating in 1901, in order to take up the family business in a pharmaceutical company. Following in the footsteps of Naitō Torajirō (Konan) 内藤虎次郎 (湖南), he later made his mark as a gifted freelance scholar in various fields. The range of his interests was extraordinarily wide: from Manchuria and Mongolia to India – and, naturally, he paid a great deal of attention to China. Being a man of means, he built

---

17 См.: Меньшиков Л.Н. Предисловие // Воробьева-Десятовская М.И., Гуревич И.С., Меньшиков Л.Н., Спирин В.С., Школяр С.А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963. С. 8.

18 Сиоиоя Он 塩谷温 (1878—1962), профессор Токийского университета, специалист по китайской литературе, во время поездки в Европу в 1932 г. посетил Ленинград, где встречался с Н.И. Конрадом, Н.А. Невским и Ю.К. Щуцким. Он ознакомился с коллекцией рукописей из Хара-Хото. Однако он пишет, что ему не удалось увидеть рукопись «Лю Чжи-юань чжугундяо», основную цель его визита, поскольку не был найден ключ от шкафа, в котором она хранилась. Сиоиоя Он ни слова не написал о российской коллекции дуньхуанских рукописей. См. Сиоиоя Он. 王道は東より Ōdō-ва хигаси-ёри (О добродетельном правлении, идущем с Востока). Токио, 1934. С. 237—238.

17 See Menshikov, L.N. Foreword. In Vorobyeva-Desyatovskaya, M.I., Gurevich, I.S., Menshikov, L.N., Spirin, V.S., Shkoliar, S.A. *Description of the Chinese Manuscripts...* Issue 1. M., 1963, p. 8.

18 Shionoya On 塩谷温 (1878–1962), professor of Tokyo University, specialist in Chinese literature, during his trip to Europe in 1932 visited Leningrad, meeting with N.I. Konrad, N.A. Nevsky and Yu.K. Shutsky. He got acquainted with the collection of manuscripts from Khara-Khoto. He writes, however, that he failed to see *Liu Zhi-yuan zhugongdiao,* the main aim of his visit, because they could not find the key to the bookcase in which it was kept. He did not write a word about the Russian collection of the Dunhuang manuscripts. See Shionoya On. 王道は東より Ōdō-wa higashi-yori (*On the Virtuous Rule Coming from the East*). Tokyo, 1934, pp. 237–238.

стях знаний. Круг его интересов был чрезвычайно широк: от Маньчжурии и Монголии до Индии. Конечно же, много внимания он уделял Китаю. Используя свои финансовые возможности, он собрал богатую коллекцию по востоковедению , в том числе обширную библиотеку по России. Он также как никто другой хорошо знал научную жизнь в России. Из опубликованной им в «Синагаку» статьи явствует, что ему была известна работа Ф.А. Розенберга о находках в Пещерах тысячи будд в Дуньхуане. Он также знал о составе коллекции, привезенной второй РТЭ Ольденбурга, и о том, что помимо китайских текстов в ней есть фрагменты на согдийском языке, на санскрите и на уйгурском языке и что В.М. Алексеев занят ее описанием[20]. Информация Исихамы о том, что до К.К. Флуга инвентаризацией занимался В.М. Алексеев, подтверждается тем, что Ябуки, пожелавшего осмотреть коллекцию, С.Ф. Ольденбург познакомил именно с Алексеевым. Но, по всей вероятности, Исихама не знал об упомянутой выше заметке Ябуки. Одновременно удивительно, что в дальнейшем ученые в Японии пренебрегли столь ценными сведениями Исихамы[21]. Впрочем, японским исследователям в то время было сложно составить объективное представление о далекой России.

Найтō Торадзирō (Конан)
Naitō Torajirō (Конап)

Исихама Дзюнтарō внес выдающийся вклад в изучение тангутских рукописей и тангутского языка. Этим своим успехам он был обязан сотрудничеству с русским ученым Н.А. Невским (1892—1937). В 1922 г. Исихама по специальной двухлетней программе освоил монгольский язык в только что созданном Осакском колледже иностранных языков. Монгольский язык здесь преподавал Ханэда Тору, перешедший из Киотоского университета[22]. И как раз в это время Невский перевелся из коммерческого училища в

up a rich collection of materials connected with Oriental studies[19], including a comprehensive library devoted to Russia. He was also perfectly familiar, like nobody else, with scholarly activities in Russia. From the article he published in *Shinagaku* it follows that he knew F.A. Rosenberg's work on the finds in the Caves of a Thousand Buddhas in Dunhuang. He also knew about the content of the collection brought by Oldenburg's Second RTE and was aware that it included, apart from Chinese materials, fragments written in Sogdian, Sanskrit and Uighur and that V.M. Alekseev was working on them[20]. Ishihama's information that V.M. Alekseev had started inventorying the collection before K.K. Flug is borne out by the fact that when Yabuki wanted to see the collection S.F. Oldenburg introduced him to none other than Alekseev. Yet, in all likelihood, Ishihama knew nothing about Yabuki's article mentioned above. It is surprising therefore that afterwards Japanese researchers ignored such valuable information as given by Ishihama[21]. Admittedly, at that time it was hard for the Japanese scholars to form an impartial impression of far-away Russia.

Ishihama Juntarō made an outstanding contribution to the study of the Tangut manuscripts and the Tangut language. He owed that success of his to cooperation with the Russian scholar N.A. Nevsky (1892–1937). In 1922 Ishihama mastered Mongolian by following a special two-year program in the newly-established College of Foreign Languages in Osaka. Mongolian was taught there by Haneda Tōru, professor of Kyoto University[22]. And it was then that N.A. Nevsky transferred from Otaru Higher Commercial School to Osaka College of Foreign Languages, where he taught Russian and where destiny made them meet.

---

19 Более 42 200 рукописей и книг Исихама Дзюнтарō передал Осакскому колледжу иностранных языков, где они хранятся как Фонд Исихама. Каталог Фонда опубликован: 大阪外國語大學石濱文庫目録 Осака гайкокуго дайгаку Исихама бунко мокуроку (Каталог Фонда рукописей Исихамы в Осакском университете иностранных языков). Осака, 1977.

20 Исихама Дзюнтарō. 敦煌雜考 Тонкō дзаккō (Некоторые рассуждения по поводу Дуньхуана) // Синагаку (Синология). Т. 4, № 2. 1927, март. С. 147—148; Rosenberg Fr. Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts' ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914—1915). I. Fragment d'un conte // ИРАН. Т.12. 1918. С. 817—842.

21 См. также: Исихама Дзюнтарō. ロシアの東洋學 Росиа-но тōёгаку (Востоковедение в России) // 東洋史研究 Тōёси кэнкюō (Изучение истории Востока). Т. 1, № 6. 1936, август. Эта статья была опубликована также в книге: 東洋學の話 Тōёгаку-но ханаси (Рассказы о востоковедении). Токио, 1942. С. 240.

22 Ōсака гайкокуго дайгаку нанадзюō нэнси 大阪外國語大學70年史 (70-летие Осакского колледжа иностранных языков). Осака, 1992. С. 15.

19 Ishihama Juntarō donated more than 42,200 manuscripts and books to Osaka College of Foreign Languages, where they have been kept as the Ishihama Collection. The catalogue of the Collection has been published: 大阪外國語大學石濱文庫目録 Ōsaka gaikokugo daigaku Ishihama bunko mokuroku (Catalogue of the Ishihama Collection in the College of Foreign Languages in Osaka). Osaka, 1977.

20 Ishihama Juntarō. 敦煌雜考 Tonkō zakkō (*Some Discourse about Dunhuang*) // *Sinology*. Vol. 4, No 2 (1927), March, pp. 147–148; Rosenberg, Fr. "Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts' ien-fo-tong de Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914–1915)". I. Fragment d'un conte // *PAS*. Vol.12 (1918), pp. 817–842.

21 Also see: Ishihama Juntarō. ロシアの東洋學 Roshia-no tōyōgaku (*Oriental Studies in Russia*) // 東洋史研究 Tōyōshi kenkyū (*Revue des études d'histoire de l'Extrême-Orient*). Vol. 1, No 6 (1936), August. This article was also published in the book: 東洋學の話 Tōyōgaku-no hanashi (*Talks about Oriental Studies*). Tokyo, 1942, p. 240.

22 大阪外國語大學70年史 Ōsaka gaikokugo daigaku nanajū nenshi (*70th Anniversary of Osaka College of Foreign Languages*). Osaka, 1992, p. 15.

Отару в Осакский колледж иностранных языков, где занял должность преподавателя русского языка. Здесь они волею судьбы встретились.

Н.А. Невский, обучавшийся на китайско-японском отделении Петербургского университета, в 1915 г. был направлен на два года на стажировку в Японию. Сначала он проходил интенсивный курс обучения в Токио вместе с Н.И. Конрадом и О.О. Розенбергом[23]. После революции в России он по совету В.М. Алексеева не стал возвращаться на родину и решил наблюдать из Японии за развитием событий. Из-за того, что из России ему перестали переводить деньги, он был вынужден искать средства к существованию и поступил на службу в торговую компанию в Токио, состоявшую под управлением русского эмигранта. С 1919 г. он преподавал русский язык в коммерческом училище в Отару. В это время Невский занимался фольклором Японии и часто встречался с Янагидой Кунио 柳田國男 (1875—1962), Оригути Синобу 折口信夫(1887—1953), Накаямой Тарō 中山太郎 (1876—1947). Во время своей командировки на Хоккайдо он по совету Киндаити Кёсукэ 金田一京助 (1882—1971) стал изучать айнский язык, а также диалект жителей островов Мияко архипелага Рюкю. После переезда в Осаку он по-прежнему сохранял интерес к изучению фольклора и японских диалектов и вместе с коллегой из Осакского колледжа иностранных языков Асаи Эрином 淺井惠倫 (1895—1983) посетил Тайвань с целью изучения языков местных народов[24]. При этом Н.А. Невский по настоятельному совету Исихамы постепенно обратился к изучению тангутского языка. Совместно они опубликовали несколько статей[25]. В 1925 г. в Пекине Н.А. Невский посетил В.А. Иванова, своего бывшего университетского препо-

N.A. Nevsky, a student of the Sino-Japanese Department of Petersburg University, was sent to Japan in 1915 for two years' language studies. At first he took an intensive course in Tokyo together with N.I. Konrad and O.O. Rosenberg[23]. After the revolution in Russia he did not return home on the advice of V.M. Alekseev and decided to watch from Japan how things would develop in Russia. As money remittances from Russia stopped, he had to look for means of subsistence and got a job with a trading company managed by an immigrant from Russia. From 1919 he taught Russian at the Higher Commercial School in Otaru. At that time Nevsky was studying the folklore of Japan and frequently met with Yanagida Kunio 柳田國男 (1875–1962), Origuchi Shinobu 折口信夫 (1887–1953) and Nakayama Tarō 中山太郎 (1876–1947). During his trip to Hokkaido, on the advice of Kindaichi Kyōsuke 金田一京助 (1882–1971), he began learning Ainu and the dialect of the inhabitants of the Miyako Islands of the Ryūkyū Archipelago. After moving to Osaka, he still kept interest in the study of folklore and Japanese dialects and visited Taiwan with his colleague Asai Erin 淺井惠倫 (1895–1983) from the College of Foreign Languages in Osaka to study the vernacular languages[24]. Also, N.A. Nevsky followed Ishihama's insistent advice and gradually turned to studying the Tangut language. They jointly published several articles[25]. In 1925 N.A. Nevsky visited in Beijing his former University teacher V.A. Ivanov, who showed

---

23 Летом 1913 г. Н.А. Невский побывал в Токио с целью изучения японской литературы, но данных об этом не сохранилось. О жизни и деятельности Н.А. Невского см.: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. М., 1965, 2-е изд. Рыбинск, 2002; Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978; На стеклах вечности. Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии. [Под ред. Л.Л. Громковской] // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 239—560. 加藤九祚 Katō Kyūdzō. 天の蛇—ニコライ・ネフスキーの生涯 Тэн-но хэби — Никорай Нефусукй-но сёгай (Радуга — жизнь Николая Невского). Токио, 1976; 生田美智子編 Икута Митико (составитель). 資料が語るネフスキー Сирё-га катару Нэфусукй (Невский — по архивным материалам). Осака, 2003.

24 См. Невский Н.А. Материалы по говорам языка *цоу* // Труды Института востоковедения. Т. 11. М.; Л., 1935; *там же*. Айнский фольклор. Исследования, тексты и пер. Сост. и авт. предисл. Л.Л. Громковская. М., 1972; *там же*. Фольклор островов Мияко. Послеслов. Л.Л. Громковской. М., 1978; *там же*. Материалы по говорам языка *цоу*: Словарь диалекта северных *цоу*. М., 1981.

25 См. Исихама Дзюнтарō. 西夏語研究の話 Сэйкаго кэнкюū-но ханаси (Рассказ об изучении тангутского языка) // 徳雲 Токуун (Благое облако). Т. 3, № 3. 1934, ноябрь; *там же*. 東洋學の話 Тōёгаку-но ханаси (Рассказы о востоковедении). Токио, 1942. С. 194—199.

23 In the summer of 1913 N.A. Nevsky visited Tokyo to study Japanese literature, but no information about that period survives. On the life and work of N.A. Nevsky see: Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. M., 1965; 2nd ed. Rybinsk, 2002; Gromkovskaya, L.L., Kychanov, E.I. *Nikolai Aleksandrovich Nevsky*. M., 1978; "On the Glass of Eternity. Nikolai Nevsky. Translations, studies and materials for biography". Ed. by L.L. Gromkovskaya. *St. Petersburg Journal of Oriental Studies*. Issue 8 (1996), pp. 239–560; 加藤九祚 Katō Kyūzō. 天の蛇—ニコライ・ネフスキーの生涯 Ten-no hebi Nikorai Nefusukī-no shōgai (*Rainbow, the Life of Nikolai Nevsky*). Tokyo, 1976; 生田美智子編 Ikuta Michiko (compiler). 資料が語るネフスキー Shiryō-ga kataru Nefusukī (*Nevsky in Archive Materials*). Osaka, 2003.

24 See Nevsky, N.A. "Materials on the dialects of the Tsou language." In *Transactions of the Institute of Oriental Studies*. Vol. 11, M.,L., 1935; *Id., Ainu Folklore*. Studies, texts and transl., comp. and foreword by L.L. Gromkovskaya. M., 1972; *Id., Folklore of the Miyako Islands*. Afterword by L.L. Gromkovskaya. M., 1978; *Id., Materials on the Dialects of the Tsou Language: Glossary of the Northern Tsou Dialects*. M., 1981.

25 See Ishihama Juntarō. 西夏語研究の話 Seikago kenkyū-no hanashi (*A Talk about the Study of the Tangut Language*) // 徳雲 Tokuun (*Blessed cloud*). Vol. 3, No 3 (1934), November; *Id.*, 東洋學の話 Tōyōgaku-no hanashi (*Talks about Oriental Studies*). Tokyo, 1942, pp. 194–199.

давателя, который показал ему несколько тангутских текстов и разрешил сделать рукописную копию[26]. Кроме того, по просьбе Невского коллеги из Ленинграда отправили для него фотокопии тангутских текстов, хранящихся в России. Что касается сотрудничества двух ученых, то Исихама был рад, что может помочь получить фотокопии тангутских текстов из России, а Невский, в свою очередь, мог воспользоваться богатой библиотекой Исихамы. По привезенным Исихамой материалам в 1927—1933 гг. Невский и Исихама опубликовали семь статей в различных японских периодических изданиях[27]. В июле 1927 г. по предложению Такахаси Моритаки 高橋盛孝 Исихама и Невский вместе с Асаи Эрином и Сасатани Рёдзо 笹谷良造, создали Общество «Сэйан гакуся» 靜安學社 памяти Ван Го-вэя (Societas Orientalis Osaka'ensis in Memoriam Wang Kuo-wei). Этот выдающийся китайский ученый в мае 1927 г. покончил жизнь самоубийством, утопившись в озере Куньмин в парке Цинхуа в Пекине. Именно Н.А. Невский предложил название общества[28]. Членами общества по его рекомендации стали О.В. Плетнер, Н.И. Конрад и Ю.К. Шуцкий. На первом собрании находившийся в это время в Японии Н.И. Конрад сделал доклад на тему «Востоковедные исследования в Советской России»[29]. Это научное общество сыграло заметную роль в развитии востоковедных связей между Японией и Россией. И оно появилось благодаря сотрудничеству Исихамы и Невского, которые неоднократно докладывали о результатах изучения ими тангутского языка на его заседаниях.

Когда в Россию направлялись японские друзья Н.А. Невского, он всегда давал им рекомендательные письма к коллегам в Ленинграде. Когда Найтō Торадзирō (Конан), учитель Исихамы Дзюнтарō, в июле 1924 г. отправился для изучения дуньхуанских рукописей в Европу, сам Исихама сопровождал его около двух месяцев. Однако им пришлось из Марселя морем вернуться на родину, так и «не побывав в России, и не совершив путешествия по Америке»[30]. И рекоhim some Tangut texts and allowed him to make a handcopy[26]. In addition, at Nevsky's request his Leningrad colleagues sent him photocopies of the Tangut texts kept in Russia. As for the two scholar's cooperation, Ishihama was happy to be able to help with getting the Tangut texts from Russia while Nevsky could profit from Ishihama's rich library. In 1927–33 Nevsky and Ishihama published seven articles about those materials in different Japanese periodicals[27]. In July 1927, on the advice of Takahashi Moritaka 高橋盛孝, Ishihama and Nevsky, together with Asai Erin and Sasatani Ryōzō 笹谷良造, created the "Seian Gakusha" 靜安學社 society to commemorate Wang Guo-wei (*Societas Orientalis Osaka'ensis in Memoriam Wang Guo-wei*). That outstanding Chinese scholar committed suicide in May 1927, drowning himself in Kunming lake in Qinghua Garden in Beijing. It was Nevsky who suggested the name for the society[28]. On Nevsky's recommendation O.V. Pletner, N.I. Konrad and Yu.K. Shutsky became its members. At the first meeting of the society, N.I. Konrad, who was in Japan at that time, made a report entitled *Oriental Studies in Soviet Russia*[29]. The society played an appreciable part in the development of links between Japanese and Russian Orientalists. It came into being also thanks to the collaboration between Ishihama and Nevsky, who repeatedly made reports on their study of the Tangut language at the meetings of the society.

Whenever N.A. Nevsky's Japanese friends went to Russia, he would give them letters of recommendation to his colleagues in Leningrad. When Naitō Torajirō (Konan), Ishihama Juntarō's teacher, went to Europe in July 1924 to study Dunhuang manuscripts, Ishihama himself accompanied him for about two months. However, they had to go back to Japan from Marseilles by sea, "without visiting Russia and without touring America"[30]. So Nevsky's letter to Alekseev, never used, remained in Ishihama's archive[31]. In the spring of 1929, one more Japanese

---

26 См. две открытки Н.А. Невского из Пекина, адресованные Исихаме Дзюнтарō в Фонде Исихама в Осакском колледже иностранных языков: Икута Митико. *Указ. соч.* С. 162—163.

27 См. 石濱純太郎先生著作目録 Исихама Дзюнтарō сэнсэй тёсаку мокуроку (Список работ Исихамы Дзюнтарō) // 石濱先生古稀記念會. 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Исихама сэнсэй коки кинэнкай. Исихама-сэнсэй коки кинэн тōёгаку ронсō (Общество памяти Исихамы Дзюнтарō. Сборник статей по востоковедению, посвященный семидесятилетию учителя Исихамы Дзюнтарō). Осака, 1958. С. 1—18; ネフスキー著作目録 Нэфусукй тёсаку мокуроку (Список работ Невского) // Икута Митико. *Указ. соч.* С. 250—253.

28 Исихама Дзюнтарō. 靜安學社 Сэйан гакуся (Общество памяти Ван Го-вэя) // 藝文 Гэйбун (Искусство и литература). № 8. 1927, август. С. 65.

29 Икута Митико. *Указ. соч.* С. 36—46.

30 石濱純太郎先生年譜略 Исихама Дзюнтарō сэнсэй нэмпуряку (Хронология жизни Исихамы Дзюнтарō) // 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Исихама сэнсэй коки кинэн тōёгаку ронсō (Востоковедный сборник памяти Учителя Исихамы). С. 7.

26 See two postcards addressed to Ishihama Juntaro sent by N.A. Nevsky from Beijing, kept in the Ishihama Collection of the College of Foreign Languages in Osaka: Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 162–163.

27 See 石濱純太郎先生著作目録 Ishihama Juntarō sensei chosaku mokuroku (*List of Works by Ishihama Juntarō*) // 石濱先生古稀記念會. 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Ishihama sesnsei koki kinenkai. Ishihama-sensei koki kinen tōyōgaku ronsō (*Ishihama Juntarō Memorial Society. Collection of articles on Oriental Studies in honor of Mr. Ishihama on his 70th birthday*). Osaka, 1958, pp. 1–18; ネフスキー著作目録 Nefusukī chosaku mokuroku (*List of Nevsky's Works*). In Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 250–253.

28 Ishihama Juntarō. 靜安學社 Seian Gakusha (*Wang Guo-wei Memorial Society*) // 藝文 Geibun (*Art and Literature*), No 8, 1927, August, p. 65.

29 Ikuta Michiko. *Op. cit.*, pp. 36–46.

30 石濱純太郎先生年譜略 Ishihama Juntarō sensei nempuryaku (*Abridged chronology of Ishihama Juntaro's Life*) // 石濱先生古稀記念東洋學論叢 Ishihama sensei koki kinen tōyōgaku ronsō (*Collection of Articles on Oriental Studies in honor of Mr. Ishihama on his 70th birthday*), p. 7.

31 Ikuta Michiko. *Op. cit.*, p. 185.

мендательное письмо Невского к Алексееву, оставшись неиспользованным, отложилось в архиве Исихамы[31]. Весной 1929 г. еще один японский ученый, этнограф Ока Масао 岡正雄 (1898—1982) по пути на стажировку в Европу выразил намерение побывать в СССР. Н.А. Невский написал ему рекомендательные письма к Иванову и Конраду и при этом попросил их сфотографировать для него некоторые тангутские рукописи[32]. Так Невский выполнял роль «моста», соединяющего ученых Японии и России.

В сентябре 1929 г. Н.А. Невский вернулся в СССР и стал доцентом Ленинградского государственного университета, но и после этого его сотрудничество с Исихамой Дзюнтарō продолжалось. Об этом можно судить по письмам, которые Невский посылал Исихаме[33]. В них он сообщал о своих результатах в изучении тангутского языка и часто просил выслать ему научные материалы. Исихама откликался на его просьбы. Кроме того, в это время он по просьбе В.М. Алексеева написал отзыв о научной деятельности Невского[34]. Вероятно, Алексееву это было необходимо, чтобы рекомендовать Невского в члены-корреспонденты Академии наук. Но вскоре наступил мрачный период. В октябре 1937 г. Невский был неожиданно арестован, и в следующем месяце расстрелян как «враг народа». Лишь через 20 лет, в 1957 г., имя Невского было реабилитировано. В 1960 г. в двухтомнике «Тангутская филология» были опубликованы сохранившиеся материалы Н.А. Невского по тангутскому языку[35]. Через два года за этот труд он был посмертно удостоен Ленинской премии. Но благодаря семенам, посеянным Исихамой и Невским на ниве тангутоведения, впоследствии в Японии и в России появились фундаментальные работы Нисиды Тацуо 西田龍雄 и Е.И. Кычанова.

Таков с нашей точки зрения был вклад японских исследователей в изучение материалов русских экспедиций в Центральную Азию до начала Второй мировой войны.

В завершение следует сказать несколько слов об Умэхаре Суэдзи 梅原末治 (1893—1983), который изучал памятники цивилизации гуннов из Ноин-Улы, обнаруженные в 1923—1926 гг. П.К. Козловым к северу от Улан-Батора[36]. Открытия Хара-Хото и Ноин-Улы были важнейшими

researcher and ethnographer Oka Masao 岡正雄 (1898–1982), expressed a desire to make a short stay in the USSR on his way to Europe for an academic visit. N.A. Nevsky supplied him with recommendation letters to Ivanov and Konrad, also asking them to get some Tangut manuscripts photographed for him[32]. Thus Nevsky acted as "a bridge" connecting the scholars of Japan and Russia.

In September 1929, N.A. Nevsky returned to the USSR and became Reader at Leningrad State University, but even then his collaboration with Ishihama Juntarō continued, as can be concluded from Nevsky's letters to Ishihama[33]. Nevsky wrote about his progress in the study of the Tangut language and frequently asked Ishihama to send him reference materials. Ishihama invariably responded to his requests. Moreover, on V.M. Alekseev's request, Ishihama wrote a testimonial on Nevsky's research work[34], which Alekseev might need to nominate Nevsky for the academic status of Corresponding Member of the Academy of Sciences. Soon, however, gruesome developments followed: Nevsky was suddenly arrested in October 1937 and shot down as "people's enemy" the following month. It was not until 20 years later, in 1957, that Nevsky was posthumously rehabilitated. In 1960 N.A. Nevsky's surviving materials on the Tangut language were published in the two-volume *Tangut Philology*[35]. Two years later N.A. Nevsky was posthumously awarded the Lenin Prize for that work. It was owing to the seeds sown by Ishihama and Nevsky on the field of Tangut studies that the fundamental works by Nishida Tatsuo 西田龍雄 and E.I. Kychanov appeared in Japan and Russia.

This is what in our view was the pre-war contribution of Japanese researchers to the study of the materials of the Russian expeditions to Central Asia.

In conclusion a few words are in order about Umehara Sueji 梅原末治 (1893–1983), who studied the monuments of the Huns' civilization from Noyon Uul discovered in 1923–26 by P.K. Kozlov north of Ulan Bator[36]. The discoveries of Khara-Khoto and Noyon Uul were Kozlov's most important achievements. At present the monuments from Noyon Uul are shown on a special display in the Hermitage Museum. In the summer of 1926, Umehara met with Oldenburg in the UK, where he

---

31 Икута Митико. *Указ. соч.* С. 185.

32 Ока Масао. 編者はしがき Хэнся хасигаки (Предисловие редактора) // ネフスキー. 月と不死 Нэфусукй. Цуки-то фуси (Невский. Луна и бессмертие). Токио, 1971. С. 4.

33 Икута Митико. *Указ. соч.* С. 144—161.

34 ПФА РАН. Ф. 820. Оп. 4, ед. хр. 53. Л. 1—4. Исихама Дзюнтарō. Отзыв о научных трудах и научной деятельности Н.А. Невского.

35 Тангутская филология. Исследования и словарь. Кн. 1—2. М., 1960.

36 См. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П.К. Козлова. Ленинград, 1925; Yetts, P. Discoveries of the Kozkov Expedition // *The Burlington Magazine*. Vol. 48 (1926), pp. 168–185; Ханэда Тōру. 外蒙古におけるコズロフ氏の發掘 Гаймōко-ни окэру Кодзурофу-си-но хаккуцу (Археологические находки Козлова во Внешней Монголии) // 朝日新

32 Oka Masao. 編者はしがき Hensha hashigaki (Foreword by editor) // ネフスキー. 月と不死 Nefusukī. Tsuki-to fushi (*Nevsky. The Moon and Immortality*). Tokyo, 1971, p. 4.

33 Ikuta Michiko. *Op. Cit.*, pp. 144–161.

34 PBA RAS. Fond 820. Inv. 4, unit 53, ff. 1–4. Ishihama Juntarō. Testimonial on N.A. Nevsky's Works and Research Activity.

35 *Tangut Philology. Studies and Vocabulary*. Books 1–2. M., 1960.

36 See *Concise Reports on Expeditions Exploring Northern Mongolia in Connection with the Mongol-Tibetan Expedition of P.K. Kozlov*. L., 1925; Yetts, P. "Discoveries of the Kozlov Expedition." *The Burlington Magazine*. Vol. 48 (1926), pp. 168–185; Haneda Tōru. 外蒙古におけるコズロフ氏の發掘 Gaimōko-ni okeru Kozurofu-shi-no hakkutsu (*Archaeological Finds of Kozlov in Outer Mongolia*) // 朝日新聞 *Asahi shimbun*, 6–9 March, 1927; *Id.* 羽田博士史學論文集

научными достижениями Козлова. Памятники из Ноин-Улы в настоящее время представлены на специальной экспозиции в Государственном Эрмитаже. Летом 1926 г. в Англии Умэхара встретился с С.Ф. Ольденбургом, который находился там с визитом в Кэмбриджском университете по приглашению Э. Минса. Осенью следующего 1927 г. Умэхара посетил Ленинград, где ознакомился с коллекцией П.К. Козлова из Ноин-Улы. Через год Умэхара вновь посетил Россию. Тот факт, что российские власти доверили зарубежному ученому изучение археологических находок из советских собраний, заслуживает особого внимания. К сожалению, в связи с началом Второй мировой войны результаты исследований Умэхары не были опубликованы. И только в 1960 г. Восточная библиотека (Тоё бунко) в Токио наконец осуществила их публикацию[37].

В 1930 г. Японское общество изучения археологии Восточной Азии («Тоа Коко гаккай», 東亞考古學會) составило план научного обмена между Японией и Советским Союзом. Предполагалось, что в нем примет участие Ханэда Тору, но он не смог этого сделать, и вместо него в СССР отправился Умэхара. Политическая ситуация в Советском Союзе в это время кардинально изменилась по сравнению с прежними годами, и в обществе ощущалась напряженность. Но японскому ученому благодаря содействию С.Ф. Ольденбурга была предоставлена возможность увидеть своими глазами свыше 1000 фотографий росписей Пещер тысячи будд в Дуньхуане[38]. Сейчас эти фотографии хранятся в Государственном Эрмитаже и ИВР РАН, часть их была опубликована в Китае[39].

Японские ученые неизменно проявляли интерес к материалам, доставленным российскими экспедициями в Центральную Азию. Их роль в изучении рукописей, в особенности из коллекций С.Ф. Ольденбурга и П.К. Козлова, была достаточно велика. В развитии связей между востоковедами Японии и России были периоды расцвета и упадка, что объяснялось разными обстоятельствами, но результаты этого сотрудничества всегда имели непреходящую научную значимость. Основа, заложенная почти сто лет назад, и в будущем обеспечивает нашему научному сотрудничеству прекрасные перспективы.

聞 Асахи симбун. 6—9 марта 1927 г.; *то же*. 羽田博士史學論文集 Ханэда хакасэ сигаку ромбунсю (Сборник статей доктора Ханэды по истории). Т. 2 С. 569—580; Петр Кузьмич Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923—1926. Ред.-сост. Т.И. Юсупова, сост. А.И. Андреев. Отв. ред. А.В. Постников. (Научное наследство. Т. 30). СПб., 2003.

37 Умэхара Суэдзи. 梅原末治. 蒙古ノイン・ウラ發見の遺物 Мōко Ноин-Ура хаккэн-но ибуцу (Археологические находки в Ноин-Уле во Внешней Монголии) // 東洋文庫論叢 Тōё бунко ронсō (Сборник научных работ Восточной библиотеки). Т. 27. 1960.

38 См. Умэхара Суэдзи. 考古學六十年 Кōкогаку рокудзюнэн (60 лет археологии). Токио, 1973. С. 83, 104—111, 122—125, 149—155.

39 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏敦煌藝術品 Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Т. 6, Шанхай, 2005.

was visiting Cambridge University on the invitation of Ellis H. Minns. In the autumn of the following year 1927, Umehara visited Leningrad, where he got acquainted with P.K. Kozlov's collection from Noyon Uul. A year later Umehara again visited Russia and continued his wok. It is worth attention that Russian authorities entrusted a foreign scholar with the study of archaeological finds in Soviet collections. Regretfully, the results of Umehara's research remained unpublished because of the beginning of World War II. It was not until 1960 that the Tōyō Bunko (Oriental Library) at last carried out their publication[37].

In 1930 the Japanese Society for the Study of the Archaeology of Eastern Asia (Tōa kōko gakkai 東亞考古學會) scheduled the academic visits exchange between Japan and the Soviet Union. It was expected that Haneda Tōru would visit the USSR, but he was unable to do so and Umehara went to the USSR instead of him. The political situation in the Soviet Union had changed cardinally in comparison with the past, and tension was felt in society. But thanks to S.F. Oldenburg's assistance, the Japanese researcher was given an opportunity to see over 1,000 photographs of the paintings from the Caves of a Thousand Buddhas in Dunhuang[38]. Now these photographs are kept in the Hermitage Museum and in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; part of them has been published in China[39].

The Japanese researchers have invariably taken interest in the materials of the Russian expeditions to Central Asia. Their role in the study of the manuscripts, particularly those from the collections of S.F. Oldenburg and P.K. Kozlov, has been sufficiently important. The development of links between the Orientalists of Russia and Japan, knew ups and downs due to various circumstances, but the results of their cooperation have always been of perennial value. The foundations laid nearly a hundred years ago still guarantee bright prospects to our academic cooperation.

Haneda hakase shigaku rombunshū (*Collection of Articles on History by Dr. Haneda*). Vol. 2, pp. 569–580; Kozlov, P.K. *Journals of the Mongolia and Tibet Expedition 1923–1926*. Ed. and comp. by T.I. Yusupova, comp. by A.I. Andreyev. Senior ed. A.V. Postnikov. In *Scholarly Heritage*. Vol. 30. SPb., 2003.

37 梅原末治 Umehara Sueji. 蒙古ノイン・ウラ發見の遺物 Mōko Noin-Ura hakken-no ibutsu (*Archaeological Finds in Noyon Uul in Outer Mongolia*) // 東洋文庫論叢 Tōyō bunko ronsō (*Collection of Research Works of the Oriental Library*). Vol. 27, 1960.

38 See Umehara Sueji. 考古學六十年 Kōkogaku rokujūnen (*60 Years of Archaeology*). Tokyo, 1973, pp. 83, 104–111, 122–125, 149–155.

39 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏敦煌藝術品 *Art relics from Dunhuang kept in the State Hermitage Museum, Russia*. Vol. 6,

Участие Англии в японских исследованиях в Центральной Азии. Роль А.О. Хоббса в третьей экспедиции Отани

Имре Галамбош

An English Participant in the Japanese Exploration of Central Asia. The Role of A.O. Hobbs in the Third Otani Expedition

Imre Galambos

История Шелкового пути складывается в единое последовательное повествование из рассказов великих исследователей и ученых, которые собрали великолепные коллекции, ныне хранящиеся в ведущих музеях и библиотеках мира. Многие из этих исследователей, такие как С.Ф. Ольденбург, Свен Гедин и Марк Аурел Стейн, в свое время были в центре всеобщего внимания, и их имена до сих пор хорошо известны. Но мы часто забываем, что эти прославленные исследователи никогда не работали в одиночку, что у них было много помощников, в большинстве своем представителей местного населения, которые трудились под их руководством, путешествовали по тем же местам и видели то же самое, что и они.

Среди «актеров второго плана», которые в начале XX в. внесли свой вклад в исследование Шелкового пути, особое место занимает А.О. Хоббс (1892—1911). Британский подданный, он сопровождал буддийского наставника из Японии Татибану Дзуйтё во время его амбициозной экспедиции в Восточный Туркестан и содействовал пополнению японских центральноазиатских коллекций[1]. Эта экспедиция была предпринята при поддержке Отани Кодзуи, двадцать второго главы направления Ниси Хонгандзи, относящегося к школе «Чистой Земли», и изначально задумывалась как религиозная миссия с целью изучения памятников буддийской культуры в Восточном Туркестане. Во время путешествия Хоббс заразился оспой и умер в Куче в возрасте девятнадцати лет.

В нашей статье мы рассмотрим роль Хоббса в этой экспедиции и попытаемся выяснить, почему Отани нанял этого молодого англичанина, не имевшего ни опыта, ни достаточной квалификации, для участия в столь опасном путешествии.

The history of the exploration of the Silk Road is pieced together into a narrative from the stories of great explorers and scholars who acquired magnificent collections, today housed in leading museums and libraries worldwide. Many of these explorers, like Sergei Oldenburg, Sven Hedin and Marc Aurel Stein, were at the center of public attention at the time and their names are still well known today. However, we tend to forget that these great personalities never worked alone but had many, mostly locally hired, assistants who worked under their supervision, travelling through the same distances and seeing the same things as their employers.

Among the "supporting actors" who contributed to the exploration of the Silk Road early in the 20th century, A.O. Hobbs (1892–1911) stands out as a special case. Albeit a British citizen, he accompanied Tachibana Zuicho, a Buddhist priest from Japan, on an ambitious expedition to Chinese Turkestan and thus contributed to further growth of Japanese collections.[1] The project was carried out under the auspices of Otani Kozui, the 22nd Abbot of the Nishi Honganji branch of the Japanese Pure Land sect, and was intended to be a religious mission with the objective of exploring the Buddhist sites of the region. During the journey, Hobbs contracted smallpox and died in Kucha at the age of nineteen.

In this paper, I am interested in Hobbs's role in the expedition, more specifically, why did Otani employ a young Englishman with no qualifications or experience for a dangerous exploration.

Hobbs's participation in the expeditions came completely unexpectedly; he was hired through a newspaper advertisement and shortly after that sent along with Tachibana to Central Asia. He spoke neither Russian, nor Chinese or any of the Turkic dialects, he had not been recommended by anyone. In short, he was completely unfit and unprepared for the task. On the other

---

[1] Следует уточнить, что в настоящее время этот материал, наряду с остальными коллекциями Отани, распределен, по крайней мере, между тремя странами, а именно: Китаем (Музей Люйшунь, Национальная библиотека Китая), Кореей (Национальный музей Кореи) и Японией (Библиотека университета Рюкоку, Национальный музей Киото, Национальный музей Токио, Музей каллиграфии Накамуры и т. д.). Часть материалов утрачена.

[1] To be exact, this material, along with the rest of the Otani collection, is now scattered between at least three countries, namely, China (Lüshun Museum, National Library of China), Korea (Korean National Museum) and Japan (Ryukoku University Library, Kyoto National Museum, Tokyo National Museum, Nakamura Museum of Calligraphy, etc.). Some of the material is missing.

А.О. Хоббс попал в экспедицию совершенно случайно. Его наняли по объявлению в газете и вскоре направили вместе с Татибаной в Центральную Азию. Он не говорил ни по-русски, ни по-китайски, ни на каком из тюркских диалектов, не имел никаких рекомендаций. Он абсолютно не соответствовал требованиям, предъявляемым к предстоящей работе, и не был подготовлен к ней. Следует отметить, что в то же время в Лондоне находилось несколько последователей Отани, и любой из них лучше подходил для такого путешествия.

Мы полагаем, что Хоббс был нанят из политических соображений, в частности, из-за растущих подозрений британских властей относительно истинных мотивов японских исследователей на территории Синьцзяна. В результате блестящей победы в русско-японской войне 1904—1905 гг. Япония превратилась в сильную азиатскую державу, и как русские, так и британские власти весьма подозрительно относились к японским подданным, путешествовавшим по политически чувствительным регионам. Во время экспедиции 1908—1909 гг. Татибана и Номура Эйдзабуро находились под пристальным вниманием британских разведывательных служб, вызывая у них большие подозрения. Поэтому, когда Номура попытался вернуться в Синьцзян через Индию и пересечь британскую границу, власти Индии не выдали ему разрешения. Без сомнения, Отани прекрасно понимал причины отказа. Стремясь продолжать исследование Западного Китая, он должен был сделать свое предприятие менее подозрительным в глазах британских властей. В результате, вместо того чтобы послать экспедицию в составе трех буддийских наставников, как это планировалось изначально, он предпочел послать лишь одного молодого монаха, Татибану, в сопровождении еще более юного англичанина. Ценность Хоббса заключалась не в его квалификации, а в том, что он был англичанином; его роль сводилась к тому, чтобы экспедиция стала интернациональной и, следовательно, выглядела как можно менее «японской».

Жизнь А.О. Хоббса — сплошная загадка. Даже его полное имя остается для нас неизвестным. Он не получил никакого специального образования и оказался вовлеченным в рискованную деятельность, связанную с исследовательскими экспедициями, откликнувшись на объявление о работе в одной из лондонских газет. Было бы заманчиво выяснить, какие требования предъявлялись к тем, кого нанимали для путешествия в один из самых удаленных уголков мира[2]. Удивительно, что исполнителя столь опасного задания подыскивали таким образом, не требуя никаких рекомендаций. Тем не менее, Отани нанял Хоббса в качестве помощника Татибаны для предстоящей экспедиции, которая вошла в историю как третья экспедиция Отани.

Татибана Дзуйтё
Tachibana Zuicho

hand at the time of their departure several of Otani's followers were also in London and any of them would have been a better choice for such a journey.

My contention is that Hobbs was hired for political reasons specifically in response to the British authorities' growing suspicion regarding the true motives of Japanese explorers in Xinjiang. Following its glamorous victory in the Russo-Japanese War of 1904–05, Japan emerged as a major power in Asia and both Russian and British authorities were exceedingly cautious with regard to Japanese nationals travelling in politically sensitive regions. During their 1908–09 trip Tachibana and Nomura Eizaburo were observed by the British intelligence network with increasing suspicion and when Nomura decided to re-enter Xinjiang via India and attempted to cross its frontier, the British India's Government rejected his application. No doubt, the reasons behind the rejection were eventually known to Otani and if he wanted to continue with his plans of exploring Western China, he had to face the problem and come up with a way of making his enterprise less suspicious in the eyes of the British authorities. Therefore, instead of sending a team of three Buddhist priests, as originally planned, he opted for sending only the very young Tachibana, accompanied by an even younger Englishman. Hobbs's qualifications seem to have

[2] К сожалению, нам не удалось разыскать это объявление.

Слева направо сидят: Кудзё (Отани) Такэко, Свен Гедин, Отани Кадзуко, Отани Кодзуи, Отани Кинуко. Третий слева во втором ряду – Номура Эйдзабуро

Sitting from left to right: Kujo (Otani) Takeko, Sven Hedin, Otani Kazuko, Otani Kozui, Otani Kinuko. Standing the 3rd from left – Nomura Eizaburo

В своей первой экспедиции 1902—1904 гг. Отани участвовал лично в сопровождении небольшой группы преданных последователей. Два года Отани провел в Лондоне, изучая западные религии. Он глубоко заинтересовался результатами археологических открытий, сделанных европейскими исследователями в Центральной Азии. Он лично встречался с некоторыми из самых выдающихся исследователей того времени, в первую очередь с Аурелом Стейном и Свеном Гедином. Их достижения произвели на него столь большое впечатление, что накануне возвращения домой в 1902 г. он решил предпринять путешествие через Центральную Азию, чтобы исследовать буддийские древности в бас-

consisted simply of being English, and his role was to internationalize the enterprise and thus make it as non-Japanese as possible.

The life of A.O. Hobbs is almost a complete mystery. Even his full name remains unknown to us. He had no academic background and was drawn into the thrilling business of exploration by responding to a classified advertisement in a London newspaper. It would be fascinating to see what sorts of requirements or qualifications were expected of someone to travel to one of the remotest parts of the world.[2] It is also surprising that

[2] Unfortunately I have not been able to track down the original advertisement.

сейне реки Тарим. Будучи не только практикующим буддистом, но также и ученым-буддологом, Отани чувствовал себя во многих вопросах более компетентным, чем европейцы, которые в основном интересовались географией и приобретением предметов древности. Его личное участие в этом путешествии было вскоре прервано известием о смерти отца. Отани немедленно вернулся в Киото, оставив своих последователей завершать работу. Заняв место своего отца как главы школы, он организовал и финансировал еще две экспедиции в этот регион, хотя не смог лично принять в них участие.

Вторая экспедиция состоялась в 1908—1909 гг. и ее членами были только два человека из храма Ниси Хонгандзи. Это были девятнадцатилетний буддийский наставник Татибана Дзуйтё (глава экспедиции) и Номура Эйдзабуро, который был не намного старше своего начальника. Это было первое путешествие Татибаны, и оно сделало его известным. Он обнаружил ряд важных рукописей, среди которых было письмо из Лоулани, относящееся к началу IV в., написанное Ли Бо, главным правителем Западных районов. После окончания работы эти два исследователя пересекли Каракорум, чтобы попасть в Индию и присоединиться к Отани, который прибыл в Индию из Японии. После того как Татибана провел несколько недель в Калькутте, работая над своими путевыми заметками и изучая уйгурские рукописи вместе с Денисоном Россом, главой Калькуттского университета, он отбыл в Европу вместе с Отани. В свиту входили также жена Отани Кадзуко, его сестра Такэко и несколько последователей, включая Аоки Бункё, Ватанабэ Тэссин и Хасирамото Дзуйсюн. Татибана провел в Лондоне несколько месяцев, прежде чем в августе 1910 г. отправился в Синьцзян вместе с недавно нанятым Хоббсом.

Но кто был этот загадочный англичанин, который путешествовал по Туркестану и занимался раскопками вместе с Татибаной? Питер Хопкирк, автор популярной книги «Заморские черти на Шелковом пути», явно желая представить японских исследователей шпионами, собрал все, что смог обнаружить о нем среди политических и секретных документов библиотеки Департамента по делам Индии, которые содержали отчеты и дневники Джорджа Макартни, генерального консула Великобритании в Кашгаре[3].

Хопкирк пишет: «Тринадцатого января 1911 г. Макартни получил две телеграммы из города Кучи, что находится приблизительно в четырехстах милях к востоку. Одна, на китайском языке, была от его аксакала, который информировал о том, что английский путешественник А.О. Хоббс заболел оспой. Вторая — отчаянная мольба о помощи — была от самого Хоббса, который, казалось, не подозревал о том, что заболел оспой. В телеграмме он мрачно описывал симптомы

[3] Макартни был официально назначен генеральным консулом как раз в то время, когда в Кашгаре состоялись похороны Хоббса.

such a person was to be sought in this manner rather than through a recommendation. Nevertheless, Hobbs was hired by Otani as an assistant to Tachibana on his upcoming expedition which came to be known as the Third Otani expedition.

The first expedition of 1902—04 was carried out by Otani himself, accompanied by a handful of his devoted followers. During the two years Otani spent in London learning about Western religions, he became deeply interested in the results of the archaeological discoveries of European explorers of Central Asia. He personally met some of the biggest names of the time, most notably Aurel Stein and Sven Hedin, and was so inspired by their accomplishments that when he was about to return home in 1902, he decided to take the overland route through Central Asia and explore the Buddhist ruins of the Tarim Basin. As a practicing devotee and a trained scholar of Buddhism, he felt that in many ways he would be more competent in doing so than Westerners whose main concerns were geography and the acquisition of antiques. His own participation in this trip was cut short by the death of his father, following which he immediately returned to Kyoto, leaving his followers behind to continue their work without him. Once he succeeded his father as the head of his sect, he organized and financed two more expeditions into the same region, although did not participate in them personally.

The second expedition was carried out in 1908—09 by only two men from the Nishi Honganji Temple, the nineteen-year old Buddhist priest Tachibana Zuicho as the leader and the slightly older Nomura Eizaburo. This was Tachibana's first trip, which brought him fame. He discovered a number of important manuscripts, among them an early 4th-century letter from Loulan, written by Li Bo, the Chief Aide Administrator of the Western Regions. Upon completion of work the two explorers crossed the Karakorum pass into India to join Otani, who had arrived in India from Japan. After spending several weeks in Calcutta, working on his travel notes and studying Uighur manuscripts with Denison Ross, the Principal of the Calcutta Madrassa, Tachibana accompanied Otani to Europe. Along went also Otani's wife Kazuko, sister Takeko and several followers, including Aoki Bunkyo, Watanabe Tesshin and Hashiramoto Zuishun. Tachibana spent several months in London, before leaving for Xinjiang with the newly hired Hobbs in August of 1910.

But who was this mysterious Englishman who travelled and excavated with Tachibana in Turkestan? Peter Hopkirk, in his popular book *Foreign Devils on the Silk Road*, with a decided preference to portray the Japanese explorers as spies, summarized what he could find about him in the Political and Secret Files of the India Office Library, which contained the reports and diaries of George Macartney, the British Consul-General at Kashgar.[3] Hopkirk reports: "On January 13, 1911, Macartney

[3] Macartney was promoted to the rank of Consul-General just about the time of Hobbs was buried in Kashgar.

болезни: «Я страдаю от болезни кожи, которая поразила все органы, я могу открыть глаза только на несколько минут... я чувствую себя так вот уже в течение десяти дней, и я не встаю с постели». Ни эта телеграмма, ни телеграмма от аксакала не давала Макартни, который весьма гордился тем, что знает о передвижениях всех и каждого в Китайском Туркестане, никаких сведений о том, кем был этот человек и чем он занимался один в столь отдаленном месте. После того, как Макартни отправил в Кучу своего врача-индуса, он сообщил Хоббсу, что помощь находится в пути. Но шестнадцатого января он получил от *дингуаня* (китайского сановника) из Кучи телеграмму, в которой говорилось, что накануне вечером Хоббс скончался»[4].

В заключение Хопкирк описывает, как Макартни организовал доставку тела Хоббса в Кашгар, которая заняла около трех месяцев. Татибана, узнав, какая трагическая судьба постигла его спутника в Куче, немедленно отправился в Кашгар и едва успел на похороны. Рассказ Хопкирка подытоживает все то, что было известно Макартни и британским властям о Хоббсе. Отдельные факты и разрозненная информация, обнаруженная в основном в японских источниках, проливают больший свет на историю его жизни.

Естественно, главным источником сведений был сам Татибана, который рассказывал об экспедиции и публиковал отчеты о ней. Из этих отчетов мы можем восстановить подробности экспедиции, связанные с Хоббсом. Для уменьшения транспортных расходов экспедиции Татибана решил отправить снаряжение морем из Лондона в Санкт-Петербург и поручил своему новому работнику сопровождать багаж. Хоббс отплыл двумя днями раньше, чтобы проследить за багажом, состоявшим из двадцати мест и содержавшим множество научных приспособлений и другое экспедиционное имущество. Татибана отправился из Лондона 16 августа 1910 г., заехал сначала в Берлин, а затем прибыл в Санкт-Петербург[5]. В течение недели со все усиливавшимся волнением он ожидал своего помощника с багажом.

Русская таможенная служба обратила внимание на багаж экспедиции, и Татибана вынужден был обратиться в Посольство Японии за помощью. В конце концов каждое место багажа было тщательно взвешено и опечатано работниками таможни с условием, что багаж не может быть вскрыт на территории России, и что он должен быть вывезен

received two telegrams from Kucha, some four hundred miles to the east. One, in Chinese, was from the British *aksakal* there informing him that a British traveller, a Mr A.O. Hobbs, had been struck down by smallpox. The second, a desperate please for help, was from Hobbs himself who appears to have been unaware that it was smallpox that he was suffering from. In his telegram he grimly spelled out the symptoms. 'I am suffering from skin disease which has affected all organs. I can only keep my eyes open for a few minutes at a time... For ten days I have been like this and I have not left my bed.' Neither this telegram nor the aksakal's offered Macartney (who prided himself on knowing everybody's movements in Chinese Turkestan) a clue as to who this man was or what he was doing all by himself in this remote spot. After dispatching his Indian medical assistant to Kucha, Macartney signaled to Hobbs to say that help was on its way. But on January 16 he received a telegram from the *Ting-kuan* (senior Chinese official) of Kucha informing him that Hobbs had died the previous evening."[4]

Hopkirk concluded the story describing how Macartney made arrangements for moving Hobbs's body to Kashgar. The transfer of the body took almost three months and Tachibana, having discovered his companion's ill fate in Kucha, raced to Kashgar just in time for the burial. Hopkirk's narrative sums up what was known to Macartney and the British authorities of Hobbs. Bits and pieces of information found in mainly Japanese sources provide some additional insight into his life.

Naturally, the main source is Tachibana himself, who has talked and published about the expedition. From his accounts we can reconstruct the general details of the expedition with regards to Hobbs. In order to reduce the transportation fees of the expedition, Tachibana decided to ship their gear from London to St. Petersburg by sea and instructed his newly hired employee to accompany the luggage. Thus Hobbs left by boat two days ahead, overseeing their twenty pieces of heavy luggage which contained a host of scientific instruments and other expedition gear. Tachibana left London on 16 August 1910, going first to Berlin and then to St. Petersburg.[5] Arriving there first, he waited amidst growing anxiety for another week until Hobbs and the luggage arrived.

---

4 Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia, Oxford, 2001, pp. 203–204.

5 В Берлине он посетил Альберта фон Лекока. В письме от 23 августа 1910 г. Денисону Россу в Калькутту Лекок написал о визите Татибаны и о своем удивлении по поводу его небольшого роста (Ross, D. Both Ends of the Candle: The Autobiography of Sir E. Denison Ross, London, 1943, p. 107).

4 Hopkirk, P. *Foreign Devils on the Silk Road: The Search for the Lost Treasures of Central Asia*, Oxford, 2001, pp. 203–204.

5 At Berlin, he visited Albert von Le Coq. Le Coq wrote about Tachibana's visit and his surprise at the latter's small stature in a letter (dated August 23, 1910) to Denison Ross in Calcutta. (Ross, D. *Both Ends of the Candle: The Autobiography of Sir E. Denison Ross*, London, 1943, p. 107.)

из страны в течение шести месяцев. Находясь в Санкт-Петербурге, Татибана также решил нанять русского молодого человека в качестве переводчика. С помощью владельца японского магазина «Токио», расположенного на Невском проспекте, дом 57, он нашел русского семнадцатилетнего юношу за ежемесячное жалование около 170 иен и оплату всех дорожных издержек.

Для того чтобы посмотреть страну и сэкономить деньги, Татибана решил воспользоваться обычным железнодорожным вагоном, а не международным экспрессом. Он писал, что это путешествие семнадцатилетнего русского юноши, восемнадцатилетнего помощника-англичанина и их двадцатилетнего японского хозяина со стороны выглядело как поездка трех школяров. Люди удивлялись, узнав, что они собираются в экспедицию в пустыни Центральной Азии. Сам Татибана был небольшого роста (157 см) и очень худым, он выглядел значительно моложе своих лет[6]. Он опасался, что если бы он нанял взрослого переводчика, то тот, вероятно, не стал бы подчиняться ему, а стал бы критиковать его или давать советы, что привело бы к нарушению должных отношений между работником и нанимателем. Однако он слишком поздно понял, что их «переводчик» говорит только по-русски и не может общаться ни с Татибаной, ни с Хоббсом, которые по-русски не знали ни слова. В результате, после нескольких неудачных попыток использовать переводчика во время пути, Татибана в Семипалатинске уволил юношу. После этого он попытался найти русского переводчика, который говорил бы по-китайски и по-английски, но после бесполезных поисков ему пришлось воспользоваться услугами «потрепанного вида киргиза», который немного знал китайский язык — это было лучшее, что он смог сделать.

Не стоит и упоминать, что этот киргиз не говорил ни по-английски, ни по-японски, и таким образом его роль как переводчика была сомнительна. Татибана мог немного говорить по-китайски и по-уйгурски — на самых распространенных в Синьцзяне языках, так что вряд ли ему был нужен русский переводчик. Этот факт говорит о том, что попытки Татибаны нанять русского переводчика, возможно, были следствием инструкций Отани, который намеревался подчеркнуть неяпонский характер экспедиции, чтобы уменьшить недоверие британских властей. Их новый переводчик-киргиз, однако, в большей степени считался почти местным жителем в Синьцзяне и таким образом не подходил для этой роли, так что о нем нигде не упоминалось как о члене экспе-

At this point, Russian customs officials became interested in the luggage and Tachibana had to turn to the Japanese Embassy for assistance. Eventually, each place of luggage was carefully weighed and sealed by customs officers, with the understanding that it may not be opened within Russia and that it must leave the country within six months. While in St. Petersburg, Tachibana also decided to hire a young Russian to act as an interpreter. With the help of the owner of a Japanese shop called "Tokyo" located at 57 Nevsky Prospect, he managed to find a seventeen-year old Russian boy for the monthly salary of about 170 yen and round-trip travel expenses.

In order to see the country and to save money, Tachibana decided to travel on local trains, rather than taking the international express. He described that travelling on the local train, the seventeen-year old Russian boy, the eighteen-year old English assistant, and their twenty-year old Japanese employer appeared to outside observers as three kids on a school trip. People were surprised to hear that they were to go on an expedition into the deserts of Central Asia. Tachibana himself was short (157 cm) and very thin, giving an appearance much younger than his actual age.[6] He was concerned that if he had hired an adult interpreter, the man would probably have not listened to him properly but would have criticized and tried to advise him, thus confusing the roles of employer and employee. However, he realized too late that their "interpreter" spoke only Russian and although he understood everything the Russians said to them, he had no means of communicating with Tachibana or Hobbs, neither of whom spoke a word of Russian. Eventually, after several frustrating experiences along the way, Tachibana dismissed the boy at Semipalatinsk. After this, he tried to find a Russian interpreter who spoke both Chinese and English but after frustrating searches the best he could do was to employ a 'shabby-looking Kyrghyz' with a limited knowledge of Chinese.

Needless to say, the Kyrghyz spoke neither English nor Japanese, thus his role as an interpreter was also questionable. Tachibana could speak some Chinese and Uighur so he would not really need a Russian interpreter in Xinjiang where these were the two major languages. This is one indication that Tachibana's efforts to hire a Russian interpreter must have been based on Otani's instructions, intending to emphasize the non-Japanese nature of the expedition in an attempt to alleviate the mistrust of the British authorities. Their new Kyrghyz interpreter, however, to a large extent was considered local in Xinjiang and thus did not seem to have served this role, as he is never

---

6 Многие, знавшие Татибану, отмечали его моложавый вид. Например, капитан Шаттлворт, британский представитель в Кашгаре во время путешествия Татибаны в 1908—1909 гг., так описал путешественника: «Тасибана (sic) выглядит приблизительно на пятнадцать лет» (Британская библиотека, библиотека Департамента по делам Индии, L/P&S/IO/55/240).

6 Tachibana's youthful appearance was often noted by outsiders. For example, during Tachibana's 1908–09 trip, Captain Shuttleworth, the British representative at Kashgar during Tachibana's 1908–09 trip, described him the following way, "Tashibana (sic) looks about fifteen years old." (The British Library, India Office Records, L/P&S/IO/55/240).

диции — ни в отчетах самого Татибаны, ни в донесениях британской разведки.

Из Семипалатинска они направились на китайскую территорию, в Тарбагатай, и для них снова начались испытания ожиданием багажа, который они заранее отправили с караваном. Через пятнадцать дней они получили известие от китайских таможенников, что их снаряжение прибыло. Хоббс в тот момент был верхом; он был так обрадован, что пустил свою лошадь в галоп, но тут же вылетел из седла, так как не имел опыта верховой езды. К счастью, он ничего себе не повредил, хотя сильно испугался. Немного погодя местный житель привел убежавшую лошадь.

Татибана и Хоббс, как правило, ехали впереди, багаж везли следом на лошадях люди из местных. Обычно они добирались до постоялого двора задолго до прибытия сопровождающих. Лондонец Хоббс оказался совершенно не подготовлен к той грязи, которую они видели в местных гостиницах. Без света, а иногда даже и без циновки, прямо на полу, они, изможденные дорогой, часто вынуждены были сидеть в комнате, ожидая багаж, в котором находились провизия и посуда. Татибана позднее вспоминал, как однажды, когда они так сидели, тупо глядя перед собой, Хоббс вдруг повернулся к нему и воскликнул: «Ну что это за условия? Такой, видимо, была жизнь в древности!». Но затем путешественники вновь подпадали под очарование первозданной красоты окружающего их пейзажа. Одним из наиболее приятных моментов во время путешествия была остановка в Урумчи, где они познакомились с датчанином Петерсоном, которого пекинское правительство направило организовать сеть почтовых учреждений, и преподобным Джорджем Хантером, известным английским миссионером.

В Урумчи они наняли себе в помощь местного киргиза и нескольких китайцев и продолжили путь в Турфан. Татибана очень кратко описал пребывание экспедиции в Турфане. Тем более удивителен отчет, написанный самим Хоббсом и опубликованный в Англии в выпуске «Lloyd's Weekly News» от 1 января. В нем Хоббс представлен, как человек родом из Суиндона (город в Великобритании, в графстве Уилтшир), который по приказу Татибаны руководил раскопками близ Турфана. Еженедельник цитирует его описание памятника: «До середины скалы стены и потолок были покрыты великолепно сохранившимися изображениями Будды»[7].

Закончив раскопки возле Турфана, в начале декабря Татибана решил снова посетить Лоулань, где во время своего предыдущего путешествия он обнаружил ценные рукописи. Обеспокоенный как судьбой находок, добытых при

mentioned as being part of the expedition in Tachibana's own accounts or in British intelligence reports.

From Semipalatinsk, they crossed into Chinese territory to Tarbagatai and, once again, began their calvary with waiting for the luggage, which they had sent ahead of themselves by caravan. After fifteen days, they received a notice from the Chinese customs that their gear had arrived. Overjoyed by the news, Hobbs, who was on horseback at the time, tried to break into a gallop but, having had little equestrian experience, was thrown. Luckily, he suffered no other harm than a terrible fright, and a little later a local man brought back the runaway horse.

As a general principle, when on the road, Tachibana and Hobbs rode ahead of their luggage which was carried on horses by locals. Thus they usually arrived earlier at their accommodation. Coming from London, Hobbs was initially unaccustomed to the filth that awaited them in these inns. Without lights and sometimes even a carpet, they would often sit in the room fatigued and lethargic after a long day, waiting for the luggage which contained all their provisions and cooking utensils. Tachibana remembered that at one occasion, as they sat there gazing ahead absent-mindedly, Hobbs suddenly turned to him and exclaimed, "What kind of living conditions are these? This is what prehistoric life must have looked like!" Then again, at other times both travellers were amazed by the untouched beauty of the scenery along the way. One of the more pleasant moments of their journey was their stay in Urumqi where at a party they met the Danishman Peterson, sent by the Beijing government to organize the postal network, and Rev. George Hunter, the well-known English missionary.

In Urumqi, they hired a local Kyrghyz and a few Chinese helpers and moved on to Turfan. Although Tachibana's description of their stay in Turfan is very brief, surprisingly there is an account of their activity there by Hobbs himself, in a report that appeared back in England in the January 1 issue of the *Lloyd's Weekly News*. Here Hobbs is referred to as being from Swindon, and superintending excavations at the ruins near Turfan for Tachibana. He is quoted describing the ruins with the words, "Half way up the rock the walls and ceilings of the caves are covered with remarkably preserved paintings of Buddha."[7]

After having excavated near Turfan, in early December Tachibana decided to revisit Loulan where he had found important manuscripts during his earlier trip. Worried about both the spoils of the Turfan excavations and Hobbs's health, he decided to go alone, taking with him only the equipment necessary for the excavation in the desert. He sent the rest of the luggage

---

[7] Цит. по: McKay J., The Origin of the Xosas and Others, Cape Town: J.C. Juta, 1911, p. 60. Я многократно просмотрел вышеупомянутый выпуск «Lloyd's Weekly News», но не смог обнаружить цитируемый оригинал. Так как книга МакКея вышла в 1911 г., эти слова являются самым первым отчетом об экспедиции.

[7] These words are quoted in: McKay, J. *The Origin of the Xosas and Others*. Cape Town: J. C. Juta, 1911, p. 60. I have looked through and through the said issue of *Lloyd's Weekly News* but was not able to find the original source. Still, McKay's book dates to 1911 therefore this fragment represents the earliest report on the expedition.

раскопках в Турфане, так и здоровьем Хоббса, он решил отправиться туда один, взяв с собой только снаряжение, необходимое для раскопок в пустыне. Остальной багаж он отправил с Хоббсом далее на запад, в Кучу, где приказал ожидать его. Татибана описал их расставание очень эмоционально, не сомневаясь в тот момент, что они видятся в последний раз. Посылая Хоббса ждать его в большом городе, Татибана, по всей вероятности, пытался оградить своего юного компаньона от трудностей путешествия по пустыне. Возможно, к этому времени он уже понял, что для англичанина условия оказались слишком трудными, и он не мог путешествовать по пустыне. Татибана должен был утешить Хоббса, показав, что не вся Центральная Азия дикая и что в ней кое-где есть большие города, полные жизни и соединенные хорошими дорогами. Как он утверждал, Куча была именно одним из таких центров. Поэтому 2 декабря 1910 г. Хоббс со своим багажом в сопровождении слуги из местных отправился в Кучу[8].

В течение последующих трех месяцев Татибана пересек пустыню Лоп, провел раскопки в Лоулани, посетил Миран и затем пересек пустыню Такла-Макан. После этого он поспешил в город Куча, на место встречи, назначенной еще в декабре. Он прибыл туда вечером 4 марта и узнал, что Хоббс умер от оспы, и что его тело по распоряжению Джорджа Макартни было отправлено в Кашгар.

Оспа в те времена не считалась необычной болезнью для Западного Китая. В заметках Стейна по физической антропологии упоминается, что многие местные жители перенесли это заболевание[9]. Во время путешествия Отани в 1899 г. по Китаю один из его спутников тоже скончался от оспы.

Хоббс заразился оспой, когда ждал Татибану, но его телеграммы, которые он посылал в Кашгар Макартни, говорят о том, что он до конца не осознавал серьезности положения, полагая все это время, что у него какое-то кожное заболевание. Хотя он умер в середине января, его тело было отправлено в Кашгар только в конце февраля, всего лишь за две недели до прибытия Татибаны.

В консульских записях Макартни, хранящихся среди политических и секретных документов в библиотеке Департамента по делам Индии, сказано об этом так: «1 марта. Прошлой ночью получена телеграмма от британского посланника из Пекина, в которой говорится о смерти господина Хоббса в Куче. Его сиятельство указывает, что китайское правительство уведомило его о том, что губернатор Нового доминиона выслал инструкции городским вла-

with Hobbs to Kucha further west, instructing him to wait there. Tachibana described their parting in highly emotional colours; no doubt because by that time he knew that this had been the last time they saw each other. By sending Hobbs to wait for him in a larger town, Tachibana was most likely trying to protect his younger companion from the hardships of the desert. Perhaps by that time he already realized that the Englishman was finding the terrain and conditions trying and would not be able to make the desert trip. Tachibana had had to console Hobbs by explaining that not all of Central Asia was like this and that elsewhere there were large towns full of life and connected by normal roads. Kucha was like this, he explained. Accordingly, on 2 December 1910, accompanied by a local servant, Hobbs left with their luggage bound for Kucha.[8]

During the following three months, Tachibana crossed the Lop desert, conducted excavations in Loulan, visited Miran and then crossed the Taklamakan desert. After this, he hurried to Kucha to make the appointment set back in December. He arrived there on the evening of 4 March and soon found out that Hobbs had died from smallpox and that his body, due to the arrangements made by George Macartney, the British Consul General, was already on its way to Kashgar.

Smallpox was not an unusual disease at the time in Western China. Stein's analyses of physical anthropology recorded quite a few locals who had suffered from it earlier in their lives.[9] In fact, on Otani's 1899 journey through China one of his own followers died of smallpox.

Hobbs contracted the virus while waiting for Tachibana but his telegrams sent to Macartney in Kashgar show that he was completely unaware of the severity of the problem, all the while thinking that he had some sort of skin disease. Although he died in mid January, his body was not sent to Kashgar until late February, missing Tachibana by only a couple of weeks.

Macartney's consular diary kept among the Political and Secret Files of the India Office Library records the events from his point of view: "1st March. Received last night a telegram from the British Minister, Beijing, *re* death of Mr. Hobbs at Kucha. His Excellency said that he had been informed by the Chinese Government that the Governor of the New Dominion has instructed the Kucha Magistrate to act in accordance with my wishes."[10]

Another related document from March 1911 supplies a few additional details about Macartney's efforts to provide assistance to Hobbs: "Mr. Macartney reports the death at Kucha, on the 15th January, of an English traveller named

---

8 榎一雄 Эноки Кадзуо. 橘瑞超氏の沙漠漫遊記 Татибана Дзуйтё си но Сабаку манью ки (Записки о путешествиях в пустыне господина Татибаны Дзуйтё), Сируку рōдо (Шелковый путь) 7, 1981, January, No 1, pp. 3–13.

9 Stein M.A. Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China, Vol. 3. Oxford, 1921, pp. 1362–1365.

8 榎一雄 Enoki Kazuo, 橘瑞超氏の沙漠漫遊記 "Tachibana Zuichō shi no Sabaku manyūki" (Notes on Tachibana Zuichō's travels in the desert) // Shiruku rōdo (*Silk Road*) 7, 1981, January, No 1, pp. 3–13.

9 Stein, M.A. *Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 3. Oxford, 1921, pp. 1362–1365.

стям Кучи, как надо действовать в соответствии с моими пожеланиями»[10].

Другой документ, датируемый мартом 1911 г., содержит дополнительную информацию о попытках Макартни оказать помощь Хоббсу: «Господин Макартни докладывает о смерти английского путешественника по имени Хоббс 15 января в Куче. Получив известие о тяжелом состоянии господина Хоббса, господин Макартни выслал ему в помощь своего медика, но путешественник умер от оспы до того, как тот прибыл на место. Господин Макартни отдал распоряжение о похоронах и охране его имущества. Оказалось, что господин Хоббс был спутником японского путешественника Ташибаны (sic)»[11].

Во время траура по своему другу Татибана внезапно оказался в круговороте множества административных дел. Он был вынужден вести переписку с китайскими властями, британским консулом в Кашгаре и японским посольством в Пекине. Ему также необходимо было позаботиться о багаже, а также отдать распоряжения относительно работников, которых он оставил в небольшом селении. Закончив все эти дела, он поспешил в Кашгар и прибыл туда спустя две недели. Он немедленно посетил Макартни и переговорил с ним относительно организации похорон[12]. Похороны состоялись 21 марта 1911 г. по обычаю англиканской церкви. Среди присутствующих были Макартни и русский генеральный консул Соков. Но Татибана был не совсем последователен в описаниях событий. В своем отчете Отани он писал, что они состоялись в 15 час. 30 мин., что присутствовало множество разных людей[13], в то время как в своей книге об экспедиции он сообщал, что похороны состоялись в 18 час. 30 мин., и что кроме него и консулов присутствовало еще два или три иностранца[14].

Наряду с этим, краткая запись в дневнике Макартни дает точную информацию: «21 марта. Господин А.О. Хоббс, гроб с телом которого вчера прибыл из Кучи, был сегодня похоронен на кладбище Британского консульства, заупокойная молитва по обычаю англиканской церкви была прочитана мною и миссионером господином Ньюстромом, у могилы присутствовали господин Соков и его секретарь, господин Вальтер, господин Татибана и несколько шведов»[15].

Mr. A.O. Hobbs. Mr. Macartney, on receiving news of Mr. Hobbs' serious condition, sent his Hospital Assistant to his assistance, but the traveller died from smallpox, before the arrival of the medical officer. Mr. Macartney made arrangements for the burial of the body, and for the care of the property. It appears that Mr. Hobbs was a companion to the Japanese traveller, Tashibana (sic)."[11]

While mourning his friend, Tachibana suddenly found himself in the midst of a multitude of administrative duties, having to correspond with the Chinese authorities, the British Consul in Kashgar, and the Japanese Embassy in Beijing. He also needed to take care of the luggage, as well as giving instructions to a party of hired hands he had left behind in a small village. Having done all this, he rushed to Kashgar for the burial and arrived there in over two weeks. He immediately visited Macartney and spoke to him regarding the funeral arrangements.[12] The funeral took place on 21 March 1911, according to the rites of the Anglican Church. Among those present were Macartney and the Russian Consul-General Sokov. Tachibana is not entirely consistent in his accounts regarding the details of the funeral; in his report to Otani he wrote that it was held at 3:30 pm and there were dozens of other people,[13] whereas in his book published about the expedition he claimed that it was held at 6:30 pm and apart from him and the consuls there were two or three other foreigners.[14]

Macartney's short diary entry on the subject, on the other hand, gives a precise description of those present: "21st March. Mr. A.O. Hobbs, whose coffin arrived yesterday from Kucha, was buried to-day in the British Consulate Cemetery, the Church of England Burial Service having been read by me, and Mr. Niustrom, missionary, at the grave side, Mr. Sokov and his Secretary, Mr. Walther, Mr. Tashibana and several Swedes were present."[15]

These few people at the time represented practically the entire European population of Kashgar. The cemetery was out-

---

10 Британское консульство, Кашгар. Запись за март 1911 г. (L/P&S/7/248/894).

11 Пограничный журнал за март 1911 г. (L/P&S/7/248/730).

12 По сведениям Макартни, Татибана прибыл в Кашгар 19 марта из «Кучи, по пути в Хотан» (Британское консульство, Кашгар). Выдержка из последних докладов, полученных в течение марта 1911 г. (L/P&S/7/248/894).

13 Эноки Кадзуо, *Указ. соч.*

14 橘瑞超 Татибана Дзуйтё. 中亜探検 Тюа танкен (Исследования Центральной Азии). Токио, 1912.

15 Британское консульство, Кашгар. Дневник за март 1911 г., p. 3 (L/P&S/7/248/894).

10 "British Consulate, Kashgar, Diary for the month of March 1911," L/P&S/7/248/894.

11 "Trans-Frontier Journal for March 1911," L/P&S/7/248/730.

12 According to Macartney, Tachibana arrived in Kashgar on 19 March "from Kucha, en route to Khotan." (British Consulate, Kashgar. Abstract of News Reports received during the month of March 1911, L/P&S/7/248/894.)

13 Enoki Kazuo. *Op. cit.*

14 橘瑞超 Tachibana Zuicho. 中亜探検 Chūa tanken (*Exploration of Central Asia*). Tokyo, 1912.

15 "British Consulate, Kashgar, Diary of the month of March 1911," L/P&S/7/248/894, p. 3.

В то время эти несколько лиц составляли почти все европейское население Кашгара. Кладбище находилось за северными воротами города. После похорон Татибана начислил зарплату Хоббсу и отправил ее вместе с его личными вещами «семье в Уэльс». Затем он установил надгробие стоимостью в сто русских рублей[16]. Тогда же Татибана получил телеграмму из Японии о том, что умерла Кадзуко, жена Отани. Потрясенный потерей двух очень близких людей, Татибана впал в депрессию, продлившуюся несколько месяцев.

Кадзуко умерла 27 января 1911 г. В это время Отани был чрезвычайно занят, так как приготовления к торжествам по случаю 650-й годовщины смерти Синрана, первого патриарха школы Дзёдо синсю, были в самом разгаре. Мероприятия получили общественный резонанс и продолжались несколько недель, в течение которых около двух миллионов его последователей со всей Японии посетили главный храм школы в Киото. Приготовления начались сразу же после того, как Отани и Кадзуко вернулись в Японию из Лондона, где с ними также был и Татибана. Кадзуко заболела 20 января во время приготовления к торжествам, а спустя неделю умерла; ей был всего лишь 31 год[17].

Татибана оказался один на один со своим горем в удаленном месте, что, без сомнения, нанесло молодому человеку серьезную душевную травму. Но его несчастья только начинались. Пробыв три недели в Кашгаре, 7 апреля он отправился по южной дороге в бассейне Тарима и в течение двух месяцев вел раскопки близ Хотана. Затем из Керии он пытался через хребет Куньлунь проехать в Тибет, но в пути все верблюды его каравана пали, нанятые люди разбежались, даже стеклянные негативы сделанных им фотографий оказались засвечены. Целый месяц он потратил впустую и вынужден был возвращаться по своим же следам в Керию. Затем его ограбили и, в довершение всех несчастий, на постоялом дворе его жестоко избил китаец. Местные власти закрыли глаза на эти инциденты и заявили, что они находятся вне пределов их юрисдикции. Без сомнения, главной причиной его проблем с китайсими властями было то, что, согласно ноте, направленной в японское посольство в Пекине, Татибана в то время не выправил себе надлежащим образом паспорт и, следовательно, путешествовал в регио-

side the northern gates of the city. After the funeral, Tachibana disbursed Hobbs's salary and mailed it along with his personal belongings to 'his family in Wales.' Then he erected a tombstone at the expense of 100 Russian rubles.[16] This was when Tachibana received a telegram from Japan informing him that Otani's wife Kazuko had passed away. Struck by the loss of two people very close to him, Tachibana sunk into a dark mood which lasted several months.

Kazuko died on 27 January 1911. This was an extremely busy time for Otani and his temple because they were amidst the preparations for celebrating the 650th anniversary of the death of Shinran, the founding saint of the Jodo Shinshu sect. The celebration was a public event that lasted for weeks and during which an estimated 2 million followers from all over Japan visited the sect's main temple in Kyoto. Arrangements began immediately after Otani and Kazuko arrived back in Japan from their visit to London, where Tachibana was also with them. Kazuko fell ill on 20 January during the busy preparations and died a week later aged only 31[17].

Tachibana had to deal with his grief alone in a remote place and this was undoubtedly a serious trauma for the young man. His bad luck, however, had only begun. After three weeks in Kashgar, he left on 7 April along the southern route of the Tarim Basin and spent two months excavating in the vicinity of Khotan. Then from Keriya he wanted to cross the Kunlun range to the Tibetan plateau but midway all of the camels in his caravan perished, his men deserted him and even the glass negatives of his newly-taken photographs shattered. He wasted an entire month in vain and had to retrace his tracks back to Keriya. He was then robbed and, on yet another occasion, severely beaten by a Chinese guest in his hotel; the Chinese authorities turned a blind eye to the incidents and claimed it was outside their jurisdiction. Undoubtedly, a major part of the problem was that by this time Tachibana, according to a complaint sent to the Japanese embassy in Beijing, would not display his pass-

---

16 Свои действия относительно зарплаты Хоббса, его личных вещей и надгробия были описаны Татибаной в письме Ватанабэ Тэссину от 10 июля 1912 г. (Цит. по: 金子民雄 Канэко Тамио, 西域 - 探検の世紀 Сэйики: Танкэн но сэйки (Западный край — век экспедиций). Токио, 2002. С. 174–175.

17 Можно предположить, что это было трудное время для Отани, так как месяц спустя в письме к Свену Гедину о путешествии Татибаны в Турфан и пустыню Лоб он также сообщил о смерти своей жены и о чувстве глубокого одиночества, охватившем его. Это письмо от 27 февраля 1917 г., воспроизведено в послесловии Канэко Тамио к изданию книги Татибаны в 1989 г. (橘瑞超 Татибана Дзуйтё. 中亜探検 Тюа танкен (Исследования Центральной Азии). Токио. 1989. С. 268).

16 Tachibana's arrangements with regard to Hobbs's salary, personal items and grave stone were described by him in a letter to Watanabe Tesshin, dated 10 July 1912. (Cited in 金子民雄 Kaneko Tamio. 西域 - 探検の世紀 *Saiiki: Tanken no seiki* (*Western Regions – a Century of Exploration*), Tokyo, 2002, pp. 174–175).

17 Admittedly, this was a difficult time for Otani and a month later, in a letter which he wrote to Sven Hedin about Tachibana's trip to Turfan and the Lop desert, he also brought up his wife's death and that he was feeling very lonely. This letter, dated 27 February 1911, is reproduced in Kaneko Tamio's postscript to the 1989 edition of Tachibana's book (橘瑞超 Tachibana Zuicho. 中亜探検 *Chūa tanken* (*Explaration of Central Asia*). Tokyo, 1989, p. 268).

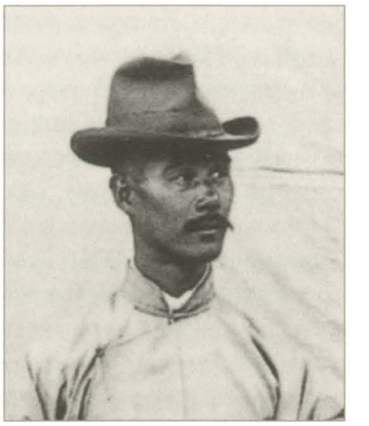
не, к которому проявлялся повышенный политический интерес, без соответствующего разрешения[18]. После всего этого все связи с Татибаной оборвались и, когда он не появился в августе в Дуньхуане, где его должен был встретить Ёсикава Коитиро, Отани объявил его официальный розыск. Тем временем разразилась Синьхайская революция, и поиски потреявшегося японского путешественника отошли на второй план.

Наконец, 26 января Татибана добрался до Дуньхуана. Здесь он присоединился к Ёсикаве, который прибыл, чтобы сменить его в этой экспедиции. Проведя чуть больше недели в Могаоку, где они приобрели рукописи у Ван Юань-лу, они отправились в Турфан для дальнейших раскопок. В конце концов, Татибана пересек северную границу Китая и направился в Японию по Транссибирской железной дороге. Он вез с собой рукописи, приобретенные обоими путешественниками, включая и те, которые они купили в Дуньхуане. Ёсикава остался в Китае и продолжал исследования еще в течение двух лет, вернувшись в Японию в июле 1914 г.

Во время экспедиции в Восточном Туркестане, через год после того, как уехал Татибана, Ёсикава проходил через Кашгар, где посетил могилу Хоббса. В его дневнике есть следующая запись: «8 июля (1913 г.). Среда. Теплый северный ветер, небо чистое. [Встал] в 7 часов 30 минут утра. 72°. Преподнес две бутылки фруктового вина в местном *ямыне*, затем посетил начальника уезда. Он оказался человеком из Гуанси и, следовательно, очень болтливым. Бывал в Корее и хорошо знает эту страну. В конце концов я извинился и ушел, по дороге заглянул на почту и вернулся домой в 14 часов. В 15 часов я пошел отдать дань уважения покойному Хоббсу, могила которого находилась за северными воротами, и сфотографировал ее. Он был любимым помощником Татибаны, и как жаль, что его кости были погребены в таком заброшенном месте! Человек никогда не знает, что ждет его завтра!»[19].

Упомянутая фотография позднее была опубликована вместе с дневником Ёсикавы, но, к сожалению, изображение недостаточно четкое, чтобы можно было прочитать имя на небольшом кирпичном памятнике, возведенном над могилой. Где сейчас находится сама могила, установить невозможно.

Вот и все, что нам удалось узнать о Хоббсе. В кратких отчетах Макартни нет даже намека на то, что он мог иметь какие бы то ни было подозрения относительно деятельности японской экспедиции в Синьцзяне. Для Макартни март



Ёсикава Коитиро
Yoshikawa Koichiro

port and thus was travelling in politically sensitive regions without a proper permit.[18] After this, all communication with Tachibana was lost and when he did not show up in Dunhuang by August, where he was to meet Yoshikawa Koichiro, Otani initiated a search through official channels. Meanwhile the Chinese revolution broke out and the search for a lost Japanese traveller was far from being the top priority for the local authorities.

Tachibana eventually arrived in Dunhuang by himself on 26 January. Here he joined with Yoshikawa who had come to replace him on this expedition. After spending a week or so at the Mogao caves buying manuscripts from Wang Yuan-lu, they proceeded to Turfan for further excavations. Tachibana eventually left China in a northern direction and returned home via the Trans-Siberian Railway carrying with him the manuscripts the two of them had acquired so far, including the ones purchased at Dunhuang. Yoshikawa stayed behind and continued the expedition for another two years, returning to Japan in July 1914.

In the course of his exploration in Xinjiang, a year after Tachibana's departure Yoshikawa passed through Kashgar and here he also visited Hobbs's grave. His diary includes the following entry: "8 July (1913). Wednesday. Warm north wind, clear sky. [Got up at] 7:30 AM. 72°. Presented two bottles of fruit wine to the County Yamen, then visited the County Magistrate. He is a man from Guangxi and thus a great talker. Used to be in Korea and knows that land very well. Finally I excused myself, dropped by the post office and returned home at 2 PM.

---

[18] Это официальное донесение процитировано в книге Канэко Тамио (Канэко Тамио. Сэйики: Танкэн но сэйки, Токио, 2002. С. 181). Жалоба была получена японским послом 26 августа и послана далее в секретной телеграмме Комура Дзютаро японскому министру иностранных дел.

[19] 上原芳太郎 Уэхара Ёситаро, ed. 新西域記 Син Сэйики ки (Новые записки о Западном крае). Токио, 1937. С. 667.

[18] This official communication is cited in: Kaneko Tamio. *Saiiki: Tanken no seiki*, Tokyo, 2002, p. 181. This complaint was received by the Japanese Ambassador on 26 August and was forwarded in a secret telegram to Komura Jūtarō, Japan's Foreign Minister.

1911 г. был очень напряженным периодом, так как он был назначен генеральным консулом и налаживание отношений с русскими и китайскими властями поглотило его целиком. Действительно, он узнал о присутствии в стране Татибаны и Хоббса спустя четыре месяца после их появления, когда в середине января получил мольбу о помощи от заболевшего Хоббса. Его полное безразличие к путешественникам находится, конечно, в полном контрасте с отчетами капитана Шаттлворта, который еще двумя годами раньше постоянно держал Татибану и Номуру в поле своего зрения.

Капитан Шаттлворт был исполняющим обязанности консула в Кашгаре в 1908—1909 гг., когда Дж. Макартни находился в отпуске в Великобритании. В течение этого времени он пристально наблюдал за деятельностью Татибаны и Номуры и даже несколько раз встречался с ними лично. Несмотря на изначально возникшую симпатию к этим путешественникам, с течением времени он пришел к заключению, что они оба были агентами разведки, для которых археология служила всего лишь прикрытием. Конкретных доказательств так и не нашлось, но даже подозрения принесли значительный ущерб экспедиции. Помимо возрастающего пристального внимания к двум японским исследователям главным ударом было то, что после того как они отправились в Индию, Номуре отказали в обратном въезде в Китай через Лех, и поэтому он не смог забрать часть археологических находок, которые они оставили в Кашгаре.

Осенью 1909 г. Татибана и Номура закончили свою экспедицию, пройдя через перевал Каракорум в Шринагар, где они встретились с Отани. Однако когда японский консул в Калькутте обратился от имени Номуры за разрешением вернуться в Кашгар, ему ответили, что «правительство Индии сожалеет, что не может дать господину Эйдзабуро Номуре разрешение вновь пересечь границу Британской империи через Лех и Каракорум»[20]. Хотя отказ и был вежливым, но он был прямым следствием донесений Шаттлворта об их пребывании в Кашгаре. Действительно, из внутренней корреспонденции британской стороны видно, что японский путешественник теперь считался «нежелательным гостем».

Отани, без сомнения, знал о подозрениях, окружавших его исследования, и решил избежать осложнений. Его поездка в Англию, где он участвовал в японско-британской выставке, было одним из действий, направленных на то, чтобы продемонстрировать его дружеское и явно не политизированное отношение к Британии. Огромное значение имело признание академического статуса его экспедиций: Татибана и Ватанабэ были избраны членами Королевского

At 3 PM I went to pay respect to the late Hobbs's grave outside the northern gates, and took a photograph of it. He was Tachibana's beloved assistant, what a shame that his bones had to be buried in such a desolate place! A man never knows what awaits him tomorrow!"[19]

This photograph was later published together with Yoshikawa's diary but unfortunately the image is not clear enough to be able to see the name on the little brick monument erected over it. The grave itself can no longer be located today.

The above sums up the information I have been able to gather about Hobbs. It is clear that Macartney's terse reports on him and Tachibana did not imply that he had any reasons to be suspicious of their activities in Xinjiang. For Macartney, March was a busy time because of his promotion to the position of Consul-General and he was heavily involved in redefining his relationship with the Russian and Chinese authorities. Indeed, he only learnt about the presence of Tachibana and Hobbs in the country some four months after their arrival, when he received in mid January a plea for help from the ailing Hobbs. His genial indifference to them is, of course, in sharp contrast with the reports filed by Captain Shuttleworth who kept Tachibana and Nomura under constant surveillance two years earlier.

Captain Shuttleworth served as acting Consul in Kashgar in 1908—09 while George Macartney was on leave in Britain. During this period he closely followed the activities of Tachibana and Nomura, several times meeting with them in person. Despite his initial sympathy with the travellers, with time he became convinced that the two were intelligence agents, who only used archaeology as a means of disguise. Without actual evidence his suspicions could not be substantiated but even as such they were extremely damaging for the expeditions. Apart from the increased surveillance of the two Japanese explorers, a concrete drawback was that after their crossing into India, Nomura was denied re-entry into China through Leh and thus could not access part of the archaeological spoils they had left behind in Kashgar.

In the autumn of 1909, Tachibana and Nomura finished their expedition by crossing the Karakorum Pass to Srinagar and meeting there with Otani. However, when the Japanese Consul at Calcutta applied on Nomura's behalf for a permit to return to Kashgar, he was notified that "the Government of India regret to say that they are unable to grant Mr. Yeizaburo Nomura permission to recross the British frontier via Leh and the Karakorum Pass."[20] Although this was a politely put verdict, it was a direct consequence of Shuttleworth's reports on them while they were still in Kashgar. In fact, the internal correspon-

---

[20] Письмо Т. Хирате, исполняющему обязанности генерального консула Японии (Калькутта), от Е.Х.С. Кларке, заместителя секретаря правительства Индии в отделе иностранных дел (L/P&S/IO/55/240, No 36).

[19] 上原芳太郎 Uehara Yoshitarō, ed. 新西域記 Shin Sei-iki ki (*New Records on Western Regions*), Tokyo, 1937, p. 667.

[20] Letter to T. Hirata, Esq., Acting Consul General for Japan (Calcutta) from E. H. S. Clarke, Deputy Secretary to the Government of India in the Foreign Department, L/P&S/IO/55/240, No 36.

Географического общества, что подтвердило их статус ученых в глазах всего мира.

Это не дает оснований предполагать, что Отани пытался скрыть что-либо от британских властей. Наоборот, он пытался продемонстрировать как можно шире свои истинные намерения. Однако, как и в случае с отказом в просьбе Номуры вернуться через Китай, недоверие к членам экспедиции создавало конкретные препятствия, которые надо было преодолевать в реальной жизни.

В апреле 1910 г. «The Geographical Journal» опубликовал краткий отчет о новой экспедиции Татибаны «Японская экспедиция в Китайский Туркестан и Монголию»[21]. Любопытна первая часть статьи, где говорится о трех участниках предстоящей экспедиции, а именно о Татибане, Хасирамото и Аоки: «Молодой японский путешественник господин Дзуйтё Татибана, который недавно совершил интересное путешествие с археологической целью по северным районам Китайской империи, сообщил нам, что он готов отправиться в новую экспедицию в тот же регион и снова под эгидой и при финансовой поддержке графа Кодзуи Отани. Археологический материал предыдущей экспедиции остался в Кашгаре, так как индийское правительство не дало им разрешения пересечь Каракорум. Господин Хасирамото, который присоединится к экспедиции как натуралист, должен, следовательно, прибыть из Пекина в Кашгар через Гуа-хуа-чэн и Гучэн для того, чтобы получить сданный на хранение материал, а на обратном пути в Хами встретиться с руководителем экспедиции, который надеялся попасть в Центральную Азию со стороны России. В Гучэни и Турфане систематические раскопки будут производиться господином Б. Аоки, а начальник тем временем совершит путешествие в Сачу по дороге, известной как главная дорога во времена династий Хань и Янь (sic)...»

Приведенные выше сведения, возможно, были получены журналом в конце января 1910 г., когда Номуре уже отказали в его просьбе, и Отани решил вернуться в Китай другим путем. Для большей предосторожности он решил не отсылать Номуру, справедливо полагая, что проблемы частично происходят из-за него. Однако позднее он должен был понять, что недоверие со стороны Великобритании вызывал не столько лично Номура, сколько японское присутствие в этом регионе вообще. В течение месяцев, проведенных в Лондоне, возможно, после того, как он узнал некоторые подробности, лежащие в основе их трудностей в отношениях с индийским правительством, Отани изменил свой первоначальный план и решил свести к минимуму «японский характер предприятия», «разбавив» ее состав англичанином и русским.

dence on the British side reveals that the Japanese traveller was now considered an 'undesirable visitor.'

Otani was no doubt well aware of the suspicions surrounding his explorations and he was determined to avoid further complications. His trip to England where he participated in the Japan-British Exhibition was one of a number of activities intended to show a friendly and markedly non-political face towards Britain. Of major importance was the academic promotion of the expeditions, in the course of which Tachibana and Watanabe were elected as members of the Royal Geographical Society, confirming their status as scientific explorers in the eyes of the world.

This is not to suggest that Otani was trying to cover up or hide something from the British authorities. On the contrary, he was trying to expose his true motives as much as possible. However, as the case of Nomura's application to return to China shows, the mistrust towards expedition members was creating concrete obstacles that had to be dealt with on a practical level.

In April 1910, *The Geographical Journal* published a short report of Tachibana's new expedition under the title "Japanese Expedition to Chinese Turkestan and Mongolia."[21] The first half of the report is interesting because it names three participants for the upcoming expedition, namely Tachibana, Hashiramoto and Aoki: "The young Japanese traveller, Mr. Zuicho Tachibana, who lately carried out an interesting journey of archaeological research through the northern parts of the Chinese empire, informs us that he is about to start on a new expedition to the same region, again under the auspices and at the expense of Count Kozui Otani. The archaeological spoils of the former expedition were left at Kashgar, as permission to cross the Karakorum pass could not be obtained from the Indian Government. Mr. Hashiramoto, who will join the new expedition as naturalist, will therefore proceed from Beijing to Kashgar via Kwa-hua-cheng and Gucheng in order to fetch the collections, and on his return will be met by the leader (who hopes to enter Central Asia from the Russian side) at Hami. At Guchen and Turfan systematic excavations will be carried on by Mr. B. Aoki, the leader meanwhile making a trip to Sachu by the route used as a highway during the Han and Yan (*sic*) dynasties..."

The above information must have been received by the journal after the end of January 1910 when Nomura's application was already rejected and Otani decided to re-enter China by a different route. As an added precaution, he chose not to send Nomura back, obviously thinking that he was part of the problem. However, he must have realized later on that the British

[21] The Geographical Journal. April 1910. Vol. 35, No 4, pp. 448–449.

[21] *The Geographical Journal*. April 1910. Vol. 35, No 4, pp. 448–449.

Но сотрудничество с иностранными исследователями и учеными создало бы целый ряд новых проблем, из которых не последней была нехватка времени для организации настоящей интернациональной экспедиции. В этом случае Отани также вынужден был бы ослабить контроль за ходом работ, не говоря уже о том, что впоследствии встал бы вопрос о разделе материала, полученного при раскопках. Следовательно, в то время самым лучшим решением было нанять молодого англичанина. Находясь в Санкт-Петербурге, Татибана был вынужден нанять еще одного «участника экспедиции», русского, создавая таким образом отряд, членами которого были люди из трех разных стран. Вероятно, не случайно они не были, скажем, немцем или датчанином, а именно русским и англичанином, то есть являлись представителями двух держав, которые имели своих представителей на территории Синьцзяна в то время.

Но сам Татибана был тоже слишком молод, чтобы иметь сколько-нибудь значительную подготовку в археологии. Хотя к этому времени он уже провел два года в экспедициях и раскопках в Восточном Туркестане, с профессиональной точки зрения он не был лучшей кандидатурой для выполнения такой задачи. Его часто критиковали как за неудовлетворительное документирование находок, так и за разрушения, которым он подвергал исследуемые городища[22]. Отани, должно быть знал, чем он рискует, направляя Татибану, и, тем не менее, он выбрал его для второй и третьей экспедиций. Конечно же, важные научные результаты предыдущего путешествия серьезно свидетельствовали в пользу молодого исследователя.

На этот раз экспедиция не испытывала никаких препятствий со стороны русских и британских властей. Основной причиной такой лояльности со стороны Великобритании было то, что Макартни к тому времени вернулся из отпуска в Кашгар и что у него было больше опыта в наблюдении за научными экспедициями, посещавшими регион, чем у капитана Шаттлворта. Кроме того, общественная кампания, проведенная Отани во время пребывания в Лондоне, сыграла важную роль в том, что деятельность Татибаны и археологические находки его первого путешествия стали известны широкой публике. В течение первой половины 1910 г. достижения молодого японского ученого были признаны такими ведущими учеными и археологами, как Росс, Лекок, Стейн и Гедин.

Научная репутация Татибаны, безусловно, повлияла на отношение к нему индийского правительства, в документах

mistrust was directed not so much against Nomura personally but Japanese presence in the area in general. During the months he spent in London, perhaps after learning some of the details regarding the causes behind their difficulties with the Indian Government, Otani changed his initial plan and decided to minimize its "Japaneseness" by diluting it with English and Russian participants.

But cooperating with foreign explorers and scholars would have created an array of new problems, not the least of which would have been the added time required for organizing a genuine international expedition. Also, Otani would have had to relinquish some control of the operations, not to mention the division of the final spoils of the excavations. Therefore, at the time it probably seemed that the best and most efficient solution was to advertise for a young Englishman. Once in St. Petersburg, Tachibana was to hire yet another "participant" in the person of a Russian boy, thus creating a team that had members from three different countries. It was probably not a coincidence that these members were not, say, German or Danish, but Russian and British, thus representing the two powers who had representatives on the territory of Xinjiang at the time.

To be sure, Tachibana himself was too young to have undergone any substantial archaeological training. Although by this time he had already spent two years travelling and excavating in Xinjiang, he was probably still not the best choice for the task professionally. Indeed, in later years he was often criticized for both the poor documentation of his finds and the damage afflicted to the sites.[22] Otani must have been aware of such risks with regard to Tachibana, yet he chose him for both the second and third expeditions. Of course, the important scientific results of the previous trip spoke strongly in favor of the young explorer.

This time the expedition did not experience any difficulties with the Russian or British authorities. One of the main reasons for this from the British side was that by that time Macartney was back in Kashgar following his leave and he has had much more experience with scientific expeditions passing through the region than Captain Shuttleworth. Beside this, the publicity campaign orchestrated by Otani during their stay in London also played an important role in making Tachibana and the archaeological material of his previous trip known to the general public. During the first half of 1910, the achievements of the young Japanese explorer were widely acknowledged by leading scholars and archaeologists, including Ross, Le Coq, Stein, and Hedin.

---

22 А. Стейн неоднократно отзывался критически о посещении Татибаной Мирана. Так, например, в журнале «Innermost Asia» (Oxford, 1928, pp. 171–172) он писал о разрушениях, причиненных Татибаной настенным росписям в Миране, которые он оставил на месте раскопок из-за того, что они оказались слишком хрупкими для перевозки.

22 Stein wrote critically more than once about Tachibana's visit to Miran. In *Innermost Asia* (Oxford, 1928, pp. 171–172), for example, he refers to a damage caused by Tachibana to those Miran wall paintings he had left in situ as too delicate to attempt to move.

которого по поводу Татибаны и его деятельности в 1909 г. хранится вырезка из статьи о его исследованиях, опубликованная в «The Times»[23]. В этой статье корреспондент из Калькутты очень лестно написал об экспедиции, вероятно, пролив свет на некоторые стороны ее деятельности, которые ранее казались подозрительными. Соответственно, когда секретная корреспонденция о двух японских исследователях была собрана, 8 февраля 1910 г. помощник секретаря сделал следующую пометку на папке с делом: «Смотри выдержку из "The Times" от 3 февраля, приклеенную на обороте листа описи 1582, по поводу другого объяснения деятельности господина Татибаны. Есть все основания полагать, что этот человек действительно занимался археологией и только в свободное время собирает информацию для своего правительства»[24].

Учитывая довольно-таки большое количество документов о возможной шпионской деятельности Татибаны, это замечание является как бы признанием того, что и доклады разведки, и выводы о нем были ошибочными. В результате во время своего нового путешествия 1910—1912 гг. Татибана был вне подозрений и не встречал никаких препятствий со стороны британских властей в Восточном Туркестане.

Tachibana's academic reputation certainly influenced the staff of the Indian Government, whose files on Tachibana's suspicious activities in 1909 include a cutout of the article on his exploration published in *The Times*.[23] In this report a correspondent from Calcutta describes the expedition in very flattering terms, perhaps shedding light on several activities that had been suspicious earlier. Accordingly, when the secret correspondence on the two Japanese explorers was filed on February 8, 1910 the Under Secretary added the following note on the cover of the file: See extract from "Times" of 3 Febr[uary], pasted on back of docket paper 1582 below for another version of Mr. Tachibana's activities. It is not unreasonable to suppose that this man's business was archaeological, and that in his leisure moments he collected what information he could for his government.[24]

Considering the relatively large amount of documentation discussing Tachibana's likely involvement in espionage, this comment is almost equal to admitting that the intelligence reports and the conclusions about him had been mistaken all along. As a result, on his new trip Tachibana was not under suspicion and experienced no difficulties with British authorities in Xinjiang.

---

[23] Exploration in Chinese Turkestan. In *The Times*. February 3, 1910.
[24] L/P&S/IO/55/240.

[23] "Exploration in Chinese Turkestan". In *The Times*. February 3, 1910.
[24] L/P&S/IO/55/240.

Взаимоуважение в отношениях ученых в период политического противостояния

Сьюзан Витфилд

На английском языке существует много литературы, посвященной англо-русским отношениям в период вражды и противостояния, широко известный под названием как «Большая игра». Гораздо менее изучен этап, последовавший за ним. При этом возникает общее впечатление, что дух соперничества был характерен и для сферы культуры, что подтверждается словами Б. Дэвидсона о «международной гонке за памятниками древности»[1]. Так ли это, или это отголоски политического соперничества влияют на наше восприятие культурных связей между великими державами и учеными, их представлявшими?

Данная статья не ставит целью всесторонне исследовать эти взаимоотношения. В ней всего лишь приводится обзор документов, хранящихся в архивах Великобритании и относящихся к экспедициям начала XX в., а именно: официальных записей и писем представителя Великобритании в Кашгаре Джорджа Макартни и материалов выдающегося английского исследователя Аурела Стейна[2]. В отличие от большинства статей настоящего сборника, которые основываются на материалах российских архивов, автор намеревается взглянуть на проблему «со стороны». Очевидно, дальнейшее серьезное исследование этой темы потребует более глубокого систематического изучения архивных и прочих источников.

1 Davidson B. *Turkestan Alive*, 1957; цит. по: Hopkirk, P. *Foreign Devils on the Silk Road*. Oxford, 1980, p. 3.

2 Дж. Макартни, как и все другие британские дипломаты, был обязан каждые две недели представлять «дневник» и перечень событий. Эти документы, в настоящее время хранящиеся в фонде Департамента по делам Индии Британской библиотеки (L/P&S/7/66–253), были использованы для настоящей статьи (см. ниже). Большая часть документов и писем А. Стейна, имеющих отношение к данной теме, находится в Отделе западных рукописей Библиотеки Бодли в Оксфорде (MS. Stein 1–458) (см. ниже). Дневники Макартни послужили основным материалом для книги К. Скрайна и П. Найтингейл: Skrine C.P., Nightingale, P. *Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese, and Russian Archives in Sinkiang, 1890–1918*. Hong Kong, 1987. Архивом Стейна пользовались оба его биографа (См.: Mirsky J. *Sir Aurel Stein: Archaeological Explorer*, Chicago and London, 1977; Walker A. *Aurel Stein, Pioneer of the Silk Road*, London, 1995). Но никто из них не рассматривал его взаимоотношения с русскими учеными.

Scholarly Respect in an Age of Political Rivalry

Susan Whitfield

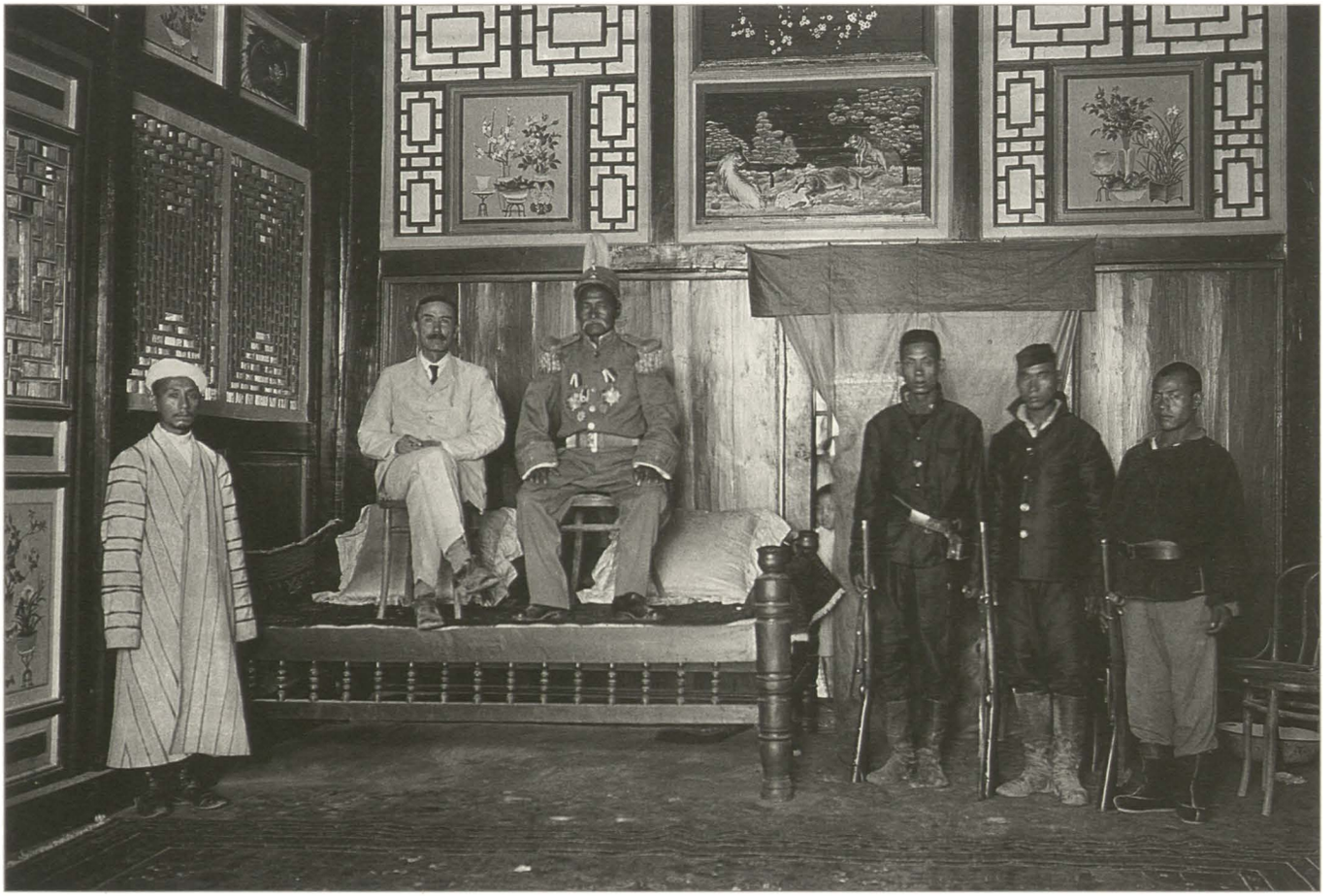
Much has been written in English about Anglo-Russian relations during the era of hostility and competitiveness now commonly known as 'The Great Game', but relations following this period have been less well reported. Yet the general impression given by writers is that competitiveness also characterised the cultural sphere, exemplified by B. Davidson's phrase, 'the international race for antiquities'.[1] Is this accurate or is the political rivalry colouring our interpretation of the ensuing cultural relationship between the imperial powers and their scholars?

This paper does not aim to achieve a comprehensive study of this relationship but instead to give a snapshot of the archives in Britain relating to explorations in the early twentieth century, namely the political diaries and letters of George Macartney, the British representative in Kashgar, and the papers of Aurel Stein, the foremost British explorer.[2] This is in contrast to most of the papers here which are based on Russian archives and it is thus intended to provide a viewpoint 'from the outside'. Obviously any serious research on this topic would require a much more systematic study of both sets of archives and other sources.

A good starting place for this discussion is the 12th International Congress of Orientalists held in Rome in October 1899. This was the key academic event for scholarship in this area and therefore the obvious forum for Klementz to announce

1 Davidson, B. *Turkestan Alive*. 1957, quoted in: Hopkirk, Peter. *Foreign Devils on the Silk Road*. Oxford, 1980, p. 3.

2 Macartney, like the other British representative, submitted a fortnightly 'diary' and a news archive. These are now available in the India Office Records at the British Library (L/P&S/7/66–253), hereafter referred to by this reference. The largest collection of Stein papers and correspondence relating to his work is held in the Department of Western Manuscripts, Bodleian Library, Oxford, under MS. Stein 1–458, and hereafter referred to by this reference. The diaries of Macartney were the basis for: Skrine, C.P., Nightingale, P. *Macartney at Kashgar: New Light on British, Chinese, and Russian Archives in Sinkiang, 1890–1918*. Hong Kong, 1987. Stein's papers have been used by both his biographers (Mirsky, J. *Sir Aurel Stein: Archaeological Explorer*. Chicago and London, 1977; Walker, Annabel. *Aurel Stein, Pioneer of the Silk Road*. London, 1995) but neither focus on his relations with the Russians.



Дж. Макартни и генерал Ма в Кашгаре. 1918.
Фото Ф.М. Бейли. Британская библиотека

G. Macartney and General Ma at Kashgar. 1918.
Photograph by F.M. Bailey. British Library

Ярким началом в обсуждении проблемы является XII Международный Конгресс востоковедов, состоявшийся в Риме в октябре 1899 г. Это было важное событие в истории востоковедения и достойный форум для Д.А. Клеменца, где он мог рассказать о находках фрагментов буддийской живописи и рукописей в Турфане, на северном ответвлении Шелкового пути. С этого сообщения началось плодотворное археологическое исследование и научное изучение региона, продолжавшееся в течение двух десятилетий.

Д.А. Клеменц, хранитель Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге, был одним из многих русских исследователей Центральной Азии. О существовании в регионе буддийских памятников он узнал от соотечественника Иоанна Альберта Регеля, посетившего Турфан в 1879 г. Регель и его современники основные усилия сосредоточили на исследованиях в области картогра-

his finds of fragmentary Buddhist paintings and manuscripts from Turfan on the northern Silk Road. It marked the start of almost two decades of extension and fruitful excavations and scholarship in the region.

D.A. Klementz, Keeper at the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) in St. Petersburg, was one in a long line of Russian explorers to this region. He had been alerted to the existence of Buddhist sites by a fellow countryman, Ioann-Albert Regel, who had visited Turfan in 1879. But Regel and his contemporaries focussed on cartographical, geographical, zoological and botanical pursuits, and not on archaeology. Even the intrepid Swedish explorer, Sven Hedin, who had already made several forays into the Taklamakan by this time, was not greatly interested in digging. Klementz was therefore the first to make more than a cursory note about archaeological sites and more than a ran-

фии, географии, зоологии и ботаники, а вовсе не археологии. Раскопки не привлекали даже отважного шведского путешественника Свена Гедина, который к тому времени совершил несколько путешествий в Такламакан. Д.А. Клеменц, следовательно, стал первым, кто сделал довольно подробное описание археологических объектов и чьи находки имели не случайный характер. Его доклад привлек внимание европейских ученых к востоку Центральной Азии, представив его как регион, перспективный для археологических исследований.

Перед Конгрессом Д.А. Клеменц посетил Музей народоведения в Берлине и ознакомил немецких коллег со своими записями и некоторыми находками. Среди этих ученых был Альберт Грюнведель (1856—1935), заведующий Отделом Индии Музея народоведения, также принявший участие в Конгрессе в Риме. Русский академик В.В. Радлов сделал на Конгрессе доклад об экспедиции Д.А. Клеменца, уделив особое внимание обнаруженным ею рукописям. В материалах Конгресса отмечалось, что его сообщение было встречено с большим интересом[3].

Это упоминание о рукописях, обнаруженных в Синьцзяне, не было единственным. В 1890-е гг. некий Ислам Ахун предложил русскому генеральному консулу и представителю Великобритании в Кашгаре купить рукописи и ксилографы, найденные, как он утверждал, в древних городах, затерянных в песках пустыни к северу от его родного города Хотан. Продавец был настойчив, искусно используя дух соперничества двух своих покупателей. Документы были написаны письмом, напоминавшим индийское *брахми*, но на незнакомом языке, и вскоре два ведущих исследователя того времени занялись их дешифровкой. Приобретение британского представителя было отослано в Калькутту А. Хёрнле, бывшему ректору Университета в Калькутте и президенту Бенгальского Азиатского общества. Над рукописью, доставленной в Россию, начал работать С.Ф. Ольденбург. Хёрнле опубликовал первое сообщение об этих и некоторых других рукописях в 1897 г.[4] в «Journal of the Asiatic Society of Bengal», а в своей статье 1899 г. он рассматривал большее количество рукописей и опровергал мнение скептиков, полагавших, что они могут быть не столь древними, как он считал[5]. В том же году С.Ф. Ольденбург сделал доклад на Конгрессе в Риме о рукописях, хранящихся в России. Кроме того, све-

А. Стейн во время первой центральноазиатской экспедиции. 1900. Библиотека Венгерской Академии наук, 3/6(2)

A. Stein on his first Central Asian expedition. 1900. Library of the Hungarian Academy of Sciences, 3/6(2)

dom collections of finds, and his report was to galvanise European scholars to focus on Eastern Central Asia as a region rich in archaeological promise.

Klementz visited scholars at the Museum of Ethnography in Berlin before the Congress and showed his reports and a selection of finds to German colleagues, including Albert Grünwedel, Director of the Indian Section of the National Ethnological Museum, who also went to Rome. At the Congress it was another Russian, V.V. Radloff, who reported on Klementz's expedition, and most especially the manuscript finds. It is reported in the conference proceedings that his presentation was greeted with enthusiasm.[3]

---

3 См.: *Actes du douzième Congrès international des Orientalistes*, 3 volumes, Florence 1901, а также аннотацию Л. Женовезе на сайте IDP: Proceedings of the 12th International Congress of Orientalists, Rome, October, 1899 (http://idp.bl.uk/pages/education_research.a4d#3).

4 Hoernle A.F.R. Three Further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia, *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, vol. 66 (1897), pp. 213–260.

5 Hoernle A.F.R. A Report on the British Collection of Antiquities from central Asia. Part I, *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (1899, extra no).

3 See the *Actes du douzième Congrès international des Orientalistes* (3 volumes, Florence 1901) and Lia Genovese's summary on IDP's website, "Proceedings of the 12th International Congress of Orientalists, Rome, October 1899" (http://idp.bl.uk/pages/education_research.a4d#3).

дения о происхождении этих рукописей также получил капитан Дизи, британский офицер, в то время путешествовавший в Синьцзяне[6].

Делегаты Конгресса с воодушевлением встретили доклады и охотно поддержали предложение В.В. Радлова о создании Международной ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии. Русские и немцы, конечно, еще до Конгресса обсудили вопрос финансирования совместных экспедиций. Но делегаты разъехались по своим странам, а к экспедиции оказался почти готовым венгерский ученый средних лет, протеже Хёрнле, А. Стейн. Он проживал в Калькутте, где в конце 1898 г. после Хёрнле стал ректором университета. Стейн намеревался начать путешествие без участия европейских компаньонов или сотрудников, хотя без определенного сотрудничества такое путешествие или исследование не было возможно. При этом, несмотря на все прекрасные слова, сказанные в Риме, Стейну предстояло убедиться в том, что ситуация на месте в Кашгаре далека от идеальной.

Марк Аурел Стейн (1863—1942), родившийся в Будапеште, получил европейское образование. Он учился в Венгрии, Германии и Англии и в 1887 г. занял пост директора Восточного колледжа в Лахоре, в Британской Индии. Он изучал индо-иранские языки, и его образование предполагало владение несколькими европейскими языками, включая прекрасное знание французского, немецкого и английского, наряду с родным венгерским. При этом он не знал русского языка. Подготовленная им публикация о «Раджатарангини», династийной кашмирской хронике XII в., была представлена на Конгрессе востоковедов в Париже в 1897 г. Хёрнле и получила благожелательные отзывы. Хотя А. Стейн и находился вдали от Европы, в Индии, он имел все возможности получать сведения о находках рукописей в 1890-е гг. Он использовал свое пребывание в Лахоре для того, чтобы изучать выдающуюся коллекцию искусства Гандхары в местном музее, а в свободное время совершенствовал мастерство археолога и фотографа и посещал древние буддийские памятники.

В 1898 г. он подал прошение о предоставлении ему отпуска и о финансировании экспедиции. Сведения об экспедиции Клеменца он использовал как довод в свою пользу: «Я хотел бы также отметить, что после того, как мои намерения уже определились, стало известно, что Российская Императорская Академия наук готова направить трех ученых для исследования Турфана (на юге Китайского Туркестана), где были обнаружены древние рукописи». Упоминание о русских было не просто политической хитростью. Когда в начале 1899 г. его предложение было принято, Стейн вновь говорит о своих опасениях в одном из частных писем: «Я по-

Ислам Ахун. 1901.
Библиотека Венгерской Академии наук, 7/2(87)

Islam Akhun. 1901.
Library of the Hungarian Academy of Sciences, 7/2(87)

This was not the only report on manuscript finds from Xinjiang. During the 1890s the Russian Consul-General and the British Representative in Kashgar had been offered manuscripts and blockprints said by the seller, Islam Akhun, to have been found at ancient cities in the desert sands north of his native city of Khotan. The seller was very persuasive and traded on the sense of competition between the two men so ensuring a lively trade. The documents were in a script resembling Indian Brahmi but in an unknown language and soon two of the leading scholars of the time were busy trying to decipher them. The British cache was sent to Calcutta to A. Hoernle, former Principal of the Madrassa in Calcutta and President of the Asiatic Society of Bengal. S.F. Oldenburg started work on the Russian ones. Hoernle published a first report about these and some other manuscripts in the *Journal of the Asiatic Society of Bengal* in 1897,[4] but in his 1899 article he considered a

[6] Deasy H.H.P. In Tibet and Chinese Turkestan. London, 1901, p. 149.

[4] Hoernle, A.F.R. "Three Further Collections of Ancient Manuscripts from Central Asia." *Journal of the Asiatic Society of Bengal*, 66 (1897), pp. 213–260.

прежнему очень хотел бы сохранить предприятие в секрете насколько это возможно, так как всегда существует опасность, что русская экспедиция будет послана в том же направлении, а ненужные слухи могут заставить их отправиться в путь»[7]. После Конгресса в Риме Д.А. Клеменц, С.Ф. Ольденбург и Н.И. Веселовский опубликовали «Записку о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима», в которой они указали, что экономическое и торговое развитие региона повлечет за собой беспощадное разрушение археологических памятников. Но никакой русской экспедиции намечено не было. 31 мая 1900 г. А. Стейн направился в Кашгар, заручившись поддержкой Макартни, но будучи куда как менее уверенным в сердечном приеме со стороны Н.Ф. Петровского.

Н.Ф. Петровский был назначен русским Генеральным консулом в Кашгаре в 1882 г. и с самого начала предполагалось, что он будет сдерживать британское влияние в регионе как в политической, так и в экономической сфере[8]. Дж. Макартни, который прибыл в Кашгар в 1890 г. в качестве переводчика миссии Янгхазбенда, не имел аналогичного дипломатического статуса вплоть до 1909 г. Две великие державы не избавились от традиций «Большой игры», и отношения между этими двумя людьми были натянутыми, даже когда дело касалось якобы спортивных, научных или археологических интересов их соотечественников. Это стало совершенно очевидным, когда в Кашгар прибыл британский офицер капитан Дизи с исследовательской целью. Дизи не распространялся о своих истинных намерениях, но, конечно же, одной из причин, по которой британских офицеров отправляли в путешествия, был сбор разведывательных данных, включая сведения о путях сообщения.

У России было явное стратегическое преимущество перед Великобританией в Восточном Туркестане: по Транскаспийской железной дороге можно было добраться до Ташкента (позже до Андижана) и затем через сравнительно легкодоступный проход попасть в Кашгар, а, кроме того, русские контролировали Западный Памир силами Памирского отряда. Другой путь с севера (он часто находился под контролем России) — по железной дороге и судоходным рекам — вел в долину реки Или, в Урумчи, главный город провинции Синьцзян. Для Великобритании доступ сюда ограничивался лишь высокогорными перевалами со стороны Британской Индии, причем многие из них были доступны только в течение нескольких месяцев в году, да и тогда, когда условия позволяли, они были очень трудны для перехода. В то время маньчжурские правители теряли власть над Китаем, и ситуация в Синьцзяне не входила в число их первостепенных забот. Многие полагали, что провинция вскоре окажется в руках русских. Властям было просто некогда заниматься учеными.

[7] Письмо А. Стейна Эндрюсу от 11 января 1899 г. (MS. Stein 36).

[8] Hopkirk P. The Great Game. Oxford, 1990, p. 434.

larger batch and answered skeptics who suggested they might not be as old as alleged.[5] In the same year Oldenburg reported on the Russian manuscripts to the Congress in Rome. Meanwhile, Captain Deasy, a British Officer then traveling in Xinjiang, was also hearing reports about their provenance.[6]

The delegates at the Congress were enthused by the reports and readily accepted Radloff's proposal to establish an International Association for Central and East Asia Exploration. The Russians and Germans, of course, had already discussed the idea of sponsoring joint expeditions. But as the delegates dispersed back to their home countries a middle-aged Hungarian scholar and protégé of Hoernle was already well-advanced in his preparations for an expedition to the region. Stein was based in Calcutta where he had succeeded Hoernle as Principal of the Madrassa in late 1898. Although he planned to travel without any other European companions or involvement, no travel or scholarship could be carried out without some collaboration and, despite the fine words in Rome, Stein was to find that the situation on the ground in Kashgar was far from ideal.

Marc Aurel Stein (1863–1942), born in Budapest, was a product of European scholarship. He had studied in Hungary, Germany and England, in 1887 he accepted a post as Principal of the Oriental College in Lahore, in then-British India. His field was Indo-Iranian studies and his background meant that he had a number of European languages, including excellent French, German and English, along with his native Hungarian, but not Russian. His forthcoming publication on the *Rājataraṅgiṇī*, a twelfth-century chronicle of the kings of Kashmir, had been presented to the 1897 Congress of Orientalists in Paris by Hoernle and received a favorable reception. Although remote from Europe, in India Stein was ideally placed to hear of the manuscript finds throughout the 1890s. He had taken advantage of his location in Lahore to study the outstanding collection of Gandharan art at the museum and of his periods of leave to hone his archaeological and photographic skills and to visit Buddhist sites.

He submitted his application in 1898 to his superiors — asking both leave from his job and funding for the expedition — and used the fact of Klementz's expedition as leverage: 'I beg further to point out that since my plan was first formed, it has been announced that the Imperial Russian Academy of Sciences has arranged to send three savants for the exploration of Turfan (Southern Chinese Turkestan) where ancient manuscripts have been found.' The mention of the Russians was not just a political ploy. When his proposal was accepted in early 1899 Stein reiterated these concerns in a private letter: 'I am all the same anxious to keep the matter as quiet as possible as there is always a chance of a Russian expedition being sent in

[5] Hoernle, A.F.R. "A Report on the British Collection of Antiquities from Central Asia. Part I." *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (1899, extra no).

[6] Deasy, H.H.P. *In Tibet and Chinese Turkestan*. London, 1901, p. 149.

Русские офицеры с местным чиновником на Памире. Фото П. Сайкса. 1915. Британская библиотека, 1042/32

Russian officers with a local official in the Pamirs. Photograph by Percy Sykes. 1915. British Library, 1042/32

Наука была, несомненно, движущей силой замыслов Стейна, но из-за общей ситуации в Центральной Азии он не мог оказаться вне политической игры. В то время, когда Стейн готовился к экспедиции, отношения между русским и британским представителями в Кашгаре достигли критической точки. В конце 1899 г. Н.Ф. Петровский перестал разговаривать с Макартни. При этом они входили в небольшой круг европейцев в Кашгаре, состоявший из людей одинакового социального положения, не считая караульной роты казаков, и, кроме того, жили на расстоянии менее мили друг от друга. Это создало сложную ситуацию. Действия Петровского отражали растущую напряженность в регионе, так как русские становились все более решительными и размещали войска на близлежащих территориях. Макартни только и оставалось, что наблюдать и отсылать рапорты. Как отмечал Дизи, различия в их статусе и возможностях были очевидны всем: «По сравнению с положением русского Генерального консула, положение представителя Великобритании было крайне неудовлетворительным. <...> У него не было эскорта и до 1898 г. он не имел униформы, в то время как у русского Генерального консула все это было, и он мог ездить в *ямынь*, надев форму и знаки отличия, соответствующие его званию, в сопровождении эскорта из казаков»[9].

А. Стейн прибыл в Кашгар 29 июля 1900 г., предварительно обменявшись письмами с Макартни относительно своего обустройства[10]. Он сразу же написал письмо Петровскому с просьбой принять его. Макартни упомянул о том, что за этим последовало, в одном из отчетов, отсылаемых им

the same direction and premature news might set them moving.'[7] Following the Rome Congress D.A. Klementz, S.F. Oldenburg and N.I. Veselovsky presented their 'Note on the organization of an archaeological expedition to the Tarim Basin', in which they pointed out that the economic and commercial development of the region would entail serious damage for the archaeological remains in the area. But no Russian expedition was scheduled. Stein set out on 31 May 1900 towards Kashgar, assured of help from Macartney but less certain of a cordial reception from Petrovsky.

N.F. Petrovsky had been the Russian Consul-General in Kashgar from 1882 and has been determined from the start to restrict British interests in the region, political and economic.[8] G. Macartney, who arrived as interpreter with the F. Younghusband delegation in 1890, was not accorded an equivalent status until 1909. The two powers had not shaken off the habits of 'The Great Game' and relations between the two men were delicate even when dealing with supposedly sporting, scholarly or archaeological interests of their respective countrymen. This was made apparent when a British Officer, Captain Deasy, arrived in Kashgar keen to explore. Deasy was coy about his intentions but, of course, one of the reasons British officers were encouraged to travel was to glean intelligence, including surveying routes.

Russia had a clear strategic advantage over the British in Chinese Central Asia: they had access in by the Trans-Caspian Railway to Tashkent — and later Andijan — across a relatively easy pass to Kashgar, and they also controlled the eastern Pamir through the Pamirski Station. Another route from the north by rail and steamship led to the Yili Valley — which they

9 Deasy. *Op.cit.*, p. 294.

10 Письмо Макартни Стейну от 22 марта 1899 г. Сам Стейн впервые обратился с письмом к Макартни 22 января 1899 г. через Р. Хёрнле (MS. Stein 289).

7 MS. Stein 36, Stein to Andrews, 11 January 1899.

8 Hopkirk, P. *The Great Game*. Oxford, 1990, p. 434.

каждые две недели начальству в Индии и Лондоне: «Доктор Стейн вчера днем написал приветственное письмо русскому консулу, в котором просил о встрече. Господин Петровский ответил, что по причине болезни не может в настоящее время встретиться с доктором Стейном (à "l'heure qu" il est). Господин Петровский не предложил увидеться со Стейном в дальнейшем»[11].

Позже, упоминая этот визит в публикациях, Стейн сглаживал свое унижение: «Я был полон желания выразить свое почтение, [но Петровский] был нездоров и не смог меня принять»[12]. Это было уже спустя несколько лет, когда ситуация значительно изменилась. Он не упоминал об этом факте в сохранившихся личных письмах (впрочем, некоторые из писем того времени не сохранились). При этом Стейн понимал, что не может настраивать против себя российские власти, так как намеревался посещать эти края в будущем. Во время первого путешествия у Стейна были причины, чтобы встревожиться из-за пренебрежительного отношения Петровского. Он хотел вернуться в Европу со своей экспедицией через территорию России и нуждался в поддержке Петровского. Еще более он нуждался в благожелательном отношении китайских властей к его археологическим изысканиям и знал, что Петровский может повлиять на то, чтобы их запретили. В свое время Дизи находился в затруднительном положении из-за отсутствия поддержки китайских властей, когда он проводил раскопки к югу от Хотана. В своем отчете о путешествиях, опубликованном в 1900 г., он был куда как менее дипломатичен, чем Стейн, говоря о роли Петровского: «Ему было легко отравлять умы невежественных китайских чиновников и настраивать их против ни в чем не повинных британских путешественников, и в этих усилиях он проявил себя как недалекий русский чиновник. Он распространял слухи, что правительство Индии намеревается расширить свои границы за Гиндукуш, и намекал, что я действовал как секретный агент с этой целью, как будто бы мог найтись здравомыслящий человек, советующий попытаться захватить отдаленные голые горы и песчаные пустыни[13]».

Вначале все складывалось хорошо. 10 августа Стейн и Макартни были приглашены на обед к даотаю, главному китайскому чиновнику в Кашгаре. Но 18 августа, когда Макартни посетил *даотая* с просьбой написать местным чиновникам рекомендательные письма для Стейна, тот

[11] L/P&S/7/127, 1081. Датировано 1 августа 1900 г.

[12] Stein M.A. Ancient Khotan. Oxford, 1907, pp. 122–123.

[13] Deasy, *Op. cit.*, p. 294. Здесь он, вероятно, был не совсем искренен: обследование пути из Хотана в Индию выполнялось им в политических интересах, даже если они и были изначально подчинены коммерческим и военным целям. См. сноску 15, а также письмо Хёрнле Стейну от 2 июля 1898 г., где сказано: «Но Вы же понимаете, что правительство не очень-то склонно тратить деньги на чисто научные изыскания» (MS. Stein 85, f. 87).

had often controlled — to Urumqi, the provincial capital. British access was restricted to the high passes from British India, many of them closed except for a few months of the year and difficult terrain even then. At this time, the Manchu leaders of China were losing power and Xinjiang was far from their central concerns. There was little doubt in the minds of many that the province would soon fall into Russian hands. The men in power had little time for the concerns of savants.

Scholarship was undoubtedly the driving force behind Stein's plans, but given the political heritage of Central Asia, he could not help but become a part of a political game. As Stein was making his plans for departure, relations between the Russian and British representatives in Kashgar reached a nadir. At the end of 1899 Petrovsky stopped speaking to Macartney. Given that, apart from the Cossack Guard, they were among of handful of Europeans in Kashgar so shared the same small social circle and, moreover, lived less than a mile apart, this was not a comfortable situation. Petrovsky's actions reflected the growing tension in the region as the Russians grew more confident and moved troops to neighbouring areas. Macartney could do little but watch and report. As Deasy notes, the difference in their status and power was apparent to all: "Compared with the position of the Russian Consul-General, that of the representative of Great Britain appeared very unsatisfactory ... he has no escort, and, up to 1898, he had no uniform, whereas the Russian Consul-General was and is able to drive up to the *Yamen* wearing uniform and decorations becoming his rank, and attended by an escort of Cossacks."[9]

Stein arrived in Kashgar on 29 July, 1900, having already exchanged letters with Macartney concerning arrangements.[10] He lost no time in writing to Petrovsky requesting an interview and the result was noted by Macartney in his fortnightly report to his political superiors in India and London: "Dr Stein wrote yesterday afternoon a complimentary letter to the Russian Consul, in which the former requested an interview. Mr Petrovski replied that being ill he would be unable to make Dr Stein's acquaintance for the present (à "l'heure qu" il est). Mr Petrovski did not offer to see Dr Stein on a subsequent occasion."[11]

In his subsequent publications on his visit Stein glided over this initial snub ('I was particularly anxious to pay my respects, [but Petrovsky] was indisposed, and could not receive me.'[12]). But this was several years later when the situation was very different. He does not mention these matters in his extant private letters (although there are some missing from around this

[9] Deasy. *Op. cit.*, p. 294.

[10] MS. Stein 289, Macartney to Stein, 22 March 1899. Stein first sent a letter to Macartney via Hoernle on 22 January 1899.

[11] L/P&S/7/127, 1081, entry dated 1st August.

[12] Stein, M.A. *Ancient Khotan*. Oxford, 1907, pp. 122–123.

заметил, что «русский консул <...> выразил опасения относительно европейцев». Макартни писал: «*Даотай* прекрасно знает, что подозрения Петровского безосновательны. Тем не менее, он побоялся дать разрешение, прямо нарушая пожелания господина Петровского»[14]. Но дипломатичное поведение Макартни взяло верх: он предложил компромиссное решение, снимающее ответственность с *даотая*, и необходимые письма были написаны[15].

Макартни продолжал сообщать своему начальству о деятельности Стейна. Выдержки из регулярной переписки Стейна дополняют в дневниках Макартни очередные записи о передвижениях русских военных подразделений и разрешении мелких споров между индийскими (находившимися под юрисдикцией Макартни) и китайскими торговцами[16]. Выдержки касаются путей следования Стейна и его топографической работы, что явно относилось к сфере политики. Тем временем Стейну было дано разрешение пересечь территорию России. Новость дошла до высших эшелонов правительства Великобритании, была даже послана телеграмма от вице-короля Индии премьер-министру Горацию Уолполу[17].

Действительно, ситуация улучшалась. Как отметил Макартни в своем донесении, датированном 6 января: «В течение последних двух месяцев или около того русское консульство в Кашгаре, казалось, заняло более мягкую и менее диктаторскую позицию, чем обычно, по отношению к местным властям[18]». К тому времени, как Стейн вернулся в Кашгар в начале мая, произошло некоторое сближение между двумя силами. Макартни пришел к Петровскому, чтобы сообщить о своем предстоящем отпуске, и Петровский принял его. Он также принял прибывшего в Кашгар Стейна. Стейн позаботился о том, чтобы публично выразить свою признательность. И его официальный отчет об экспедиции, и менее формальные рассказы о ней одинаково эмоциональны: «Приготовления к моему предстоящему путешествию были значительно облегчены благодаря любезной помощи господина Петровского, русского Генерального консула в Кашгаре, с которым мне в связи с этим посчастливилось познакомиться. Во время своей долгой официальной службы в Туркестане господин Петровский проявил глубокий научный интерес к изучению истории и памятников этой

[14] L/P&S/7/127, 1141. Датировано 31 августа 1900 г.

[15] Стейн имел вескую научную причину обследовать верхнее течение реки Хотан, то самое место, о котором в основном шла речь. Хёрнле обратил внимание Стейна на то, что «там были расположены пещеры, где предположительно была обнаружена рукопись "Дхармапады" на бересте, хранящаяся в Санкт-Петербурге» (MS. Stein 85, f. 92v, письмо от 22 июля 1900 г.).

[16] L/P&S/7/128, 1205, 1295; L/P&S/7/129, 185, 237.

[17] L/P&S/7/130, 352. Датировано 12 марта 1901 г.

[18] L/P&S/7/131, 367.

time). But Stein understood he could not afford to antagonise the Russian authorities as he planned future visits. On this first visit, Stein had reason to be concerned by Petrovsky's snub. He wished to return to Europe through Russian territory following his expedition and needed Petrovsky's support. More immediately he required the support of Chinese officials for his excavations and knew that Petrovsky had the power to jeopardise this. Deasy had been hampered by the lack of Chinese support in his exploration south of Khotan. He was less than diplomatic about Petrovsky's role than Stein in his account of his travels published in 1900: 'It was easy for him to poison the minds of the ignorant Chinese officials, and to set them against unoffending British travellers, and his efforts to this end showed the narrow-minded Russian official. The belief which he propagated was that the Indian Government wished to extend the Indian frontier beyond the Hindu Kush, and he insinuated for that purpose I was working as their secret agent, as if any sane man would advise an attempt to seize remote, barren mountains and sandy deserts.'[13]

Initially all seemed well: Stein and Macartney were invited to dinner with the *Taotie*, the leading Chinese official in Kashgar, on 10th August. But on 18th August when Macartney visited the *Taotie* to ask him to write letters of recommendation for Stein to local officials, the *Taotie* admitted that 'the Russian Consul ... had raised difficulties about Europeans.' Macartney writes: 'the *Taotie* knows perfectly well that Mr Petrovski's suspicions were unfounded. Nevertheless, he was afraid of giving permission in direct contravention to Mr Petrovski's wishes.'[14] But Macartney's diplomacy won out: he suggested a compromise, deflecting responsibility from the *Taotie*, and the letters were duly written.[15]

Stein's activities continued to be reported on by Macartney to his political masters. Extracts from Stein's regular letters punctuate the usual entries on Russian troop movement and the resolutions of petty disputes between Indian merchants (under Macartney's jurisdiction) and Chinese in Macartney's diary.[16] The extracts concern Stein's routes and his surveying activities, clearly areas of political interest. Meanwhile permission was granted for Stein to cross Russia, the news reached

[13] Deasy. *Op. cit.*, p. 294. He is probably being somewhat disingenuous here: his surveying of this route from Khotan to India was undoubtedly of political interest, even if only to rule it out as a potential one for traders and troops. But see note 15 below. Also see Hoernle's letter to Stein, 2nd July 1898 (MS. Stein 85, f. 87): 'But you know that the government is not particularly keen to spend money on purely scientific exploration.'

[14] L/P&S/7/127, 1141, entry dated 31st August, 1900.

[15] There was a compelling scholarly reason for Stein to explore the upper reaches of the Khotan river, the area which was mainly under dispute. Hoernle had pointed out to Stein that this was 'where those caves are to be from which the St. Petersburg birchbark MS. of the *Dhammapada* is supposed to have been found.' (MS Stein 85, f. 92v, letter dated 22 July 1900).

[16] L/P&S/7/128, 1205, 1295; L/P&S/7/129, 185, 237.

страны, в чем мне удалось в полной мере убедиться во время поучительных бесед, которые мне посчастливилось вести с ним в русском консульстве. Теперь он делает все, что в его силах, чтобы обеспечить безопасную перевозку моих археологических находок в Англию и обеспечить мне дружескую поддержку со стороны властей в Русском Туркестане[19]».

Однако Макартни по-другому объяснял сердечность Петровского. Макартни собирался уехать домой в продолжительный отпуск после долгого периода, когда он пытался противостоять растущему влиянию России в Кашгаре, но, как и остальные, он полагал, что сражается в проигранной битве и что Кашгария неизбежно в конце концов окажется под контролем России. Приветливое отношение Петровского было лишь отражением уверенности в своих силах. Он мог позволить себе быть великодушным к побежденному сопернику.

Петровский также собирался в отпуск на следующий год, но он не должен был вернуться в Кашгар. Его секретарь И.П. Лавров временно исполнял обязанности консула[20]. Макартни вернулся в апреле 1904 г. вместе с женой, новорожденным сыном и няней, и таким образом почти удвоил британское население в Кашгаре. В мае Макартни написал Стейну, сообщая о серьезной болезни Петровского. В октябре С.А. Колоколов, другой его секретарь, был назначен Генеральным консулом России в Кашгаре. Для миссис Макартни это было благоприятным событием, поскольку она уже завязала дружеские отношения с женой Колоколова, с которой они могли общаться на французском языке. Великобритания объявила о назначении Макартни Генеральным консулом, с чем не согласились китайцы, которые отказались признать это назначение вскоре после его возвращения.

Тем временем Стейн завершал отчеты о первой экспедиции и намечал другую. По возвращении в 1901 г. он посетил Берлин, где консультировал А. Грюнведеля, который в это время готовился к своей первой экспедиции в Восточный Туркестан[21]. В течение последующего ряда лет он договорился с несколькими учеными об участии в написании приложений к его подробному отчету, который должен был вскоре выйти, встретился с некоторыми коллегами в Пари-

[19] Stein M.A. *Sand-Buried Ruins of Khotan*. London, 1904, p. 471; Stein M.A. *Ancient Khotan*, p. 571 (текст одинаков в обеих публикациях). Стейн также выразил признательность Петровскому за помощь в своем докладе на XIII Конгрессе востоковедов (см. примеч. 23).

[20] И.П. Лавров также собрал коллекцию рукописей, которые в настоящее время хранятся в ИВР РАН.

[21] К. Мейер и Ш. Бизак также упоминают «постоянно дающего советы Стейна» (Meyer K., Bysak S. *Tournament of Shadow*. London, 2001, p. 363). Позже Стейн припишет себе заслугу в том, что именно он побудил А. Грюневеделя отправиться в экспедицию и способствовал получению финансовой поддержки от немецкого правительства.

the highest levels of British Government, a telegram being sent from the Viceroy of India to the Prime Minister, Horace Walpole.[17]

In fact the situation had been improving for all, as Macartney noted in his report dated 6 January: 'For the last two months or so, the Russian Consulate in Kashgar would seem to have adopted a milder and less dictatorial attitude than usual towards the local authorities.'[18] By the time Stein returned to Kashgar in early May there was a rapprochment, Macartney had called on Petrosvsky to tell him of his forthcoming leave and Petrosvsky had received him. He similarly granted Stein an interview on his return. Stein was careful to express his gratitude publicly. Both his formal expedition report and his more popular account are effusive: 'The arrangements for my onward journey were greatly facilitated by the kind help of M. Petrovsky, Imperial Consul-General of Russia at Kashgar, whose acquaintance I was fortunate enough to make on this occasion. During a long official career in Turkestan M. Petrovsky has devoted a great deal of scholarly zeal to the study of the history and antiquities of the country, as I had ample opportunity to note in the course of the instructive interviews with which I was favoured within the Russian Consulate. He now did all in his power to ensure the safe transit of my archaeological finds to England, and to secure for me the friendly assistance of the authorities in Russian Turkestan.'[19]

But Macartney gives another reason for Petrovksy's new warmth. He was about to go on long home leave following a long period of trying to counter against the growing Russian influence in Kashgaria but believed, as did others, that he was fighting a loosing battle and that it was inevitable that Kashgaria would come under Russian control in the end. Petrovsky's warmth was a reflection of his feeling of strength. He could afford to be magnanimous to a defeated rival.

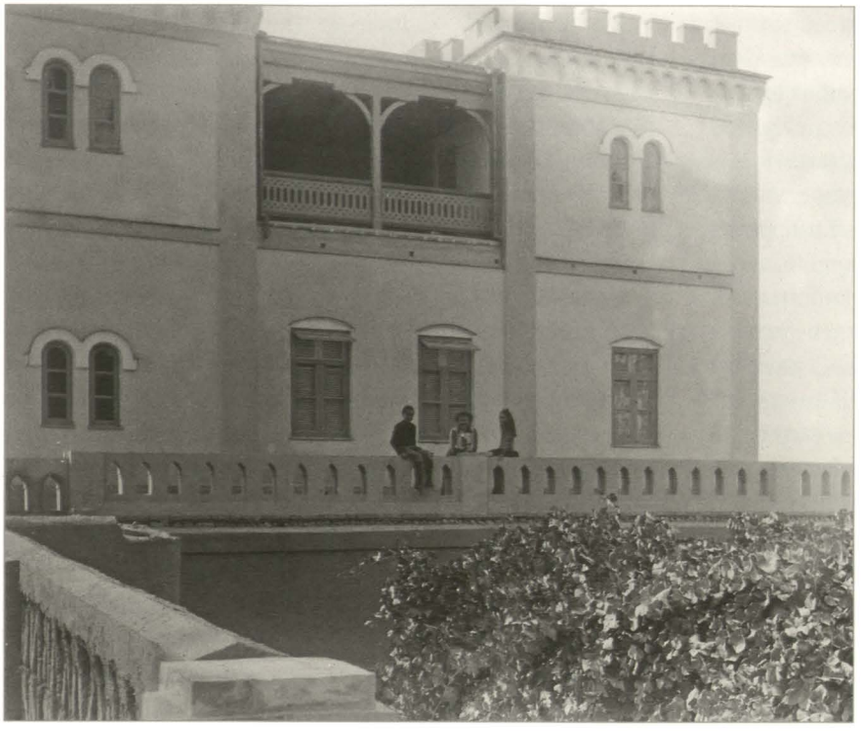
Petrovsky also left on leave the following year, but was not to return. His secretary, I.P. Lavrov, temporarily took over.[20] Macartney returned in April 1904 with his wife, new son and a nanny, thus almost doubling the British population of Kashgar In May, Macartney wrote to Stein passing on reports of Petrovsky's severe illness. Kolokolov, another secretary, was confirmed in post as Russian Consul-General in October. This was fortunate for Mrs Macartney: she had already built up a friendship with Mrs Kolokolov as they were able to converse in French. Macartney's appointment as Consul-General had been

[17] L/P&S/7/130, 352, 12th March, 1901.

[18] L/P&S/7/131, 367.

[19] Stein, M.A. *Sand-Buried Ruins of Khotan*. London, 1904, p. 471 and *Ancient Khotan*, p. 571 (the text is exactly the same in both publications). Stein also acknowledges Petrovsky's help in his report for the 13th Congress of Orientalists (see note 23 below).

[20] I.P. Lavrov also made a collection of manuscripts, now in the IOM RAS.



Леди Катерина Макартни с детьми Эриком и Сильвией на балконе Чейни-Баг, Британского консульства в Кашгаре после его реконструкции. Фото А. Стейна. 1916. Британская библиотека, 392/28(212)

Lady Catherina Macartney with her children, Eric and Sylvia, on the balcony of Chini-Bagh, the British Consulate in Kashgar, after it was rebuilt. Photograph by Aurel Stein. 1916. British Library, 392/28(212)

же и сделал доклад на XIII Международном конгрессе востоковедов в Гамбурге. Среди его участников был и С.Ф. Ольденбург[22]. Делегаты приняли резолюцию, в которой отмечалась важность и выдающаяся ценность работы Стейна[23]. Вскоре Стейн получил от В.В. Радлова, который обращался к нему как представитель РКСА и «Бюллетеня Международной ассоциации для изучения Центральной и Восточной Азии», официальный запрос о возможности организовать Британский национальный комитет. Стейн переправил запрос Хёрнле, который ответил, соглашаясь со Стейном, что у него нет никакого желания участвовать в этом деле. Хёрнле был избран членом Международной ассоциации, основанной в Риме, но его имя не упоминалось в связи с этим в Гамбурге. Хёрнле полагал, что это не было случайной ошибкой, намекая на некие закулисные игры, и продолжал далее: «Если людей не устраивает мое общество, им не нужны мои советы. Но у меня есть более веская причина, чем эта, исключительно личная. Как я понимаю, Международная ассоциация и ее бюллетень являются просто консультативными органами при центральном комитете, который состоит исключительно из русских. Этот русский

[22] См. список делегатов из России: *Verhandlungen des XII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg September 1902*, Leiden, 1904, S. 476–477; а также полный список конгрессов, которые продолжаются по настоящее время под другим названием: http://www.umass.edu/wsp/sinology/conferences/icanas.html

[23] См. доклад Стейна: *Verhandlungen. Op cit.*, pp. 85–87.

announced by the British but was not acknowledged by the Chinese and they refused the appointment soon after his return.

In the meantime Stein was busy finishing his reports on his first expedition and planning another. He had visited Berlin on his return in 1901 and given useful information to Grünwedel, then preparing for the first Chinese Turkestan Expedition.[21] Over the few years he elicited the participation of several scholars to write appendices in his forthcoming detailed report, met several scholars in Paris and gave a report at the 13th International Congress of Orientalists in Hamburg, where the Russian delegation included Oldenburg.[22] The delegates passed a resolution extolling the importance and extraordinary riches of his work.[23] Soon after this Stein received a formal request from Radloff, acting in his position as a member of the Russian Committee and of the *Bulletin de l'Association Internationale pour l'Exploration de l'Asie Centrale et de l'Extreme Orient*. Radloff asked Stein if there was a possibility of founding a British National Committee. Stein forwarded this to Hoernle who

[21] Karl Meyer and Shareen Bysac refer to the 'enduring colleagial Stein' (*Tournament of Shadows*. London, 2001, p. 363). Stein later took credit for giving impetus to Grünwedel's expedition and the subsequent German government grant.

[22] *Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg September 1902*. Leiden, 1904. S. 476–477 for a list of delegates from Russia. http://www.umass.edu/wsp/sinology/conferences/icanas.html for a list of all the conferences (which continues to this day under a new name).

[23] See *Verhandlungen. Op cit.*, pp. 85–87 for Stein's report.

центральный комитет практически является подразделением российского Министерства иностранных дел[24]».

Русские помогли немцам в организации проезда через территорию России осенью 1902 г. во время первой немецкой экспедиции[25]. Хотя никаких русских экспедиций попрежнему не предполагалось, после публикации общего отчета о своей экспедиции «Погребенные в песках руины Хотана», Стейн разослал его ведущим европейским ученым, включая Ольденбурга. Ольденбург тепло принял посылку и ответил на английском языке: «В течение последних нескольких лет я много работал над материалами из Хотана и Кашгара и способен оценить, сколь велики Ваши успехи. Я тут же начал писать статью о Вашей книге <...> Я с нетерпением жду появления Вашего большого отчета, отложив публикацию моего описания хотанской коллекции Петровского до тех пор, пока Вы не опубликуете свою книгу[26]».

Замечания Ольденбурга относительно хотанской коллекции весьма любопытны. В своей книге Стейн описал, как в последние дни пребывания в Хотане в 1901 г. он допросил Ислама Ахуна и вынудил его сознаться в подделке «древних книг», и в факте продажи их Макартни, Петровскому и другим в 1890-е гг. Стейн информировал об этом Хёрнле, который немедленно прекратил работу над ними, но сумел спасти доверие к ним ученых, впервые дешифровав подлинные рукописи из Хотана на неизвестном иранском языке. Возможно, Ольденбург намекал на это в своем письме. О работе Стейна по раскрытию подделок было также доложено на Конгрессе 1903 г.

А. Стейн и С.Ф. Ольденбург были знакомы, по крайней мере, с 1890-х гг., когда последний только начинал свой путь в науке: имя Ольденбурга упоминается в списке корреспондентов Стейна за июль 1895 г., а его имя и должность — «приват-доцент университета в Санкт-Петербурге» — значится в адресной книге Стейна конца 1880-х гг.[27]. Их научное общение развивалось в последующие десятилетия по переписке, хотя не сохранилось ничего, относящегося к периоду двух Туркестанских экспедиций Ольденбурга 1909—1910 и 1914—1915 гг. Перед началом Первой РТЭ Ольденбург консультировался у Грюнведеля и Пеллио, и, возможно, обращался к Стейну, а также информировал его о своих планах.

В 1904 г., не сумев войти в состав экспедиции Янгхазбенда в Тибет и узнав о намерениях немцев, русских и японцев (Макартни и европейские коллеги постоянно держали его в курсе событий), Стейн поспешил начать свою вторую экспе-

[24] MS. Stein 85, ff. 97–98.

[25] См. письмо Хёрнле Стейну от 12 июня 1903 г. (MS. Stein 85, ff. 95–96). Автор выражает благодарность Урсуле Симс-Вильямс, обратившей ее внимание на эту переписку.

[26] См. письмо С.Ф. Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1903 г. (MS. Stein 101, ff. 144–145).

[27] См. список писем от 11 июля 1895 г. (MS. Stein 129); а также одну из первых адресных книг Стейна (MS. Stein 131).

replied agreeing with Stein that he had no desire to be part of the scheme. Hoernle had been a member of the original committee formed in Rome but his name was omitted in Hamburg. Hoernle suggests this was not a mistake, hinting at some behind the scenes manoeuvering and continues: "If people don't want my company, they cannot care for my advice. But I have a more urgent reason than this personal one. As I understand the bulletin, the international committee are simply advisory to the Central Committee which is exclusively Russian. This Russian Central Committee is practically a section of the Russian Foreign Office."[24]

The Russians had helped the Germans with travel arrangements through their territory during autumn 1902 on their first expedition.[25] There was still no Russian expedition planned but, after publication of his general account of his expedition, *Sand-Buried Ruins of Khotan*, Stein made sure to send copies to leading European scholars, including Oldenburg. Oldenburg acknowledged receipt with warmth (and writing in English): "I have been working all the last years a good deal on Khotan and Kashgarian matters and can quite appreciate how splendidly you have succeeded. I have immediately began to write an article on your book... I am waiting with impatience for the appearance of your large *Report* having postponed the publication of my description of the Petrovsky Khotan collections till you should publish your book."[26]

Oldenburg's remarks about the Khotan collection are curious. In *Sand-Buried Ruins* Stein had described how, on his last days in Khotan in 1901 he had interrogated Islam Akhun and got him to confess to the production of the 'ancient books' which he and his colleagues had sold to Macartney, Petrovsky and others in the 1890s. Stein had informed Hoernle, who had immediately stopped work but managed to salvage scholarly credit by carrying out the initial decipherment of the genuine manuscripts from Khotan, in an unknown Iranian language. Perhaps Oldenburg was alluding to this in his letter. Stein's work on uncovering the forger had also been reported at the 1903 Congress.

Stein and Oldenburg had been in contact since at least the 1890s when the latter was just starting his academic career: his name appears in Stein's list of correspondents for July 1895 and his name and position 'Privatdocent Universität, St Pet.' is in Stein's address book dating to the late 1880s.[27] They were to develop their scholarly friendship through letters over the following decades, although there is nothing extant relating to the period of Oldenburg's two Turkestan expeditions (1909–1910

[24] MS. Stein 85, ff. 97–98.

[25] MS. Stein 85, ff. 95–96, letter Hoernle to Stein dated 12 June 1903. I am indebted to Ursula Sims-Williams for alerting me to this exchange.

[26] MS. Stein 101, ff. 144–145, letter from Oldenburg to Stein dated 13 September 1903.

[27] MS. Stein 129, list of letters sent on 11 July 1895. MS. Stein 131, Stein's early address book.

дицию[28]. Он решил, что близ городищ Хотан и Ния на южной ветви Шелкового пути уже было обнаружено достаточно много интересного материала. Но ему необходимо было что-нибудь новое, и он решил отправиться далее на восток, в провинцию Ганьсу, исследовать пути, ведущие мимо Лопнора и далее в Китай. Он также слышал от соотечественника о буддийском пещерном храме близ Дуньхуана (пров. Ганьсу) и решил включить этот памятник в свой маршрут. Это должно было привести его на территорию, которая в культурном отношении относилась к китайскому ареалу. При этом он был не единственным, кто интересовался Дуньхуаном: он знал, что немцы и французы также проявляют к нему интерес.

Официальная заявка А. Стейна по поводу экспедиции была представлена в октябре 1904 г., но к тому времени, когда он в 1906 г. отправился в экспедицию, русские последовали по стопам Клеменца и с некоторым запозданием присоединились к исследованиям европейских коллег в регионе. В 1905 г. в Кучу прибыл М.М. Березовский, ветеран в изучении Шелкового пути (хотя еще в июле 1904 г. Стейн полагал, что эту экспедицию возглавит Ольденбург). В Куче русские встретились со второй немецкой экспедицией (1904—1905) под началом Альберта фон Лекока, коллеги Грюнведеля по Музею народоведения. Возникли некоторые разногласия, так как немцы настаивали на том, что Грюнведель ранее заключил соглашение с русскими, разграничивающее поле их деятельности: немцы должны были вести раскопки возле Турфана, а русские — возле Кучи. Когда немцы прибыли в Урумчи, они обнаружили, что русские уже побывали в Турфане[29] и, решив, что договор нарушен, отправились в Кучу[30]. После этого никто не пытался резервировать места раскопок по джентльменскому соглашению, что вызывало беспокойство Стейна, когда он готовился к своей второй экспедиции.

Это время было трудным для России: после поражения в русско-японской войне и попытки революции 1905 г., политика не могла не влиять на деятельность Березовского в Куче. Без сомнения, он также знал о посещении этих мест

[28] Тогда Стейн считал Ольденбурга своим главным русским соперником: «Германское правительство, которое находилось под большим влиянием успеха, сопутствующего моему путешествию, направило в Турфан проф[фессора] Грюнведеля, которому, как я теперь понимаю, было выделено 3500 фунтов стерлингов на раскопки в том же регионе. Русское правительство, несмотря на трудности, готовит археологическую экспедицию в Кучу под началом проф[фессора] Ольденбурга, выдающегося индолога». (Из письма к Дж. Вилсону, секретарю департамента налогов и сборов правительства Индии, от июля 1904 г. См.: Mirsky J. *Op. cit.*, p. 210); Archaeological Survey of India, Archaeology, Oct. 1904, file 157, series *a*, nos 1–4.

[29] Коллекция Н.Н. Кроткова, русского консула в Урумчи и Кульдже, состояла в основном из уйгурских рукописей и нескольких фрагментов ранних ксилографов IX—XIV вв.

[30] Коллекция М.М. Березовского, хранящаяся в Санкт-Петербурге в ИВР РАН, насчитывает 1876 единиц.

and 1914–1915). Oldenburg consulted both Grünwedel and Pelliot in advance of the first, and it is probable that he also consulted Stein and kept him informed of his plans.

In 1904 having failed to get a place on the Younghusband expedition to Tibet and hearing of German, Russian and Japanese plans — Macartney and his network of European colleagues kept him informed — Stein chafed to get his second expedition off the ground.[28] He decided there was enough of interest on offer around Khotan and Niya on the southern route. But he also needed something new, and he chose to move further east into Gansu Province and explore routes through Lop Nor and into China. He had also heard of a Buddhist cave site in the region of Dunhuang, in Gansu Province, from a fellow countryman and decided to add this to his itinerary. This would take him into territory that was culturally part of the Chinese sphere. But he was not alone in his interest in Dunhuang: he heard that the Germans and the French were both showing interest.

Stein's formal proposal was submitted in October 1904 but by the time he set off in 1906 other Russians had followed Klementz and belatedly joined their European colleagues in their exploration of this region. In 1905 M.M. Berezovsky, a veteran Silk Road explorer, arrived in Kucha (although in July 1904 Stein had believed that Oldenburg would lead this expedition). The Russians found the Germans on their second expedition (1904–1905), led by Albert von Le Coq, Grünwedel's colleague at the museum. There was some dispute as the Germans held that Grünwedel had made a pact with the Russians concerning spheres of work, that the Germans could excavate around Turfan and the Russians around Kucha. When the Germans arrived at Urumqi they found that the Russians had already been to Turfan[29] and, feeling the pact had been broken, set off themselves to Kucha.[30] After this there was no pretence at reserving sites by gentleman's agreement, reflected by the anxiety shown by Stein when preparing for his second expedition.

This was a difficult time for Russia, in the throes of the Russo-Japanese war and with the attempted revolution of 1905, and politics can not have been far from the mind of

[28] Although at this stage Stein believed Oldenburg would be his main Russian rival: "The German government which largely influenced by the success attending my journey had sent Prof[essor] Grünwedel to Turfan, now, I understand, has been allowed a fresh grant of £3500 for excavations in the same region. The Russian Government, even in its present difficulties, is preparing an archaeological expedition to Kucha under Prof[essor] d'Oldenburg, a distinguished Indologist." Quoted in Mirsky, J. *Op. cit.*, p. 210, from letter to J. Wilson (Revenue Secretary to the Government of India) dated July 1904; Archaeological Survey of India, Archaeology, Oct. 1904, file 157, series *a*, nos 1–4.

[29] The collection of N.N. Krotkov, the Russian Consul in Urumqi and Kuldja, contains mainly Uighur texts and a few fragments of early wood-printed books from the 9th to 14th centuries.

[30] Berezovsky's collection, now in St. Petersburg, numbers 1876 items.

двумя годами раньше последователями графа Отани, главы буддийского храма Ниси Хонгандзи в Киото[31]. Для Колоколова, русского Генерального консула в Кашгаре, ситуация была еще более напряженной, так как с осени перестала действовать железная дорога, и почта на его имя не доставлялась. Великобритания, конечно, в это время была союзником Японии. Колоколов продолжал отстаивать право решать экономические вопросы в Кашгаре, и в итоге пришел в столкновение с Макартни относительно признания торговых соглашений между подданными России и Великобритании. Колоколов настаивал на том, что они недействительны, пока не будут заверены русским консулом, и закончил дискуссию едким замечанием, что «здесь имеется русский консул, но нет британского»[32]. Начался новый период молчания между представителями двух держав, который продолжался целый год. Он закончился лишь в мае 1906 г., когда было заключено соглашение между Россией и Японией. Великобритания и Япония гарантировали целостность Китая и разделили сферы влияния в Афганистане и Тибете. Франция, Россия и Великобритания заключили Тройственное согласие. И, возможно, политика наконец перестала играть большую роль в делах исследователей Шелкового пути.

Стейн прибыл в Кашгар в июне 1906 г. уже после примирения представителей держав, и его доклад о встрече с Колоколовым весьма показателен: «С самого начала мне оказали самый дружеский прием»[33]. В этих словах содержится тонкий намек на контраст с его встречей с Петровским в 1901 г., где проявление дружеских чувств отсутствовало начисто[34].

Несмотря на все сложности, Стейн силой воли победил в этом состязании и оказался первым европейцем, побывавшим в библиотеке пещерного храма в Дуньхуане, за что он теперь пользуется дурной славой, особенно в Китае. Но в то время, как он продолжал свою экспедицию, продвигаясь на север, другой русский исследователь, П.К. Козлов, направлялся к городищу на границе с Монголией, упомянутому Регелем, где еще не проводились раскопки и которое в будущем должно было дать такие же впечатляющие находки и доказательства существования почти забытой цивилизации. В марте 1908 г. Козлов достиг мертвого города Хара-Хото. Это был, несомненно, триумф русских исследований в Центральной Азии, возвестивший о начале научного тангутоведения.

Berezovsky in Kucha. He would undoubtedly also have heard of the presence there two years before of disciples of Count Otani, Buddhist Abbot of Nishi Honganji Temple in Kyoto.[31] The situation was even more immediate to Kolokolov in Kashgar, as the railway stopped running in the autumn and his post from Russia ceased to get through. Britain, of course, was at this time an ally of Japan. Kolokolov continued to assert economic power in Kashgar and Macartney and he eventually clashed over the recognition of commercial contracts between the Russians and British subjects. Kolokolov demanded they were not valid unless attested by the Russian Consul and ended the discussion with the biting observation that 'there was a Russian Consul here and no British One'.[32] Another period of silence started between the two representatives, this one lasting for a year. It was only ended in May 1906 after conventions between the Russians and Japanese. Britain and Japan guaranteed the integrity of China and settled spheres of influence in Afghanistan and Tibet. A Triple Entente followed between France, Russia and Britain. Perhaps finally politics would stop playing such a role in the affairs of the Silk Road explorers.

Stein arrived in Kashgar in June 1906, following the rapprochment, and his report of his meeting with Kolokolov, Russian Consul-General, is instructive: "I met from the first with the friendliest reception."[33] There is a gentle hint here at the contrast with his meeting with Petrovsky in 1901 where friendliness was not mentioned.[34]

Despite his concerns, by dint of determination, Stein beat the competition and was the first European at the Dunhuang Library Cave, the site for which he is now infamous, specially in China. But as he continued his explorations to the north another Russian explorer, P.K. Kozlov, was on his way to a site on the border of Mongolia mentioned by Regel but as yet unexcavated which would reveal similarly spectacular finds and proof of an almost forgotten civilization. Kozlov reached the ruined city of Khara-Khoto in March 1908. This was undoubtedly the triumph of Russian activity in Central Asia and heralded the start of Tangut studies.

This was not the end of Russian and British exploration. Oldenburg finally managed to realize his dream of visiting the places he had so assiduously studied and he carried out two expeditions in 1909–10 and 1914–15. S.M. Dudin, the expe-

---

31 Японцы находились в Куче около четырех месяцев, с апреля 1903 г., проводя раскопки наиболее крупных памятников.

32 См. Skrine C. P. and Nightingale P. *Op. cit.*, p. 145.

33 Stein, M.A. *Ruins of Desert Cathay*. London, 1912. Vol. 1, p. 110.

34 Стейн также общался с женами обоих консулов и даже, по просьбе миссис Макартни, купил для госпожи Соковой кашмирские шали. См. письмо миссис Макартни Стейну от 31 января 1912 г. (MS. Stein 96, f. 52).

31 The Japanese stayed at Kucha for about four months from April 1903, excavating at the major sites.

32 Skrine and Nightingale, *Macartney in Kashgar*, p. 145.

33 Stein, M. Aurel. *Ruins of Desert Cathay*. London, 1912. Vol.1, p. 110.

34 Stein also got along with both the consul's wives, even purchasing Kashmiri shawls for Mrs Sokov at the request of Mrs Macartney (MS. Stein 96, f. 52, letter from Mrs Macartney to Stein dated 31st January, 1912.)

Но русские и британские исследования этим не завершились. Ольденбург, наконец, сумел воплотить в жизнь свою мечту и посетить места, которые он так упорно исследовал. В 1909—1910 и в 1914—1915 гг. он осуществил две экспедиции. С.М. Дудин, фотограф обеих экспедиций, выполнил прекрасную серию снимков[35], остальные участники исследований снимали планы, производили замеры и извлекали рукописи из пещерной библиотеки. Ольденбург сообщал об этом Стейну в письме, отправленном из Парижа в 1923 г.[36]. Временной разрыв между экспедицией и письмом о ней не кажется удивительным, если помнить о событиях, произошедших в России в 1917 г. В 1914—1916 гг. Стейн организовал свою третью экспедицию: он вернулся в Дуньхуан и посетил северные городища Турфана и Кучи. Он разминулся с Ольденбургом, но о том, что они были совсем близко друг от друга, он написал в своем отчете, где со свойственным ему академическим великодушием отмечал: «Я не могу завершить этот отчет о моем новом путешествии туда, [в Дуньхуан], <...> не упомянув о чувстве удовлетворения, которое я испытал спустя приблизительно шесть месяцев, когда я, находясь далеко в Турфане, узнал от господина Сергея д'Ольденбурга о его приезде <...> со штатом компетентных художников и технических помощников. Целью его экспедиции было тщательное изучение и воспроизведение изобразительных и скульптурных памятников <...> Материал, собранный под руководством этого выдающегося ученого, имеет исключительную ценность для всех, кто изучает китайское искусство и буддийскую иконографию. Хотелось бы, чтобы публикация этих материалов не была отложена надолго»[37].

Это был единственный раз, когда Стейн скорее сам следовал по стопам других, чем прокладывал пути. Он отправился за Козловым, «очень проницательным русским путешественником», как он выразился[38], в Хара-Хото и обнаружил оставшиеся фрагменты рукописей, хотя в это время у него не было доступа к каким-либо подробным отчетам о раскопках Козлова. В 1925 г. Козлов послал Стейну свою книгу, опубликованную в 1923 г., на что Стейн заметил: «Незнание русского языка, к сожалению, не позволило мне точно определить, что нового сообщает глава XXV (если сообщает) о значении археологических находок»[39]. В то же самое время Ольденбург послал Стейну свою книгу о буддийской иконографии. Хотя тангутские рукописи, привезенные Стейном, составили значительную коллекцию —

35 俄藏敦煌艺术品 Э цан Дуньхуан ишупинь (Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в России). Т. 4. Шанхай, 2000.

36 См. письмо Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1923 г. (MS. Stein 101, ff. 44–45).

37 Stein, M. Aurel. Innermost Asia. Oxford, 1928, p. 361.

38 Цит. по: Mirsky J. *Op. cit.*, p. 370.

39 Stein M.A. Innermost Asia, p. 438, note 1.

dition photographer, took an excellent set of images,[35] while the rest of the team made plans and measurements, as well as acquiring manuscripts from the Library Cave. Oldenburg tells Stein of these in a letter written from Paris in 1923.[36] The time gap between the expedition and this letter is not perhaps surprising given the events in Russia of 1917. Stein himself organized a third expedition between 1914–16 when he returned to Dunhuang and went to the northern sites of Turfan and Kucha. He missed Oldenburg but noted their proximity in his published reports with his typical scholarly generosity: "I cannot conclude this account of my renewed pilgrimage to this site [Dunhuang] ... without briefly recording the satisfaction I felt, about six months later, when far away in Turfan I learned from M. Serge d'Oldenburg of his arrival ... with a competent staff of artists and technical assistants. The purpose of his visit was a thorough study and reproduction of the pictorial and sculptural remains... The material collected under the direction of that distinguished scholar are certain to be of exceptional value to all students of Chinese art and Buddhist iconography. May their publication not be too long deferred."[37]

For once it was Stein who was to follow in the wake of others rather than leading the way. He followed Kozlov — 'a very discerning Russian traveller' in his words[38] — to Khara-Khoto and recovered fragments left behind although he had no access at this point to any detailed account of Kozlov's excavations. In 1925 Kozlov was to send Stein a copy of his 1923 book, although Stein notes that his 'regrettable ignorance of Russian does not allow me definitely to ascertain what additional information, if any, of archaeological import Chapter XXV ... furnishes.'[39] Oldenburg sent Stein a copy of his book on Buddhist iconography at the same time. Although the Tangut manuscripts acquired by Stein form a considerable collection — over 5,000 fragments — it does not come close to the outstanding Tangut painting and manuscript collections in St. Petersburg. Although these expeditions were not the last, they can be seen as marking the culmination of foreign exploration in the region.

There is no record of any correspondence or meetings between Stein and the other Russian Silk Road explorers such as the Berezovskys, but Stein continued his friendship with Oldenburg. In his 1923 letter Oldenburg writes: "I have read last year your splendid *Serindia* in our Oriental Society at Petrograd..." and closes the letter "with best wishes in old friendship."[40] In 1925, as Permanent Secretary of the Russian

35 俄藏敦煌艺术品 *E cang Dunhuang yishupin* (*Dunhuang Art Relics Collected in Russia*). Vol. 4. Shanghai, 2000.

36 MS. Stein 101, ff. 44–45, Oldenburg to Stein dated 13 September 1923.

37 Stein, M. Aurel. *Innermost Asia*. Oxford, 1928, p. 361.

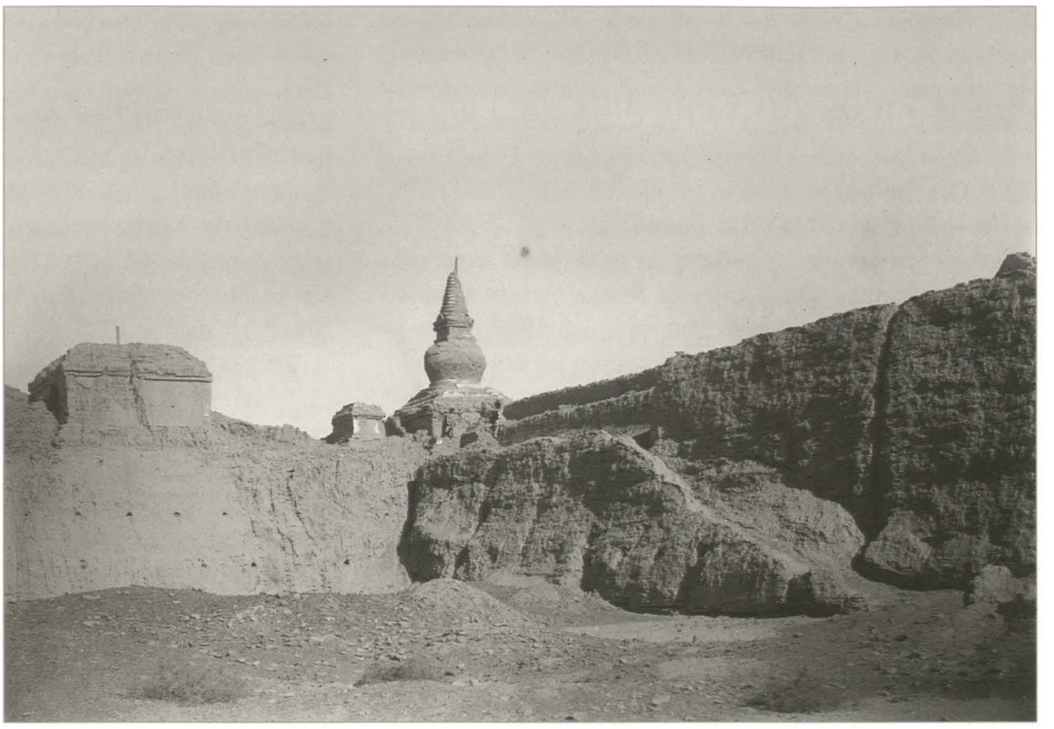
38 Quoted in Mirsky, J. *Op. cit.*, p. 370.

39 Stein, *Innermost Asia*, p. 438, note 1.

40 MS. Stein 101, ff. 44–45, Oldenburg to Stein dated 13 September 1923.

Субурган в северо-восточном углу города Хара-Хото. Фото А. Стейна. Британская библиотека, 392/29(95)

Stupas at the northwest corner of the Khara-Khoto city walls. Photograph by Aurel Stein. British Library, 392/29(95)



свыше 5000 фрагментов — ее нельзя сравнить с собранием тангутской живописи и рукописей в Санкт-Петербурге. Это не были последние экспедиции иностранцев в Китайскую Центральную Азию, но их можно рассматривать как высшую точку зарубежных исследований в регионе.

Нет никаких сведений о переписке или встречах Стейна с другими русскими исследователями Шелкового пути, например, с Березовскими, но Стейн сохранял дружбу с Ольденбургом. В 1923 г. Ольденбург сообщал: «В прошлом году я прочитал Вашу великолепную "Сериндию" в нашей Коллегии востоковедов в Петрограде». Заканчивается письмо: «С наилучшими пожеланиями в память о нашей старинной дружбе»[40]. В 1925 г. в качестве непременного секретаря Российской Академии наук (должность, которую он занимал в 1904—1929 гг.) он подписал письмо (по-французски), информирующее Стейна о его избрании членом-корреспондентом. В письмо была вложена личная записка, написанная от руки по-английски: «В своем официальном письме сообщаю Вам, что мы избрали Вас (единогласно) членом-корреспондентом нашей Академии, что является знаком нашего искреннего восхищения Вашей блестящей работой в Центральной Азии»[41]. Он продолжал сообщать ему о недав-

Academy of Sciences (a post he held in 1904–29), he signs the letter (in French) informing Stein that he has been elected as a 'membres-correspondants' and includes a personal handwritten note in English: "My official letter tells you that we have elected you (unanimously) Corresponding Member of our Academy as a token of our sincere admiration for your splendid work in Central Asia."[41] He continues to tell him of recent Russian excavations in Mongolia. In 1929 they met in Paris, Stein acknowledging the meeting: "How grateful I am for the lucky chance which allowed me to meet you in Paris after all these years. The recollection of the delightfully stimulating hours spent in your company ... will always be cherished by me gratefully."[42] Oldenburg invited Stein to St. Petersburg several times but he never went.

By this time their friendship was such that they asked each other both scholarly and more personal favours. In the 1929 letter Stein encloses a letter from a young Russian scholar, Ivanov, who was cataloguing manuscripts at the Royal Asiatic Society

[40] См. письмо Ольденбурга Стейну от 13 сентября 1923 г. (MS. Stein 101, ff. 44–45).

[41] Официальное извещение датировано 28 февраля 1925 г., письмо 7 марта 1925 г. (MS. Stein 101).

[41] MS. Stein 101, official notification dated 28 February 1925 and letter dated 7 March 1925.

[42] MS. Stein 101, letter Stein to Oldenburg dated 14 June 1929.

них русских раскопках в Монголии. В 1929 г. они встретились в Париже. Стейн писал об этом: «Как благодарен я счастливому случаю, который позволил мне встретиться с Вами в Париже после всех этих долгих лет. Воспоминания о восхитительных и продуктивных часах, проведенных в Вашем обществе <...> я всегда буду хранить с благодарностью»[42]. Ольденбург несколько раз приглашал Стейна посетить Петербург, но тот никогда там не был.

К этому времени их дружба приобрела такой характер, что они обращались друг к другу не только по поводу научных, но и личных одолжений. Например, в 1929 г. Стейн вложил в свое письмо обращение молодого русского ученого В.А. Иванова, который составлял каталог рукописей Королевского Азиатского общества в Калькутте, но хотел вернуться домой[43]. Стейн просит Ольденбурга: «Возможно, Вы могли бы при случае дать мне лично знать, какие есть у него шансы вернуться; если Вы считаете такой вопрос рискованным или слишком трудным, чтобы на него ответить, пожалуйста, просто верните вложение в это письмо»[44]. В результате все возрастающей политизации Академии Ольденбург в 1929 г. был смещен со своего поста, хотя и продолжил работу на посту директора Азиатского музея. В 1930 г. он стал директором Института востоковедения — новой реинкарнации Азиатского музея, где до сих пор хранятся рукописи, привезенные русскими экспедициями. Умер С.Ф. Ольденбург в 1934 г.

Таков краткий обзор лишь небольшого периода общей истории исследований на востоке Центральной Азии в начале XX в. Но, как мы надеемся, из него видно, что несмотря на все усилия ученых освободиться от политических пут, политика всегда присутствовала в их научной, профессиональной или личной жизни. Большинство из них зависело от государственного финансирования и поддержки, необходимых для проведения экспедиций, и не только со стороны собственных правительств. Единицы, такие как Стейн и Ольденбург, сумели не допустить, чтобы политическое противостояние омрачило их научное сотрудничество. Их отношения основывались на уважении. А взаимное уважение было также свойственно выдающимся исследователям Центральной Азии того времени, как и соперничество.

in Calcutta but longing to return home.[43] Stein asks Oldenburg: "Perhaps you could, on occasion, let me know privately what chance there is of his being able to return; if you think such a question indiscreet or too difficult to answer, please content yourself with simply returning the enclosed."[44] In 1929 Oldenburg lost his post at the Academy as a result of its increasing politicisation, although he continued his association with the Asiatic Museum. In 1930 he became the Director of its reincarnation as the Institute of Oriental Studies where the manuscript finds from the Russian expeditions are still stored. He died in 1934.

This is a brief survey of just a small part of the picture of exploration in Eastern Central Asia at the start of the twentieth century but shows, I hope, that as much as the scholars might have tried to transcend its concerns, politics was never out of the picture in their scholarly, professional or private lives. Most were dependent on state funding and political support, not only from their own government, to enable their expeditions. Some, such as Stein and Oldenburg, managed to avoid letting political competition taint their scholarly collaboration. Theirs was a relationship of respect. And respect, I would argue, was just as characteristic a mood of this period as rivalry among the great names in Central Asian scholarly exploration.

---

42 См. письмо Стейна Ольденбургу от 14 июня 1929 г. (MS. Stein 101).

43 Стейн познакомился с Владимиром Алексеевичем Ивановым (1886—1937) в Бухаре в 1915 г. После революции 1917 г. Иванов опасался вернуться в Россию и в течение нескольких лет жил в Иране. Затем он получил должность каталогизатора персидских и арабских рукописей в Калькутте, почти наверняка благодаря рекомендации Стейна. Стейн вел с ним оживленную переписку в 1920-е гг. Он писал для Иванова и другие рекомендательные письма, а также посылал ему деньги, чтобы тот мог оплачивать заказы, связанные с научной работой, в частности, покупку фотоаппарата. (Их переписку см. MS. Stein 86, ff. 157–211).

44 Письмо от 14 июня 1929 г. (MS. Stein 101).

43 Stein had met Vladimir Alekseyevich Ivanov (1886–1937) in Bukhara in 1915. Ivanov did not feel able to return to Russia after the Revolution and stayed in Iran for several years. He then acquired a post as cataloguer of Persian and Arabic manuscripts in Calcutta, almost certainly with Stein's recommendation. Stein and he have a frequent correspondence throughout the 1920s. Stein writes other letters of recommendation for him and also sends him money for help with scholarly queries and, at one point, for him to buy a camera. For their correspondence see MS. Stein 86, ff. 157–211.

44 MS. Stein 101, letter dated 14 June 1929.

Русские экспедиции и китайские власти в конце XIX — начале XX века

Жун Синь-цзян (榮新江)

Обширные территории Центральной Азии, именовавшиеся в западной традиции XIX — начала XX в. Восточным, или Китайским, Туркестаном, упоминались в китайских исторических памятниках со времени династии Хань (206 г. до н.э. — 220) как Западный край. На протяжении тысячелетий здесь существовали, сменяя друг друга, цивилизации, различавшиеся по своим языкам, этносам, религиям. Через города-оазисы Хотан, Шулэ (Кашгар), Кучу, Яньци (Карашар), Лоулань и Гаочан (Турфан), разбросанные в пустыне на большом расстоянии друг от друга, проходил Великий Шелковый путь, трансконтинентальный торговый маршрут из Китая через Центральную Азию в Переднюю Азию и далее в Европу. Оазисы были не только важными экономическими центрами северной и южной ветвей Шелкового Пути: через них в Восточную Азию приходило влияние Запада, а китайская культура проникала на Запад. Причудливое сочетание различных этнических и религиозных компонентов было уникальным для каждого из городов и сделало его неповторимым феноменом.

С X в. на территории Западного края стал распространяться ислам. Поселившиеся здесь уйгуры принесли с собой тюркизацию местного населения. Под влиянием природных факторов — песчаных бурь и зыбких почв — многие памятники доисламской культуры оказались погребены в пустыне. Когда-то процветавшие буддийские монастыри, о которых упоминали паломники Фа-сянь и Сюань-цзан, и храмы, где проповедовали наставники дхармы Кумараджива и Шикшананда, были заброшены и почти исчезли с лица земли.

В XVIII в. земли Западного края вошли в состав Цинской империи (1644—1911), а в 1840 г. границы Китая были открыты западными державами. Некогда могущественная Цинская империя ослабла и пришла в упадок. К концу XIX в. Южный Китай был поделен на сферы влияния между западными государствами, а Синьцзян попал в сферу интересов России и Великобритании, боровшихся за влияние в Центральной Азии. Стремясь основательно исследовать эти территории, державы направляли сюда разведывательные экспедиции, которые первоначально имели военные и географические цели. Но с течением времени усилилось внимание западных исследователей к памятникам прошлого Восточного Туркестана. Археологические экспедиции европейцев, организация которых изначально была продолжени-

Russian Expeditions and the Chinese Authorities in the Late 19th and Early 20th Centuries

Rong Xin-jiang (榮新江)

Vast territories of Central Asia, which were referred to as Eastern or Chinese Turkestan in the Western tradition of the 19th and early 20th centuries, used to be called *Xi yu* (Western Regions) in Chinese historical records beginning from the times of the Han Dynasty (206 B.C.—220 A.D.). Over thousands of years numerous civilizations superseding one another existed in the region, differing in languages, ethnic composition and religions. The Silk Road, a transcontinental trade route from China via Central Asia and further through Asia Minor into Europe went across the oases of Khotan, Shule (Kashgar), Kucha, Yanqi (Karashar), Loulan and Gaochang (Turfan), sparsely scattered in the desert. The oases states were not only important economic centres of the northern and southern routes of the Silk Road — through them the Western cultural influence penetrated into Eastern Asia and, conversely, Chinese culture found its way to the West. A whimsical combination of various ethnic and religious components made each of the states a unique phenomenon.

From the 10th century onwards Islam began to spread in the Western Regions. Due to the Uighurs settling here the Turkic ethnic element became predominant among the local population. As a result of climatic and other natural factors, such as sand storms and quicksands, numerous monuments of pre-Islamic culture were buried in the desert. The once flourishing Buddhist monasteries mentioned by the pilgrims Fa-xian and Xuan-zang, and temples in which the Dharma teachers Kumārajīva and Śiksānanda used to preach, were abandoned and almost effaced.

In the 18th century Western Regions were integrated into the Qing Empire (1644—1911), and in 1840 the frontiers of China were opened to Western countries. The once powerful Qing Empire got weakened and, finally, declined. By the end of the 19th century, Southern China was divided between Western countries into spheres of interest, Xinjiang falling into the zone where Russia and Great Britain were vying for influence in Central Asia. Performing thorough studies in the region, the two powers sent exploratory expeditions there, initially for military and geographic ends. With time, however, the Western explorers grew more interested in Eastern Turkestan's monuments of the past. The Europeans' archaeological expeditions, which were primarily part of 'The Great Game', eventually played an important role in the study of the monuments of the

ем «Большой игры», в итоге сыграли большую роль в изучении памятников ушедших цивилизаций нынешнего Синьцзяна. Чрезвычайно большим было значение российских исследователей, которые на протяжении десятилетий вели здесь активную экспедиционную деятельность. Этому способствовало, среди прочих факторов, удобное географическое расположение России.

Наиболее значительные результаты российских исследователей Синьцзяна в XIX—XX вв. состоят в следующем:

1. Исследование письменных памятников Хотана, крупнейшего оазиса на южной ветви Шелкового пути, центра распространения на восток буддизма Махаяны. Памятники буддийской культуры на санскрите и *кхарошхи*, собранные в Хотане Н.Ф. Петровским и С.Е. Маловым, в том числе «Дхармапада» и «Лотосовая сутра» («Саддхармапундарика-сутра»), стали важнейшими источниками для изучения бытовавшей здесь буддийской традиции. Русскими исследователями были приобретены не только буддийские тексты V—VIII вв., но и светские документы, отражающие историю Хотана VIII—IX вв. Здесь были обнаружены китайские документы, относящиеся к деятельности Хотанского гарнизона, одного из четырех форпостов Танской империи в Таримском бассейне, на ее западных рубежах. Эти материалы являются источниками для изучения китайско-хотанской административной системы и распространения китайской культуры на запад.

2. Невозможно переоценить роль русских ученых в изучении Кучи и Кашгара, важнейших оазисных государств северной ветви Шелкового пути, принадлежавших к тохарскому культурному ареалу. Российские экспедиции составили подробные описания буддийских памятников Шикшина и Кучи, уделив первостепенное внимание скульптуре и стенной росписи. Их дневники, описания, планы и рисунки имеют значение для изучения буддийского искусства региона. Большое количество хинаянских текстов, обнаруженных здесь, свидетельствуют об отличии местного буддизма от его хотанской разновидности. Тексты на тохарском языке, относящемся к индоиранским языкам, явились новым материалом, проливающим свет на происхождение индоевропейских народов. Язык тохарский Б, на котором говорило население Кучи, был представлен документами и текстами буддийского содержания VII—IX вв. Литература на тохарском А, языке Карашара, представлена в основном текстами буддийского содержания, включая оригинал более поздней уйгурской версии драматического произведения «Майтреясамити», что подтверждает культурную самобытность тохаров.

3. Пристальное внимание русских исследователей привлекал Турфан, где был обнаружен ряд важных документов на китайском языке. Наряду с материалами экспедиций других стран эти материалы содействовали значительно более глубокому пониманию истории и культуры региона в IV—XIII вв. В Турфане были также обнаружены иранские манибygone civilizations in the present-day Xinjiang. The role of Russian explorers, who, over decades, carried out expedition activities in the region, was extraordinarily significant. Their work was facilitated, among other factors, by Russia's advantageous geographic position.

In the 19th and 20th centuries, Russian explorers of Xinjiang achieved the following valuable results:

1. They studied the written monuments of Khotan, the largest oasis on the southern route of The Silk Road, a centre of eastward dissemination of Mahāyāna Buddhism. The written monuments of Buddhist culture in Sanskrit in Kharoṣṭhī script collected in Khotan by N.F. Petrovsky and S.E. Malov, including the *Dharmapada* and the *Lotus Sutra* (*Saddharmapuṇḍarīka-sūtra*), became most important sources for studying Buddhist traditions practised there. Russian scholars acquired not only Buddhist texts of the 5th to 8th centuries, but also secular documents reflecting the history of Khotan over the period from the 8th to 11th century. They found Chinese documents pertaining to the activities of the Khotan garrison, one of the four outposts of the Tang Empire on its western borders, in the Tarim Basin. The materials provide information on Chinese administrative system as adapted by the Khotanese and the propagation of Chinese culture westwards.

2. It is difficult to overestimate the role of Russian scholars in the study of Kucha and Kashgar, the most important oasis states on the northern route of The Silk Road, which belonged to the Tocharian cultural area. Russian expeditions made detailed descriptions of the Buddhist monuments of Shikchin and Kucha, paying particular attention to sculptures and murals. Their journals, descriptions, plans and sketches are essential for studying the Buddhist art of the region. The large number of Hīnayāna texts found there indicate that the local Buddhism differed from its Khotanese variety. The texts in Tocharian, which belongs to the Indo-European language group, became a new source shedding light on the origins of the Indo-European peoples. Tocharian B spoken in Kucha was represented by documents and Buddhist texts from the 7th to 9th century. The writings in Tochrian A spoken in Karashar, comprise chiefly texts with Buddhist subject matter, including an original dramatic work, *Maitreya-samiti*, the source for a later-date Uighur version, which proves the Tocharians' cultural originality.

3. Russian explorers were strongly attracted by Turfan, where they found a number of important documents in Chinese. Along with finds from other countries' expeditions, their materials facilitated a more profound understanding of the history and culture of the region in the 4th to 13th centuries. In Turfan they also discovered Iranian Manichaean texts , attesting to a wide currency of Manicheism in Gaochang at the time of the Western Uighur kingdom. The early Sogdian texts found provide information on the arrival of Sogdians in Gaochang and their commercial activity. The results of the archaeological stu-

хейские тексты, которые свидетельствуют о распространении манихейства в Гаочане при Западном уйгурском каганате. Ранние согдийские тексты предоставляют сведения о прибытии согдийцев в Гаочан и об их коммерческой деятельности. Результаты археологических исследований пещерных монастырей Турфана, а также изучение письменных памятников дают картину развития и особенностей буддизма в Турфане от времени существования государства Гаочан до периода господства Восточного уйгурского каганата.

Памятники письменности и искусства Синьцзянь, доставленные западными экспедициями в конце XIX — начале XX в., сейчас составляют гордость крупнейших европейских собраний. По прошествии многих лет по-прежнему нельзя не задаться вопросом, как иностранным исследователям удалось вывезти из Китая коллекции рукописей и произведений искусства, отличавшиеся столь значительным разнообразием и огромной научной ценностью? Правда ли, что китайские власти позволяли им брать с собой все, что они хотели увезти?

Отчеты иностранных экспедиций почти не затрагивали этот вопрос, поэтому ответить на него всегда было крайне трудно. Ситуация изменилась с выходом в свет сборника «Новые архивные материалы об иностранных экспедициях в Синьцзяне», опубликованного Архивным управлением Синьцзян-Уйгурского автономного района (Урумчи) в 2001 г.[1] Публикация проливает свет на взаимоотношения местных властей и иностранных экспедиций, которые работали в Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. Нам доводилось работать в архиве Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1995 г., и мы можем утверждать, что опубликованные материалы представляют собой весьма небольшую часть хранящихся в нем документов, касающихся пребывания в Синьцзяне иностранных исследователей, в особенности российских.

В сборник включены документы, имеющие отношение к работе экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова 1893—1895 гг. В основном это переписка между местными уездными чиновниками о выдаче паспортов членам экспедиции, а также документы, фиксирующие их въезд на территорию Китая и выезд за его пределы.

Если коротко суммировать содержание документов о работе В.И. Роборовского и П.К. Козлова в Китае, оно сводится к следующему[2]. 16 сентября 1893 г. в министерство иностранных дел Цинской империи было доставлено письмо от российского посланника в Пекине, которое уведомляло,

dies of the cave monasteries in Turfan, coupled with the investigation of the documents, provided a picture of the development and peculiar features of Buddhism in Turfan spanning the period from the foundation of the Gaochang kingdom till the times of the Western Uighur kingdom.

The monuments of writing and art brought from Xinjiang by Western expeditions in the late 19th and early 20th centuries are now the gems of the greatest European collections. And even now, after so many years, one cannot help wondering: how could the foreign researchers have brought out of China collections of manuscripts and art works distinguished by such great variety and tremendous scientific value? And is it true that the Chinese authorities permitted them to take everything they wanted to carry away?

The reports of foreign expeditions hardly ever touched upon this topic, and therefore it has always been a difficult question to answer. The situation changed when the Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region (Urumqi) published a collection of documents entitled *New Archive Materials about Foreign Expeditions in Xinjiang* in 2001.[1] The publication sheds light on the relations between the local authorities and the foreign expeditions that worked in Eastern Turkestan in the late 19th and early 20th centuries. I had an opportunity to work in the Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region in 1995 and can testify that the materials published constitute but a small part of their documents pertaining to the stay in Xinjiang of foreign expeditions, especially those from Russia.

The collection includes some documents relevant to the work of the 1893—95 expedition of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov. The bulk of them comprise correspondence between the local district officials concerning the issue of passports to the members of the expedition team, as well as documents recording their entrance on the territory of China and exit from it.

Below is a summary of the documents regarding the work of V.I. Roborovsky and P.K. Kozlov.[2] On 16 September 1893, a letter was delivered to the ministry for foreign affairs of the Qing Empire from the Russian envoy in Beijing, who informed the Foreign Office that Russian officials named Roborovsky and Kozlov intended to "travel" about the Chinese provinces of Xinjiang, Gansu and Sichuan accompanied by eleven persons, with the aim of research in accord with their scholarly interests. The letter contained a request that passports be issued to them. The passports were provided and handed over to Roborovsky in the prefecture of Shuntian. The documents sanctioned the right to follow the proposed itinerary, except for

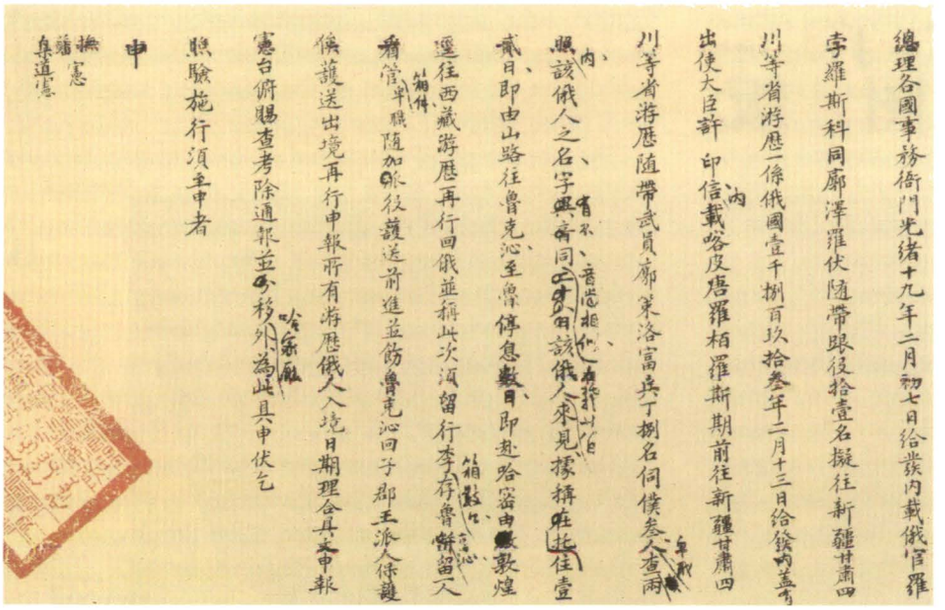
---

1 近代外國探險家新疆考古檔案史料 Цзиньдай вайго таньсяньцзя Синьцзян Каогу дан'ань шиляо (Новые архивные материалы об иностранных экспедициях в Синьцзяне). Урумчи, 2001.

2 Об экспедиции В.И. Роборовского см.: *Там же*. С. 101—102.

1 近代外國探險家新疆考古檔案史料 Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang Kaogu dan'an shiliao (*New Archive Materials about Foreign Expeditions in Xinjiang*). Urumqi, 2001.

2 For more information about V.I. Roborovsky's expedition see: *Ibid.*, pp. 101—102.

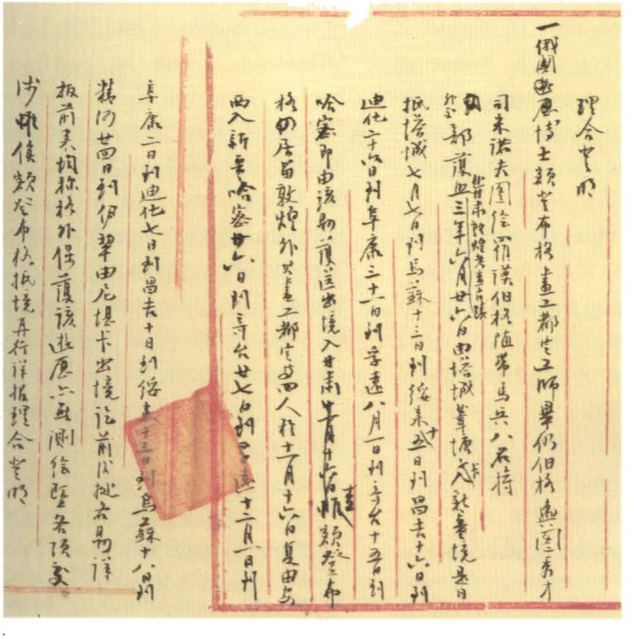


Китайское официальное донесение о пребывании экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова на территории Синьцзяна. Архив Синьцзян-Уйгурского автономного района

Chinese official report on the stay of V.I. Roborovsky's and P.K. Kozlov's expedition on the territory of Xinjiang. Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region

Письмо русскому генеральному консулу в Урумчи о разрешении на проезд П.К. Козлова в Цайдам. Архив Синьцзян-Уйгурского автономного района

The letter to Russian Consul General in Urimqi with the request of P.K. Kozlov's entry to Tsaidam. Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region



Китайское официальное донесение о пребывании второй РТЭ С.Ф. Ольденбурга на территории Синьцзяна. Архив Синьцзян-Уйгурского автономного района

Chinese official report on the stay of S.F. Oldenburg's Second RTE on the territory of Xinjiang. Archives of the Xinjiang-Uighur Autonomous Region

что российские чиновники Роборовский и Козлов в сопровождении одиннадцати человек намереваются «путешествовать» в провинциях Китая Синьцзян, Ганьсу и Сычуань для проведения интересующих их исследований. В письме содержалась просьба выдать им паспорта. Паспорта были выписаны и выданы Роборовскому в областном центре Шуньтянь. Документы предоставляли право следовать по заявленному маршруту за исключением населенных пунктов и территорий, где присутствие иностранцев могло быть нежелательным. В то же самое время Пэн Сюй-чжань (彭緒瞻), младший администратор Турфанского уезда, получил предписание из Кашгара, в котором было указано, что «Роборовский и еще один чиновник в сопровождении одиннадцати человек отправились из долины Кабуциши (喀布齊實) в Токсун». Китайскому чиновнику предписывалось «предоставлять этим иностранцам необходимую защиту, где бы они ни находились». 10 октября Пэн Сюй-чжань сообщил губернатору Синьцзяна Тао Мо (陶模), что «русские прибыли в Токсун в 26-й день 8-го месяца, следуя не по главным дорогам, а по обходным путям через горы. Они посетили меня в Токсуне в 28-й день и сообщили, что намереваются отправиться в Люкчун после нескольких дней стоянки в Токсуне и затем проследовать в Хами. После этого они отправятся в Тибет через Дуньхуан, а потом обратно в Россию». Пэн Сюй-чжань выделил людей для их охраны и направил особого чиновника для дальнейшего их сопровождения в Синьцзян.

23 октября Пэн Сюй-чжань направил письма в префектуры Хами и Чжэньси с предписанием «ожидать прибытия русского чиновника Роборовского и предоставить ему необходимую защиту». 3 декабря Чжу Мянь-жун (朱冕榮), чиновник Турфанского уезда, сообщил Тао Мо, что Роборовский в 20-й день десятого месяца отправился в Хами, в то время как Козлов проследовал к Лопнору, и китайские местные власти предоставили ему сопровождение.

Из документов (см. с. 222) следует, что Роборовский и члены его экспедиции прибыли в Синьцзян как «путешественники», занимавшиеся исследовательской работой. Поэтому правительство Цинской империи выдало им паспорта и предоставило сопровождение. По всей видимости, китайские власти не были информированы о целях их поездки в Турфан и другие места и не имели представления об их деятельности, направленной на изучение памятников искусства.

Наряду с этим в Архиве Синьцзяна находится еще один небольшой документ, датированный 3-м годом Китайской Республики (1914). Он касается второй Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга и имеет следующее содержание: «Доктор С.Ф. Ольденбург, художник С.М. Дудин, инженер В.С. Биркенберг, топограф Н.А. Смирнов и картограф Б.Ф. Ромберг в сопровождении 8 казаков, имея на руках паспорта, выданные Министерством иностранных

specified settlements and lands where the presence of foreigners might be undesirable. Simultaneously, Peng Xu-zhan, (彭緒瞻), assistant administrator of the Turfan district, received notification from Kashgar, which read "Roborovsky and one more official accompanied by eleven people made way from the Kabuqishi valley (喀布齊實) to Toksun." The Chinese official was instructed "to provide protection to these foreigners wherever they might be". On 10 October, Peng Xu-zhan informed Tao Mo (陶模), the Governor of Xinjiang, that "the Russians arrived in Toksun on the 26th day of the 8th month, having followed mountain bypasses rather than main highways. They visited me in Toksun on the 28th day of the 8th month to report that after a few days' stay in Toksun they intended to leave for Lukchun and subsequently to proceed to Hami, whence they would make way to Tibet via Dunhuang and then back to Russia." Peng Xu-zhan detailed personnel to protect them and a special duty officer to accompany the expedition to Xinjiang.

On 23 October Peng Xu-zhan sent letters to the prefectures of Hami and Zhenxi with instructions "to await the arrival of the Russian official Roborovsky and provide him with appropriate protection". On 3 December Zhu Mian-rong (朱冕榮), official of the Turfan district, informed Tao Mo that on the 20th day of the 9th month Roborovsky left for Hami, while Kozlov with a few people provided by the Chinese local authorities to accompany him made way to Lop Nor.

It follows from the above mentioned documents (see p. 222) that Roborovsky and the other members of his expedition arrived in Xinjiang as 'travellers' engaged in exploratory work. Consequently, the government of the Qing Empire issued the required passports and provided the travellers with guards. To all appearance, the Chinese authorities had not been informed about the objectives of their trip to Turfan and other places and had no notion of their activities aimed at studying objects of art.

Meanwhile, one more short document dated the 3rd year of the Republic of China (1914) is kept in the Xinjiang Archives. It pertains to S.F. Oldenburg's Second Russian Turkestan Expedition and reads as follows: "Dr. S.F. Oldenburg, artist S.M. Dudin, engineer V.S. Birkenberg, topographer N.A. Smirnov and cartographer B.F. Romberg, accompanied by 8 Cossacks, all holding passports issued by the Ministry for Foreign Affairs, have left for Gansu to conduct archaeological research in Dunhuang. They proceeded from the Weitangzi Pass in the vicinity of Tacheng to Xinjiang on the 26th day of the 6th month of the 3rd year and arrived at Tacheng on the same day. On the 7th day of the 7th month they went to Wusu, then to Suilai (on the 13th), Changji (on the 15th), Dihua, Urumqi (on the 16th), Fukang (on the 26th), Fuyuan (on the 31st), Qitai (on the 1st day of the 8th month) and Hami (on the 15th). According to our data, Oldenburg remained in Dunhuang, while the artist Dudin and three other participants in the expedition went back to Hami in Xinjiang, and to Anxi on the 16th of the 11th month, then to Qitai (on the 26th), Fuyuan (on the 27th), Fukang (on

дел, направились в Ганьсу для проведения археологических исследований в Дуньхуане. Они проследовали от прохода Вэйтанцзы близ Тачэна в Синьцзян в 26 день 6-го месяца 3-го года и прибыли в Тачэн в тот же день. В 7-ой день 7-го месяца они отправились в Усу и затем в Суйлай (в 13-й день), Чанцзи (в 15-й день), Дихуа, Урумчи (в 16-й день), Фукан (в 26-й день), Фуюань (в 31-й день), Цитай (1-й день 8-го месяца) и Хами (15-й день). По нашим данным, кроме Ольденбурга, который остался в Дуньхуане, художник Дудин и остальные три участника экспедиции выехали обратно в Хами, Синьцзян, в Аньси в 16-й день 11-го месяца и затем в Цитай (в 26-й день), Фуюань (в 27-й день), Фукан (в 1-й день 12-го месяца), Дихуа (2-й день), Чанцзи (в 7-й день), Суйлай (в 10-й день), Усу (в 13-й день), Цзинхэ (в 18-й день), Или (24-й день) и покинули Синьцзян через проход Никань. Из отчетов, поступивших из уездов, следует, что они имели охрану и не выполняли картографических или иных работ в пути. О следующем въезде Ольденбурга на территории Синьцзяна будет представлен другой отчет»[3].

Из документов следует, что администрация Синьцзяна была полностью информирована о местонахождении членов экспедиции С.Ф. Ольденбурга, но не имела представления об их реальной деятельности. В отчете отмечалось, что экспедиция направилась в Дуньхуан для археологических изысканий, но в его конце было отмечено, что русские не проводили никаких картографических и прочих работ, хотя при этом определенно было указано, что в состав экспедиции входили художник, инженер, топограф и картограф. Рассматривая их как обычных «путешественников», китайские власти пренебрегли своими служебными обязанностями. Несомненно, экспедиция С.Ф. Ольденбурга имела фундаментальную научную подготовку и хорошую техническую оснащенность. Недавно опубликованные материалы, карты, фотографии и подробные отчеты этой экспедиции[4] свидетельствуют о том, что они выполняли не только «картографические и иные работы», но и осуществили наиболее подробное из всех ныне существующих описание пещер Дуньхуана. Книга С.М. Дудина, участвовавшего в обеих экспедициях Ольденбурга, «Архитектурные памятники Китайского Туркестана» (Пг., 1916) недавно была опубликована в китайском переводе[5] и также дает представление

the 1st of the 12th month), Dihua (on the 2nd), Changji (on the 7th), Suilai (on the 10th), Wusu (on the 13th), Jinghe (on the 18th) and Yili (on the 24th), leaving Xinjiang through the Nikan Pass. Reports sent from the provinces show that the expedition members had guards and did not perform any cartographic or other work as they moved. Another report should be duly submitted when Oldenburg will re-enter Xinjiang."[3]

It follows from the documents that the administration of Xinjiang was fully informed about the whereabouts of S.F. Oldenburg's expedition members, while having no idea about their actual activities. The report states that the expedition started out to Dunhuang for archaeological studies, but the final part of the document says that the Russians did not carry out any topographic or other work. At the same time it was clearly stated that the expedition included an artist, an engineer, a topographer and a cartographer. In treating them as ordinary travellers, the Chinese authorities grossly neglected their duties. S.F. Oldenburg's expedition was undoubtedly prepared on a sound scientific basis and was well equipped technically. The recently published materials, maps, photographs and detailed reports[4] show that they not only performed "cartographic and other work", but they accomplished the most detailed of all the existing descriptions of Dunhuang's caves. The book entitled *Architectural Monuments of Chinese Turkestan* (Petrograd, 1916) by S.M. Dudin, participant in both expeditions headed by Oldenburg, has been recently published in Chinese translation[5]; it also gives a clear impression of the expedition's research activities in the study of Shikchin's monuments in Karashar and Turfan.

In the documents from the later period of Qing dynasty and the first years of the Republic of China there was always some indication that the local authorities provided safety for the foreign expedition teams. That was connected with the official status of the expeditions and to a certain extent legitimatized their collecting activities. Extensive correspondence between local Chinese officials accumulated in the archives. They keep original documents instructing district authorities to provide foreign expeditions entering their territory with personnel to guard their members. Yet there is no information in the archives regarding the specific activities of those expeditions. Although the majority of foreign expeditions worked under the guise of

---

3 Цзиньдай вайго таньсяньцзя Синьцзян каогу даньань шиляо. *Указ. соч.* С. 301.

4 俄藏敦煌艺术品 Э цан Дуньхуан ишупинь (Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в России). Т. 4. Шанхай, 2000.

5 杜丁 Дудин С.М. 中國新疆的建築遺址. 何文津、方久忠譯 Чжунго Синьцзян дэ цзяньчжу ичжи (Архитектурные памятники Китайского Туркестана). (Пер. Хэ Вэнь-цзиня, Фан Цзю-чжуна). Пекин, 2006.

3 Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang kaogu dan'an shiliao..., p. 301.

4 俄藏敦煌艺术品 E cang Dunhuang yishupin (*Dunhuang Art Relics Collected in Russia*). Vol. 4. Shanghai, 2000.

5 杜丁 Dudin, S.M. 中國新疆的建築遺址. 何文津、方久忠譯 Zhongguo Xinjiang de jianzhu yizhi (*Architectural Monuments of Chinese Turkestan*). Translated by He Wen-jin, Fang Jiu-zhong. Beijing, 2006.

об исследовательской деятельности экспедиции в изучении памятников Шикшина в Карашаре и Турфана.

В документах конца династии Цин и начала Китайской Республики всегда содержались указания, что местные власти обеспечивали безопасность иностранных экспедиционных отрядов. Это было связано с официальным статусом экспедиций и в определенной степени оправдывало их собирательскую деятельность. В архивах отложилась обширная переписка местных китайских чиновников. Сохранились предписания уездным властям предоставлять экспедициям, въезжавшим на территорию уезда, людей для охраны. Но по поводу конкретной деятельности экспедиций никакой информации нет. Хотя большинство иностранных экспедиций работало под видом путешественников, как, например, А. Стейн, они вели поиск археологических памятников, но это не привлекало внимания местных властей. Когда китайские чиновники увидели археологические находки Стейна, они лишь потребовали предоставить им их фотографии[6]. Когда П. Пеллио прибыл в Синьцзян, он также сообщил, что «направляется в северо-западную часть Китая для посещения древних памятников, снятия копий с каменных стел, проведения исследований». Местные чиновники никак на это не отреагировали[7]. В архиве есть документы о том, что экспедиция Отани «посетила Астану, Хара-Ходжо, Муртук, Яр-Хото, где провела раскопки древних памятников», но нет никаких свидетельств, что этому кто-то воспрепятствовал[8].

Только после Синьхайской революции 1911 г. центральное правительство Китая и провинциальные власти Синьцзяна стали обращать внимание на проведение иностранцами картографических работ. В 1913 г. специально назначенный Министерством иностранных дел комиссар по делам иностранцев провинции Синьцзян (新疆交涉員 Синьцзян цзяошэюань), глава департамента Синьцзяна по делам иностранцев (新疆外交署長 Синьцзян вайцязо шучжан) Чжан Шао-бао (張紹伯) издал специальное распоряжение уездным начальникам о том, чтобы в места, где иностранцы ведут картографические работы, они направляли специальных представителей, которые бы следили за строгим соблюдением распоряжений Министерства иностранных дел, а также всех ограничений с его стороны[9]. Во время третьей центральноазиатской экспедиции А. Стейна власти сочли нужным ограничить проведение картографирования экспедицией в местах, где были расположены объекты национальной обороны[10]. Они неоднократно

6 Цзиньдай вайго таньсяньцзя Синьцзян каогу даньань шиляо. *Указ. соч.* С. 107—108 (запись от 7 мая 1901 г.).
7 *Там же.* С. 257 (запись от 12 февраля 1906).
8 *Там же.* С. 208 (запись от 2 января 1909 г.).
9 *Там же.* С. 115 (запись от 12 ноября 1913 г.).
10 *Там же.* С. 113 (запись от 28 августа 1913 г.).

travellers, as, for example, did Marc Aurel Stein, they were actually searching for archaeological monuments, which did not arouse interest of the local authorities. When the Chinese officials saw Stein's archaeological finds, they only demanded that their photographs should be submitted.[6] On his arrival in Xinjiang, Paul Pelliot also stated that he was "going to the north-west of China to see ancient monuments, make copies of stone steles and do research." There was no reaction to that on the part of the local officials.[7] The archives keep records that Otani's expedition "visited Astana, Khara-Khodja, Murtuk and Yar-Khoto, where they carried out digging for ancient monuments", but there is no evidence that anybody tried to stop it.[8]

It was not until the Xinhai revolution of 1911 that the central government of China began to pay attention to cartography work done by foreigners. In 1913, Zhang Shao-bo (張紹伯), Commissioner for the Affairs of Foreigners in the Province of Xinjiang (新疆交涉員 Xinjiang jiaosheyuan), specially appointed to this post by the Ministry for Foreign Affairs, who was also Chief of the Xinjiang office for Foreigners' Affairs (新疆外交署長 Xinjiang waijiao shuzhang), issued special instructions for district chiefs, ordering them to assign special representatives to places where cartographic work was carried out by foreigners in order that they might oversee a strict compliance with the foreign ministry's decrees and the observance of all the bans imposed by it.[9] During A. Stein's third Central Asian expedition, the authorities found it necessary to limit its cartography work where national defense bases were located.[10]

6 Jindai waiguo tanxianjia Xinjiang kaogu dan'an shiliao..., pp. 107—108 (Entry of May 7, 1901).
7 *Ibid.*, p. 257 (Entry of February 12, 1906).
8 *Ibid.*, p. 208 (Entry of January 2, 1909).
9 *Ibid.*, p. 115 (Entry of November 12, 1913).
10 *Ibid.*, p. 113 (Entry of August 28, 1913).

направляли чиновников, чтобы те проследили за надежностью охраны экспедиций, а также негласно вели наблюдение за проведением картографических работ. По получении донесения о том, что во время своей второй экспедиции в Восточный Туркестан Стейн «под предлогом исследования памятников древности воровским образом занимался картографированием китайской территории», губернатор Синьцзяна Ян Цзэн-синь приказал конфисковать все измерительные приборы экспедиции, а также снятые ею карты[11].

Документы свидетельствуют о том, что китайские власти проявляли беспокойство лишь по поводу картографирования, а не охраны памятников. И лишь в 1930 г. под влиянием Пекинского комитета охраны памятников правительство Китайской Республики (北京古物保護委員會 Бэйцзин гуу баоху вэйюаньхуэй) предписало властям провинции Синьцзян остановить четвертую центральноазиатскую экспедицию Стейна и отказать ему в разрешении на вывоз культурных ценностей[12].

Каким может быть отношение китайского исследователя к утрате Китаем своих собственных исторических и культурных ценностей и к безразличию тогдашних властей? В ту пору китайское правительство было не в состоянии защитить императорские дворцы и парки в Пекине, что же говорить о рукописях и археологических памятниках в пустынях Синьцзяна? Но с тех пор минуло уже почти сто лет, а что прошло, то прошло. К счастью, в последние годы все шире развивается международное сотрудничество в исследовании памятников письменности и искусства из Синьцзяна и других мест. Были опубликованы рукописи из Дуньхуана и Хара-Хото, а также произведения искусства из коллекций России, доставленные экспедициями рубежа XIX—XX вв. Так сохранившиеся в российских собраниях памятники китайской культуры стали более доступны мировому научному сообществу.

They repeatedly sent officers to see to it that the expeditions were reliably guarded and to covertly keep an eye on the execution of cartography work. On receiving secret intelligence that during his second expedition to Eastern Turkestan Stein "under the pretext of studying ancient monuments was stealthily engaged in mapping a Chinese locality", Xinjiang Governor Yang Zeng-xin gave orders that all their geodesy instruments and the maps they had made should be confiscated.[11]

The documents available prove that the Chinese authorities were anxious only about cartography, but not about the safety of monuments. It was not until 1930 that the Government of the Republic of China, influenced by the Beijing Committee for the Protection of Monuments (北京古物保護委員會 Beijing guwu baohu weiyuanhui), instructed the government of the Province of Xinjiang to stop Stein's Fourth Central Asian expedition and ban his export of cultural relics.[12]

What can be the attitude of a Chinese researcher to China's loss of its historical and cultural riches and to the indifference about such loss of the authorities in the past? At that time the Government of China was unable to protect even the imperial palaces and parks in Beijing, let alone the manuscripts and archaeological finds from the deserts of Xinjiang. But nearly a hundred years have elapsed since those days and the past cannot be reversed. Fortunately, international cooperation in the field of studying written monuments and art from Xinjiang and other places has been rapidly expanding. The manuscripts from Dunhuang and Khara-Khoto have been published, as well as some art works from Russian collections that were brought from China by expeditions at the turn of the twentieth century. In this way the monuments of Chinese culture preserved in the Russian collections have become more accessible to the international scholarly community.

---

[11] *Там же*. С. 118 (запись от 17 декабря 1913 г.).

[12] *Там же*. С. 134—135; 斯坦因第四次新疆探險檔案史料 Сытаньинь ди сы цы Синьцзян таньсянь данъань шиляо (Архивные документы о четвертой экспедиции Стейна в Синьцзяне). Урумчи, 2007.

[11] *Ibid.*, p. 118 (Entry of December 17, 1913).

[12] *Ibid.*, pp. 134—135. 斯坦因第四次新疆探險檔案史料 Sitanying di si ci Xinjiang tanxian dan'an shiliao (Archive Materials relevant to the Fourth Stein's Expedition to Xinjiang). Urumqi, 2007.

Указатели
Indexes

Принятые сокращения
Abbreviations

Именной указатель

Аба Бакр мирза 45

Абдуррахман-хан 19

Абель-Ремюза Жан-Пьер 18

Адрианов Александр Васильевич 88

Акимбетев Ш. 83

Ала-ад-дин Ата Малик Джувайни 64

ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни 12

Александр III 88

Александр Македонский 37

Алексеев Василий Михайлович 135, 136, 170, 171, 179—181, 183, 184, 186

ал-Истахри, Абу Исхак Ибрахим ибн Мухаммад ал-Фариси ал-Истахри 12

ал-Йакуби, Ахмад ибн Аби Йакуб 12

ал-Масуди, Абу-л-Хасан Али ибн Хусайн ал-Масуди 12

ал-Мукаддаси, Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Бакр ал-Мукаддаси 12

Алп Сынкур-тегин 59

Андреас Фридрих Карл 82

Андреев Михаил Степанович 28

Анучин Дмитрий Николаевич 120, 124

Ань Лу-шань 159

Аоки Бункё 191, 200

Аоки Масару 180

Арандаренко Георгий Александрович 83

Асаи Эрин 184, 185

Аспелин Иоганн Рейнгольд 24

Багатур-чигши 63

Бадмажапов Цокто Гармаевич 117, 119, 120, 130, 131

Базэн Луи 61, 62

Бай Бинь 141, 145

Байков Федор Исакович 13

Банг Вилли 59

Барадийн Бадзар Барадийнович 32

Бартольд Василий Владимирович 17, 30, 89, 157

Бартус Теодор 37, 38, 151

Бауэр Гамильтон 36

Бейли Ф.М. 204

Беллью Г.В. 22

Бенвенисте Этьен 83

Березовский Михаил Михайлович 31, 32, 44, 65—74, 88, 120, 151, 214, 217

Березовский Николай Матвеевич 31, 69

Бернштам Александр Натанович 59

Бёгю-каган 57

Бильге-каган 54

Биркенберг Виктор Сергеевич 164—167, 169, 222

Бисамбай 153

Бичурин Никита Яковлевич 13—15, 18, 22, 133

Богданович Карл Иванович 22, 29

Боголюбов Михаил Николаевич 86

Болотов Алексей Павлович 16

Бонгард-Левин Григорий Максимович 74

Бретшнейдер Эмилий Васильевич 18, 22, 23, 66

Бушель Стефан 133

Вайан Луи 38

Валиханов Чокан Чингисович 17, 18, 22

Вальдшмидт Эрнст 70, 82

Вальтер Александр Александрович 196

Ван Го-вэй 178, 185

Ван Цзин-жу 136

Ван Чжун-минь 174

Ван Юань-лу 159, 198

Васильев Борис Александрович 171

Васильев Василий Павлович 16, 17, 22, 23, 28

Ватанабэ Тэссин 39, 191, 199

Веревкин Клементий 165

Веселовский Николай Иванович 29, 83, 149, 207

Вильямс Джоанна 78

Владимирцов Борис Яковлевич 34

Волкова Майя Петровна 172, 174

Воробьева-Десятовская Маргарита Иосифовна 74, 76, 173, 174

Ву-дао-дзы (У Дао-цзы) 168

Габэн Анна фон 57, 61

Гамильтон Джеймс Рассел 61, 62

Гардизи, Абу Саид ал-Гардизи 12

Гедин Свен 36, 38, 129, 188, 190, 201, 205

Гейгер Вильгельм 83

Герасимов Иван Михайлович 169

Го Чэн-тао 62

Голубков П.В. 16

Гомонов Захар 165, 167, 168

Горбачева Зоя Ивановна 137, 138

Горбунов Константин 165

Горшков Матвей 165, 167, 168

Григорьев Александр Васильевич 28, 123, 126, 129

Григорьев Василий Васильевич 18, 28

Гринстед Эрик Дуглас 143

Громбчевский Бронислав Людвигович 19, 22

Грумм-Гржимайло, братья 29

Грумм-Гржимайло Григорий Ефимович 22, 24, 150

Грюнведель Альберт 30, 37, 38, 58, 124, 151—152, 205, 211, 213, 214

Гулэ Мао-цай 140

Гумбольдт Александр фон 16, 18

Гун Хуан-чэн 141

Гуревич Изабелла Самойловна 173

Деверия Габриэль 133

Демьевиль Поль 176

Джонсон Уильям 35

Дизи 206—209

Долбежев Борис Васильевич 25

Долбежев Владимир Васильевич 25, 165, 166

Долбежева Екатерина Александровна 166

Драгунов Александр Александрович 135—137, 171

Дудин Самуил Мартынович 32, 33, 88—92, 94—101, 103—106, 108—111, 149, 152, 153, 156, 157, 164—167, 216, 223, 224

Ду Му 143

Дьяков Алексей Алексеевич 25, 53, 168

Дьяконова Наталья Васильевна 157

Дэвидсон 203

Дютрейль де Рен Жюль 29

Ели Жэнь-юн 140

Ефремов Филипп Сергеевич 13

Ёсида Ютака 86

Ёсикава Кодзиро 176

Ёсикава Коитиро 39, 176, 198

Жуковский Валентин Алексеевич 30

Жэнь Цзи-юй 173

Жюльен Станслас Онэн 17, 18

Залеман Карл Германович 28, 50, 82, 83, 85, 86, 151

Захари 153

Зеланд Николай Львович 22
Зограф Ирина Тиграновна 137, 138, 173
Зундерман Вернер 83
Иакинф, отец, см. Бичурин
Ибн ал-Факих ал-Хамадани 12
Ибн Русте, Ахмад ибн Русте Исфахани 12
Ибн Хаукал, Абу-л-Касим Мухамад 12
Ибн Хордадбех, Мухаммад ал-Харави ибн Хордадбех 12
Иван Грозный, Иван IV Васильевич 13
Иванов Алексей Иванович 127, 132, 133, 135, 136, 179, 181
Иванов Владимир Алексеевич 179, 184, 186, 218
Иванов Григорий Иванович 122
Ивановский Алексей Осипович 28, 50, 149
Инбер Вера Михайловна 112
Иоанн, пресвитер 40
Исихама Дзюнтарō 136, 182—186
Ислам Ахун 205, 206, 213
Йакут, Ибн ал-Каланниси 12
Казнаков Александр Николаевич 120
Каль Е.Д. 83
Каменский Владимир Иванович 152
Кандинская Раиса Васильевна 173
Кано Наоки 172, 178—181
Карпини Плано, Карпини Джиованни Плано дель 12, 40
Катанов Николай Федорович 24
Кашкаров 66
Квонг Лай Ю Ирэна 174
Кепинг Ксения Борисовна 139, 143
Киндаити Кёсукэ 184
Клапрот Генрих Юлиус 14
Клеменц Дмитрий Александрович 25, 28—29, 44, 50—56, 88, 120, 149, 151,152, 204—207, 214
Клеменц Елизавета Николаевна 28, 52
Клосон Джерард 60
Козлов Петр Кузьмич 22—24, 28, 32, 35, 41, 50, 53, 71, 112, 113, 115—124, 126—133, 136, 149, 152, 177, 179, 181, 186, 187, 215, 216, 221—223
Колоколов Всеволод Сергеевич 143, 172
Колоколов Сергей Александрович 25, 211, 215
Колоколова Софья Григорьевна 211
Конрад Николай Иосифович 138, 184—186
Котвич Владислав Людвигович 132, 133
Кохановский Александр Иванович 25, 26, 53, 86, 87
Крауш Ольга Александровна 171
Крачковский Игнатий Юлианович 157
Крейтнер Густав фон 37
Кротков Николай Николаевич 25, 49, 53, 85—87, 153, 175, 181
Крупп 37
Кудама, ибн Джафар Абу-ль-Фарадж 12
Кумараджива 219
Куник Арист Аристович 28
Куропаткин Алексей Николаевич 19, 22
Кычанов Евгений Иванович 67, 128, 138, 139, 142—144, 186
Кюль-тегин 54
Лавров Иван Петрович 25, 211
Леви Сильван 73, 181
Лекок Альберт фон 38, 58, 59, 151, 153, 154, 201, 214
Лентц Вильгельм 82
Лесевич Владимир Викторович 27
Ли Бо 191
Ли Фань-вэнь 140, 141
Лившиц Владимир Аронович 85
Ло Моу-кунь 144
Ло Фу-чан 136
Ло Фу-чэн 136
Ло Чжэнь-юй 161, 178
Лонжюмо Андре 40
Лочи Лайош 37
Лю Цюань 143
Людерс Генрих 37
Людовик IX 40
Люй Хуэй-цин 143, 179
Лютш Яков Яковлевич 25
Ма 204
Мадаев Арья 122
Макарихина Галина Сергеевна 173
Макартни Джордж 36, 191, 192, 195, 196, 198, 199, 201, 203, 204, 207—211, 213, 215
Макартни Катерина 212
Максимова Н.Н. 174
Малов Сергей Ефимович 33, 34, 44—46, 49, 53, 61, 172, 175, 220
Маннергейм Карл Густав Эмиль 32
Манохин Иван 165
Марко Поло 13, 17, 40, 41
Мартынов Александр Степанович 173
Махмуд Кашгарский 62, 64
Меньшиков Лев Николаевич 172—175
Мессершмидт Даниил Готлиб 54
Минаев Иван Павлович 17, 21
Минс Элис Ховел 187
Мирза Хайдар 45
Миронов Николай Дмитриевич 73
Михин Яков 165
Миядзаки Итисада 176
Морис Ж. 133
Мунке-хан 40
Мухан-каган 57
Мюллер Фридрих-Вильгельм Карл 59, 82
Найто Торадзиро (Конан) 178, 182, 183, 185
Накаяма Таро 184
Напалков Петр Яковлевич 122, 129
Насыр-Джан-ходжа 23
Не Хун-инь 144
Невский Николай Александрович 127, 135—138, 141, 142, 180, 183—186
Николай II 30, 32, 118
Нисида Тацуо 141, 186
Номура Эйдзабуро 39, 189, 190, 191, 197, 199, 200
Норзунов Овше Мучкинович 24
Нуэтт Шарль 38
Ньюстром 196
Обручев Владимир Афанасьевич 35, 120
Обручев Николай Николаевич 20, 29
Огава Тамаки 177
Ока Масао 186
Оленин Алексей Николаевич 15
Ольденбург Елена Григорьевна 148, 171

Ольденбург Сергей Федорович 21, 25, 27—30, 32—33, 35, 37, 43, 44, 49, 50, 52, 53, 55, 58, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 78, 85, 86, 88, 89, 122, 126, 128, 129, 131, 133, 148, 149, 151—154, 156—158, 163—175, 177, 178, 181—183, 187, 188, 205, 207, 212—214, 216—218, 222—224
Ольденбург Федор Федорович 165
Оригути Синобу 184
Отани Кадзуко 190, 191, 197
Отани Кинуко 190
Отани Кодзуи 39, 181, 188—201, 215, 225
Отани Кудзё Такэко 190, 191
Пантелеева 27
Пань Чэн-гуй 174
Папаян Гайк Кегамович 171
Певцов Михаил Васильевич 22—24, 29, 41, 115, 126
Пеллио Поль 38, 39, 55, 60, 69, 70—72, 151, 152, 156, 160, 161, 166, 177, 213, 225
Петерсон 194
Петлин Иван 13
Петренко Самсон Петрович 152
Петров Иван 13
Петровский Николай Федорович 22, 25, 26, 29, 69, 75, 91, 120, 148—150, 207—211, 213, 215, 220
Пино Жорж-Жан 70, 73
Пишель Ричард 37
Плетнер О.В. 185
Полевой Николай Алексеевич 14
Попов Павел Степанович 131
Порт Герман 151
Потанин Григорий Николаевич 22, 24, 27, 65—67, 74,68, 89, 116, 120, 130
Пржевальский Николай Михайлович 20—23, 29, 35, 41, 66, 74, 114, 115, 126, 163, 164
Пэн Сю-чжань 223
Рабданов Буда Рабданович 66
Рагоза Асия Николаевна 85, 86
Радлов Василий Васильевич (Вильгельм Фридрих) 24, 28—30, 32, 33, 37, 44, 50, 52, 53, 55, 58, 89, 149, 151, 179—181, 206, 212
Регель Арнольд Эдуардович 21, 29, 149
Регель Иоанн Альберт 204, 215
Репин Илья Ефимович 89
Риттер Карл 16, 18, 22
Роборовский Всеволод Иванович 22—24, 28, 41, 42, 44, 50, 53, 74, 86, 115, 126, 149, 152, 163, 221—223
Розен Виктор Романович 28, 50, 148
Розенберг Оттон Оттонович 35, 184
Розенберг Федор Александрович 85, 86, 172, 183
Романов 153
Ромберг Борис Федорович 164—169, 223
Росс Денисон 191, 201
Ру Жан-Поль 41
Рубрук Гильом 12, 40
Руднев Андрей Дмитриевич 31
Рудова-Пчелина Мария Леонидовна 174
Са'ид-хан 45
Сайкс Перси 208
Саймон Джеймс 37
Сасатани Рёдзо 185
Свешникова Е.П. 167
Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (до 1906 Семенов) 16, 41, 116, 119, 123
Сечени Бела 29, 37, 163
Силантьев 153
Симада Масао 142
Синран 197
Скрайн Клармонт Персиваль 36
Смирнов Борис Львович 173
Смирнов Дмитрий Арсеньевич 33, 152, 153
Смирнов Николай Арсеньевич 164—167, 169, 223
Смирнова Ольга Ивановна 86
Соков Сергей Васильевич 25, 196
Солонин Кирилл Юрьевич 44
Софронов Михаил Васильевич 141
Спирин Владимир Семенович 172, 173
Стеблева Ия Васильевна 61
Стейн Марк Аурел 36,—39, 58, 60, 62, 63, 75, 78, 124, 129, 51, 160, 161, 177, 181, 188, 190, 195, 201, 203, 205—218, 225, 226
Столыпин Петр Аркадьевич 114
Страленберг Филипп-Иоганн 54
Стрелков Александр Семенович 70, 171
Сунь-цзы 143
Сыма Гуан 144
Сыма Цянь 15
Сюань-цзан 17, 47, 219
Такахаси Моритака 185
Тао Мао 223
Таспар-каган 56, 57
Татибана Дзуйтё 39, 188, 189, 191—202
Тезджан Семих 60
Тенишев Вячеслав Николаевич 89
Тёмкин Эдуард Наумович 73
Терентьев-Катанский Анатолий Павлович 140
Тиссен-Борнемисса Ганс Генрих фон 129
Томас Фредерик Вильям 79
Томсен Вильгельм 60, 62
Трушников Ф. 13, 41
Тутунг Шынгко Шели 47
Тюменец Василий 13
Тянь-шэн 142
У Цзин 144
У Ци-юй 143
Уайли Артур 133
Уиллиямсон Ф. 36
Умэхара Суэдзи 186, 187
Уолпол Гораций 210
Уорнер Лэнгдон 129
Фа-сянь 219
Фильхнер Вильгельм 129
Флуг Константин Константинович 172, 173, 182, 183
Форсайт Томас Дуглас 22, 29, 35
Франко Эли 73
Фрейман Александр Арнольдович 86
Фудзиэда Акира 177, 178
Халтурина М.С. 171
Хантер Джордж 194
Ханыков Яков Владимирович 16
Ханэда Тору 180, 181, 183, 187
Хасирамото Дзуйсюн 191, 200
Хеннинг Вальтер Бруно 82
Хёрнле Август-Рудольф 36, 205, 206, 212, 213
Хираяма Хисао 177
Хоббс А.О. 188—196
Хопкирк Питер 191, 192
Хори Кэнъю 39
Хохо Босук Темирович 153
Хуан Чжэнь-хуа 141
Хуан Ши-гун 144
Хубилай 144
Худайдад 45
Ху Хоу-сюань 173
Хут Георг 37
Хуэй-ли 47

Цао Дао-ань 144
Цао Цзун-шоу 181
Цао Цао 143
Цзя Фань 143
Цзяцин 12
Циме Питер 60
Цыбиков Гомбожаб Цыбикович 24
Чарушин Николай Аполлонович 89
Чвырь Людмила Анатольевна 90, 92, 94
Черников Тимофей 165
Чернов А.А. 122
Чжан Шао-бао 225
Чжу Мянь-жун 223
Чжэнь-гуань 142
Чжэн Чжэнь-до 173
Чугуевский Леонид Иакимович 174, 175
Чэнь Бин-ин 139
Шаттлворт А.Р.Б. 199, 201
Шериф Д. 36
Ши Сы-мин 159
Ши Цзинь-бо 141, 143, 145
Шиксананда 219
Школяр Сергей Александрович 137, 172, 173
Шоу Роберт Б. 22
Шпицер Мориц 73
Штернберг Лев (Хаим Лейба) Яковлевич 30, 179
Шуцкий Юлиан Константинович 171, 180, 185
Щербатской Федор Ипполитович 33, 35, 170, 171
Эммерик Рональд Эрик 78
Юсуф Баласагунский 64
Ябуки Кэйки 181—183
Ядринцев Николай Михайлович 24, 54
Якуб-бек 35
Ямамото Тацуро 176, 177
Ямышев Бурнаш 13
Ян Цзэн-синь 227
Янагида Кунио 184
Янгхазбэнд Фрэнсис 29, 36, 207, 213
Янло ван 145
Яоши 57

Index of personal names

Aba-Bakr Mirza 45
Abdurrehman-khan 19
Abel-Rémusat Jean-Pierre 18
Adrianov Aleksandr Vasilyevich 88
Akimbetev Sh. 83
Ala-ad-din Ata-Malik Juvaini 64
al-Biruni (Abu-r Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni) 12
Alekseev Vasily Mikhailovich 135, 170, 180, 181, 183—186
Alexander III 88
Alexander the Great 37
al-Istakhri (Abu Ishaq Ibrahim ibn Muhammad al-Farisi al-Istakhri) 12
al-Masudi (Abu-l-Hasan Ali ibn al-Husayn al-Masudi) 12
al-Muqaddasi (Abu Abdallah Muhammad ibn Ahmad ibn Abi Bakr al-Muqaddasi) 12
al-Yaqubi (Ahmad ibn Abi Yaqub) 12
Alp Synkur-tegin 59
An Lu-shan 159
Andreas Friedrich Karl 82
Andreyev Mikhail Stepanovich 28
Anuchin Dmitry Nikolayevich 120, 123
Aoki Bunkyo 191, 200
Aoki Masaru 180
Arandarenko Georgy Aleksandrovich 83
Asai Erin 184, 185
Aspelin Johannes Reinhold 24
Badmazhapov Tsokto Garmayevich 117, 119, 120, 130, 131
Baghatur-chigshi 63
Bai Bin 141, 145
Baikov Fyodor Isakovich 13
Bailey F.M. 204
Bang Willy 59
Baradiyn Badzar Baradiynovich 32
Barthold W.W. (Vasily Vladimirovich) 30, 89, 157
Bartus Theodor 37, 38, 151
Bazin Louis 61, 62
Bellew Henry Walter 22
Benveniste Etienne 83
Berezovsky Mikhail Mikhailovich 32, 33, 44, 65—74, 88, 120, 151, 214, 215
Berezovsky Nikolai Matveyevich 32
Bernshtam Aleksandr Natanovich 59
Bichurin Nikita Yakovlevich (Father Iakinf) 13—15, 18, 22, 133
Bilge Qaghan 54
Birkenberg Viktor Sergeyevich 164—167, 169, 223
Bisambai 153
Bogdanowicz Karl Ivanovich 22, 29
Bogolyubov Mikhail Nikolayevich 86
Bögü Qaghan 57
Bolotov Aleksei Pavlovich 16
Bongard-Levin Grigory Maksimovich 73
Bower Hamilton 36
Bretschneider Emily Vasilyevich 18, 22, 23, 66
Bushell Stephen Wootton 133
Cao Cao 143
Cao Dao-an 144
Cao Zong-shou 181
Carpini Giovanni da Pian del 12, 40
Charushin Nikolai Apollonovich 89
Chen Bing-ying 139
Chernikov Timofei 165
Chernov A.A. 121, 122
Chuguyevsky Leonid Iakimovich 174, 175
Chvyr Lyudmila Anatolyevna 90, 92, 94
Clauson Gerard 60
Davidson Basil 203
Deasy, captain 207—210
Demiéville Paul 176
Devéria Gabriel 133
Dolbezhev Boris Vasilyevich 25
Dolbezhev Vladimir Vasilyevich 25, 165, 166
Dolbezheva Ekaterina Aleksandrovna 166
Dragunov Aleksandr Aleksandrovich 135—137, 171
Du Mu 143
Dudin Samuil Martynovich 33, 88—92, 94—98, 100, 101, 103—106,

108—111, 149, 152, 153, 156, 157, 164—167, 215, 223, 224
Dutreuil de Rhins Jules 29
Dyakonova Natalya Vasilyevna 157
D'yakov Aleksei Alekseyevich 25, 53, 168
Efremov Filipp Sergeyevich 13
Emmerick Ronald E. 78
Fa-xian 219
Filchner Wilhelm 129
Flug Konstantin Konstantinovich 172, 173, 182, 183
Forsyth Thomas Douglas 22, 29, 35
Franko Eli 73
Freiman Aleksandr Arnoldovich 85
Fujieda Akira 177, 178
Gabain Anna von 57, 61
Gardizi (Abu Said al'Gardizi) 12
Geiger Wilhelm 83
Gerasimov Ivan Mikhailovich 168
Golubkov P.V. 16
Gomonov Zakhar 165, 167
Gong Huang-cheng 141
Gorbacheva Zoya Ivanovna 137, 138
Gorbunov Konstantin 165
Gorshkov Matvei 165, 167
Grąbczewski Bronislaw Ludwigovich 19, 22
Grigoryev Aleksandr Vasilyevich 28, 123, 126, 129
Grigoryev Vasily Vasilyevich 18
Grinstead Eric Duglas 143
Grumm-Grzhimaylo, brothers 29
Grumm-Grzhimaylo Grigory Efimovich 22, 24, 152
Grünwedel Albert 30, 37, 38, 58, 123, 151, 152, 212, 214
Gule Mao-cai 140
Guo Cheng-tao 62
Gurevich Isabella Samoilovna 173
Hamilton James Russel 61, 62
Haneda Tōru 180, 181, 183, 187
Hashiramoto Zuishun 191, 200
Hedin Sven 36, 38, 129, 188, 190, 191, 201, 204
Henning Walter Bruno 82
Hirayama Hisao 177
Hobbs A.O. 188—196, 198, 199
Hoernle Augustus F. Rudolf 36, 206, 207, 212, 213
Hopkirk Peter 191, 192
Hori Ken'yu 39
Hu Hou-xuan 173
Huang Shi-gong 144
Huang Zhen-hua 141
Hubilai Khan 145
Hui-li 47
Humboldt Alexander von 16, 18
Hunter George 194
Huth Georg 37
Iakinf, Father see Bichurin N.Ya.
Ibn al-Faqih al-Hamadani 12
Ibn Hauqal (Abu-l-Qasim Muhammad) 12
Ibn Hordadbeh (Muhammad ibn Hordadbeh al-Haravi) 12
Ibn Ruste (Ahmad Ibn Ruste Isfahani) 12
Inber Vera Mikhailovna 112
Ioann, Presbyter 40
Ishihama Juntarō 136, 182—186
Islam Akhun 206, 213
Ivan the Terrible 13
Ivanov Aleksei Ivanovich 122, 127, 132, 133, 135, 136, 180, 181
Ivanov Grigory Ivanovich 122
Ivanov Vladimir Alekseyevich 179, 186, 217
Ivanovsky Aleksei Osipovich 28, 50, 149
Jia-qing, emperor 12
Johnson William 35
Julien Stanislas Aignan 17, 18
Kahl E.D. 83
Kamensky Vladimir Ivanovich 152
Kandinskaya Raisa Vasilyevna 173
Kano Naoki 172, 178—181
Kashkarov 66
Katanov Nikolai Fyodorovich 24
Kaznakov Aleksandr Nikolayevich 120
Kepping Ksenia Borisovna 139, 143, 144
Khalturina M.S. 171
Khanykov Yakov Vladimirovich 16
Khokho Bosuk Temirovich 153
Khudaydad, emir 45
Kindaichi Kyōsuke 184
Klaproth Heinrich Julius 14
Klementz Dmitry Aleksandrovich 25, 28, 29, 42, 50—56, 88, 120, 150, 151, 149, 152, 203—205, 207, 208, 214
Klementz Elizaveta Nikolayevna 28, 52
Kokhanovsky Aleksandr Ivanovich 25, 26, 53, 86, 87
Kolokolov Sergei Aleksandrovich 25, 211, 215
Kolokolov Sofia Grigoryevna 212
Kolokolov Vsevolod Sergeyevich 143, 172
Konrad Nikolai Iosifovich 138, 184—186
Kotwicz Wladislav Ludvigovich 132, 133
Kozlov Pyotr Kuzmich 22—24, 28, 32, 35, 41, 50, 53, 71, 112, 113, 115—124, 126—133, 136, 149, 152, 177, 179, 181, 186, 187, 215, 216, 221—223
Kratschkovsky Ignaty Yulianovich 157
Kraush Olga Aleksandrovna 171
Kreitner Gustav von 37
Krotkov Nikolai Nikolayevich 25, 49, 53, 85—87, 153, 175, 181
Krupp 37
Kul-tegin 54
Kumārajīva 219
Kunik Arist Aristovich 28
Kuropatkin Aleksei Nikolayevich 19, 22
Kwong Lai You Irena 174
Kychanov Evgeny Ivanovich 67, 128, 138, 139, 142, 143, 144, 186
Lavrov Ivan Petrovich 25, 211
Le Coq Albert von 37, 38, 58, 59, 151, 153, 156, 201, 214
Lentz Wilhelm 82
Lesevich Vladimir Viktorovich 27
Lévi Sylvain 73, 181
Li Bo 191
Li Fan-wen 140, 141
Liu Quan 143
Livshits Vladimir Aronovich 85

Lóczy Lajos 37
Longeumeau André 40
Louis IX of France 40
Lü Hui-qing 143, 179
Lüders Heinrich 37
Luo Fu-chang 136
Luo Fu-cheng 136
Luo Mou-kun 144
Luo Zhen-yu 161, 179
Lutsch Yakov Yakovlevich 25
Ma, general 204
Macartney George 36, 191, 192, 195, 196, 199, 201, 203, 204, 208—211, 213—215
Macartney Katherine 212
Madayev Aria 122
Mahmud Kashgari 62, 64
Makarikhina Galina Sergeyevna 173
Maksimova N.N. 174
Malov Sergei Efimovich 34, 44, 45, 46, 49, 53, 60, 172, 175, 220
Mannerheim Carl Gustav 32
Manokhin Ivan 165
Martynov Aleksandr Stepanovich 173
Menshikov Lev Nikolayevich 172—175, 177
Messerschmidt Daniel Gotlib 54
Mikhin Yakov 165
Minayev Ivan Pavlovich 17, 21, 22
Minns Ellis Hovell 187
Mironov Nikolai Dmitrievich 72
Mirza Muhammad Haidar 44, 45
Miyazaki Ichisada 176
Mongke (Mönh) Khan 40
Morisse Georges 133
Mukhan Qaghan 57
Müller Friedrich Wilhelm Karl 59, 82
Naitō Torajirō (Konan) 179, 182, 183, 185
Nakayama Tarō 184
Napalkov Pyotr Yakovlevich 122, 129
Nasyr-Dzhan-Hodjah 23
Nevsky Nikolai Aleksandrovich 127, 135—138, 141, 142, 180, 183—186
Nicholas II 31, 32, 118
Nie Hong-yin 144
Nishida Tatsuo 141, 186
Niustrom, Pastor 196
Nomura Eizaburo 39, 189, 190, 191, 199, 200
Norzunov Ovshe Muchkinovich 24
Nouette Charles 38
Obruchev Nikolai Nikolayevich 19
Obruchev Vladimir Afanasyevich 29, 35, 120
Ogawa Tamaki 177
Oka Masao 186
Oldenburg Elena Grigoryevna 148, 171
Oldenburg Fyodor Fyodorovich 165
Oldenburg Sergei Fyodorovich 21, 25, 27—30, 32, 33, 35, 37, 43, 44, 49, 50, 53, 56, 58, 67, 69, 70, 72—75, 78, 85, 86, 88, 89, 122, 126, 128, 129, 132, 148, 149, 151, 152, 153, 156—158, 163—171, 174, 177, 178, 181—183, 186—188, 206—208, 212—218, 222, 223, 224
Olenin Aleksei Nikolayevich 15
Origuchi Shinobu 184
Otani Kazuko 190, 191, 196, 197, 201
Otani Kinuko 190
Otani Kozui 39, 161, 181, 188—191, 193, 195—201, 215, 225
Otani (Kujo) Takeko 190, 191
Panteleyeva M-me 27
Pan Chong-gui 173
Papayan Gayk Kegamovich 171
Pelliot Paul 38, 39, 55, 60, 69, 70—72, 151, 152, 156, 160, 161, 165, 177, 214, 225
Peng Xu-zhan 223
Peterson 194
Petlin Ivan 13
Petrenko Samson Petrovich 152
Petrov Ivan 13
Petrovsky Nikolai Fyodorovich 22, 25, 26, 29, 69, 75, 91, 120, 148—150, 208—211, 213, 215, 220
Pevtsov Mikhail Vasilyevich 22, 23, 24, 29, 41, 115, 126
Pinault Georges-Jean 70, 73
Pischel Richard 37
Pletner O.V. 185
Polevoi Nikolai Alekseyevich 14
Polo Marco 12, 17, 40, 41
Popov Pavel Stepanovich 132
Pohrt Hermann 151
Potanin Grigory Nikolayevich 22, 24, 27, 65—68, 74, 89, 116, 119, 130
Przhevalsky Nikolai Mikhailovich 20—23, 29, 35, 41, 66, 74, 114, 115, 126, 163, 164
Qudama ibn Dja'far Abu 'L-Faradj 12
Rabdanov Buda Rabdanovich 66
Radloff Vasily Vasilyevich (Wilhelm Friedrich) 24, 28—30, 33, 37, 42, 50, 52, 53, 55, 58, 89, 149, 151, 180, 181, 205, 207, 212
Ragoza Asiya Nikolayevna 85, 86
Regel Arnold Eduardovich 21, 29, 149
Regel Ioann-Albert 204, 215
Ren Ji-yu 173
Repin Ilya Yefimovich 89
Ritter Karl 16, 18, 22
Roborovsky Vsevolod Ivanovich 22, 23, 24, 28, 41, 42, 44, 50, 53, 74, 86, 115, 126, 149, 152, 163, 221—223
Romanov 153
Romberg Boris Fyodorovich 164—169, 223
Rosenberg Fyodor Aleksandrovich 85, 86, 172, 183
Rosenberg Otton Ottonovich 35, 184
Ross Denison 191, 201
Roux Jean-Paul 41
Rozen Viktor Romanovich 28, 50, 148
Rudnev Andrei Dmitriyevich 32
Rudova-Pchelina Maria Leonidovna 174
Ruysbroeck Willem van 12, 40
Sa'id-khan 45
Salemann Carl Germanovich 28, 50, 82, 83, 85—87, 151
Sasatani Ryōzō 185
Semyonov-Tian-Shansky Pyotr Petrovich (Semyonov, up to 1906) 16, 41, 116, 119, 123
Shaw Robert B. 22
Sheriff D. 36
Shi Jin-bo 141, 143, 145
Shi Si-ming 159
Shimada Masao 142

Shinran 197
Shkolyar Sergei Aleksandrovich 138, 172, 173
Shutsky Yulian Konstantinovich 171, 180, 185
Shuttleworth A.R.B., Captain 199, 201
Shyngko Seli Tutung 47
Śiksānanda 219
Silantyev 153
Sima Guang 144
Sima Qian 15
Simon James 37
Skrine Clarmont Percival 36
Smirnov Boris Lvovich 173
Smirnov Dmitry Arsenyevich 33, 152, 153
Smirnov Nikolai Arsenyevich 153, 164—167, 169, 173, 223
Smirnova Olga Ivanovna 86
Sofronov Mikhail Vasiliyevich 141
Sokov Sergei Vasilyevich 25, 196
Solonin Kirill Yuryevich 144, 145
Spirin Vladimir Semyonovich 172, 173
Spitzer Moritz 73
Stcherbatsky Fyodor (Theodor) Ippolitovich 33, 170, 171
Stebleva Iya Vasilyevna 61
Stein Marc Aurel 36—39, 59—61, 63, 75, 78, 123, 129, 151, 160, 163, 177, 181, 188, 191, 195, 201, 203, 205, 207—218, 225, 226
Sternberg Lev (Haim Leiba) Yakovlevich 30, 180
Stolypin Pyotr Arkadievich 114
Strahlenberg Fillip-Johan 54
Strelkov Aleksandr Semyonovich 69, 171
Sundermann Werner 83
Sveshnikova E.P. 167
Sykes Percy 208
Szécheni Béla 29, 37, 163
Tachibana Zuicho 39, 188—202
Takahashi Moritaka 185
Tao Mo 223
Taspar Qaghan 56, 57
Tenishev Vyacheslav Nikolayevich 89
Terentyev-Katansky Anatoly Pavlovich 141, 174
Tesčan Semih 60
Thomas Frederick William 79
Thomsen Wilhelm 60, 62
Tian-sheng 142
Tissen Bornemissa Hans Heinrich von 129
Trushnikov F. 13, 41
Tsybikov Gombozhab Tsybikovich 24
Tyomkin Eduard Naumovich 73
Tyumenets Vasily 13
Umehara Sueji 186, 187
Vaillant Louis 38
Valikhanov Chokan Chingisovich 17, 22
Vasilyev Boris Aleksandrovich 171
Vasilyev Vasily Pavlovich 16, 17, 22, 23, 28
Veryovkin Clementy 165
Veselovsky (Wesseloffski) Nikolai Ivanovich 28, 83, 149, 208
Vladimirtsov Boris Yakovlevich 35
Volkova Maya Petrovna 172, 174
Vorobyeva-Desyatovskaya Margarita Iosifovna 74, 76, 173, 174
Waldschmidt Ernst 70, 82
Walpole Horace 211
Walther Aleksandr Aleksandrovich 196
Wang Guo-wei 179, 185
Wang Jing-ru 136
Wang Yuan-lu 159, 198
Wang Zhong-min 173
Watanabe Tesshin 39, 200, 191
Warner Langdon 129
Williams Joanna 78
Williamson F. 36
Wu Jing 144
Wu Qi-yu 143, 173
Wu-dao-zi 168
Wylie Arthur 133
Xuan-zang 219
Yabuki Keiki 181, 182, 183
Yadrintsev Nikolai Mikhailovich 24, 54
Yamamoto Tatsuro 176, 177
Yamyshev Burnash 13
Yanagida Kunio 184
Yang Zeng-xin 225
Yangluo-wang 145
Yaoshi 57
Yaqub-bek 35
Yaqut (Ibn al-Qalanisi) 12
Yeli Ren-rong 140
Yoshida Yutaka 86
Yoshikawa Koichiro 39, 198
Yoshikawa Kōjiro 176
Younghusband Francis 29, 36, 208, 214
Yusuf Balasaguni 64
Zakhari 153
Zeland Nikolai Lvovich 22
Zhang Shao-bo 225
Zhen-guan 142
Zheng Zhen-duo 173
Zhu Mian-rong 223
Zhukovsky Valentin Alekseyevich 30
Zieme Pieter 60
Zograf Irina Tigranovna 138, 173

Указатель географических названий

Автономный район Внутренняя Монголия КНР 130
Акмолинская область 89
Аксу 37, 101, 106, 152
Аксу река 11, 21
Алайская долина 90
Алашань (Алаша) 114, 119, 120, 126, 130
Алашаньские горы 115
Алашаньский хребет 118, 122, 126
Алтай 11
Амдо 32, 115, 126, 129
Амдоское нагорье 123
Англия 116, 187, 188, 194, 199, 206, 211
Андижан 207
Аньси 159, 224
Арпа 90
Ассашар 24
Астана 37, 39, 53, 156, 225
Аулие-Ата 90
Афганистан 18, 19, 37, 215
Бабакуль 150
Бага-мото 121
Бадахшан 19
Бай 152
Балхаш 11
Барнаул 65
Баскан 11
Баш-Кетчиг 70
Безеклик 37, 38, 151, 152, 156, 157,
Берлин 33, 37, 157, 192, 205, 211
Биен 11
Бийск 65
Бирма 37
Ближний Восток 37, 158
Богар 44
Большой и Малый Юлдузы 42
Большой Хинган 11, 24
Бомубатубаинхабир 68
Брахмапутра 11
Британия, см. Великобритания
Британская Индия 19, 206, 207
Будапешт 206
Бухара 11, 90, 97, 104
Великобритания 18, 19, 35,36, 191, 194, 199—201, 203, 205, 207, 208, 210, 211, 215, 219
Вена 73, 89
Венгрия 206
Водораздел, хребет 115
Восточная Азия 12, 30, 31, 37, 163, 187, 206, 212, 219
Восточная Монголия 31, 54, 57
Восточный Казахстан 11
Восточный Наньшань 126
Восточный Памир 19
Восточный Саян 11
Восточный Тибет 24, 115
Восточный Туркестан 11, 12—14, 17, 18, 20—22, 24— 27, 29—33, 35—37, 39, 41, 43—47, 49, 50, 52—58, 61, 63—65, 67, 69, 72, 75, 76, 78, 79, 82, 85, 88, 106, 109—111, 120, 148—150, 151, 159, 164, 188, 198, 201, 202, 207, 219—221, 226
Восточный Тянь-Шань 150
Вуншигу 46
Вэйтанцзы 224
Гамбург 30, 212
Гандхара 76, 79, 206
Ганьсу 37, 46, 67, 114, 116, 126, 130, 133, 158, 214, 223, 224
Ганьчжоу 117
Гаочан 219, 221
Германия 37, 74, 206
Гиндукуш 209
Гоби 32, 68, 117, 130, 131
Гойцзо 119
Гошринга 80
Гуанси 198
Гуа-хуа-чэн 200
Гуйдуй 126, 132
Гумбум 24
Гурбун-Сайхан 121, 122
Гучэн 165, 200
Дальний Восток 11, 12, 15
Дензиль 153
Джунгария 12, 20, 58, 114
Джунгарская равнина 12
Дихуа 224
Домоко 78
Дулгур-Охур (Долдур-Охур) 31, 38
Дульдур-акур 69
Дунай 54
Дуньхуан 4, 33, 34, 36—39, 42, 55, 58, 60, 62, 63, 80, 85, 150, 158—160,162—171, 173—176, 177, 180, 183, 187, 198, 214—216, 223, 224, 226
Дэньюаньин 117, 121
Европа 11, 12, 40, 89, 1174, 179, 185, 186, 191, 206, 209, 219
Забайкальская область 27, 89
Закаспийская область 90
Западная Монголия 13, 58, 67
Западный Китай 17, 189, 195
Западный край 11, 12, 14, 17, 158, 159, 219
Западный Памир 207
Западный Саян 11
Западный Туркестан 11, 19, 32, 94,
Идикут-шари (Идыгот-шари) 21, 25, 28, 37, 42, 44, 50, 58, 149, 151, 156
Или 11, 207, 224
Инд 11
Индийский океан 40
Индия 13, 17, 34, 40, 49, 72, 148, 159, 183, 189, 191, 195, 199, 205, 206, 209, 210
Индокитай 34
Инцзигуань 69
Иньчуань 145
Ирак 37
Иран 37
Иркештам 90, 91, 111
Иркутск 65
Иркутская губерния 27
Искишахр 38
Иссык-Куль 16
Италия 74
Кабул 37
Кабуциши 223
Казахстан 11, 89, 99
Калпын 152
Калькутта 191, 199, 202, 205, 206, 218
Кам 115, 116, 117
Камакура 79
Канайшань 68
Каптархона 38
Карабалгасун 64
Каракол 42
Каракорум 13, 40, 191, 199, 200

Каратал 11
Карашар 32, 33, 37, 72, 151—153, 219, 220, 225
Каспий 11
Кашгар 13, 17, 25, 36—39, 90—93, 95—107, 109—111, 148, 150—152, 159, 191, 192, 195—201, 203—213, 215, 219, 220, 223
Кашгария 11, 13, 19, 25, 64, 114
Кашмир 158
Керия 21, 29, 35, 150, 197
Киото 179, 191, 197, 215
Кириш 31, 38
Китай 12—20, 22, 32, 37, 40, 41, 65, 67, 68, 92, 114, 119, 130, 135, 136, 139—141, 144, 145, 158—161, 166, 176, 183, 187, 195, 198— 200, 207, 214, 215, 219, 221, 223, 225, 226
Китай-Базар 70
Китайская Центральная Азия 217
Китайский Туркестан 17, 18, 28, 33, 67, 120, 124, 148, 149, 164, 166, 192, 200, 206, 219, 224
Коканд 19, 91, 101, 105
Конешари 154
Конё-татар 23
Константинополь 41
Корея 198
Корла 38, 152
Красноярск 65
Кукунор (Хухунор) 13, 41, 42, 118, 126
Кульджа 17, 18, 21, 25
Кумтура 31, 37—39, 69, 71, 72, 151, 156
Куньлунь 36, 197
Куньмин 185
Куруктаг 150
Куча 18, 21, 29, 31—33, 37—39, 63, 69, 70, 72, 78, 79, 150—152, 156, 188, 191, 192, 195, 196, 214, 216, 219, 220
Кучар 70, 71, 156
Кучарский оазис 79
Кучинский уезд 150, 151
Кызыл 31, 37—39, 69, 70, 72, 151, 156
Кызыл-Карга 69, 71, 72
Кызыл-Минуй 72
Кыргызстан 11
Кяхта 24, 119, 130
Лавран 24, 32
Ланьчжоу 126, 145
Лахор 206
Ленинград 6, 90, 135—137, 173, 174, 176—178, 185, 187
Лепса 11
Лех 150, 199
Лондон 39, 176, 177, 181, 189— 192, 197, 200, 201, 209
Лоп 195
Лопнор 11, 20—22, 29, 150, 214, 223
Лоулань 36, 39, 191, 194, 195, 219
Лунъю 159
Лхаса 24
Люйбяньцзянь 69
Люкчун 44, 223
Люкчунская (Таримская) впадина 24, 25
Лямджин 44
Лянчжоу 133
Манас 21
Маньчжурия 183
Маралбаши 37, 39, 152
Марсель 185
Месопотамия 118
Минг-тен-ата 156
Минуй-Криш 72
Минусинск 50
Миньчжоу 69
Миран 36, 60, 63, 195
Миякодзима 137, 184
Могаоку 4, 158, 198
Монголия 13, 14, 19, 20, 24, 27, 34, 35, 52, 54, 57, 63, 65, 98, 109, 112, 114—116, 119, 121, 129, 130, 183, 200, 215, 218
Монгольский Алтай 12, 121
Москва 6, 122, 137, 176, 177
Муртук 39, 55, 156, 225
Мюнхен 89
Нагорная Бухара 90
Нань-шань 118, 126
Никань 224
Ния 21, 36, 39, 214
Ноин-Ула 35, 112, 186, 187
Нью-Дели 78
Омск 153, 165, 168
Он-Баш-Минуй 72
Ордос 114
Ордубалык 64
Орхон 64
Осака 180, 182, 184
Отару 184
Ош 91, 111
Памир 37, 208
Париж 38, 69, 78, 89, 176, 177, 206, 211, 216, 218
Пекин 39, 67, 68, 117, 133, 135, 160, 161, 184, 185, 195—197, 200, 221, 223, 226
Персия 15
Петербург, см. Санкт-Петербург
Петроград 34, 168, 174, 180, 181, 217
Пинъян 179
Пичан 44, 150
Пишпек 90
Приаралье 108
Рим 29, 37, 204—207, 212
Рокхилла, хребет 115
Россия 6, 11, 13—19, 24, 34, 35, 39, 41, 114, 117, 126, 136, 137, 140, 149, 157, 167, 176, 178—180, 182—187, 192, 200, 205, 207, 209—211, 213—216, 219, 220, 223, 226
Русский Туркестан, см. Западный Туркестан
Русского Географического общества хребет 115
Рюкю 184
Самарканд 32, 89, 90, 104, 111
Санджа 21
Санкт-Петербург 6, 15, 24, 25, 32, 42, 47, 50, 66, 67, 86, 89, 113, 115, 119, 122, 123, 126, 131, 145, 146, 151, 153, 154, 156, 157, 165, 166, 174, 178, 179, 192, 193, 201, 204, 213, 217, 218
Саньчуань 69
Сарканд 11
Са-чжеу 163
Сачу 200
Северная Монголия 24, 52, 54, 64
Северный Китай 24, 158
Северо-Тибетское плато 115
Селенгинск, город Забайкальской области 89
Семипалатинск 153, 165, 193, 194
Семипалатинская область 89, 96
Семиреченская область 19
Семиречье 11, 96

Сенгим 37, 38, 44, 55, 151, 155
Сенгим-огыз 156
Сиань 39, 161
Сибирь 35, 54, 67, 98
Синьин 69, 126
Синьцзян 12, 159, 189, 191, 193, 198, 201, 205—207, 219, 220, 221, 223—226
Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР 12, 221, 222
Систан 37
Советский Союз 6, 11, 182, 187
Сого-нор 121
Сококэ 68
Средняя Азия 6, 11—13, 15—18, 31, 35, 39, 46, 75, 88—90, 92, 95, 97—100, 106, 108, 109, 110, 136, 152, 158, 159
СССР 171, 176, 186, 187
Субаши 31, 38, 39, 69, 156
Суиндон 194
Суйлай 224
Сучжоу 46
Сымсыме 156
Сыр-Дарья 17, 159
Сычуань 66, 67, 114, 117, 118, 123, 129, 223

Таджикистан 11
Таджит 31, 71, 72
Таджит-Минуй 72
Тайвань 135, 140, 184
Тайшань 11
Такла-Макан 23, 195, 205
Талас 159
Таочжоу 69
Тарбагатай 194
Тарим 21, 29, 120, 149, 150, 191, 197, 207
Таримская равнина 11
Таримский бассейн 21, 29, 58, 63, 159, 220
Тачэн 224
Ташкент 90, 104, 207
Теджурман 38
Терек-Даванский перевал 111
Тибельгу 153
Тибет 13, 14, 20, 22—24, 34, 35, 37, 41, 65—67, 114—116, 119, 132, 133, 197, 213, 215, 223
Тибетское нагорье 22
Тинсянь 69
Тихий океан 15
Токио 184, 187
Токмак 90
Токсун 37, 150, 153, 223
Топатим 38
Топашахр 38
Троицкославск 89
Тува 24
Туёк, река 58
Тумшук 37, 38, 151, 156
Туркестан 11, 25, 32, 92, 98, 103, 104, 210
Туркестанский край 21, 89
Туркменистан 11
Турфан 21, 24, 28, 29, 32, 33, 36—39, 42, 44, 50, 54—56, 72, 87, 120, 124, 149—154, 156, 157, 168, 194, 195, 198, 200, 204, 206, 214, 216, 219, 220, 221, 223, 225
Турфанская котловина 42, 44, 120
Турфанский край 28, 50
Турфанский оазис 28, 38, 50, 52, 53, 58, 59, 165
Турфанский округ 150
Турфанский уезд 223
Турция 15
Туюк 25, 37, 38, 44, 58, 151, 152
Туюк-мазар 28, 50, 149, 153, 156, 168
Тянь-Шань 11, 12, 16, 17, 42, 150

Увэй 133
Угольцзин-тологой 121
Узбекистан 11
Уилтшир 194
Украина 89
Уланбай 153
Улан-Батор 131, 186
Урга 24, 117, 119, 126, 130
Урумчи 24, 25, 37, 39, 46, 53, 153, 165, 167, 169, 194, 207, 214, 221, 222, 224
Уссурийский край 20
Усу 224
Учмерван 38
Учтурфан 152, 154
Ушактала 153
Уэльс 197

Фергана 11, 101, 108
Ферганская долина 91, 99
Ферганская область 19
Франция 146, 176, 215
Фукан 224
Фуцзянь 143
Фуюань 224

Хадда 79
Хами 38, 46, 156, 165, 167, 200, 223, 224
Хамийская пустыня 42, 46
Хан-уй 38
Хара-байшин 119
Хара-морит 117
Хара-Ходжо (Хара-ходжай) 39, 55, 58, 151, 225
Хара-Хото 32, 34, 53, 71, 112, 113, 119—133, 136, 144, 145, 179, 181, 186, 215—217, 226
Хирара 137
Хоккайдо 184
Хотан 21, 22, 24, 29, 35, 36, 39, 45, 75—81, 95, 106, 109, 150, 158, 197, 205, 209, 213, 214, 220, 219
Хотанский оазис 75
Хуанхэ 13, 115, 118, 126
Хухунор 133
Хэйшуйчэн 130
Хэси 158, 159
Хэчжоу 69
Цайдам 114
Центральная Азия 6, 11—13, 16—20, 24, 27, 30—32, 34—37, 39—42, 64, 65, 92, 100, 115, 116, 126, 148, 160, 186, 187, 189, 190, 193, 195, 200, 204—206, 208, 212, 215, 217—219
Центральная Монголия 24
Центральный Китай 33
Центральный Тибет 115
Цзечжоу 69
Цзинхэ 224
Цинхай 68
Цитай 224
Цяньфодун (Чэн-фу-дун) 160, 165, 166, 171
Чанцзи 224
Черчен 20, 24, 29, 35, 150
Чжунгария 14, 22
Чжэньси 223
Чикточмен (Турфан) 168

Чолтаг 150

Чуванкер 44

Чугучак 18, 153, 165, 166, 169

Чыктым 44

Чэнсянь 69

Шанхай 37

Шахьяр 150

Шачжоу 62, 63

Швейцария 129

Шикшин 38, 151, 153, 156, 157, 220, 225

Шринагар 199

Шулэ 219

Шуньтянь 223

Эдзина 129, 130, 144, 145

Эдзина, аймак Автономного района Внутренняя Монголия КНР 130

Эдзин-Гол 117, 119—121, 126, 130

Эрхэ-харабурюк 120

Южная Азия 40

Южная Монголия 115, 118

Южный Китай 219

Южный Туркестан 22

Ява 34

Янгишар 94, 97, 103, 104, 109

Янцзы 115

Яньци 219

Япония 34, 35, 39, 79, 128, 135—137, 144, 176—180, 182—189, 191, 192, 197, 198, 215

Яркенд 13, 23, 39

Яр-Хото (Конешари) 38, 39, 55, 154, 156, 225

Index of geographical names

Afghanistan 18, 37, 215

Akmolinsk region 89

Aksu 37, 101, 105, 106, 152

Aksu, river 11, 20

Alai valley 90

Alasha, see Alashan

Alashan 114, 119, 120, 126, 130

Alashan Mountains 115

Alashan Ridge 117, 122, 126

Altai 11

Amdo 32, 115, 129

Amdo tableland 123

Andijan 98, 104, 208

Anxi 159, 223

Arpa, river 90

Asia Minor 219

Assashar 24

Astana (near Turfan) 37, 39, 53, 156, 225

Auliye-Ata 90

Baba-Kul Lake 150

Badakhshan 19

Baga-Moto 121

Badakhshan 19

Bai 152

Balkhash, lake 11

Barnaul 65

Bash-Ketchig 70

Baskan, river 11

Beijing 39, 67, 68, 117, 133, 135, 160, 161, 184, 185, 194—197, 200, 221, 226

Berlin 33, 37, 53, 74, 157, 192, 205, 212

Beziklik 37, 151, 152, 156, 157

Bien, river 11

Biysk 65

Bogar 44

Bomubatubainhabir 68

Brahmaputra, river 11

Britain, see Great Britain

Budapest 207

Bukhara 11, 90, 91, 97, 103, 106

Burma 37

Calcutta 191, 199, 202, 206, 207, 218

Caspian Sea 11

Central Asia 7, 11—13, 16—20, 24, 27, 30, 32, 34—37, 39, 40, 41, 46, 49, 54, 64, 65, 74, 85, 92, 100, 114, 115, 116, 126, 148, 160, 163, 164, 186, 187, 188, 191, 193, 195, 200, 205, 208, 209, 215, 217—219

Central China 34

Central Mongolia 24

Central Tibet 115

Changji 223, 224

Chengxian district 69

Cherchen 20, 24, 29, 35, 150

Chiktochmen (Turfan) 168

China 12—20, 32, 36, 37, 40, 41, 65, 67, 68, 130, 135, 136, 139, 140, 141, 144, 145, 149, 158, 159—161, 166, 173, 182, 187, 195, 198—200, 209, 214, 215, 219, 221, 223, 225, 226

Chinese Turkestan, see Eastern Turkestan

Chol-Tag 150

Chuguchak 17, 153, 165, 166, 168

Chuvanker 44

Chyktym 44

Constantinople 41

Danube valley 54

Denyuanying 117, 120

Denzil 153

Dihua 223, 224

Domoco 78

Dolgur-akur 32, 38, 69

Dunhuang 4, 7, 33, 34, 36, 38, 39, 41, 55, 58, 60, 62, 63, 80, 85, 86, 150, 156, 158—183, 185, 187, 197, 198, 214— 216, 223, 224, 226

Eastern Asia 12, 30, 31, 44, 69, 163, 187, 207, 219

Eastern Kazakhstan 11

Eastern Mongolia 32, 54, 57

Eastern Nan Shan 126

Eastern Pamir 19

Eastern Sayan 11

Eastern Tian Shan 150

Eastern Tibet 24, 66, 115

Eastern Turkestan 12—14, 17, 18, 20, 21, 22, 24, 25, 29—37, 39, 41—47, 49, 52—54, 56—59, 61—65, 67, 69, 72, 75, 76, 78, 79, 82, 85, 88, 106, 109, 111, 120, 123, 148—151, 153, 156, 159, 163, 164, 166, 188, 200, 219, 221, 224, 226

Ejina (Khara-Khoto) 145

Ejina aimag (district) of Inner Mongolia (Autonomous Province in the People's Republic of China) 130
Ejin-Gol, river 117, 119, 120, 121, 126, 130
England 194, 207, 211
Erkhe-Kharaburyuk 119
Eskishahr 38
Europe 11, 12, 40, 54, 89,173, 179, 185, 186, 191, 207, 210, 219
Far East 11, 12, 15
Fergana 11, 19, 101, 108
Fergana region 99
Fergana valley 91
France 40, 146, 176, 215
Fujian 143
Fukang 223
Fuyuan 223
Gandhara 75, 76, 78, 79
Gansu 37, 46, 67, 114, 116, 126, 130, 133, 158, 214, 221, 223
Ganzhou 117
Gaochang (Turfan) 219, 220, 221
Germany 37, 74, 207
Gobi Desert 32, 68, 112, 117, 130, 131
Goshringa Mount 80
Guizuo 119
Great Britain (UK) 19, 35, 36, 116, 186, 199, 200, 209, 215, 219
Greater Khingan Range 11, 24
Greater Yulduz 41
Gua-hua-cheng 198
Guangxi 198
Gucheng 165, 200
Guidui oasis 126, 132
Gurban Saikhan, mountain-mass 120, 121
Hadda 79
Hamburg 30, 89, 212, 213
Hami 38, 46, 156, 165, 167, 200, 223
Hami Desert 41, 46
Hexi 158, 159
Hezhou 69
Hindu Kush 208, 210
Hirara 137
Hokkaido 179
Huang He 13, 115, 117, 126
Hungary 207
Idiqutshari 21, 25, 28, 37, 42, 44, 50, 58, 149, 151, 156
India 13, 17, 34, 40, 47, 72, 101, 148, 149, 159, 182, 189, 191, 199, 207, 209, 211
Indian Ocean 40
Indo-China 34
Indus, river 11
Inner Asia 15, 16
Inner Mongolia, Autonomous Province of the People's Republic of China 130
Iran 37
Iraq 37
Irkeshtam, fort 90, 91, 111
Irkutsk 65
Irkutsk province 27
Issyk Kul, lake 16
Italy 74
Japan 34, 35, 39, 79, 128, 135—137, 144, 176—182, 184, 185—189, 191, 197, 215
Java 34
Jiezhou 69
Jinghe 224
Jungaria 12, 14, 20, 22, 58, 114
Kabul 37
Kabuqishi, valley 223
Kalpin 152
Kamakura 79
Kanaishan 68
Kaptarkhona 38
Karabalgasun 64
Karakol 41
Karakorum 13, 40
Karakorum Pass 191, 199, 200
Karashar 13, 17, 25, 32, 33, 36—39, 72, 90—92, 94, 95, 97—99, 100, 101, 103—106, 108—111, 150—153, 159, 192, 195—201, 203, 204, 206—211, 215, 220, 223, 224
Karatal 11
Kashgar 13, 17, 25 36, 37—39, 90—111, 148, 150—152, 159, 191, 192, 195—201, 203, 206—211, 215
Kashgaria 11, 13, 19, 64, 114, 211
Kashmir 158, 207
Kazakhstan 11, 89, 99
Keriya oasis 20, 29, 35, 150, 197
Kham 115—117
Khan-uy 38
Khara-Baishin 119
Khara-Khodja 39, 58, 151, 225
Khara-Khodja, river 54
Khara-Khoto 32, 34, 53, 71, 112, 113, 120—126, 128—133, 136, 144, 145, 179, 181, 186, 215—217, 225, 226
Khara-Morit 117
Khotan 20, 22, 24, 29, 35, 36, 39, 45, 46, 74—81, 95, 106, 109, 150, 158, 175, 197, 206, 210, 213, 214, 219, 220
Khotan oasis 75
Kiakhta 24, 119, 130
Kirish 32, 38
Kitai-Bazar 70
Kizil 32, 37—39, 69, 70, 72, 151, 156
Kizil-Karga 69, 71, 72
Kizil-Minui 72
Kokand 19, 91, 101, 105
Koko Nor, lake 13, 41, 116—118, 126, 133
Koneshari 154
Konö-Tatar 23
Korea 198
Korla oasis 38, 152
Krasnoyarsk 65
Kucha 18, 20, 29, 32, 33, 37—39, 63, 69, 70, 72, 78, 79, 150—152, 156, 188, 192, 195, 196, 214—216, 219, 220
Kucha district 150, 151, 156
Kuchar oasis 70, 71, 156
Kuldja 17, 21, 25
Kumbum 24, 118
Kumtura 32, 37—39, 69, 71, 72, 151, 156
Kunlun Mountains 36, 197
Kunming, lake 185
Kuruk-Tag Mountains 150
Kwa-hua-cheng 200
Kyoto 179, 191, 197, 215
Kyrghyzstan 11
Labrang 24, 32
Lahore 207
Lamjin 44
Lanzhou 126, 145
Leh 199, 150
Leningrad 7, 90, 135—137, 150, 173, 174, 176—178, 186, 187, 199

Lepsa, river 11
Lesser Yulduz 41
Lhasa 24
Liangzhou 133
Lop desert 195
Lop Nor 11, 20, 22, 29, 34, 46, 150, 214, 223
London 39, 53, 59, 176, 177, 181, 189, 190—192, 194, 197, 201, 209
Longyou 159
Loulan 36, 39, 191, 194, 195, 219
Lübianjian 69
Lukchun 44, 223
Lukchun (Tarim) Depression 24, 25
Manas 21
Manchuria 182
Maralbashi 37, 39, 152
Marseilles 185
Mesopotamia 116
Middle Asia 7, 11—18, 30, 31, 35, 39, 44, 46, 75, 88—92, 95, 97—100, 106, 109, 110, 158, 159
Middle East 19, 158
Ming-ten-ata 156
Minui-Krish 71
Minusinsk 50
Minzhou 69
Miran 36, 60, 62, 63, 195
Miyakojima 137, 184
Mogaoku 4, 158, 198
Mongolia 13, 14, 18, 20, 24, 27, 34, 35, 52, 56, 57, 58, 63—65, 98, 109, 112, 114, 115, 118, 119, 121, 123, 129, 130, 182, 200, 215, 217
Mongolian Altai 12, 121
Moscow 7, 121, 137, 176, 177
Munich 89
Murtuk 39, 54, 156, 225
Nagornaya (Mountain) Bukhara 90
Nan Shan 117
Near East 37
New Delhi 78
Nikan Pass 224
Niya oasis 20, 36, 39, 214
Northern China 24, 114, 158
Northern Mongolia 24, 50, 54, 64
North-Tibetan Plateau 115
Noyon Uul 35, 112, 186, 187
Omsk 98, 104, 153, 165, 168
On-Bash-Minui 72
Ordos 114
Ordubalyk 64
Orkhon, river 56, 64
Osaka 180, 182, 183, 184
Osh 91, 111
Otaru 184
Pacific Ocean 15
Pamir 37, 208
Paris 38, 69, 70, 78, 89, 176, 177, 207, 212, 216, 217
Persia 15
Petrograd 34, 168, 174, 180, 181, 216, 224
Pichang 44, 150
Pingyang 179
Pishpek 90
Qianfodong 160, 165, 166, 171
Qinghai 68
Qitai 223
Rockhill Ridge 115
Rome 29, 37, 203, 205, 207, 208, 213
Russia 7, 11, 13—17, 19, 24, 117, 130, 136, 137, 140, 149, 152, 157, 167, 176—180, 182—187, 208, 210, 211, 214, 215, 219—221, 223
Russian Geographic Society Ridge 115
Russian Turkestan, see Western Turkestan
Ryūkyū Archipelago 184
Sachu 200
Samarkand 32, 89, 90, 103, 105, 111
Sanchuan 69
Sandja 21
Sängim 37, 44, 151, 155
Sängim-ogiz 54, 156
Sarkand, river 11
Sea of Aral 106
Sea of Aral areas 108
Selenginsk 89
Semipalatinsk region 89, 96
Semipalatinsk 153, 165, 193, 194
Semirechensk region 19
Semirechye 11, 96
Shakhyar 150
Shanghai 37
Shazhou 62, 63, 163
Shikchin 38, 151, 153, 156, 157, 220, 224
Shule (Kashgar) 219
Shuntian 221
Siberia 35, 54, 67, 98
Sichuan 66, 67, 114, 117, 118, 123, 129, 221
Simsim 156
Sistan 37
Sogo Nor 121
Sokoke, lake 68
Southern Asia 40
Southern China 219
Southern Mongolia 115, 118
Southern Turkestan 22
Srinagar 199
St. Petersburg 7, 24, 25, 28, 32, 42, 46, 50, 53, 66, 67, 74, 86, 89, 113, 115, 119, 121, 123, 125, 126, 131, 146, 151, 153, 154, 156, 157, 165, 166, 174, 178, 179, 192, 193, 201, 204, 213, 216, 217
Subashi 32, 38, 39, 69, 156
Suilai 223, 224
Suzhou 46, 68
Swindon 194
Switzerland 129
Syr Darya, river 16
Syr Darya Basin 159
Tacheng 223
Tadjikistan 11
Tadjit 32, 70, 72
Tadjit-Minui 72
Tai Shan Ridge 11
Taiwan 140, 184
Takla Makan Desert 23, 195, 204
Talas, river 159
Taozhou 69
Tarbagatai 194
Tarim (Lukchun) Depression, see Turfan (Lukchun) Depression
Tarim, river 58, 63, 150
Tarim Basin 11, 20, 21, 29, 44, 63, 120, 149, 159, 191, 197, 208, 220
Tashkent 90, 103, 208
Tejurman 38
Terek-Davan Pass 111

Tian Shan Range 11, 12, 16, 17, 41, 150
Tibelgu 153
Tibet 13, 14, 20, 22—24, 34, 35, 37, 41, 65—67, 114—116, 119, 132, 133, 214, 215, 223
Tibetan plateau 197
Tingxian district 69
Tobolsk 13
Tokmak 90
Tokyo 179, 184
Toksun 37, 150, 153, 223
Topashahr 38
Topatim 38
Toyuq 37, 38, 44, 151, 152
Toyuq-Mazar 28, 50, 149, 153, 156, 168
Toyuq stream 58
Transbaikalia region 27, 89
Transcaspian region 90
Troitskoslavsk 89
Tsaidam 114, 222
Tumshuk 37, 38, 151, 156
Turfan 21, 24, 28, 33, 29, 36, 37, 38, 39, 42, 50, 53, 56, 72, 82, 87, 120, 123, 149, 150, 151, 152, 154, 156, 157, 194, 198, 200, 204, 207, 214, 216, 219, 220, 221, 223, 224
Turfan (Lukchun) Depression 24, 25, 41, 42, 44
Turfan area 28, 29, 32
Turfan district 28, 50, 150, 223
Turfan oasis 28, 38, 50, 52, 53, 58, 59, 164
Turkestan 11—14, 25, 33, 98, 99, 103, 104, 149, 152, 191, 211
Turkestan district 21, 89
Turkey 15
Turkmenistan 11
Tuva 24
Uch-Aktala 153
Uch-Mervan 38
Uch-Turfan 152, 156
Ugaljin-Tologoi 120
Ukraine 89
Ulan Bator 131, 186
Ulanbai, see Urumqi
Urga 24, 117, 119, 126, 131
Urumqi 24, 25, 37, 39, 46, 53, 153, 165, 167, 168, 194, 209, 214, 221, 223
Ussuri region 20
Uzbekistan 11
Wales 197
Wangshigu 46
Watershed Ridge 115
Weitangzi Pass 223
Western China 17, 189, 195
Western Mongolia 13, 58, 67
Western Pamir 207
Western Regions 11, 12, 14, 17, 158, 159, 190, 219
Western Sayan 11
Western Turkestan 11, 19, 33, 92, 94, 95, 105, 106, 211
Wien 73, 89
Wusu 223, 224
Wuwei, see Liangzhou
Xi-an 38, 160
Xinying 67, 126
Xinying district 69
Xinjiang 12, 159, 189, 191, 193, 198, 199, 201, 202, 206, 207, 209, 219—226
Xinjiang-Uighur Autonomous Region, People's Republic of China 12, 221
Yanghishar 94, 97, 103, 104, 109
Yangzi basin 115
Yanqi (Karashar) 219
Yarkend 13, 23, 39, 45
Yar, see Yar-Khoto
Yar-Khoto (Koneshari) 37, 39, 54, 154, 156, 225
Yili 11, 208, 224
Yinchuan 145
Yingjiguan 69
Zhenxi 223

Принятые сокращения

АВ ИВР РАН	Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской Академии наук
АН	Академия наук
АН СССР	Академия наук СССР
АРГО	Архив Русского Географического общества
ГАИМК	Государственная академия материальной культуры
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения [Императорского] Русского Археологического общества
ИАН	Известия Академии наук (в литературе)
ИАН	Императорская Академия наук
ИВ	Институт востоковедения
ИВ АН СССР	Институт востоковедения Академии наук СССР
ИВР РАН	Институт восточных рукописей Российской Академии наук
ИИАН	Известия Императорской Академии наук (в литературе)
ИРАН	Известия Российской Академии наук
ИРГО	Императорское Русское Географическое общество
ИРГО, ИИРГО	Известия Русского [Императорского] Географического общества (в литературе)
ЛО ИВ АН, ЛО ИВ АН СССР	Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера)
ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РАН	Российская Академия наук
РАО	Русское Археологическое общество
РГО	Русское Географическое общество
РКСА	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии
РТЭ	Русская Туркестанская экспедиция
РЭМ	Российский этнографический музей
СПбФ ИВ РАН	Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук
ЭО РМ	Этнографический отдел Русского музея императора Александра III

Abbreviations

AM	Asiatic Museum
AO IOM RAS	Archives of Orientalists of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
ARGS	Archives of the Russian Geographic Society
AS	Academy of Sciences
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London
IAS	Imperial Academy of Sciences
IOM RAS	Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
IOS	Institute of Oriental Studies
IOS RAS	Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
IOS USSR AS	Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences
IRGS	Imperial Russian Geographic Society
JA	Journal Asiatique
JMPE	Journal of Ministry of People's Education
JRAS	Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland
LB IOS of the USSR AS	Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences
MAE	Museum of Anthropology and Ethnography
OBRAS	Oriental Branch of the Russian Archaeological Society
PAS	Proceedings of the Academy of Sciences
PB IOS	St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies
PBA RAS	St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences
PESB RGS	Proceedings of the East Siberian Branch of the Russian Geographic Society
PIAS	Proceedings of the Imperial Academy of Sciences
PIRGS	Proceedings of the Imperial Russian Geographic Society
POBRAS	Proceedings of the Oriental Branch of the Russian Archaeological Society
PRAS	Proceedings of the Russian Academy of Sciences
RAS	Russian Academy of Sciences
RCMA	Russian Committee for Middle and East Asia Exploration
RGS	Russian Geographic Society
SAHMC	State Academy of the History of Material Culture
SARF	State Archives of Russian Federation
SPAW	Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften
TRGS	Transactions of the Russian Geographic Society
USSR AS	the USSR Academy of Sciences

L.	Leningrad
M.	Moscow
SPb.	St. Petersburg

Российские экспедиции в Центральную Азию
в конце XIX — начале XX века

Юбилейное издание к 190-летию Азиатского музея —
Института восточных рукописей
Российской Академии наук

(на русском и английском языках)

Подписано в печать 13.11.2008. Уч.-изд. л. 28,5. Тираж 1000 экз.

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург,
ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано в типографии «НП-Принт»
Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

ISBN 978-5-9501-0159-5